Двадцать первый Славянский научный собор
„Урал. Православие. Культура"

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА: ОТ ТРАДИЦИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

Челябинск, 17–18 мая 2023 года

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
ПРАВИТЕЛЬСТВО ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
ЧЕЛЯБИНСКАЯ МИТРОПОЛИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Проект проводится при поддержке
Фонда поддержки гражданских инициатив Южного Урала
(Грант № 696-15 14.09.2022
«Русская духовная культура: от традиции к современности»)

Двадцать первый Славянский научный собор
«УРАЛ. ПРАВОСЛАВИЕ. КУЛЬТУРА»

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА: ОТ ТРАДИЦИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием

Челябинск
ЧГИК
2023

УДК 271.2
ББК 86.372
Д22

Редакционная коллегия:

Синецкий С. Б., доктор культурологии, и. о. ректора Челябинского государственного института культуры;
Рушанин В. Я., доктор исторических наук, профессор кафедры истории, музеологии и документоведения Челябинского государственного института культуры;
Селютина Е. А., кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной и творческой работе Челябинского государственного института культуры;
Лойко А. И., доктор философских наук, профессор кафедры философских учений Белорусского национального технического университета, г. Минск, Белоруссия;
Малинов А. В., доктор философских наук, профессор кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета;
Соловьев В. М., доктор исторических наук, профессор, аффилированный научный сотрудник Социологического института Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва;
Морозова И. Н. (*координатор проекта*), кандидат культурологии, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства Челябинского государственного института культуры

Двадцать первый Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура». Русская духовная культура: от традиции к современности : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / сост., науч. ред. И. Н. Морозова; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск : ЧГИК, 2023. – 524 с.
ISBN 978-5-94839-833-4

В сборнике материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным учаситем опубликованы результаты исследований ученых России (в том числе ЛНР), Белоруссии, Приднестровья; преподавателей вузов и ссузов, специалистов учреждений культуры, представителей Русской Православной Церкви. Рассматриваются истоки духовной культуры Древней Руси, проблематика истории Православной Церкви, русской философии, богословия, словесности, духовно-нравственного, патриотического воспитания, гражданственности в современной культуре России. Издание будет интересно философам, культурологам, социологам, специалистам в области культуры, преподавателям высших и средних учебных заведений, для изучения и творческого диалога, развития дискурсивной практики об укреплении духовных оснований, ценностных ресурсов русской культуры.

Печатается по решению редакционно-издательского совета ЧГИК

Научное издание

Двадцать первый Славянский научный собор «УРАЛ. ПРАВОСЛАВИЕ. КУЛЬТУРА»
РУССКАЯ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА: ОТ ТРАДИЦИИ К СОВРЕМЕННОСТИ
Материалы Всероссийсккой научно-практической конференции с международным участием

Составитель, научный редактор
Ирина Николаевна **Морозова**

В авторской редакции

Сдано 06.05.2023. Подписано в печать 11.05.2023.
Формат 60×84 / 16. Объем 30,44 п. л. Тираж 300 экз.

Отпечатано в Челябинском государственном институте культуры. Ризограф
454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а

ISBN 978-5-94839-833-4

© Челябинский государственный институт культуры, 2023
© Авторы статей, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 9

I. Духовные ценности русской культуры в философии, богословии, истории

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ, БОГОСЛОВИЕ

Василик В. В. 11
РАВНОАПОСТОЛЬНЫЕ СОЛУНСКИЕ БРАТЬЯ И ПРЕП. МЕСРОП МАШТОЦ

Логиновский С. С. 19
АВВА ДОРОФЕЙ ГАЗСКИЙ О «СОЗИДАНИИ ДУШЕВНОГО ДОМА ДОБРОДЕТЕЛЕЙ»: СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ АСКЕТИЧЕСКОГО ДЕЛАНИЯ

Чумакова Т. В. 26
ПАЛОМНИЧЕСТВО В ИНФОСФЕРЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ДУХОВНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ XIX – НАЧАЛА XX В.

Тищенко А. С. 30
ПУБЛИЦИСТИКА XV – XVI ВЕКОВ: ТЕМА «РУССКОГО МИРА»

Тихон (Киреев Г. Д.), иером. 36
О ПОЗИЦИИ ПРЕПОДОБНОГО МАКСИМА ГРЕКА ОТНОСИТЕЛЬНО СПОРА НЕСТЯЖАТЕЛЕЙ И ИОСИФЛЯН

Суровцева Е. В. 40
ЖАНРОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ СОЧИНЕНИЙ О СВЯТОМ: НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ О МАТРОНЕ МОСКОВСКОЙ

Рудавина Т. А. 44
ФЕНОМЕН СВЯТОСТИ В ПРАВОСЛАВИИ

Усанова О. Г. 49
СВЯТИТЕЛЬ ИОАНН ЗЛАТОУСТ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ УЧИТЕЛЕЙ НРАВСТВЕННОСТИ

Стрелкова О. С. 55
ПРИХОДСКОЕ ПРЕДАНИЕ И РАССКАЗЫ О ЧУДЕСАХ НА СТРАНИЦАХ ДООКТЯБРЬСКОЙ ДУХОВНОЙ ПЕРИОДИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗДАНИЯ «КУРСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ»)

Морозова И. Н. 62
РУССКАЯ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА: О ПРОБЛЕМЕ ДУХОВНОГО ЕДИНСТВА В СОЧИНЕНИИ ПРОТ. ФЕОДОСИЯ ИВАНОВА «ЦЕРКОВЬ В ЭПОХУ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ»

Лихолай П. В. 66
ЕПИСКОП ГЕРМОГЕН (ДОБРОНРАВИН): ПАСТЫРЬ, ПЕДАГОГ, УЧЁНЫЙ
К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ

Давыдов О. М. 73
ПОСЛЕДНИЕ ПРОПОВЕДИ МИТРОПОЛИТА ИОВА (ТЫВОНЮКА) НА ЧЕЛЯБИНСКОЙ КАФЕДРЕ (ЗИМА 2010/11)

Михальченко С. И. 79
РЕЛИГИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Е. В. СПЕКТОРСКОГО

Кальниченко В. Н. 83
ИСТОРИЯ ХРАМА В ХУТОРЕ КОНЫГИН УСТЬ-ДОНЕЦКОГО РАЙОНА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Архипов М. А. 88
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОДОБНЫХ В ТРЕБНИКАХ В ДОНИКОНОВСКОЙ МОСКОВСКОЙ СТАРОПЕЧАТНОЙ ТРАДИЦИИ И В СОВРЕМЕННОЙ

Ухатюк Ю. И. 94
О ПРАКТИКЕ ПРИЧАЩЕНИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ БОГОЯВЛЕНСКОЙ СВЯТОЙ ВОДОЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Волобуева М. А. 100
К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ И ИСТОЛКОВАНИЯ ОБРАЗА АНТИХРИСТА В ПРАВОСЛАВНОЙ СВЯТООТЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Философия

Лойко А. И. 106
УРОЖЕНЦЫ БЕЛАРУСИ В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

Даренский В. Ю. 111
ЭККЛЕЗИОЦЕНТРИЗМ РУССКОЙ ИСТОРИИ В КОНЦЕПЦИИ Н. Д. ТАЛЬБЕРГА

Егорова Ю. В. 117
РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ КАК ИСТОЧНИК ДУХОВНОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Пчелкина С. Ю. 122
Л. Н. ТОЛСТОЙ И ТОЛСТОВСТВО: «ВООБРАЖЁННАЯ ДУХОВНОСТЬ»

Цепелева Н. В. 128
ДИАЛОГ КАК ДУХОВНАЯ ЦЕННОСТЬ

Владов Д. В. 132
ПОНЯТИЕ О РЕЛИГИОЗНОМ ОПЫТЕ В ФИЛОСОФИИ И. А. ИЛЬИНА В КОНТЕКСТЕ СВЯТООТЕЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Ермолаев Т. М. 138
ОБ ОБОСНОВАНИИ БЫТИЯ БОЖИЯ КАК АТРИБУТЕ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ (В. С. СОЛОВЬЕВ, Н. А. БЕРДЯЕВ)

Малина А. В. 144
О СИНТЕЗЕ ФИЛОСОФСКИХ И БОГОСЛОВСКИХ ИДЕЙ В ТРУДАХ ПРОТОИЕРЕЯ СЕРГИЯ БУЛГАКОВА (НА ПРИМЕРЕ СТАТЬИ «СВЯТОЙ ГРААЛЬ»)

Гулеватая А. Н. 151
РЕФЛЕКСИЯ ОБ ОБРАЗОВАНИИ ЧЕЛОВЕКА В ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ: ФЕНОМЕН ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ИДЕЙ В ДИСКУРСАХ XIX И XXI ВВ.

Ткачук И. Б. 157
О ПРЕОДОЛЕНИИ КАК ДУХОВНОМ ОПЫТЕ ЛИЧНОСТИ

Урнау В. В. 163
О ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ ДУХОВНОГО ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА В ВИРТУАЛЬНОМ МИРЕ

II. Художественные стратегии отечественной литературы: оригинальность и влияния от истоков до современности

Шулежкова С. Г., Михин А. Н. 168
РОЛЬ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ ХРИСТИАНСКОЙ ТЕМАТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕРОССИЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Павильч А. А. 174
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX В.

Сироткина Т. А. 181
ДИАЛЕКТНЫЕ ТЕКСТЫ ПРИКАМЬЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКИХ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА

Глазкова С. Н. 184
НОВЫЙ ПРАЗДНИК: РЕБРЕНДИНГ, РЕКУЛЬТИВАЦИЯ, ИТЕРАЦИЯ?

Соловьев В. М. 190
Я ПРИДУ В ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК (Е. А. ЕВТУШЕНКО)

Колмакова О. А. 208
МОТИВ РАДОСТИ В РАССКАЗЕ Ю. В. БУЙДЫ «ВЕСЕЛАЯ ГЕРТРУДА»

Кривошапова Н. В. 212
ЦЕННОСТЬ КИРИЛЛИЦЫ ДЛЯ СПАСЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКА

Будейко В. Э. 218
О ЕДИНСТВѢ НАШЕГО ЯЗЫКА И О ЕГО ПРЕПОДАВАНІИ

Тейкинъ М. С. 227
ИЗЪ ИСТОРІИ БОРЬБЫ КИРИЛЛИЦЫ ВЪ РУССКО-ПОЛЬСКОМЪ ПОГРАНИЧЬѢ XIX – XX ВѢКОВЪ

Макарчук И. Ю. 233
ЭПОПЕЯ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «КРАСНОЕ КОЛЕСО» КАК ХРИСТИАНОЦЕНТРИЧНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Сагатчук С. П. 236
ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ГЕРОЯ-ПОБЕДИТЕЛЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. М. ШУКШИНА: СОВРЕМЕННОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ПОНИМАНИЕ

Калабина В. М. 243
РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УРАЛЬСКИХ РАБОЧИХ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ОЧЕРКА Е. С. ГАДМЕР «ОКОЛО ЖЕЛЕЗА И ЗОЛОТА»)

Филитова О. Н. 247
ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕТСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА СОВРЕМЕННОГО АМУРСКОГО ПИСАТЕЛЯ А. Л. КУРАКО)

Кухта С. В., Божкова М. И. 250
ЧТЕНИЕ ТЕКСТОВ – ГЛАВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Мысовских Л. О. 256
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ АВТОРА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Коршунова В. М. 261
О ФОРМИРОВАНИИ ПОНИМАНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Никольская В. В. 264
ФОНЕТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ КАК КЛЮЧЕВОЙ АСПЕКТ ОБРАЗА ГЕРОЯ-ИНОСТРАНЦА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

III. Воспитание духовно-нравственных ценностей, гражданственности и патриотизма в условиях новых вызовов и рисков

Лукманов А. Х. 269
ИДЕЯ ПАТРИОТИЗМА И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Ульянова Л. В., Васильева Л. В., Талыкова М. И. 273
ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ –БЕЖЕНЦАМ ИЗ ЗОН ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Диская Н. И. 277
КНИГА, ЧТЕНИЕ И БИБЛИОТЕКА В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Гушул Ю. В. 281
АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА: ПОЗИЦИЯ БИБЛИОТЕКИ

Яхнина Ю. С. 289
ПРОГРАММНО-ПРОЕКТНАЯ И КРУЖКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ № 3 ИМЕНИ ВАСИЛИЯ КУЗНЕЦОВА)

Шалимов И. В., Бондарева Г. А. 295
ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ

Заридзе Г. В. 299
О ДЕГРАДАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОСТИ: ТЕНДЕНЦИИ, ПОИСКИ, ПРОБЛЕМЫ

Розина О. В. 304
ВЫБОР ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ВОСПИТАНИИ КАК АКТУАЛЬНАЯ ЗАДАЧА СОВРЕМЕННОСТИ

Черных О. Н., Маркова И. И., Терских А. П. 309
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ И ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Фирстова Е. В. 314
ОПЫТ ЗНАКОМСТВА СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ С ТРАДИЦИОННЫМИ ДУХОВНЫМИ, КУЛЬТУРНЫМИ И СЕМЕЙНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ РУССКОГО НАРОДА В РАМКАХ УЧЕБНОГО КУРСА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

Карпенко О. А. 324
ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ КАК ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Головина Р. Ф., Фирстова Е. В. 331
ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ДОШКОЛЬНИКОВ ПОСРЕДСТВОМ ПРИОБЩЕНИЯ ИХ К РУССКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ В ДЕТСКОМ САДУ

Жуков И. С., Зимакова Е. С. 337
ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В ИСТОРИИ РОССИИ

Косташ Л. Л. 342
КОНЦЕПЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ВУЗЕ

Синёва В. А. 348
СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ВОСПИТАНИИ У ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА «БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА»)

Кипреев С. Н. 354
О ЧУВСТВЕ ПАТРИОТИЗМА: АСПЕКТЫ ГЕОПОЛИТИКИ

Анисина З. Д. 358
АКТУАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕРЕЗ ИГРОВЫЕ ПРАКТИКИ: ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

IV. Русская культура и искусство: историческое наследие, современность

Культура

Соловьев В. М. 362
Д. С. ЛИХАЧЕВ И Ю. М. ЛОТМАН: ПОНЯТИЙНЫЕ ТОЧКИ СБЛИЖЕНИЯ

Сулимов С. И., Черных В. Д. 379
О СПЕЦИФИКЕ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА И ПЕРИФЕРИИ НА ПРИМЕРЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Симашенков П. Д., Севостьянова А. Е. 385
НАРОД И СОБОРНАЯ ЛИЧНОСТЬ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Лазарева Т. В. 390
РУССКАЯ НАРОДНАЯ ДУХОВНАЯ ТРАДИЦИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И МУЗЕЙНОЙ ПРАКТИКЕ

Даренская В. Н. 396
ХРИСТИАНСКИЙ «КОД» РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Немчинов В. М. 403
НОВАЯ ЭКРАНОЦЕНТРИЧНАЯ КУЛЬТУРА И ВОСПРИЯТИЕ НЕЗАПАДА В РОССИЙСКОМ ВОСТОКОВЕДЕНИИ

Лойко Л. Е. 407
РУССКАЯ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И РИСКИ НИГИЛИЗМА

Ларина П. В. 410
«Я НАСАДИЛ МОЙ СВЕТЛЫЙ РАЙ...» – СЕМЬЯ КАК МОДЕЛЬ МИРА. ПО СТРАНИЦАМ ТВОРЧЕСКИХ БИОГРАФИЙ М. ГОРЬКОГО И А. БЛОКА (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТАВКИ «ПИСАТЕЛИ – ДЕТЯМ: О ДЕТСТВЕ И О СЕБЕ»)

Соковиков С. С. 416
ПРИКЛЮЧЕНИЯ МОНСТРОВ НА ПУТИ ОТ ДРЕВНЕЙ РУСИ К РОССИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ И ДУХОВНЫЕ ИМПУЛЬСЫ

Анисина З. Д. 426
АКТУАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕРЕЗ ИГРОВЫЕ ПРАКТИКИ: ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Елезова А. С. 430
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ В РАМКАХ ФГОС

Кульманова Н. Г. 434
К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ПЕСЕННОЙ ТРАДИЦИИ ГОРНОЗАВОДСКИХ КРЕСТЬЯН (НА ПРИМЕРЕ П. НИЖНИЙ УФАЛЕЙ ВЕРХНЕУФАЛЕЙСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Воскресенская П. А. 438
ЦЕРКОВЬ И СВЯЩЕНСТВО В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Скорик Д. А. 442
РУССКАЯ ЛАПТА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Искусство

Клюев А. С. 446
РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ МУЗЫКИ: СОПРОТИВЛЕНИЕ НЕБЫТИЮ

Ширяева О. Ф. 450
ОБРАЗЫ ПРАВОСЛАВИЯ В МУЗЫКАЛЬНЫХ КАРТИНАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОМПОЗИТОРОВ (К ВОПРОСУ О СИНТЕЗЕ ИСКУССТВ)

Коробейникова Е. А., Стрельцова Л. Н. 457
ОТ «ХОРОВЫХ ПРОПОВЕДЕЙ» – К МЕЖДУНАРОДНОМУ ФЕСТИВАЛЮ

Хмелёва А. П. 461
ОТ МЕТОДИКИ К ТЕХНОЛОГИИ: ИЗ ИСТОРИИ ИННОВАЦИЙ В ОБЛАСТИ ОБЩЕГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Катричева Т. Ю., Перерва О. Ю. 465
О ЗНАЧЕНИИ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ В ПРОЦЕССЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Предеина Т. Б. 469
О ВЛИЯНИИ ТАНЦА НА ДУХОВНОЕ ЗДОРОВЬЕ ЛИЧНОСТИ

Титова В. Н. 474
ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Третьякова К. А. 478
КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СССР И КИТАЯ: РОЛЬ Г. С. УЛАНОВОЙ В РАЗВИТИИ БАЛЕТНОГО ИСКУССТВА

Гребеник Е. Н. 484
ВЛИЯНИЕ ТЕАТРА НА ВОСПИТАНИЕ ПУБЛИКИ

Лунёв Р. С. 490
РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ИСКУССТВЕ ТЕАТРА (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО БОЛЬШОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ Г. А. ТОВСТОНОГОВА)

Олейникова М. В. 496
ТЕАТРАЛИЗОВАННАЯ ИГРОВАЯ ПРОГРАММА-КВЕСТ КАК СРЕДСТВО НРАВСТВЕННОГО И ДУХОВНОГО ВОСПИТАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Лихолетова Ю. Б. 500
УНИВЕРСУМ ТЕАТРАЛЬНОСТИ В КИНО

Гейль В. В. 505
РЕЛИГИОЗНЫЙ ЖАНР В ТВОРЧЕСТВЕ СЕРГЕЯ ЧЕРКАШИНА

Воропаева Т. А. 511
КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЗАВОДА «ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Гашева Н. Н. 516
В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО! (ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ВЫСТАВКИ ПОСТМОДЕРНИЗМА В РОССИИ)

Сведения об авторах 520

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Русская духовная культура: от традиции к современности» выходит 17 мая, предшествуя празднованию Дня славянской письменности и культуры, государственного и церковного праздника России, всех славянских народов, принявших крещение от свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия.

В 2023 г. Славянский научный Собор «Урал. Православие. Культура» собрал беспрецендентное число участников, тема Всероссийской конференции «Русская духовная культура: от традиции к современности» вызвала живой интерес, привлекла внимание ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, других городов России, Белоруссии, Приднестровья.

В разделах предлагаемого вниманию читателей сборника представлены направления дискуссии, сложившиеся на протяжении предыдущих лет. Так, первая часть сборника включает публикации, раскрывающие ценностные основания взаимосвязи истории Церкви, философии и богословия в культуре России. Спектр опубликованных в нем материалов достаточно широк – от рассмотрения служения, духовного творчества персоналий, вошедших в историю Церкви и богословия, до современных представителей священства, обстоятельства жизни и деятельности которых в большинстве своем остаются неизвестными для аудитории, не связанной с узкой специализацией (в данном направлении).

Значительное событие в программе Славянского научного собора 2023 г. – Духовные чтения «Архиерей Южного Урала: Строитель. Учитель. Молитвенник», посвященные 85-летию со дня рождения митрополита Челябинского и Златоустовского Иова (Тывонюка) (18 мая, конференц-зал Челябинской епархии; ведущий-организатор: Терехов Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, музеологии и документоведения ЧГИК), также получило отражение в сборнике.

Во втором подразделе первой части издания сосредоточены публикации о взаимосвязи отечественной философии, литературы и богословия, значении опыта, содержащегося в духовной традиции православия для охранения духовного здоровья человека современной культуры. Примечательно, что в 2023 г. заметно участие студентов магистратуры Санкт-Петербургской духовной академии (в связи с чем приносим благодарность как организатору и вдохновителю такой молодежной группы участников иеромонаху Тихону (Киреев), служившему прежде клириком, а также руководителем Отдела культуры Челябинской епархии).

Во втором разделе – «Художественные стратегии отечественной литературы: оригинальность и влияния от истоков до современности» – раскрываются общие и специальные вопросы теории, истории древнерусской письменности, различные аспекты взаимосвязей и параллелей истоков отечественной словесности с современной литературой России, в масштабной исторической и актуальной перспективах. Филологами обсуждаются извечные вопросы русской словесности, во все времена остававшейся при исполнении своего учительного, назидательного предназначения – о добре, справедливости, любви, верности, Человеке, его современных духовных поисках, падениях и духовных взлетах. В отдельных случаях позиция автора может не совпадать с мнением редакции.

В программе Славянского научного собора в впервые в этом году состоялся уникальный круглый стол «Древняя Русь: культурное наследие и современная социокультурная практика» (ведущие: Шулежкова Светлана Григорьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации Магнитогорского государственного технического университета имени Г. И. Носова; Будейко Валерий Эдуардович, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета; Королев Никита Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, музеологии и документоведения ЧГИК; Бутенко Вадим Вячеславович, руководитель Центра социально-культурного творчества, гражданской самоорганизации, военно-патриотического воспитания, науки и просвещения «Сильный Урал»), по итогам работы которого были намечены направления для проектного взаимодействия ученых и общественных организаций Южного Урала.

Немалый интерес участников конференции в этом году вызвала тема патриотизма, духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения (третий раздел сборника). Важно, что в устных выступлениях и публикациях ученых, представителей общественных объединений, специалистов учреждений культуры – участников конференции в рамках Славянского научного собора «Воспитание духовно-нравственных ценностей в молодежной среде в условиях новых вызовов и рисков» (ведущие: Гревцева Гульсина Якуповна, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и этнокультурного образования ЧГИК; Литвак Римма Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и этнокультурного образования ЧГИК; Беленцов Сергей Иванович, доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по учебно-методической работе Института непрерывного образования Курского государственного университета) получил обобщение уникальный практический опыт, сформулированы рекомендации для реализации данного направления в современной жизни общества и культуры.

В материалах четвертого раздела « Русская культура и искусство: историческое наследие, современность» авторы обращались к феноменам разных видов искусства (музыка, хореография, кинематограф и др.), общим вопросам взаимодействия художественных культур (в частности, России и Китая).

Научный и общественный форум 2023 г. осуществлен при поддержке Фонда поддержки гражданских инициатив Южного Урала (Грант № 696-15 14.09.2022 «Русская духовная культура: от традиции к современности»). От лица всех участников оргкомитета Славянского научного собора хотелось бы высказать слова благодарности ректорату Челябинского государственного института культуры, в особенности и. о. ректора доктору культурологии С. Б. Синецкому, оказывавшему помощь на всех этапах подготовки конференции; коллегам из Санкт-Петербурга – прежде всего А. В. Малинову, доктору философских наук, профессору кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета, нашему другу и соратнику, за информационное содействие. Особые слова признательности Всемирному Народному Русскому Собору (Челябинскому региональному отделению), а также А. А. Анисину, заместителю руководителя отдела по делам молодежи Челябинской епархии Русской Православной Церкви.

I. ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ФИЛОСОФИИ, БОГОСЛОВИИ, ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ, БОГОСЛОВИЕ

УДК 23/28

Василик Владимир Владимирович
Санкт-Петербургский государственный университет,
кафедра истории славянских и балканских стран,
доктор исторических наук профессор, протодиакон

РАВНОАПОСТОЛЬНЫЕ СОЛУНСКИЕ БРАТЬЯ И ПРЕП. МЕСРОП МАШТОЦ

Аннотация. В статье рассматриваются образы великих просветителей славян св. равноапостольных Мефодия и Кирилла и армян – преп. Месропа Маштоца. Мы можем констатировать определенную общность между равноапостольными Солунскими братьями и св. Месропом Маштоцем на основании следующих критериев: их служение при царском дворе, а затем – переход к аскетической жизни, стремление сохранять традицию, в том числе и в так называемом поиске письмен, обретение письменности через молитву и в богодарованном характере алфавита, стремлении к освобождению узников, должников и пленников, борьбе с ересями.

Ключевые слова: равноапостольные свв. братья Кирилл и Мефодий, преп. Месроп-Маштоц, служение, аскеза, молитва, богодарованныйалфавит.

Vasilyk Vladimir Vladimirovich
St. Petersburg State University Department of History of the Slavic and Balkan Countries, Doctor of Historical Sciences Professor, Protodeacon

EQUAL-TO-THE-APOSTLES THESSALONICA BRETHREN AND ST. MESROP MASHTOTS

Annotation. The article deals with the images of the great enlighteners of the Slavs, St. Equal-to-the-Apostles Methodius and Cyril and Armenians – St. MesropMashtots. We can state a certain commonality between the Equal-to-the-Apostles Brothers of Thessalonica and St. MesropMashtots based on the following criteria: their service at the royal court, and then the transition to an ascetic life, the desire to preserve the tradition, incl. and in the so-called. the search for writing, the acquisition of writing through prayer and in the God-given character of the alphabet, the desire to free prisoners, debtors and captives, the fight against heresies.

Keywords: Equal-to-the-Apostles Sts. Brothers Cyril and Methodius, Rev. MesropMashtots, service, asceticism, prayer, God-given alphabet.

Характер служения св. Константина-Кирилла [Библиография о св. Мефодии и Кирилле огромна, см. из обобщающих работ – 13, исчерпывающую библиографию – 9], а также его брата Мефодия с одной стороны и св. Месропа Маштоца [См., в частности, 1; полная библиография – 6] с другой – уникален. Перед нами парадокс: с одной стороны, христианство и обращение целых народов ко Христу привело к расцвету целого ряда письмен-

ностей – коптской, сирийской[1], эфиопской, готской, армянской, грузинской, алванской, наконец, славянской, в виде двух азбук. С другой стороны, за исключением Солунских братьев и преп. Месропа Маштоца мы практически не встречаем ни образов святых изобретателей азбуки, ни освящения азбуки, как таковой. Более того, что касается эфиопской традиции, то древние наскальные надписи, выполненные эфиопским слоговым письмом, казались христианам-эфиопам делом нечистых духов[2]. У коптов также нет никаких следов сакрализации коптского алфавита, хотя это было бы естественно в контексте противопоставления языческой иероглифике[3]. Некоторым исключением является Вульфила [12] – изобретатель готской азбуки, однако, во-первых, он был арианином и его традиция, а тем более почитание почти не отразились в судьбах христианских народов, в том числе германских[4], а во-вторых, в дошедших о нас сообщениях о нем мы видим указание на его изобретательность, благоразумие, но вряд ли богодохновенность. Доказательством тому служит единственная цитата из Филосторгия, говорящая об изобретении Вульфилой азбуки: Ульфила проявлял великую заботу о них и во всем прочем: составил для них собственную азбуку и перевел на родной их язык все книги Священного Писания, за исключением книг Царств, так как они содержат описание войн. Народ же сей необычайно привержен войне и гораздо более нуждается в строгой узде, чтобы обуздать воинственный пыл, чем в шпорах, дабы возбудить оный [16].

И только св. Солунские братья Константин-Кирилл и Мефодий, а также преп. Месроп Маштоц остались в памяти славянских и армянского народов, как равноапостольные и богодохновенные просветители.

Причем, отметим, хотя по свидетельству Моисея Хоренского и Корюна, автора жития великого армянского просветителя, преп. Месроп Маштоц создал целых три письменности – армянский алфавит, грузинский и алванский алфавиты [22], тем не менее ряд грузинских ученых, исходя из идеологических причин и неправильно понятого патриотизма, склонны отрицать факт создания им грузинской азбуки и склонны скорее приписывать ее некоему полулегендарному царю Парнавазу (III в. до Р. Х.) [4, с. 33] и пытаются постулировать наличие грузинских надписей до Рождества Христова, которых и в помин нет в природе, договариваясь даже до происхождения грузинской письменности от… шумерской [19, p. 114].

---

[1] Хотя сирийская письменность опиралась на мощную арамейскую основу, тем не менее именно христианство способствовало возникновению целых трех графических вариантов сирийского алфавита – эстрангело (православные и монофизиты), маднахайя (восточный) – несториане). Серто (западный – яковиты, марониты) [См: 15; 17].

[2] Благодарю С. А. Французова за данное сообщение.

[3] Использование алфавита в магических целях относится к языческим верованиям.

[4] В некоторых памятниках ранней германской письменности (Муспилли, Евангельская гармония Отфрида), возможно, есть некоторые следы готского перевода. Однако мы не наблюдаем особых влияний готского алфавита на последующую письменность германских народов, которая строилась на основе латинского алфавита (с вкраплением некоторых рунических знаков) [21; 18; см. исчерпывающую библиографию: Алексеев А. А., Муравьев А. В., Назаренко А. В. и др.; 5]

Правда, можно сказать, что находятся некоторые экстравагантные исследователи, которые желают лишить св. Константина-Кирилла славы изобретения глаголицы и приписать ее некоему по-видимому никогда не существовавшему монофизиту Кириллу Каппадокийскому, своего рода «подпоручику Киже» VII в. [11]. Однако в целом подобные попытки все же остаются на периферии науки.

Существовали попытки связать преп. Месропа Маштоца и Солунских братьев, армянский алфавит и глаголицу, в частности А. Арцруни [3]. На наш взгляд, однако, авторы подобных работ слишком увлекаются действительным, или мнимым сходством знаков армянского и глаголических алфавитов, а также возможным армянским происхождением свв. равноапостольных Константина-Кирилла и Мефодия [2]. На наш взгляд, необходим поиск более глубоких оснований для духовного единства равноапостольного Солунских братьев и преп. Месропа Маштоца. К ним относится сходство жизненного пути, общность духовного опыта и основных свершений, сходство духовного облика.

Начнем с того, что и и преп. Месроп Маштоц, и Солунские братья, начинали свои труды при царском дворе и на светской службе. Вот как об этом рассказывает дееписатель преп. Месропа Корюн:«Мужа, о котором мы упомянули в начале своего повествования и о ком мы спешим рассказать, звали Маштоц. Был он родом из села Хацекац в гаваре Таронакан, сыном знатного мужа по имени Вардан. В детстве он обучался греческой письменности, а затем, в годы хазарапетства в Армении некоего Аравана, он, прибыв ко двору Аршакуни, царей Великой Армении, поступил на службу в царский диван и был исполнителем царских приказов. Он стал сведущим и искусным в мирских порядках, а знанием ратного дела снискал любовь своих воинов (подчиненных). Там же он с особым усердием предался чтению божественных писаний, чем вскоре просветлился и проникся подробностями божественных велений, и, украсив свою особу всеми знаниями, нес службу ишханам» [10, с. 85–86].

Св. Константин-Кирилл являлся преподавателем в Константинопольском университете, а также чиновником по дипломатическим поручениям благодаря помощи логофета Феоктиста, как об этом говорит житие св. равноапостольного Кирилла: «Увидев же, каков он есть, далему логофет власть над своим домом и в царскую палату смело входить. И спросил его однажды, сказав: «Философ, хотел бы я знать, что такое философия». Он же быстрым <своим> умом тотчас ответил: «Божественных и человеческих дел понимание, насколько может человек приблизиться к Богу, и как делами учить человека быть по образу и подобию создавшего его». После этого еще больше полюбил его и постоянно обо всем спрашивал этот великий и почтенный муж. Он же ему преподал науку философскую, в малых словах изложив большую мудрость» [7, с. 24].

Св. равноапостольный Мефодий управлял неким славянским княжеством (скорее всего – Славинией, исследователи до сих спорят о ее локали-

зации). Вот как об этом говорит его житие: «Был он рода с обеих сторон не худого, но доброго и честного, известного издавна Богу и царю, и всей Солунской стране, что являл и телесный его облик. Поэтому и <участники> споров, любившие его с детства, вели с ним уважительные беседы, пока царь, узнав о быстроте <ума> его, не поручил ему держать славянское княжение, чтобы он узнал все славянские обычаи и привык понемногу, как будто провидя, – я <бы> сказал, – что Бог хотел послать его учителем для славян и первым архиепископом» [8, с. 67].

Однако в той или иной форме и преп. Месроп Маштоц, и Солунские братья уходят от мира, но не ради покоя, а для духовной брани и просвещения. Вот что говорится в житие Маштоца: «А затем, согласно евангельскому канону, отрекшись от мирских стремлений, он отдался служению человеколюбивого Бога и, взяв на себя крест славы, последовал за животворящим распятым (Христом). И, повинуясь велениям (веры), присоединился к сонму носителей креста Христова и вскоре вступил в ряды отшельников. И много всевозможных лишений перенес он во всем, согласно Евангелию, предаваясь духовным упражнениям, одиночеству, голоду и жажде; жил он в горах, в темных пещерах, питаясь лишь травами, одеваясь во власяницу, ложась на голую землю. Много раз сладостный отдых ночной и потребность сна он проводил как мгновение, бодрствуя (всю ночь) на ногах. И все это совершал он продолжительное время. И, найдя еще других, он приобщал их к себе и обучал евангельскому слову. И так он добровольно и смело переносил все испытания, постигавшие (его), и, просветлившись, стал известным и желанным и Богу, и людям» [10, с. 86–87].

С этим отрывком целесообразно сопоставить фрагмент из жития Мефодия: «Проведя на княжении много лет и увидев множество беспорядочных волнений этой жизни, он сменил стремление к земной тьме на мысли о небе, ведь он не хотел возмущать благородную душу тем, что не вечно – не прибывающим. И, найдя удобное время, он избавился от княжения и пошел на Олимп, где живут святые отцы. Постригшись, он облачился в черные ризы и пребывал с покорностью повинуясь. И, исполняя весь монашеский чин, обратился к книгам» [8, с. 67–68].

Св. Константин-Кирилл, не уходя окончательно из мира, отказывается от брака и ведет аскетическую жизнь: «Пребывая в чистоте, весьма угождал Богу, и оттого еще больше любим был всеми. И логофет, воздавая ему благоговейные почести, давал много золота, он же не принимал. Однажды сказал ему <логофет>: «Твоя красота и мудрость заставляют меня безгранично тебя любить, а у меня есть дочь духовная, которую я восприял от купели, красивая и богатая, и рода хорошего и знатного. Если хочешь, отдам тебе ее в жены. И от царя большую почесть и княжение примешь. И надейся на большее – вскоре и стратигом станешь». Отвечал ему Философ: «Дар богатый пусть будет тем, кто его требует. А для меня нет ничего лучше учения, которым, мудрость снискав, хочу искать прадедовой почес-

ти и богатства». Выслушав ответ его, пошел логофет к царице и сказал·. «Этот юный философ не любит жизни сей, и чтобы не отпустить его от нас, посвятим его в священники и дадим ему службу. Пусть будет чтецом у патриарха в святой Софии. Может быть, так и удержим». Так с ним и поступили» [7, с. 25].

Следующий общий мотив – поиск письмен и попытка опереться на традицию. Вот как об этом говорится в житие св. Месропа Маштоца: «Затем пожалован был им от всеблагого Бога созыв совета блаженных братьев, пекущихся о стране (армянской), дабы создать алфавит для армянского народа. Долго они занимались расспросами и поисками и много трудностей претерпели, затем они оповестили о непрестанном поиске своем царя армянского Врамшапуха. Тогда царь рассказал им о неком сирийце, благопристойном епископе по имени Даниэл, внезапно нашедшем письмена алфавита армянского языка. И когда царь рассказал об этой находке, они уговорили царя об их обретении». Царский гонец Вагрич отправляется к иерею Авелу, который добывает у Даниила эти письмена и передает царскому посланцу. Царь возрадовался и приказал использовать «Даниловы письмена» как основу для обучения армянской грамоте. Месроп Маштоц собирает . учеников и начинает занятия. Однако скоро выяснилось, «что эти письмена недостаточны, чтобы выразить (все) силлабы-слоги армянского языка, поскольку эти письмена были погребены под другими письменами и (затем) воскрешены, тогда они вновь стали хлопотать о том же и некоторое время искали выхода» [Там же]. Что касается «Даниловых письмен», то ученые строили многочисленные догадки относительно их характера [20]. На наш взгляд, это были сирийские буквы, которые могли использоваться некоторыми просветителями для записи армянских слов или даже некоторых текстов, однако, в силу консонантного характера сирийского письма, оно, естественно, не могло отразить богатый вокализм армянского языка.

Сравним этот эпизод с началом моравской миссии. К императору Михаилу прибывают послы от моравского князя Ростислава с просьбой прислать учителей христианского закона. Император предлагает отправиться в Моравию св. Константину Кириллу. На это предложение он отвечает: «Отвечал Философ: «И усталый телом и больной с радостью пойду туда, если они имеют письмена для своего языка». Сказал ему цесарь: «Дед мой и отец мой и другие многие пытались найти их, но не нашли. Так как же я могу найти это?» И сказал Философ: «Кто может на воде записать беседу или <захочет> приобрести прозвище еретика?» Отвечал ему вновь цесарь, и с Вардою, дядей своим: «Если ты захочешь, то может Бог дать тебе то, что дает всем, просящим без сомнения, и отворяет всем стучащимся» [7, с. 50]. Характерно стремление св. Константина-Кирилла опереться на традицию и его первоначальное нежелание что-либо изобретать самому, чтобы не «прослыть еретиком». Однако письмен не нашли, вероятно пото-

му, что их никогда и не было. В связи с этим сообщением, на наш взгляд, все научные и околонаучные разговоры о существовании славянской азбуки до св. Кирилла и Мефодия лишены серьезного основания[1].

И тогда происходит чудо создания азбуки. И в случае армянского, и славянского алфавита оно свершается через молитву. Вот как говорится об этом в житии св. Месропа Маштоца: «Предавшись обычным молитвам, бодрствованию и слезным мольбам, вместе с равными (сподвижниками), (Маштоц) вел суровую жизнь, сокрушаясь в заботах о стране, памятуя слова пророка: «Как будешь стенать, тогда и заживешь»[2]. Так претерпел он много лишений в (деле) оказания доброй помощи своему народу. И ему было даровано такое счастье всемилостивейшим Богом святой десницей своей, он, как отец, породил новое и чудесное дитя – письмена армянского языка. И там(т. е. в Эдессе) он, поспешно начертал, дал названия и расставил (письмена по порядку), расположил (их) по силлабам-слогам[3].

А вот как об этом чуде говорится в Житии Константина Философа: «Пошел Философ, и по прежнему своему обычаю обратился к молитве <вместе> с другими помощниками. И вскоре явился ему Бог, внимающий молитвам рабов своих. И тогда он составил письмена и начал писать евангельские слова: «В начале было слово, и слово было у Бога, и Бог был слово» и прочее» [7, с. 52]. И поэтому можно говорить о богодарованном характере и армянского, и славянского алфавита, о чем ярко говорится в житии св. Месропа Маштоца: «О письменах, дарованных Господом стране Армянской и народу Асканазян[4], о том, когда и при каких обстоятельствах были они пожалованы и рукою какого мужа была проявлена эта новая милость Божья, а также о светлом учении того мужа и об ангелоподобном монашеском благочестии его, – обдумывал я воспоминания свои красочно повествовать в особой книге» [10, с. 77]. Сходное сознание присутствует и в Житии Константина-Кирилла Философа: «Когда же пришел он в Моравию, Ростислав принял его с великой честью. И собрав учеников, дал их учить. Вскоре же Философ перевел весь чин церковной службы, научил их

---

[1] Так называемые «русские письмена», найденные св. Константином-Кириллом в Херсонесе могут быть или «сурскими», т. е. сирийскими, или варяго-русскими, то есть скандинавскими, т. е. рунической письменностью [См., в частности, 14].

[2]Настоящая цитата в корюновской редакции отличается от армянского библейского текста. В русском переводе Библии это место звучит несколько иначе в отличие как от корюновского текста, так и от армянского библейского текста: «Оставаясь на месте и в покое, вы спаслись бы» (Исаии, гл. 30.15).

[3]«Начертал» – написал, «дал» названия» буквам: аз, буки и т. д. «Расставил» – расположил, т. е. установил последовательность, порядок букв. Этот порядок соответствует греческому алфавиту, лишь кое-где в ряду прибавлены буквы, не имеющие соответствия в греческом алфавите. По фразе – «расположил» (их) по силлабам – слогам – М. Абегян приходит к выводу, что Месроп Маштоц составил учебник-букварь для чтения слогами [См.: 10].

[4]Народ Асканазян – так называли армянские историки свой народ, ссылаясь на Библию, где в книге пророка Иеремии сказано: «Созовите на него царства Араратские, Минийские и Аскеназские...» (Иеремия, гл. 51. 27). Отождествляя Арарат с Арменией "полк Асканаз"» (так в армянском переводе Библии) истолковывали, как армянский полк, отсюда и армянский народ. Имя Асканаз упоминается как имя внука Иафета также с следующих книгах Библии: Бытие, 10.3 и Паралипом. 1.6»; древнеармянские писатели нередко называли армянский народ «Торгомян» по имени отца Хайка, правнука Иафета (МовсесХоренаци и др.).

утрени и часам, обедне и вечерне и павечернице и тайной службе. И открылись, по пророческому слову, уши глухих, чтобы слушать слова Писания, и ясен стал язык косноязычных» [7, с. 53].

Далее следует упомянуть сходство миссионерских практик, в частности, стремление к освобождению должников, узников, рабов и пленных. Вот что говорится в житии преп. Месропа Маштоца: «Так во всех краях Армении, Иверии и Агванка в течение всей своей жизни и летом и зимой, днем и ночью, отважно и безотлагательно, своим евангельским и праведным поведением нес на себе имя всеспасителя Христа перед царями и князьями, перед всеми язычниками и противниками, которые не осмеливались выступить против него. И каждого он облекал во Христа и духовно вооружал. Многих узников и заключенных и трепещущих перед лицом насильников он вызволил всесильной властью Христа. Он разорвал много несправедливых долговых обязательств и своим утешающим учением уготовил многим скорбящим надежду и упование на славное явление превеликого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. И всех вообще перевел он (Маштоц) на устав богопочитания» [10, с. 112].

И сорок месяцев проведя в Моравии, пошел рукоположить учеников своих. Принял же его <по пути> Коцел, князь Паннонский, и сильно полюбил славянскую грамоту и научился ей. Отдал до пятидесяти учеников учиться ей. И воздав ему великие почести, проводил его дальше. И не взял же он ни от Ростислава, ни от Коцела ни золота, ни серебра, ни других вещей, помня евангельские слова, но только испросил у обоих девятьсот пленников и отпустил их» [7, с. 58]. Откуда проистекает эта общая черта? Вероятно из примера апостольской проповеди и из призыва св. апостола Павла: «Не делайтесь рабами человеков».

Разумеется, общей чертой является и борьба с ересями. Месроп Маштоц получает царское повеление и полномочия по борьбе с ересью барбариан: «Затем он (Маштоц) приступил к расследованию секты бесстыдных и непокорных барбарианов. И когда не нашел никакого средства обратить (их) на истинный путь, он (взялся) за посох усмирителя и предал (их) тяжелым бедствиям в тюрьмах, пытках и тисках. Но когда (после применения) и этих (мер) оказались они лишенными спасения, тогда сокрушали, предавали огню, мазали сажей и, разными способами опозорив, изгоняли их из страны» [10, с. 105]. Свв. равноапостольные Кирилл и Мефодий не действовали столь жесткими способами, однако они были непримиримы как в борьбе с трехязычной ересью, так и с теми заблуждениями, которые немецкое духовенство навязывало своей пастве: «Когда же стало распространяться учение Божие, изначальный злой завистник дьявол, не желая терпеть этого добра, вошел в свои орудия, начал многих воздвигать <против святого>, говоря им: «Не прославляется Бог этим. Если бы это было ему угодно, разве не мог он сделать так, чтобы <все народы> с самого начала, письменами свои записывая речи, славили Бога? Но лишь три языка избрал он: еврейский, греческий и латинский, которыми по-

добает воздавать хвалу Богу». Говорили же так латинские и франкские архиереи, иереи и ученики. Схватившись с ними, как Давид с иноплеменнирами, словами Писания победил их, назвал их триязычниками, ибо Пилат так написал в титле Господнем. И не только это одно говорили они, но еще и другому бесчинству учили, говоря, что под землей живут большеголовые люди и что все гады – дьяволовы создания. И если кто убьет змею, то простится ему за это девять грехов. А если кто человека убьет, то три месяца должен пить из деревянной чаши и не прикасаться к стеклянной. И не запрещали ни жертвоприношений приносить по прежнему обычаю, ни бесчисленных браков. Все это он посек как терновник, спалил словесным огнем» [7, с. 57].

Подведем итоги. Таким образом, мы можем констатировать определенную общность между равноапостольными Солунскими братьями и св. Месропом Маштоцем на основании следующих критериев:

1. Их служение при царском дворе, а затем – переход к аскетической жизни.
2. Стремление сохранять традицию, в том числе и в так называемом поиске письмен.
3. Обретение письменности через молитву и в богодарованном характере алфавита.
4. Стремление к освобождению узников, должников и пленников.
5. Борьба с ересями.

Список литературы

1. Агаян Э. Б. Месроп Маштоц. – Ереван: Изд-во Ерев. гос. ун-та, 1986. – 111 с.
2. Арцруни А. И был един язык. – Москва : Менеджер, 2010. – 420 с.
3. Арцруни А. А. Славянская письменно-христианская культура и армянское просветительство. – Москва : Изд. группа URSS, 2004. – 126 с.
4. Бердзенишвили Н., Джавахишвили И., Джанашиа С. История Грузии : в 2 ч. Ч. 1. С древнейших времен до начала XIX в. – Тбилиси : Госиздат ГССР, 1950. – С. 33.
5. Библия. IV. Переводы // Православная энциклопедия. Т. 5. – М.: Православная энцикл., 2002. С. 120–200. – Москва, 2003.
6. Григорян Х., Мартиросян. А. Месроп Маштоц // Православная энциклопедия. – Москва : Православная энцикл., 2017. – Т. 45. – С. 26–28.
7. Житие Константина-Кирилла // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 2: XI – XII вв. – Санкт-Петербург: Наука, 1999. – С. 22–65.
8. Житие Мефодия // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 2: XI – XII вв. – Санкт-Петербург: Наука, 1999. – С. 66–81.
9. Королёв А. А., Турилов А. А., Чешмеджиев Д. Кирилл // Православная энциклопедия. – Москва : Православная энцикл., 2014. – Т. 34, С. 186–225.
10. Корюн. Житие Маштоца / пер. с др.-арм. Ш. В. Смбатяна и К. А. Мелик-Оганджаняна. – Ереван: Айпетрат, 1962. – 164 с.
11. Лурье В. М. Около солунской легенды // Славяне и их соседи. Вып. 6: Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. – Москва : Индрик, 1996. – С. 23–52.
12. Мыршану Д. Г. Вульфила / Православная энциклопедия. – Т.10. – М.: Православная энцикл., 2005. – С. 28–29.
13. Тахиаос А. Э. Свв. равноапостольные Кирилл и Мефодий. – Сергиев Посад, 2005.–390 с.
14. Флоря Б. Н. Возникновение слав. письменности: Ист. условия ее развития // Очерки истории культуры славян. М.: Индрик, 1996. – С. 299–306.
15. Фридрих И. История письма. – М.: Едиториал УРСС, 2004.–463 с.

16. Церковные историки IV – V веков. Ч. 3 / сост. Высокий М. Ф., Тимофеев М. А. // Азбука веры. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/tserkovnye-istoriki-4–5-vekov/4.
17. Brockelman K. Syrische Grammatik. Leipzig, O. Harassowitz, 1955.
18. Die Goten: Sprache und Kultur. Münch., 1973
19. Mikaberidze Alexander. Historical Dictionary of Georgia. The Scarecrow Press, 2007. – P. 114.
20. Mouraviev S. Les Trois Secrets de Mesrop Machtotsou La Genèse des Alphabets paléochrétiens du Caucase. – P., 2010. – Pp. 23–27.
21. Scardigli P. Gotischeliteratur // Kurzer Grundriss der germanischenPhilologie bis 1500 / Hrsg. L. E. Schmitt. B., 1971. Bd. 2: Literaturgeschichte S. 48–68.
22. Serge N. Mouraviev. Erkataguir, ou Comment naquitl'alphabetarménien. – Academia Verlag, 2010. – Pp. 20–29.

УДК 141.41

Логиновский Сергей Сергеевич
Южно-Уральский государственный университет,
кафедра международных отношений,
политологии и регионоведения,
доктор философских наук, доцент

АВВА ДОРОФЕЙ ГАЗСКИЙ О «СОЗИДАНИИ ДУШЕВНОГО ДОМА ДОБРОДЕТЕЛЕЙ»: СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ АСКЕТИЧЕСКОГО ДЕЛАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается четырнадцатое поучение «Душеполезных поучений» известного христианского подвижника Аввы Дорофея Газского, жившего в VI в. Показывается, что данное поучение является примером не только аскетики (и шире – святоотеческой антропологии), но в не меньшей степени относится к социальной мысли. На конкретных примерах демонстрируется связь антропологической и социальной проблематики в аскетическом учении аввы Дорофея. Авва всегда рассматривает добродетельную жизнь человека в контексте его социального окружения, особенности которого определяются успехами или неудачами в «созидании и совершении душевного дома добродетелей».

Ключевые слова: христианство, социальная мысль, Дорофей Газский, аскетика, социальное бытие.

Loginovsky Sergey Sergeevich
South Ural State University (National Research University), Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, Doctor of Philosophy, Docent

ABBA DOROTHEUS OF GAZA ON «BUILDING A SOUL HOUSE OF VIRTUES»: THE SOCIAL DIMENSION OF ASCETIC ENDEAVOR

Annotation. This article deals with the fourteenth teaching of the Spiritual Exhortations of the famous Christian ascetic Abba Dorotheus of Gaza, who lived in the 6th century. It is shown that this teaching is an example not only of asceticism (and more widely – the anthropology of the saints), but also applies to the social thought. Specific examples demonstrate the connection between anthropological and social issues in the ascetic teaching of Abba Dorotheos. Abba always considers the virtuous life of man in the context of his social environment, the peculiarities of which are determined by the successes or failures in «the building and accomplishment of the soul house of virtues».

Keywords: Christianity, social thought, Dorotheus of Gaza, ascetics, social being.

В статье рассматривается четырнадцатое поучение «Душеполезных поучений» известного христианского подвижника Аввы Дорофея Газского, жившего в VI в. Оно носит название «О созидании и совершении душевного дома добродетелей». Данное поучение завершает цикл бесед аввы со своими учениками. Хотя в существующих изданиях число поучений больше (у Ж. П. Миня – 24), в настоящее время считается, что из них только «первые 14 поучений, составляющие основную группу и содержащиеся в некоторых рукописях отдельно (Paris. gr. 1090, X в.; Ambros. 278, XII в.), являются увещаниями» [1], которые авва преподал в устной форме братии основанного им монастыря.

Целью статьи является демонстрация связи между тем, что в современной терминологии может быть обозначено как антропология и социальная мысль отцов Церкви. По мнению автора, они образуют единую систему, в которой антропологическая составляющая имеет определяющее значение, что затрудняет понимание (и даже просто обнаружение) ее социальной составляющей современным человеком, привыкшим к иному структурированию реальности.

Рассматриваемое поучение, как и все предыдущие, посвящено борьбе с греховными страстями. Но в данном поучении авва Дорофей обращается не к той или иной отдельной греховной страсти и противостоящей ей добродетели, а исследует проблему правильного устроения жизни в целом, тем самым подводя своеобразный итог всем своим прежним рассуждениям на эту тему.

Поучение начинается с краткого толкования самого начала ветхозаветной книги «Исход», где говорится о повивальных бабках, которые спасали израильских детей от преследований египетского фараона. Рассматривая 21 стих этой главы, в котором говорится о том, что *понеже бояхуся бабы Бога, сотвориша себе жилища* (Исх. 1:21) авва утверждает, что в нем идет речь «не о чувственных жилищах, но о доме душевном, который созидает себе человек соблюдением заповедей Божиих» [3, с. 168]. Авва считает, что в Св. Писании вовсе не случайно используется образ дома, поскольку постройка «чувственного жилища» имеет много общего с созиданием (посредством заповедей) «душевного дома» человека. Как при строительстве первого необходимо строить не только одну стену, но все стены сразу, так и при устроении дома душевного человеку необходимо выполнять все заповеди и заботиться о стяжании не одной только, а всех добродетелей. Обладание и преуспеяние в одной добродетели само по себе не является достаточным для спасения, поскольку совершенно не гарантирует защиту от иных страстей, эффективным противодействием которым являются другие добродетели. Человек, преуспевающий лишь в одной добродетели и с ее помощью успешно противостоящий некоторой страсти, может быть одновременно подвержен многим другим страстям. В результате, несмотря на локальные успехи в про-

тиводействии одной страсти, в целом такой человек продолжает оставаться ветхим, находящимся во власти греховных страстей.

Далее авва переходит к описанию правильного устроения душевного дома, продолжая использовать образ дома «чувственного». Прежде всего, человек, созидающий свой душевный дом, должен создать прочный фундамент, которым по мнению аввы является вера. Затем человек по кирпичику должен возводить стены, при этом в качестве кирпичиков выступают те или иные добродетели, формированию которых способствуют (при правильном к ним отношении) различного рода ситуации, в которых оказывается человек в процессе жизни: «случилось ли послушание, он должен положить один камень послушания; встретилось ли огорчение от брата, должен положить один камень долготерпения, представился ли случай к воздержанию, должен положить один камень воздержания. Так от всякой добродетели, для которой представляется случай, должно полагать в здание по одному камню и таким образом возводить оное со всех сторон, полагая то камень сострадания, то камень отсечения своей воли, то камень кротости и т. п.» [3, с. 170].

Самыми важными («краеугольными») «камнями» авва называет такие добродетели как терпение и мужество, по причине того, что они необходимы для стяжания любой добродетели. Не менее важен элемент, связующий камни между собой: таковым для аввы является смирение, поскольку «всякая добродетель, совершаемая без смирения, не есть добродетель» [Там же]. Также авва упоминает «рассуждение», которое связывает все элементы строения.

Все указанные элементы являются универсальными в том смысле, что они необходимы для любого добродетельного действия. Впрочем, по мысли святых отцов, все добродетели «как в хороводе одна за другую держатся» [2, с. 115], т. е. образуют пусть и дифференцированное, но все же единое и нерасторжимое целое. Поэтому можно сказать, что в определенном смысле все добродетели если и не универсальны, то необходимы, среди них нет «ненужных», без которых можно обойтись. По этой причине авва Дорофей в начале Поучения и говорит о необходимости строить не только одну стену душевного дома, а сразу все.

Кровлей душевного дома человека является любовь, ибо она у святых отцов венчает добродетельную жизнь [см.: 4, с. 356–505; 6, с. 648–676]. В этой связи авва вновь упоминает о добродетели смирения, говоря, что оно необходимо и для кровли (как ее ограда, перила со ссылкой на Втор. 22:8), дабы с нее не упали «дети», которые «суть помышления, бывающие в душе» [3, с. 171].

Приведенные выше рассуждения аввы Дорофея являются репрезентативным примером святоотеческой аскетики [см.: 4; 6]. В более широком смысле эти рассуждения можно воспринимать как пример святоотеческой антропологии [см.: 7]. Однако данные рассуждения в не меньшей степени относятся к социальной мысли отцов Церкви, поскольку добродетельная жизнь человека всегда рассматривается ими в контексте его социального окружения. Это логично и неизбежно, поскольку человек никогда не находится

один, даже если он живет вдали от любых людей, не говоря уже об общежительном монашестве, о котором ведет речь авва Дорофей. Доказательством неразрывной связи социального окружения человека и его преуспеяния в добродетельной жизни являются дальнейшие рассуждения аввы Дорофея.

Продолжая рассмотрение добродетельной жизни с помощью развернутой метафоры дома, авва отмечает, что мало просто построить дом. Для того, чтобы дом смог стоять долго (в пределе, в случае с душевным домом – всегда), необходимо, чтобы он был построен хорошо, и чтобы о нем заботились надлежащим образом в процессе «эксплуатации», оберегали или, как минимум, не разрушали. Для всего этого необходимо, чтобы «зодчий был искусен» [3, с. 171], что применительно к душевному дому означает, что человек должен «разумно совершать добродетели» [там же]. Разумность в данном случае означает последовательность в добродетельной жизни, возможно не скорое, но зато неуклонное воспитание в себе добродетелей. Соответственно, неразумность заключается в непоследовательности человека, когда человек то строит дом, то сам же его разрушает. Далее авва приводит примеры такого рода непоследовательности, и все они связаны с социальным окружением человека.

Первый пример рассматривает ситуацию, когда близкий человек наносит то или иное оскорбление или просто говорит обидные слова. Если человек реагирует на это правильно, т. е. смолчит и поклонится обидчику, то он «положил один камень» [Там же, с. 172] в стену своего душевного дома. Но если после этого человек пойдет и расскажет кому-либо об обидных словах и/или действиях ближнего и своей правильной на них реакции, то тем самым он «снимет» два камня из кладки добродетелей в стене своего душевного дома.

Другой вариант неправильного поведения в рассматриваемой ситуации предполагает, что, услышав обидные слова ближнего, человек «поклонится, желая тем заслужить похвалу, и в нем оказывается смирение, смешанное с тщеславием» [3, с. 172], т. е. он уничтожает добродетель сопутствующим ей грехом, что по мысли аввы, «значит положить камень и снять его» [там же]. То же касается молчания – оно может иметь разные причины, в том числе и неправильные, уничтожающие пользу от совершения этой добродетели, превращающие ее в нечто противоположное. Так, если человек, слыша оскорбление, молчит, думая, что совершает добродетель, то поступает неразумно. Правильное («разумное») поведение в этой ситуации предполагает, что человек кланяется обидчику, будучи «твердо уверен, что он согрешил, и вполне убежден, что он сам виноват»[1], а молчит потому что «думает, что он недостоин говорить, как сказали отцы» [Там же].

Авва не ограничивается примером с оскорблением, указывая и на другие случаи, причем все они указывают на социальное измерение бытия человека. В частности, авва берет пример такого взаимодействия между

[1] Объяснение обоснованности такого восприятия ситуации авва Дорофей дает в предыдущих поучениях.

людьми как помощь больному. Как и в предыдущем случае он отмечает, что этот вид взаимодействия может иметь разные основания и, соответственно, оцениваться различным образом. Причиной помощи больному может быть желание «иметь награду», что квалифицируется как «неразумное» поведение, т. е. поведение, не способствующее утверждению в добродетельной жизни. Наличие неправильной цели делает человека неустойчивым в желании помогать больному, что закономерно приводит к тому, что человек прекращает эту помощь, не доведя дело до конца и не получив от этого никакой пользы для своего душевного дома.

Правильная помощь больному исходит из стремления «приобрести милостивое сердце, чтобы приобрести чувство сострадания» [Там же, с. 173]. Наличие такой цели делает человека устойчивым к любым внешним неблагоприятным воздействиям, позволяет оказывать помощь больному столько, сколько это необходимо. Человек с такой целью считает, что скорее не он оказывает помощь больному, а больной помогает ему укрепиться в важнейшей добродетели.

Другими словами, внешне одни и те же социальные действия могут быть в действительности весьма различны, что определяется теми причинами, которые побуждают их совершать и теми целями, которые они преследуют. И причины, и цели для отцов Церкви – это антропологические категории, они имеют своим источником состояние природы человека, обусловлены не социально, а антропологически. Являясь основой любых социальных действий и складывающихся при их повторении социальных институтов, эти действия выступают тем антропологическим фундаментом, без которой невозможно понять святоотеческое видение социального бытия.

Далее авва указывает на два внешне похожих, но совершенно различных варианта соблюдения поста. Первый, неправильный, имеет своей целью тщеславие или стремление выглядеть добродетельным. На ошибочность такого лишь внешнего «соблюдения» поста без внутренней работы над собой указывают его негативные последствия для социального бытия. Как правило, так (неправильно) постящийся человек считает себя (по причине внешнего «соблюдения» поста) «чем-то великим» и начинает презирать и укорять окружающих его людей, которые не соответствуют «уровню» добродетели «постника». Даже если этот человек действительно строго соблюдает пост он, замечает авва, губит его своим тщеславием или даже гордыней, не только не возводя стены своего душевного дома, но, напротив, разрушая их, «через осуждение ближнего» [3, с. 173]. Правильный пост не предполагает стремления к похвале от окружающих людей и тем более не предполагает их уничижение, но имеет своей целью стяжание человеком целомудрия и смирения – т. е. собственное совершенствование. Но это собственное совершенствование всегда совершается в определенном социальном контексте и оказывает на него самое непосредственное влияние. Хотя в данном случае авва указывает лишь на отрицательное

влияние неправильно устроенной внутренней жизни человека (предполагающей рабство греховным страстям), очевидно, что правильное устроение себя, успешная борьба с греховными страстями также оказывает на социальное бытие человека непосредственное позитивное влияние. В других своих поучениях авва приводит примеры подобных позитивных изменений.

Итак, рассмотренные примеры показывают определяющее значение (используя современную терминологию) антропологической проблематики для социальной мысли отцов Церкви. В самом деле, правильное социальное поведение (и более широко – правильное устроение общества) невозможно без правильного устроения внутренней жизни человека. Рассмотрение социального бытия человека должно строиться на антропологической основе, важнейшей составляющей которой является аскетика.

Строго говоря, у отцов Церкви нет этого более позднего разделения на антропологию и социологию/социальную философию, хотя нельзя сказать, что они вовсе не видели различия между ними. Сама по себе реальность едина и различение в ней тех или иных частей условна, обусловлена не только самой реальностью, но и множеством других факторов. Современное деление реальности на определенные части, изучаемые отдельными дисциплинами, не является единственно возможным. На наш взгляд, у отцов Церкви антропологическая и социальная проблематика если и не едины, то во всяком случае находятся в иных отношениях, нежели в настоящее время. По этой причине не следует конструировать социальную мысль отцов Церкви по аналогии с современными теоретическими построениями. Необходимо стремиться понять специфику святоотеческого видения социальной реальности исходя из созданных ими текстов с учетом всего их мировоззрения. И начинать необходимо с тех очевидно связанных с осмыслением социального бытия рассуждений, которые были рассмотрены выше.

В завершении своего поучения авва Дорофей обращается к такому важному вопросу как возможность осуществления описанной им добродетельной жизни. Он отвергает мнение тех, кто считает, что христианские «добродетели велики и он не может достигнуть их» [3, с. 174]. Авва считает описанную им добродетельную жизнь возможной для всякого человека, указывая на две причины сомнения в этом. Во-первых, это лень, нежелание изменять себя, во-вторых – неверие в помощь со стороны Бога тем, кто стремится к добродетельной жизни. Авва подчеркивает, что его правоту можно легко доказать, рассмотрев любую добродетель, и выбирает добродетель любви к ближнему – одну из тех добродетелей, социальное измерение которой выражено наиболее ярко.

Авва отмечает, что слова *возлюбиши ближняго своего яко сам себе* (Лев. 19:18; Мф. 5:43) могут показаться нереализуемыми на практике, поскольку чужого человека невозможно знать так же, как самого себя, и, следовательно, невозможно любить так же, как самого себя. Но, продолжает он,

так может показаться только если считать, что человек должен полюбить другого человека, как самого себя, сразу же в максимально возможной степени. Это действительно невозможно, но этого и не требуется. Не следует сразу же, не избавившись от греховных страстей, стремиться к полноте осуществления данной добродетели. Необходимо начинать с малого, соединяя избавление самого себя от греховных страстей с изменений отношения к окружающим: «не делай зла ближнему, не огорчай его, не клевещи, не злословь, не уничижай, не укоряй, и таким образом начнёшь после, мало-помалу, и добро делать брату своему, утешая его словами, сострадая ему, или давая ему то, в чем он нуждается; и так, поднимаясь с одной ступени на другую, достигнешь с помощью Божией и верха лестницы. Ибо, мало-помалу помогая ближнему, ты дойдешь до того, что станешь желать и пользы его, как своей собственной, и его успеха, как своего собственного. Сие и значит возлюбить ближнего своего, как самого себя» [Там же, с. 174–175]. Эффективность подобной стратегии действий по мысли аввы доказывается еще и тем, что так действующему человеку Бог непременно оказывает помощь, а эта помощь сама по себе достаточна для успеха в любом деле.

Далее авва обращается к традиционной для отцов Церкви теме взаимодействия воли и действий человека и помощи Бога [3, с. 175–180], воспроизводя традиционное понимание необходимости того, чтобы «Бог и человек должны быть соработниками» [5, с. 275], хотя их вклад и не равнозначен [См. подробнее об этом: 9].

Здесь мы не будем рассматривать эту тему (хотя и в этом случае авва Дорофей касается проблем социального бытия человека), а лишь укажем на ее социальное измерение, позволяющее уяснить еще одну специфическую черту социальной мысли отцов Церкви. Дело в том, что в социальной мысли отцов Церкви Бог является полноценным участником социальной жизни людей. Само по себе это утверждение представляется очевидным. Тем не менее, нередко рассуждения о социальной мысли отцов Церкви строятся без учета Бога как активного участника социального бытия. Конечно, детальное описание Его действий в обществе для человека вряд ли возможно, но само по себе наличие такого участника социальной жизни для социальной мысли отцов Церкви несомненно и должно всегда учитываться для правильного понимания их рассуждений по данному вопросу [см. подробнее об этом: 8]. Одним из доказательств этого как раз являются рассуждения аввы о помощи Бога, без которой описываемая святыми отцами добродетельная жизнь действительно выглядит как недостижимый идеал. Следовательно, нереализуемой фантазией оказывается и вся социальная мысль отцов Церкви, поскольку ее антропологической основой является именно добродетельная жизнь.

Таким образом, рассмотренное четырнадцатое поучение аввы Дорофея, посвященное общему описанию правильного устроения добродетельной жизни человека самым непосредственным образом связано со святоотеческим пониманием социальной реальности. Добродетельная жизнь, изменяя

человека, изменяет и общество, поскольку специфика социальных связей и социальных институтов в конечном итоге определяется действиями человека, в основе которых лежат либо греховные страсти, либо добродетели.

Список литературы

1. Бернацкий, М. М., Дионисий (Шлёнов). Дорофей Газский / М. М. Бернацкий, Дионисий (Шлёнов) // Православная энциклопедия. Том XVI. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. – С. 32–43.

2. Василий Великий, свт. Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах / святитель Василий Великий // Василий Великий, свт. Творения в 5 т., Т. 5. – Москва: Паломник, 1993. – С. 73–175.

3. Дорофей, авва. Душеполезные поучения / авва Дорофей. – М.: Издательство ТСЛ, 2007. – 304 с.

4. Зарин, С. М. Аскетизм по православно-христианскому учению. Этико-богословское исследование / С. М. Зарин. – Киев: Издательство имени святителя Льва, папы Римского, 2006. – 694 с.

5. Иерофей (Влахос), митр. Православная психотерапия / митрополит Иерофей (Влахос). М.: Издательство ТСЛ, 2005. – 368 с.

6. Ларше, Ж.-К. Исцеление духовных болезней. Введение в аскетическую традицию Православной Церкви / Жан-Клод Ларше. – Сергиев Посад, 2018. – 763 с.

7. Леонов, В. прот. Основы православной антропологии / прот. В. Леонов. – Москва : Изд-во Московской патриархии Русской Православной Церкви, 2013. – 456 с.

8. Логиновский, С. С. Святоотеческая типология обществ как религиозный вариант осмысления и преобразования социальной реальности: диссертация … доктора философских наук: 09.00.14 / С. С. Логиновский. – Челябинск, 2018. – 342 с.

9. Ферберн, Д. Учение о Христе и благодати в ранней Церкви / Дональд Ферберн. – М.: Библейско-богословский Ин-т св. апостола Андрея, 2008. – 299 с.

УДК 27, 2–9

Чумакова Татьяна Витаутасовна

Санкт-Петербургский государственный университет,
кафедра философии религии и религиоведения,
доктор философских наук, профессор

ПАЛОМНИЧЕСТВО В ИНФОСФЕРЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ДУХОВНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ XIX – НАЧАЛА XX В.[1]

Аннотация. В статье анализируется тема паломничества в инфосфере православных учебных заведений Российской империи (под термином «инфосфера» подразумевается совокупность различных информационных источников**).** Основной акцент в данной публикации делается на такой источник как журналы заседаний Совета Духовных академий. Анализ различных источников показывает, что паломническая тема поднимается в них в нескольких аспектах: паломничество студентов и преподавателей с религиозными целями; поездки в паломничество с научными и образовательными целями; изучение средневековых и раннехристианских паломнических текстов; участие в работе Императорского Палестинского православного общества.

Ключевые слова: христианство, духовное образование, паломничество, история России.

[1] Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, грант № 22–28–00862 «Инфосфера духовных учебных заведения Российской империи XIX – нач. XX в.».

Chumakova Tatiana Vytautasovna
Saint Petersburg State University, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Doctor of Philosophy, Professor

PILGRIMAGE IN THE INFOSPHERE OF ORTHODOX SPIRITUAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

Annotation. The article deals with the topic of pilgrimage into the infosphere of Orthodox educational institutions of the Russian Empire (the term "infosphere" means a set of various information sources). The main emphasis in this publication is on such a source as the journals of the meetings of the Council of Theological Academies. The analysis of various sources shows that the pilgrimage theme is raised in them in several aspects: the pilgrimage of students and teachers for religious purposes; pilgrimage trips for scientific and educational purposes; study of medieval and early Christian pilgrimage texts; participation in the work of the Imperial Palestinian Orthodox Society.

Keywords: Christianity, spiritual education, pilgrimage, history of Russia.

Путешествие к святыне – это путешествие в поисках рая, это время, когда путник отвлекается от обычных забот, он проходит путь покаяния и очищения, стремится к искуплению своих грехов, и вступает во взаимодействие с новыми людьми, находится в активном духовном поиске. Для представителей духовного сословия и преподавателей духовных учебных заведений Российской империи паломничество было не только частью духовных практик, но и повседневной жизни, ведь паломничество, это вовсе не обязательно дальнее путешествие в Святую Землю, но и поклонение местным святыням, что могло входить в традиционные ежегодные ритуалы духовных учебных заведений. Такие «поклонники» (так часто называли паломников в публикациях XIX столетия) на пути к святыне при этом могли изучать паломнические практики и паломническую литературу, и заниматься научными исследованиями.

Расцвет паломнической литературы в России наступает во второй половине XIX в. Это было связано не только с ослаблением цензуры, которая жестко контролировала литературу духовного содержания, но и усилением паломнической активности, что в свою очередь было связано с двумя важными факторами, это было освобождение крестьян от крепостной зависимости, поскольку крестьяне в этот период в. составляли основную часть паломников, прибывающих в Палестину из Российской империи. Автор заметки «Праздник Светлого Воскресения в Св. земле. Паломничество русского простонародья и иностранной интеллигенции» в 1899 г. писал, что на Святую Землю почти не ездит русская интеллигенция, большая часть паломников – простые люди, «а между тем путешествие по Святой Земле доставляет великое духовное и эстетическое наслаждение… кроме того, если путник пожелает иметь попутчиков, он может примкнуть к каравану образованных европейцев» [8, с. 144]. Массовое паломничество в Святую Землю стало возможно благодаря деятельности Императорского Палестинского Православного общества (ИППО) [7]. ИППО занималось организацией паломничеств, благодаря чему расходы на паломнические

поездки ощутимо снизились, а также издавало паломническую литературу и занималось просветительской и научной деятельностью. Духовенство Российской империи в той или иной степени почти все было вовлечено в деятельность этой общественной организации, поскольку часть средств Палестинское общество получало благодаря «кружечному сбору», который велся едва ли не по всем церковным приходам империи [1].

Информация о паломнической деятельности размещалась в епархиальных ведомостях, которые с шестидесятых годов XIX в. выходили во всех епархиях империи и в других государственных периодических изданиях: ведомостях («Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Оренбургские ведомости» и др.); в «Церковном вестнике». Множество информации обнаруживается в газетах, напр. «Новое время» (1868–1917), «Сын отечества» (1862–1900), еженедельнике «Гражданин» (1882–1914). Значительная информация о паломниках и паломничестве обнаруживается в газетах, которые выходили в тех портовых городах Российской империи, откуда выходили суда с паломниками, это знаменитый «Одесский листок» – газета, выходившая в 1880–1920 гг., а также «Южное обозрение» (выходило с 1896 по 1906 г.) и «Новороссийский телеграф» (1869–1903). В этих статьях описываются самые различные аспекты паломнической жизни: от подготовки к паломничеству, включая получение проездных свидетельств и до того, как проходило путешествие по Святой Земле, и с какими проблемами там сталкивались русские паломники.

Информация, которую мы обнаруживаем в журналах заседаний Совета Духовных академий несколько иного содержания. Основную массу составляет обсуждение квалификационных работ учащихся духовных академий, работы которых были посвящены паломнической литературе. Так в Санкт-Петербургской Духовной академии в 1877/78 учебном году обсуждалось сочинение студента Дмитрия Плетнева «Паломничество в русском народе, как один из источников взаимных общений России с востоком», в котором обсуждалось три основных темы: «1) какое участие имело древне-русское паломничество в деле взаимного п притом, главным образом, литературного общения России с востоком; 2) какого рода литературные памятники проходили в Россию через посредство паломников; 3) в каких отношениях находилась паломническая письменность к древне-русской письменной н устной народной словесности» [3, с. 94–97]. В журналах Московской Духовной Академии упоминается несколько работ студентов, посвященных паломничеству. В частности работа Александра Платонова «Паломничество в древней Руси» [4]. В том же журнале эта работа упоминается еще раз в связи с присуждением премии «протоиерея С. К. Смирнова в 102 р.» [4, с. 329]. В журналах Санкт-Петербургской, Киевской и Московской духовных академий упоминается еще несколько «паломнических» работ студентов: Льговского Александра: «Сношения древнерусских иноков с православным востоком»; Ленчинского Ивана «Древне-русское па-

ломничество по былинам», Александра Рождественского на тему: «Памятники паломнической литературы XII – XIV вв. (Историко-литературное исследование)», Платона Ольшевского «Иерусалим: История, топография, археология и религиозное значение святого града», и Евгения Сташевского «Порфирий Успенский, как путешественник на православный Восток».

На заседаниях советов читались и пространные доклады, посвященные русским религиозным деятелям, внесшим большой вклад в деятельность русских миссий на Святой земле. Так в связи с выдвижением на премию митрополита Макария на заседании Киевской Духовной Академии профессор Ф. Покровский выступал с докладом о сочинении доцента Академии священника Ф. Титова, под заглавием: «Преосвященный Кирилл Наумов, епископ Мелитопольский,, бывший настоятель русской духовной миссии в Иерусалиме. Очерк из истории сношений России с православным Востоком» (Киев, 1903). При этом он отмечал, что автор «изображает жизнь и деятельность преосвященного Кирилла, именно, как начальника русской духовной миссии в Иерусалиме. Служение преосвященного Кирилла, в качестве начальника миссии в Иерусалиме, было непродолжительно, всего около семи лет. Но, непродолжительное по времени, оно „составило, как справедливо говорить автор, в полном смысле этого слова маленькую эпоху в истории наших сношений с православным Востоком» [6, с. 29].

Также в журналах есть обсуждение ходатайств преподавателей с просьбой о разрешении отправиться в паломничество с научными целями, упоминаются заявления студентов о возобновлении учебы после выздоровления, которому способствовало паломничество. Упоминаются и паломнические поездки студентов и преподавателей в Палестину. Эти поездки имели целью не только практики благочестия, но и научную работу, поскольку благодаря усилению деятельности различных религиозных и научных организаций в Малой Азии (Константинопольский Археологический институт) [5] и на Востоке [2] произошел прорыв в российских исследованиях христианских древностей и в библеистике.

Список литературы

1. Беглов, А. Л. Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX – начале XX в / А. Л. Беглов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2014. – № 2(57). – С. 56–81.

2. Герд, Л. А. Россия и духовные школы на христианском Востоке: Халкинская богословская школа / Л. А. Герд // Европейские традиции в истории высшей школы в России: от доуниверситетской модели к университетам: Сборник статей / Ответственный редактор: Н. В. Салоников. – Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2018. – С. 112–117

3. Журналы заседаний совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1877–1878 учебный год. – С.-Петербург: Типография Ф. Г. Елеонского. – 336 с.

4. Журналы собраний Совета Императорской Московской Духовной Академии за 1915. – Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой лавры. –1917. – 336 с.

5. Иванов С. А. Последний Стамбульский проект русского археологического института в Константинополе //Вспомогательные исторические дисциплины. – 2007. – С. 412–423.

6. Извлечение из журналов совета Киевской Духовной Академии 1903–1904. – Киев: Тип. И. И. Горбунова –, 1904 . – 443 с.
7. Лисовой, Н. Н. Императорское Православное Палестинское Общество: XIX–XX – XXI века / Н. Н. Лисовой // Отечественная история. – 2007. – № 1. – С. 3–22.
8. Чумакова, Т. В. Русская периодическая печать конца XIX – начала XX века как источник исследования повседневной жизни паломников / Т. В. Чумакова, М. Моравчикова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2016. – № 2. – С. 141–147.

УДК821.161.1

Тищенко Алексей Сергеевич
Южный научный центр Российской академии наук,
лаборатория филологии, инженер-исследователь;
Южный федеральный университет, Институт филологии,
журналистики и межкультурной коммуникации, кафедра
теории и истории мировой литературы, аспирант,
г. Ростов-на-Дону

ПУБЛИЦИСТИКА XV – XVI ВЕКОВ: ТЕМА «РУССКОГО МИРА»[1]

Аннотация. Понятие «русский мир» в настоящее время актуализировалось в связи с геополитическими событиями, однако его истоки обнаруживаются уже в ранних древнерусских текстах. Постепенно тема «русского мира» стала устойчивой в отечественной литературе. Особым образом она отражается в публицистике XV – XVI вв., где рассматриваются вопросы об образовании и укреплении централизованного государства во главе с Москвой, восприятии Московского государства как оплота православия, обозначении требований к правителю-лидеру, мессианском значении Руси.

Ключевые слова: «русский мир», публицистика XV – XVI вв., Москва, государство, православие, правитель

Tishchenko Alexey Sergeevich
Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS), Philology Laboratory; Research Engineer; Southern Federal University, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Department of Theory and History of World Literature, postgraduate student

JOURNALISM OF THE XV–XVI CENTURIES: THE THEME OF THE «RUSSIAN WORLD»

Annotation. The concept of the «Russian world» has been actualized at present in connection with geopolitical events, but its origins are already found in early ancient Russian texts. Gradually, the theme of the «Russian world» became stable in Russian literature. It is reflected in a special way in the journalism of the XV–XVI centuries, which examines the formation and strengthening of a centralized state headed by Moscow, the perception of the Moscow state as a stronghold of Orthodoxy, the designation of requirements for the ruler-leader, the messianic significance of Russia.

Keywords: «Russian world», journalism of the XV – XVI centuries, Moscow, state, Orthodoxy, ruler

Понятие «русский мир» особенно актуализировалось в последнее время в связи с геополитическими событиями. Несмотря на кажущуюся

[1] *Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100347-2.*

современность этого понятия, его истоки выявляются уже на первых этапах становления отечественной литературы [4; 14].

Впервые словосочетание «русский мир», как нам удалось обнаружить, встречается в «Слове на обновление Десятинной церкви» – памятнике второй половины XI в.: «славимъ и хвалимъ и кланяемся въ Троицѣ поему Богу, благодаряще того вѣрнаго раба, иже умножи своего господина талантъ не токмо въ Римѣ, но всемус и въ Херсонѣ, еще и въ Рустемъ мирѣ» [8, с. 144], причем оно употребляется не в географическом значении, как, например, «Русская земля», «Русь» или «страна Русская», а в цивилизационном. В других же памятниках средневековой отечественной словесности, хотя само понятие «русский мир» и не используется, но можно обнаружить элементы концепции «русского мира» – в «Слове о законе и благодати», в «Повести временных лет», в «Слове о полку Игореве», в «Повести о разорении Рязани Батыем» и др. При этом в разных памятниках концепция «русского мира» связана с определенными темами, мотивами, образами, сюжетами: тема строительства и укрепления государства, образ сильного правителя, христианская вера, мотив мученичества, образ мученика, пострадавшего за веру и Христа, мотив небесного заступничества и покровительства.

Тема «русского мира» постепенно стала устойчивой в отечественной литературе и особым образом отразилась в публицистике XV – XVI вв. В первую очередь это связано с общественно-политическими событиями: как известно, конец XV и XVI в. – это время становления и укрепления Русского централизованного государства во главе с Москвой. Присоединение к Московскому княжеству Ярославского, Тверского, Новгородского, Ростовского княжеств, освобождение от монгольского ига не могли не повлиять на подъем народного духа и восприятие Москвы как нового центра русского мира. Меняется и мировая религиозная обстановка: в результате принятия Флорентийской унии 1439 г. и падения Византии в 1453 г. Русь осталась единственным независимым православным государством.

В разных памятниках публицистики этого времени находит отражение и тема «русского мира», которая преломляется особым образом: связующим звеном для разных публицистических текстов этого времени является мысль о перемещении центра русского мира из Киева в Москву, причем этот переход имеет как территориальное, географическое значение, так и значение культурное.

Во-первых, в памятниках публицистики находит отражение особое восприятие Москвы и Московского государства. Одной из ключевых идей здесь является концепция «Москва – третий Рим», оформившаяся в послании старца Филофея псковскому дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину: «вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя… два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти» [10, с. 298]. Москва в осмыслении автора послания становится истинным оплотом православного христианства, призванным

сохранять православные каноны, чистоту нравов, духовные ценности: «Москва же смогла не только сбросить иго Орды, но и объединить русские земли, взглянув на себя как на последний оплот правой веры» [1, с. 181].

Особому восприятию Москвы способствует проходящая через все послания Филофея оппозиция русского мира и других миров – «нерусских». Концепция «Москва – третий Рим» позволяет рассматривать Москву, а вместе с ней и всю Русь, и весь русский мир в противопоставлении к «первому и второму Риму» – западной и восточной цивилизациям – как носителям других культурных ценностей. Старец возражает западным взглядам на сущность человеческого бытия, осуждает астрологию, говоря, что это «кощунство и басни», а жизнь со всеми ее противоречиями и неожиданностями движется по воле Божьей. Хранительницей высших заветов, по Филофею, и является Москва, а вместе с ней – и вся Русь, держава, «в пределах которой обретается истинная христианская церковь» [2, с. 78].

Образ Русского государства как царства, отмеченного Божьей благодатью, находящегося под покровительством Бога, отражается в «Переписке Андрея Курбского с Иваном Грозным». Князь Курбский говорит о Руси как о «святом», «Божьем» царстве: «всего лишен бых и от земля Божиа туне тобою отогнан есмъ» [9, с. 14], «на прескверное и вѣчное твое постыдѣние и всея Святорусския земли» [9, с. 86]. В этих словах Курбского не только подчеркивается главенство православной веры на Руси, но и ставится акцент на осмыслении государства как особого цивилизационного пространства со своими ценностными ориентирами, культурой, традициями. Несмотря на полярные воззрения Курбского и Грозного, их взгляд на целостность «Святой Руси» един. Послание Грозного развивает мысль Курбского об особом осмыслении Русского православного царства: «Русская земля правится Божиимъ милосердиемъ, и пречистые Богородицы милостию, и всѣхъ святыхъ молитвами, и родителей нашихъ благословениемъ» [9, с. 20].

Во-вторых, публицистика XV – XVI вв. поднимает вопрос о сущности фигуры сильного правителя и его высшем назначении. Так, о высокой роли и ответственности правителя – лидера русского мира – говорит старец Филофей, обращаясь к конкретным указаниям, которым необходимо следовать настоящему главе православного царства: «Не преступай, царю, заповѣди, еже положиша твои прадѣды – великий Константинъ, и блаженный святый Владимиръ, и великий богоизбранный Ярославъ и прочии блаженнии святии, ихьж корень и до тебе» [10, с. 302]. В этих словах старец Филофей не только говорит о большой ответственности главы государства перед подданными и перед Богом, но и подчеркивает богоизбранность княжеской династии на Руси, а также связывает происхождение правящих князей с великой Римской империей. Такое осмысление вопроса о высокородном происхождении князей нашло отражение в «Сказании о князьях Владимирских».

«Сказание о князьях владимирских» имеет особое значение. Оно приобрело широкую популярность и использовалось в практических целях: это

произведение «не только объективно стоящее на стороне централизации», но и текст, который «правительственные круги пытались использовать при проведении конкретных политических мероприятий» [3, с. 152]. Этот памятник использовался как официальный документ в чине венчания на царство Ивана IV, частично «Сказание…» входило в сам чин венчания, нередко данный текст служил для аргументации в дипломатических спорах.

Два сюжета «Сказания…» – о происхождении правящей династии и о мономаховом венце – не утверждают зависимость Руси от Рима или Византии, а, наоборот, подчеркивают значимость Русского государства на мировой арене и его самостоятельность. Полное название памятника – «Сказание о великих князех владимерских великиа Русиа» – создает общий ореол величия, позволяющий рассматривать Русское государство как особую державу, занимающую почетное место среди других стран. Мономахов венец и другие дары, переданные Константином, служат атрибутами легитимности власти на Руси. В слова, с которыми император Константин посылает дары, вкладываются смыслы особого положения княжеской власти, предвосхищения царской власти, а также мессианского предназначения Русского православного государства, русского мира: «и все православие в покои пребудет под сущею властью нашего царства и твоего волнаго самодержавъства великиа Русиа» [11, с. 284].

Знаковой фигурой в истории Руси середины XVI в. является Иван IV Грозный. Он стал символом эпохи с ее противоречиями и идейной борьбой. Время правления Ивана Грозного связано с укреплением единого централизованного Русского государства во главе с Москвой. Многие надежды, противоречия, вопросы о природе власти и форме правления, о значении главы государства в публицистических памятниках связаны именно с личностью Ивана Грозного.

Так, в «Большой челобитной» Ивана Семеновича Пересветова фигура Ивана IV, которому он адресует свое послание, показана в особом свете: это «благоверный царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси», царь «от Бога Мудрый» являющийся главой государства «по прирожению и небесному знамению» [13, с. 432–434]. Иван Пересветов осмысляет русского правителя как наместника Бога на земле. Далее автор послания выдвигает к главе Русского православного царства особые требования. По мнению Пересветова, царь, конечно, должен жить в соответствии с христианскими истинами, однако это не мешает ему быть грозным и даже жестоким по отношению и к врагам христианства, и к нечестным служащим: «в твоем царьстве государеве от твоей мудрости великой грозы царьской лукавые судьи яко от сна возбудятся, да и посрамятся от дѣлъ своихъ лукавых» [13, с. 434].

Образцом такого разностороннего правителя в представлении Пересветова является Магмет-салтан – жестокий, но справедливый, ставящий правду превыше всего: узнав о нечестности своих судей, Магмет велел содрать с них кожу и «бумагою велел набита, и написати велел на кожах их:

“Без таковыя грозы не мочно в царство правды ввести”» [12]. В образе Константина Иван Пересветов воплощает черты слабого государя, много позволявшего своему окружению, именно с этим он связывает падение Византии. Этот сюжет, по мнению автора, должен служить уроком венчавшемуся на царство Ивану IV и привести к мысли, что «правителю следует быть грозным со слугами, дабы избежать беззакония с их стороны» [6, с. 166]. Однако все же царю не следует быть и тираном: его «гроза» должна сочетаться с великой мудростью. Царь – наместник Бога на земле, который должен «Богу сердечную радость ввезсти» [13, с. 436], поэтому во всем нужно быть разумным: не давать вельможам слишком много свободы, но в то же время не угнетать ни один из социальных слоев.

Свой взгляд на форму правления и царские полномочия предлагает сам Иван IV, полемизируя с князем Курбским. Иван Грозный выступает сторонником неограниченного самодержавия, которое неотделимо от православия: государство, которому благоволит Бог, с точки зрения Грозного, может быть исключительно единодержавным. «Иван Грозный является персонификацией русского “самодержавства”» [15, с. 81].

Грозный неоднократно подчеркивает, что царь, пускай порой и жестокий, помогает искоренить чуждые православному мироощущению идеи, Курбский же не разделяет взгляды Ивана IV, представляющегося ему тираном, и выступает за ограниченную монархию. В связи с этим переписку следует рассмотреть в контексте бинарных оппозиций: «свой» и «чужой», «верный подданный» и «предатель», «русский мир» и «нерусский». «Только за границами России бежавший из нее и там волей или неволей переставший себя ощущать русским, князь Курбский решился полемизировать с Грозным» [5, с. 5]. Курбский пишет из-за границы и воспринимается царем как изменник, предатель: «Благочестиваго великого государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа Русии послание во все его великиа Росии государство против крестопреступниковъ, князя Андрея Михайловича Курбского с товарыщи, о ихъ измѣне» [9, с. 20]. Можно сказать, что слова Грозного адресованы всем «чужим», а о Курбском можно сказать как об их собирательном образе: «губителю хрестиянскому, и ко врагомъ християнскимъ слагателю…» [9, с. 20].

В-третьих, в контексте рассмотрения Московского православного царства как особого пространства, «обновленного» перспективного русского мира и понимания высшего предназначения главы государства, как мы указывали выше, невозможно не принять во внимание эсхатологические настроения эпохи, в связи с которыми появляется тема исторической судьбы Руси, ее мессианского значения. Например, в послании старца Филофея историческая миссия, обозначенная автором посланий, не просто велика или амбициозна, она предполагает крайнюю степень ответственности Москвы перед православной общностью: раз четвертому Риму не бывать, то Москва – последняя возможность сохранить православную куль-

туру в необходимом виде, причем это «повод не для национальной гордыни, а для эсхатологической тревоги» [7, с. 80]. Общий тон посланий старца предполагает, что весь русский мир объединен возложенной на Москву миссией, поэтому старец призывает к тому, что нельзя не оправдать данное Москве доверие.

Таким образом, в публицистических памятниках XV – XVI вв. отразился ряд вопросов, тесно связанных с понятием «русский мир» и позволяющих рассматривать русский мир как устойчивую тему отечественной литературы. Ключевыми становятся вопросы об образовании централизованного государства во главе с Москвой, особом целостном восприятии православного Московского царства, выделении исключительной роли правителя-лидера, мессианском значении Руси.

Список литературы

1. Асонов Н. В. «Второй Израиль» или «Третий Рим» // Государственная служба. – 2008. –№ 6. – С. 180–185.

2. Гольдберг А. Л. Три «послания Филофея». (Опыт текстологического анализа) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы: в 65 т. –Л.: Наука, 1974. –Т. 29. –С. 68–97.

3. Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. –216 с.

4. Ларионова М. Ч., Тищенко А. С. Тема «русского мира» в древнерусской литературе // Русская старина. – 2019. –№ 10 (2). – С. 86–94.

5. Лихачев Д. С. На пути к новому литературному сознанию. (Сочинения царя Ивана Грозного и князя Андрея Курбского) // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 11. – СПб.: Наука, 2001. – С. 5–13.

6. Михайлова Т. В. К семантической динамике политических символов: царская «Гроза» в русской публицистике XVI века // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. –2011. –№ 1. –С. 165–169.

7. Николаева Н. В. «Москва – третий Рим» – артикуляция русской идеи // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. –2009. – № 7 (27). –С. 78–82.

8. Оболенский М. А. О двух древнейших святынях Киева: мощах св. Климента и кресте великой княгини Ольги // Киевлянин. – 1850. – Кн. 3. – С. 139–150.

9. Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 томах. Т. 11. – СПб.: Наука, 2001. С. 14–101.

10. Послания старца Филофея // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 9. – СПб.: Наука, 2006. – С. 290–305.

11. Сказание о князьях владимирских // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 томах. Т. 9. СПб.: Наука, 2006. С. 277–289.

12. Сказание о Магмете-салтане. – URL: https://www.rulit.me/books/skazanie-o-magmete-saltane-read-428806-1.html (дата обращения: 01.10.2022).

13. Сочинения Ивана Семеновича Пересветова // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 9. – СПб.: Наука, 2006. С. 428–451.

14. Тищенко А. С. «Повесть временных лет»: к вопросу о формировании понятий «русский мир» и «Русская земля» // Двадцатый Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура»: материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Челябинск: ЧГИК, 2022. – С. 135–140.

15. Черняев А. В. У водораздела русской политической мысли: Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным // Философский журнал. – 2016. – Т. 9, № 1. – С. 80–100.

УДК 2.27

Тихон (Киреев Глеб Денисович), иером.
Санкт-Петербургская духовная академия,
студент магистратуры

О ПОЗИЦИИ ПРЕПОДОБНОГО МАКСИМА ГРЕКА ОТНОСИТЕЛЬНО СПОРА НЕСТЯЖАТЕЛЕЙ И ИОСИФЛЯН

Аннотация. В статье обзорно излагается позиция преподобного Максима Грека, занимаемая им в контексте церковно-политической дискуссии относительно монастырского землевладения известного в историографии Церкви как спор нестяжателей и иосифлян.

Ключевые слова: христианство, история Русской Церкви, Максим Грек, нестяжательство

Tikhon (Kireev Gleb Denisovich), Hieromonk
St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church, master's student

THE POSITION OF ST. MAXIMUS THE GREEK REGARDING THE DISPUTE OF THE NON-POJUTORERS AND THE JOSEPHLANES

Annotation. The article deals with the outlines the position of St. Maximus the Greek as briefly, taken by him in the context of the church-political discussion regarding monastic land ownership, known in historiography as a dispute between non-possessors and Josephites.

Keywords: Christianity, history of the Russian Church, Maxim Grek, non-covetousness

«Нестяжание» – одна из главных добродетелей монашеского образа жизни. Среди монашеских обетов отказ от владения личным имуществом и жизнь «в вольной нищете» дается иноком в первую очередь. Именно нестяжательный образ жизни, не привязанность, или вернее сказать, свобода от обладания имуществом призвана уподобить жизнь монашествующих жизни самого Христа, свидетельствовавшего о том, что: «лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф 8: 20). На этом обете, как на фундаменте строится вся остальная монашеская жизнь, т. к. пребывая в «нищете» естественным образом легче пребывать в девстве, послушании и постнической жизни. Казалось бы, что относительно одной из главных своих добродетелей христианское монашество, существующее уже гораздо более полутора тысячи лет, должно было бы прийти к какому-то единству, однако во многом и до сих пор, пусть и с гораздо меньшей остротой, существует полемика относительно понимания исполнения этого обета.

Споры о монастырском землевладении, о подлинной евангельской бедности, об использовании труда монастырских крестьян, которые у нас в контексте русской историографии прежде всего ассоциируются с полемикой последователей преподобного Нила Сорского, так называемых «нестяжателей» и преподобного Иосифа Волоцкого, «иосифлян», имевшей место быть в Российском государстве с XIVпо XVII в. Однако подобная же полемика, с не меньшим пылом и страстью уже несколько веков велась среди западного монашества. Нестяжательные взгляды и различные способы существования монастырской общины известны нам и среди Афонских монастырей.

Стоит отметить, что сам термин «нестяжательство» имеет историографическое происхождение и, по свидетельству Н. В. Синицыной, в суждениях которой сложно сомневаться, в сочинениях авторов, ведших эти самые споры, не обнаруживается. Важным уточнением будет являться и то, что жесткое деление участников спора на два противоборствующих лагеря также будет неверным, поскольку, «нестяжатели» вовсе не были едины в своих взглядах и сами не редко полемизировали друг с другом (так и «иосифлян» вовсе нельзя, в противовес, назвать стяжателями). Как было сказано выше, «нестяжаиние» – одна из главных монашеских добродетелей, и как таковая не отрицалась последователями преподобного Иосифа. Сам игумен Волоцкого монастыря в своих трудах восхвалял нестяжание (как отказ от личного имущества) и ставил его необходимым требованием для насельников своего монастыря, тождественная позиция присутствует и в текстах митрополита Московского Даниила. Следует отметить, что и сам преподобный Нил Сорский не выступал с радикальным требованием всеобщего преобразования русских монастырей, как в широких массах это представляется чуть ли не «революцией» или своеобразной «реформацией» русского монашества. Сорский игумен, обличая всяческие злоупотребления общежительных монастырей, скорее, как добрый пример, приводит устройство своей небольшой обители, вовсе не требуя по единому образцу преобразовать огромные общежительные монастыри.

Суммируя и дополняя сказанное о «нестяжателях», нужно отметить, что представители этого движения не предлагали какой-то конкретной программы по преобразованию устройства русских монастырей, и более того, в большинстве своем не выступали против монастырского владения как-такового, а скорее, обличали всяческие злоупотребления и излишества, связанные с владениями селами и трудом крепостных крестьян. У разных авторов «нестяжание» выступает скорее, как общехристианская добродетель, выражающаяся в правильном, евангельском отношении к обладанию имуществом, владению землей и отношению к подчиненным. Таким образом, проповедь «нестяжателей» выходила за границы монастырских стен и была обращена ко всему христианскому обществу в целом. Возможно наиболее удачным обобщением взглядов представителей нестяжательного движения мы можем найти, все также следуя мысли Н. В. Синицыной, у отца Сергия Булгакова в его раннем труде 1916 г. «Основные мотивы философии хозяйства в платонизме и раннем христианстве»: *«Известно, что в первохристианской письменности, а равно и у таких отцов Церкви, как святые Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский, имеются чрезвычайно резкие осуждения частной собственности. ... Однако при ближайшем рассмотрении можно видеть, что вся энергия этих осуждений относится не столько к собственности, сколько к собственникам, в которых клеймится эгоизм и черствость при пользовании собственностью. От собственника требуется известное поведение – именно исполненная добро-*

желательства помощь бедным и вообще полезное и разумное пользование богатством, причем высшим достижением будет полный отказ от собственности во имя освобождения от хозяйства» [9].

Тем не менее нельзя сказать, что полемики как таковой совсем не было. Как раз споры о монастырском землевладении смогли невероятно накалить обстановку в русском как церковном, так и политическом обществе. Среди «нестяжательной партии» были представители русских княжеских семей, таковым, в частности являлся друг и враг царя Иоанна Васильевича – князь Андрей Михайлович Курбский. Человеком же, как раз обострившим данную полемику, был представитель другого влиятельной княжеской семьи Патрикеевых – инок Вассиан. Именно он, обладая ярким темпераментом, и усилил напряженность полемики. Накалил страсти и факт вмешательства еще одной значимой силы в этот даже не внутрецерковный, а внутримонашеский спор. На полемику учеников и последователей игуменов Сорского и Волоцкого монастыря обратила свой взор государственная власть. Содержащиеся в посланиях Патрикеева призывы передать монастырское землевладение в государево ведение не могло не привлечь внимания русских правителей. Непреклонная и эмоциональная позиция инока Вассиана вызвала гнев церковного Собора, судившего Патрикеева в 1531 г. На этом же соборе состоялся суд и над преподобным Максимом.

Само появление ученого книжника с Афона в Москве в 1518 году не могло не привлечь внимание участников полемики. Преподобного Максима, можно сказать, попытались тут же толкнуть в самую гущу этих горячих споров. Можно предположить, что со временем породило большой корпус сочинений преподобного Максима Грека посвященных аскетической жизни, монашескому деланию и монастырскому укладу.

Личность преподобного Максима (Триволиса) вообще сама по себе интересна. Его яркая биография и география его путешествий делают его подлинным сыном эпохи Ренессанса, а объемное литературное наследие, написанное на прекрасном церковно-славянском языке, делает его одним из выдающихся русских мыслителей и авторов. Дискуссии по поводу оценки его личности и наследия не утихают до сих пор. Для нас же, в контексте данного доклада, представляют особый интерес его взгляд и позиция на полемику «нестяжателей». Действительно, опыт Преподобного является уникальным, так как объединяет взгляды на «нестяжание» итальянских монашеских орденов, усвоенных Триволисом в его бытность в Италии, Афонского монашества, в период пребывания на Святой горе и русских нестяжателей, к которым сегодня мы можем отнести и преподобного Максима.

Сложно сказать, как и когда полностью сформировались взгляды Максима Грека на нестяжание. Некоторые исследователи считают, что все они сформировались в Италии, и Афонский опыт при этом не оказал значительного влияния, есть и альтернативные взгляды, что, безусловно, является предметом отдельного исследования.

Позиция преподобного Максима относительно той полемики, которую он застал, прибыв в Москву, была им обозначена практически сразу в одном из первых его произведений, написание которого датируется последними годами второго десятилетия шестнадцатого века. Это его послание к великому князю Василию Иоанновичу об устроении афонских монастырей. Уже в этом раннем послании преподобный Максим показывает правомочность существования двух равноправных монастырских традиций, там он описывает и большие общежительный монастыри, и Лавры, и скиты. Все они, имея разное устройство, и разное владения представляются им благими, в отдельных частях преподобный Максим пишет настоящий «гимн» человеческому труду, описывая всевозможные ремесла, которыми монахи-труженики обогащают свою обитель, заботясь таким образом о ней, как о престарелом родителе. Там, на примере лавры святого Афанасия он показывает и возможность перехода обители от общежительного устава к особножительному, но в отличие от инока Вассиана, все это может произойти только по велению и решению самой братии, без вмешательства внешних сил.

В более поздних своих сочинениях, написанных в тридцатые и сороковые годы, он более подробно развивает свои взгляды на монастырское владение. Обличая угнетение монастырских крестьян и злоупотребление во владении монастырскими селами, прп. Максим не отрицает монастырское землевладение как таковое. Напротив, преподобный видел во владении монастырскими селами, при должном, евангельском отношении и к труду, и к подчиненным крестьянам, возможность благоустроить и обеспечить заботой вверенных монастырскому попечению людей. Таким образом, он уводил полемику от простого вопроса о возможности и правомочности монастырских владений в более широкую богословско-аскетическую область и, можно сказать, занимал примирительную позицию по отношению к остальным участникам полемики.

Список литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета // Синодальный пер. М.: РБО, 2017 – 1328 с.
2. Преподобный Максим Грек Сочинения. Т. I. – М.: Индрик, 2008. – 568 с.
3. Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 2 – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. – 432 с.
4. Пострижение в монашество: опыт историко-литургического исследования обрядов и чинопоследований пострижения в монашество в Греческой и Русской церквах до XVII в. включительно / Архим. Иннокентий (Беляев). – Репр. воспр. изд. 1899 года. – Москва: Изд-во Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2013. – 381 с.
5. Требник. – [Репр. изд.] – Санкт-Петербург: Изд. Свято-Троице-Сергиевой лавры, 1995. – 627 с.
6. Максим Грек в России / Н. В. Синицына; АН СССР, Ин-т истории СССР. – Москва : Наука, 1977. – 332 с.
7. Синицына Н. В. Нестяжательское учение преподобного Максима Грека // Русская патрология: Материалы академической конференции. – Сергиев Посад: Московская Православная Духовная Академия, 2009. –С. 451–475.
8. Иванов А. И. Максим Грек и Савонарола // Богословские труды. – 1974. – Вып. 12. – С. 184–208.

9. Булгаков С. Н. Основные мотивы философии хозяйства в платонизме и раннем христианстве // История экономической мысли / под ред. В. Я. Железнова и А. А. Мануйлова. М., 1916. –Т. 1. – Вып. 3. – С. 43–52. (Цит. по: URL: https://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=ru&links=./ru/bulgakov/works/bulgakov_w2.txt&name=bulgakov&img=brief.gif).
10. Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV– начала XVI века. – Москва-Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 533 с.
11. Wilson N. From Byzantium to Italy: Greek studies in the Italian Renaissance. L., 1992. –199 с.

УДК 821.161.1, 81'32, 23/28

Суровцева Екатерина Владимировна
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

ЖАНРОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ СОЧИНЕНИЙ О СВЯТОМ: НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ О МАТРОНЕ МОСКОВСКОЙ

Аннотация. В русле изучения современной русской агиографии необходимо, во-первых, пристально исследовать жанр жития юродивых и, во-вторых, рассмотреть, как личность святого преломляется в разных жанрах – не только житиях, но и в биографиях, художественных рассказах, воспоминаниях, сборниках чудес. Поставленная нами тема будет кратко рассмотрена на материале текстов, посвящённых Матроне Московской.

Ключевые слова: житие, биография, художественный рассказ, воспоминания, сборник чудес, Матрона Московская, юродивые, житие юродивых.

Surovtseva Ekaterina Vladimirovna
Lomonosov Moscow State University, Candidate of Philology, Senior Researcher

GENRE VARIETY OF WORKS ABOUT THE SAINTS: ON THE MATERIAL OF TEXTS ABOUT MATRON OF MOSCOW

Annotation. In the context of studying of modern Russian hagiography, it is necessary, firstly, to closely examine the genre of the holy lives of the fools, and secondly, to consider how the personality of the saint is refracted in different genres – not only holy lives, but also in biographies, fiction stories, memoirs, collections of miracles. The topic we have raised will be briefly considered on the material of texts dedicated to Matrona of Moscow.

Keywords: holy life, biography, fiction story, memoirs, collection of miracles, Matrona of Moscow, the fools, the holy life of the fools

Матрона Московская является одной из самых почитаемых святых России. Она прожила трудную жизнь, разделив судьбу нашего народа в XX веке. В 1999 г. она была канонизирована в лике юродивых как местночтимая святая, в октябре 2004 г. состоялась её общецерковная канонизация. После этого события было создано множество книг самых разных жанров. Нами составлен предварительный перечень изданий – общим числом 34. Из них:

1. 5 биографий [11; 21; 23; 34; 36];
2. 18 житий – из них:

a) 12 канонических [3; 4; 6; 8; 10; 15; 18; 19; 27; 28; 29; 30],

b) 5 детских [1; 5; 14; 25; 32] (обоснование выделения этой жанровой разновидности см. в работах Е. К. Макаренко [12; 13], А. Э. Санько [26]),

c) 1 каноническое в составе современного патерика [7]);

3. 6 сборников рассказов о молитвенном опыте и помощи Матроны [2; 16; 17; 31; 33; 38];

4. 1 сборник воспоминаний, наставлений и чудес [9];

5. 4 художественных рассказа [20; 22; 24; 37];

6. 1 сборник с описанием чудес, рекомендаций паломнику, молитвами [35].

Далее на основе анализа собранного нами материала рассмотрим следующие вопросы. Прежде всего вопрос о соотношении жанров жития и биографии в современной русской литературе. В эпоху Древней Руси биографии не существовало, существовало только житие; в XVII в., когда началась секуляризация нашей культуры, биография постепенно «ответвилась» от жития, и в настоящее время исследование жанра жития новомучеников и исповедников показывает, что биография оказывает влияние на житие – точно так же, как портрет, «отделившийся» от иконы, оказывает влияние на икону, что мы видим на примере иконописных изображений Матроны Московской – по канонам она не должна быть изображена слепой.

Однако при возможности взаимопроникновения и обогащения жития и биографии эти жанры обладают своими специфическими чертами. Одним из важнейших различий жития и биографии, на наш взгляд, является то, что в биографии не только допустимо, но даже необходимо обсуждение спорных и невыясненных обстоятельств жизни святого. Например, в церковных кругах существует легенда (она даже излагается в неканоническом житии Матроны, написанном в конце 1990-х З. Ждановой и резко осуждённом церковью за ряд фактических и вероучительных ошибок), что святая якобы встречалась со Сталиным. Художником-иконописцем И. И. Пивником по инициативе игумена Евстафия (Жакова) в 2008 г. была написана «икона» «Блаженная Матрона благословляет Иосифа Сталина», которая некоторое время находилась в Храме святой равноапостольной княгини Ольги в Стрельне Петродворцового района Санкт-Петербурга; после широкого общественного резонанса икона была удалена из Храма, а игумен попросил освободить его от должности настоятеля Храма. В биографиях Матроны Московской, написанных А. Г. Ушаковым (2015 г.) [36] и Н. В. Лясковской (2015г.) [11], об этом упоминается – со всеми необходимыми оговорками, что этот факт нельзя считать достоверным, и с попыткой анализа происхождения легенды. В жанре жития подобный анализ невозможен.

В качестве расхождений между биографией и житием святой – на примере Матроны, уже без обобщений – упомянем тот факт, что между

биографией святой, написанной Н. В. Лясковской [11], и житиями существует противоречие в сведениях о семье Матроны. В житийной традиции укоренилось мнение, что она происходила из бедной семьи, Лясковская же на основании архивных документов доказывает, что семья была зажиточная, а миф о происхождении подвижницы был создан её помощниками, справедливо предполагавшими, что «кулацкое происхождение» слишком опасно, особенно учитывая «род деятельности» блаженной. Разумеется, каково бы ни было происхождение Матроны, сущность её духовного и нравственного подвига не меняется.

Следующий вопрос – вопрос об особенностях современного житийного жанра. В первую очередь необходим детальный анализ канонических житий – их сходства и отличий от канонических житий Древней Руси. Особого рассмотрения требует и современный патерик. Кроме того, в современной агиографии стали появляться новые модификации жанра, не существовавшие ранее. Таково детское житие. Его отличает краткость (информация излагается редуцировано, без подробностей), простой язык, адаптация сложного материала для детского восприятия, зачастую – красочные иллюстрации.

Хотелось бы особо обратить внимание на воспоминания. В современных житиях речь идёт о недавних событиях, свидетелями которым были люди старшего поколения – их рассказ о событиях трагического XX в. прольёт дополнительный свет на известные нам факты.

Полезны для паломника и рекомендации для посещения святынь, связанных с Матроной, и описание чудес, которое может духовно поддержать и ободрить скорбящего.

Художественные рассказы о святой – «находка» для любого литературоведа. Как отражается личность канонизированного подвижника в собственно художественной прозе, в каких жанрах – вот пути анализа подобных текстов.

Мы не претендуем на всеохватность материала. Отметим, что наш поиск затрудняет тот факт, что некоторые авторы переиздают свои книги под другими названиями и в других издательствах. Некоторые книги были выпущены несколькими стереотипными изданиями. Работа в обозначенном нами направлении будет продолжена. Следующий её этап – обстоятельный анализ – и содержательный, и языковой – всех известных нам житий блаженной Матроны Московской.

Список литературы

1. Ананичев А. С. Матрона Московская. Иллюстрации П. Григорьева. Серия «Жития святых для детей». – Тула: Имидж Принт, 2014. – 72 с.

2. Белов И. Святая блаженная Матрона Московская. Самая полная книга. – М.: Астрель, 2012. – 319 с.

3. Блаженная Матрона Московская / авт.-сост. Е. А. Князев, А. А. Евстигнеев, Е. Ю. Князева. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 303 с.

4. Блаженная Матрона Московская / сост. А. А. Мацукевич. – М.: ЭКСМО, Русь – Олимп, 2010. – 287 с.

5. Божий свет в слепых очах. Житие Матроны Московской в пересказе для детей. Составитель Н. Михайлова. – М.: Приход храма Св. Духа на Лазоревском кладбище, 2016. – 24 с.
6. «Всем буду помогать и всех услышу»: Житие святой блаженной старицы Матроны Московской / сост. С. Николаева. – М., 2016. – 64 с.
7. Егоров Б. И. Блаженная Матрона Московская (1957) // Егоров Б. И. Русский патерик: Жития великих русских святых. – М.: Даръ, 2017. – С. 370–376.
8. Житие и акафист блаженной Матроне Московской. Тюмень: Русская неделя, 2014. – 32 с.
9. Житие и чудеса блаженной старицы Матроны / авт.-сост. З. В. Жданова. – М.: Изд. Покровского женского монастыря, 2008. – 240 с.
10. Житие святой блаженной старицы Матроны Московской и её чудотворения XX – XXI вв. / сост. А. Худошин. – М.: Терирем, 2011. – 192 с.
11. Лясковская Н. В. Матрона Московская. – М.: Вече, 2015. –319 с.
12. Макаренко Е. К. Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования // Святоотеческие традиции в русской литературе / отв. ред. В. В. Соломонова, С. А. Демченков. – Омск: Вариант-Омск, 2010. – С. 155–164.
13. Макаренко Е. К. Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 95–102.
14. Максимова М. Житие блаженной Матроны Московской в пересказе для детей. – М.: Никея, 2016. – 48 с.
15. Матрона Московская // Великие святые: Матрона Московская, Ксения Петербургская, Серафим Саровский, Сергий Радонежский / авт.-сост. Е. Владимирова. – М.: Эксмо, 2010. – 368 с.
16. Матрона Московская обязательно поможет каждому! Попросите прямо сейчас – и Ваша просьба исполнится / сост. О. Светлова, А. Чуднова. – М.: АСТ; 2010. – 192 с.
17. Матронушка помогает. Реальные истории в записочках / сост. А. А. Мацукевич. – М.: АСТ, 2013. – 255 с.
18. Матронушка. Если никто больше не помог / сост. А. А. Мацукевич. – М.: АСТ, 2016. – 255 с.
19. Наша молитвенница. Книга о святой блаженной Матроне Московской. – М.: Ковчег, 2011. – 240 с.
20. Охлобыстин И. Матрона Московская. Серия «Святые (АСТ)». – М.: АСТ, 2015. – 130 с.
21. Печерская А. Матронушка-Босоножка // Печерская А. Пути блаженных. – СПб.: ИК «Крылов», 2010. – 224 с.
22. По дороге к Матронушке / сост. Ольга Иженякова. Серия «Рассказы о святых и верующих». – М.: АСТ; 2014. – 352 с.
23. Помоги, Матронушка: жизнеописание и посмертные чудеса блаженной старицы Матроны Московской с приложением акафиста / сост. А. С. Ананичев. – М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2015. – 136 с.
24. Прорицательница и чудотворица святая блаженная Матрона Московская / сост. О. Светлова. – М.: АСТ, 2012. – 155 с.
25. Протоиерей Константин Камышин. Блаженная Матрона Московская // Протоиерей Константин Камышин. Святые XX века. Краткие жития для детей. – Красногорск: Успенский храм, 2012. С. 200–202.
26. Санько А. Э. Жития святых: особенности редакционно-издательской подготовки // Кирилло-Мефодиевская традиция в культуре России. Шестнадцатый Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура». – Челябинск: ЧГИК, 2018. – С. 231 – 235.
27. Святая блаженная Матрона Московская / сост. Анна А. Маркова. –М.: Благовест, 2011. –208с.
28. Святая блаженная Матрона Московская / сост. И. В. Бакулина. – М.: Белый город, ДАРЪ, 2012. – 32с.
29. Святая блаженная Матрона Московская. Житие, акафист, служба. – Нижний Новгород: Родное пепелище, 2016. – 60 с.

30. Святая блаженная Матрона Московская. Житие. Акафист / сост. жития В. Иванов. – Самара, 2015.
31. Святая блаженная Матрона Московская. Избавит от беды и боли. Поможет в делах и учебе. Сохранит семейное счастье / сост. О. Светлова. – М.: АСТ, 2012. – 159 с.
32. Святая блаженная Матрона Московская / пересказала для детей Е. Вечерская. – Минск, 2010. –17 с.
33. Святая блаженная Матрона Московская. Помощь рядом! / сост. О. Светлова, А. Чуднова. – М.: АСТ, 2012. – 607 с.
34. Святая Матрона Московская. Реальная помощь каждому верующему христианину. – М.: РИПОЛ классик / T8RUGRAM, 2017. – 64 с.
35. Спасибо Матроне Московской / авт.-сост. Е. Владимирова. – М.: Эксмо, 2016. –160с.
36. Ушаков А. Г. Святая блаженная Матрона Московская. Описание жизни. Чудеса. Исцеления. Молитвы. Святые места. – М.: Мартин, 2015. – 223 с.
37. Фёдоров И. Святая блаженная Матрона Московская. Попроси, и дано будет. Серия «Святые вам помогут». – М.: АСТ, 2011. – 192 с.
38. Чуднова А. Вам поможет святая блаженная Матрона Московская. – М.: АСТ, 2009. – 128 с.

УДК 248

Рудавина Татьяна Анатольевна
отдел Губкинской епархии
Русской Православной Церкви
по взаимодействию Церкви с обществом и СМИ, г. Белгород,
сотрудник

ФЕНОМЕН СВЯТОСТИ В ПРАВОСЛАВИИ

Аннотация. В статье предлагается обзор православного понятия святости, как реального идеала человека и как возможно достижимого состояния духовного совершенства. Отмечается специфика понимания человека и цели его существования с позиции православного богословия. Автор приходит к выводу о том, что образ жизни, подвиги и труды православных святых, их поразительное смирение, бегство от земной славы являются совершенным образцом православной святости.

Ключевые слова: православная антропология; понимание святости в Православии; православная аскетика; учение о святости

Tatiana Anatolievna Rudavina
Officer of the Department of the Gubkin Diocese on cooperation between the Church and society and the media, Belgorod, an employee

THE PHENOMENON OF SANCTITY IN ORTHODOXY

Annotation. The article deals with the review of the Orthodox concept of holiness as a real human ideal and as a possible achievable state of spiritual perfection is offered. It is noted the specificity of understanding of man and the purpose of his existence from the position of Orthodox theology. The conclusion is the statement that the way of life, feats and labors of Orthodox saints, their remarkable humility, flight from earthly glory is a perfect example of Orthodox holiness.

Keywords: Orthodox anthropology; understanding of holiness in Orthodoxy; Orthodox ascetics; doctrine of holiness

Современный мир переживает острый духовный кризис: рушатся все прежние идеалы общества, традиционный уклад жизни, трансформируются межличностные отношения и понятие человека в целом. Современный мир в условиях глобализационных процессов все больше отходит от Евангельского учения, которое выдвигает идеал святого, провозглашает явление преображенной в Свете Христовой истины твари. На место Бога водружается человек с либеральными ценностями и провозглашается построение новой человеческой формации, в которой нет места Христу. Подвергаются осмеянию традиции прошлого (как и опыт старшего поколения), либеральные идеологи предлагают уйти от многовековых устоев, от православной культуры, жить в соответствии с антихристианскими идеями, лозунгами и целями, заключенными, в частности, в достижении бессмертия посредством последних достижений в области научных технологий, построения нового типа людей (транс-человека, пост-человека), киборгизации и интеграции человеческого сознания и машины. В мире происходит смена духовно-нравственных парадигм, на фоне чего искажается традиционное понимание человека, межличностных и межполовых отношений. То, что всегда осуждалось, как грех, сегодня предлагается в качестве единственно возможной и правильной модели поведения. В мире растет число ЛГБТ-сообществ, законодательно поддерживаются однополые браки, западные церкви составляют тексты для совершения таинства Венчания над такими семьями. Кроме того, священниками, епископами в западном христианском мире становятся женщины, гомосексуалисты. Все это отрицательно влияет на молодежь, которая оказывается под гнетом деструктивной пропаганды, дезориентируя ее.

В этой связи необходимо обратиться к православному учению о святости, о человеке, чтобы устоять перед вызовами глобализационной эпохи, противостоять навязываемым извне либеральным стандартам и твердо держаться Истины.

С точки зрения православного вероучения, человек есть образ и подобие Бога. Бог свят, а потому святость определяется через восхождение к своему Источнику, то есть к Создателю. В Священном Писании сказано: «Я – Господь Бог ваш: освящайтесь и будьте святы, ибо Я [Господь, Бог ваш] свят» (Лев.11:44), «по примеру призвавшего вас Святаго, и сами будьте святы во всех поступках» (1Пет.1:15). Святость есть единство человека с Духом Божиим.

Как писал архимандрит Сергий (Страгородский), важнейшим вопросом христианского вероучения является «вопрос о личном спасении, и он уже давно решен в Православной Церкви, нам указан путь спасения, ведь Иисус Христос – Истина и Свет – вочеловечился и Сам прошел указанным Им путем» [11, с. 5]. В творениях сщмч. Иринея Лионского мы читаем: «Господь наш по неизмеримой благости Своей сделался тем, что и мы, дабы нас сделать тем, что есть Он» [6, с. 452]. Ему вторит и свт. Григорий

Нисский, который, как и другие отцы Церкви, говорит нам о том, что «Бог стал человеком для того, чтобы человек смог стать богом» [4], обожиться, стать чистым, совершенным.

Весь сонм подвижников, мучеников, исповедников и святителей – все это образцы деятельной жизни во Христе, следования Ему, весь это сонм является живым воплощением Его учения и раскрывает истину спасения именно для индивидуального сознания. Читая жития святых, мы видим плоды их личного опыта, мы видим, каким путем они достигли своей святости.

Главная цель жизни человека и его спасения заключена в единении человека с Богом. При этом, как верно отмечает А. И. Осипов, «…если ветхая природа наследовалась потомками Адама в естественном порядке, то рождение во Христа и во Христе, Который есть Второй Адам, и приобщение Св. Духу происходит посредством сознательно-волевого усилия и деятельной жизни конкретно взятого индивидуума, посредством личной активности» [10, с. 139]. Прп. Симеон Новый Богослов говорит, что уверовавший сначала «кается в прежних грехах своих и очищается от них в таинстве Крещения, он как-бы духовно рождается в этом таинстве, становясь членом Церкви, и Бог входит в крещеного и пребывает в нем как семя» [12, с. 67].

Но верующий в Крещении «.. тем не менее, сохраняет страстность, тленность и смертность» [8, с. 111], унаследованные им от согрешивших прародителей, в нем остается «удобопреклонность ко злу» [2]. Поэтому человек должен вести правильную (праведную) духовную жизнь, чтобы постепенно духовно возрастать и совершенствоваться, становится способным к принятию особого освящения Духом Святым. У человека ленивого, не желающего прилагать усилия к своему совершенствованию, семя Крещения так и остается бесплодным, а у человека деятельного, как в доброй почве, это семя дает плод – приобщение Духу Святому, т. е. святость.

Прп. Симеон писал: «Все старания и весь подвиг христианина должен быть обращен на то, чтобы стяжать Духа Святого, ибо в этом и состоит духовный закон и благобытие» [13, с. 30]. Цель жизни христианина, живущего духовно, по слову прп. Серафима Саровского, состоит в стяжании Духа Божия [9]. Целью христианской жизни, писал епископ Александр (Семенов-Тянь-Шанский), «…является соединение с Богом и с другими людьми по подобию Троичного единосущия через приобщение к жизни Господа Иисуса Христа» [1, с. 109]. Таким образом, задача человека заключена в восстановлении в себе первоначальной чистоты разума, блеска ума.

При этом, в соответствии с православной теологией, необходима синергия, соработничество, наличие как Божественной, так и человеческой воли. Духовное совершенствование, достижение единения с Господом, обожение, спасение – это не единовременный акт, а динамичное состояние, движение духа, которое подтверждается любовью к Богу и ближнему посредством доброделания, духовного подвига, борьбы со страстями, самосовершенствования, смирения и т. д.

Аскетическое делание занимает важное место в Православии, оно обращает наше внимание на то, что земная жизнь является подготовкой к жизни вечной. В соответствии с православным вероучением, каждый христианин должен бороться с грехами и страстями, поэтому, когда человек трудится и живет ради земных благ, наживы, богатства, сребролюбия, славы, власти, это означает, что он сошел с истинного пути, отошел от требований аскезы и не соответствует понятию святости. Верующий христианин должен совершать подвиги и добрые дела «Христа ради», а не корысти ради, не для тщеславия, не для гордыни, не для власти и денег. Тогда делаемое добро приносит плоды Св. Духа.

В соответствии с учением Церкви, святые есть живые образы Бога, Его святости и других совершенств, и к такому уподоблению Богу должны стремиться все люди. Святые являют нам живой пример христианской нравственности и жизни. Аскетизм и при этом радость по Богу характерны для жизни православных подвижников. Эта жизнь предполагает постоянную борьбу с самим собою и при этом объединение друг с другом в неподдельной, искренней любви. Необходимым условием достижения святости является очищение, покаяние, перемена сознания и жизни, переход от существования во грехе к жизни в Боге. Православная сотериология для спасения человека, его соединения со Творцом предполагает восприятие греховных страстей как «душевной болезни» и говорит о необходимости освобождения от них. Преподобный Иустин (Попович) утвеждает, что зараженная грехом, запятнанная страстями, больная душа, больные ум, сердце и воля не могут породить здоровые мысли, чувства, желания, сознание [7, с. 56], ибо не может больное, зараженное растение приносить здоровые плоды (см.: Мф.7:17).

Грехопадение прародителей в Православии воспринимается как «травма природы» вселенского масштаба, искажение человеческого бытия, онтологических оснований, утрата цельности, гармонии и, соответственно, утрата животворящей благодати Божией, следствием чего является желание, стремление человека быть самому себе богом, существовать независимо от Создателя, действовать по своим личным правилам и морали. И к исправлению сложившейся ситуации необходимо стремиться каждому из нас. Человек может стать истинным образом (иконой) Бога только тогда, когда он живет по Его заповедям, идет Его путями, укореняется в Боге посредством молитвы, борьбы со страстями, отсечения дурных помыслов и участия в таинствах и жизни Церкви.

В соответствии с православным вероучением, жизнь по заповедям Божиим, стяжание добродетелей понимается как реальное усвоение Христу, причастие Его жизни, усвоение Богочеловеческого состояния. Общение с Богом во Христе является высшей целью человека и основой его вечной жизни. Совершенство православной «святости» заключается в любви к Богу и ближнему, когда эта любовь находится на первом месте в

жизнедеятельности христианина. Она является сердцевиной религиозно-нравственного совершенствования. Эта истина является лейтмотивом всего Евангелия, она объемлет все содержание Св. Писания, православной теологии. Н. А. Бердяев отмечает, что любовью к Богу и любовью к человеку определяет мораль Евангелия, причем помогать ближнему, творить добрые дела следует из любви к Богу и людям и для их соединения, «для сочетания душ в Царстве Божьем» [3, с. 125]. Обращение ко Христу, вера в Бога неразрывно связано с покаянием, истинным, сердечным, слезным. Вера и покаяние – как два крыла. Отцы Церкви «понимают спасительный акт Богочеловека как процесс приближения Богом человека к Себе» [5]. И это действие они считали длительным по времени. Процесс неустанного духовного подвига человека, постепенного очищения его от греха, насаждения в его жизни правды и святости Христовой в Писании называется «освящением», «обновлением» существа.

Спасается человек в Церкви. Церковь – корабль спасения, Тело Христово, святость ее и апостоличность – от Духа Святого. Христианство предполагает деятельное осуществление духовного совершенства посредством напряжения всех телесных сил человека и его борьбы с различными препятствиями, искушениями. Святые уже здесь, на земле, живут иной, вечной жизнью, они становятся примерами и учителями жизни для народа, так как истинность своего учения они засвидетельствовали своей жизнью. Святым не поклоняются, как Богу. Их почитают. Они отличаются «особой духовной чистотой и ревностью христианской жизни, подвигом молитвы и любви, мученичеством за Христа» [14, с. 36]. При этом все православные святые считали ничем совершенные ими подвиги. И чем чище становилось их сердце, душа, тем более они возрастали в смирении и кротости.

Таким образом, на основании выше изложенного, можно сказать, что абсолютная святость присуща лишь Богу, Он свят, а потому и святость человека, в православном понимании, есть причастность Богу, духовное уподобление Ему, обожение, стяжание Духа Святого. Образ жизни, духовные подвиги и труды православных святых, подвижников и аскетов, их поразительное смирение, кротость, терпение, милосердие, бегство от земной славы являются совершенным образцом православной святости. Православная аскетика напрямую связана с сотериологией и эсхатологией, с исцелением от «травмы» греха, оживлением мертвой от грехов души, ее очищением, с восстановлением связи с Богом, с жизнью во Христе.

Список литературы

1. Александр (Семенов-Тянь-Шанский), еп. Православный катехизис. – М.: Деоника, 2009. – 170 с.

2. Алипий (Кастальский-Бороздин), архим., Исайя (Белов), архим. Догматическое богословие. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/dogmaticheskoe-bogoslovie-kastalskij/4_3 (дата обращения: 03.03.2023).

3. Бердяев Н. А. О назначении человека. – Париж: Современные записки, 1931. – 320 с.

4. Григорий Нисский, свт. Большое огласительное слово. Глава 25. Ответ тем, кто удивляются, что Божество было в человеческом естестве. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Nisskij/bolshoe-oglasitelnoe-slovo/#0_26 (дата обращения: 03.03.2023).
5. Дронов М., прот. Протестантская этика и православная аскетика. – URL: https://azbyka.ru/protrstanskaia-etika#15 (дата обращения: 04.03.2023).
6. Ириней Лионский, сщмч. Против ересей. Доказательство апостольской проповеди / Пер. прот. П. Преображенского, Н. И. Сагарды. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010. – 640 с.
7. Иустин (Попович), прп. Путь Богопознания. Гносеология святого Исаака Сирина. – М.: Свято-Елисаветинский монастыья, 2003. – 66 с.
8. Максим Исповедник, прп. Вопросы – ответы к Фалассию // Творения преподобного Максима Исповедника: в 2 т. – М.: Мартис, 1993. – Т.2. – 346 с.
9. Мотовилов Н. А. Беседа с Серафимом Саровским о цели христианской жизни. – URL: http://www.odinblago.ru/agio/o_celi_hristianskoi_jizn1/ (дата обращения: 03.03.2023).
10. Осипов А. И. Святость человека в православной аскетической традиции // Православное учение о человеке. – М.-Клин: Христианская жизнь, 2004. – С. 138–153.
11. Сергий (Страгородский), архим. Православное учение о спасении: Опыт раскрытия нравственно-субъективной стороны спасения на основании Св. Писания и творений святоотеческих. – Казань: Тип.-лит. Императорского Университета, 1898. – 128 с.
12. Симеон Новый Богослов, прп. О цели христианской жизни // ЖМП. – 1980. – №3. – С. 63–67.
13. Симеон Новый Богослов, прп. Творения. Слова. Слово 2. – М.: типо-литография И. Ефимова, 1892. – 594 с.
14. Шубаро О. В. Христианское понятие святости и почитание святых новомучеников // Христианство в Беларуси: история и современность: сб. науч. ст. / редкол.: А. А. Коваленя и др. – Минск: Беларуская навука, 2014. – С. 36–43.

УДК 281.2

Усанова Ольга Григорьевна
Челябинский государственный институт культуры, кафедра литературы, русского и иностранных языков, кандидат педагогических, доцент

СВЯТИТЕЛЬ ИОАНН ЗЛАТОУСТ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ УЧИТЕЛЕЙ НРАВСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается жизнь и служение святителя Иоанна Златоуста, оставшегося в историю христианства как одого из основных учителей нравственности. Смысл пастырства святителя заключался в руководстве духовной жизнью людей, цель – привести их к состоянию духовного совершенства. Средством его деятельности являлось слово, проповедь. Признание за святителем Иоанном Златоустом таланта мастера слова и отражает его прозвание.

Ключевые слова: риторика, живое слово, проповедь, пастырь, подвижничество, нравственные поучения и наставления

Usanova Olga Grigorievna
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Department of Literature, Russian and Foreign Languages, candidate of pedagogical sciences, Docent

ST. JOHN CHRYSOSTOM AS ONE OF THE MAIN TEACHERS OF MORALITY

Annotation. The article deals with the peculiarity of how St. John Chrysostom entered the history of Christianity as one of the main teachers of morality. The meaning of his pastorate

was to guide the spiritual life of people, the goal was to lead them to a state of spiritual perfection. The medium was the word, the sermon. Recognition for St. John Chrysostom of the talent of a master of the word reflects his nickname.

Keywords: rhetoric, living word, sermon, shepherd, asceticism, moral teachings and instructions

По выражению известного философа XVI в. М. Монтень, дар слова – чудесный дар природы» [2, с. 152]. Дар слова – величайшая способность человека, делающая его собственно человеком. Жизнь людей немыслима без языка, без речи. Слово – это средство общения между людьми, способ обмена информацией, и инструмент воздействия на разум и волю другого человека. Оно же фиксирует предшествующую историю общества и делает возможным его дальнейшее развитие. Владение словом ценится очень высоко. Эта способность является составной частью общей культуры человека, его образованности. Каждый заинтересован в том, чтобы уметь говорить правильно и хорошо, поскольку это дает возможность устанавливать и поддерживать добрые отношения с другими людьми. Само по себе бессильное, слово становится мощным орудием, если оно сказано умело, искренне и вовремя. Если мы хотим, чтобы наше общение было успешным, то необходимо научиться пользоваться своей речью. Эта задача, а скорее, – проблема, становится еще более актуальной в современной ситуации: некогда «богатый и могучий русский язык» превращается сегодня в пустословие, а речь поражает своей убогостью, лексической скудостью, нищетой, безвкусием фраз и обилием штампов. В некоторых сферах современной коммуникации искусное владение словом становится крайне необходимым: учитель, юрист, социальный работник, политик, менеджер, проповедник…

С давних времен люди стремились понять, в чем секрет воздействия живого слова, врожденный ли это дар или результат кропотливого длительного обучения и самообразования. Риторика – одна из древнейших наук. Неожиданный интерес к риторике, проявившийся в 80-х гг. XX в. и ставший очередной модой, постепенно приводит к возрождению этой науки (которую в Античности, вследствие ее огромного влияния на жизнь общества и государства, называли «искусством управлять ушами» /Платон/ и ставили в один ряд с искусством полководца, с эпосом и музыкой). Риторика переживает подлинный ренессанс в отечественной науке последних лет, получая все более широкое признание.

Слово «риторика» воспринимается по-разному. У одних оно ассоциируется с желанием овладеть ораторским мастерством. У других – «риторика», «оратор», «ораторское мастерство», «красноречие» – это слова одного синонимического ряда. У третьих – слово «риторика» выступает как синоним краснобайства, что характеризует способности с помощью речевых средств увести от истины, заговорить. «Заговори, чтобы я тебя увидел!» – призывал Сократ. Речь сама по себе, как техника изобретения мыслей и слов, как инструмент общения, нейтральна, однако, благодаря

оратору, она переходит в область этики, то есть начинает оцениваться слушателями в соответствии с критерием нравственности, с точки зрения морали. «Слово подобно мешку; оно принимает форму того, что в него влагают», – констатировал Альфред Капю [1, с. 105]

Речь неотделима от личности оратора: она зависит от ценностных ориентиров, жизненных установок, принципов, взглядов говорящего. И если наша цель: эффективно развивать культуру речи, наполнять наши слова глубоким содержанием, научиться придавать им силу воздействия на аудиторию, то делать это надо на примерах ораторов, чей нравственный авторитет неоспорим. Именно это воспитание важно сегодня, когда духовный «голод» общества настоятельно обращает нас к богословской литературе.

Среди духовных учителей было немало известных проповедников, сила слова которых наполняла жизнь новым смыслом, обращала к Истине, давала нравственные ориентиры, смягчала ожесточенные души. Их дар проповедничества часто закреплялся в почетных именованиях. И в этом отношении имя св. Иоанна Златоуста говорит само за себя – «златые уста».

Большинство творений Иоанна Златоуста представляет собой проповеди на различные книги Священного Писания. Они сохранились как в собственном его изложении, так и в отредактированных записях стенографов. На русском языке были изданы тексты творений св. Иоанна Златоуста, которые, к сожалению, не всегда имеют качественный перевод. Отчего целые фрагменты его проповедей или бесед утрачивают семантические оттенки и своеобразие индивидуального стиля Златоуста. Основными его произведениями считаются следующие:

Беседы на книгу Бытия (67 проповедей), Беседы на псалмы (58 проповедей), Беседы на книгу пророка Исаии (6 проповедей), Беседы на Евангелие от Матфея, Беседы на Евангелие от Иоанна, Беседы к Деяниям Апостолов, Беседы ко всем посланиям апостола Павла, катехизические беседы, несколько проповедей на нравственные темы («О девстве», «О статуях», «О сокрушении», «К молодой вдове» и др.), трактат «О священстве», богословский трактат «О непостижимости Бога» и другие. Св. Иоанн Златоуст написал очень мало систематических трудов, излагающих догматическое учение. Значительная часть его сочинений – это проповеди-беседы, изначально произнесенные устно, с амвона.

Биография св. Иоанна Златоуста была написана Палладием Эллинопольским («Житие Иоанна Златоуста»), однако до нас его жизнеописание дошло лишь в пересказах, в агиографических сборниках, в патрологических текстах.

Большинство биографов полагают, что Иоанн родился около 347 г. н. э. в Антиохии. Его родители были знатными и богатыми людьми, исповедовавшими христианство. После ранней смерти мужа мать Иоанна, Анфуса, сосредоточилась исключительно на воспитании сына, отказавшись от вторичного замужества. Принадлежа к высшему обществу и будучи женщи-

ной весьма образованной, она не преминула дать сыну наилучшее по тогдашнему времени воспитание и образование. Антиохия, родина Златоуста, в то время являлась ведущим мировым культурным центром. Предметом гордости антиохийцев была процветающая школа риторики софиста Ливания. Заметив в сыне предрасположенность к ораторству и глубокомыслию, мать предоставила ему возможность поступить в эту школу, и Иоанн вскоре оказался самым блестящим ее учеником. Как сообщает церковный историк Созомен (V в.), Ливаний на смертном одре признался, что избрал бы Иоанна своим преемником, если бы его не «похитили» христиане. Наряду с красноречием Иоанн изучал философию у философа Андрагафия, также славившегося в Антиохии.

Закончив свое образование, он избрал занятие адвокатурой, – занятие, которым начинала свою общественную жизнь почти вся знатная молодежь того времени. Ею занимались, например, св. Василий Великий, св. Амвросий Медиоланский, Сульпиций Север и другие знаменитости. Адвокатство приучило Иоанна к публичному ораторству, и он сразу же обнаружил на этом поприще блестящие успехи: его дар слова придавал широкую известность. Однако, посещая одновременно еще и особую подвижническую школу, где Священное Писание преподавалось знаменитыми в то время учителями-пресвитерами Флавианом и Диодором, Иоанн решает посвятить себя Богу. В 22 года (369 г.) он принимает крещение от епископа Мелетия, который, обратив внимание на даровитого и благочестивого юношу, возводит его в должность чтеца. Чтобы всецело сосредоточиться на чтении Священного Писания, Иоанн даже наложил на себя обет воздержания в слове и – недавний адвокат и успешный оратор сделался почти молчальником, удерживаясь от празднословия и шуток. После смерти матери Иоанн удаляется в монастырь для отшельнической жизни. Узнав, что один из его друзей, Феодор, еще недавно стремившийся к подвижничеству, изменил своему решению и, увлекшись любовью к некоей Гермионе, задумал оставить отшельничество и жениться на своей возлюбленной, Иоанн, огорченный этим, написал своему другу два красноречивых увещания. В них он призывал Феодора оставить свою суетную мысль и «возвратиться к любомудрию». Увещевания, первое христиански назидательное творение Иоанна, возымели силу: Феодор раскаялся в своей слабости и возвратился к иноческой жизни. Пробыв в монастыре около 3-х лет, Иоанн написал здесь знаменитые «Шесть слов о священстве», где изложил возвышенность и трудность пастырского служения. По преданию, однажды одному из иноков монастыря, было открыто, что Иоанн имел от Бога дар учительства и благодать Святого Духа [3]:

Ему было видение, будто «два благолепных мужа, одетые в белые одежды и сияющие как солнце, сошедшие с неба, вошли к блаженному Иоанну, когда он стоял на молитве». Один из них – св. апостол и евангелист Иоанн Богослов – держал исписанный свиток, другой – св. апостол

Петр – ключи. Подавая Иоанну свиток, апостол Иоанн сказал: «Возьми сей свиток из руки моей!.. Господь дарует и тебе знание всей глубины премудрости, дабы ты напитал людей не гибнущим брашном учения Христова и своими устами заградил уста еретиков и иудеев, произносящих хулы на Бога». Другой же, протянув к Иоанну свою руку, подал ему ключи со словами: «Возьми сии ключи, ибо я Петр, которому вверены ключи Царствия. Господь и тебе передает ключи святых Церквей, дабы кого ты свяжешь, тот был связан, а кого разрешишь – разрешен».

Желая еще большего уединения, св. Иоанн удалился из монастыря в пустыню, где прожил в одиночестве в течение двух лет. Однако суровое подвижничество расстроило здоровье Иоанна, и, вскоре по возвращении в Антиохию, начался новый период в жизни: он был рукоположен в сан дьякона (380 г.). К этому времени относятся несколько его рассуждений, например, «О девстве», «К молодой вдове», «Три слова к подвижнику Стагирию», а также окончательная редакция трактата «О священстве». Новый епископ, Флавиан, знавший Иоанна еще по антиохийской школе, видя в нем полезнейшего деятеля для Церкви, возвел в 386 г. его в сан пресвитера. Теперь св. Иоанн получил широкую свободу проповедничества в качестве церковного учителя, и сразу обнаружил свои необычайные дарования. Раз или два в неделю, а иногда даже каждый день, он поучал народ в церкви, с амвона произнося свои проповеди. По Антиохии быстро разнеслась молва, что появился проповедник, которого стоит послушать. Антиохийцы ценили красноречие и удачных риторов. Но теперь знаменитый Ливаний уступал место св. Иоанну. Известнейший оратор со своим напыщенным красноречием, искусственными оборотами и звонкими фразами мог увлекать и услаждать слух, но не затрагивал сердца. Напротив, его ученик, не прибегая ни к какому искусственному «словосплетению» и не увлекаясь «звоном» фраз, поражал убедительностью и необычайной жизненностью своей речи: у него каждое слово бралось из известной всем действительности и пояснялось примерами, которые были одинаково понятны и высокообразованному патрицию и обыкновенному земледельцу. Особенно антиохийцев удивляло то, что Иоанн не читал своих проповедей, а вел живые устные беседы со своими слушателями. Никогда раньше ничего подобного не было в Антиохии: никто еще до Иоанна не проповедовал слова Божия без книг или свитка. Иоанн был первым таким необыкновенным проповедником. Поэтому его беседы записывались скорописцами, а затем передавались из рук в руки, читались за трапезами и на площадях, а многими даже заучивались наизусть. Когда становилось известным, что Иоанн будет вести беседу, весь город приходил в движение: народ устремлялся в церковь. Благодаря своему дару св. Иоанн получил всеобщую любовь. Одни называли его «Божиими и Христовыми устами», другие – «сладкоглаголивым», третьи – «медоточивым». Предание сохранило и сам случай, когда Иоанн впервые был назван Златоустым [3]:

Не ограничиваясь нравственными наставлениями, Иоанн иногда выступал с догматическим учением и нередко вдавался в такую богословскую премудрость, которая была не всегда понятна для многих слушателей. Во время одной такой проповеди простая женщина, слушая и не понимая сказанного, возвысив голос, закричала ему из народа: «Духовный учитель, а лучше назову, – Иоанн Златоустый, колодезь твоего учения глубок, а вервия ума нашего коротки и не могут достичь глубины его». Народ подхватил высказанное женщиной имя и стал так именовать любимого проповедника.

Ко времени пресвитерства св. Иоанна Златоуста относятся, помимо многочисленных проповедей, толкования на книги Ветхого Завета, на Евангелия от Матфея и Иоанна, на книгу Деяний Апостольских, беседы на послания апостола Павла к Римлянам, на два послания к Коринфянам, на послания к Галатам, Ефесянам, Тимофею и Титу.

В 398г. св. Иоанн был рукоположен в сан архиепископа Константинопольского. Занимая Константинопольскую кафедру, Златоуст заботился об исправлении клира, привыкшего к роскоши и богатству, о преодолении арианской ереси (широко распространившейся в то время), об очищении развращенных нравов тогдашнего общества. Своей непримиримостью, строгостью взглядов, преобразованиями в церкви, он возбудил вражду со стороны многих клириков, епископов, императрицы Евдоксии. А своим заступничеством за никейских монахов, обвиненных в оригенизме, он вызвал недовольство и Александрийского архиепископа Феофила. В 403 г. был созван Собор, на котором св. Иоанн был обвинен в «насилии и жестоком обращении с личностями», тяжких оскорблениях, хищении, нарушении нравственности, дисциплины и церковных обычаев, политической измене и т. д. После долгих прений Собор приговорил Константинопольского архиепископа к низложению. Св. Иоанн Златоуст, считая незаконным данный Собор и, следовательно, его решения, потребовал от императора созыва Вселенского Собора, который должен был по надеждам Иоанна Златоуста оправдать его, превращается в Собор, который лишь подтверждает обвинения. Решением нового Собора 404 года св. Иоанн Златоуст отлучался от Церкви и направлялся в ссылку в Кукуз (Армения). Зимой-весной 407 г. его участь была пересмотрена: св. Иоанна перевели еще дальше – в Пифиунт (развалины некогда большого города у подножия Кавказа), ему запретили вести какую-либо переписку и установили усиленный надзор за ним. По дороге в Пифиунт, не выдержав при сильно подорванном здоровье тяжелейших условий пути, престарелый патриарх скончался 14 сентября (по ст. ст.) 407 года.

И только в 438г. при архиепископе Прокле, ученике св. Иоанна Златоуста, мощи св. Иоанна были перенесены в Константинополь, и Церковь признала его святым и мучеником, «вселенским учителем и патриархом с златыми устами».

Прожив около 60 лет, св. Иоанн Златоуст оказался в высшей степени плодотворным христианским оратором, оставив огромное количество проповедей, догматических бесед, нравственных поучений и наставлений. Однако практически нет работ, специально посвященных исследованию сочинений св. Иоанна Златоуста, и тем более рассмотрению его творений с точки зрения риторики.

Список литературы

1. Максимов, С. В. Избранное / подгот. текста, сост., примеч. С. И. Плеханова. – М.: Совет. Россия, 1981. – 490 с.
2. Монтень, Мишель. Опыты. Кн. 3. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 499 с.
3. Димитрий Ростовский, свт. Избранные жития святых III – IX вв. – URL: https://avidreaders.ru/book/izbrannye-zhitiya-svyatyh-iii-ix-vv.html.

УДК 821.161.1

Стрелкова Ольга Сергеевна

Курский государственный медицинский университет,
Международный медицинский институт,
кандидат филологических наук, доцент

ПРИХОДСКОЕ ПРЕДАНИЕ И РАССКАЗЫ О ЧУДЕСАХ НА СТРАНИЦАХ ДООКТЯБРЬСКОЙ ДУХОВНОЙ ПЕРИОДИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗДАНИЯ «КУРСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ»)

Аннотация. В статье рассматривается такое явление русской православной культуры как рассказы о божественных чудесах. Опубликованные изданием «Курские епархиальные ведомости» в конце XIX – начале XX веков, такие материалы следует рассматривать как образцы церковной периодики в силу их включённости в систему жанров газеты, так и литературные произведения, обладающие несомненными художественными достоинствами. В статье показывается, что такие произведения представляют большой интерес для изучения, хотя долгое время подобные материалы находились вне поля зрения науки. На примере «Приходского предания», опубликованного изданием в 1894 году, показано, что художественное своеобразие таких текстов не ограничивается только лишь их художественными особенностями, они представляют собой уникальный образец самобытной литературной традиции, берущей начало в литургической литературе и направленной на иконизацию локуса.

Ключевые слова: Курские епархиальные ведомости, рассказы о божественных чудесах, литургическая литература, приходское предание, региональный текст, духовная литературная традиция, церковная периодика

Strelkova Olga Sergeevna

Kursk state medical university, International medical institute, Candidate of Philology, Docent

PARISH LEGEND AND STORIES ABOUT MIRACLES AS MATERIALS OF PRE-OCTOBER CHURCH PERIODICALS (BASED ON THE PUBLICATIONS "KURSK EPARCHIAL VEDOMOSTI")

Annotation. The article deals with such Russian Orthodox culture as stories about miracles. Published by the Diocesan Gazette «Kursk eparchial vedomosti» in the late 19th – early 20th centuries, such materials are considered both as samples of church periodicals due to their in-

clusion in the system of newspaper genres, and as works of undoubted artistic merit. It is shown that such works are of great interest for study, although for a long time such materials were out of the field of view of science. On the example of the «Parish Legend», published in 1894, it is shown that the originality of such texts is not limited only by their artistic features, they represent a unique example of an original literary tradition originating in liturgical literature and aimed at the iconization of the locus.

Keywords: Diocesan Gazette, stories about divine miracles, liturgical literature, parish tradition, regional text, Christian literary tradition, church periodicals

На страницах региональной духовной периодики широко представлены произведения, главный посыл которых направлен на утверждение представлений о достоверности бытия Божия. Такие публикации можно определить как «рассказы о Божественных чудесах», но под «рассказом» в данном случае следует понимать не эпический жанр, а повествование, тяготеющее к устной традиции. В таком произведении отношения с читателем стремятся приблизиться к модели «говорящий – слушатель». Понятно, что такие произведения гораздо ближе к устной народной традиции, нежели к собственно литературной, однако нужно также понимать, что авторы таких сочинений, вероятнее всего, стремились несколько дистанцироваться от первой, и далеко не всегда пытаясь приблизиться ко второй. Такой парадокс обусловлен синтетическими свойствами произведений, особенностями их задач и, прежде всего, тем, что они строились по канонам церковной литературной традиции. Такие очень специфичны по своей сути: с одной стороны, налицо включение в систему жанров периодического издания (хоть и духовного) с установкой на выполнение прагматических задач, с другой стороны, особая художественность, в которой слышны отголоски фольклора, духовной прозы, древнерусской литературы и современной им большой литературы. Прозаические произведения на страницах издания «Курские епархиальные ведомости» можно определить как «беллетристика». Несмотря на несколько негативный смысл, который закрепился за данным понятием, именно оно является самым верным по сути рассматриваемого явления.

Прежде всего, необходимо определить, что подразумевается под беллетристикой. В самом широком смысле это изящная словесность (от французского «belles lettres»), в то же время «беллетристика» как понятие часто используется как противоположность большой литературе. Однако данное противопоставление обусловлено вовсе не талантами и мастерством автора. Главное отличие кроется в задаче, которую ставит перед собой автор. Беллетрист стремится вписаться в существующий литературный канон, тогда как автор большой литературы тяготеет к новаторству и, по сути, разрушает каноны, создавая нечто принципиально новое. Во всяком случае, такое стремление, несомненно, присуще авторам большой литературы. Что же касается беллетристики – тут очевидно следование образцам и именно в таком следовании литературные произведения становятся востребованными и понятными читателю.

Едва ли авторы, публиковавшиеся на страницах издания «Курские епархиальные ведомости», стремились создать нечто принципиально новое. Все публикации, которые можно, так или иначе, отнести к литературным, отличает следование канону. Примеров таких текстов на страницах издания «Курские епархиальные ведомости» довольно много: «Ангел-хранитель» (1888, № 46), «Карающая и спасающая рука божия над сектантом» (1890, № 24), «Материна молитва со дна моря вынимает» (1891, № 30), «Пять минут» (1893, № 21), «Замечательное сновидение» (1894, № 3), «Редкий случай из практики сельского пастыря» (1895, № 29), «Загробные ходатаи» (1901, № 5), «Чудотворная сила святых причастий» (1904, № 10), «С нами Бог (Замечательное письмо с дальнего востока)» (1905, № 15) и т. п. Смысловым ядром таких произведений является концепт «чудо», интерпретация которого совпадает с представлениями произведений фольклора, как вмешательство и действие высших, недоступных человеческому осмыслению сил.

Особняком в числе материалов «Курских епархиальных ведомостей» дооктябрьского периода стоит «Приходское предание», опубликованное в № 30–32 от 1894 года. Произведение, отсылающее нас к 1758–1788 годам, повествует о жизни Блаженного Иакова (Половнева). Следует отметить, что Иаков – реальный человек, о котором известно довольно много. Несмотря на то, что «Предание» ставит целью создать легендарный образ, формируя локальный миф, оно, тем не менее, постоянно как будто расставляет указатели достоверности излагаемого. Упоминаются записи о событиях, фамилии, имена, даты: «смотритель Новочеркасского духовного училища иеромонах Иннокентий (1853 г.), 1863 г., записки при Болховицкой церкви». Такая отсылка к авторитетным, верифицируемым источникам очень напоминает формулу «пересказа со слов», весьма характерную для рассказов о божественных чудесах. Такие маркеры достоверности с одной стороны делают произведение менее литературным, с другой придают ему ценность иного порядка – ценность правдивого повествования.

При чтении повествования о житии Блаженного Иакова, неизбежно возникает вопрос, к какой категории текстов данное произведение отнести: к собственно литературным или публицистически-документальным. Важной особенностью произведения является отсутствие иерархии, а зачастую и причинно-следственной связи между эпизодами повествования. Автор как бы припоминает различные события, каждое из которых значительно и самоценно. Такое построение характерно для первобытных мифов-сказок, где «между отдельными эпизодами нет иерархии» и каждый из них выступает «в своей абсолютной ценности» [3, с. 14].

Однако не следует пытаться определить «Предание» через сюжет – для подавляющего большинства произведений светской литературы подобный подход вполне применим, но принципиальное отличие духовной прозы заключается в её литургической природе. Такой текст формирует не

только религиозные представления, но и жизненные установки реципиента, сюжет здесь играет вспомогательную роль.

Чтобы обосновать эту мысль, обратимся к тексту «Приходского предания», в структуре которого очень важно отметить особые пропорции формы и содержания. Произведение начинается словами о земле Белгородской, обретая черты топонимического предания, фактически сближаясь с традициями фольклора. «А уж какая красота Божья эти горы и сказать нельзя! Белые, чистые, стоят, словно бы снегом посыпаны. Внизу Донец плывёт; за Донцом – луг широкий зелёный; озёрца малые, лески по местам синеют… Тут же и город; с давних пор зовётся Белгородом: улицы чистые да широкие, храмы Божия благолепные, крестами на солнышке сияют» [4, с. 583]. Региональное пространство в «Приходском предании» имеет огромное значение как образ места, локус, который «необычайно значим как явление, так как неповторимый узор смыслов, имеющих свои координаты в географическом пространстве, создает в конечном итоге структуру культурного ландшафта страны» [2, с. 420]. В отличие от топонимических преданий фольклора, где доминирует познавательная функция и не важны художественно-изобразительные средства, «Приходское предание» отличает тяготение к художественности, красоте слова.

Стилистика и язык повествования отсылает к древнерусской литературной традиции, напоминая «Слово о полку Игореве»: «Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, который выковал ум твердостью своей и наострил его мужеством своего сердца, исполненный боевого духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую». Начало «Приходского предания», которое, возможно, правильнее было бы определить термином «зачин», как некое вводное повествование, тесно связанное с локусом и имеющее символическое значение, строится на антитезе. Мотивы войны и мирной, спокойной жизни сближаются в произведения, и такое сближение создаёт невероятное, почти осязаемое напряжение. «Каркает ворон над Ворсклою; воют псы в Посеймьи; побежали степные волки из степи к городам да к деревням… Чуют звери добычу, ждут татар в гости: быть у нас кровавому пиру!...» [4, с. 583]. Примечательно, что яркая картина народного бедствия: «Не свечи горят по русской земле, – пылают, горят наши сёла. Не снопы лежат по чисту полю, – жертва лежит побитая русская рать и не дождаться ей христианского погребения… Не стадо гонит пастух на луга ранней зорькою, ведет, гонит злой татарин наших жен и детей в далёкую неволю» [4, с. 583] не является центральным эпизодом повествования, доведя его до максимума, автор, как по мосту, переходит по нему к следующему эпизоду. Белгород – ответ на молитвы страждущих, дар божий: «С тех пор, как устроили Белгород, стало татарам опасно нападать на Русь…» [4, с. 583]

Тема Белгородской земли осмысляется на уровне общероссийской значимости: «В древнее время на том месте, где теперь наша Белгородщи-

на, была голая степь: и был тут край русского царства. <…> Тяжелое было времечко! Горько плакал народ; жарко молился Богу: «Яви нам, Господи, милость Твою, и спасение даруй нам!» (Пс. 84, 8) Призрел Господь на слёзы бедных женщин и детей и даровал нам свою помощь» [4: 586]. При упоминании в едином контексте реалий ландшафта и Священнго Текста происходит своего рода «сакрализация пространства» [2, с. 413–426].

В «Приходском предании» тесно сплетены мотивы устного народного творчества и традиции христианских рассказов о чудесах. Пред нами пример маркированной прозы с установкой на достоверность: «Лет полтораста тому назад жили в селе, а по тогдашнему наименованию – в городе Болховце, что возле Белгорода, супруги Максим Данилович и Ксения Максимовна Половневы, однодворцы» [5, с. 607]. Сказано, что было у них трое сыновей, а Иаков – средний. С одной стороны скрупулезная точность, указания места, имён и дат, а с другой стороны почти сказочная интонация, изобилие символов и намёков («домик… ввиду церкви», трое сыновей и т. д.). Исследователи сходятся во мнении, что для провинциальных текстов о местных святых весьма характерно присутствие фольклорных черты сказочных персонажей-протагонистов [1].

Однако присутствие фольклорных мотивов вовсе не означает следование фольклорной традиции. Лёгкая «сказочность» повествования выступает в качестве декоративного элемента, который создаёт атмосферу чудесного, ведь Блаженный Иаков творил чудеса. Справедливости ради следует отметить, что про собственно чудеса упоминается в очень лаконичной манере ближе к концу повествования. Например, говорится, что после молитвы на могиле юродивого вернулось зрение крестьянину А. М. Сюсареву, рассудок и язык возвращён крестьянину А. Хотенко. Автор не прибегает к средствам художественной выразительности, ограничиваясь простой констатацией факта. Вместе с тем упоминается, что «Иаков и после своей блаженной кончины в сновидениях является верующим для того, чтобы твёрже насадить в них семена веры и надежды на Бога» [6, с. 632]. Таким образом, происходит смещение внимания от собственно «чуда» в его понимании в рассказах о чудесах к произведению, в центре которого личность Блаженного Иакова. Очевидно, что текст гораздо в большей степени тяготеет к житийной и литургической литературе, нежели к традиции рассказов о чудесах фольклора. Это проявляется на уровне композиции и пропорции формы и содержания.

По замыслу автора, чтение «Приходского предания» должно быть формой духовной практики. Основная часть произведения сближается по структуре и звучанию с жанрами церковного красноречия. То есть по сути это проповедь, которая начинается доминантой восхваления Иакова: «Славный был этот мальчик! Лицом красив, телом строен, глазки ясные; говорить начнѐт – так бы и слушал. А уж сколько тих, скромен и вежлив – сказать нельзя» [5, с. 607].

Говоря о том, что Иаков «сделался молчалив выше меры» и начал «в пище, питье и одежде начал наблюдать скудость и убожество» [5, с. 607], автор «Предания» отмечает, что близкие стали подозревать в нём болезнь и не могли понять «никак не могли понять, что бы это значило». Автор хочет указать на людские несовершенства и уличить неправедность жизни, не прибегая к собственно порицанию, он проделывает это формой сообщения. И форма в такой конструкции становится содержанием. Звучит мысль, что Иаков «только казался безумным, потому что по собственной воле сделался юродивым Христа ради, дабы тем легче и удобнее было ему наставлять ближних своих на пути закона Божия, с которого они сбивались» [5, с. 608].

Главный мотив Иакова на пути его юродства, глубокой аскезы и праведничества – понимание, что в жизни «многому надлежало быть совсем не так, как оно бывает на самом деле» [5, с. 608].

Риторический повтор формулы «знал Иаков» позволяет говорить о людских пороках и недостатках не с позиции обличителя, а через призму восприятия локального святого. «Знал, например, Иаков, что язык дан человеку затем, чтобы им прославляли Бога и служили ближним <…> А между тем, своими глазами он видел, что часто это бывает наоборот. Откуда ссоры и вражда? Откуда клевета и свары? Откуда злословие и чёрные речи? Всѐ от неумеренного употребления этого славного дара Божия – человеческой речи» [5, с. 608]. «Знал также Иаков <…> что не за тем человек живёт, дабы есть, пить и веселиться, а для того <…> чтобы жить и трудиться во славу Божью. А между тем, и здесь не раз и не два видел Иаков обратный порядок» [5, с. 608].

Персонаж каноничен: «Был он человек простой, скорее бедный, чем богатый, учен был не очень много, а между тем прожил жизнь свою как дай Бог всякому. Он ничего не имел; но когда надо было помочь ближнему, у него оказывалось больше средств, чем у иных богачей, потому что он помогал охотно и от всего своего горячего сердца. Он жил как нищий, не имел ни крова, ни пристанища, и одевался в рубище; однако не только не роптал, но был счастливее самых счастливых и всю жизнь свою, делом и словом прославлял Господа. Он был слаб, как дитя; но тем сильнее любил Бога, как Отца, а соседей и ближних как родных братьев. Он не был учён; но мог бы всякого поучить (и поучал) исполнению воли Божьей» [4, с. 589]. С точки зрения художественной формы «Приходское предание» – связанная исключительно риторическим намерением автора последовательность фактов.

Важное место в этой структуре занимает портрет Иакова на иконе в церкви: «Это изображение представляет наглядно всю внешнюю и внутреннюю жизнь Иакова он изображен здесь человеком средних лет, с лицом, какое бывает у самых строгих постников – измождённым суровой жизнью, постом, бдением и непрестанной молитвою. <…> от изображения Иакова

как бы веет добродушием, смирением и кротостью, добродетелями, особенно усвоенными юродивым» [6, с. 631].

Черты, дополняющие облик главного героя, и доказывающие его святость: «Возле него лесной птицы – не перечесть», «питался он по большей части ягодами и корешками, которые особенно искусно умел находить в лесу и поле» [5, с. 608]. Таким образом, выстраивается аналогия со словами Нагорной проповеди: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» (Матф.6:26). В характеристике Иакова также звучит мысль, что он умел видеть величие Божье в красоте родной природы. Это принципиально важная идея, связывающая часть о Белгородской земле с жизнью святого и, тем самым, обеспечивая целостность повествования.

Центральная стратегия «Предания» – это стратегия изменчивости, в которой автор прекрасно владея материалом и мастерски сочетая риторическую структуру и элементы народного предания, создаёт «сакральный локус» Белгородской земли. От рассказов о божественных чудесах приходское предание отличает установка на иконизацию малой родины, что является знаковым явлением для провинциальной духовной периодики рубежа XIX – XX вв. Повествование о жизни Блаженного Якова – характерный пример провинциального духовного текста, одной из наиболее значительных задач которого является установка на иконизацию локуса.

Список литературы

1. Зубарева В. С., Лурье М. Л. Весьегонские рассказы об отце Сергии Успенском как провинциальный текст // Геопанорама русской культуры. – Провинция и ее локальные тексты. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 199–219.

2. Лавренова, О. А. Образ места и его значение в культуре провинции // Геопанорама русской культуры: Провинция и её локальные тексты / отв. ред. Л. О. Зайонц.– М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 413–426.

3. Мелетинский, Е. М., Неклюдов, Е. С. Проблемы структурного описания волшебной сказки. Традиции – текст – фольклор // Структура волшебной сказки / ред. С. Ю. Неклюдов. – М.: РГГУ, 2001. – 234 с.

4. Приходское предание // Курские епархиальные ведомости. – 1894. – № 30. – С. 582–589.

5. Приходское предание // Курские епархиальные ведомости. – 1894. – № 31. – С. 607–616.

6. Приходское предание // Курские епархиальные ведомости. – 1894. – № 32. – С. 628–633.

УДК 271.2

Морозова Ирина Николаевна
Челябинский государственный институт культуры,
кафедра декоративно-прикладного искусства,
кандидат культурологии, доцент

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА: О ПРОБЛЕМЕ ДУХОВНОГО ЕДИНСТВА В СОЧИНЕНИИ ПРОТ. ФЕОДОСИЯ ИВАНОВА «ЦЕРКОВЬ В ЭПОХУ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ»

Аннотация. Концепт «духовного единства» русской культуры органически присущ традиции православия. Во вновь изданной в XXI в. книге прот. Феодосия Иванова «Церковь в эпоху смутного времени на Руси» (впервые опубликованной в 1906 г.) данная проблема рассмотрена на материале известных событий XVII в. в России. В содержании концепта «духовное единство» в сочинении православного мыслителя удерживается значение характеристики Церкви как духовного организма, поста, покаяния, братства, внутреннего единства, идеи Отечества, внешнего единства общества. Опыт духовно-нравственной рефлексии о. Феодосием процесса преобразования, духовно-нравственного преображения общества в кризисной ситуации сохраняет свою актуальность и для современной культуры России.

Ключевые слова: концепт «духовное единство» русской культуры, православная мысль, прот. Феодосий Иванов, Смутное время

Morozova Irina Nikolaevna

Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Department of Arts and Crafts, Candidate of Cultural Studies, Docent

RUSSIAN SPIRITUAL CULTURE: ON THE PROBLEM OF SPIRITUAL UNITY INTO THE WRITING BY PROT. THEODOSIUS IVANOV «THE CHURCH IN THE TIME OF TROUBLES»

Annotation. The article deals with the concept of «spiritual unity» of Russian culture as it is organically inherent for the tradition of Orthodoxy. The book of Fr. Theodosius Ivanov «The Church in the Time of Troubles in Russia» (first published in 1906 and republished in the XXI th century) reflects the problem on the basis of well-known events of the 17th century in Russia. In the Orthodox thinker' s writing the meaning of the Church' s characteristics as a spiritual organism, fasting, repentance, brotherhood, internal unity, the idea of the Fatherland, the external unity are as retained into the concept's content of «spiritual unity». The experience of the spiritual and moral reflection of the transformation's process, the spiritual and moral Transfiguration of society in a crisis situation by Fr. Feodosiya retains its actuality for the modern Russian culture as well.

Keywords: the concept of «spiritual unity» of Russian culture, Orthodox thought, prot. Theodosius Ivanov, Time of Troubles in Russia

Многие сочинения и тексты, остававшиеся известными для узкого круга исследователей (в их числе изданные до революции, находившиеся прежде лишь в хранилищах крупнейших библиотек г. Москвы и Санкт-Петербурга), в последние десятилетия становятся достоянием широкой читающей публики, получив, благодаря своему переизданию, вторую жизнь. Такова благоприятная судьба и у сочинения прот. Феодосия Иванова, впервые вышедшего в свет в 1906 г. в городе Екатеринославе [2]. В соответствии с информацией, содержащейся в электронной базе данных «Духовенство Православной

Церкви в XX в. Биографическая база данных и собрание материалов» [1], о. Феодосий родился 07.12.1878 в с. Торманово (Тормасово) Костромской обл., Солигалическом уезде. [1] Высшее духовное образование о. Феодосий получил в Киевской духовной академии, где 23.10.1908 ему была присвоена степень магистра богословия (именно за труд «Церковь в эпоху Смутного времени на Руси»). Важная характеристика деятельности о. Феодосия – несомненно, пастырское направление, активным образом проявленное в обществе. Как отмечается в упоминавшемся выше справочном издании, о. Феодосий «…не ограничивался богослужением в храме, его деятельность простиралась намного дальше: член множества братств, преподаватель, депутат и председатель на епархиальных съездах духовенства. Много времени посвящал катехизаторской работе» [1].

Сочинение отца Феодосия открывается утверждением, что вся история России – подтверждение «зиждительной силы для русского народа и царства» Православной Церкви [2, с. III]. Косвенным доказательством тому становятся положительные высказывания по данному вопросу известных представителей отечественной интеллигенции, занимавших крайне секулярную позицию (например, П. Н. Милюкова, в «Очерках по истории русской культуры» [2, с. IV]. Особое значение Русской Православной Церкви, в особенности, в период, критический для самих основ существования российского государства (равно как и в целом эпохи Смутного времени), в отечественной исторической науке признано и исследовано, отмечал прот. Феодосий (Иванов). В связи с последним обстоятельством, предназначение и смысл своего труда православный мыслитель определяет, в первую очередь, не как очередное изложение и систематизацию известных источников и фактов (что стало бы своего рода компиляцией)[2], а «…новое освещение с **идейной** (выделено нами) стороны» [2, с. IV–V]. Полагаем, что благодаря заявленному в тексте «идейному», в определении о. Феодосия, подходу сочинение православного мыслителя приобретает тем самым значение для философии культуры.

Пробелом в отечественной исторической науке, отмечает о. Феодосий, остается отсутствие представления значения Церкви в нашей истории, как духовного организма, «…проникнутого особым жизненным началом» [2, с. V]. Уяснению значения Церкви в Смутное время как обнаружения «…своего основного жизненного начала, делающего церковь организмом…» в сочинении о. Феодосия предшествует раскрытие сущности понимания данного вопроса в православном богословии. В частности, о. Федосием приво-

[1] дата смерти не уточнена, в XX в.; в разделе «Преследования» отмечено, что 26.09.1938 был осужден Особым совещанием при НКВД СССР на 5 лет лишения свободы по обвинению в участии в «антисоветской церковно-монархической организации, возглавляемой митрополитом Павлом (Борисовским» по ст. 58–10, 58–11 УК РСФРСР, реабилитирован 29.09.1989.

[2] «Мы и не ставим себе задачи сказать что-либо новое с фактической стороны на основании новых, неисследованных источников. Говорим это во избежание упреков в компиляции» / Иванов, Феодосий, прот. Церковь в эпоху Смутного времени на Руси. М.: Омега-Л, 2021. С. VII.

дятся слова ап. Павла (1 Кор. 12:12) и толкование свт. Иоанна Златоуста о том, что, как наше тело «… есть нечто единое, хотя состоит из многих членов, так и в Церкви мы составляем нечто единое…» [2, с. 1]. Соответственно, единение верующих во Христа достигается духом жизни Главы – Спасителя, Иисуса Христа; живой же связью членов Церкви может быть только братская любовь [2, с. 2]. «Единство в Церкви, –подчеркивается о. Федосием, – достигается путем **свободного** (выделено нами) единения ее членов по закону любви…» [2, с. 3]. Примечательно, что о. Феодосий упоминает вклад в разработку вопроса о Церкви как духовного организма светского богослова А. С. Хомякова [См. там же] и, далее, – приводит положения В. С. Соловьева о соотношении государства (как только части в организации собирательного человека) и Церкви (как выражения Божественной стихии) [2, с. 5]. Мирская политика «…должна быть подчинена политике церковной, но никак не через уподобление Церкви государству, а напротив – через постепенное уподобление государства Церкви. Мирская действительность должна пересоздаваться по образу Церкви» [см. там же].

О. Федосий ссылается также на суждение отца известного русского религиозного философа, С. М. Соловьева из «Истории России с древнейших времен» о том, что одной из причин возникновения нестроений (Смуты) в Московском государстве стала деморализация, болезнь «…общественного тела, заключавшего в себе много дурных соков. Симптомы этой болезни следующие: неуважение жизни, чести, имущества ближнего, сокрушение прав слабого перед сильным, слабое сознание должного отношения человека к обществу, господство внешней силы, страшное недоверие друг к другу» [2, с. 10]. В этот момент именно Церковь, как духовный организм, противопоставила развившимся в обществе состояниям и проявлениям борьбы и вражды «…свободное внутреннее единение по закону христианской любви» [2, с. 12]. Опуская подробное описание в сочинении о. Феодосия происходивших в исторический период, называемый Смутой, событий, обратим внимание на оценку и многочисленные примеры действий пастырей Церкви, стоявших на страже православия;[1] характеристики духовно-нравственного состояния, в тот момент переживаемого обществом [2, с. 84].

Бедствия смутной эпохи воспринимались православными христианами как проявления гнева Божия [2, с. 101]. В это критическое время характерной демонстрацией состояния общественного самосознания стали видения, другие необычайные факты, – все вместе свидетельствовавшие о «…глубоком нравственном потрясении русского общества, которое не могло отыскать правды и смысла в удивительных событиях реальной жизни, часто не верило очевидности, но верило сверхъестественному и вместе

[1] Во избежание усиления (усугубления) состояния вражды в обществе, для поддержания государственной власти во время Смуты как еще один вариант позиции служителя Церкви в период Смуты определяется о. Феодосием пассивное отношение [2, с. 121].

с тем возвышалось до открытого сознания, что „несть истины во царе же и в патриархе, ни во всем священном чину, ни во всем народе“» [2, с. 103, 190 и др.]. Таким образом, во всех слоях общества укреплялось осознание собственной греховности, учреждается общий пост [См. там же]. «Это покаяние и пост приводили к единению всех в духе мира и любви, так как покаяние и пост невозможны без примирения с ближним, братского отношения к нему» [Там же].

Со стороны Церкви позитивное влияние в преодолении Смуты проявилось в деятельности высших лиц духовной иерархии (в первую очередь, Патриарха Гермогена). Исключительная роль принадлежала обители преподобного Сергия – Троице-Сергиевой лавре [2, с. 124][1]. Не смотря на всю тяжесть бедствий, Троицкий монастырь не сдавался.«„Гроб каменный“ был твердый, незыблемый. Надежда на небесную помощь преподобного Сергия не покидала все время осады сидевших в обители» [2, с. 128]. К Троицкой обители присоединились и другие (например, Кирилло-Белозерский монастырь) [2, с. 130]. В посланиях Патриарха Гермогена, троицких иноков прозвучала идея Отечества, «…как единого целого по вере всех…» [2, с. 145].

Эпоха междуцарствия, «…наступившая с низвержением с престола Шуйского, выдвинула на первый план представителей церкви и особенно патриарха Гермогена, как главу церкви. Государство как-бы перестало существовать, потому что не было царя, в лице которого народ сознавал себя единым целым» [2, с. 151]. Соединила русский народ православная вера [2, с. 176]. Началось народное движение, почин которому принадлежал Нижнему Новгороду [2, с. 217]. В Нижнем Новгороде появился человек, «…позоровавельски скорбевший о гибели отечества», – Козьма Минин, бывший «…глубоко религиозным человеком, каких людей воспитывала наша дореформенная Русь с её церковным укладом даже в домашнем быту» [2, с. 217–218]. Глубокая религиозность осталась единственной силой, которую не могли поколебать в людях бедствия [2, с. 218]. «Нижний стал на время сборным пунктом нового ополчения, над которым военачальником и был Пожарский» [2, с. 227]. Сердце России «…было очищено от врагов. Решено было отпраздновать такую великую победу торжественно» [2, с. 225]. Оба ополчения (рать Трубецкого и Пожарский со своим ополчением) направились, в сопровождении духовенства, на Лобное место; из Кремля крестный ход вышел с чудотворной святыней, иконой Владимирской Божией Матери [2, с. 255]. Совершилось очищение земли русской от врагов [2, с. 256]. Избрание царя решилось на сей раз «…общим советом всей земли» [2, с. 257]. Всеобщие симпатии, писал о. Феодосий, были связаны с Михаилом Федоровичем Романовым, – личностью, незамеченной в грехах смуты [2, с. 259]. Таким образом, спасение государства «…создалось на почве внутреннего единения всего православного христи-

[1] оказавшей сопротивление силам вражды в буквальном смысле, в течение шестнадцати месяцев державшей оборону и ставшей крепостью

анства во имя веры во Христа. Это единение развивалось постепенно» [2, с. 264]. Источником спасения «…оказалось свободное внутреннее единение людей во имя христианского закона любви» [2, с. 268]. Мотивом, «…девизом единения служит не какой-либо политический лозунг, но вера православная» [2, с. 268]. Вопреки мнению о допетровской Руси как «невежественной», ~~в~~ Смутное время проявилось «…понимание основ христианского закона» [2, с. 273]. Смутное время показало, что «…не каменистой, но доброй почвой является русский народ среди общечеловеческого поля для сеяния истинно-христианского просвещения, истинной культуры» [2, с. 274].

Таким образом, в сочинении о. Феодосия Иванова, в первую очередь, примечателен и значим сам замысел – рассмотреть события Смутного времени в «идейной» проекции, приоритетности духовно-нравственного состояния общества, личности. Такого рода подход выводит текст из формата простого следования (на основе авторитетных исследовательских источников, свидетельств эпохи) логике исторических событий на уровень философского-культурологического обобщения. Выделенные в труде о. Феодосия кризисные состояния общественного сознания, этапы динамики преодоления ситуации вражды, раздора в обществе, полагаем, могут быть использованы (будучи преобразованными в светские аналоги) для современной культуры России.

Список литературы

1. Иванов Феодосий Николаевич, протоиерей // Духовенство Православной Церкви в XX в. Биографическая база данных и собрание материалов. – URL: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/3359/.

2. Иванов, Феодосий, прот. Церковь в эпоху Смутного времени на Руси. – М.: Омега-Л, 2021. – 292с.

УДК 260.2

Лихолай Павел Викторович

Санкт-Петербургская духовная академия,
студент магистратуры

ЕПИСКОП ГЕРМОГЕН (ДОБРОНРАВИН): ПАСТЫРЬ, ПЕДАГОГ, УЧЁНЫЙ

К 130-летию со дня кончины

Аннотация. В статье рассматривается жизненный путь и научные труды епископа Псковского и Порховского Гермогена (Добронравина). В XIX столетии он был одним из самых известных учёных создавших ряд учебных пособий для гимназий по изучению церковной истории и литургики. Современники вспоминали владыку Гермогена как выдающегося педагога. В епархиях он заботился о просвещении паствы при помощи духовно-просветительных обществ и внебогослужебных бесед. К сожалению к настоящему времени его имя и труды практически забыты. Непредвзятый взгляд на служение владыки Гермогена позволяет увидеть весь широкий спектр его деятельности.

Ключевые слова: епископ Гермоген (Добронравин), педагогика, церковно-просветительская деятельность, церковная история, литургика

Likholay Pavel Viktorovich
St. Petersburg Theological Academy, graduate student of the Department of Church History

BISHOP HERMOGENES (DOBRONRAVIN): PASTOR, TEACHER, SCIENTIST. ON THE 130th ANNIVERSARY OF THE DEATH

Annotation. The article deals with the life path and scientific works of the Bishop of Pskov and Porkhov Hermogenes (Dobronravin). In the 19th century, he was one of the most famous scholars who created a number of textbooks for gymnasiums on the study of church history and liturgy. Most of Vladyka's life was connected with pedagogical activity. In the dioceses, he took care of the education of the flock with the help of spiritual and educational societies and extra-liturgical conversations. Unfortunately, by now his name and works are almost forgotten. An unbiased look at the ministry of Vladyka Hermogenes allows us to see the whole range of his activities.

Keywords: Bishop Hermogene (Dobronravin), pedagogy, church and educational activities, church history, liturgy

Епископ Гермоген (в миру Константин Петрович Добронравин) происходил из священнического рода. Его отец священник Пётр Добронравин был очень любим и уважаем своей паствой, служил у Престола Божия около 30 лет. Оба деда его также были священнослужителями. Помимо Константина, в семье было ещё девять детей. О своём рождении он писал: «Моя родина – село Ильеши, Санкт-Петербургской губернии, Ямбургского уезда: здесь я родился 21 февраля 1819 г. в 12 часов ночи; крещён 24 февраля священником Феодором Варфоломеевым, при восприемнике, священнике Ильешской церкви Иоанне Никитиче Белявине» [7, с. 1].

Село Ильеши было известно по всей Санкт-Петербургской губернии, благодаря явленной здесь чудотворной иконе великомученицы Параскевы Иконийской на день памяти которой ежегодно съезжалось множество богомольцев. Отец будущего владыки Пётр Добронравин пять с половиной лет служил диаконом в местной церкви во имя святителя Николая Чудотворца. К сожалению, этот храм сгорел в 1824 г. Впоследствии он был восстановлен и сохранился до наших дней.

Из села Ильеши весной 1819 г. семья Добронравиных переехала в село Котлы Ямбургского уезда, куда отец Пётр был назначен священником, а в 1828 г. в Московскую Славянку, которая в ряде источников ошибочно указывается как место рождения епископа Гермогена.

В 1829 г. Константин Добронравин поступил в Санкт-Петербургское Александро-Невское духовное училище. В 1835 г. он перешёл в Духовную семинарию. Вспоминая семинарских наставников и преподавателей с особой теплотой, он говорил о ректоре, будущем митрополите Казанском Афанасии (Соколове), отмечая, что это был человек строгий, глубоко благочестивый и обладающий многими дарованиями [7, с. 32–42].

С 1841 по 1845 г. Константин Добронравин учился в Санкт-Петербургской Духовной Академии. Среди его однокурсников были публицист и духовный писатель протоиерей Тарасий Серединский и известный миссионер и педагог, будущий епископ Астраханский Герасим (Добросердов), прославленный в лике святых в 1984 г.

В то время Санкт-Петербургская Духовная Академия была не только высшим богословским учебным заведением, но и философским, научным и в широком смысле просветительским центром. Профессора Духовной Академии выступали с лекциями в университетах, участвовали в научных конференциях и комиссиях. С 1821 г. при Академии издавался первый в России богословский журнал «Христианское чтение», положивший начало церковной публицистике [6, с. 24–25].

В 1845 г. он получил степень магистра богословия за сочинение «Вероучение Армянской Церкви». При поиске и изучении материала исследования ему помогал А. М. Худобашев, известный языковед и составитель армяно-русского словаря. Исследуя армянскую догматику Константин Добронравин сделал уверенный вывод о том, что Армянская церковь учит об Иисусе Христе как Богочеловеке согласно с учением Православной Церкви. Примечательно, что он был первым кто обратился к этой теме в русской богословской науке. Вслед за ним на протяжении второй половины XIX – начала XX в. к этой теме обращались целый ряд армянских и русских исследователей, которые подтвердили сделанные им выводы [3, с. 191–192].

По окончании Духовной Академии Константин Добронравин был причислен к первому (высшему) разряду, что открывало для него самое широкое поле деятельности на духовно-учебной стезе. Кроме того, он закончил академический курс третьим магистром, что свидетельствовало об уровне его богословских познаний. В следствие этого он был назначен профессором философии и латинского языка в Московскую Духовную семинарию. Будучи преподавателем, он неуклонно исполнял все возложенные на него обязанности и быстро нашёл общий язык со студентами.

Однако вместо продолжения педагогической деятельности и карьерного роста он выбрал путь простого приходского священника. В августе 1846 г. по собственному прошению он был уволен. Вскоре он женился на Е. Н. Эвенховой и был рукоположен во диакона, а затем священника к церкви Санкт-Петербургского Волкова кладбища. С детства отличавшийся добротой и приветливостью в приходской деятельности отец Константин относился к нуждам паствы с особым вниманием. Совершая свою пастырскую деятельность в кладбищенском храме, он всегда приходил на помощь к скорбящим и утешал их. Он понимал, что зачастую людям, которые потеряли близких не нужны поучения и наставления, а необходимы сочувствие и сопереживание. О горе отец Константин знал не понаслышке. В 1850 г. он похоронил годовалого сына Евгения, а спустя два года овдовел [5, с. 653]. В 1854 г. на основании Священного Писания, творений святых отцов и личного опыта он написал и издал книгу «Утешение в смерти близких сердцу», которая стала самым известным его трудом и неоднократно переиздавалась (последняя редакция 2010 г.). В этой книге он освящает вопросы о загробной жизни умерших, о необходимости молиться за них, о чувстве вины, о том, как примириться с утратой и не впасть в отчаяние и др.

В 1854 г. отец Константин по благословению священноначалия вернулся к педагогической деятельности. Он был назначен законоучителем 3-й Санкт-Петербургской гимназии и настоятелем Крестовоздвиженской гимназической церкви. В годы его преподавания в гимназии учились будущие писатель и педагог Л. Н. Модзалевский, музыковед и композитор А. С. Фамицын, искусствовед А. В. Прахов и др. В памяти выпускников и сотрудников гимназии отец Константин остался как добрый, умный и влиятельный наставник [5, с. 653].

Помимо непосредственно преподавания, отец Константин Добронравин был назначен председателем Комитета по составлению программы Закона Божия для гимназий. Он лично написал несколько гимназических учебников: «Краткая история Русской Церкви: Век X – XIX» (1866 г.), «Очерк истории христианской Церкви: Век I – IX» (1866 г.),

Помимо этого, он был штатным членом Санкт-петербургского Комитета духовной цензуры, членом комитета для издания книг духовно-нравственного содержания при Санкт-Петербургской Духовной Академии и на протяжении двенадцати лет был членом академической конференции. За свои труды в 1864 г. он был возведён в сан протоиерея [12, с. 76].

Летом 1868 года отец Константин стал членом правления Александро-Невского духовного училища, которое некогда сам окончил, а спустя год был назначен его смотрителем в связи с чем ему пришлось оставить работу в гимназии. Благодаря своей неутомимой энергичной деятельности он поднял училище на новый уровень как в хозяйственном, так и в учебном и воспитательном отношении.

Служа в училище, он не оставил научной деятельности и издал ещё несколько трудов: «Очерк истории славянских церквей» (1873 г.), «Вечерние беседы отца с детьми о пении при богослужении и о церковной музыке» (1875 г.), «Литургика или о богослужении православной Церкви» (1881 г.). Составленные отцом Константином учебные пособия несколько раз переиздавались до революции, но наибольшей популярностью пользовался учебник по Литургике с иллюстрациями, который содержал все необходимые понятия о богослужении, обрядах, церковной утвари, облачениях и др. [11, с. 1285].

Несмотря на то, что должность смотрителя подразумевает хозяйственно административные обязанности, в училище он читал курс лекций по церковному уставу. У отца Константина «…учились все не потому, что приходилось иметь дело со смотрителем, а потому, что знакомство с предметом происходило под руководством опытного и искусного учителя» [12, с. 77]. Более того, если кто-то из педагогов не мог провести лекцию, он сам проводил занятия по всем предметам. К примеру, в 1872–1873 гг. он подготовил учеников к сдаче экзамена по русскому языку.

Возможно, мысли о монашестве возникли у отца Константина после смерти любимой супруги, однако он посвятил себя воспитанию единственной дочери Августы. Она училась в училище святой Анны, а в 1869 го-

ду вышла замуж за В. И. Перетерского, впоследствии известного петербургского священника, законоучителя и члена комитета Александро-Мариинского дома призрения. В семье Августы Константиновны и Василия Ивановича было четверо детей [4].

В 1873 году епископом Ладожским Палладием (Ганкевичем) он был пострижен в монашество с именем Гермоген. Вскоре он был возведён в сан архимандрита и спустя месяц решением Святейшего Синода он был избран епископом Выборгским, 2-м викарием Санкт-Петербургской епархии. Хиротония владыки состоялась 21 октября в Троицком соборе Александро-Невской лавры. На епископское служение он смотрел как на подвиг. В своей речи при наречении во епископа владыка Гермоген сказал: «…иду с твердым намерением всецело отдать свои силы на служение Богу, неустанно и неусыпно стоять на страже веры и Церкви, мужественно бороться с ее врагами и даже быть готовым и пострадать за истину Христову» [12, с. 77].

В должности викария владыка Гермоген был ближайшим помощником митрополита Санкт-Петербургского Исидора (Никольского). Особенно потрудился он в должности наблюдателя за преподаванием Закона Божия в светских учебных заведениях. С 1875 г. исполнял обязанности председателя совета Исидоровского женского епархиального училища. С января по апрель 1875 года вступил в должность Новгородского викария, а в 1876 г. был назначен епископом Ладожским, 1-м викарием Санкт-Петербургской епархии [5, с. 653]. В 1877 году была издана его работа «Справочный листок о церквах и духовенстве епархиального ведомства в С.-Петербургской епархии за 1876 г.».

В 1882 г. епископ Гермоген был назначен правящим архиереем Таврической епархии, сменив на этой кафедре скончавшегося святителя Гурия (Карпова). При владыке Гермогене был расширен и освящён кафедральный Александро-Невский собор в Симферополе. Особое попечение владыка имел о Топловской обители. Ему удалось закончить нелёгкую длившееся уже боле двадцати лет тяжбу за монастырскую землю. Владыка часто посещал учебные заведения и сам проводил занятия в женском епархиальном училище. Когда спустя три года он покидал кафедру, верующие со слезами провожали своего архипастыря [9, с. 459–469].

Итогом его деятельности по изучении истории и географии Крымского полуострова стал изданный в 1887 г. научный труд «Таврическая епархия», где были даны историко-статистические сведения не только о православных приходах и монастырях, но и по преобладающему составу того или иного населённого пункта, количеству иноверцев, староверов и др. [10, с. 6].

В 1885 г. епископ Гермоген (Добронравин) был назначен епископом Псковским и Порховским. Во Пскове владыка, как и на предыдущих местах своего служения продолжил заботиться о просвещении паствы. Своим детищем он называл Псковское епархиальное женское училище. В 1886 г. он открыл в Пскове Кирилло-Мефодиевское церковное братство и сам написал для

него устав. Основными направлениями его просветительской и благотворительной деятельности были помощь нуждающимся воспитанникам духовно-учебных заведений, приобретение книг для нуждающихся храмов и церковно-приходских школ, устройство церковных библиотек-читален. Помимо этого, по благословению владыки в храмах епархии для прихожан регулярно организовывались внебогослужебные собеседования [1, с. 372–373]. Епископ Гермоген составил службу особо почитаемому на Псковской земле благоверному князю Довмонту-Тимофею.

В 1887 г. епископ Гермоген был избран почётным членом Санкт-Петербургской Духовной Академии. Из наград владыки следует упомянуть орден святой Анны I степени, орден святого Владимира II степени и орден св. Александра Невского [5, с. 654].

В 1889 г. в пользу Кирилло-Мефодиевского братства епископ Гермоген прочитал курс лекций, на основании которых в 1894 году была издана книга «О святых таинствах Православной Церкви». В книге показана разница тех или иных обрядовых практик в разных местностях. Описаны обряды, их значение, история формирования, символика и др.

В 1891 г. владыка Гермоген постриг в монашество, а затем рукоположил во диакона и священника будущего Патриарха, святителя Тихона (Белавина).

На протяжении всей жизни епископ Гермоген отличался удивительной скромностью, трудолюбием, искренностью и сердечным отношением ко всем.

Помимо крупных научных трудов и учебных пособий, еп. Гермоген (Добронравин) написал много исторических, агиографических и духовно-нравственных статей, которые были напечатаны в духовных журналах. Так, им были написаны жития свт. Димитрия Ростовского, свт. Стефана Пермского, прп. Иоанна Дамаскина и др., воспоминания о своих современниках свт. Филарете (Дроздове), свт. Антонии (Смирницком), грузинском экзархе Ионе (Васильевском). Иногда, чтобы донести важные мысли до простого обывателя владыка Гермоген облекал свои сочинения в форму диалога. К примеру, у него есть статьи: «Беседы священника с прихожанами о неосуждении ближнего и о исповеди», «Разговор между двумя крестьянами Боголюбом и Миролюбом» о том, как надо проводить воскресные и праздничные дни, «Беседа старика с молодыми» о том, верить ли снам [12, с. 77].

Многие проповеди владыки, его речи, беседы и стихи были изданы в 1882 г. в 2-томном сборнике «Минуты пастырского досуга».

Несколько раз владыку вызывали в Санкт-Петербург для присутствия в Святейшем Синоде. В очередной раз он поехал в столицу в 1893 г., но заболел воспалением лёгких и 17 августа (30 по н. с.) скончался на Благовещенском Синодальном подворье на 75 году жизни. Через два дня при большом стечении народа гроб с телом владыки был перенесён в Александро-Невскую лавру. По дороге было сделано несколько остановок у здания Синода, Исаакиевского и Казанского соборов, Знаменской церкви и Иси-

доровского епархиального женского училища, где были совершены литии по почившему архипастырю. Отпевание владыки Гермогена совершил митрополит Санкт-Петербургский Палладий (Раев) в сослужении двух архиереев и сонма духовенства. На погребении присутствовали Обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, министр народного просвещения граф И. Д. Делянов и ряд других высокопоставленных лиц. Похоронен владыка был в лаврской Исидоровской церкви у правого клироса [8, с. 1275–1276].

В «Церковных ведомостях» в память о нём был опубликован некролог: «Добрую и святую память оставил по себе преосвященный Гермоген. Солидные и ценные печатные труды служат памятниками его ревностного служения и замечательного трудолюбия» [11, с. 1286].

После закрытия Александро-Невской лавры в 1930-е гг. все захоронения в Исидоровской церкви были уничтожены и в её помещении устроили гараж. Однако прах епископа Гермогена (Добронравина) и ещё нескольких архиереев перенесли на Никольское кладбище. При вскрытии могилы владыки его останки были обретены нетленными. В 1953 г. была создана Комиссия по выяснению вопроса о перезахоронении иерархов, но могилу епископа Гермогена найти не удалось [2].

К сожалению, со временем имя некогда одного из известнейших иерархов своего времени было практически забыто. За исключением нескольких статей нет ни одного крупного исследования посвящённого его жизни и наследию. И сейчас в год 130-летия со дня его блаженной кончины хочется надеется, что когда-нибудь будет издано собрание сочинений владыки Гермогена и исполнится завет апостола Павла: «Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр 13:7).

Список литературы

1. Арсений (Стадницкий), митр. Дневник: 1903–1905. –Т. 3. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. – 464 с.

2. Архив СПб епархии, Ф. 1. Оп. 19. Д. 33, Оп. 25. Д. 1; Григорий (Чуков), митр. Письмо патриарху от 14.07.1953. Копия. Рукопись. Архив митр. Григория.

3. Блохин В. С. Письма священника Александра Печникова (1948 г.) в контексте армяно-русских церковных связей // Источник и его роль в историческом познании: материалы междунар. науч. конф. 17–18 мая 2012 г. – Н. Новгород: НГПУ, 2012. – С. 190–193.

4. Бовкало А. А. Династия Перетерских // Петербургский Генеалогический Портал. – URL: http://www.petergen.com/bovkalo/spbd/peretersky.html (дата обращения: 15.03.23).

5. Галкин А. К. Ермоген (Добронравин) // Православная энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. Т. XVIII. – С. 653–654.

6. Герасим (Добросердов), архиеп. Дневники / убл., предисл. к сер., вып., биогр. очерк, коммент. С. В. Мельникова. Иркутск: Оттиск, 2011. – 272 с.

7. Гермоген (Добронравин), еп. «Мое прошлое»: Из записок преосвященного Гермогена, еп. Псковского. –СПб., 1908. – 231 с.

8. Перенесение и погребение тела преосвященного Гермогена, епископа Псковского и Порховского // Церковные ведомости, издаваемые при святейшем правительствующем синоде. СПб., 1893, № 35. – С. 1275–1276.

9. Прощание Преосвященного Гермогена с Таврической паствой // Таврические епархиальные ведомости. Симферополь. –1885. – № 9. – С. 459–469.

10. Раздорский А. И. Справочники и историко-статистические описания православных епархий Новороссийского края XIX – начала XX в. // Научный вестник Крыма. – 2020. – № 5 (28). – С. 1–7.
11. Смирнов П., свящ. Преосвященный Гермоген, епископ Псковский и Порховский // Церковные ведомости, издаваемые при святейшем правительствующем синоде. СПб.,1893. –№ 35. – С. 1283–1286.
12. Шереметевский В. Гермоген (Добронравин). Русский биографический словарь А. А. Половцова. –В 25 т. –Т. V. –СПб., 1916. – С. 76–78.

УДК 725.2

Давыдов Остап Михайлович
Челябинская епархия,
Информационно-издательский отдел,
литературный редактор

ПОСЛЕДНИЕ ПРОПОВЕДИ МИТРОПОЛИТА ИОВА (ТЫВОНЮКА) НА ЧЕЛЯБИНСКОЙ КАФЕДРЕ (ЗИМА 2010/11)

Аннотация. На основе материалов пресс-службы Челябинской епархии рассматриваются, в контексте истории Южного Урала, последние месяцы митрополита Иова (Тывонюка) на Челябинской и Златоустовской кафедре (декабрь 2010 – март 2011).

Ключевые слова:митрополит Иов (Тывонюк), Челябинская епархия, история православия на Урале.

DavydovOstap Mikhaylovich
Chelyabinsk Diocese, Publishing Department, Literary Editor

THE LAST SERMONS OF METROPOLITAN JOB AS THE ARCHPASTOR OF CHELYABINSK AT WINTER 2010/11

Annotation. We analyze last metropolitan Job's speeches said at winter 2010/11 in Chelyabinsk – in the context of South Urals region's history.

Keywords: metropolitan Job (Tyvoniuk), Chelyabinsk diocese, orthodox church in Urals

Вспоминая митрополита Иова, многие челябинцы будут вспоминать связанную с Владыкой целую эпоху: свою молодость, а также строительство новых храмов, открытие духовного училища, зарождение молодёжного движения. И на этом фоне – неизменно размеренный, неторопливый голос Владыки. Дело вовсе не в возрасте или состоянии здоровья. Владыка, проявляя смирение, умел оставаться одновременно «незаметным» и, в то же время, необходимым всем.

Будущий Владыка Иов, Дмитрий Яковлевич Тывонюк родился 6 ноября 1938 года в Почаеве и вырос, что называется, у стен знаменитой Почаевской лавры. Свое имя он получил в честь великомученика Дмитрия Солунского, праздник которого приходится на 8 ноября, а ещё через два дня, 10 ноября – новое тезоименитство, праздник преподобного Иова Почаевского (имя было дано ему в монашеском постриге).

Будущий владыка Иов вполне мог знать старца Амфилохия (Головатюка), при жизни «доктора Йосипа», ныне преподобного Амфилохия Почаевского, житие и иконы которого хранят верующие уральцы и по сей

день в домашних молитвенных уголках. Довелось юноше набираться ума и в известных духовных школах – Киевской и Одесской духовной семинариях, Московской духовной академии. До конца жизни Владыка сохранил заметный акцент (например, произнося «церква» вместо «церковь»).

Работа в Отделе Внешних Церковных сношений Московского Патриархата, иеромонаха, а затем и Владыки Иова, почти не упоминается в церковных мемуарах (в отличие от своего руководителя – митрополита Никодима (Ротова). В советский период Владыка был занят работой с документами, «кабинетной работой», хотя и управлял приходами в США и Канаде. В конце Перестройки Владыка Иов оказался в эпицентре украинских церковных разделений. В 1989 г. он принял Житомирскую кафедру после епископа Иоанна (Бондарчука), ставшего «вторым лицом» в УАПЦ. В 1992 г. он собрал в Харькове собор против митрополита Филарета (Денисенко) – в поддержку избрания экзархом митрополита Владимира (Сабодана). Оба архиерея принимали участиев его епископской хиротонии, так что перед владыкой стоял эмоционально нелёгкий выбор.

В 1994 г. архиепископ Иов становится сначала митрополитом Одинцовским, а в конце 1996 года его переводят на Урал, на Челябинскую кафедру, которую он продолжит занимать до весны 2011 г. Значительную часть этого срока (1996–2010) руководитель регионом будет губернатор П. И. Сумин, – государственный деятель, оставивший заметный след в истории края и в сердцах южноуральцев.

В годы Владыки Иова в Челябинске, как уже говорилось выше, строились новые храмы, действовали православная гимназия во имя праведного Симеона Верхотурского, Челябинское духовное училище, велись радиопередачи, в кафедральном соборе выходили журналы «Симеоновский вестник» и «Симеоновская горка». Епархия поддерживала любые добрые для Церкви начинания, одним из таких можно назвать Славянский научный собор, созданный прежде всего силами ученых, руководства Челябинского Государственного института культуры.

В декабре 2010 г. подходили к концу уральские дни митрополита Иова – для нас же это послужит отправной точкой повествования. 3 и 6 декабря 2010 г. митрополит Иов служил в Александро-Невском храме на Алом поле. Александро-Невскому храму на Алом поле (бывшей Александровской площади), как известно, выпала непростая судьба. Когда-то он был задуман в память об убиенном императоре Александре II. Сначала возвели часовню, но потом, когда Челябинск, став крупным железнодорожным узлом, начал стремительно расти, решили построить на её месте храм. Появился уникальный проект А. Н. Померанцева, но для того, чтобы реализовать его, не хватало средств. В итоге храм открылся лишь в 1916 г., а в 1920-е был отнят у верующих. Здание без успеха попытались взорвать, потом отдали под склад, типографию, планетарий. В 1980-х его отреставрировали, открыв внутри органный зал. А в 1990 г. восстановили вместо шпилей православные кресты [2, с. 247–265].

Со временем храм на Алом поле стал предметом раздора между верующими и антиклерикально настроенными челябинцами. Верующие выражали желание, чтобы в бывшем храме разрешили хотя бы совершать молебны. Антиклерикалы-общественники со всей экспрессией подчеркивали в своих выступлениях, что уникальный инструмент нельзя перенести, он может прийти в негодность.

Власти, а вместе с ними и владыка Иов старались сделать всё возможное, чтобы не дать конфликту перейти в критическую фазу. Во время визита 17–18 апреля 2010 г. на Южный Урал Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла от руководства области было высказано обещание, что храм на Алом поле будет передан Челябинской епархии. И вот, с 8 июля 2010 г. в храме на Алом поле стала совершаться Божественная Литургия. С 2010 по 2014 г. здание использовалось совместно Челябинской епархией и Челябинской филармонией [3]. 3 декабря были освящены, а вскоре и подняты на звонницу 8 колоколов, приобретённых при благотворительной поддержке А. П. Лебедева. «Мы привыкли, возлюбленные о Господе, слышать колокольный звон и не представляем, чтобы храм был без колоколов. И радостно, что еще до начала повседневных богослужений в этом благом и святом месте постепенно все совершается для славы Божией. Сегодня мы собрались, чтобы через особое молебное пение освятить и соделать церковными эти колокола. И пусть Всемилостивый Господь наш Иисус Христос, Великий Пастыреначальник, ниспошлет обилие Своей благодати», – напутствовал молящихся владыка Иов. В колокола было решено звонить дважды в неделю, во вторник и четверг [4].

Три дня спустя, 6 декабря, владыка Иов вновь служил Литургию на Алом поле, возглавляя уже престольный праздник. «Воистину у нас сегодня, возлюбленные о Господе, светлый, пасхальный день – день прославления памяти великого князя Александра Невского. Радость наша в том, что постепенно приближается благословенное время, когда на этом святом месте будут постоянно совершаться богослужения, – сказал владыка Иов. – Постепенно исполняется обещание губернатора нашей области, которое было дано Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу во время его визита в нашу епархию. Благодарение Богу, здесь совершаются молитвословия, хотя и не все еще готово для богослужений». Протоиерей Игорь Рысенко поблагодарил владыку за совместную молитву, а руководившая хором Екатерина Коробейникова отметила, что храм «…обладает удивительной акустикой, фокусирующей голоса в единое целое, что важно для храмового пения, ибо согласно апостольской мысли мы должны едиными устами и единым сердцем славить Господа» [5].

В промежутке между этими днями, 4 декабря, в праздник Введения во Храм Пресвятой Богородицы владыка Иов возглавлял престольный праздник во Введенском храме Еманжелинска, но проповедь его не сохранилась. Это касается и службы в память апостола Андрея Первозванного, у

его мощей в Свято-Троицком храме 13 декабря, и в память святителя Николая Чудотворца в Никольском храме Васильевского прихода 19 декабря. Помимо этого, владыка Иов освятил 18 декабря Никольский храм в посёлке Солнечном Сосновского района.

На всенощной накануне престольного праздника в Свято-Симеоновском кафедральном соборе 30 декабря владыка кратко поздравил верующих и освятил три новых колокола для этого храма, а на следующий день возглавил Божественную Литургию. Рождество Христово, в ночь с 6 на 7 января 2011 г., владыка встретил вновь в Симеоновском кафедральном храме. «Прошу принять от моего недостоинства сердечное поздравление со светлым и радостным праздником Рождества Христова и наступившим Новолетием милости и благости Господней, – сказал владыка Иов. – Пусть этот год будет для всех нас годом Божьего милосердия, годом мирным и благоприятным, чтобы прожить его в благочестии и чистоте, восходя от силы в силу по пути вечного спасения и всегда достойно вместе со Святыми Ангелами из глубины нашего сердца воспевать хвалебную песнь: Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение!» [6].

6 января 2011, в Сочельник, скончался П. И. Сумин. Гражданская панихида проводилась 10 января в Театре Оперы и балета, куда прибыл владыка Иов, отпел покойного, тепло выразил соболезнование его родным, вспомнил храм «Скоропослушницы», построенный в свое время губернатором в родном селе Верхняя Санарка [7].

Два дня спустя, 12 января, владыка Иов отправился на ёлку к больным детям, в специальный детский сад № 390, окормлявшийся тогда священником-поэтом Алексеем Зайцевым. 14 января владыка Иов вновь служит в Васильевском храме, где был примерно месяц назад, возглавляя престольный праздник. Храмовый комплекс в Тракторозаводском районе, построенный на средства В. Н. Кичеджи, оказался первым в городе, возведённым в постсоветский период (к тому моменту действовал полтора десятка лет). Здесь действовало три престола – в честь святителя Василия Великого, святителя Николая Чудотворца, а также мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Здесь появились значимые, не только для города, святыни, например, – частица мощей святителя Николая Мирликийского, доставленная при из Италии при содействии маркизы Иммаколаты Соларе дель Борго.

В Свято-Симеоновском кафедральном соборе владыка Иов 19 января совершает Божественную Литургию и Великий чин освящения воды. 7 февраля владыка Иов возглавил престольный праздник в храме в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали», по поводу которого тогда ещё никто не предполагал, что на его основе возникнет Богоявленский мужской монастырь. «Мы предстоим перед этой иконой, как и перед многими другими образами Пречистой, зная, уповая на то, что Она ниспосылает помощь каждому из нас», – сказал в проповеди владыка Иов. В храме, освящённом осенью 2000 г. покойным патриархом Алексием II, сформировалась сильная молодёжная община – клуб

«Глас», велась работа с ближайшей городской больницей, создавалось второе в городе сестричество милосердия, действовал реабилитационный центр «Воскресения». Двор планировалось превратить в вишнёвый сад. «Единение людей чувствуется, – сказал тогда настоятель прот. Дмитрий Алфёров в интервью городскому телеканалу. – Современному человеку, на мой взгляд, не хватает не столько богословских знаний, сколько духовных впечатлений, которые и станут тем зерном, что взойдёт в душе».

15 февраля, в Сретение Господне, владыка Иов вновь служил в Свято-Симеоновском кафедральном соборе, а 18 февраля поехал на престольный праздник в храм иконы Божией Матери «Взыскание погибших» у завода «Теплоприбор». Всё шло обычным чередом: подготовка к посту, Масленица, концерт хора Свято-Данилова монастыря… 25 февраля в Челябинск прибывает частица мощей благоверного князя Александра Невского, и её встречают в Симеоновском кафедральном соборе. В Александро-Невском храме до конца ноября 2013 года будут продолжаться органные концерты, однако 5 марта Божественную Литургию с частицей мощей благоверного князя Александра в нём всё-таки отслужили.

Прощеное воскресенье выпало в 2011 г. на 6 марта, и владыка Иов снова служит Божественную Литургию в соборе, как подобает, прося прощения у всех клириков и прихожан. «Мы стоим на пороге великих дней – Святой четыредесятницы, благодатного и спасительного времени для того, чтобы всем нам сподобиться быть наследниками жизни вечной. Великий пост – самое дорогое и значительное время для всех нас. Он называется милостивым, потому что постом человек приобретает ту радость, которая приносит ему неизреченную милость Господню», – напутствовал народ владыка Иов [8].

Владыка Иов усердно служит всю первую седмицу Великого поста. В понедельник он читает Канон преподобного Андрея Критского в Симеоновском кафедральном соборе, во вторник – в Свято-Троицком храме, где настоятельствует секретарь епархии протоиерей Игорь Шестаков, в среду служит Литургию Преждеосвященных Даров в Симеоновском соборе, а читать канон отправляется в Васильевский храм, и это последний его туда архипастырский визит. Канон четверга и Литургию пятницы с освящением колива владыка снова совершает в Симеоновском соборе. Поздравляет всех прихожан с «весной духовной», призывая подражать святым, упомянутым в каноне. «пусть всемилостивый Господь по Своей неизреченной любви всем нам ниспошлет Свою благодать, простит наши грехи и беззакония и сподобит наследия Вечного Царства», – желает владыка Иов [9].

В первое воскресенье Великого поста отмечается Торжество Православия. В этот день 13 марта владыка Иов в Симеоновском соборе последний раз вручил награды клирикам: иерей Виктор Голубцов был награжден правом ношения камилавки, иерей Андрей Григорьев – наперсным крестом, иерей Георгий Упский – набедренником, а диакон Пимен Трофимов– двойным орарем [10].

22 марта 2011 г., в день Сорока Севастийских мучеников решением Священного Синода от 22 марта 2011 г. (журнал № 12) Владыка Иов почислен по состоянию здоровья на покой.

25, 26 и 27 марта владыка Иов служит в кафедральном соборе – вечерние богослужения, Божественные Литургии, панихиды. В качестве правящего архиерея он совершает последнюю хиротонию – рукополагает диакона Евгения Наумова из Трёхгорного во священники.

29 марта владыка Иов провёл собрание епархиального духовенства, попрощавшись с теми, кем руководил в течение 14 лет. «Вам, дорогие отцы, приношу я благодарность, желая многой обильной помощи Божией в ваших трудах во славу Божию», – с такими словами обращался к священствуВладыка Иов.

1 апреля в Челябинск прибыл новый архипастырь – архиепископ Феофан (Ашурков). Как это происходило, как владыка Иов провёл последние дни и часы на Уральской земле – об этом историкам ещё предстоит рассказать. Наступала новая эпоха в жизни православного Челябинска. Владыке Иову на прощание челябинцы желали здоровья и многих лет жизни. Так и случилось, в Москве на покое он прожил ещё почти десять лет, без трёх зимних месяцев, скончавшись от коронавируса 1 декабря 2020 г. Владыка Иов остается в памяти благодарных как верующих, так и неверующих челябинцев. 18 мая в конференц-зал Челябинской епархии состоятся Духовные чтения «Архиерей Южного Урала: Строитель. Учитель. Молитвенник», посвященные 85-летию со дня рождения митрополита Челябинского и Златоустовского Иова (Тывонюка).

Список источников

1. Ермолюк А. В. Митрополит Челябинский и Златоустовский Иов (1938–2020): к 85-летию со дня рождения / А. В. Ермолюк // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2023. – Челябинск, 2023 (в печати).

2. Антипин Н. А. Купцов И. В., Православные храмы Челябинска: история и современность / Н. А. Антипин, И. В. Купцов. – Челябинск : АвтоГраф, 2015. – 452 с.

3. Первая после 80-летнего перерыва Божественная литургия совершена в храме святого Александра Невского на Алом поле // Челябинская митрополия Русской Православной Церкви. – URL: https://mitropolia74.ru/novosti/pervaya_posle_80_letnego_pereryva_bozh.estvennaya_liturgiya_sovershena_v_khrame_svyatogo_aleksandra_n/ (дата обращения 07.12.22).

4. На звоннице храма Александра Невского установлено восемь колоколов // Челябинская митрополия Русской Православной Церкви. – URL: https://mitropolia74.ru/novosti/na_zvonnitse_khrama_aleksandra_nevskogo_ustanovleno_vosem_kolokolov/ (дата обращения 07.12.22).

5. В память вечную святого благоверного князя Александра Невского // Челябинская митрополия Русской Православной Церкви. – URL: https://mitropolia74.ru/novosti/v_pamyat_vechnuyu_svyatogo_blagovernogo_knyazya_aleksandra_nevskogo_/ (дата обращения 07.12.22).

6. Рождественское послание митрополита Челябинского и Златоустовского Иова // Челябинская митрополия Русской Православной Церкви. – URL: https://mitropolia74.ru/novosti/rozhdestvenskoe_poslanie_mitropolita_chelyabinskogo_i_zlatoustovskogo_iova_pastyryam_monashestvuyushch/ (дата обращения 07.12.22).

7. Южный Урал простился с Петром Суминым // Челябинская митрополия Русской Православной Церкви. – URL: https://mitropolia74.ru/novosti/yuzhnyy_ural_prostilsya_s_petrom_suminym/ (дата обращения 07.12.22).

8. Если будете прощать людям согрешения их// Челябинская митрополия Русской Православной Церкви. – URL: https://mitropolia74.ru/novosti/esli_budete_proshchat_lyudyam_sogresheniya_ikh_/ (дата обращения 07.12.22).

9. В храмах Челябинска совершается чтение Великого канона св. Андрея Критского // Челябинская митрополия Русской Православной Церкви. – URL: https://mitropolia74.ru/novosti/v_khramakh_chelyabinska_sovershaetsya_chtenie_velikogo_kanona_sv_andreya_kritskogo/ (дата обращения 07.12.22).

10. Торжество Православия // Челябинская митрополия Русской Православной Церкви. – URL: https://mitropolia74. ru/novosti/torzhestvo_pravoslaviya/ (дата обращения 07.12.22).

УДК 94(47)

Михальченко Сергей Иванович

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, Институт экономики, истории и права, директор, доктор исторических наук, профессор

РЕЛИГИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Е. В. СПЕКТОРСКОГО[1]

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды русского правоведа, философа и историка – эмигранта «первой волны» Е. В. Спекторского о роли религии в творчестве А. С. Пушкина. Спекторский показал эволюцию воззрений Пушкина на христианство от арелигиозности к глубокой вере. Статьи Е. В. Спекторского о Пушкине были созданы как отклик на памятные даты жизни поэта, отмечавшимися русской эмиграцией, и публиковались как в русскоязычных, так и в сербских изданиях

Ключевые слова: Спекторский Е. В., Пушкин А. С., христианство, общественно-политическая мысль русской эмиграции

Mikhalchenko Sergey Ivanovich,

Bryansk State Academician I. G. Petrovsky University, Institute of Economics, History and Law, Director, Doctor of Historical Sciences, Professor;

RELIGION IN THE WORKS OF A. S. PUSHKIN IN THE INTERPRETATION OF E. V. SPEKTORSKY

Annotation. The article deals with the views of the Russian jurist, philosopher and historian – an emigrant of the «first wave» E. V. Spektorsky on the role of religion in the work of A. S. Pushkin. Spektorsky showed the evolution of Pushkin's views on Christianity from religiosity to deep faith. Spektorsky's articles about Pushkin were inspired by memorable dates celebrated by the Russian emigration and were published both in Russian-language and Serbian publications.

Keywords: Spektorsky E. V., Pushkin A. S., Christianity, social and political thought of the Russian emigration

Евгений Васильевич Спекторский (1876–1951) – известный русский ученый-обществовед и деятель высшего образования. Его биография – во-

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 21-011-4401.5.

многом, типичный образец жизненного пути российского ученого на переломе эпох. Он закончил юридический факультет Варшавского университета, затем преподавал там же, в 1911 г. защитил в Юрьеве магистерскую диссертацию по государственному праву. Переехав в 1914 г. в Киев, стал профессором университета св. Владимира. После защиты летом 1917 г. докторской диссертации был избран деканом юридического факультета, а годом позже стал и последним избранным ректором этого университета. Неприятие Спекторским революции 1917 г., его активное участие в политическом противостоянии на стороне белых привели ученого в эмиграцию. С 1920 г. он проживал – не считая трехлетнего перерыва – в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославии), преподавал в Белградском университете, а с 1930 по 1945 г. – в Люблянском. (Перерыв был связан с его переездом в 1924–1927 гг. в Прагу, где он был профессором и – недолго – деканом Русского юридического факультета. В 1945 г., бежав от наступающих войск Й.-Б. Тито в Италию, в течение двух лет жил в лагерях для перемещенных лиц, а в 1947 г. перебрался в США, где и закончил свой жизненный путь профессором Св.-Владимирской духовной семинарии (академии) в Нью-Йорке [6].

Несмотря на далекий, казалось бы, от литературоведения ученый путь, Спекторский всю жизнь был тесно связан с филологическим знанием. Окончив классическую гимназию, где ученики писали «.. экстемпоралии, т. е. переводы с русского на древние языки, заучивали наизусть стихи Гомера и Горация, прозу Ксенофонта и Ливия» [8, с. 59], Спекторский поступил на факультет, программа которого отличалась от программ юридических факультетов других российских университетов наличием больших курсов русской истории и словесности. Как вспоминал Спекторский, в Варшавском университете для всех студентов «читался курс русского языка с обязательным экзаменом и специально для юристов преподавался, тоже с обязательным экзаменом, целый ряд предметов историко-филологического факультета: логика, психология, история древней и новой философии, всеобщая история, русская история, древняя и новая. За это варшавские юристы получали право преподавания истории и русского языка в средних учебных заведениях». Кроме того, Спекторский был совершенно прав, считая, что «при серьезном отношении к делу эти предметы расширяли горизонты молодых юристов, предохраняя их от узкого догматизма» [8, с. 69]. Русский язык преподавал выдающийся лингвист, будущий академик Е. В. Карский, а историю известный исследователь И. П. Филевич и дядя Марины Цветаевой Д. В. Цветаев [8, с. 73]. Важным аспектом приобщения будущего ученого к литературе был тот факт, что в Варшавском университете его учителем был профессор-государствовед А. Л. Блок, с которым вначале студент, а затем «аспирант» (оставленный при кафедре) Спекторский много и плодотворно общался и который познакомил начинающего ученого со своим сыном-поэтом. Блок-старший

научил ученика «ценить Пушкина и всегда, даже в ученых трудах, стремиться к изяществу стиля. Он же внушил мне, – вспоминал Спекторский, – что у каждой мысли есть только одна сопутствующая ей форма выражения; и пока эта форма не найдена, мысль еще не изречена» [8, с. 77].

Первые печатные работы, хотя бы косвенно связанные с историей литературы, появились у Спекторского еще в дореволюционный период, но подлинный расцвет его филологическая публицистика пережила уже в эмиграции. Причиной появления около 30 книг и статей на литературоведческие темы были, чаще всего, разнообразные памятные даты, отмечавшиеся в русском рассеянье. Эти даты были важнейшими объединяющими событиями для русской эмиграции первой волны [3, с. 258]. Достаточно широко праздновались юбилеи русских писателей – круглые годовщины рождения (смерти) А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, М. В. Ломоносова, ученых и др.[2, с. 96; 4]. Крупнейшим событием для русской эмиграции стало празднование 950-летия Крещения Руси в 1938 г. В честь памяти А. С. Пушкина 6 июня в 1925 г. был учрежден «День русской культуры», а в честь памяти Владимира Святого в 1929 г. 15 (28) июня – «День русской славы».

Алгоритм появления статей у Спекторского был двояким: иногда его приглашали выступить на юбилейном заседании, а затем текст переработанного выступления публиковался в периодическом издании, а иногда редакция журнала или газеты сразу заказывала завоевавшему популярность автору юбилейную статью. Спекторский чаще не приводил общеизвестные факты биографии, а обращал внимание на казавшиеся ему важными черты творчества [4].

Предметом настоящей статьи являются религиозные мотивы в сочинениях А. С. Пушкина в интерпретации ученого, поскольку особенностью литературоведческих публикаций Спекторского было особое внимание к роли религии в жизни и творчестве писателей (а Пушкина он ставил среди них на первое место). Причина этого – в общеметолологических взглядах ученого, сложившихся к середине 1920-х гг. Как показала Е. В. Ткаченко, под воздействием пережитых им революционных потрясений Спекторский пришел к выводу о всеобщем кризисе, охватившем Европу, и о постепенной замене государства обществом, а в обществе важнейшую роль играла, по мнению ученого, религия [14, с. 62–63]. Он фактически присоединился к точке зрения О. Шпенглера о смене культуры цивилизацией, говоря, что «преобладает наклонность видеть причину кризиса в оскудении духа» и выход находится в «углублении религиозного, в особенности христианского сознания. В связи с этим усилился интерес к вероучению и нравоучению христианства и в особенности православия» [10, с. 435]. (Итогом размышлений Спекторского на эту тему стало издание обширной книги «Христианство и культура» [13]).

А. С. Пушкин был первым автором, к роли религии в творчестве которого обратился Спекторский, Пушкину Спекторский посвятил несколько

статей. Первая из них выросла из речи «Заветы Пушкина», произнесенной на праздновании Дня русской культуры в Ужгороде 8 июня 1926 г. [1, с. 97; 8, с. 423], в переработанном виде напечатана в 1929 г. [9].

Затем несколько работ на русском и сербском языках были опубликованы к 100-летию со дня гибели поэта – статьи 1937 г. «Значение Пушкина» [7], «Пушкин и христианство» [12] и др. Наконец, 150-летие со дня рождения классика было ознаменовано выходом обширной статьи «Пушкин» в парижском «Возрождении» в 1949 г. [11].

В первой статье в 1929 г. Спекторский говорил о невозможности жизни России без христианства, как об одном из заветов Пушкина. (Среди других заветов – «неунывающая бодрость духа, несмотря ни на какие невзгоды»; «завет труда»; любовь к России – великой, сильной и державной; внимание к родному языку). Автор не соглашался с тем, что поэт всю жизнь был далек от религии. Он подчеркивал, что «Пушкин прошел через маловерие и даже неверие», но «кончил он обращением к христианству» [9, с. 60].

В 1937 г. Спекторский уже более уверенно постулировал, что «мировое значение Пушкина состоит в том, что он, как все подлинно великие художники, близко подошел к Богу» и «не представлял себе русского духа без христианства вообще и без православия, в частности» [12, с. 9–10]. Более того, Спекторский согласился с Э.-М. де Вогюэ, говорившем, что «русские писатели, сами того не сознавая, в самых глубоких углах своего сердца всегда остаются христианами». Спекторский подчеркивал, что «Пушкин это осознавал вполне отчетливо. И посему именно он был посредником между тем духовным заданием, которое при крещении Руси было поставлено русскому слову, и тем выполнением, которое осуществили Гоголь, Достоевский и Толстой. Все они в области искусства продолжали дело св. Владимира» [12, с. 12]. В 1949 г. бóльшая часть статьи была посвящена теме религиозности Пушкина, «проникавшей его мировоззрение и творчество», при этом Пушкин «искал в слове Божием прочную опору для своего миросозерцания и творчества» [11, с. 12, 17]. Спекторский, как историк-исследователь, привел даже небольшую историографию вопроса, подчеркивая, что с конца 1920-х годов тема религиозности Пушкина ушла с периферии интереса к поэту: с одной стороны, в Советском Союзе появлялись тексты вроде «Атеизма Пушкина» Ем. Ярославского, с другой стороны, над проблемой стали работать такие разные христианские авторы-мыслители как митрополит Антоний и философ С. Л. Франк, написавший статью «Религиозность Пушкина» [11, с. 12–13]. Излишним будет заметить, что Спекторский присоединился ко второму направлению.

Таким образом, полагая, что творчество Пушкина было своего рода мостом между делом князя Владимира и духовным подвигом великих русских писателей второй половины XIX в. Спекторский считал Пушкина одним из важнейших проводников христианских ценностей в русской литературе.

Список литературы
1. Деятельность Общества им. А. Духновича в 1925–1926 гг. – Ужгород, 1926. –163 с.
2. Емельянов Ю. Н. История в изгнании. Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). Москва: Русская панорама, 2008. 493 с.
3. Ковалев М. В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов: Саратовский государственный технический университет, 2012. – 408 с.
4. Михальченко С. И. Литературоведческие сочинения Е. В. Спекторского // Берковские чтения – 2021. Книжная культура в контексте международных контактов: материалы VI Междунар. науч. конф. / сост.: Авгуль Л. А., Вдовина Н. В. – М.: Наука, 2021. – С. 325–330.
5. Михальченко С. И. Е. В. Спекторский о роли религии в творчестве Ф. М. Достоевского // Достоевский и славянский мир: коллектив. монография. – Нижний Новгород: ННГУ, 2022. – С. 38–45
6. Михальченко С. И., Ткаченко Е. В. Евгений Васильевич Спекторский // Вопросы истории. – 2013. – № 1. –С. 13–31.
7. Спекторски Е. Пушкинов значај // Српски књижевни гласник. –1937. – Књ. 50. – С. 277–286.
8. Спекторский Е. В. Воспоминания. – Рязань: Издатель П. А. Трибунский, 2020. – 654 с.
9. Спекторский Е. В. Заветы Пушкина // Пушкинский сборник. – Прага,1929.
10. Спекторский Е. В. Пособие к лекциям по истории философии права. – Прага, 1925. – Вып.2, С. 435.
11. Спекторский Е. В. Пушкин // Возрождение. – 1949. – Тетрадь 3. –С. 8–18.
12. Спекторский Е. В. Пушкин и христианство // День русской славы. – Белград, 1937. – С. 9–12
13. Спекторский Е. В. Христианство и культура. – Прага: Пламя, 1925. – 308 с.
14. Ткаченко Е. В. Общественно-политические взгляды Е. В. Спекторского. – Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2009. –160 с.

УДК 908

Кальниченко Владислав Николаевич
Краснодарский государственный институт культуры, кафедра истории, культурологии и музееведения, студент магистратуры

ИСТОРИЯ ХРАМА В ХУТОРЕ КОНЫГИН УСТЬ-ДОНЕЦКОГО РАЙОНА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В публикации отражнены основные сюжеты истории церкви Рождества Пресвятой Богородицы хутора Коныгин Раздорского района (с 1965 г. – Усть-Донецкий район), процесс сохранения данного объекта в советский период; показывается значение этого храма как архитектурного объекта и места памяти.

Ключевые слова: церковь, историческая память, места памяти, Нижний Дон

Kalnichenko Vladislav Nikolaevich
Krasnodar State Institute of Culture, Department of History, Cultural Studies and Museology, Master's student

THE HISTORY OF THE TEMPLE IN THE FARM KONYGIN UST-DONETSK DISTRICT OF THE ROSTOV REGION

Annotation. The article deals with the main stories of the history of the Church of the Nativity of the Blessed Virgin Mary of the Kanygin farm of the Razdorsky district (since 1965 –

Ust-Donetsk district), the process of preserving this object during the Soviet period, and also show the significance of this temple as a tourist attraction and a place of memory.

Keywords: church, historical memory, places of memory, Lower Don

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью возрождения духовно-нравственных идеалов, значением исторической памяти для населения нашей страны. В данном направлении действует государственная политика, в которой важны следующие положения: «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые из поколения в поколение», «историческая память и преемственность поколений» [8]. Понятие исторической памяти на сегодняшний день в академическом сообществе до сих пор не получило точного определения. Полагаем, можно согласиться с формулировкой Ю. А. Сафроновой о том, что память – «…это способ конструирования людьми своего прошлого» [7, с. 15].

В 1920 г. на территории Донской епархии насчитывалось 911 церквей. Из них 307 каменных и 492 храма были деревянными. При этом основной материал 73 церквей определить на сегодняшний день не представляется возможным [10, с. 17]. Следует отметить, что количество церквей и молитвенных домов, а также определение основного материала их постройки остается актуальной исследовательской задачей. Известно, что весной 1920 г. на Дону заканчивается Гражданская война победой большевиков, после чего наступает череда антирелигиозных кампаний. С наступлением весны 1922 г. в Поволжье значительные масштабы приобретает проблема голода [9, л. 20].

Данные обстоятельства легли в основу процесса изъятия церковных ценностей, как заявлялось, в пользу голодающих. В основном данная кампания проходила в крупных городах области, однако не остались в стороне и храмы Нижнего Дона. Так, например, изъятие ценностей в Цимлянском районе «…проходит без возражений и сопротивления как со стороны граждан, так и со стороны духовенства» [11, с. 166]. В то же время немало религиозных организаций изучаемой нами территории не попали под реквизицию церковного имущества. Не стала объектом данной кампании церковь Рождества Пресвятой Богородицы в хуторе Каныгин Раздорского района. Обратим внимание на ряд примечательных, на наш взгляд, сюжетов из истории храма. Известно, что церковь была построена в 1879 г. на собранные средства верующих (6000 р.) и пожертвованных войсковым начальством (500 р.). Церковь была построена из камня, но с деревянным куполом, имела один престол. В 1912 г. с севера и юга были пристроены дополнительные помещения. «В 1916 г. церкви принадлежали: два причтовых дома, построенных в 1898 г. на средства прихожан; здание церковноприходской школы, построенное в 1910 г.; каменный дом для церковных сторожей. В деревянном пристроек караулке до 1910 г. располагалась церковноприходская школа» [10, с. 170]. Исходя из данного описания, в шаго-

вой доступности располагался целый комплекс строений, предназначенный как для церковных и образовательных потребностей, так и охранительной деятельности этой территории. Церковь после переустройства стала крестово-купольного типа. Здесь необходимо напомнить участникам нашей экскурсии, что на Дону сосуществовали несколько интересных практик: практика переноса строений с одного местожительства на другое, не исключениям были как деревянные, так и каменные церковные строения, так и практика *разлома* материала бывших церквей, который вторично использовали. В одних случаях под гробы [1, л. 1], в некоторых случаях «…из церквей строили вполне светские строения» [10, с. 17]. Интересно, что в письменные документах не прослеживается ни дата заложения, ни дата строительства часовни близ церкви (с северо-восточной стороны). То есть формально она фиксируется только с момента постановления о ее сносе. А 01.07.1937 постановлением Комиссии по вопросам культа при Президиуме Крайисполкома было решено снести каменную часовню, находящую близ церкви [4, с. 447]. Однако данное решение так и не было произведено. О закрытии же самой церкви не сохранилось никаких документальных свидетельств. Однако же в послевоенном документе, в справке о действующих церквях до начала Великой Отечественной войны указывалось, что «была всего одна действующая церковь в селе Обуховка, Азовского района» [2, л. 1]. В свою очередь, существует несколько документов, сообщающих официальное решение Исполкома Ростовского облсовета о закрытии именно этой церкви от 15.10.1940 [4, с. 476]. Нам представилась возможным уточнить и разобраться в данных письменного источника с помощью устного нарратива и метода интервьюирования. Так, жительница хутора Дугино Азовского района Н. Т. Назаренко сообщила, что не оскверненная «…эта церковь была. Милиция, участковые тогда были, они ж хотели зайти к ним, а они отстояли» [5]. Похожий процесс реакции верующих на закрытие храма был осуществлен в хуторе Каныгин [6]. Отметим, что оба эти случая не нашли отражения в письменных документах, но благодаря устным воспоминаниям граждан данных населенных пунктов удалось восстановить происходящие события. В послевоенный период происходит активная регистрационная деятельность религиозных организаций на территории Нижнего Дона с соответствующим ведением подробной документации как внутри прихода (приходно-расходные книги, книги о крещениях и др.), так и представителями власти (регистрационные дела прихода).

Итак, именно в этом храме зафиксирована регулярная сменяемость священнослужителей со своих должностей (за 4 года 4 священника) [3, л. 14; 26; 29; 31; 32]. В дальнейшем данная тенденция хотя и сохраняется, но в другом временном диапазоне (преимущественно 1980-е гг.). Обращаясь к инвентарным описям данного храма, можно отметить несколько особенностей. «Люстра 2-х ярусная на 18 св.», которая венчает центр храма и

сегодня. Отличительная ее особенность в том, что церковное паникадило поднималось и опускалось в определенный момент богослужения, имело свойство «растягиваться», тем самым, визуально поднимая пространство, а также оформлялось свечами. Во-вторых, несмотря на разный количественный состав церковных предметов (от 93 до 183 порядковых номера) некоторые предметы остались без учета, «часть которых, представляет большую историческую и культурную ценность для государства…» [3, л. 184]. Однако их ценность с материальной и культурно-исторической точки зрения нам все же осталась неизвестной, так как церковь неоднократно подвергалась грабежу.

В 1980 г. Уполномоченный совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР В. П. Колганов отправил письмо Председателю Усть-Донецкого райисполкома тов. Чугунову Е. И., в котором констатировал, что в последние годы «…в области участились кражи церковного имущества – икон, книг, крестов, чаш и других ценных изделий» [3, л. 183]. Для предотвращения подобных ситуаций уполномоченный утвердил (на основании своего кураторства) следующий порядок действий. «1. Создать комиссию для проведения описи, инвентаризации и имеющегося в церкви имущества» [3, л. 183]. 2. Принять меры к розыску преступников, похитивших ценности…», важно отметить, что за сохранность предметов церковная двадцатка несла полную ответственность, исходя из арендных обязательств перед райисполкомом [3, л. 183]. 3. Наиболее ценные предметы необходимо было отфотографировать и направить эти снимки в исполком. Ну и конечно, дать незамедлительный ответ о проделанной работе Облисполкому [3, л. 183].

О количестве утрат церковного имущества сообщает опись от 22 февраля 1980 г., где фиксировалось всего 139 предмета (а это на 44 предмета меньше). В тоже время, в данной описи мы видим несколько интересных предметов. 2 иконы «Вход Господня в Иерусалим», одна из которых обладает художественной уникальностью. Обратим внимание на нее и увидим, в основе обрамления присутствует цветочный орнамент за ковчегом, легкая позолота и художественный вид относит икону к началу XX в., здесь интересен мягкий образ Христа, восседающего на «осляти», но образ смиренного животного необычен: он рослый, крепкий и его внешние данные больше походят на коня (привычного для Донского региона).

Обратим внимание на особенности внутреннего убранства церкви, его символику. Проходя этот этап храма, мы попадаем в иное пространство, место, где стояли люди, *жаждущие* сокрушения, покаяния или же готовящиеся ко крещению (оглашенные). Это место по-гречески называли «нартекс», по-славянски – притвор. Данная часть храма соединена с основным пространством расположения верующих – храм или средняя часть. В этой части слева и справа отдельные помещения, с помощью которых можно подняться на колокольню.

Во время богослужения каждый элемент в храме приобретает таинственный и символико-сакральный смысл. Например, во время вечерней службы и перед чтением шестопсалмия гасится вся подсветка в храме. Особенностью данного храма является исключительное использование свечей для освещения храма, вместо привычных для современности электрической подсветки.

В средней части храма сейчас вы можете увидеть место, называемое *хоры*. Раньше там располагался церковный хор, а сейчас находятся иконы двунадесятых праздников. Интересно, что поперечные дощечки на лестнице и на *хорах* схожи с балясами на курене. Иконостас в этом храме сооружен на основе деревянных конструкций. Двери в алтарь или царские врата исполнены из серебра с виноградным орнаментом.

В завершение обратим внимание на несколько особенностей церквей Нижнего Дона. В социокультурном смысле, эти здания соединяли в себе как цельные каменные строения, так и наличие в них деревянных конструкций: от колоколен, до обшитых потолков, привычных светской архитектуре. Особенность же этих храмов подчеркивается также самостоятельностью верующих в деле сбора средств на церковные строения, стилевому решению, не исключением стало и внутреннее убранство. Храм в хуторе Каныгин является одним из символически-сакральных пространств, в его внутреннем оформлении сохранилась частичка и дореволюционной истории, и советского лихолетья.

Список литературы

1. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 226. Оп. 1. Д. 778. Л. 1.
2. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 5. Д. 2. Л. 1.
3. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 6. Д. 178. Л. 14; 26; 29; 31; 32; 103; 104; 197; 197 об.
4. Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920–1930-е гг. Сборник документов. / Л. В. Табунщикова, А. В. Шадрина. – Ростов н/Д.: 2013. – 505 с.
5. Респондент: Назаренко Наталья Тихоновна 1941 г. р. Интервьюер: Кравченко. Место проведения: Ростовская область, хут. Дугино, 14.02.2022. Продолжительность 25 мин.
6. Респондент: Борисова Юлия Михайловна 1950 г. р. Интервьюер: Кальниченко. Место проведения: Ростовская область, ст. Раздорская, 01.09.2021. Продолжительность 22 мин.
7. Сафронова Ю. А. Историческая память: введение: учеб. пособие / Ю. А. Сафронова. – 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 224 с.
8. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=2&rangeSize=1 (дата обращения 27.01.2022).
9. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 23. Л. 20.
10. Шадрина А. В. Храмы Донской и Новочеркасской епархии конец XVII века – 1920 г.: справочник / отв. ред. А. В. Венков. – Ростов н/Д: Антей, 2014. – 440 с.
11. Шадрина А. В., Табунщикова Л. В. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год.: сбор. докум. / А. В. Шадрина, Л. В. Табунщикова; [отв. ред. А. В. Венков; науч. ред. Н. В. Киселева]. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – 417 с.

УДК 27-528

Архипов Максим Александрович
Санкт-Петербургская духовная академия,
студент магистратуры

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОДОБНЫХ В ТРЕБНИКАХ В ДОНИКОНОВСКОЙ МОСКОВСКОЙ СТАРОПЕЧАТНОЙ ТРАДИЦИИ И В СОВРЕМЕННОЙ

Аннотация. Церковная музыкальная традиция хранит такой элемент в своем обороте, как подобны. Зачастую их игнорируют при пении стихир, тропарей и кондаков. При исполнении седаленов в современной богослужебной традиции к пению и не прибегают, поскольку данные тексты прочитываются. Цель данного доклада заключается в рассмотрении, какие подобны должны были использоваться в старопечатных московских дониконовских требниках, сравнить их с использованием в современном требнике или иных богослужебных книгах и дать описание, какие сохранились мелодии, а какие нет.

Ключевые слова: церковное пение, требник, дониконовская московская старопечатная традиция, современность

Arkhipov Maxim Alexandrovich
St. Petersburg Theological Academy masters' student

THE USE OF SIMILAR IN REGULATIONS IN THE PRE-NIKONOV MOSCOW OLD PRINTED TRADITION AND IN THE MODERN

Annotation. Church musical tradition keeps such an element in its circulation as similar. Often they are ignored when singing stichera, troparia and kontakia. In the performance of sedalens in the modern liturgical tradition, they do not resort to singing, since these texts are read. The purpose of the report is considering what similar ones should have been used in the early printed Moscow pre-Nikon breviaries, compare them with the use in the modern breviary or other liturgical books, and give a description of which melodies have been preserved and which are not.

Keywords: church singing, breviary, pre-Nikonian early printed tradition in Moscow, modernity

Введение

Церковное пение разнообразно. Современная русская церковная музыкальная традиция содержит восемь гласов, т. е. групп, которые в свою очередь делятся на четыри мелодические мелодии: стихирная мелодия, тропарная мелодия, ирмосная мелодия, прокимная мелодия. Таким образом существует около 30 основных мелодий. Артамонова Ю. В. относит их к самогласным напевам [1, с. 267]. Этими мелодиями богослужебная традиция не ограничивается. Кроме основных 30 мелодий, есть у каждого гласа тексты, которые именуются самогласными, самоподобными и подобные. Самогласен – это некий богослужебный текст, который имеет свою уникальную мелодию. Самогласен не имеет подражающих ему иных текстов, кроме себя самого. Самоподобен – это тоже самое, что и самогласен, но он уже имеет тексты, которые ему подражают. Подобен – это богослужебный текст, который написан в подражание самоподобну, т. е. имеет тоже количество мелодических строк, ударно/безударных слогов в этих строках, и его мелодия полностью зависит от самоподобного. Обратим внимание на то, что соотношение удар-

но/безударные слогов в богослужебных текстах характерно для текстов на греческом языке. В современном богослужении часто можно встретить данные надписания у богослужебных текстов, но их исполнение будет зависеть от 30 мелодий. Следует отметить, что из-за того подхода, мелодии многих самоподобнов исчезли. Другая проблема, связанная с исчезновением данного наследия – переход с одноголосного (знаменного) пения к партесу, часть знаменной нотации остается до конца не расшифрованой.

Цель нашего сообщения заключается в рассмотрении подобнов, которые использовались в старопечатных московских дониконовских требниках, их сравнение с использованием в современном требнике или иных богослужебных книгах этих богослужебных текстов, вопрос о сохранности мелодии в современных книгах.

Самый полный сборник самоподобных напевов был издан в Киеве в 2004 г. В этом сборнике собраны напевы разных певческих традиций. Он был взят за основу сравнений о сохранности нотированных напевов.

Подобные стихиры в старопечатном Требнике и в современном

Теперь стоит сказать об использовании самогласных, самоподных и подобных стихир в дониконовской традиции и в современной. Работать будем с изданием 1651 г., поскольку оно является последним в дониконовской традиции. В Таблице 1 приводятся данные этого сравнения.

Таблица 1

Сравнение самоподобных и подобных стихир старопечатного Требника 1651 г. и современного требника

Требник 1651	Современный требник	Есть ли ноты?[1]	Сохранился текст самоподобна?
Чин освящения храма			
Глас 1. Самоподобен. Обновляйся, обновляйся новый Иерусалим…	Глас 1. Самоподобен. Обновляйся, обновляйся новый Иерусалим…	Нет	Служба обновления храма Гроба Господня (Воскресение Словущаго) (не упоминается в работе Моминой М. А.)
Глас 4. Подобен: Дал еси знамение: Днесь божественный…	Глас 4. Подобен: Дал еси знамение: Днесь божественный…	Есть	Октоих. Стихира на стиховне утрени среды (см.: Момина М. А. №30)
Глас 3. Самоподобен: К себе восходи человече…	Есть стихира, но нет указания на самоподобен.	Нет	Большой Требник (у Моминой М. А. не упоминается)
–	Глас 6. Подобен: Ангельския предидите силы: Владыко Христе…	Есть	Стихиры на хвалитех 20 декабря (у Моминой М. А. не упоминается)
Освящение воды 1 августа			
Глас 2. Самогласен: Приидите вернии, животворящему Древу поклонимся…	–	Нет	Триодь Постная. Неделя 3-я Великого Поста (у Моминой М. А. не упоминается)
Вечерня с коленопреклоненными молитвами в день Пятидесятницы			
Глас 4. Самоподобен:	Глас 4. Самоподобен:	Нет	Цветная Триодь. Неделя 8-я

[1] По: Гарднер И. А. Подобны. Киев: «Держава», 2004.

Требник 1651	Современный требник	Есть ли ноты?[1]	Сохранился текст самоподобна?
Преславная днесь…	Преславная днесь… (Триодь Цветная. Неделя 8-я по Пасхе)		по Пасхе. Стихиры на хвалитех (у Моминой М. А. не упоминается)
Таинство Елеосвящения			
Глас 4. Подобен: Дал еси знамение: Дал еси благодать свою…	Глас 4. Подобен: Дал еси знамение: Дал еси благодать твою…	Есть	Октоих. Стихира на стиховне утрени среды (см.: Момина М. А. №30)
Постриг в мантию (в малую схиму)			
Глас 2. Подобен: Егда от древа… Верою приходящаго к тебе Владыко…	–	Есть	Триодь Постная. Стихиры на стиховне вечерни Великого Пятка (у Моминой М. А. присвоен № 35)
–	Глас 1. Самогласен. Познаем братие силу…	Нет	Требник. Постриг в мантию (у Моминой М. А. не упоминается)
Женский монашеский постриг в великую схиму			
Глас 1. Самоподобен. Последуем сестры…	–	Нет	–
Погребение мирян			
–	Глас 1. Самогласен. Кая житейская сладость… (и прочии восемь самогласны)	Нет	Требник. Погребение мирян (у Моминой М. А. не упоминается)
Глас 2. Подобен: Егда от древа: Приидите последнее…	Глас 2. Подобен: Егда от древа: Приидите последнее…	Есть	Триодь Постная. Стихиры на стиховне вечерни Великого Пятка (у Моминой М. А. присвоен № 35)
Отпевание младенца			
Глас 6. Самогласен. Воистину суета всяческая …	Назван тропарем. Нет указания на самогласен	Нет	–
–	Глас 8. Подобен: О преславнаго чудесе: О кто не восплачет чадо…	Есть	Октоих. Богородичен на «Господи Воззвах» вторника (у Моминой М. А. присвоен № 65)
Отпевание монахов			
Глас 1. Подобен: Прехвальнии мученицы: Тебе Спасе молимся…	Глас 1. Подобен: Прехвальнии мученицы: Тебе Спасе молимся…	Есть	Октоих. Стиховна на вечерни среды (то же самое, что и Всехвальные мученицы) (у Моминой М. А. присвоен № 21)
Глас 2. Подобен: Егда от древа: Стремление смертное…	Глас 2. Подобен: Егда от древа: Стремление смертное…	Есть	Триодь Постная. Стихиры на стиховне вечерни Великого Пятка (у Моминой М. А. присвоен № 35)
Глас 3. Подобен: Велия Креста Твоего: Славлю Крест Твой честный…	Глас 3. Подобен: Образ Креста Твоего: Славлю Крест Твой честный…	Есть	Октоих. Стихира пятка на «Господи воззвах». Правда самогласен назван: Велия Креста Твоего… (у Моминой М. А. присвоен № 11)
Глас 4. Подобен: Дал еси: Воистину страшно есть…	Глас 4. Подобен: Дал еси: Воистину страшно есть…	Есть	Октоих. Стихира на стиховне утрени среды (см.: Момина М. А. №30)

Требник 1651	Современный требник	Есть ли ноты?[1]	Сохранился текст самоподобна?
Глас 5. Подобен: Радуйся: Светом лица Твоего Христа…	Глас 5. Подобен: Радуйся постником: Зарею лица Твоего Христа…	Есть	Стихира на стиховне вечера службы прп. Савве Освященному (5/18 дек., Минея) (у Моминой М. А. присвоен № 79)
Глас 6. Подобен: Все упование: Имеяй непостижиме…	Глас 6. Подобен: Все отложше: Имеяй непостижиме…	Есть	Стихира на «Господи воззвах» 1 июля (у Моминой М. А. присвоен № 19)
Глас 7. Подобен: Нерадивше о всех: Умерщвлен узреся на Кресте…	Глас 7. Подобен: О всех небрегше: Умерщвлен виден был еси на Кресте…	Нет	У Моминой М. А. не упоминается
Глас 8. Подобен: О преславное: Царское ми подписав…	Глас 8. Подобен: О преславное: Царски ми подписал еси…	Есть	(у Моминой М. А. присвоен № 65)
Глас 2. Подобен: Егда от древа: Приидите последние целование…	Глас 2. Подобен: Егда от древа: Приидите последние целование…	Есть	(у Моминой М. А. присвоен № 35)
–	Глас 4. Самогласен. Приснопеваемый глас божественнаго Давида…	Нет	Требник (у Моминой М. А. не упоминается)
Глас 8. Самогласен. Безсмертне едине щедрый…	–	Нет	–
Отпевание священника			
Воскресные стихиры глас 8, подобен: Господи аще и на судище…	–	Нет	Октоих. Стихира на хвалитех Недели (у Моминой М. А. присвоен № 26)
–	Глас 6. Подобен: Отчаянная житейския ради: О боготворен в преставлении…	Есть	Триодь Постная. Стиховна Великой среды утрени (у Моминой М. А. не упоминается)
–	Глас 3. Самогласен. Се лежу…	Нет	Требник (у Моминой М. А. присвоен № 26)
–	Глас 8. Самогласен. Безмерна есть блудно …	Нет	Требник (у Моминой М. А. присвоен № 26)
Чин в начало индикта			
Глас 1. Подобен: Небесных чинов: Самославная и небесная учения Христова…	–	Есть	Октоих. Богородичен стиховне вечерни в Неделю (у Моминой М. А. присвоен № 54)

Из этой таблицы видно, что самый распространенный напев подобна «Егда от древа» второго гласа (используется четыри раза), а также «Дал еси знамение» четвертый глас (используется три раза). В Потребнике (1651) использовали некоторые самогласны, которые характерны только для дониконовской старопечатной традиции: «Последуем сестры» (1 глас), «Приидите вернии» (2 глас), «К себе восходит человече» (3 глас), «Преславная днесь» (4 глас), «Воистину суета всяческая» (6 глас). В современном Требнике ис-

пользуются такие самогласны как: «Познаем братие силу» (1 глас), «Се лежу» (3 глас), «Безмерна есть блудно» (8 глас), восемь стихир на отпевании монаха, первая стихира «Кая житейская сладость» (1 глас). Следует отметить, что у содержащихся самогласнов в Требнике не сохранились уникальные мелодии, остались у текстов лишь упоминания. Есть часть подобнов, которые не упоминаются у Моминой М. А. Большая часть подобнов из старопечатной традиции была восприята справщиками, которые составляли чинопоследования, которые характеризуют никоновскую традицию.

Также следует сказать о самогласнах, самоподобнах и подобнах, которые используются для тропарного напева. К данному напеву относятся такие тексты как тропари, кондаки и седалены. В Таблице 2 приводится сравнение вышеупомянутых богослужебных текстов дониконовской традиции с никоновской.

Таблица 2

Сравнение самоподобных и подобных тропарей, кондаков и седальнов старопечатного Требника 1651 г. и современного требника

Требник 1651	Современный требник	Есть ли ноты?	Сохранился текст самоподобна?
Основание храма			
Седален, глас 8. Подобен: Повеленное: Свидения храм Бог…	Седален, глас 8. Подобен: Повеленное тайно: Свидения храм Бог…	Есть	Триодь Постная. Тропарь в Субботу Акафиста (у Моминой М. А. присвоен № 67)
	Седален, глас 4. Подобен: Скоро предвари: Празднственный день…	Нет	Октоих. Седален среды (у Моминой М. А. присвоен № 84)
	Седален, глас 4. Подобен: Скоро предвари: Вся просвети…	Нет	Октоих. Седален среды (у Моминой М. А. присвоен № 84)
Кондак, глас 4. Подобен: Явися днесь: Небо все светлое…	Кондак, глас 4. Подобен: Явился еси: Небо многосветлое…	Есть	Кондак Богоявления (у Моминой М. А. присвоен № 99)
Соборование			
Седален, глас 1. Подобен: Пастырских сопль: Помилуй Спасе маслом ти…	Седален, глас 1. Подобен: Пастырская свирель: Яко божественная река…	Нет	Седален 24 декабря (у Моминой М. А. присвоен № 81)
–	Седален, глас 4. Подобен: Вознесыйся: Врачу и помошниче…	Есть	Кондак Воздвижения Креста (у Моминой М. А. присвоен № 15)
Кондак, глас 2. Подобен: Иже в молитвах: Яко благ, яко милостив…	Кондак, глас 2. Подобен: Вышних ищя: Милости источник…	Есть	Кондак 1 сентября (у Моминой М. А. присвоен № 25)
Кондак, глас 3. Подобен: Девая днесь: Душу мою Господи…	–	Есть	Кондак Рождества Христова (у Моминой М. А. присвоен № 31)
Чин монашеского пострига			
Данный тропарь назван кондаком. Нет указания на подобен.	Тропарь, глас 1. Подобен: Гроб твой Спасе: Объятия отча…	Есть	Октоих. Воскресный седален (у Моминой М. А. присвоен № 28)

Требник 1651	Современный требник	Есть ли ноты?	Сохранился текст самоподобна?
Чин великой схимы			
Седален, глас 4. Подобен: Скоро предвари: Хотящим предвари…	Седален, глас 4. Подобен: Скоро предвари: Хотящии, глаголет Господь…	Нет	Октоих. Седален среды (у Моминой М. А. присвоен № 84)
Каноны на исход души			
Седален, глас 8. Подобен: Премудрость: Малии мои дни…	–	Есть	Богородичен на седаленах 26 сентября (у Моминой М. А. присвоен № 72)
Молебен за всякое прошение			
Кондак, глас 6. Подобен: Неначаяемая: Не имамы иныя…	Есть, без указания на подобен	Нет	–

Из данной таблицы видно, что для большенства текстов не сохранились самогласные мелодии. Чаще употребляемый подобен четвертого гласа «Скоро предвари».

Заключение

На основании всего вышесказанного приходим к выводам:

1. Большая часть подобнов перешла из дониконовской традиции в никоновскую.

2. Больше всего всех подобной сохранилась в стихирных напевах, меньше в седаленах, в кондаках и в тропарях.

3. Самогласны, которые уникальны для Требника, не сохранили свои мелодии.

4. Есть часть подобнов, у которых поменялись начальные слова у самоподобнов, поэтому изменилось надписание, в некоторых случаях вообще пропало или наоборот появилось.

Обозначим вопросы, которые, на наш взгляд, подлежат дальнейшему изучению:

1. Использовались в дониконовской традиции подобные напевы?

2. При составлении Требника никоновской традиции надписания о подобнах являлось следование традиции о принадлежности данных текстов каким-то напевам или указания о напевах ввело к исполнению на практике данной мелодии?

3. Если ли мелодии самогласнов, которые отсутсвуют в сборнике Гаднера, в знаменных сборниках?

Список литературы

1. Артамонова Ю. В. Самогласны // Православная энциклопедия. – М.: Православная энциклопедия, 2021. –Т. LXI: «Саватий – Сведенборг». – С. 267–268.

2. Большой Требник. В 2 ч. – М.: Голос, 1991.

3. Гарднер И. А. Подобны. Киев: Держава, 2004. – 177 с.

4. Потребник. М.: Печатный двор, 1651. – 688л.

5. Требник. М.: Сретенский монастырь, 2015. –768 с.

6. Момина М. А. Самоподобные песнопения (αὐτόμελα) в церковнославянских богослужебных рукописях // Русь и южные славяне. Сборник статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894–1987). – СПб.: РНБ, 1998. – С. 165–184.

УДК 27-558

Ухатюк Юрий Игоревич
Санкт-Петербургский государственный университет,
кафедра религиоведения, студент

О ПРАКТИКЕ ПРИЧАЩЕНИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ БОГОЯВЛЕНСКОЙ СВЯТОЙ ВОДОЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. В статье рассматривается уникальный для христианского феномен причащения Святой водой в качестве практики, замещающей причащение Святыми Дарами. В практике Православной церкви издревле принята концепция реальности превращения хлеба и вина в Тело и Кровь Христа на литургии, а также строгая определённость веществ для совершения Евхаристии. В данном же случае мы имеем уникальную ситуацию в которой оказались старообрядцы, которые, вследствие событий раскола церкви в XVIIвеке, были вынуждены из-за собственных убеждений о впадении всей церковной иерархии в ересь осмыслять своё общение с Богоми участия в церковных Таинствах при отсутствии священства, что было препятствием для совершения Таинств в привычной каноничной, с точки зрения православного вероучения, форме. Именно одна из этих замещающих форм – причащение Богоявленской святой водой является темой данной статьи, в которой исследуются прецеденты и описания данной ритуальной практики.

Ключевые слова: христианство, старообрядчество, Евхаристия, Святая вода, Богоявление, Таинства, раскол

Ukhatuk Yuri Igorevich
Saint-Petersburg State University Department of Religious studies, student

ON THE PRACTICE OF COMMUNICATION OF THE OLD BELIEVERS WITH THE HOLY WATER IN THE RUSSIAN EMPIRE

Annotation. The article deals with the unique phenomenon of communion with Holy Water for Christians as a practice replacing communion with the Holy Gifts. In the practice of the Orthodox Church, the concept of the reality of the transformation of bread and wine into the Body and Blood of Christ at the liturgy, as well as the strict definition of substances for the celebration of the Eucharist, has been accepted since ancient times. In the case, we see a unique situation in which the Old Believers found themselves. Due to the events of the schism of the church in the XVII century, they were forced, because of their own beliefs about the fall of the entire church hierarchy into heresy, to comprehend their communion with God and participation in church Sacraments in the absence of the priesthood, which was an obstacle to the performance of the Sacraments in the usual canonical, from the point of view of the Orthodox doctrine, form. In this article is reviewed the one current form, which was provided for substitution of the participating in Eucharist-receiving Holy water as a Communion, and are researched precedents of such ritual practice.

Keywords: Christianity, Old Believers, Eucharist, Holy Water, Epiphany, Sacraments, schism

Раскол в Русской церкви и последующие трагические события, как гонения, ссылки старообрядческих деятелей и последующее исчезновение священства у них из-за отсутствия собственного епископата приводило старообрядцев к логично возникающим вопросам о спасении и таинствах при отсутствии земной иерархии священнослужителей, которые могут совершать всю полноту таинств церкви. Безусловно, почти что центральным

вопросом представал вопрос о участии в Евхаристии. Вопрос о возможности участия в Евхаристии без священства, а, следовательно, без совершения Бескровной Жертвы на Литургии, ибо невозможно совершение Божественной литургии без участия священника, прошедшего рукоположение и могущего подтвердить своё преемство от законной иерархии. Ответ на этот вопрос в наиболее ясной форме изложен деятелями старообрядчества в знаменитом полемическом труде «Поморские ответы», составленному Андреем Денисовым и коллективом старообрядческих богословов. В 104 ответе авторы излагают три возможных устроения причащающихся Святыми Дарами в условиях отсутствия священства или невозможности причаститься у православного священника. К первым относятся те, кто: «во святей церкви на святей литургии причащаются, они же, от священника православного вземше часть животворящих таин, у себе держат, и егда восхотят, причащаются». Ко вторым относятся: «….чрез веру и усердие духовне причащаются плоти и крове Христовы». К третьим же:«…чрез добродетельное житие усердствующим причащатися плоти и крове Христовы» [Поморские ответы. вопрос 104; цит. по 6, с. 500–514]. Таким образом, формулируется чрезвычайно интересное представление о незримой Евхаристии, что видно во втором и третьем примерах Денисова, где тот указывает на возможность приобщения к Таинству через веру или же добродетельную жизнь. Это понимание Евхаристии по сей день определяет понимание Причащения у старообрядцев-беспоповцев всех согласий.

Тем не менее, стремление к восприятию Таинства во вполне привычной для дораскольного православного христианства форме, как пресуществленного вещества, приводило к обращению к различным практикам, которые могли бы заменить Евхаристию традиционными пресуществленными хлебом и вином, бывшими недоступными им по причине всё того же отсутствия священства. В полемических трудах представителей доминирующей церкви встречаются описания зачастую уникальных практик некоторых течений старообрядцев участия в Евхаристии. Так, например, свт. Дмитрий Ростовский в труде «Розыск о раскольнической брынской вере» упоминает о таких обрядах в «...уездах Кинешемских, и Решемских, и на Плесе… причастие же у них бяше некое волшебно, не хлеб, но ягоды, изюм глаголемыя, чарованиемнапоенныя, их же причащахуся чином сицевым… девка та дает им то богохульное приношение, вместо причащения святых таин: вкусившии же от тех ягод абие желают себе смерти, аки бы за Христа, или сожещися, или удавитиея, или в воде утопитися, аки изступльшии от ума; и многиитако себе сами погубили» [3, с. 571–572]. Этот обряд представляется весьма удивительным проявлением местных практик замещения Евхаристии и, хотя, полемическое произведение Дмитрия Ростовского могло содержать в себе некоторые преувеличения и сведения от сомнительных источников, отрицать возможность данной практики не стоит, так как народное творчество при столкновении с отсутствием при-

вычного Причащения Святых Даров, могло прийти к подобной весьма удивительной практике. Кроме того, особая практика Евхаристии изображена в книге «Обличение неправды раскольнической» арх. Феофилакта Лопатинского, где автор упоминает некое течение Пасховерцев, которое исповедовало учение о причащении пасхальными куличами, которые особым образом освящались в неделю Пасхи [10, Приложение, с. 6]. Ко всему прочему, упомянем ту практику, которая и стала темой данной статьи. Речь пойдет о причащении святой водой на Богоявлении. Данная практика упоминается в книге Палладия Пьянкова «Обозрение Пермского раскола…». В ней автор повествует о практике причащения святой Богоявленской водой среди Пермских старообрядцев [7, с. 113]. Кроме того, эта ритуальная практика упоминается в свидетельстве из Астраханской губернии о некоем новом согласии среди старообрядцев, названном водяными полунощниками. В свидетельстве описывается практика добычи старообрядцами воды в полночь накануне Богоявления из реки Волги. В то же время особая святость воды, согласно свидетельству, сохраняется в течение только одного часа и потреблялась адептами согласия для очищения грехов и, как Евхаристия, должна была привести их к жизни вечной. В более раннем свидетельстве из постановления Святейшего Синода от 15 марта 1723 г. есть так же упоминание о расследовании против старообрядцев с упоминанием этой практики: «…тако же и града Белеева многие посадские люди для моления к тому приезжали, и он де им святую великую воду за причастие…» [9]. Пожалуй, для понимания смысла этой практики, стоит обратиться к истории освящения воды на Богоявление.

Великая Агиасма или же освященная на Богоявление вода является одной из святынь, согласно учению Православной церкви, имеющей особые освящённые благодатным действием свойства, которые могут явиться в исцелении от болезни или иных чудесных действиях. Особый статус воды, освященной именно в этот праздник, привёл даже к использованию уникального по своему характеру Последования о причащении о причащении святой воды великого освящения на Богоявление. Этот чин был создан для приобщения к святыне тех, кто находился под действием епитимьи и не мог приступить к причащению Святых Даров. Как отмечается в статье Г. Чистякова, данную практику можно встретить в Служебниках и уставах, монастырских рукописях с XII по XVI в., что говорит о её чрезвычайной распространённости на Руси подобного ритуала [12]. Прямое свидетельство об этом можно встретить в сборнике Кирилла Белозерского:«Якоже прежде пророчеся о гресех каковых-либо – да отлучен будет или едино лето, или 2 лета, или 3, или 4, или 5, или 6, или 7, или по осьмих – пращати его противу силы коеждого … А на Рождьство Христово, и на Богоявление, и в Великий четверг и в Велиясуботу, и на Пасхе – да вкушает агиасму, еже есть святая вода, и на Петров День, и на Успение Пресвятые Богородица…» [13, с. 85]. Это упоминание так же указывает на вполне себе

официальный статус данной ритуальной практики, так как она была закреплена довольно высокопоставленным деятелем церкви, как Кирилл Белозерский, и значит была распространена среди его учеников и всецело в обителях и в среде монашествующих. Распространение практик епитимий в согласии с нормами Номоканона, строго регулировавших практику Причастия и очень часто не разрешавших причащаться Святых Даров долгое время мирянам и монахам из-за совершенных ими грехов, о которых они рассказывали своему духовнику во время Таинства Исповеди. В 17 веке эта ритуальная практика также существовала и была обширно применяема в богослужебной жизни церкви, что отражено в подобном предписанию прп. Кирилла Белозерского, упоминании в Келарском обиходнике старца Матфея Кириллова употребления Богоявленской воды во время воздержания от участия в Евхаристии [4, с. 102]. В то же время возникает некоторое сомнение у архиереев церкви о каноничности данной практики в связи с неоднозначностью замещения Евхаристии на потребление святой воды и, изучая древние церковные уставы, патриарх Никон решил запретить водоосвящение в день Богоявления как богослужебное нововведение, противоречащее преданию Святых Отцов. Однако, как отмечает Чистяков, вскоре Московский собор 1666–1667 гг. это решение было отменено решение Никона из-за противоречия его богослужебной практике греческой церкви [4, с. 102]. Тем не менее статус данного богослужения был уже поколеблен и впоследствии неоднократно менялся статус освящения воды в этот день с легального на нелегальным в уставах последующих лет [4, с. 90]. Кроме того, впоследствии в труде иеромонаха Филарета по сличению дораскольных рукописей были выявлены значительные разночтения в последованиях освящения воды на Богоявление разных служебников, изданных до реформы Никона [5, с. 70–71]. Возвращаясь же к чину причащения святой водой, эта практика вскоре после раскола Русской Церкви стала исчезать в принявших реформу приходах, а вскоре в правление Петра Великого, Синод Русской Церкви постановил 28 февраля 1722 г. устранить практику долгого отлучения христианина от причастия, тем самым устраняя причины использования чина причащения Богоявленской водой, коренившиеся как раз в практике долгих епитимий для мирян [9, с. 104]. Также в собрании законов Российской империи содержится резолюция, допускающая причащение несмотря на признание на исповеди совершения тяжких грехов [8, Т. 6. № 4009]. После исповеди и искреннего покаяния каждый мог приступить к Евхаристии. Данное решение было так же важно для выявления скрывающихся «раскольников», которые никогда не приступали к принятию таинств от «никонианских попов» и отражало бедственно малое количество причащающихся тогда в церкви. Так, в одном из постановлений о мерах против лиц, уклоняющихся от исполнения долга исповеди и св. Причащения от 22 декабря 1729 г. упоминаются данные по одной Устюжской епархии, где за один 1728 г. 2666 человек не приступавших к ис-

поведи, а также 29321 мирянин, прошедший исповедь, но не приступивший к Евхаристии. Как гласит ясная формула архиерейского начальства, цитируемая в этом же документе из Духовного регламента: «несть лучшего знамения, по чему познать раскольщика, паче сего, аще кто Тела и Крови Господни не причащается….» [9, Т. 6, с. 408]. Таким образом, участие в Евхаристии стало методом борьбы с расколом в церкви и оказалось необходимым устранить всякие практики, замещающие Евхаристию, как собственно рассматриваемое нами приобщение Богоявленской воде. В дальнейшем ежегодное участие в Причащении было закреплено в указе от 14 августа 1740 г., предписывавший участие в Евхаристии каждого православного во время Великого Поста хотя бы раз в каждый год, что должно было быть зафиксировано священнослужителем. Также предписываются штрафы и иные меры ответственности за пропуск посещения Причастия, чтобы понуждение к её посещению её было эффективнее, а непосещение ежегодной исповеди и причащения стало определенно точным признаком «раскольников» [9, Т. 10, с. 424].

Упомянув о контексте развития в церкви отношения к данному явлению, возвратимся к собственно упоминаниям о причащении водой, как альтернативе Евхаристии для старообрядцев. В записи Синода от 13 мая 1741 г. о расследовании дела о «раскольниках» из Архангелогородской губернии, находившихся в Санкт-Петербурге. О некоей «раскольнице»-Марфе в документе повествуется так: «…при оной просфоре Богу маливались и по старым книгам молитвы читали и певали, и мать-де ея Марфа оную просфору малыми частьми раздавала с ложечки с водой, приговаривая рабе Божией Татьяне» [Там же, с. 512–513]. В этом отрывке упоминается причащение, где также фигурирует вещество столь необычно выглядящей Евхаристии– святой воды. Скорее всего в данном отрывке тоже идёт речь о воде Богоявления, ведь на практике старообрядцы сохраняли её годами и использовали в замену Причастия. Также упоминается, что старообрядцы этой общины не исповедовались и не причащались в официальной церкви, что также свидетельствует о их пребывании в схизме с официальной церковью. Предписывается же их привести к присяге с исповедью, что являлось постоянной формой приведения старообрядцев к подчинению церкви. Расследование 1723 г., упомянутое выше, так же подтверждает практику использования воды в качестве замещения Евхаристии и проясняет характер её употребления [9, Т. 1. 1741–1743, с. 69]. Примечательно кроме того упоминание уже в составленном позднее, в 19 веке, богословом С. Булгаковым «Справочнике по ересям, сектам и расколам» такого религиозного движения как «водяники» или же «старопоповщина». Всё её описание в целом сводится к тому, что это те же беспоповцы, отличающиеся от других лишь тем, что они почитают Богоявленскую воду, как имеющую особые свойства и которой они причащаются [2, с. 1613]. В статье А. В. Черных описываются обычаи старообрядцев Пермского прика-

мья, где говорит о том, что свободно использовать освящённую воду среди старообрядцев можно было только в течение двух часов после освящения, затем же она оказывалась неприкосновенной. Использовали её по истечении этого времени только для причащения на смертном одре, в остальных же случаях её требовалось по истечении двух-трех часов непременно вылить в реку [11, с. 90]. Кроме того автор отмечает, что местные старообрядцы наиболее высоко ценят крещенскую воду, так как они сами отмечают, что причастия у них не осталось, а вместо него только «Крещенская» вода [Там же, с. 91]. Белокриницкая иерархия старообрядцев тоже не отказывалась от приобщения «Крещенской» воды. Как отмечается в одном из писем епископа Белокриницкой иерархии Арсения Уральского, следует подавать уклоняющейся в молитву с никонианами женщине из общины старообрядцев вместо св. Причастия воду Богоявления, как утешение и духовное утешение [1].

Таким образом, основываясь на всех приведенных выше свидетельствах, можно сделать вывод об особом сакраментальном статусе приобщения святой воды и вместе с тем замещающего характера чина причащения водой Богоявления для общин старообрядцев-беспоповцев. Очень сложный и болезненный процесс привыкания в жизни в церкви без видимых таинств приводил к поискам замещающих таинства практик, которые и действительно существовали в дораскольной Руси, но вместе с тем в эпоху раскола Русской церкви обрели особо важный статус для старообрядцев, как видимые явления их учения и оставшиеся при оскудении священства и в эпоху Антихриста средства благодати Божией. Таким образом, эта ритуальная практика может считаться действительно альтернативной формой Евхаристии для старообрядцев той эпохи, могущая во-многом содержать в своём появлении и особые культовые практики почитания воды. Вместе с тем на примере этой практики мы можем видеть развитие значения ритуальных практик в кризисные для представителей конфессии периоды и как их заместительное свойство может чрезвычайно долгое время служить восполнением на данный момент недоступных, но ранее совершавшихся ритуалов.

Список литературы и источников

1. Арсений Уральский (Швецов), епископ. Оправдание старообрядствующей Святой Христовой Церкви в ответах притязательные и недоумительные вопросы настоящаго времени. Письма. – М.: Китеж, 1999. –352с.

2. Булгаков С. В. Настольная книга для церковно-священно-служителей. – Киев: Типография Киево-Печерской Успенской Лавры. –1913. –1772с.

3. Димитрий Ростовский, свт. Розыск о раскольнической брынской вере. – Москва : В Синодальной типографии, 1824. – XVIII, 644 с.

4. Келарский обиходник Матфея Никифорова старца Кирилло-Белозерского монастыря –М.: Индрик, 2002. –191с.

5. Опыт сличения церковных чинопоследований по изложению церковно-богослужебных книг московской печати, изданных первыми пятью российскими патриархами/ Труд иеромонаха Никольскаго единоверческаго монастыря Филарета. – Москва : Синодальная тип., 1881. –133с.

6. Павел (Леднев-Прусский), архим. Замечания на книгу «Поморских ответов». – Москва: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1890. –552 с.
7. Палладий (Пьянков), архим. Обозрение Пермского раскола, так называемого «старообрядчества». – СПб.: Тип. духовного журнала «Странник», 1863. – 285 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. с 1649 по 12 декабря 1825 г.]. – СПб.: [б. и.], 1830–1851.
9. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. –СПб., 1910–1915.
10. Феофилакт (Лопатинский) Обличение неправды раскольническия. – Москва: Синодальная тип., 1745. – 226 л.
11. Черных А. В. «Святая вода» в старообрядческих традициях Пермского Прикамья // Вестник ЧелГУ. –2008. –№5(106). –С. 88–92.
12. Чистяков Г. Великая святыня: Богоявленская вода в истории древней церкви и старообрядчестве // Старообрядчество: история, культура, современность. – Т.2. – М.: [Б. и.]., 2005. –С. 86–96.
13. Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. Сборник преп. Кирилла Белозерского. – СПБ: Изд-во Олега Абышко, 2003. –447с.

УДК 228

Волобуева Мария Александровна
Курский государственный университет, студентка

К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ И ИСТОЛКОВАНИЯ ОБРАЗА АНТИХРИСТА В ПРАВОСЛАВНОЙ СВЯТООТЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Аннотация. В статье анализируется круг эсхатологических проблем, связанных с истолкованием образа антихриста в творениях представителей святоотеческой письменности. Осмысливая трактовки образа антихриста, особенностей, связанных с его пришествием, автор приходит к выводу, что несмотря на всю их неоднозначность, необходимо видеть их общий смысл и направленность – понимание определенной значимости этой тематики в деле спасения человека, а также ее место в этико-аксиологической составляющей христианского вероучения.

Ключевые слова: Откровение Иоанна Богослова, образ антихриста, кончина мира, греховность

Volobueva Maria Alexandrovna
Kursk State University, student

ON THE PROBLEM OF UNDERSTANDING AND INTERPRETATION OF THE IMAGE OF THE ANTICHRIST IN THE ORTHODOX PATRISTIC THOUGHT

Annotation. the article deals with the range of eschatological problems associated with the interpretation of the image of the antichrist in the works of representatives of the patristic literature. Comprehending the interpretations of the image of the antichrist, the features associated with his coming, the author comes to the conclusion that despite all their ambiguity, it is necessary to see their common meaning and direction – understanding the significance of this topic in the salvation of man, as well as its place in the ethical and axiological component Christian doctrine.

Keywords: The revelation of John the Theologian, the image of the antichrist, the demise of the world, sinfulness

Одной из ключевых идей в христианской эсхатологии является тема пришествия антихриста. Поскольку жизнь верующего есть непрерывное

противостояние ему и борьба против своей греховности, то его реальное пришествие, о котором говорится к Откровении Иоанн Богослова всегда вызывает трепет у человека, боязнь того, что он не сможет узнать и выстоять против него в период его пришествия в мир.

Однако, обращаясь к чтению Откровения Иоанна Богослова, человек всегда сталкивается с проблемой понимания этого текста. Именно поэтому вопросы пришествия антихриста, его образ, признаки наступления последних времен, породили множество спекуляций и искажений в среде обычных верующих. Потребность в изучении и правильном истолковании Апокалипсиса, а также понимание проблем, связанных с образом Антихриста заключается еще в том, что в трактовке ключевых тем для православной эсхатологии можно найти неправильное отношение к каким-либо жизненным явлениям, которые порождают уже настоящие ереси. Это отчетливо заметно, когда в обыденной жизни появляются разнообразные научные открытия, технические новшества. Достаточно вспомнить то, какие серьезные разногласия среди христиан по поводу использования пластиковых карт, ИНН, штрих-кодов, поскольку люди видели в этом признаки воздействия дьявола и наступления последних времен.

С другой стороны, в настоящее время мы видим и то, как люди, далекие от религии, а порой и враждебные по отношению к православию используют числа, упоминаемые в тексте Апокалипсиса, как в обыденную жизнь «число зверя» входит и закрепляется благодаря разным сообществам в сети, а символика, связанная с числом антихриста, становится популярной в силу того, что молодые люди делают себе татуировки с «числом зверя», разными штрих-кодами, тематически с ним связанные. Эта тематика, соединяясь с магией порождает новые псевдорелигиозные учения и культы.

Осуществив анализ экзегетических текстов Отцов и Учителей Церкви, а также авторитетнейших представителей православной святоотеческой письменности, мы можем утверждать, что святые весьма осторожно приступали к комментариям текста Апокалипсиса и трактовкам образа антихриста по весьма понятным причинам, видя в этой теме источник серьезного духовного испытания.

Предмет нашего исследования является сложным и противоречивым еще и потому, что демонология как отрасль богословия всегда в изучении оставалась в стороне, в связи с опасениями православных авторов уклониться в ересь.

И тем не менее, возникает вопрос о том, почему нужно оставить изучение книги Откровения, если Сам Господь дал ее через своего Апостола? Ответ очевиден: понимание и знание ее содержания необходимо для спасения, поскольку это помогает верующему задуматься о своей жизни, о том, что его ожидает если он не восстановит утраченную связь с Богом. Ведь грех есть канал связи между человеком и диаволом, наличие греховности делает человека уязвимым перед силами зла, и дьявол начинает управлять им. Орудием против него, по мнению святого праведного Иоан-

на Кронштадтского, является «сладчайшее и всесильное имя Господа Иисуса, Его Животворящий Крест…» [9, с. 87].

Анализируя тексты, созданные в I и II веке, то можно сделать вывод о том, что первые христиане жили в ожидании Самого Спасителя. Поэтому вопросы, связанные с пришествием антихриста, его образом, признаками наступления последних времен не были в центре внимания христиан апостольского века, а также в период ранней апологетики: многие верующие были готовы расстаться с жизнью во имя Христа и не боялись наступления последних времен. В дальнейшем, из-за духовной человеческой немощи люди стали бояться приближения кончины времени и воцарения диавола.

Само слово «антихрист» в книге Апокалипсис не встречается, но говорится о звере, выходящим из воды (Откр. 13). Впервые данное слово упоминается также у Иоанна Богослова в Первом послании. Сама по себе греческая приставка «αντι» имеет два значения «против» и «вместо». В текстах Священного Писания слово «антихрист» имеет разные значения. В первом смысле под словом «антихрист» подразумевается тот, кто должен явиться до Второго Пришествия Спасителя. А также может быть множество антихристов, как предвестников самому антихристу [13, с. 821]. Преподобный Амвросий Оптинский отмечает, что пока антихрист сидит еще на дне ада, то действует через предтечей своих [14, с. 55].

Антихристами также в древности именовали лжеучителей, искусителей, и в целом, еретиков. Например, еще в Ветхом Завете антихристом называли царя Антиоха IV. Но следует отметить, что имеется большая разница в понимании данного термина в Ветхом Завете и Новом Завете, поскольку в Евангелии антихрист – это тот, который как бы являет себя вместо Христа. В Новом Завете под антихристом также подразумевается противник Христа, «предвестник» явления Христа [13, с. 821].

В Откровении встречаются слова зверь, дракон, змий, диавол, которые являются синонимичными понятиями. В 13-й главе апостол видит «выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадим, а на головах его имена богохульные» (Откр. 13:1). Море многие богословы трактуют как житейскую суету, стихийную жизнь, хаос, а зверь и есть антихрист, который придет под видом Христа, но будет «волком в овечьей шкуре» [12]. Этот образ характерен в большей степени для мысли патристики.

Интересно, что представители православной богословской мысли XIX – XX вв. трактуют образ антихриста антропологически или метафорически. Так, архиепископ Аверкий (Таушев) утверждает, что антихрист придет как полноценный человек, но не как воплотившийся дьявол [3, с. 161]. Священник Даниил (Сысоев) допускает мысль о том, что зверь будет подразумевать собой человека совершенно гениального, наделенного многими дарами, которые он обратит во зло [7]. В антихристе будет обитать сатана, то есть он будет использовать антихриста как сосуд для обитания и управления. Также

следует заметить, что диавол не может воплощаться и, как отмечает отец Даниил (Сысоев), «воплощаться ангелы не могут и не умеют», потому что эта власть дана только Творцу [7]. Как известно, Бог не отнял у падших ангелов их ангельские свойства, поэтому они и продолжают обладать теми функциями, какими были наделены первоначально. Однако протоиерей Сергий (Булгаков) говорит, что зверь в данном случае метафорический, «притязающее стать началом в человеческой жизни» [4, с. 100].

Но чаще всего представители святоотеческой мысли раскрывают образ антихриста, обращаясь к зооморфным качествам. Согласно Писанию, этот зверь был похож на барса, у которого ноги медвежьи и пасть львиная (Откр. 13:2). В пятнистом окрасе барса святитель Кесарий Арльский видит в этом разнообразие родов человеческих. Медведь олицетворяет злобу, безумие, а лев силу и гордость [10]. Очень интересна трактовка священника Даниила (Сысоева), который трактует образ барса как метафору «лукавой идеологии», т. е. качества зверя имеют отношение уже к свойствам мировоззренческой установки человеческого сообщества.

Таким образом, антихрист будет иметь все звериные качества и в определенное время он проявит себя людям именно в образе зверя – хищного, жестокого, сильного, мудрого, первоначально, он будет привлекателен в глазах людей, воплощающий в себе все человеческие добродетели и тем самым как бы войдет в доверие к людям. Он соединит в себе сатану, образ человека и зверский характер. Причем здесь указываются массивные животные, хищные, то есть те, которых в действительности человек как бы не может одолеть. И если сатана являлся Адаму и Еве в образе змея-искусителя, то теперь – это человек со звериным характером.

Ключевым для православной святоотеческой является тема поклонения антихристу. В Откровении читаем: «И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира» (Откр. 13:8). Святитель Андрей (Кесарийский) отмечает, что антихрист попытается с помощью власти завладеть всеми людьми, однако он сможет подчинить только тех, чьи имена не внесены в Книгу Жизни [2, с 78].

Посредством печати люди будут отданы во власть антихриста поскольку им будет положено начертание на правую руку и на чело. Ипполит Римский подразумевает под печатью на руке – курильницу с фимиамом, а на челе – «венец смерти» [12]. Как объясняет преподобный Ефрем Сирин, человек получивший эту печать, не сможет перекреститься [8, с. 255]. И если нельзя будет ни продавать, ни покупать без печати, следовательно, люди, не принявшие это, будут голодать, им нечего будет есть. И как только люди получат печать, тогда смогут купить себе пищи, чтобы не умереть. Ведь, как известно, потребность в пище является важным составляющим для каждого человека. Ефрем Сирин отмечает, что именно с чрева начинает антихрист, чтобы человек от голода смог согласиться принять начертание [8, с. 254]. Потому святые отцы и призывают людей к воздержанию и добровольным пищевым ограни-

чениям, чтобы человек смог обуздывать свое чрево и быть готовым не отречься от веры Христовой, не приняв печать антихриста.

С антихристом всегда соотносится число – шестьсот шестьдесят шесть. Господь открывает через Иоанна Богослова только число зверя, но не его имя. Но тут же стоит заметить, что апостол говорит как бы загадкой: «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое» (Откр. 13:18). Многие святые Отцы, такие, как например, Ипполит Римский, пытаясь истолковать данный стих, в своих трудах перечисляют имена, которые равны этому числу: Титан, Епанфас и другие [12]. Однако некоторые святые в своих трудах оставляют данную тему в стороне, потому что считают это непостижимой тайной. Из этого следует, что имя антихриста и число имени его не имеет такого важного значения для человека, потому что в книге Апокалипсис раскрыто множество тех признаков, по которым можно будет увидеть образ антихриста.

В дальнейшем должна будет произойти окончательная битва добра и зла, после чего Господь свяжет сатану на тысячу лет и низвергнет его в бездну для того, чтобы он не прельщал народы. Еще с древних времен идея тысячелетнего царствования Господа принималась многими верующими людьми в буквальном смысле. Однако против учения хилиазма еще в III – IV вв. выступили Ориген, святитель Дионисий Александрийский, Евсевий Кесарийский и другие. В православной традиции учение хилиазма представляет собой заблуждение [6, с. 655–656]. Если обратиться к истолкованию данного стиха Блаженным Августином, то он истолковывает это, с одной стороны, как последнюю часть тысячелетия, где часть подразумевается именем целого, с другой стороны, совершенным числом обозначается полнота времени, то есть все остальные годы этого века [1, с. 384–385].

По окончании периода заточения, сатана выйдет из бездны и будет прельщать народы. Как отмечает блаженный Августин, от тайной ненависти он перейдет к открытому преследованию, к открытой войне [1, с. 397]. Гермоген Тобольский говорит о том, почему он будет вести эту войну с Богом: «Он соберет все народы, чтобы прельстить и вести жесточайшую войну против Бога, потому что он понимает, что ему остается малое время на земле» [5]. Впоследствии, диавол, который прельщал народы, будет низвержен вместе с антихристом и лжепророком в огненное и серное озеро (Откр. 20:10).

Суммируя вышеизложенное, мы может утверждать, что, среди представителей православной святоотеческой традиции, как древнего периода, так и мыслителей XX века, не существует единства в трактовке образа антихриста, особенностей, связанных с его пришествием. Но можно выделить ключевые идеи, на основе которых развиваются разные интерпретации образа антихриста как антропного существа: во-первых, антихрист как человек, имеющий все составляющие человеческой природы; во-вторых, антихрист-человек как орудие в руках Сатаны, но при этом нельзя трактовать его как воплощение дьявола, потому что не имеет такой власти, в-

третьих, антихрист как человек, действующий против Христа, противник Бога, а с другой, антихрист на какой-то период времени придет вместо Христа и будет пытаться уподобляться Христу, но с целью не спасения, а порабощения и погибели человечества. Именно поэтому ему будут присущи свойства сильной личности – мудрость, хитрость, коварство. В-четвертых, антихрист как олицетворение зла. Имя антихриста сокрыто от человека, но известно число имени его – 666. И это число также является непостижимой тайной для человеческого ума.

Еще одно важное направление – это метафорическая трактовка образа антихриста (олицетворяет тоталитарное государство у Сергия Булгакова и «лукавой идеологии» мировоззренческой установки человеческого сообщества у Даниила Сысоева).

И, наконец, третье направление в интерпретации образа антихриста – от зооморфных качеств к сущностным свойствам его образа.

Но, несмотря на всю неоднозначность трактовок, важно понимать, что все они отражают единый смысл и направленность этого образа в Откровении, данного человечеству Богом, – напоминание верующему о самой главной задачи для верующего – преодоление своей греховности, которая прекращает влияние на него сил зла, что является прямым путем к спасению человека. А, следовательно, образ антихриста необходимо понимать в этико-аксиологической составляющей христианского вероучения.

Список литературы

1. Августин Блаженный. О граде Божием: книга двадцатая / Блаженный Августин// Творения: в 4 т. / сост. С. И. Еремеева. – Санкт-Петербург: АЛЕТЕЙЯ. –Киев: УЦИММ-Пресс. – Т. 3. – С. 383–398.

2. Андрей Кесарийский, святитель. Толкование на Апокалипсис святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова: в 24 словах и 72 главах / Святитель Андрей Кесарийский; пер. с греч. В. Юрьева – М.: Сибирская Благозвонница, 1911. – 150 с.

3. Апокалипсис в учении древнего Христианства // Толкование архиепископа Аверкия (Таушева); редакция, примечания, вступительная статья и жизнеописание автора отца Серафима (Роуза); пер. с англ. – М.: РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ, 2008. – 271 с.

4. Булгаков Сергий, прот. Апокалипсис Иоанна (опыт догматического истолкования) / Протоиерей Сергий Булгаков. – М.: «Отрада и Утешение», 1991. – 351 с.

5. Гермоген Тобольский. Толкование на группу стихов: Откр: 20:7 // Откровение ап. Иоанна Богослова, Глава 20, стих 7 // EKZEGET.RU. – URL: https://ekzeget.ru/bible/otkrovenie-ap-ioanna-bogoslova/glava-20/stih-7/ (дата обращения: 15.03.2023).

6. Давыденков О., прот. Догматическое богословие: учебное пособие / Протоиерей Олег Давыденков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2020. – 688 с.

7. Даниил (Сысоев). Толкование на Апокалипсис // иерей Даниил (Сысоев). – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Daniil_Sysoev/tolkovanie-na-apokalipsis/ (дата обращения: 16.03.2023).

8. Ефрем Сирин. Слово на Пришествие Господне, на скончание мира и на пришествие антихристово // Творенія святаго отца нашего Ефрема Сирина. Часть вторая. – Изданіе четвертое. – Сергіевъ Посадъ: 2-я типографія А. И. Снегиревой, 1895. – С. 250–260.

9. Иоанн Кронштадтский, святой праведный. Дневник: в 19 томах / Святой праведный Иоанн Кронштадтский / под ред. Е. Г. Криницыной; сост. игуменом Дамаскиным (Орловским), прот. Максимом Максимовым, К. В. Геворкян – Тверь: БУЛАТ, 2007. – Т. 1. – С. 85–87.

10. Кесарий Арльский. Толкование на группу стихов: Откр: 13:2 // Откровение ап. Иоанна Богослова, Глава 13, стих 2 // EKZEGET. RU. – URL: https://ekzeget.ru/bible/otkrovenie-ap-ioanna-bogoslova/glava-13/stih-2/ (дата обращения: 13.03.2023).
11. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. – Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустынь, 2017. – 1040 с.
12. Об антихристе: Слова: Ипполита, епископа римского, Св. Ефрема Сирина и св. Кирилла Иерусалимского; учение о нем Св. Иринея епископа Лионского, св. Иоанна Златоустого, Андрея Кесарийского и св. Иоанна Дамаскина. – Москва : И. Д. Сытин и К^{0}, 1884. – 144 с.
13. Православная богословская энциклопедія: в 12 т. / под ред. проф. А. П. Лопухина. – Петроградъ: приложеніе къ духовному журналу «Странникъ», 1900. – Т. 1. – С. 821–847.
14. Собрание писем Оптинского старца Амвросия. – Веденский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь, 2012. – С. 55–56.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141.41

Лойко Александр Иванович
Белорусский национальный технический университет,
кафедра «Философские учения»,
доктор философских наук, профессор

УРОЖЕНЦЫ БЕЛАРУСИ В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается роль уроженцев Беларуси в развитии российской философской традиции начиная с эпохи средневековья. Показано их участие в становлении разных школ и течений. Это духовная православная традиция, философская литература золотого и серебряного веков, ориентализм, а также философия марксизма, философия и методология науки. Ретроспективный анализ исторических эпох завершает тематика философии науки.

Ключевые слова: российская философская традиция, уроженцы Беларуси, православие, ориентализм, философия науки

Loiko Alexander Ivanovich
Belarusian National Technical University, Department of «Philosophical Teachings», Doctor of Philosophy, Professor

NATIVES OF BELARUS IN THE SPACE OF THE RUSSIAN PHILOSOPHICAL TRADITION

Annotation. The article ddeals with the role of the natives in Belarus for the Russian philosophical tradition's development since the Middle Ages. Their participation into formation of the different schools and trends as shown. These are the spiritual Orthodox tradition, the philosophical literature of the Golden and Silver Ages, Orientalism, as well as the philosophy of Marxism, the philosophy and methodology of science. A retrospective analysis of historical epochs is completed by the themes of the philosophy of science.

Keywords: Russian philosophical tradition, natives of Belarus, Orthodoxy, Orientalism, philosophy of science

Точкой отсчета российской классической философской традиции является средневековье. Философская тематика разрабатывалась в дискурсе православной теологии. При таком рассмотрении человек является творением Божиим [6]. Библия – фундаментальное основание российской классической философской антропологии. При этом она признает наличие в индивиде качеств, с которыми ему следует бороться. В их числе блуд, пьянство, обман, стяжательство. Этические требования в форме притч и поучений предписываются не только пастве, но и священнослужителям, в которых также есть телесная и чувственная основа для грехопадения. Спасение предполагает строгую духовную дисциплину, чтение Библии и образование. В данном контексте обсуждались вопросы веры и разума. Ссылки делались на Платона и Аристотеля, на труды представителей византийской греческой патристики (в частности, прп. И. Дамаскина).

Новый этап в развитии российской философской традиции начался в условиях модернизации российского общества и государства. Эти задачи решались Петром I, подчинившим личные интересы сословий российского общества интересам российского государства.

В XIX столетии российская классическая философская традиция обосновалась в пространстве художественной литературы. Благодаря такой конвергенции, наступил золотой век российской культуры. Экзистенциальной глубиной выделились произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Н. Островского, Л. Толстого. Они сфокусировались на противоречиях внутреннего мира русского человека. Эти внутренние противоречия оказались созвучными общеевропейской континентальной тенденции экзистенциальных поисков.

В XIX столетии заметно влияние политической философии западников и славянофилов. Из западных течений особой популярностью пользовались анархизм и марксизм. Эти политические философии претендовали на наделение России особой глобальной миссией переустройства человечества. Объектом критики стали капитализм, государство, религия и феодальные сословные традиции.

Более широкую социальную базу для своей идеологии смог создать российский марксизм. Однако при очевидных успехах этой политической философии в России нашлись ее критики. В их числе был Н. Бердяев. Он считал, что лишившаяся православной основы политическая философия станет нигилистической и бездушной к индивидуальной жизни человека.

Тема российской философской традиции близка Беларуси по следующим причинам. Первая из них связана с периодом Средневековья, когда общие истоки духовной культуры Беларуси и России формировали К. Смолятич, К. Туровский [2] и Е. Полоцкая [1]. Эту традицию закрепила переписка, жившего на территории Беларуси в XVI веке, Андрея Курбского с Иваном Грозным, уникальным памятником социальной философии. В XVII столетии Симеон Полоцкий упрочил белорусско-российскую фило-

софскую традицию. Именно эта традиция, ставшая духовным основанием для образования, сыграла важную роль в становлении Петра I.

Вторая причина указывает на период нахождения территории Беларуси в границах Российской империи. В тот период имело место активное участие уроженцев Беларуси в интеллектуальной жизни столицы Российской империи – Санкт-Петербурга. В числе уроженцев Беларуси в столичном городе России – представители философского ориентализма (А. И. Гошкевич, О. И. Сенковский, А. О. Мухлинский, А. А. Ходько и О. М. Ковалевский). А. И. Гошкевич активно участвовал в изучении философии народов Дальнего Востока (Китая, Кореи, Маньчжурии, Японии), сыграв важную роль в установлении дипломатических отношений Российской империи с Японией.

О. И. Сенковский и А. О. Мухлинский создали в Санкт-Петербурге академическую университетскую школу арабистики и тюркологии. О. И. Сенковский (известен был как барон Брамбеус) проявил себя также как литератор, став редактором первого в Российской империи массового журнала «Библиотека для чтения». Его ближайшим соратником в предметной области литературной эстетики был уроженец Беларуси Ф. В. Булгарин (которому известность в литературных кругах принес роман «Иван Выжигин» 1829 г. издания). А. А. Ходько стал основоположником исследования в России персидской, азербайджанской и туркменской философии. Работая в Казанском университете, О. М. Ковалевский исследовал философские традиции буддизма Монголии и Тибета.

Уроженцы Беларуси (рассматривая генеалогические корни) в Российской империи представлены уникальным литературным и философским творчеством Ф. М. Достоевского, писавшим в жанре городского романа. В числе его литературных персонажей были люди разных возрастов, социального положения. В числе первостепенных философских тем писателя – проблема нигилизма (негативного отношения к традициям), социальной утопии, почвенничества. Писателем использовались сюжетные ситуации, свойственные европейскому экзистенциализму. Ключевая из них – пограничная ситуация, которая в романе «Преступление и наказание» приобретает форму психологического детектива и диалога главного действующего персонажа с самим собой.

Панорама разных диалогов создана персонажами романа «Братья Карамазовы». В этих диалогах раскрывается сущность российского общества XIX столетия. Ф. М. Достоевский стал ярким представителем российской культуры золотого века.

Во второй половине XIX века в Российской империи получила распространение философия марксизма. Из уроженцев Беларуси наиболее ярким ее представителем стал А. А. Малиновский, он же А. А. Богданов (родился в Гродненской губернии). А. А. Малиновским были предложены собственные философские интерпретации философии марксизма, создан фундаментальный труд по тектологии (организационной науке), разрабо-

тана теорию пролеткульта, культуры будущего, которая должна была вытеснить старую культурную традицию. Под впечатлением этого революционного проекта оказались представители становящегося советского изобразительного искусства и связанной с ним философии.

Пролеткульт сосуществовал с модными в начале XX в. течениями модернизма. На их основе сформировалась российская культура серебряного века. Одним из теоретиков этой новой культуры был уроженец Беларуси Николай Минский (родился в Глубоком). Образование получил в Минске. Он был популярен в Санкт-Петербурге и как поэт и как философ. Его считают теоретиком русского символизма.

Одним из центров новой культуры в пределах Российской империи стал Витебск. Это родной город Марка Шагала [4]. В целях преподавательской деятельности М. Шагал пригласил в Витебск в местное художественное училище Казимира Малевича (родился в Киеве). Это известный художник, представитель кубизма, абстракционизма и супрематизма. Он разработал в Витебске оригинальную философию беспредметности. Как известно, Малевич приветствовал пролеткульт.

В Витебске состоялся один из самых ярких периодов философского творчества М. М. Бахтина (родился в г. Орле) [5]. Этот мыслитель создал направление философии диалога, в котором ключевую роль играют эстетика народного и словесного творчества, этика поступка.

Одним из ярких представителей русской религиозной философии стал Николай Лосский (родился в Витебской губернии). Его жизнь была первоначально связана с городом Витебском, где он получил образование. Он не сразу пришел к русской религиозной философии. Этому предшествовало увлечение марксизмом, последующее разочарование в этой философии. Н. Лосский разработал учение, в основе которого лежит духовная божественная основа и интуитивизм. В числе знаковых категорий в философской концепции Лосского – «Истина», «Добро», «Красота».

После распада Российской империи в 1922 г. советскими республиками был провозглашен Союз Советских Социалистических Республик. Беларусь продолжала находиться в едином пространстве с Россией. Индустриализация обусловила приоритет развития в СССР философии науки и техники, а также методологии научных исследований.

Философию и методологию науки из уроженцев Беларуси разрабатывали Л. С. Выготский, Я. Б. Зельдович, В. С. Степин, А. Л. Чижевский, О. Ю. Шмидт и С. А. Яновская.

Л. С. Выготский (родился в Орше) был близок к тематике философии сознания и методологии когнитивных наук [5]. Его исследования стали важным вкладом в становление психологии и педагогики. Большое внимание он уделял эстетике, в частности, творчеству У. Шекспира и творческим аспектам деятельности европейских композиторов.

Я. Б. Зельдович (родился в Минске) является одним из ведущих физиков СССР на практике реализовавшим теорию ядерной реакции и детонации в образцах атомной и водородной бомбы. Но его интересы были также связаны и с философией космического пространства (космологией). Им написаны оригинальные работы по эволюции Вселенной.

В. С. Степин (родился в Брянской области) стал создателем минской методологической школы, которая разработала вопросы становления и развития научной теории, научной картины мира, идеалов и норм научной деятельности. Предметом рассмотрения мыслителя стали научные революции, исследовались также универсалии культуры, философские принципы. В итоге была реконструирована динамика науки на этапах классической, неклассической и постнеклассической рациональности. В. С. Степин был заведующим кафедрой философии гуманитарных факультетов Белорусского государственного университета, академиком Российской Академии Наук. Преподавательскую профессиональную деятельность он начинал в Белорусском политехническом институте в Минске.

А. Л. Чижевский (родился в Западной Беларуси) придал прикладную направленность философии русского космизма. Он доказал прямую связь между солнечной активностью и динамическим равновесием биосферы. Им были предложены инженерные решения в области биофизики.

О. Ю. Шмидт (родился в Могилеве) практические исследования в Арктике сочетал с философией и методологией космического пространства. Его интересовала тема происхождения и эволюции Солнечной системы (космогония).

С. А. Яновская (родилась в Пружанах) занималась философией математики, математической логикой и теорией искусственного интеллекта (профессор Московского государственного университет). Она создала в СССР школу математической логики, что сыграло важную роль в развитии программной инженерии. Ее усилиями были сформированы основы для становления цифровых поколений [3].

Таким образом, сформировалась традиция участия уроженцев Беларуси в духовной и интеллектуальной культуре России, значение и влияние которой продолжаются и в настоящем.

Список литературы

1. Духовные ипостаси Евфросинии Полоцкой: историческая и современная. – Минск: БНТУ, 2016 – 353 с.

2. Кирилл Туровский – воплощение патриотизма и любви к Родине. – Минск: БНТУ, 2019 – 233 с.

3. Лойко, А. И. Кибервозрастные модификации молодежи в пространстве социальных экосистем / А. И. Лойко // Север и молодежь. – Ханты-Мансийск: Сектор редакционно-издательской работы научной библиотеки ЮГУ, 2021. – С. 201– 204.

4. Лойко А. И. Региональные контуры модернизма / Национальное культурное наследие России: региональный аспект. – Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2021. – С. 205–207.

5. . Лойко А. И. Художественное сознание диалога в моделях Л. С. Выготского и М. М. Бахтина / XX Славянский научный собор « Урал. Православие. Культура». – Челябинск: ЧГИК, 2022. – С. 9– 14.
6. Туровский, Абай, Гумилев, Конфуций, Боливар, Гете: роль Беларуси в философском диалоге современных культур. – Минск: БНТУ, 2013 – 294 с.

УДК 94(47)

Даренский Виталий Юрьевич
Луганский государственный педагогический университет,
кафедра философии,
доктор философских наук, доцент

ЭККЛЕЗИОЦЕНТРИЗМ РУССКОЙ ИСТОРИИ В КОНЦЕПЦИИ Н. Д. ТАЛЬБЕРГА

Аннотация. В статье показан сакральный смысл русской истории на основе анализа историософии Н. Д. Тальберга. Показано, что в основе концепции русской истории у Н. Д. Тальберга лежит применение к ней принципа «симфонии властей» как мерила воцерковленности жизни русского народа, а значит, и всего христианского смысла русской истории.

Ключевые слова: Православие, Россия, историософия, Н. Д. Тальберг

Darensky Vitaly Yurievich
Luhansk State Pedagogical University, Department of Philosophy, Doctor of Philosophy, Docent

ECCLESIOCENTRISM OF RUSSIAN HISTORY IN THE CONCEPT OF N. D. TALBERG

Annotation. The article deals with the sacred meaning of Russian history based on the analysis of N. D. Talberg's historiosophy. Russian Russian history is based on the application of the principle of "symphony of the authorities" to it as a measure of the church-like life of the Russian people, and hence the entire Christian meaning of Russian history.

Keywords: Orthodoxy, Russia, historiosophy, N. D. Talberg

В русской историографии и философии истории можно выделить несколько парадигм рассмотрения русской истории – государственную, идущую от Н. М. Карамзина, народническую – от Н. А. Полевого, социальную – от С. М. Соловьева, биографическую – от Н. И. Костомарова, культурную – от В. О. Ключевского, а также классовую, созданную в советский период, но имевшую не научную, а идеологическую цель. Вместе с тем, раньше их, в течение почти тысячи лет исторического бытия Православной Руси история её понималась совсем иначе. Это исконное православное понимание истории запечатлелось и в летописях, и в самом народном сознании. Это понимание было *экклезиоцентрическим* – т. е. история России понималась как история народа Божиего – Нового Израиля. Это означает, что *все события русской истории важны лишь постольку, поскольку они связаны с земным бытием Церкви Христовой*, а всё остальное не имеет самостоятельного значения.

Вплоть до XX века это исконное православное и одновременно глубоко народное понимание смысла русской истории, к сожалению, так и не

вошло в официальную историографию и философию истории, не смотря на то, что её представители были крещены в Православие. Но при этом их сознание уже было светским, воспитанным на западной литературе. Первыми православно мыслящими об истории русскими философами стали И. В. Киреевский и А. С. Хомяков, а затем Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев. Но это были в первую очередь теоретики, которые выстраивали историософские концепции. Среди авторов, которые стали *излагать и саму эмпирическую историю России взглядом древнего летописца – как протекающую перед судом Божиим, и только это имеет подлинное историческое значение*, – первым стал Н. Д. Тальберг. С. Фомин емко определил его метод как «попытку воцерковления истории России» [3]. Естественно, что такой взгляд остается непривычным для нецерковных читателей и профессиональных историков, и поэтому остается в забвении. Среди научных работ о нем можно назвать лишь статью Н. В. Антоненко о концепции «чаемой монархии» Н. Д. Тальберга [1].

Николай Дмитриевич Тальберг родился 10(22) июля 1886 г. под Киевом и был потомком шведского рода, первый из представителей которого Карл Генрих прибыл в Ригу во времена правления Императрицы Екатерины II. Сын его (прадед историка) Карл Готтхильф был в русской армии в 1812 г. Герман Карлович, дед Н. Д. Тальберга в царствование Императора Николая I стал инспектором Киевском университета св. Владимира, а его сын, доктор уголовного права Дмитрий Германович Тальберг, был в этом университете ординарным профессором. Н. Д. Тальберг окончил Императорское училище правоведения, где в 1905 г., собрав патриотическое большинство студентов, подавил выступление «революционно настроенных» коллег без посторонней помощи. (Крестным отцом Н. Д. Тальберга был профессор Киевского университета, сын волынского крестьянина Дмитрий Иванович Пихно – редактор известной монархической газеты «Киевлянин»). Закончив училище в 1907 г. с золотой медалью, он служил в Министерстве внутренних дел. В 1918 г. вступил в тайную организацию Н. Е. Маркова, ставившую целью спасение Царской Семьи. В мае 1918 г. участвовал в тайном монархическом съезде в Киеве. С разрешения местной монархической организации он поступил в Министерство внутренних дел правительства гетмана П. П. Скоропадского и, борясь с революционными организациями, устраивал на службу бывших жандармских и полицейских чинов. После падения гетмана Н. Д. Тальберг добрался до Бессарабии, затем в Одессу, оттуда эвакуировался в Болгарию, а в начале 1920 г. приехал в Берлин. Он был одним из тех, кто готовил Съезд восстановления России в Рейхенгалле (Бавария) 16–24 мая 1921 г., и стал управляющим делами Высшего монархического совета (до 1938 г.); участвовал во II Зарубежном Церковном Соборе 1938 г. в Сремских Карловцах. О расколе митрополита Евлогия (Георгиевского) Тальберг выпустил книгу «Возбудители раскола» (1927 г.).

Прожив восемь лет в Белграде, Н. Д. Тальберг занимался там обустройством кадетского корпуса, института, гимназии, школ, клиник, мастерских, библиотек и учебных курсов. Покинул Белград в сентябре 1944 г. перед приходом советский войск, он 1945 г. в Зальцбурге в лагере для русских беженцев Парш организовал постройку храма и создал русскую гимназию, став её директором. В 1950 г. Н. Д. Тальберг переехал в США, где с тех пор до самой смерти преподавал исторические предметы в Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле. Писал в издания Свято-Троицкого монастыря «Православная Русь», «Православная жизнь», «Православный путь», в газеты «Россия» и «Русская жизнь». Выходят его книги: «Месяцеслов русских святых» (1954 г.), «Русская Православная Церковь в Северной Америке» (1955 г.), «Муж верности и разума: К 50-летию кончины К. П. Победоносцева» (1956 г.).

Метод Н. Д. Тальберга можно определить как персонологический – в отличие от биографического метода Н. Костомарова, он не просто дает биографии выдающихся деятелей русской истории, но именно их духовные биографии, своего рода «светские жития», через которые раскрывается православный смысл и духовные движущие силы русской истории. Итогом его осмысления отечественной истории стала книга «Святая Русь», вышедшая в Париже в 1929 г. Н. Д. Тальберг так формулирует главный исторический закон развития общества: «Всякое здоровое государство проникнуто сильным религиозным духом. Без веры в Бога прежде всего теряет устойчивость и самую сущность семья – эта основа государства… Затуманенному рассудку и затменной совести людей подносят по виду высокие нравственные понятия – свободы, равенства, братства – и затем незаметно вливают в эти пышные формулы ядовитое содержание, столь удобное для темных сил. Грубое поклонение вещам, черствое безудержное себялюбие, зависть, злоба и ненависть к лучшим и высшим, человекоубийственная война классов, засилие и произвол худших над лучшими» [2, с. 531]. Это главный нравственный закон исторического процесса как такового он прилагал к истории России.

Общий очерк историософии русской истории Н. Д. Тальберг изложил в своей статье «Чаемая Монархия». Она начинается с диагноза этой эпохи: «Огромный, полный сумасшедших и бесноватых дом ныне представляется на том месте, где когда-то был Собор величественной христианской Империи... Но великая Россия не может навсегда остаться домом умалишенных; ей уготованы другие судьбы. Их надо предвидеть и понимать. Россия больна с тех пор, как развращенный Запад, своими учениями самодовлеющего естества и обожествленного человеческого разума, затуманил и затмил ее православную душу» [2, с. 531]. Такова причина русской катастрофы XX в.

Основу, на которой было создано великое Государство Российское, он формулирует следующим образом: «Весь строй старой России от быта беднейшего пахаря до помазания на Царство Государей-Самодержцев имел неизменно глубокий церковный уклад. И справедливо отечество на-

ше тех времен именовалось Святой Русью. Конечно, немало грешили наши предки и, порою, тяжко грешили, но сила их покаяния соответствовала силе горячей веры и смывала грехи. Но как ни грешили они, никогда, согрешая, не посягали на самый уклад церковный, на самую Веру Господню. Поэтому из века в век росла, цвела и крепла Россия, и Промысл Божий охранял ее судьбы» [2, с. 533]. Это, по Н. Д. Тальбергу, главный *духовный закон исторического развития*, который определяет уже производные от него эмпирические процессы в истории.

Надлом в русской истории произошел в тот момент, когда в неё проникло внешнее влияние антихристинских сил, порожденных Западом: «С середины XVIII в. западные ветры стали заносить в Россию религиозные колебания и отрицания… Сперва из легкомысленной и натасканной энциклопедистами Франции проник к нам растлевающий дух сомнения. А затем твердокаменная философия немцев всполошила и довершила вредное дело угашения христианской души… мы стали подгонять себя в следовании по пути удаления от Бога – значит, приближения к сатанинской бездне»; «меньше всего поддавались разложению народные толщи, но им, в лучшем случае, не мешали жить “детской” верой… Глухи оставались русские люди к пророчествам таких исключительных людей, как Тютчев, Достоевский, Константин Леонтьев» [2, с. 536]. Вследствие этого «Святая Русь все более теряла свой святой облик и, обезверенная, не выдерживая тяжелых испытаний войны, разом сверглась в пропасть... И только затем пережитые страшные испытания… больно встряхнули наши мозги и разбудили усыпленную совесть» [2, с. 537]. Этому также способствовали и особые качества русского народа, за века выработанные в нем Православием: «такой чуткий и душевный народ, как наш русский, не может удовлетворяться одним животным материализмом. Искание духа свойственно самой природе нашей» [2, с. 536]. Поэтому «теперь мы вернулись к религиозному миросозерцанию… Неусыпно поддерживать огонь веры в неугасимой лампаде святой Церкви Христианской должны все те, кто хотят истинного восстановления России» [2, с. 537]. В основе собственной концепции русской истории у Н. Д. Тальберга лежит применение к ней православного принципа «симфонии властей» как мерила воцерковленности жизни русского народа, а значит, и всего христианского смысла русской истории.

Н. Д. Тальберг перечисляет ряд ключевых примеров участия Церкви в политической жизни Руси и России – и оказывается, что именно это участие всегда имело самое решающее значение в русской истории, направляло её именно в том направлении, в котором она шла: от причисления к лику святых Александра Невского и преподобного Феодосия Киево-Печерского – советника князей; святителя Петра, перенесшего митрополию из Киева в Москву, святителя Алексия – советника трех Великих Князей, в царствование малолетнего Димитрия Донского фактически правившего государством; преподобного Сергия, благословившего князя на Ку-

ликовскую битву. В статье «Царь-Самодержец и Святейший Патриарх» он писал: «Патриархи Российские: Иов, а в особенности святой Гермоген, Филарет, Никон принимали исключительное участие в делах государственных. Никакого искания мирской власти для себя при этом не было. Первоиерархи мыслили о благе России, они ясно понимали, что благо это достижимо лишь при Самодержавии, освященном и благословленном Церковью, – и поэтому своим вмешательством в “политику” выполняли лишь свой церковно-патриотический долг» [2, с. 78]. Особенно роль Церкви как основы русской государственности проявилась в Смуту: «В день решительного мятежа против Царя – 17 июля 1610 г, – Патриарх продолжал стоять за него как Монарха, венчанного Церковью на Царство. Он говорил народу, что… измена Царю есть страшное злодейство, за которое грозно накажет Бог… После насильственного пострижения Царя Патриарх объявил это пострижение незаконным, молился за Василия Иоанновича в храмах как за законного Царя… государство осталось без правящего Царя, вся власть перешла к Святителю… Мученическою смертью запечатлел Патриарх Гермоген свое великое служение Церкви и государству, и неужели все это – историческая гордость России – было только “политикой”, вредящей Православию?» [2, с. 15], – иронически вопрошал Н. Д. Тальберг.

Совершенно очевидно, что без участия Церкви в государственном строительстве и в текущей политике, Россия не стала бы великой державой-цивилизацией, а возможно, её и вообще бы не было – она пребывала бы в раздробленности, и по частям была бы поглощена Европой и Азией. Но ведь это, собственно, и есть признак народа Божиего, Нового Израиля – это народ и государство, созданные Церковью. Поэтому, заключает Н. Д. Тальберг, «что бы ни говорили нынешние “радетели” Церкви, тщетны будут их попытки отрицать за Церковью обязанности принимать участие в государственном строительстве» [2, с. 19]. Отметим, что именно в этом аспекте Православная Русь как Третий Рим превзошла Рим Второй, Византию, в которой роль Церкви в государственной жизни была слабее, поэтому государственная жизнь в Византии в отчасти сохраняла языческий характер – с множеством переворотов и мятежей.

С другой стороны, принцип симфонии властей глубоко воплощался и в самих государях, в их воцерковленности и праведности, а у некоторых – и в святости. В статье «Государи – веры ревнители» он писал: «Димитрий Донской ежедневно ходил в церковь, всякую неделю в Великий пост приобщался Святых Таин и носил власяницу на голом теле. Достойной спутницей его жизни была его супруга Великая Княгиня Евдокия, в иночестве Евфросиния, причисленная к лику святых… В схиме умирает возвеличивший Москву Князь Даниил Московский, причисленный к лику святых» [2, с. 51]. «Великий Князь Василий II Темный в 1440 г. спасает Русскую Церковь от Флорентийской унии. При всеобщем смятении духовен-

ства он ревностно вступил в спор с принявшим унию митрополитом Исидором, настаивает на церковном суде и изгоняет его» [2, с. 54].

Н. Д. Тальберг отмечает особый характер царской власти, которая имела сакральный, освященный Церковью статус, что непосредственно влияло и на воспитание царей, и на их государственную деятельность. Именно поэтому, пишет Н. Д. Тальберг, «Православная Русская Церковь благодатно освящала Самодержца, помазывала Его на Царство и сообщала силу религиозного авторитета. Нарочитое таинство миропомазания коронующегося Самодержца, вхождение Его в алтарь через Царские врата, стояние и поклонение, совершаемое им на священном месте – у святого престола, приобщение Святых Таин – по образу священнослужителей – прямо из святой Чаши – весь этот священный чин Коронования утверждал неразрывную связь Церкви с Самодержцем, а через Него со всем государством, а также свидетельствовал, что Православная Церковь признает Православного Царя как Помазанника Божия, как лицо благодатно освященное и церковно посвященное» [2, с. 37]. Н. Д. Тальберг приводит важную и догматически точную формулировку из труда Г. В. Вернадского «Византийские учения о власти Царя и Патриарха»: «Императорский сан был особою формою священнослужения, и все чины Императорского Двора в Византии не просто служили, а священнодействовали» [2, с. 37].

Именно в силу реальной воцерковленности царской власти «в чине последования в неделю Православия произносится: “Отрицающим Божественное происхождение Царской власти и надлежащее отношение к ней – анафема!”» [2, с. 39]. Н. Д. Тальберг подчеркивает также и внутренний моральный смысл царской власти, определивший её сущностные особенности: «Нет страшнее этой ответственности наших Самодержцев. Лишь немногие задумывались над тем, какого напряжения должны достигать душевные переживания Самодержца, от воли и поступков Которого зависит участь стомиллионного народа, судьба великого государства» [2, с. 42].

И русские цари, как правило, полностью соответствовали своему священному призванию: «Цари были теми же ревностными исповедниками, защитниками Православия, строгими охранителями церковного быта в жизни Царского Дома. Богослужения строго по уставу, посты, церковные торжества занимали свое определенное, незыблемое место в жизненном укладе Царей… В два последних царствования именно в Царской Семье сохранялся должный церковный быт, горел огонь истинной веры. Не властолюбие, а православное отношение к Царскому долгу заставило Императоров Александра III и Николая II твердо стоять за Самодержавие» [2, с. 66], – отмечает Н. Д. Тальберг.

Главным принципом видения русской истории для Н. Д. Тальберга всегда было её понимание в первую очередь как истории православного народа. В программной статье «Православная Монархия» он писал: «Даже само поклонение Пресвятой Богородице в сердцах и умах Руси Православ-

ной нерушимо связывалось со строем государственным. “Домом Пресвятой Богородицы” звался Великий Новгород. Почитание святых икон – Знаменской, Новгородской, Владимирской, Смоленской, Тихвинской, Казанской – вызвано проявлением милости Божией к Русскому государству… Историю нашей Родины лучше и вернее всего изучать по ее церквам и монастырям. Святыни Киева, Пскова, Новгорода, Ростова, Твери, Москвы, Петербурга и другие – сама история Русского государства» [2, с. 33]. Здесь экклезиоцентризм понимания русской истории приобретает культурологическое измерение: речь идет о том, что именно храмы и древние города, в которых они сконцентрированы – суть важнейшие памятники истории, сокровищницы народного духа.

Яркая демонстрация экклезиоцентричности русской истории в период созидания России как государства и цивилизации, данная в трудах Н. Д. Тальберга, является его важным вкладом в русскую историософию, весьма актуальным для более адекватного понимания истории России.

Список литературы

1. Антоненко Н. В. Н. Д. Тальберг и его «чаемая монархия» в России // Новый исторический вестник. – 2010. – №1 (23). –С. 107–114.
2. Тальберг Н. Д. Очерки истории России. В 2 т. Т. 2. Перед судом правды. – М.: Правило веры, 2004. –624 с.
3. Фомин С. Н. Д. Тальберг: Попытка воцерковления истории России // Тальберг Н. Д. Русская быль. – М.: Правило веры, 2006. –С. 5–41.

УДК 740.17

Егорова Юлия Валерьевна

Сургутский государственный педагогический университет,
кафедра социально-экономического
образования и философии,
кандидат философских наук, доцент

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ КАК ИСТОЧНИК ДУХОВНОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции развития России как культурно-исторического типа в контексте современной ситуации времени. Дается не только оценка ее устойчивости к внешним политико-экономическим вызовам, но и фиксируется причина данного положения дел. Предложен сравнительный анализ западноевропейской и российской философской традиций. В результате были сделаны выводы о том, что русское богословие и философия онтологически неразрывны, они формируют духовность российской культуры, определяя ее мессианскую судьбу, самодостаточность и самобытность.

Ключевые слова: философия, рациональность, русская культура, философские идеи, духовность, религиозно-философская традиция

Egorova Yulia Valerievna

Surgut State Pedagogical University Department of socio-economic education and philosophy, Candidate of Philosophy, Docent

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL IDEAS OF RUSSIAN THINKERS AS A SOURCE OF SPIRITUALITY OF RUSSIAN CULTURE

Annotation. The article deals with the main trends in the development of Russia as a cultural and historical type in the context of the current situation of the time. It gives not only an assessment of its resistance to external political and economic challenges, but also fixes the reason for this state of affairs. A comparative analysis of the Western European and Russian philosophical traditions is offered. As a result, conclusions were drawn that Russian theology and philosophy are ontologically inseparable, they form the spirituality of Russian culture, determining its messianic destiny, self-sufficiency and originality.

Keywords: philosophy, rationality, Russian culture, philosophical ideas, spirituality, religious and philosophical tradition

С давних времен было предчувствие, что Россия предназначена к чему-то великому, что Россия – особенная страна, не похожая ни на какую страну мира.

Бердяев Н. А. Душа России

Современная ситуация времени, геополитическая, торгово-экономическая, социально-цивилизационная обстановка вокруг России и внутри ее, с новой силой обнажила ряд тенденций – закономерностей, которые судьбоносным образом, причем, веками, сопровождали становление и развитие России как культурно-исторического типа, определяли ее права на суверенность, самостоятельность, самодостаточность и самобытность. В числе обозначенных тенденций – закономерностей, к основополагающим, на наш взгляд, можно отнести следующие:

1) Россия, еще со времен Киевской Руси, систематически подвергалась нападениям с завоевательными целями со стороны различных государственно-этнических образований, и эти вызовы внешней среды сформировали устойчивость к неблагожелательному, а точнее, к хищническому, геополитическому окружению по внешнему периметру;

2) Россия всегда была и остается желанной территорией для присвоения любым внешним окружением (целиком или частями) с экономической, культурной, политической, промышленно-ресурсной точек зрения (и со всех прочих тоже);

3) у России был и остается собственный, самобытный и самостоятельный путь историко-культурного развития, автономный от внешнего государственно-культурного окружения, даже при участии в различного рода союзах (политических, военных, экономических, социально-культурных, с «открытым или закрытым окном в Европу, в США», и т. д.). Подобного рода автономный путь историко-культурного развития демонстрируют, как в прошлом, так и в настоящем, на наш взгляд, Китай и Индия;

4) Россия создала, поддерживала и развивает самобытную культуру, внутри которой такие аксиологические и мировоззренческие ориентиры, которые противоположны и, тем самым, не понятны внешнему государственно-культурному окружению (в частности, Западу и Америке), а значит, активизируют агрессию и захватнические инстинкты;

5) Россия создала и поддерживает самобытную интеллектуальную и философско-богословскую культуру, потенциал которой позволяет ей не только самодостаточно развиваться, но и выполнять свою мессианскую функцию, быть локомотивом для многих созидательных процессов в мире, несмотря на враждебное окружение, а также создавать союзы благожелательных государственно-культурных типов цивилизаций, разделяющих конструктивные, созидательные ценности и цели.

Последние два обозначенных пункта генетически и гносеологически взаимосвязаны, и, более того, на наш взгляд, они обуславливают наличие предыдущих трех пунктов. То есть устойчивость к внешним политико-экономическим вызовам, наличие большой и богатой, обустроенной территории, автономный и самобытный историко-культурный путь развития обусловлен и формировался благодаря собственной религиозно-богословской и философской традиции и сформированной на этой почве интеллектуальной культуре. А западно-европейская культура (а следом, и американская), ее исторический путь развития сформировался и обусловлен собственной философской традицией. Возникает вопрос: почему Россия и Запад находятся в постоянном антагонизме, причем, в разной степени его «тяжести», от века к веку: то просто непонимание или недопонимание друг друга (XVIII – XIX вв., см., например, кн. Астольфа де Кюстина «Николаевская Россия»), то военное противостояние (XIX в. – 1812 г., XX в. – Первая и Вторая мировые войны, ВОВ), идеологические противоречия (коммунизм, большевизм – капитализм – XX в.), очередное экзистенциальное противостояние, вплоть до взаимоисключения, в духе «вопроса жизни и смерти» (современность, СВО).

Ответ и причина такого положения дел, на наш взгляд, кроется в различии философской и религиозно-богословской традициях. Проще говоря, у России и Западной Европы разные философии. Рассмотрим подробнее эти различия. Поскольку, у нас нет возможности, в формате настоящей статьи, проанализировать конкретно, по каждой философской концепции данные различия, сосредоточимся на истоках западноевропейской и русской философии, и на их ключевых, магистральных идеях.

Другой вопрос, почему именно философия и религиозно-философская традиция. Ответ находится в предмете философии как таковой, который заключается в предельных основаниях бытия человека, в понимании того, как правильно и по-человечески нужно устраивать свое бытие. И в этой связи, приходит не только понимание, но и интерпретация того, что есть истина, справедливость, добро, зло, красота, мораль, этика и нравственность; каковы истоки бытия, истины и обустройства государственности, справедливого общества, и т. д. И в сравнении истоков и интерпретаций самого предмета философии, мы приходим к выводу о том, что истоки и герменевтика предметности философского знания западной Европы и России разные и прямо противоположные.

Западноевропейская философия, как известно, начала складываться с VIII в. до н. э. в русле античной греческой культуры и мифологического сознания. Но философское мышление стало формироваться автономно по отношению к данной культурно-мифологической традиции, стараясь объяснить мир, природу и человека с онтологических, гносеологических и естественнонаучных позиций, что сгенерировало постепенно не только философию, но и науку как таковую, к XVII в. То есть западноевропейская философия из века в век формировала теоретико-познавательное отношение человека и мира в русле своего предметного поля посредством генерации ключевых, идей, своевременных для каждой эпохи и ее рациональности. Так сформировались магистральные идеи западноевропейской философии, определившие научно-философский, мировоззренческий, интеллектуальный облик Западной Европы. Это следующие основные идеи: натурализм, логоцентризм, теоцентризм, гуманизм, антропоцентризм, просвещение, рационализм, целесообразность, позитивизм, прагматизм, постмодернизм. Таким образом, можно заключить, что западноевропейская философия рационалистична по своему характеру, происхождению, и в развитии идей она придерживается рационально-прагматической линии. И духовность как таковую западноевропейская философия понимает через призму гносеологических, натуралистических, позитивистских установок. Кстати, к необходимости преодоления натурализма и скорейшему обращению к духовной сущности бытия призывал Э. Гуссерль в 1935 году. В знаменитом докладе «Кризис европейского человечества и философия», прочитанного в Вене, было обращено внимание на следующее: «кризис европейского бытия может закончиться только либо закатом Европы, если она отвернется от присущего ей рационального осмысления жизни и впадет в варварскую ненависть к духу, либо возрождением Европы благодаря духу философии, благодаря героизму разума, окончательно преодолевающему натурализм» [1, с. 327]. По качеству развития современной Европы видно, что она не прислушалась к мыслям своего прозорливого мыслителя, а пошла все-таки по первому пути.

Русская философия – достаточно молодая, она стала формироваться в XVIII в. и выросла из общественно-политической мысли XVII – XVIII вв. и отечественного богословия, начавшего свое развитие с первых времен становления христианства на Руси, при знакомстве и осмыслении Византийского богословия, когда на церковнославянский язык стали переводиться сочинения Отцов Церкви. Как пишет Н. О. Лосский – замечательный исследователь истории русской философии, «К XII в. на Руси имелся перевод богословской системы св. Иоанна Дамаскина, третьей части его книги, известной под заглавием «Точное изложение православной веры». (…) В XIV в. Были переведены сочинения Дионисия Ареопагита с комментариями св. Максима Исповедника. Эти книги наряду с сочинениями других отцов восточной церкви имелись во многих русских монастырях» [2, с. 5]. Первыми русскими

философами по праву считаются представители русского духовенства – митрополит Петр Могила в XVII в., епископ Феофан Прокопович в XVIII веке, Григорий Сковорода (1722–1794). Далее христианская философия разрабатывалась в трудах князей «С. Н. и Е. Н. Трубецких, отца Павла Флоренского, отца Сергия Булгакова, Н. А. Бердяева, В. Ф. Эрна, Н. О. Лосского, С. Л. Франка, В. И. Иванова, Д. С. Мережковского, С. А. Алексеева (Аскольдова), Л. П. Карсавина, отца Василия Зеньковского, отца Георгия Флоровского, П. И. Новгородцева, И. А. Ильина, Б. П. Вышеславцева, Е. В. Спекторского» [2, с. 31].

Трудами перечисленных и многих других мыслителей были разработаны идеи русской философии, духовно-ориентированных изначально, так как их генетика находится в русле веры, богословия и аксиологии духовного, трансцендентного, метафизического. Вера, богословие и духовность настолько слиты, что перефразируя известное выражение, получится следующее: мы говорим «вера» – подразумеваем «духовность», говорим «духовность», подразумеваем – «вера». Поэтому, русская философия сформировала комплекс идей, прямо противоположных западноевропейской философии, ее рационалистическому натурализму, позитивизму и прагматизму. Это такие идеи, как: соборность, цельность (например, «Философские начала цельного знания» В. Соловьева), нравственность, духовность, учение о Троице, триединство, богочеловечество, софийность. И в соответствии с таким настроем философских идей, русская культура несет соответствующие духовные ценности, являясь практическим воплощением веками сложившихся установок. Это такие, нам знакомые черты, как: праведность, жертвенность, милосердие, сострадание, не стяжательство, сердечность, чистота сердца, духа и чести, миротворчество, братство, доброта, добродетельность, страдальчество за правду и истину, сила духа, мужественность, терпение, верность, великодушие. Перечисленные морально-нравственные ценности являются ключевыми для существования, сохранения и развития русской культуры, они же и не понятны рационалистическому, прагматистскому менталитету и мировоззрению Западной Европы. И этот ментальный разрыв непреодолим, на наш взгляд, пока будет в силе русская аксиология духа и веры.

Для того, чтобы эта сила сохранялась и транслировалась из века в век, необходимо поддерживать традиционные ценности и мировоззренческие установки, на что взяла курс современная Россия очень своевременно (см., например, публикацию РИА Новости) [3].

Так же к этому хотелось бы добавить назревшую необходимость коррекции образовательных курсов философии и культурологии. В преподавании этих дисциплин пришло время, на наш взгляд, делать упор на русской философии и отечественной культуре, акцентировать внимание на их ценностях и смыслах. Исторически и методически, в преподавании гуманитарных дисциплин сложилось так, что западноевропейской философии и культуре отдается большое количество педагогических часов и тем. И сами

того не подозревая, мы формируем пиетет перед всем западноевропейским, американским, заокеанским, и прочее. Эта установка в российском менталитете давно уже запущена, и не исправлялась веками. Давно пора осознать это и принять меры.

Сейчас время пересмотра и коррекции основополагающих принципов существования мира, государств и человечества на всех уровнях, экономическом, геополитическом, социально-культурном, и для усиления истинного курса России, отдавать нужно предпочтение изучению русской философии и российской культуры.

Список литературы

1. Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философия: Доклад, прочитанный в Вене в 1935 г. Опубликован в 1964 г. // Культурология. XX век. – С. 297–330. – URL: http://me.hse.ru/wp-content/uploads/sites/28/2020/01.pdf (дата обращения: 13.03.2023).

2. Лосский, Н. О. История русской философии. – Москва: Академический Проект; Трикста, 2011. – 551 с.

3. Эксперты назвали Россию защитницей традиционных ценностей // РИА Новости : государственное информ. агентство России : сайт. Москва. Обновляется в течение суток. – URL: https://ria.ru/20230310/traditsionnye-1857133557.html (дата обращения: 13.03.2023).

УДК 130.2

Пчелкина Светлана Юрьевна

Дальневосточный федеральный университет
департамент философии и религиоведения,
кандидат философских наук, доцент

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ТОЛСТОВСТВО: «ВООБРАЖЁННАЯ ДУХОВНОСТЬ»

Аннотация. В статье рассматривается Л. Н. Толстой как носитель специфического типа духовности, который оказал большое влияние на сознание русской интеллигенции конца XIX и начала XX в. и породил движение «толстовства». Специфической чертой духовных представлений Толстого и его последователей является попытка отождествления духовности с умозрительностью, которая может существовать только на уровне воображения. Данный тип духовности можно определить как «воображённая духовность». Исследование этого типа духовности актуально для понимания современных тенденций по «духовному конструированию». Эти тенденции можно назвать современным толстовством.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, толстовство, человек, духовность, христианство, вера, разум, воображение, искусство, западноевропейская философия, романтизм

Pchelkina Svetlana Yurievna

Far Eastern Federal University, Department of Philosophy and Religious Studies, Candidate of Philosophy, Docent

L. N. TOLSTOY AND TOLSTOVO: “IMAGINATE SPIRITUALITY”

Annotation. The article deals with the Russian writer, L. N. Tolstoy as a bearer of a specific type of spirituality. He had a great influence on the consciousness of the Russian intelligentsia at the end of the 19th century and the beginning of the 20th century and gave rise to the Tols-

toy movement – *tolstovstvo.* The specificity of the spiritual ideas of Tolstoy and his followers is the identification of spirituality with speculation, which is the manifestation of the ability of the imagination. This type of spirituality can be defined as "imaginary spirituality". It is very important to explore this type of spirituality. This will give the key to understanding many of today's «spiritual fictions». These currents can be called modern Tolstoyanism.

Keywords: L. N. Tolstoy, Tolstoyism, man, spirituality, Christianity, faith, reason, imagination, art, Western European philosophy, romanticism

В свое время прот. Георгием (Орехановым) была сформулирована в отношении Л. Н. Толстого следующая, полагаем, заслуживающая внимания, позиция, суть которой в том, чтобы обратить внимание на Толстого не просто как на значительное явление литературы, а именно как на явление духовного порядка (из чего и проистекает всем известный конфликт писателя с Церковью). «Субъективная сторона противостояния Толстого и Русской Церкви, – писал о. Георгий, –очень переоценивается…речь будет идти о гораздо более значимом противостоянии: противостоянии религиозности нового типа и религиозности традиционной христианской и церковной» [2, с. 17].

Надлежит исследовать духовную ситуацию времени, поскольку все достижения русской культуры XIX в. обусловлены процессами, которые метко определены о. Георгием – «секуляризация и индивидуализация как источник новой духовности» [3, с. 6]. Внимание к Толстому в этой связи важно не только ввиду его личного влияния на судьбы конкретных людей, а именно свойством его духовности, которая по каким-то причинам стала привлекательной для многих, ставших именовать себя «толстовцами». Но этого мало. Значение духовного типа Толстого шире: толстовство есть примета и сегодняшнего времени, поэтому анализ структуры этого типа духовности даёт ключ к объяснению современного понимания духовности, которое в своей основе несёт в себе печать «толстовства».

Духовность Толстого есть проект его собственного мышления, поэтому она и есть нечто вымышленное, придуманное или «воображённое». В отношении Толстого надо иметь в виду, что он был прежде всего художник, творческая личность, мастер создания художественных образов. Пусть не смущает то обстоятельство, что на определённом этапе Толстой прекращает активное творчество в области художественной литературы, и даже есть свидетельства биографов, в которых фигурируют факты пренебрежительных высказываний автора о своих великих творениях, поскольку Толстой в 70-х гг. пережил «духовный поворот», решив, что важнее разобраться именно с духовными вопросами, придав гораздо большее значение таким произведениям данного цикла его жизни, как «В чём моя вера», «Исповедь» и др. Понимание того, что же имел в виду Толстой под «духовностью», даёт основание сделать далеко идущие выводы: Толстой, в силу своей духовности, придумал и, что нормально для писателя, силой слова, сотворил нечто, что никак по другому не назовёшь как «образ ду-

ховности» (который есть не более, чем суррогат противоречивых идей, которые он объединил силою своего воображения), создав то, что и положено создавать великому мастеру художественного слова – литературный образ, – как и все произведения искусства, с одной стороны, связанный с реальностью, но с другой стороны, не может быть реальностью, поэтому, их место сугубо в области воображения. И как все проявления воображения (как «Наташа Ростова», «Анна Каренина» и др.), эти литературные образы духовности Толстого не могут иметь места в жизни, хотя в чём-то её воспроизводят, в силу чего создаётся иллюзия их «реалистичности».

Это противоречие – вечная драма любого искусства. Искусство украшает, возвышает жизнь, но невозможно подчинить жизнь законам искусства. Такими же нереалистичными являются и «образы духовности» Толстого. Возникает другой вопрос: почему этого никто не заметил, да и не замечает в той мере, в какой следовало бы, и сейчас? Этому есть объяснение. Толстой есть не просто писатель, а писатель XIX века. Контекст данного периода повлиял не только на формирование таланта писателя, но и на склад самой личности Толстого. А он, в свою очередь, как могучий выразитель своего времени, оказался понятым и принятым именно потому, что в своём представлении о «духовном» соответствовал внутренним установкам большей части образованной публики. Поэтому следует для начала описать характер того времени, концентрированным выражением которого стал Толстой.

XIX век – век торжества искусства как высшего арбитра жизни, и подавляющее большинство тех самых «образованных» людей стало жить, опираясь на образы искусства, чего до сих пор не было в истории, во всяком случае в такой степени. Знание о жизни, т. е. о том, как надо жить и как жить не надо, брали из книг, живописи, музыки, театра. Мы во многом являемся наследниками этой эпохи, поэтому не следует удивляться тому влиянию, которое оказывает сейчас на нас кино, соединяющее в себе все стороны других искусств. Логическое продолжение XIX века – «Серебряный век» – выражался в том, чтобы жить жизнью искусства, по законам искусства, стремиться «сказку сделать былью». То, что это не безобидное заблуждение, доказывается фактами страшных социальных катаклизмов XX века, и Ленин недаром назвал Толстого «зеркалом русской революции». Если обратиться к биографии видных и рядовых политических деятелей, радикально изменивших строй жизни, то все они в значительной степени формировались на почве искусства, читая художественные произведения Вольтера, Руссо, Байрона, Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Толстого, Горького.

Что же привело к такому подъёму социального значения искусства и всего, что связано с художественным творчеством? Ответить на этот вопрос можно, исходя из анализа чисто художественных процессов, приведших, по словам М. Н. Бойко, к новому этапу русского искусства: «Формируется новое авторское самосознание…Такого выражения “личного нача-

ла” не знала литература русского средневековья». [1, с. 195–198]. Зарождаясь в XVII веке, укрепляясь в веке XVIII, этот процесс в своей кульминационной точке развития дал тот эффект, который мы все знаем как XIX век – «золотой век» русского искусства, где стало «классическим» всё русское искусство: и живопись, и архитектура, и музыка. Но наибольший вес обрела художественная литература в поэзии и в прозе. Именно XIX век стал веком, когда «в России поэт есть больше, чем поэт»: «Слияние человека-художника с человеком-гражданином и дает ту титаническую частную личность, которая задаёт тон в русской культуре XIX столетия» [1, с. 221]. Соглашаясь с этим осмыслением, мы предлагаем расширить контекст понимания до более глубинных причин, породивших Толстого и толстовство.

Возрождение – есть начало движения к воображённой духовности, поскольку возвеличило так называемое достоинство человека, которое ему даровано Богом и выражающееся в способности человека творить, т. к. Бог есть Творец, а человек есть «богоподобное» существо. С одной стороны, в таком представлении нет ничего нового для ставшего уже традиционным христианского миропонимания, но это только на первый взгляд. Именно с гуманистов Возрождения утрачивается важное для нормального христианского понимания – понятие греховности, т. е. несовершенства человека, из-за чего все его свершения будут, выражаясь математическим языком – «с погрешностью», т. е. уже с поселённой в эти творения ошибкой, заблуждением, недостатком, дефектом. В контексте православного понимания это понятие греховности сохраняется, что не позволяет тем, кто его придерживается сильно возноситься и приписывать себе, а также другим людям безапелляционную авторитетность. Но для деятелей западноевропейской эпохи Возрождения человек впервые понимается как нечто a priory прекрасное, венец природы. «Человек хорош» как он есть, просто по факту того, что он человек. Нет, здесь не имеется в виду, что каждый человек хороший, но гуманисты были убеждены, что совершенство достижимо, если только человек начнёт развивать свой разум, идя не тем путём, которым предписывает Церковь, а приобщаясь к образцовым произведениям античности, которая по великому заблуждению Возрождения, знала-де толк в человеке и умела ценить достоинство человеческой природы. Недостаток осведомлённости о фактическом положении дел в отношении античного понимания человека, которое поспешили назвать Возрождением, привёл к роковой ошибке, длящейся уже более 500 лет. Возрождение – неправильное обозначение, потому что учение о том, что человек сам по себе есть прекрасное существо – это более позднее, чем античное изобретение. Оно не возродилось, а именно впервые возникло на стыке поверхностного знания эллинской и римской античности и христианского воспитания. Но, видимо, в Западной Европе, духовная ситуация времени в эпоху, которую стали неправильно именовать «Возрождением», была такова, что данный новодел был не только не распознан, но поддержан, и дальше, как эстафетная палочка передавался от века к веку. Эпоха Просвещения с её культом

Разума, закрепила то, что было порождено Возрождением – веру в человека, в его добрую природу, в его разумность. Критерием хорошей жизни стала мыслиться земная жизнь человека, который благодаря образованию должен через науку развивать свой разум, и сделав его основой своей жизни, устроить эту жизнь, делая её лучше и лучше: так возникла идея научного прогресса, общественного развития, совершенного общества. Но для получения этого эффекта необходимо осуществить полное погружение человека в сферу его собственного мышления, т. е. в так называемый, «внутренний мир человека», где он лицом к лицу сталкивается с различными движениями своих мыслей и концентрируясь на них, развивает своё воображение. Воображение, когда оно получает в человеке больше развитие, побуждает его нечто менять и переделывать. Так и случилось с Толстым: когда его воображение стали занимать не художественные образы, а религиозные, то и, как результат этих процессов, у него возникло желание религиозных перемен.

В своей книге «В чем моя вера» Толстой прямо указывает на свою готовность переделать (!), церковное, догматическое предание на *своё* (!), более совершенное (!): «Богословские объяснения о том, что изречения Нагорной проповеди суть указания того совершенства, к которому должен стремиться человек, но что падший человек – весь в грехе и своими силами не может достигнуть этого совершенства, что спасенье человека в вере, молитвеи благодати, – объяснения эти не удовлетворяли меня» [4, с. 126]. В этом высказывании, как и во всей книге, наглядно представлено, что Толстой – законченный тип человека эпохи Возрождения и Просвещения, поскольку он убеждён, что его видение есть единственный критерий, мерило его собственной духовности. На каком основании зиждется его вера? На основании того, что он человек, а значит разумный, а значит способный правильно понимать *абсолютно* всё, вплоть до *Абсолюта*, т. е. Бога. Но это есть не подлинное понимание, а всего лишь продукт воображения.

А какая область в наибольшей степени соответствует принципу воображения? Конечно, искусство! Толстой полностью воспринял эти вышеуказанные установки как жизненные. И будучи гениальным творцом, смог их выразить, так, что остальным осталось только к этому «подсоединиться», так возникло явление «толстовства», которое есть не только всем известная община – это есть целый стиль мысли и жизни последующих поколений, включая современное.

Что же в целом содержится в духовном образе Толстого? Прежде всего, под влиянием западно-европейской философии в лице Декарта, Лейбница, Спинозы, Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля религиозное христианское толкование духовности как действия надчеловеческого и надприродного Лица, т. е. Святого Духа, заменилось на понятие «духа» в чём-то по смыслу похожее на «идею» Платона, что вполне объяснимо в связи с тем, что указанные философы уже вобрали в себя главные позиции идеологии Возрождения – опираться на эллинскую и римскую античность. В

результате сложилось следующее мыслительное образование – духовное есть то, что нематериально, сверхчувственно и постижимо только мышлением. Другими словами, чтобы быть «духовным», надо быть «думающим». Наличие разума делает человека духовным изначально. В той мере, в какой человек не пренебрегает прибегать к своему разуму, в той степени он ведёт духовное существование. Это и есть ключ к пониманию духовности, которое легко прочитывается в рассуждениях Толстого. Отождествление духовного с разумным, с одной стороны, даёт основание Толстому и «толстовцам» освобождать понятие духа от такого свойства как «тайна», а с другой стороны, ожидать от духа разумных решений всех вопросов жизни, формулируя некие алгоритмы действия по её усовершенствованию. Нормально для такого вот духовного человека полагать, что надо только напрячь своё мышление и придумать совершенный метод совершенствования жизни. Как настоящий поклонник Просвещения, Толстой был глубоко убеждён, и в этом и была «его вера», что духовность человеку предзадана, потому что человеку предзадан его разум, как причина и область этой самой духовности. Если это так, то для того, чтобы быть «духовным» не нужна ни Церковь, ни Её таинства, ни Святое Причастие. Человек – вот собственный гарант своей духовности! Следующим моментом «духовных» взглядов Толстого является нечто, что говорит об уязвимости его системы именно с позиций так горячо поддерживаемого им отождествления разумности с духовностью. Философия Нового времени начавшись как стремление создать абсолютное знание, которое должно вырабатываться наукой на основе точных, правильных, достоверных методов, т. е. умных решений завершается философией немецкого идеализма. Для философии немецкого идеализма главный смысл человеческого мышления – в свободе. Мышление – это единственное место, где человек может почувствовать себя свободным. А в чём эта свобода? В конструктивной способности мышления, благодаря которой человек в своих мыслях может отрываться от природной данности, строить правильный совершенный мир Культуры. Именно это положение – о конструктивной, созидательной силе мышления получило мощное развитие в движении романтизма, зачинателями которого были Руссо, Гёте и др. Романтизм, которым характеризуется XIX в. есть венец того процесса, который начался с Возрождения и вобрал в себя его антропоцентризм и любовь к искусству, а также Просвещения с его поистине религиозной верой в человеческий разум. Формой, где слились эти идейные потоки секулярной культуры, стало Искусство, что так полно проявилось в Толстом, который недаром совместил в себе два звания «великого писателя» и «духовного учителя». Совмещение этих двух начал порождают эффект «воображённой духовности».

Такой тип духовности был присущ большинству образованных людей века XIX и века XX, но именно благодаря Толстому, на основе исследования его творчества, можем выйти на понимание того, к каким серьёзным резуль-

татам привела секулярная религиозность – к духовности без Святого Духа. Для этого нужно обратиться к «духовным» сочинениям великого писателя и по ним выявить, из каких разрозненных, логически противоречивых кусочков соткана ткань того, что можно называть не только «верой» Толстого и официально признанных толстовцев, но и всех современных «конфессий», секст, духовных религиозных движений типа «Нью-Эйдж» и т. д. Все эти веры суть художественные произведения, которые описывают духовную жизнь не такой, как она есть, а какой её хотели бы видеть адепты этих «духовных» образований. Толстой в своих сочинениях даже на религиозные, духовные, так сказать, темы не перестал быть писателем, *сочинителем*, т. е. честно говоря, фантазером, выдумщиком, чем, собственно, и является любой, в том числе талантливый писатель, который создаёт то, что существует не так, как оно есть, а есть лишь плод его воображения. Но если в сфере художественного творчества эти качества являются положительными и даже необходимыми, то в сфере религиозных вопросов, в области духовного познания, воображение есть путь к серьёзным заблуждениям.

Список литературы

1. Бойко М. Н. Россия XVII–XIX веков: цивилизационный поворот и культурная самобытность. // Переходные процессы в русской художественной культуре: Новое и Новейшее время. / Отв. Ред. Н. А. Хренов. М.: Наука, 2003. С. 195–225.

2. Ореханов Г., прот. Лев Толстой. «Пророк без чести»: хроника катастрофы. М.: Эксмо, 2016. –608 с.

3. Ореханов Г., прот., Колкунова К. А. «Духовность»: дискурс и реальность. –М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. –152 с.

4. Толстой Л. Н. В чем моя вера? // Л. Н. Толстой Исповедь. В чем моя вера? Л.: Художественная литература, 1990. – С. 117–345.

УДК 17.031

Цепелева Надежда Валерьевна

Новосибирский государственный медицинский университет,
кафедра философии,
кандидат философских наук, доцент

ДИАЛОГ КАК ДУХОВНАЯ ЦЕННОСТЬ

Аннотация. В статье рассматриваются онтологические аспекты диалога. На примере учений М. Бахтина, М. Бубера, Э. Левинаса и Х. Яннараса выделяются особенности понимания диалога как определенной онтологической характеристики. Автор статьи особое внимание уделяет евхаристическому диалогу, обращая внимание на его ключевые характеристики в противовес философскому диалогу. Евхаристический диалог раскрывается автором статьи сквозь призму онтологии личности. Идея личности, которую развивает Х. Яннарас в своем учении о человеке, позволяет иначе представить и обосновать религиозный характер диалога как ипостасного единения.

Ключевые слова: диалог, коммуникация, персонализм, личность, ипостась, евхаристия

Tsepeleva Nadezhda Valeryevna

Novosibirsk State Medical University Department of Philosophy, Candidate of Philosophical Sciences, Docent

DIALOGUE AS A SPIRITUAL VALUE

Annotation. The article deals with the ontological aspects of the dialogue. On the example of the teachings of M. Bakhtin, M. Buber, E. Levinas and H. Yannaras highlights the peculiarities of understanding dialogue as a certain ontological characteristic. The author of the article pays special attention to the Eucharistic dialogue, paying attention to its key characteristics in contrast to the philosophical dialogue. The Eucharistic dialogue is revealed by the author of the article through the prism of personality ontology. The idea of personality that X develops. Yannaras, in his teaching about man, allows us to present and justify the religious character of dialogue as a hypostatic unity in a different way.

Keywords: dialogue, communication, personalism, personality, hypostasis, eucharist

Диалог в культуре и философии рассматривается в нескольких аспектах. Прежде всего, это универсальный способ существования культуры, способ передачи и освоения личностью разных форм социального взаимодействия и способов познания мира. В этом ключе различают несколько уровней диалога: 1) диалог с природой, 2) диалог с другим и духовными ценностями, который является основой бытия духовной культуры. Второй тип диалога можно рассматривать на межличностном уровне и межнациональном, межкультурном уровне. Далее можно говорить о диалоге и диалогичности как определенной коммуникативной установки сознания, противопоставленной монологизму, препятствующему плодотворному общению. В этом аспекте также появляются основания для изучения философских, аксиологических оснований диалогизма, как и в первом подходе.

В философии, как мы знаем, диалог рассматривают еще и как саму структуру бытия [1]. В этом плане антиподом диалога является самодостаточность, то есть такая установка бытия и сознания человека, при которой истина мыслится завершённой, окончательной, существующей в мире. ценностей. Собеседник, то есть другой, оказывается здесь практически не нужен. Собеседником является тот, кто воспроизводит истинное, слушает пассивно. Как отмечает О. Н. Скляров, особенность такой установки сознания – незаинтересованность в ответной, встречной активности и самостоятельности собеседника. С точки зрения монологизма, мой собеседник становится либо единомышленником, либо объектом миссионерства, либо противником [6]. В любом случае диалога не получается.

Следует заметить, что диалог как определенная структура бытия имеет горизонтальное и вертикальное измерение, если мы принимаем соответствующую онтологию. В диалогической структуре бытия истина присутствует в его вертикальном измерении, а диалог в таком случае превращается во встречу «двух версий единого смысла» [7, с. 304].

М. Бубер описывает диалог как опыт переживания личной встречи с Богом [2]. Он рассматривает диалог как экзистенциальное событие. Философ показывает, что, обращаясь к другому, Я должно быть непрерывно убеждено, что Ты действительно присутствует в диалоге, иначе диалог превращается в монолог.

У Левинаса в диалоге присутствует идея троичности, понимаемая, однако, в этическом контексте. Двусторонний диалог Я – Ты реализуется через поступок, через отношение к другому человеку, в образе которого выступает Другой (Бог). Левинас таким образом соединяет в диалоге религиозность, ответственность и справедливость в единой духовно-нравственное целое. Отношение с другим человеком открывает присутствие Бога. Вследствие этого человек наделяется некоторыми обязанностями в отношении ближних. Так возникает личная ответственность за других, связанная с долгом и справедливостью. «Набожный – значит справедливый», – отмечает Левинас [3, с. 336].

Левинас стремится соединить желание и открытие трансцендентного с идеей свободы человека. Эту связь он представляет «через отношение с человеком ощущая присутствие Бога» [3, с. 334]. Это познание Бога и должного не отменяет свободы человека, по Левинасу. Надо сказать, что соединение религии с идеей свободы является принципиальным в учении Левинаса. Поэтому, вероятно, ему чужд любой спиритуализм и сама идея чуда, которая для мыслителя связана с насилием. Философ отмечает: «Если мораль в самом деле должна исключать насилие, то нужно, чтобы неразрывная связь соединила разум, язык и мораль. Если религия совпадает с духовной жизнью, то нужно, чтобы она по самой своей сути была этикой. Спиритуализм иррационального неизбежно оказывается противоречием» [3, с. 325]. При этом стоит отметить, что само суждение Левинаса о том, что в этом контексте мораль и ее законы не воспринимаются как бремя, не является убедительным, особенно если мы обратимся к ветхозаветной истории.

Х. Яннарас говорит о диалоге по образу тринитарного единства. Здесь общение с Богом мыслится именно как общение с триипостаным Богом, то есть с Троицей. Такой тип диалога характеризуется исследователями как евхаристический диалог. Евхаристический диалог предполагает вхождение человека в иную онтологическую реальность. Здесь ключевыми идеями и характеристиками диалога становятся: синергийное взаимодействие Бога и человека, кенозис Бога, обожение, Церковь, таинства, Евхаристия. Так возникает отношение и общение с Абсолютом (Богом) и понимание личностности прежде всего как отношения, то есть как «бытия напротив чего-либо» [10, с. 93].

В отношении к другому человеку в этическом аспекте это личностное отношение также проявляется. Но и в отношении к самому себе необходимо тоже говорить о личности. Диалог как отношение построен на личностной онтологии, в которой степень развития личностного начала в человеке связана с его свободой. Отсюда онтология личности – это одновременно и онтология свободы. Свобода, с одной стороны, это условие личностного бытия, это отношение личности и природы. Это возможность осуществлять свой личный выбор. Но, с другой стороны, это и некое качество, приводящее к определенному состоянию бытия человека, подлинно свободного или зависимого, то есть некий результат потенциально свободного выбора, который в реальности может оказаться несвободой.

Свобода или свобода воли является природным свойством человеческого бытия, она свойственна изначально доброй природе человека, сотворенной Богом. Но человек, будучи свободным (личностным существом), имеет способность избрать противоположное своей природе, противоестественное. Как отмечает прп. Иоанн Дамаскин, человек по произволу может и подавить желание, и следовать ему. Другими словами, его природная воля и его свобода воли могут проявляться по-разному. Природная воля всегда направлена на благобытие, но личностная склонность человека, его направленность (интенция) сознания в противоположную сторону могут склонить волю человеку противоположным изначально доброй природе (его доброй воле) образом. Отсюда вытекает особое внимание к сознанию человека, к его строю мыслей, системе ценностей (или «порядку любви» в терминологии Макса Шелера), к его уму, к его духу, который должен стать основой правильного выбора, «правильного» человеческого бытия. Отличия в способе личностного бытия – это, безусловно, этическое отличие, которое выявляет главную дилемму экзистенциально-онтологической этики. Но оно уже показывает онтологический выбор личности – бытие к Жизни (Богу) или бытие к ничто (смерти). В контексте, расматриваемой нами проблемы, данный онтологический выбор личности демонстрирует либо способность к диалогу и стремление к нему, либо замыкание на себе, самодостатоность, монологизм.

В евхаристическом общении с триипостаным Богом происходит «врачество бессмертия», «врачество жизни», «врачество нетления» (св. Игнатий Антиохийский). Евхаристия становится таинством собрания, таинством общения. Г. Флоровский в свое время писал: евхаристия – это «реальное и онтологическое единство, осуществление органической жизни во Христе». Здесь для человека возникает возможность преодоления раздробленности, восстановления цельности, достижения абсолютной свободы, бессмертия и, соответственно, спасения.

Если в философии диалога Бубера и Левинаса предполагается рационально-волевое участие человека, а богообщение существует в некой дистантной форме, то есть в форме духовно-нравственного единства, единства переживания, воли и чувства, то в евхаристическом диалоге мы говорим уже о единой органической жизни во Христе. В верующих в меру их соединения со Христом открывается единая Богочеловеческая жизнь – «все во всем» – в единстве животворящего Духа. Это и есть соединение по образу Троицы.

В византийской философии и богословии понимание человека опирается на триадологию и христологию. С точки зрения богословия, онтологическая суть человека заключена в нетварном Первообразе. Когда в христианстве утверждается стяжание «ума Христова» (1 Кор. 2,16) и сердце Христова (Еф. 3, 17), возрастание «в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Еф. 4,13), то говорится о новой онтологической реальности, в которую входит человек посредством богообщения, а не о нравственном уподоблении во внешнем благочестии. Отсюда разное по-

нимание религиозной (духовной) жизни в философии и религии. Даже в религиозной христианской философии речь идет о некоей идее существования Бога, следовании его законам и предписаниям, но без вхождения в живое общение с Ним. В христианской религии духовная жизнь – это причастие (евхаристия), это участие, преданность, любовь, жизнь приобщения Богу и единения с Духом. Такое понимание духовной жизни строится на идее ипостаси, ипостасного единения, которая и присутствует наряду с другими идеями в евхаристическом диалоге.

В этом плане следует отметить, что именно христианство диалогично в подлинном смысле. Сам Христос демонстрирует нам образ подлинного диалога и на коммуникативном, и на онтологическом уровне, демонстрируя сохранение свободы собеседника, оставляя окончательный выбор за собеседником, показывая способность говорить с каждым на его языке, используя притчи, аллюзии, метафоры, а не императивно-запретительные формы, ну и, конечно, самое главное – Тайная вечеря.

Список литературы

1. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. – М.: Русские словари, 2003. – С. 438–456.
2. Бубер М. Я и Ты / Мартин Бубер. – М. : Высш. шк., 1993. – 173 с.
3. Левинас Э. Избранное: Трудная свобода. – М.: РОССПЭН, 2004. – 752 с.
4. Личность в свете христианской антропологии: монография / Под ред. иером. Платона (Флаха). – Новосибирск: Сибир. гос. унив. водн. трансп., 2015. – 206 с.
5. Мефодий (Зинковский), иером. Богословие личности в XIX–XX вв. – СПб.: Издательство О. Абышко, 2014.
6. Скляров О. Н. Услышать другого. Заметки о диалогическом методе мышления. – URL: https://pravoslavie.ru/132623.html (дата обращения: 14.01.2023).
7. Тюпа В. И. Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 320 с.
8. Цепелева Н. В. Теономизм Н. О. Лосского как тип этической системы: монография. – Ульяновск: Зебра, 2016. – 276 с.
9. Яннарас Х. Избранное: Личность и Эрос. – М.: РОССПЭН, 2005. – 480 с.
10. Яннарас Х. Вера церкви. Введение в православное богословие. – М.: Центр по изучению религий, 1992. – 232 с.

УДК 130.2

Владов Дмитрий Владиславович
Храм прп. Сергия Радонежского г. Челябинска
Челябинской епархии
Русской Православной Церкви,
иерей

ПОНЯТИЕ О РЕЛИГИОЗНОМ ОПЫТЕ В ФИЛОСОФИИ И. А. ИЛЬИНА В КОНТЕКСТЕ СВЯТООТЕЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается понятие о религиозном опыте русского философа И. А. Ильина, содержащееся в его поздних трудах. Оно имеет источники в западной и русской философии, а также в трудах восточных отцов Церкви. Особое внимание уделено понятию духовной очевидности, непосредственно связанному с религиозным опытом человека. Религиозный опыт, по утверждению И. А. Ильина, является источником истинной веры, ре-

лигиозной жизни и духовной культуры человека. Для обретения подлинного религиозного опыта необходимо понимание отличий подлинной веры от ложной религиозности и соблюдение духовных законов, или основ подлинной религиозности, названных И. А. Ильиным «аксиомами религиозного опыта». Свое понятие о религиозном опыте И. А. Ильин выразил языком религиозной философии, оставаясь в рамках святоотеческой традиции.

Ключевые слова: Иван Александрович Ильин, христианство, православие, религиозная философия, религиозный опыт, духовная очевидность, святоотеческая традиция, отцы Церкви, свт. Григорий Палама

Vladov Dmitry Vladislavovich

The Temple of St. Sergius of Radonezh city of Chelyabinsk, Chelyabinsk Diocese of the Russian Orthodox Church, priest

THE CONCEPT OF RELIGIOUS EXPERIENCE IN THE PHILOSOPHY OF I. A. ILYIN IN THE CONTEXT OF THE PATRISTIC TRADITION

Annotation. The article deals with the concept of the religious experience of the Russian philosopher I. A. Ilyin, contained in his later writings. It has sources in Western and Russian philosophy, as well as in the writings of the Eastern fathers of the Church. Special attention is paid to the concept of spiritual evidence, which is directly related to a person's religious experience. Religious experience, according to I. A. Ilyin, is the source of true faith, religious life and spiritual culture of a person. To gain genuine religious experience, it is necessary to understand the differences between genuine faith and false religiosity and to observe spiritual laws. or the foundations of genuine religiosity, called by I. A. Ilyin «axioms of religious experience». I. A. Ilyin expressed his doctrine about religious experience in the language of religious philosophy, remaining within the patristic tradition.

Keywords: Ivan Alexandrovich Ilyin, Christianity, Orthodoxy, religious philosophy, religious experience, spiritual evidence, patristic tradition, the fathers of the Church, St. Gregory Palamas

Понятие религиозного опыта является одним из основных в поздний период философских трудов И. А. Ильина (1883–1954). И. А. Ильин всесторонне анализирует религиозный акт человека, имеющего искреннюю веру и интенциональную направленность ума и сердца к познанию истины и совершенствованию своей духовной жизни.

Учение о религиозном опыте и его составляющей – духовной очевидности И. А. Ильина имеет истоки в трудах предшествующих философов. В своей работе И. А. Ильин первоначально опирался на труды классиков немецкой философии – И. Фихте, Г. Гегеля, Э. Гуссерля и других. Осуществляя пересмотр своих взглядов в поздний период своего творчества, И. А. Ильин нашел поддержку в русской православной религиозной философии и святоотеческих богословских трудах. Углубленное изучение трудов русских философов (Ф. М. Достоевского, С. Н. и Е. Н. Трубецких, И. В. Киреевского, А. С. Хомякова, К. Н. Леонтьева, В. С. Соловьева), а также творений ряда восточных отцов Церкви, послужило разработке И. А. Ильиным оригинального учения о религиозном опыте и духовной очевидности в русле русской религиозно-философской традиции. В труде-исследовании И. А. Ильина «Аксиомы религиозного опыта» и в Литературных добавлениях к нему, помимо цитат из Священного Писания, имеются многочисленные ссылки на богословские труды прп. Антония Великого, прп. Макария Великого,

свт. Иоанна Златоуста, свт. Григория Богослова, свт. Василия Великого, свт. Григория Нисского, прп. Иоанна Кассиана, прп. Максима Исповедника, прп. Исаака Сирина, прп. Иоанна Дамаскина, прп. Симеона Нового Богослова, свт. Григория Паламы, свт. Феофана Затворника. Изучение этих трудов повлияло на изменение прежней, основанной на немецкой классической философии, мировоззренческой позиции И. А. Ильина в сторону святоотеческого богословия, благодаря чему, поздний период его творчества Д. П. Ерисовым был назван «паламистским» [См.: 6].

Суть учения И. А. Ильина о религиозном опыте, изложенного им в работах «Аксиомы религиозного опыта» (1953 г.), «Путь к очевидности» (изд. посмертно в 1957 г.), «Путь духовного обновления» (1935г.) состоит в том, что в процессе приобретения религиозного опыта человеку необходимо понимание отличий подлинной и ложной религиозности, а также соблюдение «аксиом религиозного опыта». Над своим трудом – исследованием «Аксиомы религиозного опыта» И. А. Ильин работал более 30 лет в эмиграции после высылки из России в 1922 г. Важнейшими аксиомами или характеристиками истинного религиозного опыта, по Ильину, являются предметность, цельность, сердечное созерцание, покаяние, смирение, трезвение и другие. Всего И. А. Ильин выделил 26 характеристик, каждой из которых он посвятил отдельную главу. Из аксиом религиозного опыта И. А. Ильин придавал особое значение необходимости цельности веры и стремлению к сердечному созерцанию, как наиболее важным религиозно-философским характеристикам религиозного опыта, основанного на святоотеческой традиции.

По утверждению И. А. Ильина «религиозный опыт человека имеет три главных составляющих: религиозный Предмет, религиозный акт и религиозное содержание» [2, с. 121]. Под религиозным Предметом в философии Ильина понимается Бог. Поэтому непосредственное обращение к Богу предметно. Духовный опыт человека является религиозным, только если он имеет в своей основе отношения с Богом. Под религиозным актом И. А. Ильин понимает те духовные состояния и переживания, которые происходят при обращении и общении человека с Богом. Религиозный акт является актом внутренней жизни человека, при этом задействуются различные субъективные качества конкретного человека, такие, как мышление, воображение, чувства, воля, совесть и другие. Поэтому, каждый человек имеет свой личный и субъективный религиозный акт. Религиозный акт православного верующего человека включает личную молитвенную практику, участие в общественных церковных богослужениях и таинствах, изучение Священного Писания и свято-отеческих творений, участие в церковно-приходской жизни, миссионерской и волонтерской деятельности и других формах религиозной жизни. Религиозное содержание – это то, что каждый человек искренне воспринял благодаря своему религиозному опыту. Религиозное содержание имеет свое проявление в том, как человек стремится к познанию Бога, самосовершенствовании, любви к Богу и ближним. Религиозное содержание переживается

человеком лично, но, благодаря общению и описанию может стать понятным и полезным для других людей.

По мысли И. А. Ильина, человек может иметь чувственный внешний опыт и нечувственный внутренний опыт. Из этих двух видов опыта именно внутренний опыт и является основанием религии и всей духовной культуры. В человеке в процессе воспитания и образования необходимо пробудить личные духовные переживания и стремление к обретению собственного религиозного опыта. Только в религиозном опыте человек может «ощутить особое значение и силу любви, научиться отличению добра от зла, расслышать в своей душе голос совести, постигнуть, что такое честь, благородство и служение» [3, с. 59]. Благодаря религиозному опыту человек обретает живое общение с Богом, «верующую» веру. Напротив, тот, кто пренебрегает религиозным опытом, обедняет свою духовную жизнь, «как бы сам залепляет себе духовные очи и предается слепоте и пошлости. От всех вещей он видит только внешнюю видимость и довольствуется тем, что превращает ее в пустую, абстрактную схему» [Там же, с. 60].

Религиозный опыт дает возможности человеку обрести «доступ к любви, совести и чувству долга, к праву, правосознанию и государственности, к искусству и художественной красоте, к очевидности и науке, к молитве и религии, – только он может указать человеку, что есть подлинно главное и ценнейшее в его жизни; дать ему нечто такое, чем стоит жить, за что стоит нести жертвы, бороться и умереть; открыть ему истинный и единственный Предмет религиозной веры. Надо, чтобы он в самом деле увидел духовными очами то, во что он будет отныне веровать, чтобы он подлинно испытал и узнал божественность Бога и прилепился к нему свободно и целостно» [3, с. 61].

Важное значение в учении о религиозном опыте И. А. Ильин придает понятию религиозной очевидности, как «лучшему и необманывающему источнику веры» [2, с. 57]. В своих трудах И. А. Ильин развил мысль о возможности непосредственного постижения предметной реальности в акте очевидности. Духовная очевидность должна быть предметна, а достижение очевидности для И. А. Ильина сходно понятию прозрения. Духовная очевидность у Ильина вытекает из философского понятия «очевидности», как способности «узнавать объективно лучшее и совершенное, без которого невозможна духовная жизнь человека» [Там же, с. 57]. Акт религиозной очевидности И. А. Ильин часто называет «сердечным созерцанием» – важнейшим актом в составе религиозного опыта: «Самым драгоценным могучим религиозным актом является сердечное созерцание» [Там же, с. 105]. В феномене «сердечного созерцания» в отличие от обычного наблюдения и непосредственного восприятия, важна способность любовного проникновения в предмет, «вчувствования» в его духовное содержание [там же, с. 106].

Мысли И. А. Ильина, касающиеся взаимосвязанных понятий религии, религиозного опыта и духовной очевидности, можно выразить его словами из книг «Путь к очевидности» и «Путь духовного обновления»:

«сущность религии состоит вообще в том, человеку дается и человеком овладевает Откровение. Есть высшее озарение, окончательное и истинное узрение – *очевидность*» [4, с. 336] (курсив здесь и далее в цитатах – автора). «Человеку необходим свет очевидности, некая не сгорающая купина, которая горела бы *в нем самом*, чтобы он мог и сам возгореться от нее; ему необходим свет не иссякающий и ему самому внутренне доступный. Источник такого света один: это *духовный опыт, в коем человеку открывается лицезрение Божие*» [3, с. 62].

В книге «Путь к очевидности» И. А. Ильин утверждает, что философ должен развивать у себя художественное созерцание и практический опыт. Особенно, эти качества важны в области религиозной философии. Философ – исследователь должен приобретать подлинный религиозный опыт и религиозное созерцание, с помощью которых он сможет проверить, прочувствовать и пережить религиозный опыт другого человека. Если у философа-исследователя будет отсутствовать живая религиозность, то он «соберет в лучшем случае, наподобие Уильяма Джеймса[1], мертвую коллекцию чужих переживаний» [4, с. 237]. И. А. Ильин обращает особое внимание тому, что «философия религии требует *терпимости, чуткости и сердца*». И, конечно, прежде всего – самостоятельного и подлинного *религиозного опыта*» [Там же, с. 239]. Философ – исследователь должен «постоянно и неутомимо работать над очищением своей души (катарсис) [там же, с. 242], «научиться созерцанию и молитве. Молитва даст ему духовное укоренение, а оно научит его отвергать и опровергать все аналитические, скептические, нигилистические и издевательские аргументы безбожия. Он должен пережить в своем сердце действие Божьего огня и приобрести на всю жизнь некий раскаленный угль веры. Этот уголь раскроет перед ним живую сущность религии» [Там же, с. 243].

Особенное значение для И. А. Ильина имело знакомство с богословием исихазма и, в частности, с учением святителя Григория Паламы о различении Бога Самого по Себе и излучаемым Им нетварных благодатных энергиях, которое также явилось одним из оснований учения о духовной очевидности. По утверждению свт. Григория Паламы богословами являются боговидцы, а богословие – созерцанием: «…конечно есть и знание о Боге, знание учений о Нем и умозрение, которое мы называем богословием...» [1, с. 84]. Вслед за свт. Григорием Паламой Ильин также утверждает, что сердечное созерцание является одним из важнейших Божественных даров, необходимых человеку для приобретения подлинного практического религиозного опыта. В результате сдвига своего мировоззрения в сторону святоотеческого богословия И. А. Ильин расстается с понятием философского акта в пользу понятия религиозного акта, как события духовной жизни, вызванным у человека общением с божественным Предметом. Используемые Ильиным термины: религиозное очищение, сердечное созерцание и духовная очевидность соответствуют свя-

[1] Уильям Джеймс (1842–1910) – американский философ, автор книги «Многообразие религиозного опыта».

тоотеческим понятиям: достижения бесстрастия, духовного созерцания и мистического богословия.

Анализируя историю и практику различных религиозных систем, И. А. Ильин приходит к выводу, что аксиомы религиозного опыта, изложенные в книге «Аксиомы религиозного опыта» наиболее всего осуществляются в Православии. Этому способствовало и то, что в своем исследовании И. А. Ильин опирался и на собственный православный религиозный опыт. Некоторые аксиомы исследования И. А. Ильина вызвали неприятие и критику в современной ему православной среде в связи их субъективным характером и, якобы недостаточным обращением к опыту и учению Православной Церкви, но это мнение не подтверждается при более глубоком и непредвзятом рассмотрении учения Ильина о религиозном опыте. В письме архим. Константину (Зайцеву)[1] от 1953 г. И. А. Ильин пишет: «Теперь два слова о моих «Аксиомах». Одна из главных забот моих была – не родить «ересь». … Доходя до «своего особомнения», проверял его десятилетиями и спокойно произносил его только тогда, когда находил таковое у кого-либо из моих любимых Отцов Церкви: Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Палама, Дамаскин» [5, с. 167].

В своем труде «Аксиомы религиозного опыта» И. А. Ильин постарался применить свое философское учение о предметности и очевидности к православной религии. В предисловии к своему исследованию И. А. Ильин отмечает, что будет стараться не затрагивать вопросы церковного вероучения, такие как догматическое богословие, литургическая жизнь Церкви, учение о спасении и т. д., но обратит главное внимание на личное духовное состояние верующего. Другими словами, И. А. Ильин описывает особенности личного религиозного опыта человека, которые, по мнению философа, необходимы для истинных религиозных отношений человека с Богом. И. А. Ильин также добавляет, что то, что он сделал, это лишь частичное описание части всего богатства православного религиозного опыта, для более подробного исследования ему просто не хватило бы оставшегося времени жизни. В послесловии к книге «Аксиомы религиозного опыта» И. А. Ильин пишет: «В этом исследовании я *не* пытаюсь раскрыть религиозный акт Православия во всем его богатстве и своеобразии: я ограничиваюсь формулированием *аксиом* религиозной веры, наиболее совершенно осуществляемых именно в Православной вере. Я не ставил себе задачей дать догматическую апологию, изложить учение о каждом таинстве в отдельности, проследить «Лето Господне» в двунадесятых празднествах, описать молитвенное богатство Православной Церкви, обосновать почитание Богоматери и святых, показать своеобразие обряда, богатство храмового зодчества, сокровища иконописи, зовы и ликование звонов, мудрость канонов и творческую силу старчества. Все это действительно *входит* в акт православной религиозности. Но я не мог объять все это дивное обилие. Для этого

[1] Архим. Константин (Зайцев) – священнослужитель Русской православной церкви заграницей, клирик Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле, профессор Свято-Троицкой духовной семинарии.

мне нужна была бы еще одна жизнь, а не только та, которая ныне клонится к закату. Я исследовал только аксиоматические основы религиозного акта; а все указанное сделают другие, чтобы показать неосведомленным иноземцам и иноверцам подлинный лик восточного Православия» [2, с. 445].

Учитывая вышесказанное, можно утверждать, что И. А. Ильин в своем учении о религиозном опыте не отрицает значение Священного Писания и Предания, участие в церковных богослужениях и Таинствах, но особенно подчеркивает, что у верующего человека обязательно должен быть личный живой опыт духовной жизни. Религиозный опыт, по утверждению И. А. Ильина, является источником истинной веры, религиозной жизни и духовной культуры человека. Смыслом и целью религиозной жизни и опыта человека является богообщение. Благодаря своему религиозному опыту, человек входит в непосредственные отношения с Богом. Заслуга И. А. Ильина в разработке учения о религиозном опыте заключается в том, что он выразил свое учение на языке религиозной философии, оставаясь в рамках святоотеческой традиции. Учение о религиозном опыте и духовной очевидности И. А. Ильина является актуальным в условиях утраты духовности и религиозного сознания в части современного общества, но каждый конкретный человек должен иметь желание изменить свое мировоззрение, найти свой путь к обретению духовной очевидности и пониманию религии, как смысла жизни и пути к Богу.

Список литературы

1. Григорий Палама, свт. Триады в защиту священно–безмолвствующих / свт. Григорий Палама. – М., РИПОЛ классик, 2018. – 440 с.

2. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: исследование / И. А. Ильин. – М. : Рарогъ, 1993. – 448 с.

3. Ильин И. А. Путь духовного обновлении / И. А. Ильин. – М., ДАРЪ, 2017. – 480 с.

4. Ильин И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. – М., ДАРЪ, 2017. – 352 с.

5. Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939 – 1954). – М.: Русская книга, 1999. – 512 с.

6. Ерисов Д. П. Религиозная философия Ивана Александровича Ильина: автореф. дис. … канд. филос. наук. Москва, 1997. – 27 с.

УДК 993

Ермолаев Тихон Маркович

Санкт-Петербургская духовная академия,
студент магистратуры

ОБ ОБОСНОВАНИИ БЫТИЯ БОЖИЯ КАК АТРИБУТЕ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ (В. С. СОЛОВЬЕВ, Н. А. БЕРДЯЕВ)

Аннотация. В статье обосновывается положение, что в философском дискурсе имеет место нерациональный способ обоснования Божественного существования. Приводится ответ на вопрос: насколько соотносятся мысли В. Соловьева и Н. Бердяева с подходами мыслителей, которые придерживаются позиции, что бытие Божие утверждается рациональнымметодом, т. е. посредством доказательств.

Ключевые слова: доказательство бытия Божия, обоснования существования Бога, религиозное сознание, христианское мировоззрение, безусловное начало, вера, нравственность

Tikhon Markovich Ermolaev

St. Petersburg Theological Academy, Master's student

JUSTIFICATION OF THE EXISTENCE OF GOD AS AN ATTRIBUTE OF RUSSIAN RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL THOUGHT (V. S. SOLOVYOV, N. A. BERDYAEV)

Annotation. The article deals with the position: in the philosophical discourse there is an irrational approach to the justification of the Divine existence. An answer is given to the question: how much do the thoughts of V. Solovyov and N. Berdyaev correlate with the approaches of thinkers who adhere to the position that the existence of God is affirmed through a rational approach, i. e. through evidence.

Keywords: proof of the existence of God, substantiation of the existence of God, religious consciousness, Christian worldview, unconditional principle, faith, morality

Тема обоснования бытия Божия имеет обширную историю своего развития. Известно, что древнейшие формы выражений, направленных на аргументацию положения о Божественном существовании, восходят ко временам античности. Так, на страницах работы русского религиозно-философского мыслителя С. Л. Франка «Предмет знания» мы встречаем описание эволюции онтологического доказательства от Парменида до Гегеля [14]. В философской мысли закрепилось особое наименование данной темы, которое звучит как «доказательство бытия Божия». Однако необходимо помнить, что аргументы в пользу существования Бога доказательствами никто до Канта не называл. Фактически, Кант наделил мысли схоластических авторов, направленных на обоснование Божественного существования, оправленным статусом «доказательств» и разоблачил их несостоятельность в логическом смысле. С тех пор предполагается, что за темой обоснования бытия Божия должен стоять логический конструкт, утверждающий гносеологический оптимизм для решения метафизических задач. В русской философии была целая плеяда мыслителей, которые отреагировали на вызов, связанный с Кантовой критикой «доказательств». Они указали на то, что Кантова система обладает перечнем недостатков, а затем предложили формы логических конструктов-доказательств, утверждающих истинность главного христианского убеждения, существования Бога, которые учитывают критику немецкого философа. Сторонниками рационального подхода в деле утверждения религиозного мировоззрения посредством доказательств бытия Божия в России являются: Н. П. Рождественский, прот. Евгений Аквилонов, архиеп. Никанор (Бровкович), прот. Феодор Голубинский, В. Д. Кудрявцев-Платонов, А. И. Введенский, П. И. Тихомиров, С. С. Глаголев, С. Л. Франк, А. А. Козлов, Б. Н. Чичерин и др.

Особый интерес в рассматриваемом дискурсе представляет наследие духовно-академического богословия в сочинениях профессоров еп. Михаила (Грибановского), В. А. Снегирева и В. И. Несмелова, которые предложили собственные варианты доказательств бытия Божия. В своих построениях преподаватели духовных школ обращались к устройству человеческого духа.

Посредством анализа последнего они определяли, что существует безусловное начало внутри личности, которое противопоставляет себя механическим детерминированным законам. Профессора предложили свои размышления на данную проблему, исходя из чего, предложили вывод, что существует источник безусловного начала – Бог [Подробнее см.: 6–8; 13].

В богословской, философской литературе прошлого и современности приведенным выше русским духовно-академическим мыслителям уделяется достаточное внимание (в особенности, в связи с их построениями относительно доказательств бытия Божия). В данной статье, обратившись к философии В. Соловьева и Н. Бердяева, обозначим, какое место имеет нерациональный подход в деле утверждения христианского мировоззрения; приведем понимание ответа на вопрос, коррелирует ли он с так называемыми доказательствами бытия Божия?

В. С. Соловьев (1820–1879) полагал, что рациональным способом, посредством доказательств, невозможно утвердить истину бытия Божия, он пишет: «Хотя лучшие умы человечества занимались так называемыми доказательствами бытия Божия, но безуспешно; ибо все эти доказательства, основываясь по необходимости на известных предположениях, имеющих характер гипотетический и, следовательно, не могут дать безусловной достоверности», пишет философ [12]. Прот. Василий Зеньковский замечал, что В. Соловьев предпринял попытку оправдать христианство посредством современных данных и философии и ввести содержание христианской веры в разумную форму [4]. Так, в третьем чтении о Богочеловечестве В. Соловьев писал, что необходимость Безусловного начала для человека имеет вероятностный характер. Полная уверенность в существование Бога обретается верой [Там же, с. 33.]. Элемент веры, удостоверяющий Божественное существование, является отправной точкой в позиции философа в деле утверждения религиозного мировоззрения.

Согласно В. Соловьеву, доказательство (заключение к бытию Бога по закону причинности) сводится к вероятностному заключению о бытии, которое не является свидетелем достоверного объективного знания. В. Соловьев вводит в дискурс обоснования Божественного существования понятие веры. Философ писал: «Данные опыта при вере в существование внешних предметов, им соответствующих, являются как сведения о действительно существующем и как такие сведения о действительном составляют основание объективного знания» [Там же, с. 34]. В. Соловьев в гносеологических разработках обращал внимание на то, что описанные выше познавательные принципы, распространяются как на мир материальный, так и на сферу Божественного бытия [Там же, с. 35]. Таким образом, по В. Соловьеву, посредством опыта и веры мы приходим как к признанию бытия внешнего мира, так и к заключению о существовании Бога. При отсутствии *«творческого акта веры»* религиозный опыт, как психический факт сознания, становится фантазией и галлюцинацией, равно как и пред-

меты материального мира представляют из себя то же самое, если мы не признаем их объективную реальность посредством *веры*.

Природа, по В. Соловьеву, как внешний механизм, совокупность естественных процессов и движений как таковых, лишена содержания, более того, является обманом, иллюзией. Философ писал: «Этот мир не существует отдельно (как другое вне единого), а лишь ошибочно принимается за существующий в такой отдельности, в чем и состоят обман и зло» [10, с. 142]. Также обратим внимание и на следующую цитату: «А разве это не обман, когда отдельный человек свое собственное бессилие осуществить на деле идеал всемирного совершенства выставляет как ненужность такого осуществления? Это явный обман» [Там же, с. 292]. В. Соловьев указывал на то, что природа является источником страдания в том случае, если человек стремится наполнить собственное внутреннее содержание, исходя из природных сил [Там же, с. 77]. Осознание превосходства личности над природой открывает перспективу для достижения человеком состояния блаженства и обретения полноты бытия. Воля человека, по В. Соловьеву, устремлена к природному существованию, но последний способен отречься от природы, что, как следствие, приводит к самоотречению, а в результате самоотречения человек приходит к дальнейшему отрицанию безусловного характера природы. Отвергнув то, что безусловным не является, то, что по определению является конечным, ограниченным, человек приходит к религиозному пониманию безусловного. Религиозное сознание, по В. Соловьеву, как содержание опыта и откровение, человек получает постепенно, оно открывается поэтапно в результате религиозного развития (духовного поиска), которое происходит в результате богочеловеческого взаимодействия [Там же, с. 114]. Эти мысли коррелируют с известной критикой аргумента против бытия Бога от наличия в мире зла. Представленный выше материал соотносится с обоснованием действительности бытия Божия в варианте В. Несмелова.

В основании нравственности, по В. Соловьеву, лежат стыд, жалость и благоговение (которые, по замечанию одного из исследователей, для В. Соловьева являются «тремя китами» нравственности) [3, с. 37]. Так как человеку свойственно стыдиться, испытывать жалость и благоговение, то должное бытие человека имеет сверхприродный, сверхживотный характер. В результате анализа такого явления психической жизни человека как стыд, мы приходим к тому, что подлинное бытие человека имеет сверхживотный характер; стыдится человек собственной присущей ему материальной природы, возможного господства ее над личностью [10, с. 130]. Жалость, стыд и благоговение присущи на зачаточном уровне животным, потому, если человек является безжалостным, бесстыдным, неблагоговеющим, то, по В. Соловьеву, его состояние ниже животного уровня [Там же, с. 130]. Всеобщий феномен благоговения, как специфического чувства к превосходящему, невозможно отрицать, пишет философ, и «признавая его

у собак и обезьян, странно было бы отрицать его у человека и выводить человеческую религию из одного страха и своекорыстия» [Там же, с. 135].

Видно, что В. Соловьев предлагал самостоятельные размышления, которые можно ставить в один ряд с критикой атеистических теорий о происхождении религий, а именно так называемые теории страха и учение о религии софистов. В рамках дисциплин, входящих в дискурсрационального богословия в разделе, такие теории описываются и подвергаются критике [5]. Таким образом, можно констатировать, что мысли философа можно рассматривать в апологетическом ключе, его наследие коррелирует со специальной научной богословской литературой в рамках дисциплин рационального богословия.

В рамках рассмотрения темы, можно говорить о том, что наследие В. Соловьева сопоставляется с апологетической линией еп. Михаила (Грибановского), В. Снегирева, В. Несмелова, в первую очередь, в контексте анализа человеческого духа, которому свойственно выделять себя из сферы механических природных процессов, за которым следует логический вывод о действительности бытия Премирного. Помимо этого, вполне закономерно говорить о схожести мыслей В. Соловьева, касающихся обнаружения Божественного бытия исходя из содержания человеческих психологических переживаний и учения философа о поэтапном духовном «восхождении», в результате которого человек приходит к признанию истинности религиозной веры, с т. н. «субъективным методом» еп. Михаила (Грибановского). Одним из главных выводов, который можно сделать в рамках исследуемой проблемы: мысли В. Соловьева нацелены не просто на обоснование бытия Божия как такового, но на обоснование действительного присутствия Бога в мире, в первую очередь, посредством разработанной философом концепции о Всеедином бытии.

Н. Бердяев также является противником доказательств бытия Божия. Однако в трудах русского религиозно-философского отчетливым образом совершается обоснование истинности христианского мировоззрения, поскольку загадка человеческого духа, в которую инъектирована априорно задача внутреннего совершенствования – одна из ярчайших проблем, рассматриваемых Н. Бердяевым. В статье «Опыт философского оправдания христианства (о книге Несмелова)» Н. А. Бердяев высоко оценивает роль В. Несмелова в деле обоснования христианской веры, где философ называет формулу профессора «обнаружением Бога» [1, с. 276]. Н. А. Бердяев, равно как и В. Несмелов, утверждает, что в человеке находятся два начала: свобода и подчиненность. Н. Бердяев стремится указать на феномен человека не как социального существа, а как личности. Личность, в отличие от индивида, отражает духовную реальность человека, способную, в свою очередь, отстраняться и абстрагироваться от добра и зла.

Еще одним значимым посылом философа является утверждение о том, что только с принятием Бога человек может жить нравственно. Н. А. Бердяев писал: «Человек, стоящий в центре бытия и призванный к

царственной роли в мировой жизни, не может иметь положительного содержания жизни, если нет Бога и нет мира, нет того, что выше его, и того, что ниже его...» [2, с. 136]. Без признания идеи о Боге, человек находится в состоянии одиночества, это приводит к «замкнутому психологизму», а тогда внутреннее ядро человека, идентифицирующего его именно как человека, по мысли философа, разрушается. Мысли Н. Бердяева можно воспринимать в качестве «практического» по своему типу нравственного доказательства, описанного в курсе лекций по «Христианской апологетике» Н. П. Рождественского, где суждения о пользе принятия идеи о Боге являются типом доказательства [Подробнее: 9, с. 350–351].

Обратим внимание на размышления Н. Бердяева о происхождении и сущности зла. В результате решения проблемы теодицеи возможно осознание религиозного смысла жизни, а значит человек не будет считать себя пленником «злой стихии». Критическая и позитивная философия, по мысли Н. Бердяева, не в силах, в отличии от религии, осознать сущность и происхождения вещей и категорий на онтологическом уровне [Там же, с. 130]. Сами размышления коррелируют с так называемым доказательством от зла [5, с. 183–184].

Можно утверждать, что мысли В. Соловьева и Н. Бердяева коррелируют с традиционными доказательствами бытия Божия и с дальнейшими вариантами более современного их развития. Исходя из содержания данного краткого обзора философии С. Соловьева и Н. Бердяева можно сделать следующий вывод. Аргументы в пользу существования Бога являются продуктом неравнодушного к вере религиозного сознания. Действительно, ведь и в святоотеческих тестах, и в церковных вероопределениях, гимнах и теологических трактатах мы встречаем зачатки этих самых так называемых доказательств. Вспомним, что Н. П. Рождественский, профессор СПбДА XIXв., писал, что доказательство бытия Божия– продукт неравнодушного религиозного сознания [9, с. 321]. Таким образом, можно констатировать, что тема обоснования бытия Божия является одним из атрибутом богословско-философской мысли.

Список литературы

1. Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции// статьи по общественной и религиозной психологии (1907–1909 гг.)/ Опыт философского оправдания христианства (о книге Несмелова). – С.-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1910. – 314 с.

2. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 608 с.

3. Гулыга А. Н. Философия любви // Предисловие к Сочинениям В. С. Соловьева в 2 т. – М.,1988.

4. Зеньковский В. История русской философии. – М. Раритет, 2001. – с. 460.

5. Лушников Димитрий, свящ. Основное богословие: учебник бакалавра теологии. – М. : Познание, 2021. – 408 с.

6. Михаил (Грибановский), иером. Истина бытия Божия // Богословские труды. – 1990. –№ 30. – С. 9–80.

7. Михаил (Грибановский), еп. Лекции по введению в круг богословских наук.– СПб.: Общество памяти игумении Таисии, Санкт-Петербург 2005. – 224 с.

8. Несмелов В. Наука о человеке. – Т. 1: Опыт психологической истории и критики основных вопросов жизни.– СПб., 2000.– 394 с

9. Рождественский Н. П. Христианская апологетика. Курс основного богословия. – СПб. 1893. – Т. 1. – 427 с.
10. Соловьев В. С. Оправдание добра. – М. : Алгоритм, 2012. – 657 с.
11. Соловьев В. С. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 3. Критика отвлеченных начал. – М.: Наука, 2001. –556 с.
12. Соловьев В. Чтения о Богочеловечестве. Т. 2. – М. :Правда, 1989. – 737 с.
13. Снегирев В. А. Психология. – Харьков: тип. А. Дарре, 1893. –700 с.
14. Франк С. Л. Предмет знания. – СПб. : Наука. 1995. – 649 с.

УДК 2.26

Малина Алексей Валентинович
Санкт-Петербургская духовная академия,
студент магистратуры

О СИНТЕЗЕ ФИЛОСОФСКИХ И БОГОСЛОВСКИХ ИДЕЙ В ТРУДАХ ПРОТОИЕРЕЯ СЕРГИЯ БУЛГАКОВА (НА ПРИМЕРЕ СТАТЬИ «СВЯТОЙ ГРААЛЬ»)

Аннотация. В статье представлена попытка проследить основания философских воззрений протоиерея Сергия Булгакова в религиозно-философских концепциях Владимира Соловьева и старших славянофилов. На примере статьи С. Н. Булгакова «Святой Грааль» показывается, что после принятия священства, философские взгляды отца Сергия нашли утверждение в теологии Православной Церкви.

Ключевые слова: христианство, философия тождества, метафизика всеединства, Святой Грааль, догматическое учение

Malina Alexey Valentinovich
St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church, Master's student

SYNTHESIS OF PHILOSOPHICAL AND THEOLOGICAL IDEAS IN THE WORKS OF ARCHPRIEST SERGIY BULGAKOV ON THE EXAMPLE OF THE ARTICLE «THE HOLY GRAIL»

Annotation. The article deals with the attempt tracing the roots of the philosophical views of Archpriest Sergiy Bulgakov to Vladimir Solovyov and the senior Slavophiles. Using the example of the selected article, it is shown that after accepting the priesthood, the philosophical views of Father Sergius found approval in the theology of the Orthodox Church.

Keywords: Christianity, philosophy of identity, metaphysics of unity, Holy Grail, dogmatic teaching

Сегодня отечественное медийное пространство все чаще использует идеи особого русского пути и русской национальной идентичности. Это явление понятно, ведь тяжелые времена всегда заставляют ставить предельные вопросы. Такое положение не ново, о чем свидетельствует история философии и публицистики не только российского государства, но и множества других государств. Одним из таких примеров может служить течение мыслей русских философов в начале XX в., в которых проявилось предчувствие катастрофы, тяжелые думы о судьбах русского народа, желание найти выход для родины.

Сама русская философия, представители которой размышляли над сложными вопросами места России в мире, существования ее в настоящее время, о России вообще, находилась под большим влиянием немецкой фило-

софии. Собственно, о философской мысли в Российском государстве конвенционально можно говорить только начиная с XIX в.[1] Немецкий романтизм – культурное, литературное и философское движение, возникшее в Германии в конце XVIII в. и просуществовавшее до середины XIX века. Для него характерно сосредоточение внимания на эмоциях, интуиции, природе и личности. Среди наиболее видных деятелей движения были Фридрих Шиллер, Иоганн Вольфганг фон Гёте и Фридрих Шеллинг. Немецкий романтизм оказал значительное влияние на искусство, литературу и философию не только в Германии, но и в других частях Европы. С другой стороны, русская философия, развивавшаяся в XIX и XX веках, находилась под сильным влиянием немецкой философии. Наиболее видными деятелями русской философии были Владимир Соловьев, Лев Шестов и Михаил Бахтин. В числе других видных философов можно выделить Николая Федорова, Ивана Ильина, Николая Бердяева, о. Павла Флоренского, о. Сергия Булгакова.

Для русской философии была характерна направленность на экзистенциализм, религиозный мистицизм, который иногда заставлял отдельных мыслителей переходить из исключительно философского поля в смежное с богословием, а иногда даже и полностью переходить на поле богословия, ведя поиски смысла в стремительно меняющемся мире. Несмотря на сходство немецкого романтизма с русской философией, между ними обнаруживается и несколько различий. Немецкий романтизм был склонен больше сосредотачиваться на личности и поиске внутреннего смысла, в то время как русская философия больше ориентировалась на общество и поиск смысла в ситуации времени.

Еще одним важным различием между ними была роль религии. Немецкий романтизм находился под сильным влиянием христианства и стремился примирить разум и веру. Для русской философии, напротив, был характерен отказ от традиционной религии и поиск новых форм духовности. Примером этому может служить история развития лаического или светского богословия в лице А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина, И. В. Киреевского и других, чьи идеи, вначале отвергавшиеся и критиковавшиеся представителями академического богословия, оказали заметное влияния на формирование дискурса как академического, так и внеакадемического богословия. Свидетельством последнего может выступать трехтомный труд В. З. Завитневича «Алексей Степанович Хомяков» [2], труд значимого богослова XX века свящ. Павла Флоренского «Около Хомякова» [4][2], а также труд Н. Бердяева «Алексей Степанович Хомяков» [3]. Несмотря на эти различия, и немецкий романтизм, и русская философия оказали значительное влияние на развитие литературы, искусства и философии в Европе и за ее пределами. Оба они подчеркивали важность эмоций, интуиции и личного опыта в понимании мира и стремились бросить вызов

[1] Об этом пишут: С. А. Левицкий, Н. О. Лосский, В. В. Зеньковский и другие авторы.

[2] Примечательно, что даже само название свидетельствует об авторитете, которым к началу XX в. обладал А. С. Хомяков.

господствовавшему в то время рационалистическому и материалистическому мировоззрению.

Особое влияние на русскую философию оказал Фридрих Шеллинг (1775–1854). В своей философской системе он желал совместить систему трансцендентального идеализма Канта и Фихте, которые исследовали знание со стороны субъекта, с представлением об истинном знании, как совпадении представления с соответствующими им предметами. В период своей, так называемой натурфилософии, Шеллинг пытается вывести субъект исходя из природы. Для Шеллинга реальность и познаваемость природы не ставилась под сомнение, а главным принципом его понимания природы был принцип ее единства, т. е. явления природы связаны друг с другом. Природа была живой, способной к творению, а не неподвижным конструктом для естественнонаучных испытаний. По Шеллингу, человек не отделен от природы, а составляет ее неотъемлемую часть. Он считал, что человеческий разум является продуктом природы и что наше сознание возникает из той же творческой силы, которая оживляет мир природы. Таким образом, Шеллинг считал, что истинное понимание природы может быть достигнуто только путем объединения научных знаний с духовным пониманием.

В целом натурфилософия Шеллинга представляет собой всеобъемлющий и целостный подход к пониманию мира природы. Подчеркивая динамическую, самоорганизующуюся природу реальности и взаимосвязанность всех вещей, философия Шеллинга предлагает мощную альтернативу редукционистскому и механистическому подходам к науке, которые преобладали в его время и продолжают доминировать в современном научном дискурсе.

Эти положения хорошо прижились на интеллектуальной почве русского общества. Особо стоит отметить «Общество любомудров» князя Владимира Одоевского, Дмитрия Веневитинова, Ивана Киреевского, Степана Шевырева и других, которые изучали систему Шеллинга, а также старших славянофилов А. Хомякова и И. Киреевского, которые считали его систему совершеннейшей из произведенных западной мыслью. Но особенно заметным является влияние Шеллинга на Владимира Соловьева, который проявлял схожие идеи пантеизма и гностицизма в своей идеи всеединства. В свою очередь Владимир Соловьев оказал огромное влияние на последующую русскую философию. Одним из мыслителей, которые попали под влияние Владимира Соловьева, был отец Сергий Булгаков. Высокая оценка творчества Соловьева прослеживается как в трудах отца Сергия, так и в статьях, посвященных философу[1]. Отец Сергий, как многие другие философы и богословы, не чуждался размышления о судьбах России и ее жителей. Уехав из Москвы в 1918 году, куда он потом не смог вернуться, он становится профессором Симферопольского университета, а в 1923 г. был выслан из России. Трагические события революции также вызывали тяже-

[1] «Философия Соловьева дает современному сознанию целостное и последовательное развитое христианское миросозерцание» [7].

лые думы, особенно у того, кто преодолел марксизм, как неубедительную систему. В своей книге «Философия хозяйства» Булгаков подчеркивал роль национальной идеи в развитии экономики. Он утверждал, что сильная национальная идентичность необходима для успешной экономики, поскольку она способствует развитию у граждан чувства общности и цели. По Булгакову, нация, укорененная в собственной культуре и ценностях, более устойчива и способна противостоять экономическим вызовам.

Взгляды Булгакова на национальную идею находились под сильным влиянием его христианской веры. Он считал, что духовное измерение национальной идентичности столь же важно, как и ее материальные и культурные аспекты. В своей книге «Агнец Божий» Булгаков писал, что национальная идея должна корениться в принципах любви, справедливости и милосердия, которые являются центральными в христианской вере. Идеи Булгакова о национальной идее имели и политическое значение. Он считал, что идентичность нации должна отражаться в ее политических институтах и что эти институты должны быть созданы для содействия общему благу. По Булгакову, государство обязано защищать и продвигать национальную идентичность своих граждан, а этого можно достичь с помощью политики, поддерживающей культурные учреждения, образование и язык.

В своей мысли о национальности отец Сергий считал, что наука не может в полной мере дать ответ на интересующие вопросы. Существование национальности, как особой исторической силы не ставится им под сомнение. На вопрос о содержании понятия «нация» отец Сергий видит две позиции: средневековый реализм, которому соответствует позитивизм или эмпиризм и идеализм, мистический или спиритуалистический [5]. Первая позиция осмысляет нацию как численную совокупность индивидов. Вторая же считает нацию не просто совокупностью феноменологических проявлений, но субстанциональным началом. Сам отец Сергий является сторонником второй позиции, а соответственно видел и у русской нации особый путь. По Булгакову, русская нация отличалась глубоким чувством духовности и прочной связью с землей. Он считал, что русский народ обладает особой способностью к интуиции и глубокому пониманию тайн жизни. Отец Сергий видел в русском народе «избранный народ», которому предстоит исполнить особую судьбу. Булгаков также считал, что русская нация может внести уникальный вклад в мир. Он считал, что русский народ имеет особое призвание создать новую, духовную цивилизацию, которая превзойдет материализм и индивидуализм Запада. Ему виделся в русском народе «третий Рим», наделенный миссией распространения в мире Христова евангелия.

Основой такого отношения к нации вообще коренится, в том числе, в его христианской вере. В своей статье «Святой Грааль» [6], опубликованной в журнале «Путь» в 1932 г., он обращается к стиху из Евангелия от Иоанна: «но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (Ин. 19:34). Это событие происходит после смерти Иисуса Христа на кресте,

когда воины римского правителя пришли убить распятых на кресте. Когда они подходят к телу Христа, оказывается, что Он уже умер. Для того, чтобы убедиться в этом, один из воинов вонзил копье в подреберье Христа. После событий Воскресения, тело Христово стало преображенным, а Сам Христос дал Своим ученикам повеление причащаться Его Тела и Крови.

С этого момента и начинает свое рассуждение отец Сергий. Для тела Христа смерть явилась не окончанием биологических процессов, как у других людей, но глубоким сном, обмороком. Однако сон не является разрывом с духом, который оживляет тело. Часть состава тела, которая была утрачена в следствии удара копья, осталась в земле.

Кровь для отца Сергия является «силой жизни тела... содержит душу тела, ее животную энтелехию» [Там же]. Кровь является веществом, которое соединяет дух и тело, делает тело живым. Соответственно, истечение крови приравнивается к смерти. Душа животного содержится в его крови, а после смерти, кровь разлагается, и вместе с кровью разлагается душа животного. Но животные не имеют духа, а потому у них нет личного бессмертия, только бессмертие рода в потомстве.

Тело же Христа после Воскресения вновь обрело душу, а, следовательно, и кровь, которой и причащается Церковь в Новозаветное Время. Однако, как уже было указано, при кресте произошло излияние крови Христа вместе с водой, которая была впитана землей. В другом своем тексте евангелист Иоанн укажет кровь и воду, как означающие истинное человечество Христа, одушевленной телесности (1 Ин. 5:6–8). В том тексте Дух Христов воплощается в теле (вода) посредством души (крови). Соответственно, на кресте произошло разделение неразделяемого: человеческая природа Христа разделилась на тело, которое было положено во гроб и воскресло и на кровь и воду, которые излились в землю. Но после воскресения кровь в теле и кровь в воде остаются тождественными, ведь это есть кровь из одного тела, но при этом тождестве они являются различными.

После, отец Сергий обращает внимание на западное толкование этого отрывка, а именно на легенды о Святом Граале – чаше, которой Христос причащал Своих учеников во время Тайной Вечери, и в которую Иосиф из Аримафеи собрал Кровь Христа после Его смерти. Запад, в представлении Булгакова, оказался способен воспринять этот отрывок, но не смог его раскрыть. Вместо этого, Чаша Грааля была отягчена романтическими представлениями о рыцарском достоинстве и нравственной чистоте. В восточном же христианстве, излияние крови и воды находит отражение в литургическом почитании: на проскомидии (приготовлении к самой Литургии) священник повторяет действие война и слова евангелиста Иоанна. Упоминание этой крови не делает ее тождественной с кровью в самой Чаше Евхаристии. Потому следует помнить, что Кровь, излившаяся на Кресте, не имела евхаристического предназначения.

Сам факт удара копья в подреберье, вместо перебитых ног, является завершением истории спасения Христом человечества. Кровью и водой

очищается и омывается человечество от греха, который был причиной смерти. Символично и место, в которое была нанесена рана: из ребра Адама была сотворена первая женщина, а рана из подреберья исцеляет человечество от раны Адама. Кровь и вода, которые излились в мир, в мире и пребывают. Таким образом они являются залогом спасения мира. Если воскресший Христос спасает человека, то Его же кровь и вода, излившиеся на Кресте, спасают весь мир, всю сотворенную вселенную. Образ Святого Грааля, как чаши, которая сохраняет часть Спасителя, указывает на присутствие Христа в мире. Как Он сказал Своим ученикам: «И вот, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28:20), так Его кровь и вода, оставшиеся в мире, являют это пребывание после Вознесения. Весь мир становится Чашей Грааля, который скрыт от большинства людей и является только чистым сердцем, достойным. Святой Грааль, будучи евхаристической чашей, не содержит евхаристической крови, потому что он был предназначен не для причащения христиан, а для преображения мира.

Значение жизни Христа и Его смерти оказалось практически не воспринято Его современниками. Мир же оказался более восприимчивым, отреагировав на смерть Христа затмением, землетрясением. Хотя люди и не осознали это, но «умер Великий Пан», языческая эпоха сменилась эпохой христианской. Мы, люди, которые никогда не видели своими глазами Христа, наша человеческая природа, наше человечество принадлежит человечеству Христа. И даже факт удаления Христа из мира не является поводом упразднению связи с Ним. Христос пребывает в мире через разделение Своего человечества. В человечестве соединяется пребывание на земле, во Святом Граале – хранителем Грааля, как крови Христовой, является в таком случае человечество – Его жизнь, страдания, Воскресение и пребывание с Богом-Отцом.

Сам факт этого пребывания Христа в человечестве, посредством Его крови и воды, по мысли отца Сергия должен быть принято, как новое свидетельство божественной любви к человечеству. Человечество Христа есть всечеловечество, Его страдания – всестраданием. События жизни Христа являются не просто единовременным событием, но вечными событиями, которые всегда существуют, которые всегда актуализируются.

Эта статья была написана в 1932 г., чем можно объяснить следующие слова отца Сергия: «Эту дивную, эту святую, эту страшную и странную, эту спасающую мысль тебе я посвящаю, страдающий народ русский, потому что ты не один в твоих страданиях, с тобою страждет Христос, живущий в тебе. Твоя Голгофа есть Его Голгофа, с твоею кровию изливается Его кровь. В этом тайна твоего страдания, и смысл, и оправдание, потому что человеческое страдание есть и страдание Христово. Когда откроются человеческие очи в день судный, явно будет, что, если попущены Богом такие страдания и скорби, то их во всю меру любви Своей к человечеству, к русскому страдающему народу и Христос принял с страждущей и плачущей Материю Своей. И если страдания Христовы суть спасительная страсть,

путь к славе и воскресению, то и твои страдания и твое избрание в жертву за грех и ошибки истории суть страсть спасительная, к славе ведущая. Ты не один в своей скорби, с тобою Христос, а Он говорит о себе в страдании: «Я не один, потому что со Мною Отец» (Ин. 16, 32). Эта мысль есть великое и единственное утешение и оправдание судеб русского народа. В крови и воде, излившихся из ребра, изливается свет и жизнь» [6].

Кровь и вода, которые излились в мир являются залогом его преображения, свидетельством любви Бога к человеку, и основанием представления отца Сергия об особом пути русского народа.

Отец Сергий Булгаков, испытавший большое влияние метафизики всеединства Владимира Соловьева через знакомство с о. Павлом Флоренским, усматривал в развитии человечества и наций особые пути, которые тем не менее связаны друг с другом. Эти идеи были развиты им в различных трудах, которые были написаны им до принятия священного сана. Но даже после этого события, социальные и этические взгляды остаются схожими, более укореняясь в православном вероучении. После принятия священства, его позиции сместились с чисто философских на богословские. Обоснование пути русского народа он нашел в христианском Священном Писании. Если Бог сострадает каждому человеку, то и всему народу. А если сострадает, то есть замысел о народе.

Отца Сергия часто и много критиковали за то, что он принес много философского в богословский дискурс, но как окажется, те размышления, которые зародились у протоиерея Сергия Булгакова в период его философской деятельности, нашли свое утверждение в христианской вере, что позволило отцу Сергию создать синтез богословского и философского мышления, пример которого и был представлен выше.

Список литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета // Синодальный пер. – М.: РБО, 2017 – 1328 с.

2. Завитневич В. З. Алексей Степанович Хомяков: в 3 т. – Киев: Тип. И. И. Горбунова; Тип. Акц. О-ва «Петр Барский в Киеве». – 1902–1913 .

3. Н. А. Бердяев. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. М.: АСТ Москва: Хранитель, 2007. – 445 с.

4. Павел Флоренский, свящ. Около Хомякова (критические заметки). М.: Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1916. – 78 с.

5. С. Н. Булгаков «Размышления о национальности». – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Bulgakov/razmyshlenija-o-natsionalnosti.

6. С. Н. Булгаков «Святой Грааль». – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Bulgakov/svjatyj-graal/.

7. С. Н. Булгаков «От марксизма к идеализму». – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Bulgakov/ot-marksizma-k-idealizmu/.

УДК 141.32

Гулеватая Анастасия Николаевна
Южно-Уральский государственный университет,
Управление научной и инновационной деятельности,
лаборант

РЕФЛЕКСИЯ ОБ ОБРАЗОВАНИИ ЧЕЛОВЕКА В ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ: ФЕНОМЕН ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ИДЕЙ В ДИСКУРСАХ XIX И XXI ВВ.[1]

Аннотация. В статье рассматриваются экзистенциальные аспекты отечественной философской традиции в осмыслении образования человека. Отмечается, что именно отечественная мысль развила понятия, которые становятся центральными в разговоре о современном образовании: идеи о целостности человека, его духовном стержне, воспитании сердца и нравственности. Показано, что многие из трендов, звучащих в современном образовательном пространстве (self-skills, heart-skills), имеют корни в экзистенциальном философствовании о человеке отечественных мыслителей.

Ключевые слова: образование, экзистенциальная философия, отечественная философия, тренды образования, self-skills, heart-skills

Anastasia N. Gulevataya
South Ural State University, Department of Scientific and Innovative Activity Department, laboratory assistant

REFLECTION ON HUMAN EDUCATION IN THE TRADITION OF RUSSIAN PHILOSOPHY: THE PHENOMENON OF INTERACTION AND CONTINUITY OF IDEAS IN DISCOURSES OF THE XIX AND XXI CENTURIES

Annotation. The article deals with existential aspects of Russian philosophical tradition in conceptualisation of human education. It is noted that domestic thought has developed the concepts, which become central in the conversation about modern education: the ideas about the integrity of man, his spiritual core, education of heart and morality. It is shown that many of the trends sounding in the modern educational space (self-skills, heart-skills) have their roots in the existential philosophising of Russian thinkers.

Keywords: education, existential philosophy, Russian philosophy, educational trends, self-skills, heart-skills

Во все эпохи образование как социальный институт ориентировалась на практики подготовки, формирования человека эпохи. Современное образование сталкивается с различными вызовами, в том числе экзистенциальными, связанными с проблемами свободы и ответственности человека, а также проблемой смысла. Отечественное образование в настоящий момент ставит под вопрос западные образовательные традиции и практики, а значит, ищет основы, на которых мог бы произойти синтез старого и нового для образования человека XXI в.

[1] *Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда. Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».*

Философско-религиозные учения разных времен, безусловно, так или иначе определяли рефлексию об образовании. Отечественная философская традиция представляется нам критически важной в осмыслении современного образовательного пространства, его тенденций и практик. Именно русская философия, экзистенциальная по своему духу, накопила в своей культурной традиции множество идей, концепций, работ, релевантных для решения антропологических проблем, с которыми сталкивается образование сегодня. Русская культурная традиция всегда была пронизана экзистенциальными и религиозными мотивами в большей степени по сравнению с другими культурами. «Основная особенность раскрытия антропологической темы в русской философии заключается в универсальном подходе к проблеме человеческого существования. В ней никогда не пытались выделить учение о человеке в отдельную область, хотя проблема человека всегда была главной» [1, с. 5].

Обращение к идеям отечественной философии в осмыслении образования человека XXI в. актуально по причине свершившейся «антропологической катастрофы» (М. К. Мамардашвили), выражающей себя в том, что современный человек оказывается неспособен поддержать существование онтологических законов, по которым существует сам как человек, и это порождает цивилизационный слом. Это понятие позволяет проникнуть в суть культурной трансформации, частью которой является и образование. М. С. Каган писал: «...если человечество хочет, чтобы в культуре XXI в. сохранилось такое великое завоевание, как личность, педагогика должна в корне изменить свое представление о роли учителя в жизни новых поколений. Его задача – оказывать духовное содействие ученикам в их самоопределении как личностей» [3]. Такое содействие для современного институционального образования уходит на второй план, первое же место нередко занимает экономическая целесообразность, утилитарность получаемого образования: это отмечали как отечественные, так и западные, и восточные мыслители. Н. Н. Страхов в «Споре об общем образовании« (1863 г.) отмечал: «Человек рассматривается как приложение, как колесо в известной машине, как орудие для произведения полезных действий» [10]. Джон Дьюи в «Демократии и образовании» в 1915 г. писал, что «в стороне остается основной результат образования, заключающийся в достижении наполненной смыслом жизни» [Цит. по: 6]. А Рабиндранат Тагор, индийский писатель, в 1917 г. вторил: «история сегодня оказалась на таком этапе развития, когда нравственный, гармоничный человек все чаще и чаще, фактически сам того не осознавая, уступает дорогу… человеку коммерческому, ставящему перед собой ограниченные цели. Этот процесс, в сочетании с невероятными успехами науки, достигает гигантских масштабов и обретает огромную власть, приводя к нарушению нравственного равновесия человека, к сокрытию его человеческих качеств в тени бездушной организа-

ции» [Цит. по: 6]. Все они аппелировали к тому, что истинно человеческое уходит в тень.

Русская философско-религиозная традиция осмысления образования и образа человека в нем является специфической, она «развила и творчески осмыслила такие понятия как духовность, свобода личности, самосовершенствование, цельное знание, всеединство, соборность, творчество и др., которые получили особое преломление в теории и практике образования» [11]. Начало отечественной рефлексии об образовании можно отнести к XIX в. и связать эту традицию с определенными именами и идеями. Многие из этих идей находят продолжение в современных образовательных трендах, которые свежо звучат и подаются как новые, но новыми в своей сути не являются. Технологии развиваются, но главный антропологический вопрос – вопрос о человеке – не утрачивает своей актуальности даже в эпоху диджитализации и развития искусственного интеллекта.

«Философию образования» как новый культурный феномен в русскоязычное пространство мысли ввел В. В. Розанов в работе «Сумерки просвещения» (1893). Выделяя главную мысль работы, можно утверждать, что В. В. Розанов предложил культурологический принцип в философии образования, формирование целостности человека в единстве и многообразии форм его бытия, критикуя идею Просвещения о человеке неизменном, универсальном, управляемым рациональными законами. В этой работе он явно проявил себя экзистенциальным мыслителем, утверждая, что в образовании истинное знание должно стать частью личности человека, а не быть безжизненно транслируемой «мертвой« объективной информацией. О возделывании субъективной истины в человеке писал еще С. Кьеркегор, считающийся предтечей экзистенциализма XX в.; он по-новому, онтологически определил истину: это не то, что человек знает, а то, кем он является (такое понимание истины восходит к Сократу). В «Сумерках просвещения» автор сталкивает читателя с чувством потери: утрачены онтологические основания человеческой жизни не только в образовательных институтах, но и во всем укладе современного мира. «Бесплодное дерево современного просвещения«, по В. Розанову, имеет «ветхие, не питающие корни», «не давая ни совершенной тени, ни совершенного света, оно порождает томительные сумерки, в которых задыхается Европа, никогда еще не знавшая такого бесплодия для своих творческих сил, никнет христианская жизнь, точно спрыснутая какою-то мертвою, отравляющею водой». Тем не менее критикуемый В. Розановым подход к образованию по-прежнему является основополагающим в современных образовательных институтах. А. Ранчин по этому поводу отмечает: «Хотя размышлял Розанов не только в другое время, но и вроде бы об ином. Преимущественно не об университетском, а о гимназическом образовании. Но диагноз совпал. Разве что мгла сейчас стала погуще да потемнее» [8]. Проблема, поставленная отечественным философом в последний год XIX столетия, оказывается не решена и по сей день.

Образование в экзистенциальном смысле можно понимать как антропологическую практику, связанную с восхождением человека к определенному «образу», образцу, идеалу – во многом недосягаемому, как сократовский идеал города в диалоге с Главконом в «Мифе о пещере». Так, Ф. М. Достоевский, экзистенциально осмысляя человека, отождествлял образование с сотворением человеком образа: «через процесс образования идет познание человеком самого себя, своего предназначения и жизненного смысла» [2, с. 308]. Л. Н. Толстой ввел концепцию жизнеопределения и идею соотнесения образования с жизненной позицией человека, указывал на проблему бесконечности целей воспитания с позиции экзистенциального откровения. В. С. Соловьев утверждал принцип «целостности» личности: установление гармоничного соотношения внешнего – объективного – и внутреннего – субъективного миров [12], и эта целостность могла, по его мысли, быть достигнута только в развитии человека как Образа по Подобию – в образовании. Однако одна из проблем на современном этапе развития образования связана с тем, что традиционное его понимание исключительно как трансляции некого четко сформулированного «образа« исчерпывает себя. «Формирование идеала человека, формулирование ценностей образования противостоит эклектичной культуре постмодерна. На современном этапе развитие философской антропологии и философии образования происходит в условиях конфликта с культурой постмодерна» [5]. Сегодня человек все чаще сам создает желаемый для себя образ, и доказательство тому – многочисленные «матрицы компетенций«, которых только на данный момент насчитывается несколько десятков [7]. Полифония современных «матриц« определенным образом «рифмуется» с тем, что на определенных этапах было высказано отечественными философами образования.

В отечественном образовании сегодня формулируется концепция т. н. self-skills как «ядерных» навыков – «навыков себя» или «навыков заботы о себе», навыков самостроительства, которые позволяют человеку проживать свою жизнь осознанно. Именно эти навыки являются самыми важными для современного профессионала, они же определяют остальные навыки – т. н. *hard и soft* [9]. Авторы концепции упоминают, в первую очередь, «технологии себя» М. Фуко как отправную точку в развитии идеи современных *self-skills* человека XXI в. Примечательно, что содержательно о «ядре« и «периферии» в образовании высказывался еще отечественный философ Н. Н. Страхов. Он следующим образом обозначал приоритеты в области образования человека: «Прежде всего нужно развить в ребенке все духовные человеческие силы, постараться развить их самым правильным и твердым образом; только таким образом мы можем получить самого выгодного человека, человека наиболее пригодного для всякого рода приложений» [10]. Именно Н. Н. Страхов в дискурсе отечественной философии образования впервые указал на его антропологические и психологические аспекты, перенеся акцент с вопроса о том, чем человек является, на вопрос

о том, чем человек может быть. В похожем русле рассуждал С. С. Гогоцкий, делавший акцент на формировании «внутреннего нравственного чувства личности» в процессе воспитания. Гогоцкий, полемизируя с Ж.-Ж. Руссо, различал умственный и нравственный виды образования, причем последнему отдавал приоритет, считая его способом экзистенциального познания [13].

Еще одна «матрица», к которой обращаются практики и теоретики образования сегодня, связана с понятием *heart-skills*, или «навыков сердца». Упоминание о «навыках сердца» возникало в материалах Международной инициативы «Human education in the third millennium» [14], возникшей в 2019 году и поддержанной философами образования и образовательными практиками со всего мира. Вызов видится в том, что образование сегодня не воспитывает «сердце» человека, не учитывает человекомерной, личностной перспективы образования, включающей «сердце». Из контекста документов инициативы следует, что уровень «сердца» может быть раскрыт через понятие ценностей и характера, которые воспитываются через образование и определяют его «человеческие измерения» *(human dimensions of education)*. То, что Далай-лама на конференции в рамках инициативы называл «воспитанием сердца», имеет глубокую традицию в отечественном осмыслении образования человека. Так, П. Д. Юркевич разрабатывал «метафизику сердца», где сердце определялось как нравственная и интеллектуально-смысловая структура личности и особый тип познания в противовес «голове» (что роднит его с идеями С. С. Гогоцкого). Полагаем, что вообще русская религиозная философия может быть осмыслена как «философия сердца», а значит, в поисках ответов на вызовы современности есть смысл обратиться к накопленному потенциалу русской философской мысли, экзистенциально-антропологическому в своей сути, приближающему нас к пониманию тому, что значит быть человеком. Современные исследователи отмечают, что «в наше время лишь синтез «философии разума» и «философии сердца» может дать достойное человека отображение мира в его сознании, быть надежной основой для поведения. Как у гармонически развитых людей рациональное и внелогическое восприятие реальности находятся в известном равновесии, так и в человеческом познании в целом оба эти источника знания должны органически сочетаться и дополнять друг друга» [4]. Это же относится и к образованию.

Духовная жизнь человека, вопросы о нравственном идеале являлась стержневым ориентиром для построения концептов образования в творчестве русских религиозных мыслителей. Интерес отечественной интеллектуально-духовной традиции в осмыслении образования человека всегда был ориентирован на личность, смысл, вопросы свободы и ответственности. Сегодня в осмыслении образования мы возвращаемся к исходным экзистенциальным вопросам, и этот возврат не может произойти без обращения к истокам мысли. Отечественные мыслители XIX в. показали, что фундаментальным прин-

ципом образования является целостное понимание человека. Их заслуга состоит в обращении к религиозно-антропологическим принципам и попытке их научного обоснования, что находит продолжение в современном дискурсе об образовании и современных образовательных трендах.

Список литературы

1. Верещагина Г. Н. Проблема человека: экзистенциально-антропологический анализ: дис. … канд. филос. наук. – Ставрополь, 2005.

2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л., 1972–1991. – Т. 24. – С. 308.

3. Каган М. С. Формирование личности как синергетический процесс // Обсерватория культуры / НИЦ Информкультура РГБ. – № 2 / 2005. – С. 4 –10.

4. Кирвель Ч. С., Кирвель О. Ч., Кузнецов Д. И. «Философия разума» и «Философия сердца»: трудный путь к гармонии // Terra Linguistica. – 2017. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-razuma-i-filosofiya-serdtsa-trudnyy-put-k-garmonii (дата обращения: 26.02.2023).

5. Козлова Т. А. Развитие философской антропологии в современных условиях (на примере реализации методологической функции философской антропологии в философии образования): дис. … канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2020.

6. Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. – Издательский дом ВШЭ, 2014. – 192 с.

7. Плехова Е. «Экзистенция» и «мета» – новые слои в теории навыков, или За пределами hard и soft. – URL: https://skolki- project.com/blog/ekzistentsija-i-meta-novye-sloi-v-teorii-navykov-ili-za-predelami- hard-i soft?mc_cid=c70a6667f4&mc_eid=336778700d (дата обращения 01.03.23).

8. Ранчин А. Сумерки просвещения. Высшее образование в современной России. – URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2013/7/sumerki-prosveshheniya.html (дата обращения: 07.03.23).

9. Селф-компетенции как «философский камень». Интервью с ректором ТГУ. – URL: http://www.tsu.ru/university/rector_page/self-kompetentsii-kak-filosofskiy-kamen/ (дата обращения 01.03.23).

10. Страхов Н. Н. Спор об общем образовании. – URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1863_spor_ob_obschem_obrazovanii.shtml (дата обращения: 07.03.23).

11. Шарова М. А. Философия образования в русской мысли второй половины XIX века: дис. … канд. филос. наук. Москва, 2010. – URL: https://cheloveknauka.com/filosofiya-obrazovaniya-v-russkoy-mysli-vtoroy-poloviny-xix-veka (дата обращения: 7.03.23).

12. Шарова М. А. Принцип целостности в философии образования В. С. Соловьева // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. – 2009. – №2 (57). – URL: https://cyberleninka. ru/article/n/printsip-tselostnosti-v-filosofii-obrazovaniya-v-s-solovieva (дата обращения: 10.03.2023).

13. Шарова М. А. Антропологические и философско-педагогические взгляды С. С. Гогоцкого // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. – 2011. – № 2 (97). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antropologicheskie-i-filosofsko-pedagogicheskie-vzglyady (дата обращения: 10.03.2023).

14. Human Education in the Third Millennium. World Forum. – URL: https://humaneducation.net (дата обращения: 10.09.22).

УДК 2-1

Ткачук Ирина Борисовна
Челябинский государственный институт культуры,
кафедра философии и культурологии, аспирант

О ПРЕОДОЛЕНИИ КАК ДУХОВНОМ ОПЫТЕ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается культурологический аспект феномена «преодоление», во взаимосвязи с духовным опытом личности, как один из философских смыслов и подходов к пониманию феномена «культура преодоления»; исследуется корреляция культуры преодоления с духовным опытом личности с откликом на события в истории России XX в. Современные исследователи изучают феномен «преодоление» преимущественно в проблемном поле психологии, как правило, вне исследования культуры преодоления в контексте духовного опыта. Представленная в статье попытка осмысления существования феномена «культура преодоления» относительно феномена «преодоление» в контексте духовного опыта отличается новизной.

Ключевые слова: культура преодоления, преодоление, духовный опыт, личность, личностный рост

Tkachuk Irina Borisovna
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Department of Philosophy and Cultural Studies, graduate student

ON THE OVERCOMING AS A SPIRITUAL EXPERIENCE OF A PERSON

Annotation. The article deals with the researching of the cultural association of the phenomenon of «overcoming» with the spiritual experience of the individual, as one of the philosophical meanings and approaches to understanding the phenomenon of «culture of overcoming»; the correlation of the culture of overcoming with the spiritual experience of the individual with a response to events in the history of Russia of the XX century. Modern researchers study the phenomenon of «overcoming» mainly in the problem field of psychology, without examining the culture of overcoming in the context of spiritual experience, therefore, the attempt comprehending of the existence of the phenomenon of «culture of overcoming» relative to the phenomenon of «overcoming» in the context of spiritual experience is as an original one.

Keywords: overcoming culture, overcoming, spiritual experience, personality, personal growth

Феномен «преодоление» рассматривался учёными ранее преимущественно в проблемном поле психологии и философии. Цель предлагаемого нами подхода – в обобщении опыта исследователей в контексте философско-культурологического осмысления аспекта феномена «преодоление» [19, с. 94]. Преодоление – это процесс, а не абсолютная величина, к которой направлено движение субъекта; соответственно, культура преодоления содержит личный опыт субъекта и совокупный человеческий опыт, который помогает адаптироваться в любой культурной ситуации.

В данном контексте феномен «преодоление» предстает как духовный опыт личности. Вопросы духовного опыта изучаются в рамках жизненного пространства личности [20]. Соответственно, психологическую среду необходимо рассматривать функционально, как часть одного интегрального поля, жизненного пространства, другая часть которого – человек [11, с. 162]. Выскажем предположение, что одной из стратегий личностного роста может быть осознанная, связанная с преодолением, работа над ду-

ховным опытом. Духовный опыт может быть рассмотрен в двух направлениях: в светском и в религиозном, и может быть связан с культурой преодоления. В светском направлении исследования «культура преодоления» содержит все возможные виды и способы преодоления различных препятствий вне человека: в повседневной жизни, творчестве, науке, спорте и т. д., в религиозном – преодоления греха в себе, преодолением страстей, принятию смирения и терпения как высших христианских ценностей.

Феномен «духовный опыт личности» мы рассматриваем в данном случае преимущественно в религиозном направлении. Духовный опыт связывают со всем, что приобретено в процессе религиозно-нравственной деятельности, направленной на единение с Богом, духовное преображение и совершенство [1]. Например, Ильин И. рассматривает человека и его духовный опыт так: «Религиозному человеку необходимо одухотворять, очищать, укреплять, растить и образовывать свой духовный опыт, иначе сила естественных потребностей, давление житейских обстоятельств... ослабят, исказят и выродят этот драгоценный опыт и неизменно, из поколения в поколение, приведут его к немощи и разложению» [10, с. 7]. «Человек обречён либо на развитие, либо на упадок, а tertium non datur (третьего не дано). Поэтому-то «каждый из нас призван творить культуру своего религиозного опыта и прежде всего – осознать, что этот опыт есть человеческий, субъективный и личный» [10, с. 113]. Таким образом, в духовном опыте есть человеческое, субъективное и личное; а культуру своего религиозного опыта творит человек сам своим преодолением над грехом в себе, над преодолением страстей. Возможно рассмотреть культурологическую ассоциацию феномена «преодоление» с феноменом «духовный опыт личности», как один из философских смыслов и подходов к пониманию феномена «культура преодоления». В рефлексивной психологии различают две противоположные жизненные стратегии – «жизнеисчерпание» и «жизнепорождение». «Жизнеисчерпание»» – жизненная стратегия, определяемая в первую очередь условиями окружающей среды. «Жизнепорождение» (жизнетворчество) – жизненная стратегия, определяемая в первую очередь самим человеком, способным культивировать в себе ресурсы и возможности, необходимые для его творческого бытия, реализации его планов и желаний, для творческого созидания [12]. Интересно, что, обе жизненные стратегии: «жизнепорождение» и «жизнеисчерпание» – способствуют приобретению духовного опыта. Н. В. Гришина и М. В. Салитова называют ситуации, требующие принятия решений, «переходными моментами» [6]. Полагаем, что «переходные моменты», о которых пишут Гришина Н. В. и Салитова М. В. – это моменты преодоления, которые зависят от личных качеств и обстоятельств. Интересно, что в светском понимании процесс преодоления направлен от человека, движение процесса преодоления как будто направлено извне: улучшить какие-либо результаты или показатели; а в религиозном понимании преодоление – это изменение в себе, и движе-

ние процесса преодоления направлено на себя. Таким образом, культура преодоления содержит и личный опыт субъекта, и совокупный человеческий опыт, который помогает адаптироваться в любой культурной ситуации. Рассмотрим культурную ситуацию в России XX века. На территории России в XX в. были пережиты: гонение церкви [8], коллективизация [5], сталинские репрессии [9]. В данном контексте возможно говорить о преодолении страданий, как о духовном опыте. Страдали и атеисты, и верующие люди. Автору важно отметить, что из переписи населения 1937 г. нам известно, что среди неграмотных православные верующие от 16 лет и старше составляли 67,9 %, а среди грамотных – 79,2 % [4]. Несмотря на опасные последствия положительного ответа в вопросе переписи о вере (после известных репрессий «безбожной пятилетки»), две трети населения страны назвали себя верующими, из них три четверти – православными [22]. Хотелось бы привести в связи с этим личный пример. Например, моя крёстная мама Александра Абрамова пела на клиросе и в непростые времена. «Не страшны бури житейские тому, у кого в сердце сияет светильник Твоего огня. Кругом непогода и тьма, ужас и завывание ветра. А в душе у него тишина и свет: там Христос! И сердце поет: Аллилуйя!» [2]. Русский философ Г. П. Федотов писал: «В те дни, когда административная ссылка приняла массовый характер, и чуть не ежедневно поезда увозят в Сибирь, в Соловки сотни студентов, солдат, купцов, интеллигентов, даже марксистов и сионистов, было бы странно, если бы не ссылали священников» [24]. Были погублены сотни тысяч священнослужителей и их семей [17], [13]. В рассказах оставшихся в живых родственников предстает страшная картина первой половины XX века: пострадал священнослужитель Рождественский Павел и вся его семья, пострадал Абрамов Ион, вся его семья в период коллективизации, пострадал талантливый морской офицер Тихонов Александр и вся его семья в период сталинских репрессий. Об этом периоде в истории России художественными средствами рассказывает третья часть симфонической поэмы Сергея Рахманинова «Колокола».

Отметим, что, преодолевая страдания, все люди, оказавшиеся в «жерновах истории», приобретали духовный опыт, сохранившийся в жизненном пространстве: и человеческом, и субъективном, и личном. Преодоление для субъекта – это психическая деятельность, направленная на преобразование показателей неопределенности: опасности, недостатков и неудовлетворенности. Эти показатели могут преобразовываться как в личностный рост, так и в сохранение человека и общества. События в истории XX в. научили людей терпению, смирению, выживанию в любых условиях, сформировали культуру преодоления. Таким образом, возможно говорить о преодолении как духовном опыте людей, переживших такие события. По нашему мнению, духовный опыт можно приобрести и в свободной атмосфере творчества и творческого созидания, грамотного педагогического процесса. Обращаясь к общечеловеческим ценностям, важно отметить, что именно гуманистические

психология и педагогика – помогают человеку сформулировать и сформировать свою личную жизненную позицию и стратегию. Модель воспитания, в основе которой лежит направление ставшей популярной в светском дискурсе гуманистической психологии, развивалась в 50–60-е гг. в США в трудах известных зарубежных ученых (Маслоу, Франк, Роджерс, Колли, Комбс и др.). Главными понятиями гуманистической педагогики являются «самоактуализация человека», «личностный рост», «развивающая помощь» [3, с. 74–84].

Важно понимать, что духовное пространство формируется постепенно, изменяясь, не застывая. Преодоление греха в себе, преодоление внутренних разногласий – это части формирования духовного опыта. С точки зрения автора, мы можем говорить о личностном росте, если сформировано духовное пространство. Изучение психологии и философии, социологии, религии, педагогики – это важные части духовного опыта и личностного роста. Личностный рост всегда связан с осознанием своих физических и психических границ, которые человек активно защищает и отстаивает. Автору важно сказать о духовном воспитании в школе. Лишь изредка в прессе и работах психологов можно видеть обращение к теме унижений человеческого достоинства в сфере образования. В России изучением подавления достоинства личности занимаются И. С. Кон, О. Л. Глазман, И. Бердышев. А. А. Бочавер и К. Д. Хломов. Учёные выделили три основных подхода к изучению «буллинга»: диспозициональный, темпоральный, контекстуальный. Разные ученые понимают «буллинг» как травлю, террор, насилие, модель поведения, агрессия, стереотип взаимодействия, ситуация и т. п. [21]. Профилактика «травли» должна включать в себя такие аспекты преодоления: предохранение, предупреждение, предостережение, устранение и контроль. Вопрос противостояния унижениям человеческого достоинства – важен: нам важно учить ребёнка с детства активно противостоять греху. Профилактикой, преодолением данных проблем должны заниматься и психологи в школе. Нужно сказать, что функция психолога в учреждениях образования зачастую формальна и сводится к массовой диагностике единичными скупыми тестами в начале и в конце учебного года, либо работой в комиссии для детей с ОВЗ, либо в команде с логопедом опять же для коррекции детей с ОВЗ. Речь, как правило, не идёт о коррекции психологом психологического состояния здорового ребёнка, ни о тренингах для здоровых учеников для мотивации к учёбе и жизненному тонусу. С точки зрения автора, терпение и смирение – важные гуманистические принципы, обеспечивающие психологическое благополучие педагогического процесса. Одновременно с этим возникает вопрос внешнего воздействия на формирование личности под влиянием одноклассников и учителей. К сожалению, в педагогической практике встречаются ситуации, когда педагог забывает, о том, что такое чувство меры, чувство собственного достоинства, такт, этикет общения, не следит за тембром голоса и манерой общения и подачи информации ученику. После такой учёбы ребёнку зачастую нужен

курс психотерапии. 72 % российских детей заявили, что им не нравится учиться в школе. Это на 7 % больше по сравнению с прошлым годом, говорится в результатах мониторинга Общероссийского народного фронта [ОНФ]. 65 % опрошенных пожаловались на нехватку времени на выполнение домашнего задания, а 59 % – на нехватку времени на хобби. Ещё 2 % детей признались, что «могут бросить школу, не дождавшись окончания обучения» [14]. Для сохранения мотивации к учёбе нужно учить детей осознанно устраняться от травматизации, уходить от «выученной беспомощности» [23]: устал – отдыхай; необходимо учить защищать свои физические и психические границы: тело и воля ребёнка неприкосновенны. В этом может помочь грамотно выстроенный педагогический процесс и психолог, доброта и вера. Для верующего человека важен и виден расцвет Церкви в России: государство и Церковь вместе, что важно. Происходит укрепление взаимодействия Церкви и общества, что необходимо для развития Церкви и для защиты христианского общества. В выступлении Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла подчеркивались вопросы сотрудничества Церкви и государства в деле восстановления памятников культуры, в воспитании молодежи, в социальной, иных сферах: «Мы несем определенные ценности нашему народу, в первую очередь нравственные ценности» [15].

Важно отметить, что есть учащиеся, которые в актуальной культурной ситуации выступают с авторскими духовными проектами о доброте и добровольчестве, волонтёрской деятельности. Например, в Челябинске известен социально значимый проект одного из лидеров школы № 14 – Алисы Ткачук. Это проект «Поколение Voluntime», который занимается информированием детей о том, что добрые люди и добрая помощь всегда рядом: экологическое волонтёрство, школьное добровольчество, помощь животным и др. Автор проекта – ученица 9 класса, дипломант городского конкурса «Юный глава города Челябинска и его команда» 2022/23 г. – организатор и ведущий серии добровольческих обучающих игр-практикумов от Ассоциации Волонтёров Южного Урала «Учусь добру» в городе Челябинске [16]. Автор проекта реализует идеи вместе с командой школы.

Духовное пространство личности однозначно связано с личностным ростом, с жизненным пространством. Как уже отмечалось выше, о духовном пространстве личности многое уже было сказано на теоретическом уровне. Однако в практическом плане представляется ценным рефлексия духовности, как способности человека понимать себя и другого, чувствовать и сопереживать, то есть становиться более человечным. Таким образом, духовный опыт приобретается и на пути преодоления, пути смирения, как преодоления гордыни. Преодоление – это процесс изменения между субъектами и объектами, предполагающий изменение действительности, либо изменение своего внутреннего запроса. В мире человеческих отношений преодоление является одним из продуктивных способов выживания, как процесс развития субъекта и

цивилизации. Говоря о преодолении в религии, имеют в виду необходимость преодоления греха в себе, преодоления страстей. Первыми средствами в этом называют всецелое устремление сокрушенного сердца к Богу, внимание к своей внутренней жизни, отвержение греховных прилогов, воздержание и молитва, сознательное исполнение заповедей Христовых преодолении над грехом в себе [7]. «Где нет тебя – там пустота. Где Ты – там богатство души, там живым потоком изливается песнь: Аллилуйя!» [2]. Такая личностная позиция может стать жизненной стратегией человека. «Когда Ты вдохновлял меня служить ближним, а душу озарял смирением, то один из бесчисленных лучей Твоих падал на мое сердце, и оно становилось светоносным, как железо в огне» [2]. Христианские принципы жизни – это и важные гуманистические принципы, обеспечивающие психологическое благополучие личности. Преодоление – волевой, творческий, личностный, самостоятельно регулируемый субъектом процесс. Таким образом, процесс преодоления страданий и негативных сценариев жизни формирует духовный опыт личности и культуру преодоления.

Список литературы

1. Азбука веры: православный портал. – URL: https://azbyka. ru. (дата обращения: 24.03.23).

2. Акафистник : полный православ. акафистник и молитвослов. – URL: akafistnik.ru (дата обращения: 24.03.23).

3. Васильева, О. С. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека / О. С. Васильева, Е. А. Демченко // Вопросы психологии. – 2001. – № 2. – С. 74–84.

4. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги / сост. Н. А. Араловец, В. Б. Жиромская, И. Н. Киселев. – Москва : Ин-т истории АН СССР, 1991. – С. 104–115.

5. Герич А. А. Из опыта коллективизации в СССР: этапы, итоги / А. А. Герич, Е. А. Купцова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 10–1. – С. 174–176. – URL: cyberleninka.ru/article/n/iz-opyta-kollektivizatsii-v-sssr-etapy-itogi (дата обращения: 23.03.23).

6. Гришина, Н. В., Жизненное пространство и феноменология: сборник статей / Н. В. Гришина, С. Н. Костромина. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. – 532 с.

7. Двинянинов, Н. Культура преодоления / Н. Двинянинов // Православие. фм : интернет-журнал правосл. общественности. – URL: pravoslavie. fm/https://pravoslavie. fm/review/kultura-preodoleniya (дата обращения: 24.03.23).

8. Емельянов, Н. Е. Гонения на Русскую православную церковь (1917–1950-е годы) / Н. Е. Емельянов, О. И. Хайлова // Россия и современный мир. – 2008. – № 4 (61). – С. 111–128. – URL: cyberleninka.ru/article/n/goneniya-na-russkuyu-pravoslavnuyu-tserkov-1917–1950-e-gody (дата обращения: 23.03.23).

9. Зайцева, Д. А. Сталинские репрессии и их последствия / Д. А. Зайцева // Символ науки: международный научный журнал. – 2016. – № 12–3. – С. 33–36. – URL: cyberleninka. ru/article/n/stalinskie-repressii-i-ih-posledstviya (дата обращения: 23.03.23).

10. Ильин, И. Аксиомы религиозного опыта / И. А. Ильин. – Москва : АСТ, 2002. – 586, [6] с. – (Philosophy).

11. Левин, К. Теория поля в социальных науках / К. Левин ; пер. с нем. Е. А. Сурпиной. – Москва : Академический проект, 2017. – 313 с. – (Психологические технологии. Социальная психология).

12. Мир словарей. – URL: http://slovari.yandex.ru. (дата обращения: 23.03.2023).

13. Мозохин, О. Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953) / О. Б. Мозохин. – Москва : Кучково поле, 2006. – 480 с.

14. Опрос ОНФ: 72% российских детей не любят учиться в школе. – URL: mel.fm/novosti/7096481-opros-onf72-rossyskikh-detey-ne-lyubyat-uchitsya-v-shkole (дата обращения: 27.03.23).

15. Патриарх Кирилл: Церковь и государство не сращиваются, а сотрудничают // Фома. ру. – URL: foma.ru/patriarx-kirill-czerkov-i-gosudarstvo-ne-srashhivayutsya-a-sotrudnichayut. html (дата обращения: 24.03.23). – Дата публикации: 05.09.2012.

16. Поколение VolunTime : [страница сообщества] // ВКонтакте : социальная сеть в интернет. – URL: vk.com/voluntime (дата обращения: 24.03.23).

17. Синильщиков, В. Статистические данные о гонениях на церковь в СССР в 1918–1953 гг. / В. Синильщиков // Православный блог : апологитический интернет-журнал. – URL: https://pravblog. ru/istoriya/statisticheskie-dannye-o-goneniyah-na-tserkov-v-sssr-v-1918–1953-gg/ (дата обращения: 20.03.23). – Дата публикации: 21.12.2020.

18. Смирнова, Е. Ю. Особенности формирования духовного опыта личности / Е. Ю. Смирнова // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки: Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика. – 2012. – Т. 18. С. 280–282. – URL: https://cyberleninka.ru/viewer_images/14016785/f/1. png. (дата обращения: 24.03.23).

19. Ткачук, И. Б. Психологическое благополучие личности в актуальной культурной ситуации / И. Б. Ткачук // Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века. – Челябинск : ЧГИК, 2023 – С. 94–99.

20. Трофимова, Г. И. Духовное пространство / Г. И. Трофимова, В. Г. Черемисина // Символ науки: международный научный журнал. – 2016. – № 1–3 – С. 236–243.

21. Харисова, М. М. Профилактика буллинга в подростковой среде. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2018. – 118 с.

22. Цеханская, К. В. Россия: тенденции религиозности в XX в. (некоторые статистические данные) // Исторический вестник. – Воронеж : Изд-во Воронежко-Липецкой епархии, 2000. – № 5. – С. 170–182.

23. Seligman, Martin E. P. With 29 New positive psychology: A scientific view of happiness and. the meaning of life. – M.: Sofia, 2006. –368 p.

24. Федотов Г. П. Статьи 1920–30-х гг. / Г. П. Федотов // Предание.ру : медиатека. – URL: predanie.ru/fedotov-georgiy-petrovich/stati-1920–30-h-gg. (дата обращения: 23.03.23).

УДК 141.319.8

Унрау Виталий Владимирович

Челябинский государственный университет,
кафедра зарубежного регионоведения,
политологии и восточной философии,
старший преподаватель

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ДУХОВНОГО ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА В ВИРТУАЛЬНОМ МИРЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема сохранения духовного здоровья в условиях высокой динамики жизни общества, инфляции ценностей и возникновения виртуального пространства, обеспеченном новыми видами информационных и коммуникационных технологий, в котором человек не только получил возможность самореализоваться, но и столкнулся со сломом традиционных социальных преград, связанных с ограничениями в общении между разными социальными слоями населения. Все это предлагается рассматривать как причину нарушения стабильности человека, приводящее к духовному обеднению, где «духовное» перестает выполнять функцию преображения телесного, психического и субъективного в собственно человеческое в человеке.

Ключевые слова: духовное здоровье, личность, мораль, инфляция ценностей, виртуальный мир

Unrau Vitaly Vladimirovich
Chelyabinsk State University, Department of Foreign Regional Studies, Political Science and Eastern Philosophy, Senior Lecturer

THE PROBLEM OF PRESERVING A PERSON'S SPIRITUAL HEALTH IN THE VIRTUAL WORLD

Annotation. The article deals with the problem of preserving spiritual health in conditions of high dynamics of society, inflation of values and the emergence of a virtual space provided with new types of information and communication technologies, in which a person not only had the opportunity to self-actualize, but also faced the breakdown of traditional social barriers associated with restrictions in communication between different social strata of the population. All this is proposed to be considered as the cause of a violation of human stability, leading to spiritual impoverishment, where the «spiritual» ceases to perform the function of transforming the bodily, mental and subjective into the human proper in man.

Keywords: spiritual health, personality, morality, inflation of values, virtual world

Тема здоровья человека продолжает оставаться одной из актуальных и рассматриваемых в современной науке. Хорошее здоровье – необходимое условие для выполнения человеком его биологических и социальных функций, выражающихся в реализации его физического и духовного потенциала. Согласно Преамбуле к Уставу Всемирной организации здравоохранения, здоровье является «…состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов» [6]. Оно рассматривается и связывается с комплексом, составляющим мир человека и входит в его природу (не только биологическую, социальную, но и духовную). Комплекса, представляющего собой его бытие-в-мире. Все элементы этого комплекса оцениваются с точки зрения того, насколько они обеспечивают человеку благополучие или соответствуют его благополучному существованию. Можно сказать, что здоровье предполагает физическое (телесное), душевное (психологическое) и духовное благополучие (это все соответствует пониманию природы человека как единства тела, души, духа), а также благополучие человека как социального существа, его культурного благополучия. Особенно это актуально в условиях интенсивно развивающегося информационного общества, где одним из ключевых факторов, влияющих на человека, становится виртуальный мир, создаваемый новейшими технологиями и различными способами коммуникаций, оказывающих воздействие не только на физическое состояние людей, но и на их духовное развитие и как следствие этого, духовное здоровье. Последнее нередко отождествляется с психическим здоровьем, определяемым как «состояние психического благополучия, которое позволяет людям справляться со стрессовыми ситуациями в жизни, реализовывать свой потенциал, успешно учиться и работать, а также вносить вклад в жизнь общества» [См.: 6]. Однако отождествлять психическое и духовное здоровье неверно, так как первое связано с возникновением психопатологических состояний, сопряженных со стрессом и возможными функциональными нарушениями, тогда как духовное здоровье имеет другое содержание, к которому относятся морально-

нравственные качества личности, позволяющие человеку устремляться к высшим смыслам бытия, таким, как доброта, красота, справедливость. Можно сказать и так: человек духовно здоров только тогда, когда его жизнь наполнена идеалами гуманизма, взаимопомощи и пронизана социально-оптимистическими устремлениями [4, с. 700], включающими в себя «акты трансценденции, метафизического воспарения к высшим идеалам и нравственным ценностям» [1, с. 93], формирующим основные жизненные установки, влияющие на становление внутреннего мира человека и его поведение в обществе. В здоровом человеке его духовное составляющее, выражается не только в личностном потенциале, но и в его социальной ориентированности.

И здесь уже можно поставить вопрос: а насколько в современном мире возможно сохранить подобное духовное здоровье, особенно в условиях высокой динамики жизни общества, инфляции ценностей и возникновения виртуального пространства, обеспеченном новыми видами информационных и коммуникационных технологий, в котором человек не только получил возможность самореализоваться, но и столкнулся со сломом традиционных социальных преград, связанных с ограничениями в общении между разными социальными слоями населения?

Виртуальный мир создал условия одновременного пребывания человека в нем и реальности. Он стал, своего рода, Со-бытием, альтернативным миром, где тот, не только присутствует, но и «живет», так как, благодаря информационным технологиям, Со-бытие становится необходимостью, без которой невозможно удовлетворение базовых потребностей в современном мире. Например, без интернета и информационных сетей теперь очень сложно организовать успешное ведение бизнеса, создаваемого для удовлетворения материальных и духовных потребностей. Потребность в общении реализуется через информационные сети, при помощи компьютера и различных гаджетов. Все это делает человека «информационным индивидом», обладающим набором определенных качеств, реализуемых в информационном пространстве. К ним можно отнести: умение использования современных коммуникационных форм, наличие навыка нахождения информации, умение использования различных программ в повседневной жизни и т. д.

Появление информационного человека обостряет проблему духовного здоровья, в контексте которой, он и его личность должна пониматься как интегральная целостность «биогенных, психогенных, социогенных моментов и соответствующих подструктур, ядром которых выступает внутренний духовный мир» [3, с. 56], объединяющий эмоции, чувства, память, мировоззрение, интересы, ценности, то, что делает отдельного человека уникальным и неповторимым.

Между тем именно в виртуальном мире эта целостность, нередко, распадается, приводя к «раздвоению личности», в связи с возможностью выбора человеком себе любого образа, скрывшись за псевдонимом. Подобная «раздвоенность» порождает новые чувственные переживания, сопровождающие-

ся увеличением Alter ego, приводящем, по мнению Э. А. Бирюковой, к минимизации способности критического анализа влияния, оказывающего информационным миром на человека и его жизнь [1, с. 94]. Это вызывает нарушение или даже слом стержневых, казавшихся нерушимыми, моральных императивов, традиционно способствующих сохранению целостности личности и как следствие этого, духовного здоровья. К ним можно отнести, например, следование определенным моральным нормам, не допускающим агрессивного, порой враждебного, отношения к инакомыслящим собеседникам. «Раздвоение человека» в виртуальном мире, находит свое выражение в допущении ухода от реальности через создание своего «двойника», наделенного несуществующими качествами, такими, например, как мужественность, оригинальность, экстравагантность, мудрость и т.п., не присущим личности в реальном, физическом, мире. Все это становится возможным в условиях полусубъектных (сетевых) отношений, когда обмен информацией определяется сетевыми структурами и взаимодействием множества различных субъектов, в рамках которых нет необходимости сохранять свою реальную личность.

Погружение человека в виртуальный мир, где он перестает быть самим собой, может привести к потере самости и ее расщеплению, вызывающему ощущение духовной неустойчивости [7, с. 203] и моральной пустоты по причине, как уже было сказано выше, отсутствия единого, связывающего реальный и виртуальный миры внутреннего, духовного императива, который, всегда должен быть наполнен не материальными потребностями и желанием получения удовольствия, а высокими духовно-нравственными ориентирами, позволившими человеку возвысится над всеми другими живыми существами. Именно с таким содержанием связано духовное здоровье, и именно оно подвергается наибольшему искажению в виртуальной реальности. Этим же объясняется оскудение внутреннего мира человека и «уменьшении в нем духовности» [Там же], когда речь идет о его погруженности в информационное пространство.

«Растворяясь» в выдуманных личностях и теряя единый стержень объединяющего реальное Я с его виртуальным двойником, человек способствует расцентровке самого себя и появлению «человека – ризомы», как назвал подобный феномен А.В.Яловенко [8, с. 37–41], когда уже не приходится говорить о его целостностии соотнесении всего, что он делает, с его внутренними, фундаментальными установками. Все это нарушает стабильность человека и приводит к духовному обеднению, где «духовное» перестает выполнять функцию преображения телесного, психического и субъективного в собственно человеческое в человеке [2]. И в этом случае уже можно говорить о нарушении духовного здоровья.

Ярким показателем сказанного служит моральный релятивизм, присутствующий в виртуальном мире, связанный с соблюдением локальных правил морального поведения, устанавливаемых людьми, в зависимости от их предпочтений. В отличие от высших моральных принципов, ориентированных на соблюдение общечеловеческих ценностей в любой жизненной

ситуации, локальные моральные правила позволяют участнику виртуального мира не только вести себя не воспитанно, но и самому устанавливать правила виртуального поведения, не соотнося его с культурными нормами в реальном мире. Подобная «относительная мораль», как отмечает Г. В. Ожиганова, обслуживает эгоистические потребности личности и очень «удобна для оправдания многих неблаговидных поступков и в крайних вариантах приводит к реализации принципа «все дозволено». И может скатиться, продолжает она, к теории «Добродетель эгоизма». [5, с. 639].

Подводя итог, отметим: созданный виртуальный мир сформировал условия, вызывающие нарушение духовного здоровья человека. Это привело к слому системы личностных приоритетов, зависящих от его способности сохранять ориентацию на моральные идеалы, понимаемые как духовно-нравственные добродетели. Можно предположить: динамичное движение информации, новые формы самопрезентации, появившиеся в информационном пространстве, лишают современных людей способности к рефлексии, на которую у них попросту не хватает времени. Это породило ситуацию, когда духовное здоровье уже не может созидаться традиционными способами, а это ставит вопрос о поиске выхода из создавшегося положения, позволяющего сохранить духовное здоровье в новом пространстве, созданном человеком для собственного же блага. Ответ на него, вероятно, лежит в необходимости более глубокого осмысления тех духовных изменений, с какими он столкнулся в информационную эпоху, а также в сохранении направленности воспитания в нем устремленности к сохранению своего Я, посредством следования неизменяемым ни в реальной, ни в виртуально-информационном мире морально-нравственным ориентирам.

Список литературы

1. Бирюкова, Э. А. Философская оценка влияния виртуально-социальных коммуникаций на духовное здоровье человека // Вестник Университета Российской академии образования. – 2010. – № 3. – С. 92– 95.

2. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А.Тишков. –М.: Просвещение, 2011. – 29 с.

3. Каратаева Н. А. Духовная основа становления личности. – Екатеринбург: Изд-во УрИБ, 2007. – 200 с.

4. Матусевич, М. С. Экзистенциальный, моральный, ментальный аспект духовного здоровья // Молодой ученый. – 2016. – № 4 (108). – С. 700–703.

5. Ожиганова Г.В. Духовно-нравственные качества личности и эмпатия как компоненты высших моральных способностей: верификация взаимосвязи на российской выборке // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2020. – Vol. 17. – No. 4. – С. 637–655.

6. Понятие психического здоровья. – URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response (дата обращения: 20.03.2023).

7. Ситкевич Н. В. Социально-философские аспекты мировоззренческих трансформация в информационном обществе // Вестник Поволжского института управления. – 2010. –№ 2(23). – С.199–204.

8. Яловенко А. В. Самоопределение в ситуациях постмодерна // Вестник Воронежского государственного технического университета. Сер.: Гуманитарные науки. Вып. 9.1. – 2002. – С. 35–43.

II. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ОРИГИНАЛЬНОСТЬ И ВЛИЯНИЯ ОТ ИСТОКОВ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 23/28

Шулежкова Светлана Григорьевна
Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, кафедра русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, доктор филологических наук, профессор
Михин Артём Николаевич
Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, кандидат филологических наук

РОЛЬ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ ХРИСТИАНСКОЙ ТЕМАТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕРОССИЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. Объект нашего исследования – описанные в «Большом фразеологическом словаре старославянского языка» устойчивые словесные комплексы, которые отражают мировоззрение средневековых славян, принявших крещение. Авторы доказывают перспективность диахронического лингвокультурологического анализа судеб сверхсловных единиц христианской тематики. Выявляя истоки и пути формирования системы ценностей России, они приходят к выводу о том, что ядром менталитета современных её граждан является православие.

Ключевые слова: Славия, христианизация, православные ценности, сверхсловные вербализаторы, диахрония, общероссийские идеологемы

Shulezhkova Svetlana Grigorievna
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Doctor of Philology, professor
Mikhin Artem Nikolaevich
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Candidate of Philology, Lexical Research Laboratory, Senior researcher

THE ROLE OF SET PHRASEOLOGICAL UNITS OF CHRISTIAN CONTENT IN THE FORMATION OF ALL-RUSSIAN VALUES

Annotation. The article deals with the analysis of the set phraseological units which reflect the worldview of the baptized medieval Slavs. The lexical material is taken from the «Big Phraseological Dictionary of the Old Church Slavonic Language». The authors prove the promise of the diachronic linguoculturological analysis of the fate of the superword units of Christian content. Identifying the origins and ways of formation of the Russian value system, they come to the conclusion that Orthodoxy is the core of the mentality of modern Russian citizens.

Keywords: Slavia, Christianization, Orthodox values, superword verbalizers, diachrony, all-Russian ideologemes

Создавая «Большой фразеологический словарь старославянского языка» [3], мы, вслед за Н. И. Толстым, строго придерживаемся «метода синхронных срезов, то есть рассмотрения хронологически одновременно написанных или переписанных памятников…» [13, с. 67]. Источниками для БФССЯ послужили лишь памятники, созданные в X – XI вв. При этом, как и Н. Н. Дурново [8, с. 391–495], О. Н. Трубачёв [14, с. 23–26], Н. И. Толстой [13, с. 66–89], Е. Н. Верещагин [6; 7] и другие отечественные учёные, мы исходим из того, что старославянский язык был общим литературным языков всей Славии, а не только Восточной Болгарии, а потому к источникам его изучения относим и богатейший фонд памятников, возникших на территории Древней Руси, ибо «русские рукописи, восходящие к ю.-сл. орфографической традиции первой половины XI в., имеют большое значение, помогая судить и о самом ст.-сл. языке, и об эволюции его у южных славян в X и XII вв. с большей ясностью, чем это можно сделать, пользуясь памятниками только ю.-сл. письма» [8, с. 392]. Как справедливо пишет Н. И. Толстой, «Возникши в качестве литературного языка, старославянский язык оказался тем эталоном-моделью, который определил формальную, в значительной степени лексическую и даже стилистическую сторону древнеславянского литературного языка почти всей его истории» [13, с. 69].

Долгое время старославянский язык рассматривался либо как база для реконструкции праславянского языка, либо (в диахронических исследованиях) для объяснения фонетических или грамматических процессов, происходивших в конкретных славянских языках [13, с. 67–68]. «С позиции науки о литературном языке старославянский язык стали рассматривать лишь недавно и то преимущественно в плане его внешней истории, однако не менее важной является задача внутреннего рассмотрения старославянского языка как структурного целого, оказавшегося после своего возникновения в качестве литературного языка в определённых коррелятивных отношениях с живыми славянскими…» [13, с. 68]. Лишь во второй половине ушедшего столетия произошёл качественный перелом в исторической славистике: начали издаваться собственно старославянские словари и монографии, в которых анализируется лексический уровень общеславянского литературного языка Средневековья как система [5; 9; 10; 11; 12; 16; 17]. В 2011 г. был опубликован и пробный «Фразеологический словарь старославянского языка» [15], за которым последовали первые тома «Большого фразеологического старославянского словаря» (БФССЯ) [3]. Таким образом создаётся база для более широкого и объективного исследования влияния общеславянского литературного языка Средневековья на формирование менталитета народов, унаследовавших старославянский как сакральный язык православия.

Будучи итогом переводческой деятельности первоучителей славян, старославянский язык обладает развёрнутой фразеологической системой

(авторы БФССЯ опираются на картотеку, насчитывающую около четырёх с половиной тысяч устойчивых словесных комплексов (УСК), обнаруженных в результате сплошной выборки из памятников X – XI вв.). Эти сверхсловные единицы создавались солунскими братьями и их учениками для обозначения христианских понятий в качестве калек или полукалек греческих оборотов или при переводе греческих слов, для которых сложно было найти в общеславянском наречии однословные эквиваленты. К X – XI вв. данные обороты уже успели пройти «обкатку» в рукописной, а также в богослужебной практике и стали полноправными элементами старославянской языковой системы.

Значительная часть старославянских УСК обладает «нравственной заряженностбю». Обогатив и скорректировав постулаты, выработанные славянами в дохристианский период, они сыграли большую роль в формировании аксиологической системы Древней Руси и её наследницы – России. Исследуя фразеологические средства старославянского языка, отражающие нравственные ценности средневековых славян, мы используем термины *ценности*, *антиценности* и *диады,* предложенные фразеологом Л. К. Байрамовой [1, с. 4–5]. Поля вербализаторов, объединённых в диады «Бог» – «Сатана», «Добро» – «Зло», «Истина» – «Ложь», «Святость» – «Греховность», «Отечество» – «Чужбина», «Мужчина» – «Женщина», «Вера» – «Безверие», «Правая вера» – «Злая вера», «Царствие небесное» – «Царствие земное», «Здравие» – «Болезнь», «Милосердие» – «Жестокость», «Жизнь» и «Смерть» и др., в X – XI вв. содержали немало УСК, ряды которых, пройдя через тысячелетнюю историю, трансформировались, пополнялись новыми сверхсловными единицами, отражавшими изменения в менталитете восточных славян в соответствии с тем, что происходило в их исторической судьбе, в культурной и социальной жизни.

Анализ нравственно заряженных УСК из древних славянских рукописей свидетельствует о том, что основы современного российского менталитета были заложены в священных книгах, пришедших на Русь более тысячи лет тому назад. В русском языке они неизбежно приобретали черты, свойственные русскому национальному характеру. Всемирно известный автор оригинальной теории семантической лингвистики А. Вежбицкая в книге «Русский язык» соглашается с теми учёными, которые, изучая русский национальный характер, постоянно подчёркивали «стремление русских к этической манере выражения», и замечает: «Так же поступают русские мыслители, которые противопоставляют моральной ориентации русских рациональной ориентации западноевропейцев» [4. с. 37]. Особый интерес применительно к нашей теме имеют те разделы работы А. Вежбицкой, которые названы «Антирационализм», «Любовь к моральным суждениям», «Эмоциональность», Категорические моральные суждения» [4, с. 36–41, 79–84]. Не случайно вербальные поля названных выше диад активно пополнялись многочисленными УСК, содержащими, с одной стороны, компоненты с корнями *благ-, добр-, люб-,*

мил-, а с другой – УСК с компонентами, содержащими корни *зл-* (из *зъл-*), блуд-, пакост-, хул-, вред- и пр.

Остановимся на анализе только нескольких ценностей, которые приобрели особую актуальность в наши дни, когда Россия, встала на защиту русских граждан, подвергшихся беспрецедентной дискриминации со стороны нацистского режима на Украине, и даже вынуждена была начать специальную военную операцию (СВО), чтобы добиться денацификации и демилитаризации когда-то дружественной нам страны. Сегодня на своих западных рубежах Россия, отстаивая свой суверенитет, одновременно защищает свои цивилизационные ценности. Наши бойцы воюют с армией, которая намеренно уничтожает города и сёла, убивает мирных жителей. На Украине православные христиане, наши братья и сёстры, подвергаются гонениям: их церкви захватываются силой, священников избивают, а монахов выдворяют из их обителей. В такой ситуации наиболее ярко проявляются такие ценности российских граждан, как *любовь к Родине*, *равенство, братство* и *милосердие*.

Равенство и *братство* были провозглашены Иисусом Христом тогда, когда рабство и социальная градация с бесправием и нищетой низших слоёв общества считались вполне естественными. Сам Иисус, вызывая недоумение и даже гнев со стороны книжников и фарисеев, своим поведением доказывал, что любой человек, как бы низко он ни стоял на социальной лестнице, достоин внимания и сочувствия. Он мог делить трапезу с мытарями, исцелять встреченных на дорогах больных нищих, очищать прокажённых, спасать от побивания камнями падшую женщину и, даже испытывая страшные мучения во время казни на кресте, дарить надежду разбойнику: распятый рядом с Сыном Божиим, тот так же страдал, как невинный Христос. Наиболее чётко идея Христа о равенстве всех людей перед Господом дошла до наших дней в Послании к Коринфянам апостола Павла, который, обращаясь к новообращённым христианам, писал: «А теперь вы отложите всё: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где ***нет ни Еллина, ни Иудея,*** ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, но все и во всём Христос» (Колос 3: 8–11) [2, с. 1292]. Эта же мысль содержится в Послании апостола Павла к Галатам: «… закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою; по пришествии же веры, мы уже не под *руководством* детоводителя. Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. ***Нет*** *уже* ***Иудея, ни язычника; нет раба,*** *ни свободного; нет мужеского пола, ни женского*: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал 3: 24–28) [2, с. 1276]. И если, цитату из Послания к Колоссянам современники апостола Павла могли воспринять как обращённую только к мужчинам, то здесь становится ясно:: Христос провоз-

глашает и *равенство между мужчинами и женщинами,* что было революционным вдвойне. Оборот *нет ни Еллина, ни Иудея* обрёл крылатость и, будучи книжным, стал использоваться в публицистическом дискурсе в значении ‘Все люди (и женщины, и мужчины) равны перед Богом; нет народа лучше или хуже других’. Заложенная в этом УСК идея равенства всех людей оказалась настолько привлекательной, что породила впоследствии протестные формулы, направленные против классовой несправедливости. Вспомним хотя бы чрезвычайно популярный в XIV в. среди восставших английских крестьян вопрос *Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был господином?*, сформулированный лишённым сана проповедником Джоном Боллом, или знаменитый лозунг Французской революции *Свобода, равенство, братство!*, ставший интернациональным и надолго завладевший умами российских революционеров. *Равенство* же и *братство* стали ключевыми ценностями многонациональной и поликонфессиональной Российской Федерации.

В тяжёлые военные годы граждане России вспоминают фразу Иисуса Христа из речи, с которой тот обращался к своим ближайшим ученикам, уже зная о том, что ему грозит позорная казнь на кресте: «Вот заповедь моя. Любите друг друга, как я любил вас. *Нет больше той любви, чем любовь того, кто* ***душу (жизнь) готов отдать за друзей своих***» (Ин 15: 13) [2, с. 1151]. В высокой публицистической речи процессуальный УСК, восходящий к этой фразе, обычно произносится с сохранением церковнославянской концовки: ***душу / жизнь положить за други своя***. Данный оборот стал выражать готовность человека пожертвовать собственной жизнью ради спасения друзей, близких. Он символизирует высшую степень проявления *братства*. Не случайно в своей речи, посвящённой годовщине присоединения Крыма, президент России В. В. Путин сказал: «Мне приходят в голову слова из Священного Писания: “Нет больше любви, как если бы кто-то **отдал душу свою за друзей своих**”».

Уже год прошёл после начала специальной военной операции, и о том, насколько важны для российских граждан ценности *равенство, братство* и *отечество,* свидетельствуют и многонациональный состав наших войсковых подразделений, участвующих в СВО (где плечом к плечу сражаются русские, чеченцы, татары, башкиры, белорусы, кабардинцы, якуты, ненцы и представители многих других этносов нашей страны), а также символы и лозунги, которыми вдохновляют наших воинов. Назовём только некоторые из них: *Za наших*!, *Русские своих не бросают!*, *Za Россию!, Za Родину!, Мы Vместе!, Za правду!*, *Za мир!? Vместе Za мир!, Za пацаноV!, Zаканчиваем войны!, Za детей Донбасса!* Стоит ли удивляться тому, что в интернациональном добровольческом батальоне «BorZ» (в переводе с чеченского, означающего ‘Волк’), где воюют командир подразделения Дорошин, потомок императора Николая I и бывший офицер французской ар-

мии, дончанин по происхождению, Серж Монье, вспоминают о дореволюционном российском лозунге «**Za веру** (, царя) **и Отечество!**»

В аксиологической системе граждан современной России, наряду с ценностями *дружба, добро, справедливость, честность,* одно из ведущих мест начала занимать ценность *милосердие*. Этой ценности православие, как и другие ведущие конфессии нашей страны (ислам, иудаизм, буддизм) всегда придавало огромное значение. Когда-то основатель христианства Иисус Христос призвал всех своих последователей: *Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд* (Лк 6: 36) [2, с. 1092]. *Милосердию* издавна противопоставляются антиценности *жестокость* и *равнодушие*. Наиболее полно и открыто *милосердие* проявляет себя в волонтёрском движении, однако время породило и массу параллельных объединений неравнодушных граждан России, благородная цель которых – оказание всевозможной помощи (материальной и духовной) всем, кто тяжело пострадал в условиях СВО, – и гражданам, потерявшим кров, и детям, оставшимся сиротами, и тем, кто был ранен и нуждается в уходе, и тем, кто, рискуя жизнью, сражается на линии соприкосновения. Всесторонняя поддержка со стороны граждан нашей большой страны выражена в девизах *Мы вместе!, Мы с вами!*

Таким образом, граждане России унаследовали от своих предков ядро аксиологической системы, обогащённое в период христианизации через общеславянский сакральный язык. Сверхсловные вербализаторы концептов, отмеченных нравственной семантикой, пройдя через тысячелетие, во многом способствовали тому, что российское общество способно и сегодня успешно отстаивать свою самобытную культуру, независимость и традиционные ценности, к важнейшим из которых относятся *равенство, братство и милосердие*.

Список литературы

1. Байрамова Л. К. Счастье и несчастье как ценность и антиценность во фразеологической парадигме. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. –276 с.

2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Изд. Московской патриархии, 1983. –1372 с.

3. Большой фразеологический словарь старославянского языка: в 5 т. Т. 1 / С. Г. Шулежкова, С. А. Анохина, А. А. Осипова, А. Н. Михин, В. Ф. Хайдарова / гл. ред. С. Г. Шулежкова. Науч.-исслед. словарная лаб. МГТУ им. Г. И. Носова. – М.: ФЛИНТА, 2020. Т. 1. 552 с.; Т. 2 / С. Г. Шулежкова, В. Ф. Хайдарова, А. Н. Михин / гл. ред. С. Г. Шулежкова. Науч.-исслед. словарная лаб. МГТУ им. Г. И. Носова. – М.: Флинта, 2022. 560 с.

4. Вежбицкая А. Русский язык (*перевод Г. Е. Крейдлина*) // А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. – М.: Русские словари, 1997. – С. 33–88.

5. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М.: Индрик, 2002. –336 с.

6. Верещагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Ч. I. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1971. –255 с.

7. Верещагин Е. М. Кирилло-Мефодиевское книжное наследие. Межъязыковые, межкультурные и междисциплинарные разыскания. С двумя приложениями. – М.: Индрик, 2012. –570 с.

8. Дурново Н. Н. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 391–495.

9. Ефимова В. С. Наименования лиц в старославянском языке: способы номинации и приоритеты выбора / отв. ред. А. Ф. Журавлёв. – М.: ИСл РАН, 2011. –224 с.

10. Ефимова В. С. Пути формирования старославянского лексического фонда: монография. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2021. – 264 с.

11. Старобългарски речник: в 2 т. / Българска Академия на науките; отг. ред. Д. Иванова-Мирчева. София: Валентин Траянов. – Т. 1. А–Н, 1999. – 1028 с.; Т. 2. О–V, 2009. –1326 с.

12. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): ок. 10 000 слов / Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др.; под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М.: Рус. яз., 1994. –842 с.

13. Толстой Н. И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // Избранные труды. Т. II. Славянская литературно-языковая ситуация. – М.: Языки русской культуры, 1998. –С. 66–89.

14. Трубачев О. Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. – М. : Наука, 1992. –186 с.

15. Фразеологический словарь старославянского языка / Науч.-исслед. словарная лаборатория МаГУ; отв. ред. С. Г. Шулежкова; чл. редкол. : М. А. Коротенко, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова. – М.: Флинта : Наука, 2011. – 424 с.

16. Цейтлин Р. М. Лексика древнеболгарских рукописей X – XI вв. – София: Болгпрская Академия наук, 1986. – 355 с.

17. Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка: Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X – XI вв. – М.: Наука, 1977. – 236 с.

УДК 002.2 (16)

Павильч Александр Александрович

Белорусский государственный экономический университет,
кафедра философии,
доктор культурологии, профессор

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX В.

Аннотация. В статье анализируется опыт изучения памятников древнерусской письменности в школьной образовательной среде России XIX – начала XX в. На основе рассмотрения правительственных распоряжений и учебно-методической документации определена роль произведений древнерусской литературы в образовательном процессе, осуществлена критическая оценка их педагогического потенциала, выявлены методологические подходы и принципы изучения древнерусской книжной культуры в общеобразовательных учебных заведениях.

Ключевые слова: наследие книжной культуры, памятники древнерусской письменности, педагогический потенциал, религиозное воспитание, Россия XIX – начала XX в., гимназия, реальное училище

Pavilch Alexander Alexandrovich

Belarus State Economic University Department of Philosophy, Doctor of Cultural Studies, Professor

PEDAGOGICAL POTENTIAL OF OLD RUSSIAN LITERATURE IN RUSSIA 19TH – EARLY 20TH CENTURY

Annotation. The article deals with the monuments of ancient Russian literature ’s the experience of studying in the school educational environment of Russia 19th – early 20th century.

The role of works of Old Russian literature in the educational process based on the consideration of government orders and educational and methodological documentation is determined, a critical assessment of their pedagogical potential is carried out, methodological approaches and principles for studying Old Russian book culture in educational institutions of general education are identified.

Keywords: legacy of book culture, monuments of ancient Russian writing, pedagogical potential, religious education, Russia 19 – early. 20th century, gymnasium, real school

Последовательное освоение наследия книжной культуры в образовательном пространстве обеспечивает введение человека в систему знаний, ценностей, норм, идеалов, имеющих существенное значение в развитии личности. Словесное искусство, как продукт творчества, всегда соотносится с определенной исторической эпохой и несет в себе духовный след своего времени, являясь транслятором закодированного в художественных образах и сакральных смыслах комплекса информации о ценностных ориентирах и нормативных параметрах жизнедеятельности социокультурной среды. Начало системного изучения памятников древнерусской религиозной письменности относится к XIX в. и связано с активным историко-литературным исследованием книжной культуры. Образовательная политика и школьные реформы в России в XIX в. отличались особым вниманием к вопросам религиозного воспитания и просвещения, и этому способствовало преподавание закона божьего. Наиболее благоприятной средой для христианского просвещения стали церковно-приходские школы, которые по Положению 1864 г. являлись одним из типов начальных народных училищ. После 1917 г. правительством большевиков они были реорганизованы. Согласно Декрету от 20 января 1918 г., во всех государственных и частных учебных заведениях, где преподавались общеобразовательные предметы, изучение религии не допускалось.

Знакомство с особенностями структурирования содержания школьного литературного образования в России дооктябрьского периода позволяет определить принципы отбора литературного материала и место памятников восточнославянской письменности в процессе освоения наследия древнерусской книжной культуры [4, с. 11]. Утвержденный 5 ноября 1804 г. Устав учебных заведений, подведомственных университетам, вообще не предусматривал в учебном плане гимназий изучение русского языка, не говоря уже о древней словесности, поскольку Главное Правление училищ, видимо, считало достаточным курс русского языка уездного училища, окончание которого давало право поступления в гимназию [1, с. 27]. В соответствии с учебным планом 31 октября 1811 г., предоставленным министру народного просвещения его попечителем С. С. Уваровым, в гимназический курс русского языка в 1-м классе входило церковное чтение в объеме четырех часов, а в 7-м классе предусматривалось изучение истории словесности в таком же объеме [1, с. 57]. Согласно Уставу 1828 г., в учебный план гимназий в пределах курса «Российская словесность» входило

ознакомление учеников 7-го класса с краткой историей словесности [1, с. 123]. В 1816 г. С. С. Уваров предложил во всех гимназиях программу, которая наряду с катехизисом и библейской историей, предусмотренных во всех классах, включала изучение грамматики русского языка и истории литературы.

Памятники восточнославянской письменности включались в школьный курс словесности преимущественно с целью ознакомления учащихся с историческим развитием языка и стиля. Ф. И. Буслаев, указывая на недостаточное внимание к изучению литературных памятников в гимназиях, подчеркивал, что краткое знакомство с церковной письменностью необходимо каждому образованному человеку, хотя бы для Понимания Священного Писания и церковной службы [3, с. 62–63]. Ф. И. Буслаев в своем отзыве на программу русского языка и словесности, разработанную учителями гимназий Московского учебного округа на съезде 1866 г. в Москве, в качестве серьезного недостатка отметил направленность программы на изучение преимущественно языкового аспекта литературных произведений, в том числе и древнерусских текстов [10, с. 90–93]. Он заметил, что программа предполагает только формальный – грамматический, стилистический и логический разбор статей из произведений древней и новейшей литературы. По мнению ученого, невозможно основательно постичь стиль литературного произведения, особенно древней письменности, без выявления глубинной связи между историческим развитием языка, литературным творчеством, культурой и бытом народа. Ф. И. Буслаев считал недопустимым и противоречивым чтение гимназистами «Жития Феодосия Печерского», летописи Нестора («Повести временных лет»), «Слова о полку Игореве» только с целью определения языковых и стилистических особенностей произведений, когда при этом программой предполагалось написание сочинений на темы, связанные с историко-культурным осмыслением литературных памятников.

Поскольку единый учебный план предметов до 1872 г. не разрабатывался, программы по языку и словесности, утверждавшиеся в учебных округах, не отличались последовательностью и целостностью в отборе материала, вниманием к идейному содержанию и историко-культурному контексту изучаемых произведений. Примерная программа по словесности для мужских гимназий и прогимназий, утвержденная Министерством народного просвещения 20 июля 1890 г., предполагала в 5-м классе чтение и анализ произведений восточнославянской письменности XI – XIII вв. Непосредственному изучению памятников древнерусской литературы предшествовало ознакомление учеников с христианско-просветительской деятельностью Кирилла и Мефодия как основателей славянской письменности. В программу вошли произведения митрополита Илариона, «Житие Феодосия Печерского», отрывки из летописи Нестора, торжественного «слова» Кирилла Туровского, посвященного пасхальному праздничному

циклу, «Слова о полку Игореве», «Слова» епископа Владимирского Серапиона, «Моления Даниила Заточника», «Хождения игумена Даниила во святую землю», «Поучение Владимира Мономаха» [3, с. 218]. Таким образом, в программе были представлены разнообразные по жанрам и проблематике памятники письменности, среди которых важное место отведено текстам христианско-просветительского характера.

В предисловии к «Хрестоматии по древнерусской книжной народной словесности», составленной И. Белоруссовым в соответствии с учебным планом и программой, указывалась необходимость преодоления поверхностного чтения произведений словесности и важность обстоятельного изучения языкового аспекта литературных текстов. Составитель пособия выражал надежду на то, что новая постановка изучения древней словесности в гимназиях позволит избежать формального знакомства с литературным произведением, поможет «ввести учащихся в святилище духовной жизни древней Руси», заставит юное поколение «углубиться в изучение памятников древней письменности и тщательным изучением языка восприять и усвоить мировоззрение наших предков» [2, с. 3].

Необходимость последовательного и непосредственного ознакомления с лучшими памятниками письменности обусловила выход «Историко-литературной хрестоматии» (1886 г.), подготовленной В. Соколовым и П. Борзаковским и одобренной Ученым комитетом в качестве пособия для средних учебных заведений. Хрестоматия соответствовала содержанию гимназического курса литературы и значительно облегчала организацию учебного процесса, поскольку обеспечивала учащихся дидактическим текстовым материалом. Результаты изучения литературы, по мнению составителей, могли стать основательными и прочными только тогда, когда ученик получал возможность ознакомиться с текстом произведения, анализировать и самостоятельно постигать его содержание. Дидактическая ценность издания состояла не только в наличии в нем лучших образцов древней письменности и фольклорного творчества, но и в полезном приложении (словаре), где было дано объяснение непонятной для учащихся церковнославянской и заимствованной лексики, встречавшейся в произведениях [4, с. 14].

Циркулярное предложение министра народного просвещения от 23 июня 1900 г. обращало внимание на введение в «дополнительном» классе реальных училищ курса истории русской литературы и рекомендовало для использования в качестве одного из учебных пособий «Историю русской словесности» А. Д. Галахова [6]. Эта книга получила высокую оценку в научно-педагогических кругах России, поскольку отличалась удивительной компактностью и сжатостью слога, давала достаточно полное и понятное представление о содержании, проблематике, особенностях многочисленных литературных памятников, что помогало ученикам получить общую характеристику произведения даже без дополнительных комментариев учителя.

В начале 1900-х гг. разрабатывался проект реформирования общеобразовательной средней школы. В соответствии с новым учебным планом изучение словесности, предполагавшее чтение и разбор произведений, должно было начинаться в 5-м классе. Объем произведений древнерусской литературы сокращался до минимума, зато в каждом классе программой отводилось время для ознакомления учеников с лучшими образцами зарубежной литературы [11]. Вытеснение из программы большинства ранее одобряемых памятников письменности обосновывалось их формальным и безрезультатным изучением. Было решено, что произведения древней литературы, отличающиеся тонкостью стиля и в тоже время сложностью для восприятия, не могут являться предметом школьного изучения. Таким образом, из программы были исключены сочинения митрополита Илариона, Кирилла Туровского, отрывки из «Хождения игумена Даниила в святую землю», «Поучение Владимира Мономаха». Это объяснялось тем, что учащиеся ничего не потеряют от исключения названных произведений из школьного курса словесности, поскольку в результате беглого и поверхностного знакомства с ними дети все равно не получат глубоких знаний. Из памятников восточнославянской письменности программа сохранила только «Повесть временных лет» и «Слово о полку Игореве». Изучение этих произведений представлялось наиболее доступным для учеников старшего возраста.

В 1905 г. член Ученого комитета Министерства народного просвещения В. В. Сиповский в своей служебной записке констатировал, что в научно-педагогических кругах России утвердилось отрицательное отношение к эпизодическому знакомству учеников с отдельными произведениями, и в связи с этим многими высказывались пожелания относительно введения последовательного изучения истории литературы. В. В. Сиповский не разделял данную точку зрения и полагал, что история литературы как самостоятельная дисциплина должна преподаваться не в средней школе, а в университете. По его мнению, изучение древней письменности должно по-прежнему оставаться эпизодическим и осуществляться в историко-культурном контексте. В. В. Сиповский считал необходимым включить в программу в первую очередь памятники древней литературы, представляющие собой наибольшую историко-культурную, педагогическую и художественно-эстетическую ценность. В соответствии с таким мнением программой по русской словесности в 5-м классе предусматривалось изучение разнообразных произведений средневековой письменности. Среди многочисленных произведений церковной и светской литературы XI – XIII вв., включенных в курс словесности, были произведения Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Григория Богослова, Иоанна Экзарха, Иоанна Дамаскина, образцы христианской канонической поэзии, ветхозаветные и новозаветные апокрифы, исторические хроники и хронографы, «Житие Бориса и Глеба», «Киево-Печерский Патерик», проповеди Илариона и Кирилла Туровского, «хождение игумена Даниила», «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве» и др. [7, с. 131–132].

С большинством произведений ученики должны были знакомиться путем их непосредственного чтения полностью или в отрывках, а с остальными – по пересказам учебников.

Согласно циркуляру Министерства народного просвещения от 14 июля 1905 г. («Об устройстве учебной части в реальных училищах в 1905–1906 гг.»), изучение древней словесности в дополнительных классах реальных училищ должно было осуществляться по новой программе, предусматривавшей освещение литературного материала параллельно с анализом историко-культурных явлений эпохи и определением роли традиций византийской культуры в развитии оригинальной восточнославянской письменности [8]. Программа также включала произведения переводной литературы, но их количество было меньшим по сравнению с предыдущими программами. Одно из изменений, внесенных этим же циркуляром в учебный план русского языка реальных училищ, касалось изучения в 4-м классе грамматики славянского языка в объеме, «необходимом для усвоения форм и явлений русского языка и для ясного понимания образцов древнерусской словесности во время их изучения» [8, с. 21].

В соответствии с циркуляром Министерства народного просвещения от 30 июня 1906 г. («Об учебных планах и программах предметов, входящих в курс реальных училищ») изучение древней литературы в реальных училищах переносилось из дополнительного класса в 5-й [9]. Такая необходимость обосновывалась бессмысленностью исторического изучения литературы без предшествующей элементарной теоретико-литературной подготовки учеников, которая предполагалась в 4-м классе. В самом же содержании программы существенных изменений не произошло. Поскольку изучение церковнославянского языка в 4-м классе как самостоятельного учебного предмета было упразднено, то необходимые комментарии и грамматические сведения рекомендовалось давать ученикам при чтении произведений древней литературы в 5-м классе.

Программа 1915 г., предусматривавшая изучение исторического развития русской литературы в 6–7 классах, делала акцент на установление межкультурных влияний и сравнительное изучение произведений русской и зарубежной литературы, подчеркивала необходимость качественного, основательного и непосредственного ознакомления учащихся с памятниками письменности. Предпочтение отдавалось текстам на языке оригиналов, освоение которых могло стать вполне доступным с помощью преподавателей, учебных пособий и словарей [3, с. 258–270].

Большинством участников Первого всероссийского съезда учителей русского языка средней школы (27 декабря 1916 г. – 4 января 1917 г.) древняя литература была оценена как малоценная в художественном отношении и признавалась непригодной в качестве средства духовного развития учеников [5]. В соответствии с решениями, принятыми в результате работы секций, дальнейшее усовершенствование школьного курса литера-

туры должно было осуществляться за счет перенесение «центра тяжести» на изучение новой литературы и сокращения значительного количества произведений древней письменности. Из числа произведений, относящихся к раннему периоду литературы, для изучения предлагались образцы народно-поэтического творчества (легенды, повести, апокрифы).

Таким образом, по мере накопления практического опыта школьного преподавания словесности в России дооктябрьского периода осуществлялось усовершенствование содержания историко-литературного курса, охватывавшее уточнение объема изучаемых произведений древней литературы, преодоление одностороннего подхода к отбору литературного материала, устранение формального анализа памятников письменности. В то же время при отборе памятников письменности для школьного изучения и включении их в программу отсутствовали четкие объективные критерии определения значимости произведений в учебно-воспитательном процессе. Значительным препятствием для успешного изучения древней русской литературы являлся малопонятный церковнославянский язык памятников, отталкивавший от чтения произведений или замедлявший усвоение содержания. Несмотря на значительное превосходство оригинальных литературных текстов, важным условием организации образовательного процесса являлось обеспечение учащихся переводом произведений на русский литературный язык.

Список литературы

1. Алешинцев, И. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). – СПб.: Изд. О. Богдановой, 1912. – 346 с.

2. Древнерусская книжная и народная словесность: хрестоматия / сост. И. Белоруссов. – Орел: Тип. Губернского правления, 1891. – 128 с.

3. История литературного образования в российской школе: хрестоматия / Автор-сост. В. Ф. Чертов. – М.: Академия, 1999. – 384 с.

4. Павильч, А. А. Христианская письменность в культуре и педагогической действительности восточных славян в эпоху Средневековья / А. А. Павильч. – Минск: Стринко, 2005. – 104 с.

5. Первый всероссийский съезд преподавателей русского языка средней школы (27 декабря – 4 января) // Вестник воспитания. – 1917. – № 1. – С. 46–71.

6. Правительственные распоряжения // Журнал Министерства народного просвещения. – 1900. – Август. – С. 119–122.

7. Правительственные распоряжения // Журнал Министерства народного просвещения. – 1905. – Август. – С. 114–142.

8. Правительственные распоряжения // Журнал Министерства народного просвещения. – 1905. – Ноябрь. – С. 20–24.

9. Правительственные распоряжения // Журнал Министерства народного просвещения. – 1906. – Сентябрь. – С. 36–58.

10. Сборник общества любителей российской словесности на 1891 г. – М.: Тип. Высочайше утвержденного т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1891. – 582 с.

11. Хроника. Школа, литература и жизнь // Вестник воспитания. – 1901. – № 7. – С. 96–115.

УДК 81.161.1

Сироткина Татьяна Александровна
Сургутский государственный педагогический университет,
кафедра филологического образования и журналистики,
доктор филологических наук, профессор

ДИАЛЕКТНЫЕ ТЕКСТЫ ПРИКАМЬЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКИХ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА

Аннотация: В статье на материале диалектной речи русских жителей Прикамья рассматриваются особенности отражения в ней духовной культуры народа. Анализируются различные аспекты духовной культуры и делается вывод о том, что в диалектной речи русских жителей Прикамья отражаются такие аспекты духовной культуры этноса, как календарная, свадебная, похоронная обрядность, особенности вероисповедания.

Ключевые слова: духовная культура, русские, диалектная речь, Прикамье

Sirotkina Tatyana Alexandrovna
Surgut State Pedagogical University, Department of Philological Education and Journalism, Doctor of Philology, Professor

DIALECT TEXTS OF PRIKAMIE AS A REFLECTION OF THE SPIRITUAL CULTURE OF THE RUSSIAN RESIDENTS OF THE REGION

Annotation: The article deals with the peculiarities of the reflection of the spiritual culture of the people in the dialect speech of the Russian inhabitants of the Kama region. Various aspects of spiritual culture are analyzed and it is concluded that the dialect speech of the Russian inhabitants of the Kama region reflects such aspects of the spiritual culture of the ethnos as calendar, wedding, funeral rites, and religious features.

Keywords: spiritual culture, Russians, dialect speech, Kama region

По наблюдениям исследователей, «традиционная духовная культура характеризуется достаточно хорошо проработанным диалектным ландшафтом русского слова» [1, с. 49]. В речи жителей разных регионов России репрезентируются те культурные смыслы, те особенности духовной культуры, которые сложились на протяжении длительного времени. В настоящей статье рассмотрим это на примере диалектной речи русских жителей Прикамья. Для анализа мы использовали один из пермских диалектных словарей, «Словарь русских говоров Южного Прикамья» [2].

Одной из особенностей традиционной духовной культуры русских Прикамья является календарная обрядность. По наблюдениям А. В. Черных, народный календарь «составляет ядро всей традиционной культуры», позволяет понять «разносторонние грани народного мировосприятия» [3, с. 5]. В исследуемом материале названия праздников отражены в составе таких устойчивых сочетаний, как:

– Лавры да Фролы (день почитания мучеников Фрола и Лавра, 31 августа): «Лавры да Фролы живут – овес жуют, к обедне коней приводили, их привяжут к ограде и брызжут водой»;

– Матрёна (зимний праздник, день почитания преподобной Матроны, 22 ноября): «С Матрёны зима встаёт на ноги – землю студит»;

– Матушка Покров (праздник Покрова): «Снег если выпал в Покров, которые старые девки, которым надо в замуж выйти, выходят утром и говорят: «Матушка Покров, ты покрыл землю, а меня женишком». И сыплют голову»;

– Митровская (праздник в честь Дмитрия Солунского, 2 ноября): «На покров если снег выпадает, то и на Митровской снег будет»;

– Надкрещение (день перед Крещением): «Сочельник крещенский – это надкрещение, он бывает восемнадцатого числа»;

– Надрождество (канут Рождества, рождественский Сочельник): «Надрождество живет шестого числа»;

– Масленица: «Эта неделька гулевая – масленка. А там всё, уже до Пасхи».

В отдельных деревнях или районах существуют свои, местные праздники, приуроченные к определенной дате. Так, в Октябрьском районе празднуют «липку», которая по времени совпадает с Ивановым днем: «Липку» раньше делали, и сейчас делают. Найдут липу полую, поставят на луг, бересто туда, и жгут, как факел. Пляшут, угощаются. Это от астонцев взято».

Называются жителями Прикамья традиционные персонажи праздников, например, Долгая Марья – это один из персонажей святочного ряженья: «Парни рядились в Долгу Марью. Средятся, ходят на ходулях, две палки, на их вот ходят, и это долгая баба».

Каждый календарный праздник имеет свои традиции, свою песенную составляющую. Так, например, в троицу пели «лилё», в Святки – «морозили ложки»: «В Троицу за новой берёзкой ходили. На луга ходили по берёзку, в деревне в трёх местах берёзки ставили. Идут с лилем через речку, венки в воду бросают»; «У нас морозили ложки. Если умру нынче, вот загадаешь, там ямка делается, а не умрешь – бугорок. На сковороду их поставим, эти ложки, и воды туда наливаешь. А к ночи это вынесешь, утром посмотришь. Ой, у меня яма, у другого-то бугор!».

Одной из главных особенностей духовной культуры русских Прикамья можно назвать симбиоз христианской веры с языческими представлениями о существовании нечистой силы. Так, например, жители Кунгурского района просят о чем-то лешего, называя его Леонтием Леонтьевичем: «-Тетя Мария, дак как мы его найдем? – Я счас вас научу: табачку возьмите, папиросок, сходите в лес, пенек найдете, ложите на пенек и там скажете: «Леонтий Леонтьевич, угостись вот табачком, приведи нам такого-то. Он, – гыт, – придёт». Другие названия лешего – лесовик, леш: «Я сама лесовика не видела, а стары люди сказывали, что он с ёлку будет»; «Может, человек блуждает или чё, говорят, может леша встретил». Упоминается жителями того же Кунгурского района и супруга лешего – лесовчиха: «Лесовчиха тоже может водить человека по лесу». Еще один женский демонологический персонаж – лиходейница, которая насылает порчу: «Когда пер-

вый раз выгоняешь корову в поле, надо ударить корову вербой, освященной в воскресенье, и прочитать молитву: «Сам Иисус Христос шёл с небес, в правой руке крест держал. Иди моя коровка в поле, битыми полями, тёмными улицами, тебя будут встречать чародейцы и лиходейницы, ты их не бойся. У тебя ноги, у тебя рога. Ногами затопчи, рогами заколи, хвостом замути, глаза запороши, а ко мне в свой двор со всем добром иди».

Важной составляющей духовной культуры русских Прикамья является свадебная обрядность. В речи носителей диалекта описываются:

– фрагменты свадебного обряда: «*Косу ломают*, когда уже из бани приводят. Свёкра и свекровь на следующий день ведут в баню»; «*Мальчишник* перед свадьбой устраивали, жених с холостяцкой жизнью прощался, друзей приглашал»; «*Окошко мерить* невеста приезжала в дом жениха в девишник. Шторы делала в дом жениха, еще на зеркало тоже накидку делала»;

– ритуальные свадебные предметы: «*Подвенешно мыло* – его в пазуху, венчаться. Потом я им робятам глаза мыла»;

– свадебные песни: «Девишницы приходят на вечер, песни поют, всякие такие *насказульки*»;

– основные свадебные персонажи: «Когда просватают невесту, там одни *невестицы* останутся и родители. Девишницы останутся. И вот тогда расплетают косу».

Особое место среди традиционных обрядов занимает похоронный. С проводами умершего связаны такие традиции, как:

– «накладывание крестов»: «Кресты налаживают, чтобы не подходил никто к покойнику с худым-то. На руках, на ногах, на лбу»;

– раздача милостыни первым встретившимся при похоронах: «Умершему три мешочка делают, если мужик, дак мужикам подают, а женщина – женщине подают»;

– подаяние в день сорочин: «На сороковой день надо потайную милостыню подавать, она называется сороковая милостина. Платочки сорок штук, и туда в платки можно положить то ли конфетку, то ли пряник, то ли чё. И завернуть, и отдать».

Особое место в духовной культуре занимает религия. Одной из актуальных религиозных традиций Прикамья была и остается старообрядческая. Описывается диалектоносителями:

– процесс перехода в другую веру: «Я говорю: «Если пойдешь в мою веру, значит, поженимся». Пошла, согласилась, вот и перекрещивалась. Она ведь тоже макана была. Макали её тоже, когда крестили. Это ведь схоже, одному Богу-то молимся»;

– значение предметов религиозного культа: «Под Белой горой без лестовки никто не ходит. А наши священники за лестовку оговаривали. Я, грешница, знаю это, что они маловерующие, ну как мало знают. Я говорю только ведь – она, Богородица Пресвятая, не ходила без лестовки никуда, беси чтоб нигде не казались, не стаскивали людей. Лестовка спасает везде»;

– степень веры отдельного человека: «Вот мама у нас многоверующая была, она не давала ни единого дня молосное исть»;

– роль молитвы в различных ситуациях: «И вот, говорит, идет навстречу мужчина по дороге и делается всё больше-больше, всё выше-выше. Ну я, говорит, испугалась, молёбку сотворила. Он захохотал и ушел от меня. Так вот на этом месте, говорят, мужчина убился красноярский»; «Душу провожают, смотря какая молельщица, выходят и молятся, у каждого в руках свеча. Вот помолились и потом уже за стол»;

– роль религиозных наставников: «У старообрядцев не попы, а молящие»; «Молящий – это как поп, наставник-то. Вот у нас Лазарь был, самоуком всё знал»;

– виды молитв: «Встают, надо покласть начал. Я только знаю этот начал, а есть большой».

Таким образом, в диалектной речи русских жителей Прикамья отражаются такие аспекты духовной культуры этноса, как календарная, свадебная, похоронная обрядность, особенности вероисповедания. До настоящего времени для духовной культуры русских рассматриваемой территории характерно сочетания христианской традиции с определенными элементами языческой культуры, а также присутствие, наряду с православием, старообрядческой веры, что придает анализируемому культурному комплексу уникальность и своеобразие.

Список литературы

1. Вендина Т. И. Русская традиционная духовная культура: наследие в слове // Метафизика. – 2012. – № 4 (6). – С. 49 – 64.

2. Подюков И. А., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В. Словарь русских говоров южного Прикамья. – Пермь, 2012. – 502 с.

3. Черных А. В. Традиционная календарная обрядность русских Прикамья в конце XIX – середине XX в. (региональный аспект праздничной культуры): автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 2008. – 67 с.

УДК 81'44

Глазкова Светлана Николаевна

Челябинский государственный университет,
Миасский филиал, кафедра филологии,
профессор, доктор филологических наук

НОВЫЙ ПРАЗДНИК: РЕБРЕНДИНГ, РЕКУЛЬТИВАЦИЯ, ИТЕРАЦИЯ?

Аннотация. В статье рассматривается процесс укоренения нового праздника – Дня семьи, любви и верности, приуроченного к церковному празднику – Дню Святых благоверных Петра и Февронии Муромских. Констатируется высокая резистентность в обществе по отношению к новому празднику, аксиологическая неотрефлексированность его сущности у реципиентов. Отмечается рассогласование светского, нравственного и религиозного содержания праздника/праздников. При анализе автор ориентируется на

данные ассоциативного эксперимента и Национального корпуса русского языка об употребительности номинаций.

Ключевые слова: праздник, День семьи, любви и верности, День памяти Святых благоверных князя Петра и княгини Февронии, Муромских чудотворцев

Glazkova Svetlana Nikolaevna

Chelyabinsk State University, Miass Branch, Department of Philology, Professor, Doctor of Philology

A NEW HOLIDAY: REBRANDING, RECLAMATION, ITERATION?

Annotation. The article deals with the process of rooting a new holiday – the Day of Family, Love and Fidelity, timed to the church holiday – the Day of Saints Peter and Fevronia of Murom. The high resistance in society in relation to the new holiday, the axiological non-reflexivity of its essence among recipients is stated. There is a mismatch of the secular, moral and religious content of the holiday/holidays. In the analysis, the author focuses on the data of the associative experiment and the National Corpus of the Russian language on the use of nominations.

Keywords: holiday, Day of Family, Love and Fidelity, Memorial Day of the Holy Faithful Prince Peter and Princess Fevronia, Murom Miracle Workers

Лексема *праздник* весьма употребительна в современном русском языке. По данным Национального корпуса русского языка, с лексемой зафиксировано 12 756 документов с 44 580 вхождениями.

Коллокации с леммой показывают, что лексема *праздник* наиболее употребительна в следующих случаях: как календарная привязка к праздничному, нерабочему дню, как привязка к церковному празднику, к празднику профессиональному, в рамках пословиц, афоризмов, фразеологизмов, речевых клише. Ниже приведена выборка неединичных коллокаций (орфография источника сохранена).

На нашей улице праздник – 62, день праздника победы / 9 Мая – 132 / 39, в будни и в праздники – 23 / 9, праздник который всегда с тобой – 22, праздник святых апостолов Петра и Павла – 17, на нашей улице будет праздник – 15 /11, по воскресеньям и по праздникам – 9, поздравляю вас с наступающим праздником – 8, за два дня до праздника – 8, в самые большие праздники – 8, на праздник Пасхи – 7, на другой день после праздника – 7, каждый праздник – 7, с праздником Рождества Христова – 7, съ праздникомъ свѣтлаго христова воскресенія – 7, кто празднику рад тот накануне пьян – 7, а в самый день праздника – 6, вас с праздником великого октября – 6, блажен кто праздник жизни рано – 6 / 6, праздник со слезами на глазах – 6, за три дня до праздника – 6, праздника введения во храм пресвятой Богородицы – 5 / 6, праздник иконы казанской божией матери – 5, с праздником 1 го мая – 5, поздравляю всех вас с праздником – 5, день праздника святейший патриарх совершил – 4, чужие на этом празднике жизни – 4, сердечно поздравляю вас с праздником – 4, с наступающим праздником – 4, поздравили друг друга с праздником – 4, по случаю праздника – 4, праздника рождества христова – 4, с профессиональным праздником днем строителя – 4, это было похоже на праздник – 4, праздник к нам приходит – 3, великий праздник – 3, перед праздником – 3.

Из зафиксированных примеров реализуют речевую валентность семантической связи с церковными праздниками следующие*: праздник святых апостолов Петра и Павла – 17, на праздник Пасхи – 7, праздником Рождества Христова – 7, съ праздникомъ свѣтлаго христова воскресенія – 7, праздника введения во храм пресвятой Богородицы – 5 / 6, праздник иконы казанской божией матери – 5, в день праздника святейший патриарх совершил – 4, праздника рождества христова – 4*

Помимо родового понятия *праздник*, нас интересует употребительность названий отдельных праздников, что позволяет опосредованно судить об их резистентности. Представим полученные на основе Национального корпуса русского языка данные о частотности употребления названий некоторых из праздников. Наиболее общий взгляд может быть получен при сравнении совокупных данных употребительности номинации в основном подкорпусе Национального корпуса русского языка. Данные показывают уровень культурной разработанности отдельных концептов в языковой картине мира носителей русского языка, востребованности номинации без учета динамики. Самыми освоенными и, как следствие, употребительными являются номинации, репрезентующие следующие церковные праздники (Они даны в порядке убывания частотности употребления): Рождество – 2 803, Пасха – 1449, День Петра и Февронии (День любви, семьи и верности) – 14.

К популярным, культурно усвоенным праздникам можем отнести традиционные государственные советские праздники, такие, как Новый год, День Победы, 8 Марта, 23 февраля, 1 Мая (варианты наззваний не указываем); некоторые церковные двунадесятые праздники (Рождество, Пасха), чего не скажешь о новых (возобновленных?) праздниках, таких, как День Св. Петра и Февронии. Употребление названий последнего единично. Рефремийнг, новые названия праздников, совпадающих / близких по дате, укореняются тоже не слишком активно. Учитывая новизну некоторых праздников и их названий, сравним употребительность номинаций за последние 20 лет. Отберем для более корректного сравнения только церковные праздники.

Сравнительный анализ показывает, что номинации *Пасха, Рождество,* имеют стабильно высокую, ровную употребительность с несущественными колебаниями. Налицо рост употребительности номинаций в течение 20 лет. Данные свидетельствуют об укреплении новой традиции празднования этих дат, о расширении этих концептов в языковом сознании носителей русского языка. Колебания уровня употребительности номинаций за последние 20 лет особенно показательны: Рождество – от 3,1 до 22; Пасха – от 2,8 до 4,8; День св. Петра и Февронии – от 0 до 0,1. Максимальные индексы частотности выше 20 (что очень высокий показатель) поднимаются при употреблении номинации Рождество; выше 3 – Пасха; гораздо меньше 1 – *День св. Петра и Февронии*. Особенно интересной представля-

ется динамика употребительности последней номинации. Кривая употребительности номинации *праздник День св. Петра и Февронии* начинается с нуля, поднимается с 2005 по 2012 гг. до 0,08, затем снова падает практически до нуля.

Очевидно, что при официальном внедрении новых праздников освоение концептов происходит неравномерно. Как видим, в русской языковой картине мире почти не представлен концепт *День святых Петра и Февронии Муромских.* По мнению М. А. Тульновой, такие языковые факты говорят о «недостаточности переживаемого опыта», в связи с чем в сознании носителей языка «не возникает ассоциаций, формирующих образную и ценностную составляющие концептов»; «для эволюции таких концептов необходим достаточный период коллективной деятельности» [2, с. 5].

Проанализируем процессы резистентности на примере именно этой мало укоренившейся, достаточно новой для носителей русского языка номинации – Праздник семьи, любви и верности (Святых благоверных князей Петра и Февронии Муромских), чтобы понять причины столь высокой резистентности к номинации.

20 лет назад 8 июля по инициативе администрации г. Мурома в день города, приурочив событие к окончанию реставрационных работ в муромских храмах, в память благоверных князей святых Петра и Февронии Муромских впервые отмечают светский Праздник любви, семьи и верности, посвящённый нравственным и духовным семейным ценностям. Этот праздник в честь Дня памяти святых Петра и Февронии, не имевший статуса государственного, отмечают с 2008 года. И лишь в нынешнем году Указом Президента РФ №411 от 28.06.2022г. «О Дне семьи, любви и верности» новый праздник устанавливается как всероссийский государственный. Рефрейминг традиционного церковного праздника памяти покровителей брака и семьи благоверных князя Пётра и княгини Февронии, Муромских чудотворцев (†1227), казалось бы, состоялся. Разработана символика праздника (ромашка и изображения святых), сложились и поддерживаются ритуалы (рассылка поздравительных февронек – открыток с ромашками; плетение венков из ромашек и составление букетов из них). Проводятся бракосочетания на 8 июля, несмотря на противоречие церковной традиции, не приветствующей заключение брака в пост (8 июля – это всегда последняя неделя Петровского поста). Сложилась одна из новых официальных традиций: в этот день вручают медаль «За любовь и верность» самым достойным, известным в обществе парам, уже сыгравшим серебряную свадьбу. Кроме того, организуются праздничные гуляния с концертами, ярмарками, фейерверком. Однако действо это разворачивается в основном в г. Муроме. Другие города пока слабо поддерживают церемонию празднования Дня семьи, любви и верности.

Пилотный психолингвистический ассоциативный эксперимент и опросы, проведенные с представителями различных возрастных групп, дан-

ные лингвистов [1, с. 11] показали следующее. Лексема *праздник* ассоциируется в языковом сознании носителей русского языка со следующими компонентами:

– узаконенным бездельем, т. е. наличием праздничного дня с освобождением от работы / учебы;

– публичностью, т. е. наличием широких массовых мероприятий, развлечений, публичных гуляний, акций;

– широкой медийностью, шумихой, наличием освещения на телевидении, в интернете;

– застольем, т. е. обязательным празднованием за столом с гостями или походом в гости, в кафе, ресторан, бар;

– коллективным, всеобщим признанием важности повода празднования;

– осознанностью сути и повода празднования;

– наличием символики, широко рекламируемой в виде поздравительных открыток, в том числе и электронных, мемов, видео, рассылок поздравлений, SMS и пр.

– совпадением ценности, постулируемой наличием праздника, с базовыми, актуальными ценностями большинства членов языкового сообщества.

Исходя из этих данных, можно предположить, что ключевым будет тот компонент, выпадение которого сделает праздник обычным днем. Судя по дополнительным опросам, ключевым для многих реципиентов является наличие выходного дня. При этом вторым фактором для старшего поколения является обязательное застолье, а для молодого поколения – публичность и развлекательность. Если приложить выводы к размышлениям о высокой резистентости обновленного праздника – Дня св. Петра и Февронии Муромских, то наличие застолья и праздничного дня, вероятно, и будут ключевыми факторами, тормозящими культурное усвоение праздника. Возможно, снижение актуальности ценностей семьи, любви, брака, верности тоже накладывает свой отпечаток и объясняет высокую резистентность ежегодного события. График запросов в Яндексе дает представление о «сезонной» заинтересованности событием: в начале июля, в преддверии и в день праздника количество запросов резко увеличивается: так было, например, и в 2021, и в 2022 гг.

Таким образом, осознание даты как праздничной сопряжено с несколькими факторами, важными из которых является наличие нерабочего дня, застолье, массовые развлекательные мероприятия. Смешение праздника светского и церковного чревато определенным диссонансом, когнитивной и социальной рассогласованностью. Так, опрос показал, что ценностная сущность праздника св. Петра и Февронии не отрефлексирована большинством носителей русского языкового сознания. Житийная история святых и вовсе неизвестна большинству реципиентов. Культурный прецедент *Петр и Феврония Муромские* не относится к числу национально значимых. Как представляется, плодотворного смешения праздника церков-

ного и светского пока не получилось. Рекультивация не произошла. Ребрендинг (Праздник любви, семьи и верности) тоже пока не дал результатов. Праздник воспринимается носителями языка как отголосок, отзвук какого-то не до конца отрефлексированного события. Пересмотра религиозно-нравственного содержания праздника тоже не произошло. Переосмысление культурно-религиозной традиции оказалось неглубоким и неустойчивым. Возобновление празднования связано не с расширением значимости религиозного праздника, а пересмотром подходов: религиозная составляющая праздника выхолащивается, а светская, нравственная основа – поддерживается. Увы, пока попытки внедрения прошедшего ребрендинг праздника выглядят как непродуктивная итерация забытого праздника. Хотя праздник ориентирован на важнейшие, семейные ценности, культурная реплика не вошла в лингвокультурное сознание носителей русского языка. При этом, например, чуждый по духу и сути праздник День Святого Валентина, будучи инородным культурным десантом, завоевал гораздо большую аудиторию и прижился наперекор широкому общественному осуждению. Высокая резистентность нового праздника – Дня семьи, любви и верности, включившего в себя старую традицию празднования Дня памяти святых благоверных Петра и Февронии Муромских, объяснима. С одной стороны, понимание сущности любого праздника закреплено в языковом сознании россиян, с другой – влияет закрытость общества к религиозным праздникам, если они не являются большими (скажем, Двунадесятыми) церковными праздниками, давно закрепленными в языковой картине мира россиян. Активное нежелание смешивать светскую и духовную традицию, вероятно, является главной причиной высокой резистентности по отношению к репликации религиозных праздников. Общество, открытое к нравственному осмыслению мира и человека, не готово к его религиозному переосмыслению. Светскость взгляда на мир делает затруднительным укоренение и тиражирование церковных традиций.

Список литературы

1. Извекова, Т. В. Анализ лексико-семантичеких полей концепта «праздник» в русской языковой картине мира // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 6 (25). – С. 9–12.

2. Тульнова, М. А. Праздник в контексте глобализации: лингвокультурные характеристики // Известия Волг. гос. пед. ун-та. – 2008. – №10 (34). – С. 4–7.

УДК 281.9

Соловьев Владимир Михайлович
Социологический институт РАН, Москва,
доктор исторических наук, профессор,
аффилированный сотрудник

Я ПРИДУ В ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК (Е. А. ЕВТУШЕНКО)

Аннотация. Талант Евгения Евтушенко многомерен, многослоен, и его поэзия по языковому составу, лирической напевности, эмоциональности, метафоричности столь же богата и насыщена, как и тематика созданных им произведений. Острый взгляд, особый глазомер и склад ума, обилие красок и оттенков при описании праздника жизни и тонкой, до нюансов, передаче вкуса земных радостей со всей очевидностью ставят поэта в ряд жизнелюбов и жизнефилов до мозга костей. Но он еще и упертый правдоискатель, ревнитель истины, неисправимый Дон-Кихот, отстаивающий справедливость, и в его космосе чувств счастье и горе, радость и боль уравновешены как кони в дышловой парной упряжке. В статье Евтушенко предстает как трансцендирующий к Богу чуткий мыслитель, сумевший через настоящее и прошлое провидеть будущее. Отсюда поразительный эффект его сбывшихся предсказаний. Порой поэт точнее всякого футуролога экстраполирует и прогнозирует, что ждет человечество и Россию в XXI в.

Ключевые слова: философия, история, литература, творчество, язык, поэзия, профетизм, нравственность, этика, добро и зло, абсурдизм, шестидесятники, поколение КАК БЫ, переоценка и перелицовка ценностей, геном культуры

Solovyov Vladimir Mikhailovich
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, doctor of historical sciences, professor, affiliated employee

I'LL COME INTO NEW MILLENNIUM (YEVGENY YEVTUSHENKO)

Annotation. Yevgeny Yevtushenko's talent is multilayered and multidimensional; and in terms of linguistic structure, lyrical melody, emotional intensity and metaphors his poetry is as rich and strong as the themes he covers in his works. Keen eye and sharpness, abundant colours and hues to describe the feast of life, as well as subtle, even nuanced, conveying the taste of earthly joys place the poet among the out-and-out lovers of life and bon vivants. And what is more, he is a freedom singer, a zealot for the truth, a social justice warrior, an incorrigible Don Quixote; in his cosmos of feelings, happiness and sorrow, joy and pain are all yoked together like horses. In the paper, Yevtushenko is portrayed as a sensitive thinker transcending to God, who managed to foresee the future through the present and the past. Hence the striking effect of his prophecies that came true. Sometimes the poet is more accurate than any futurist in his extrapolations and predictions about what awaits humanity and Russia in the 21st century.

Keywords: philosophy, history, literature, creativity, language, poetry, prophetism, morality, ethics, good and evil, absurdism, the Sixtiers, generation *Quasi*, reassessment and transformation of values, cultural genome

Вряд ли кто-то оспорит, что на долю Евгения Александровича Евтушенко (1932–2017 гг.) прижизненной славы досталось столько, что хватило бы на целый цех поэтов. Был ли он в равной мере обласкан и обруган, вопрос другой [1; 2; 3; 4; 5; 44; 45;46;47;48; 49;50;51; 52]. Хула обычно всегда перебивает хвалу, и потому даже если уступает ей количественно, все равно вытесняет ее качественно.

Не всякий гремевший при жизни мастер слова не переходит в забвение после смерти. Это определяется попаданием в нерв не только своего времени, но шире – века, эпохи. Евтушенко постоянно и нарочито привязывал свою поэзию к XX столетию, как будто бы не слишком беспокоясь, как примут ее потомки более отдаленных времен. Словно наперед знал: вновь произойдет

чудо оживанья
доверия,
рожденного строкой.
Поэзию рождает ожиданье
поэзии –
народом
и страной [30, с. 277].

Сейчас, в первой четверти XXI в., интерес к поэзии и вообще к литературе заметно приугас. Похоже, однако, что евтушенковское наследие сохраняет актуальность. Уж слишком многое из того, что творится теперь, поэт уловил, предугадал, предвидел. И уже один этот профетический дар не может не впечатлять, напоминая правоту одного из наиболее известных авторских изречений: «Поэт в России – больше, чем поэт» [35].

При всем высоком самомнении пророком и прорицателем Евтушенко себя не мнил. Зато отчетливо осознавал, что он зоркий, приметливый наблюдатель, который тотчас выхватывает из того, чем живет и дышит народ, самое существенное, сокровенное, болевое. Он не пропускал ни в большом, ни в малом главного, ключевого, экзистенциального. От его цепкого внимания не укрывалась ни одна народная реакция на то или иное событие, ни одно острое словцо по злободневному поводу.

Семнадцать лет прожив в третьем тысячелетии и новом столетии, поэт даже из двадцатого (1995г.) не сомневается в своей нужности и востребованности:

Я приду в двадцать первый век.
Я понадоблюсь в нем, как двадцатом,
не разодранный по цитатам,
а рассыпанный по пацанятам,
на качелях, взлетающих вверх [43, с. 345].

Сравнивая столетия, Евтушенко предельно критичен к своему веку, но в то же время выделяет в нем то ценное, что в XXI, как ему с горечью представляется, может быть окончательно вымыто:

Век двадцатый – убийца и тать,
но он знал, что такое есть книга.
Двадцать первый, а вдруг ты барыга
и умеешь лишь деньги листать?
Вдруг ты сам себя жлобством заел,
самоедством безлюбья, бесстрастья,
и скучища смертельная счастья
всех смертельных несчастий взамен [43, с. 346]?

По образному выражению поэта, мировая культура – это стена перед войной, сложенная из великих книг. Оттого он безутешно скорбит и переживает, что в XXI в. человечество зашло без этого необоримого щита гуманизма, чем опрометчиво и легкомысленно подставило себя под силы зла.

Евтушенко постоянно подчеркивает в своих стихах, что всегда жадно, в полную силу жил, был чувственно безудержен, дышал полной грудью. В 1951-м ему девятнадцать, а он уже дерзко заявляет, что ни за что на свете не хочет быть голодным и обделенным:

Мне мало всех щедростей мира,
мне мало и ночи, дня.
Меня ненасытность вскормила,
и жажда вспоила меня [18, с. 7].

Двенадцать лет спустя (1963) это стремление жить по максимуму лишь усиливается:

Нет, мне ни в чем не надо половины!
Мне – дай все небо! Землю всю положь!
Моря и реки, горные лавины
Мои – не соглашаюсь на дележ!
Нет, жизнь, меня ты не заластишь частью.
Все полностью! Мне это по плечу!
Я не хочу ни половины счастья,
Ни половины горя не хочу [26, с. 127]!

Стихийно, интуитивно, находя это естественным и отвечающим своей натуре и человеческой природе, он отмерял от жизни по полной мере, и оттого не мог не войти в конфликт с поколением КАК БЫ. В пояснительной сноске к стихотворению «В государстве по имени КАК БЫ» (2004) он пишет: «За последние два-три года в русский разговорный язык заползло да и расползлось по всей стране двусмысленное словечко «как бы…», которое как бы все ставит под сомнение, а в то же время своей как бы ухмылочкой как бы успокаивает нашу как бы совесть… К чему бы это, а?» [8, с. 389]. Поэта тревожит, что современные генерации, подменяя и оскудевая неисчерпаемое богатство русской речи словами-пустышками, вскоре вообще отринут от себя хорошую поэзию и прозу как пережиток и атавизм.

По версии Евтушенко, язык неумолимо зафиксировал правду: в декорациях абсурдизма реально оформилась имитация жизни, когда становится возможно всё:

Я живу в государстве по имени КАК БЫ,
где, как это ни странно,
нет улицы Кафки,
где и Гоголя как бы читают,
а как бы и Хармса,
где порой как бы любят,
но как бы и не без хамства.
«Это правда, что все как бы пьют
в государстве по имени КАК БЫ?»
Есть, кто как бы не пьет,

и, поверьте мне,
как бы ни капли…
«Что вообще за народ эти самые ваши КАКБЫЙЦЫ?»
Как бы милый вполне,
но бывают порой как бы воры и как бы убийцы...
В основном все мы как бы радушны
и как бы достойны.
Все у нас поголовно за мир,
но бывают порой как бы войны.
В стольких кухоньках – как бы Чечня,
где побоища, словно с врагами,
сапогами,
ножами кухонными и утюгами.
Наше КАК БЫ – везде,
словно будничное полоумье.
Как бы судьи в суде,
как бы думающие – в Думе.
Мне раскрыла КАКБЫЙКА одна
свою крошечную как бы тайну:
«Я в вас как бы навек влюблена...
Вас читаю и как бы вся таю...»
Я хочу перед Богом предстать
как я есть,
а не как бы,
не вроде –
бы «как бы счастливым не стать»
в «как бы жизни»
и «как бы свободе» [8, с. 389– 390].

Нашествие серости поэт не предвидел – воочию был свидетелем, как она нахраписто захватывала командные высоты и становилась хозяином положения. Отсюда призыв:

Оглянись, населенье,
как вольготно расселась
и врастает в сиденья
креслозадая серость.
Вздрогни, мертвенно съёжась
за уютным обедом, –
ведь коричневый ужас
прёт за серостью следом [31].

Поэт не скрывает, что превращенный в население народ не в силах воспрепятствовать эскалации этого процесса:

Народ – кто сам себе не врёт.
Народ – кто враг духовной лени,
Лишь тот, кто мыслит – тот народ,
Всё остальное – население [21].

Есть ли в том вина народа? И да, и нет. С одной стороны, слишком велик вбитый в мозжечок и генетически передающийся от поколения к поколению страх; с другой – тупое обывательское безразличие и боязнь репрессий парализует волю к сопротивлению. Самому поэту мужества не за-

нимать, и он как спасательный круг бросает утратившим отвагу соотечественникам клич:

Не надо пугаться густого тумана.
Не надо бояться пустого кармана.
Не надо бояться быть честным и битым,
а надо бояться быть лживым и сытым.
Сумейте всем страхам в лицо рассмеяться.
Лишь собственной глупости надо бояться [23]!

Евтушенко не обольщается по поводу народа, хотя и признает, что во многом он жертва манипуляций и политических авантюр и спекуляций. Пребывание в слепоте, темнота, податливость к злому обману не освобождает от вины, и тем не менее основной спрос, по мнению поэта, с власть предержащих:

Народ, народ… Затрёпанное слово,
которым очень любят спекульнуть
сидящие на шее у народа,
привыкшие болтать с трибун о том,
как нежно они любят эту шею.
Единого народа в мире нет.
Всегда в любом народе – два народа,
те, что сидят на шее у других,
и те, кто эту шею подставляют.
А надо разучиться подставлять [22].

Частично поэт готов реабилитировать народ:

Бывал и наш народ неправ,
когда на гнет не обижался,
и гениев своих поправ,
лжегениями обольщался.
Влип в хлад и глад, в очередя,
как в пасти волчие, в напасти,
башку лихую очертя,
и ухитрился, как дитя,
на столько удочек попасться.
О, Господи, за что, скажи
народ обманывали столько!
Но не заслуживал он лжи.
Доверчивость сбивала с толку.
Но что же делать нам, когда
кроме трясины нету брода,
и неподдельная беда
у неподдельного народа.
Жестокость даже правдой врет.
Вы что, душою оржавели?
Да вы хотя бы свой народ,
как раненого, пожалели.
В послепожарищном дыму
грех над золою изгаляться.
Негож к народу своему
высокомерный дух злорадства [38].

К тем, кто трусливо заполз в обывательскую щель, пережидая, когда все, авось, утрясется-уляжется, Евтушенко беспощаден:

За непрокоженность, неуродство
Доплати хоть сломанным хребтом.
Все, что слишком дешево дается,
Встанет слишком дорого потом [36].

Грань между темнотой, заблуждением и покорной пассивностью слишком зыбка. Поэтому ответственность с народа за происходящее поэт не снимает и не спешит списать ее на массовое отравление телеэфиром:

Но в нищете и в крови стольких ран,
сдержав самолюбивые угрозы,
не стоит обвинять телеэкран.
А надо кровь остановить и слезы [16, с. 376].

Если до поры до времени возмездие не настигало ответственных за беды и злодеяния, оно брало свое потом, потому что рано или поздно отсидевшимся в сторонке приходится расплачиваться.

Как предостережение и грозное напоминание звучат строки:

Ничто не сходит с рук:
ни самый малый крюк
с дарованной дороги,
ни бремя пустяков,
ни дружба тех волков,
которые двуноги.
Ничто не сходит с рук:
ни ложный жест, ни звук
ведь фальшь опасна эхом,
ни жадность до деньги,
ни хитрые шаги,
чреватые успехом.
Ничто не сходит с рук:
ни позабытый друг,
с которым неудобно,
ни кроха-муравей,
подошвою твоей
раздавленный беззлобно.
Таков проклятый круг:
ничто не сходит с рук,
а если даже сходит,
ничто не задарма,
и человек с ума
сам незаметно сходит… [27, с. 221–222].

В бурное перестроечное время (1990) поэт отдает свои политические симпатии исторически правому, с его точки зрения, меньшинству и выступает против кичливого послушного большинства, всегда готового активно и подобострастно поддержать линию начальства или дружно проголосовать за любое его предложение, но при этом агрессивно настроенного в отношении тех, кто занимает позицию против, как академик А. Д. Сахаров:

Подавляющее большинство,
пахнешь ты, как навозная роза
и всегда подавляешь того,
кто высовывается из навоза.
Удивляющее меньшинство,
сколько раз тебя брали на вилы!
Подавляющее большинство,
сколько гениев ты раздавило!
В подавляющем большинстве
есть невинность преступная стада,
и козлы-пастухи во главе,
и тупое козлиное: Надо!
Превеликое множество зла
подавляет добро, не высовываясь…
Счастлив я, что у слова „совесть“
нету множественного числа [33]!

Мужество Сахарова вызывает восхищение Евтушенко. Преисполненный уважения к этому политическому борцу он пишет:

Не мстительность, не личная обида,
а разум вёл его спасти страну
от самодурства, самогеноцида.
что перешли давно в самовойну [29].

Сахарову посвящено отдельное стихотворение (2001г.):

Как не хватает Сахарова нам,
когда в погоне жалкой за престижем
никто из нас не может быть пристыжен
хотя б одним, кто не замаран сам!
Сознаемся – замараны мы все.
Кто – чуточку, кто – по уши весь в саже.
Мы все погрязли в самоворовстве –
крадем свои надежды у себя же.
Чистюль не сыщешь даже днем с огнем,
и, право, нет смешнее приговора,
когда в дыму чадящего сыр-бора
вор лицемерно обвиняет вора
с чужой горящей шапкою на нем [16, с. 376].

Вновь и вновь возвращается Евтушенко к мучающей его нравственной проблеме, когда на первый план выходят так называемые крутые, которым всё пофиг, море по колено и которые с циничным превосходством над прочими отпустили внутренние «тормоза». Еще хуже другое: эти грубо, цинично поправшие этические нормы братки и отморозки стали модными эталонами культа силы и нашли сколько угодно дешевых подражателей.

Задумываясь, отчего в обществе происходит такое одичание, поэт заключает:

Мы совесть сделали нарочно глуховатой.
Мы совести забили уши ватой –
Так легче ей прослыть не виноватой [20].

[На что уходит жизнь? – Евгений Евтушенко ev-evt. net›stihi/n/life. php].

Евтушенко не обольщается на предмет самодержцев всех времен и мастей, далек от благоговения или священного трепета перед ними и в один абзац укладывает шаржированную зарисовку ограниченного затмевающим разум монаршим венцом мировосприятия этих именитых особ:

Цари,
короли,
императоры,
властители всей земли
командовали парадами,
но юмором –
не могли [42].

Поэт постоянно соразмерял настоящее и будущее страны с прошлым, но, по его собственным ощущениям, позиционировал себя не как летописец, а как кинооператор:

Я – кинооператор твой,
история,
Иначе бы стихи писать не стоило.
Дай Бог,
чтоб, ненавидя и любя,
и после смерти я снимал тебя [6].

Его творчество не рамочно, не замкнуто на России. Он мыслит и чувствует глобальными категориями. Ему есть живое дело до того, что происходит в мире, и в поэме «Тринадцать», как бы в продолжение заданной А. А. Блоком темы он взывает ко Всевышнему: «Мировой пожар в крови – господи, останови!»

Как манифест воспринимаются слова:

Моя поэзия,
как Золушка,
забыв про самое свое,
стирает каждый день,
чуть зорюшка,
эпохи грязное белье [13].

Никто не запрещает человеку, тем более поэту, мечтать, и Евтушенко тоже строит воздушные замки и отдает дань извечным иллюзиям. Однако на вопрос, возможен ли приход во власть героя-одиночки, который, подобно Гераклу расчистит завалы накопившейся и уже закаменевшей скверны, следует (2000 г.) трезвый и беспощадный отрицательный ответ:

Когда придёт в Россию человек,
который бы не обманул России?
В правительстве такого чина нет,
но, может быть… когда-нибудь… впервые…
А что он сможет сделать лишь один?
Как столько злоб в согласие он сложит?
Мы ни за что его не пощадим,
когда он лучше сделать нас не сможет.
А как он лучше сделается сам,
когда обязан, как бы ни обрыдло,

прислушиваться к липким голосам
элиты нашей липовой и быдла?
Здесь уж быть должен медленен, но быстр.
Как сделать, чтобы бомбы или пули
прицельно попадали лишь в убийц,
а всех детей и женщин обогнули?
Как сохранить свободу и терпеть
нахальную невежливость свободы?
Взять в руки крепостническую плеть?
Но выпоротый пишет слабо оды.
Как не звереть, матрасы распоров,
не рыться в каждой люльке, в каждом гробе?
Казнить больших и маленьких воров?
Россия станет, как пустыня Гоби.
Кровь Углича, Катыни, Колымы
размыла честь. Никто не наказуем.
Собою обесчещенные, мы
по честности, но лишь чужой, тоскуем.
Не раздавать бы детям леденцов,
а дать бы горькой памяти последки,
когда над честной бедностью отцов
смеются, как над глупостью, их детки [17].

Отчетливо понимая, как работает механизм истории, как действуют ее приводные ремни, поэт все же позволяет себе усомниться в тупиковой безысходности и не зажечься слабой надеждой на то, что народ наконец перестанет ждать мессию и возьмет его миссию на себя:

А вдруг придёт в Россию человек
не лжемессия с приторным сияньем,
а лишь один из нас, один из всех,
и не обманет – мы его обманем?
Когда придёт в Россию человек?
Когда… когда все будут человеки.
Но всё чернее и чернее снег,
и всё отравленней и мы, и реки.
И тёмная тяжёлая вина
лежит на мне, и на кремлёвском троне,
и даже – да простит меня она! –
на нищей солженицынской Матрёне.
Не хлеба – человека недород
в России, переставшей ждать мессию.
Когда придёт в Россию тот народ,
который бы не обманул Россию [17].

Поэт не демонизирует верховных властителей. Куда опаснее, по его разумению, поставленные им сатрапы:

Царь на Руси не так уж страшен, –
страшнее царские царьки [39].

Евтушенко гнетет и терзает, что после провала демократического эксперимента в коридорах власти и начальственных кабинетах обустроились и утвердились ненавистные ему наследники Сталина, а в думских

джунглях, «по-чекистски брови хмуря, прижав, как мать кормящая, к груди Дзержинского – пока в миниатюре», правят бал депутаты-неосталинисты. С холодной яростью наблюдая все это, поэт предрекает, как «вгоняя в дрожь народ, одетая по лжедесантной моде, Фемида полицейская войдет в чулке путаны на небритой морде» [16, с. 377].

Сегодня открывается все больше тяжелых своей правдой стихов Евтушенко. Одно из них – «Я родину свою люблю» (1998) (цитируется в сокращенном виде):

Везде ворьё, куда ни плюнь,
И всяк из них летит на царство…
Я Родину свою люблю,
Но ненавижу государство!
Народу денег не дают,
Ракеты посылают к Марсу…
Я Родину свою люблю
И ненавижу государство [32]!

Под стать «Родине» поражающее философской проникновенностью более раннее (1991) стихотворение «Потеря»:

Потеряла Россия
в России
Россию.
Она ищет себя,
как иголку в стогу,
как слепая старуха,
бессмысленно руки раскинув,
с причитаньями ищет
буренку свою на лугу.
Мы сжигали иконы свои.
Мы не верили собственным книгам.
Мы умели сражаться лишь с пришлой бедой.
Неужели не выжили мы
лишь под собственным игом,
сами став для себя
хуже, чем чужеземной ордой?
Неужели нам жить суждено
то в маниловском, молью побитом халате,
то в тулупчике заячьем драном
с плеча Пугача?
Неужели припадочность –
это и есть наш характер,
то припадки гордыни,
то самооплева –
и все сгоряча?
Медный бунт, соляной и картофельный –
это как сон безопасный.
Бунт сплошной –
вот что Кремль сотрясает сегодня,
как будто прибой.
Неужели единственный русский наш

выбор злосчастный –
это или опричнина
или разбой?
Самозванство сплошное.
Сплошные вокруг атаманы.
Мы запутались,
чьи имена и знамена несем,
и такие туманы в башках на Руси,
растуманы,
что неправы все сразу,
и все виноваты во всем.
Мы в туманах таких
по колено в крови набродились.
Хватит, Боже, наказывать нас.
Ты нас лучше прости,
пожалей.
Неужели мы вымерли?
Или еще не родились?
Мы рождаемся снова,
а снова рождаться – еще тяжелей [34].

Поэту невыносимо было сознавать, что в России справедливость – это поезд, который всегда опаздывает [40]. Исколесив весь мир, побывав в шестидесяти четырех странах, он болезненно реагировал на вещи, свидетельствующие о том, что его любимое отечество в чем-то отстает, уступает заграница, и он сопротивлялся признанию этого всем своим эмоциональным интеллектом, но не признать не мог.

Шестидесятники часто спорили по национальному вопросу. Роберт Рождественский, дабы подвести черту, несколько патетически сформулировал: «Для человека национальность – и не заслуга, и не вина. Если в стране утверждают иначе, значит, несчастна эта страна!» Евтушенко горячо одобрил эти строки, но счел нужным заметить автору, с которым его связывала долгая дружба, следующее: «Я смотрю на эти вещи проще. Если человек сволочь, то какое мне дело до его национальности» [40]?

Понятно, почему написанное в 1974 г. стихотворение «Возрождение», в котором шла речь о неминуемом развале имперских структур, было напечатано лишь пятнадцать лет спустя (1989). Вот характерные и донельзя прозорливые фрагменты из него:

Народов братство было люто.
Шли по велению вождя
то русский, то грузин в Малюты,
грузин, как русских, не щадя.
<…> И, прежде выбитый, внедрялся,
как шагистический недуг,
дух офицерства, генеральства
не русский дух, а прусский дух.
Куда, пути не различая,
ты понеслась по крови луж,

Русь – птица-тройка «чрезвычайки»,
кренясь от груза мертвых душ?
И, несмотря на лавры в битвах,
в своей стране ведя разбой,
собою были мы разбиты,
как Рим разгромлен был собой.
И даже у ракет российских
был в судных всполохах зарниц
звук угрожающий раздрызга
последних римских колесниц.
Неужто русские, обрюзгнув,
свое падение проспят
и в новом Риме – русско-прусском –
произойдет сплошной распад?
Но есть еще в России вера,
пока умеют русаки
глазами чеха или венгра
взглянуть на русские штыки.
России внутренняя ценность
не в реставрации церквей,
а чтобы в нравственность, как в церковь,
водили мы своих детей.
Безнравственность – уже не русскость,
но если нравственность жива,
Россия выстоит, не рухнет,
отринет римский путь Москва.
А новый Рим невозвратимо
пускай развалится вгрязи…
Где на Руси паденье Рима,
там – возрождение Руси [9, с. 252–254].

Евтушенко умел афористично выражать свои мысли не только в стихах, но и в прозе и публицистике, и однажды он высказал то, что накипело и занозой саднило сердце: «В мире идёт третья необъявленная мировая война человеческой тонкости с человеческой пошлостью» [15].

Нависшая угроза войны не оставляла поэта в покое. Он отчетливо понимает, что от перехода в горячую фазу, когда будет пущено вход оружие, люди не застрахованы:

Тёмные силы орут и грохочут –
Хочется им человечьих костей.
Ясная, тихая сила не хочет,
Чтобы напрасно будили детей [48].

Автора знаменитой песни «Хотят ли русские войны» ужасает зримый призрак реальной мировой катастрофы, и он молит Господа ниспослать спасительные силы, которые предотвратили бы душегубство и кровопролитие, грозящее планете гибелью:

Ангелом атомного столетья
Танки и бомбы останови
И объясни им, что спят наши дети,
Ясная, тихая сила любви [37].

Евтушенко не может не признать, что за послевоенные десятилетия на Земле произошли необратимые изменения, и человечество может оказаться втянутым в зловещий Армагедон – апокалиптическую битву сил добра с силами зла в конце времён:

Мир стал другим. Культуры нахватался.
Откуда же у вас неандертальство?
В руках убийц торчат не голубино
Ракет неандертальские дубины... [10]

Евтушенко пытается докопаться-доискаться до корней того ожесточения, которое остро проявилось внутри его родной стране и в самом народе. Откуда взялись эти злоба, желчь, яд отчуждения?

Природу ничем, казалось бы, немотивированной остервенелости и окаянства он видит в том, что

В нас что-то выжжено дотла.
Приходится платить полвека
лишь за одну минуту зла.

Развивая эту мысль, он конкретизирует и объясняет ее так:

К своей стране теряли жалость,
в гулаговские времена.
Дай Бог, чтобы не продолжалась.
с народом собственным война [28].

Певец свободы, чуткий к социально и общественно значимым тенденциям, настроениям и движениям внутри страны, Евтушенко не прошел мимо развернувшейся в постсоветский период переоценки и перелицовки ценностей, когда безначалие слилось с безнаказанностью, коррупция – с бандитизмом, безалаберность и бестолковщина срифмовались с прошляпанностью и нескладицей, а безопытность переплелась с разгильдяйством. Ничего удивительного, что в такой неразберихе вспыхнули локальные конфликты, приведшие к жертвам, и, как всегда, спасать людей и одолевать порожденный Ельцина плебеистой спесью и бездарностью военного руководства ужас пришлось ценой чьих-то мужеств [41].

Поэт застал время, когда «…равны госпередел и беспредел» [16, с. 377]. Будь он жив, наверняка обыграл по-своему, как народ переиначил правительство в роскоррупцию, а профильные министерства и ведомства в роспозор, росмракобесие, россмерть, росхлам и т. д. Чем не угадайка? Подставляй соответствующую сферу и отрасль от космоса, культуры, просвещения, здравоохранения до пресловутых нанотехнологий – не ошибешься.

Ребенок военных лет, Евтушенко свято чтил память павших и воевавших, но ставшую с некоторых пор нормой практику превращения всенародного праздника "со слезами на глазах» в сакральный государственный ритуал, метко прозванный победобесием, не приветствовал:

Разве же можно, чтоб все это длилось?
Это какая-то несправедливость…
Где и когда это сделалось модным:

«Живым – равнодушье,
внимание – мертвым?»
Люди сутулятся,
выпивают.
Люди один за другим
выбывают,
и произносятся
для истории
нежные речи о них –
в крематории… [24]

В творческом активе Евтушенко целая обойма сильных, честных произведений, которые и сейчас не в холостую выстреливают в современном медиа-пространстве. Среди них в первую ряду «Дай Бог!» (1989), «Молитва» (1996), «Неоправдываемость зла» (2002).

В уповании на Господа нет самоустранения. Напротив, хорошо выпукло проступает присущая поэту деятельная жизненная позиция под девизом «На Бога надейся, но сам не плошай»:

Дай бог слепцам глаза вернуть
и спины выпрямить горбатым.
Дай бог быть богом хоть чуть-чуть,
но быть нельзя чуть-чуть распятым.
Дай бог не вляпаться во власть
и не геройствовать подложно,
и быть богатым – но не красть,
конечно, если так возможно.
Дай бог быть тертым калачом,
не сожранным ничьею шайкой,
ни жертвой быть, ни палачом,
ни барином, ни попрошайкой.
Дай бог поменьше рваных ран,
когда идет большая драка.
Дай бог побольше разных стран,
не потеряв своей, однако.
Дай бог, чтобы твоя страна
тебя не пнула сапожищем.
Дай бог, чтобы твоя жена
тебя любила даже нищим.
Дай бог лжецам замкнуть уста,
глас божий слыша в детском крике.
Дай бог живым узреть Христа,
пусть не в мужском, так в женском лике.
Не крест – бескрестье мы несем,
а как сгибаемся убого.
Чтоб не извериться во всем,
Дай бог ну хоть немного Бога!
Дай бог всего, всего, всего
и сразу всем – чтоб не обидно…
Дай бог всего, но лишь того,
за что потом не станет стыдно [11, с. 299–300].

Поэт был из тех людей, которые, сражаясь с жизненными препятствиями, отважно бодаются и готовы по-бычьи проломить башкой стенку, больно, в кровь расшибиться, но не свернуть и быть на стороне света. Об этом «Молитва»:

Униженьями и страхом
Заставляют быть нас прахом,
Гасят в душах божий свет.
Если гордость мы забудем,
Мы лишь серой пылью будем
Под колесами карет.
Можно бросить в клетку тело,
Чтоб оно не улетело
Высоко за облака,
А душа сквозь клетку к богу
Все равно найдет дорогу,
Как пушиночка, легка.
Жизнь и смерть – две главных вещи.
Кто там зря на смерть клевещет?
Часто жизни смерть нежней.
Научи меня, Всевышний,
Если смерть войдет неслышно,
Улыбнуться тихо ей.
Помоги, господь,
Все перебороть,
Звезд не прячь в окошке,
Подари, господь,
Хлебушка ломоть –
Голубям на крошки.
Тело зябнет и болеет,
На кострах горит и тлеет,
Истлевает среди тьмы.
А душа все не сдается.
После смерти остается
Что-то большее, чем мы.
Остаемся мы по крохам:
Кто-то книгой, кто-то вздохом,
Кто-то песней, кто – дитем,
Но и в этих крошках даже,
Где-то, будущего дальше,
Умирая, мы живем.
Что, душа, ты скажешь богу,
С чем придешь к его порогу?
В рай пошлет он или в ад?
Все мы в чем-то виноваты,
Но боится тот расплаты,
Кто всех меньше виноват.
Помоги, господь,
Все перебороть,
Звезд не прячь в окошке,
Подари, господь,

Хлебушка ломоть –
Голубям на крошки [19].

Евтушенко никогда не были чужды серьезные проблемы вроде соотношения добра и зла, их абсолютность и относительность. Философское постижение зла в истории и культуре как парадокса человеческого существования, как наказание свыше и даже как возможность спасения, поэт при всем диалектическом складе ума не мыслит и не приемлет победу зла над добром ни в виде абстракции, ни тем более – реальности:

Соотечественников понесло:
так и рвутся оправдывать зло.
Так заискивают на случай
перед проволокой колючей
и готовы хоть чокнуться чаркой
с отставной человеко-овчаркой,
чтобы в будущем им повезло.
Боже мой, и какие же тонкости
в оправданье холопской жестокости!
Но Россию спасет, как спасла
в ее смуты, в ее лихолетия,
гордость нищего великолепия –
неоправдываемость зла [25, с. 385].

Прямое следствие оправдания зла очевидно: заразившиеся его вибрионом и оскотинившиеся сегодня завтра овурдолачатся.

Поистине стержневое, крепкое по духу стихотворение поэта «Достойно» нацеливает на преодоление страха перед временем:

Достойно, главное, достойно
Любые встретить времена,
Когда эпоха то застойна,
То взбаламучена до дна.
Достойно, главное, достойно,
Чтоб раздаватели щедрот
Не довели тебя до стойла
И не заткнули сеном рот.
Страх перед временем – паденье,
На трусость душу не потрать,
Но приготовь себя к потере
Всего, что страшно потерять.
И если всё переломалось,
Как невозможно предрешить,
Скажи себе такую малость:
И это надо пережить…» [12, с. 260].

Евтушенко заслуженно надеется, что не будет забыт:

И в поэзию новых времен,
в разливанное многоголосье
я по пояс войду, как в колосья,
и они отдадут мне поклон [43, с. 346].

Евтушенко, конечно, не Марк Аврелий и не Монтень. И все же из его высказываний можно составить целый цитатник на все случаи жизни. Фи-

лософская позиция поэта не линейна. Он отдал щедрую дань романтизму. Его идеалистическая вера в хороший (с человеческим лицом) социализм сменилась скептицизмом, а человеколюбие не до конца выдержало проверку временем и обширным и разносторонним житейским опытом и приобрело отчетливую горчинку в результате разочарования в людях. Несмотря на все это он сохранил здравый смысл, душевное равновесие и глубокую убежденность, что силы добра одолеют силы зла. Из мудрых поэтических заповедей Евтушенко можно отобрать целые россыпи жемчужин. Как всякий большой поэт он универсален и всеохватен. К примеру, его экологическое завещание вполне может быть вышито и на знамени зеленых, и быть слоганом и скрепой ревнителей классической общечеловеческой этики и морали.

Из мудрых поэтических заповедей Евтушенко можно отобрать целые россыпи жемчужин. Как всякий большой поэт он универсален и всеохватен. К примеру, его экологическое завещание вполне может быть вышито и на знамени зеленых, и быть слоганом и скрепой ревнителей классической общечеловеческой этики и морали:

Берегите эти земли, эти воды
Даже малую былиночку любя.
Берегите всех зверей внутри природы,
Убивайте лишь зверей внутри себя! [7]

Почти шестьдесят лет назад у поэта было основание для окрыленности оптимистическим предчувствием:

Быть бессмертным не в силе,
но надежда моя:
если будет Россия,
значит, буду и я [14]

Почвенность поэзии Евтушенко не исчерпывается тем, что она настояна на былинно-песенном хмеле русского разнотравья. Пожалуй, она вошла в состав самой культуры, стала ее геномом, самосохранилась и передалась следующему поколению. Теперь личностные мировоззренческие установки поэта уже не есть его индивидуальные откровения непосредственной, безотносительной к чему бы то ни было данности себя, а сцеплены с воспринятыми от него сегодняшней молодежью представлениями о человеке, природе, пространстве и времени, свободе и несвободе, совести и мерзости, благородстве и подлости, справедливости и произволе, личности и власти, государстве и народе, любви и дружбе, прекрасном и безобразном и т. д., т. е. гипотетически могут преобразоваться в ценностные категории и константы целого социального организма, всего новейшего социума. Другими словами, у поэзии Евтушенко есть предпосылки и шанс стать геном русской культуры.

Безусловно, Евгений Евтушенко нужен нам и сегодня. А что и как будет завтра, покажет время.

Список литературы

1. Аннинский Лев. Прощай, Женя! // Лев Аннинский о Евтушенко: Прощай, Женя! – URL: weekend. rambler. ru›items…lev-anninskiy…zhenya-ty.

2. Быков Д. Л. Евгений Евтушенко // Портретная галерея // Дилетант. – 2018. – № 8. – URL: https://ru-bykov. livejournal. com/3473164. html.

3. Волков С. Диалоги с Е. Евтушенко. –М: Издательство АСТ, 2018. – 576 с.

4. Галковский Дм. F1. Несколько слов о Евгении Евтушенко. – URL: galkovsky. livejournal. com.

5. Галковский Дм. Шестидесятники как поколение гигантов, или Галковский на смерть Евтушенко. – URL: business-gazeta. ru›article/342685.

6. Евтушенко Е. А. Баллада о соринке. – URL: http://ev-evt.net/stihi/b/mote.php.

7. Евтушенко Е. А. Берегите эти земли, эти воды... – URL: beregite-yeti-zemli-yeti-vody.html.

8. Евтушенко Е. А. В государстве по имени КАК БЫ / Со мною вот что происходит…: стихотворения. –СПб.: Аазбука-Аттикус, 2022. – С. 389 –390.

9. Евтушенко Е. А. Возрождение / Евтушенко Е. Со мною вот что происходит…: стихотворения. – СПб.: Аазбука-Аттикус, 2022. –С. 252 – 254.

10. Евтушенко Е. А. Гены. – URL: libverse. ru›yevtyshenko/genu. html.

11. Евтушенко Е. А. Дай Бог! // Евтушенко Е. Со мною вот что происходит… : стихотворения. СПб.: Аазбука-Аттикус, 2022. – С. 299 – 300.

12. Евтушенко Е. А. Достойно, главное, достойно /Евг. Евтушенко. Со мною вот что происходит… : стихотворения. СПб.: Аазбука-Аттикус, 2022. – С. 260.

13. Евтушенко Е. А. Золушка. – URL: rustih.ru›evgenij-evtushenko-zolushka/.

14. Евтушенко Е. А. Идут белые снеги. – URL: culture.ru›poems/26526/idut-belye-snegi.

15. Евтушенко Е. А. Известные афоризмы. – URL: wisdoms.one›aforizmi_ yevgeny_yevtushenko_8. html.

16. Евтушенко Е. А. Как не хватает Сахарова нам/ Со мною вот что происходит… : стихотворения. СПб.: Аазбука-Аттикус, 2022. – С. 376 – 378.

17. Евтушенко Е. А. Когда придёт в Россию человек. – URL: https://www. culture.ru/poems/26533/kogda-pridyot-v-rossiyu-chelovek.

18. Евтушенко Е. А. Мне мало всех щедростей мира / Со мною вот что происходит… . Стихотворения. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. – С. – С. 7.

19. Евтушенко Е. А. Молитва. – URL: https://www.culture.ru/poems/26276/molitva.

20. Евтушенко Е. А. На что уходит жизнь? – URL: ev-evt. net›stihi/n/life. php.

21. Евтушенко Е. А. Народ – кто сам себе не врёт. – URL: lit-ra.su›evgeniy… narod-kto-sam-sebe-ne-vryot/.

22. Евтушенко Е. А. Народ, народ. – URL: socratify. net›quotes/golub-v-santiago-evgenii.

23. Евтушенко Е. А. Не надо пугаться густого тумана. – URL: https://stihi. ru/2017/12/15/10664.

24. Евтушенко Е. А. Нежность. – URL:culture. ru›poems/26291/nezhnost.

25. Евтушенко Е. А. Неоправдываемость зла / Со мною вот что происходит… : Стихотворения. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. – С. 385.

26. Евтушенко Е. А. Нет, мне ни в чем не надо половины! / Со мною вот что происходит…: Стихотворения. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. – С. 127.

27. Евтушенко Е. А. Ничто не сходит с рук/ Со мною вот что происходит… : Стихотворения. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. – С. 221 – 222.

28. Евтушенко Е. А. Одна минута зла. Блог Евгения Евтушенко. Новые стихотворения. – URL:novayagazeta. livejournal.com›324315.html.

29. Евтушенко Е. А. Памяти Андрея Дмитриевича Сахарова. Жемчужины мысли. – URL: inpearls. ru›1541601.

30. Евтушенко Е. Первый день поэзии / Со мною вот что происходит…: Стихотворения. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. – С. 275 – 277.

31. Евтушенко Е. А. Под кожей статуи Свободы. – URL: pitzmann.ru›evtushenko-pod.htm.

32. Евтушенко Е. А. Под Курском соловьи поют... – URL: youtube.com› watch?v=3SuWu2Q9UJ4.

33. Евтушенко Е. А. Подавляющее большинство. – URL: ed-glezin.livejournal.com› 1036461.html.
34. Евтушенко Е. А. Потеря. – URL: culture. ru.
35. Евтушенко Е. А. Поэт в России больше, чем поэт. – URL:culture.ru.
36. Евтушенко Е. А. Саможалость. – URL: poetry.monster›ru.
37. Евтушенко Е. А. Сила страстей. – URL: rupoezia.ru›evgenij-evtushenko-stihi-o-rodine.
38. Евтушенко Е. А. Царь на Руси не так уж страшен. – URL:inpearls.ru.
39. Евтушенко Е. А. Цитаты, афоризмы, высказывания. – URL:inpearls.ru.
40. Евтушенко Е. А. Школа в Беслане. – URL:ev-evt.net›stihi/sh/beslan.php.
41. Евтушенко Е. А. Юмор. – URL:culture.ru›poems/26386/yumor.
42. Евтушенко Е. А. Я приду в двадцать первый век / Со мною вот что происходит… : Стихотворения. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. – С. 345–346.
43. Комин В. В., Прищепа В. П. Он пришел в XXI-й век: Творческий путь Евгения Евтушенко. – Иркутск. – [Б. и.], 2009. – 430 с.
44. Корнакова Е. С. Национально-культурная специфика советской действительности и ее языковое отражение в поэзии Е. А. Евтушенко // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2017. – Vol. 15. –No 1. – С. 103–112.
45. Михайлова О. С. Идиостиль Е. Евтушенко в аспекте теории мотивации. – автореф. дисс…. канд. филол. наук. Томск: Том. гос. ун-т, 2005. – 21 с.
46. Петриченко М. А. Деривационная структура и стилистические функции речевых новообразований в современной советской поэзии (на материале поэзии А. А. Вознесенского и Е. А. Евтушенко): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1981. – 23 с.
47. Последние стихи Евгения Евтушенко (Антон Архаров). – URL: proza.ru› 2019/07/04/347.
48. Прищепа В. П. Российского Отечества поэт (Е. А. Евтушенко: 1965–1995 гг.). – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 1996. – 344 с.
49. Сидоров В. Ю. Евгений Евтушенко: Личность и творчество / Е. Сидоров. – М.: Худож. лит., 1987. – 206 с.
50. Хорина О. Н. Евгений Евтушенко: особенности поэтического мировоззрения / Роль личности в истории: реальность и проблемы изучения. – Минск : БГУ, 2011. – С. 81–84.
51. Человек, которого не победили : критико-биографический очерк жизни и творчества Е. А. Евтушенко / В. В. Артемов, В. П. Прищепа, рец. В. П. Трушкин ; Хак. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова. Абакан : Изд-во Хак. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 1996. – 284 с.

УДК 821.161.1

Колмакова Оксана Анатольевна
Иркутский государственный университет,
кафедра филологии и методики,
доктор филологических наук, доцент

МОТИВ РАДОСТИ В РАССКАЗЕ Ю. В. БУЙДЫ «ВЕСЕЛАЯ ГЕРТРУДА»

Аннотация. В статье анализируется художественная интерпретация христианской категории радости, рассмотренной на материале произведения современной русской прозы. Доказывается, что насыщенный культурными реминисценциями, идеально «сделанный» в сюжетно-композиционном плане, рассказ Ю. В. Буйды «Веселая Гертруда» нельзя рассматривать только лишь в аспекте аллюзивно-игровой эстетики пост(модерна). Глубокая нравственно-философская проблематика рассказа выводит авторский замысел на уровень христианского миропонимания. Современный писатель осмысливает одну из ведущих категорий христианской праксиологии – категорию Божественной радости. Раскрывая современному читателю сущность Божественной радости, Ю. Буйда предлагает ему взгля-

нуть через призму христианской этики на такие фундаментальные понятия человеческого бытия, как «время», «смысл жизни», «смерть».

Ключевые слова: Ю. Буйда, «Веселая Гертруда», христианский дискурс, радость, образ, мотив

Kolmakova Oksana Anatol'evna

Irkutsk State University, Department of Philology and Methods, Doctor of Philology, Docent

MOTIVE OF JOY IN YU. V. BUIDA'S STORY «FUNNY GERTRUDE»

Annotation. The article deals with the artistic interpretation of the Christian category of joy as considered on the material of modern Russian prose. It is proved that the Yu. V. Buida's story «Funny Gertrude», saturated with cultural reminiscences and ideally «made» in terms of plot and composition, cannot be considered only in the aspect of post (modern) allusive-playful aesthetics. The deep moral and philosophical problems of the story bring the author's intention to the level of the Christian worldview. A modern writer comprehends one of the leading categories of the Christian praxeology – the category of Divine joy. Revealing the essence of Divine joyto the modern reader, Yu. Buida invites him to look at such fundamental concepts of human existence as «time», «meaning of life», «death» through the prism of Christian ethics.

Keywords: Yu. Buida, «Funny Gertrude», Christian discourse, joy, image, motive

Прозу Ю. В. Буйды, одного из лидеров современного литературного процесса, отличает особое внимание к форме, что позволяет критикам и литературоведам считать этого автора искусным стилистом, эстетом, ярким представителем отечественного постмодернизма. Так, М. В. Безрукавая выделяет у Буйды «приоритетное внимание к эстетическому, а не этическому» [2, с. 101]. А Т. Г. Прохорова раскрывает специфику некоторых произведений писателя, используя ключевые понятия постмодернистского искусства: «метапроза», «творческий автокомментарий» [7, с. 110].

На наш взгляд, формальная выверенность художественного текста не исключает его смысловой нагруженности, ориентирующей читателя на духовно-нравственный поиск. Примечательно, что сам Ю. Буйда отождествляет писательскую деятельность с «подвигом святости», с «молитвами отцов-пустынников, о существовании которых никто и не подозревал, однако подвиг этих безымянных людей остался в духовной копилке человечества» [8]. Буйда говорит не об «игре писателя с языком», а о битве с ним: «Настоящий писатель бьется с ним <с языком>, как Иаков в темноте бился с ангелом, не зная с кем» [11]. Очевидно, что христианское вероучение обладает особой значимостью для писателя. В рассказе «Веселая Гертруда» автор исследует человека с позиций христианской антропологии.

Краткий пересказ сюжета «Веселой Гертруды» позволяет увидеть, что в основе архитектоники этого рассказа лежит принцип композиционной рифмы. Образы главных героев – Гертруды Келлер (Веселой Гертруды) и Сергея Ивановича Ламеннэ (Миши, Михаэля) – связывает серия сквозных мотивов и повторяющихся художественных деталей. Получив серьезное ранение и контузию в 1916 году, поручик Ламеннэ впал в особое состояние, вызванное ретроградной амнезией. Профессор Хайдеггер назвал это состояние «существованием одновременно во времени и в вечно-

сти в форме сновидения» [3, с. 582]. Пленный русский офицер «без имени» тронул сердце фрау Келлер, рано овдовевшей и тоже жившей как бы во сне: «После смерти мужа она перестала по ночам видеть сны – теперь они посещали ее днем, затуманивая взгляд калейдоскопом бескостных видений» [3, с. 580]. Гертруда и ее второй муж Миша, Михаэль (на это имя отзывается бывший поручик Ламеннэ) вместе вслух читают Шиллера. Позже выяснится, что в юности Сергей Иванович читал Шиллера вместе со своей сестрой Верой. Стараясь вспомнить свое прошлое, Миша пытается проникнуть в тайну времени буквально: он становится часовщиком и наследует мастерскую Гуго Келлера, первого мужа Гертруды.

Еще одной композиционной рифмой в рассказе является деталь, выполняющая роль психологического триггера: щелчок зажигалки. Сергей Иванович подносит зажигалку к папироске своего друга Мишеньки Рагозина за мгновение до рокового взрыва, который «выключит» сознание поручика. Второй щелчок зажигалки раздастся в 1945 году: русский танкист попросит «огонька» у Михаэля и тот, щелкнув зажигалкой, вдруг осознает, что он «не Миша, а Сергей Иванович Ламеннэ». Сознание возвращается к Сергею Ивановичу; он уходит из осиротевшего после смерти дочери дома на родину, в Россию, где его примут за немецкого шпиона и расстреляют. У Гертруды же вторая смерть близкого человека вызывает тихое помешательство: «Люди и чудовища, населявшие Гертрудины сновидения, выбрались в ее дневную жизнь, и она, кажется, даже не заметила исчезновения мужа» [3, с. 584]. В финале Гертруда потешает новых – русских – жителей городка, часами приплясывая на одном месте и напевая строки из «Оды к радости» Шиллера: «Зайдумшлюнген, миллионен» («Обнимитесь, миллионы»), за что она и получила прозвище «Веселая».

Мотив сна сознания в рассказе прочно связан с христианской категорией Божественной радости. Радость Михаэля и Гертруды – это чувство блаженства, которое испытывают нищие духом: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5:3). Врач-психиатр, исследовавший «феномен Михаэля Келлера», отметил: «Самое поразительное заключается в том, что этот человек, искалеченный войной и утративший родину, сохранил в своем сердце некий свет, некую высшую радость, даруемую Господом лишь избранным… Его воздействие на пациентов, имевших возможность с ним общаться, просто удивительно по силе» [3, с. 582]. Философ Хайдеггер определил состояние Михаэля как радость, «…выступающую психологическим атрибутом вечности» [Там же].

В особенности символичен эпизод, описывающий маленькую Луизу Келлер в часовой мастерской отца: «Иногда он отрывался от работы и долго смотрел на девочку. Именно в такие минуты на пороге мастерской бесшумно вырастал божий ангел, которого Луиза ясно различала, но боялась пошевельнуться, чтобы не огорчить отца» [Там же]. Состояние сна сознания героя является проекцией жизни вечной:«Чудо сна и есть единственная дверь из вре-

мени в вечность» [3, с. 583]. Ощущение отсутствия течения времени создается в рассказе рефреном:«Каждое утро он находил на тумбочке у изголовья голубую тарелку с алым сочным яблоком» [Там же]. Яблоко символизирует полноту и радость бытия, испытываемые обоими героями.

Кульминацией рассказа становится письмо из прошлого, которое читает Сергей Иванович в России, в библиотеке поместья Ламеннэ на странице шиллеровской «Оды к радости» – карандашная вязь, написанная рукой его сестры Веры. Из письма Сергей Иванович узнает, что «маму и папу уже расстреляли» и что они с сестрами «вряд ли избегнут». Но несмотря на весь ужас своего положения, Вера не утратила божественной радости. Напротив, испытания только укрепили ее: «Я испытываю странную радость и веру в то, что Он не оставит нас и эту страну, этот народ и Его радостью соединятся живые и мертвые, правые и виноватые, и мир устоит, устоит, Сережа!» [3, с. 585]. Строки Шиллера, сквозь которые звучит голос Веры, выражают подлинную Радость от присутствия Бога в человеческой жизни: «Обнимайтесь, миллионы! // В поцелуе слейся, свет! // Братья, над шатром планет // Есть отец, к сынам склоненный» [1, с. 62].

Вера с сестрами, вероятнее всего, погибла, гибнет Сергей Иванович, сходит с ума Гертруда. Но в ее сердце продолжает гореть огонь Божественной радости. Обыватели прозвали Гертруду «Веселой», а не «Радостной», потому что их понимание подлинной радости искажено. Смыслы, вкладываемые в понятие «радость» обыденным сознанием, связаны с «чувством удовольствия» [10, с. 569], «веселья» [6, с. 653], с состоянием «удовлетворения по поводу сбывшихся желаний» [4, с. 86].

В христианском понимании радость – это прежде всего душевное состояние. Так, в Библейской энциклопедии архимандрита Никифора радость описывается как «приятное душевное чувство» [5, с. 437]. Св. Иоанн Златоуст связывал радость с понятиями чистой совести, добрых дел и добродетели. Он писал:«Если желаешь радости, не ищи ни денег, ни телесного здоровья, ни славы, ни власти, ни веселья, ни роскошных трапез, ни шелковых одежд, ни многоценных полей, ни блистательных домов, и ничего другого тому подобного, но устремись к любомудрию по Боге и держись добродетели» [9, с. 206].

Слова святителя объясняют состояние радости Веры, странное даже для нее самой: «То, что других опечаливает, для тебя будет приращением радости. И бичи, и смерть, и потери, и злословия, и обиды, и все подобные бедствия, если только наводятся на нас ради Бога, и этот имеют корень, вносят в нашу душу великую радость» [Там же].

Итак, обращение Ю. В. Буйды к категории Божественной радости в рассказе «Веселая Гертруда» связано не только с традиционным для русской литературы поиском метафор духовности. Осмысляя понятие Божественной радости, писатель раскрывает сущность одной из центральных категорий христианского вероучения, изображая подлинную высоту духа своих героев.

Список литературы

1. Багровое светило: стихи зарубежных поэтов в переводе Михаила Лозинского. – М.: Прогресс, 1974. – 216 с.
2. Безрукавая М. В. Творчество Ю. Буйды как литературный проект // Язык и культура. –2015. – № 16. – С. 100– 105.
3. Буйда Ю. Веселая Гертруда // Буйда Ю. Прусская невеста: Рассказы. – М.: Эксмо, 2015. –С. 579–586.
4. Ильин Е. П. Психофизиология состояний человека. – СПб: Питер, 2005. – 412 с.
5. Никифор, архим. Библейская энциклопедия. – М.: Терра, 1991. –904 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М: ИТИ Технологии, 2003. – 944 с.
7. Прохорова Т. Г. Роман Юрия Буйды «Вор, шпион и убийца»: между автобиографией и вымыслом // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2015. –Т. 15. – Вып. 2. –С. 106–110.
8. Рахаева Ю. Замочные скважины. Юрий Буйда, финалист «Большой книги», – о том, чем работа писателя похожа на молитвы отцов-пустынников… // Российская газета. – 2013. – 6 ноября. – № 6225 (249). –URL: http:// https://rg. ru/2013/11/06/bujda.html (дата обращения: 23.01.2023).
9. Св. Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. Т. 2: в 2 кн. Кн. 1. – СПб.: Изд. С.-Петербургской духовной академии, 1896. – 979 с.
10. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2014. – 800с.
11. Юрий Буйда: «Наша речь, как расплавленная магма» // Портал городских новостей «Вечерняя Москва». – 5 фев. 2015. – URL: http://www.vm.ru/news/2015/02/05/yurij-bujda-nasha-rech-kak-rasplavlennaya-magma-277888.html (дата обращения: 23.01.2023).

УДК 811

Кривошапова Наталья Викторовна

Приднестровский государственный университет
им. Т. Г. Шевченко, кафедра русского языка
и межкультурной коммуникации,
кандидат филологических наук, доцент

ЦЕННОСТЬ КИРИЛЛИЦЫ ДЛЯ СПАСЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается понимание ценности кириллической графики для развития молдавского языка, сохранившегося только в Приднестровье. Автор не ограничивается традиционным для классической филологии гносеологическим прочтением этапов развития молдавского языка, понимая молдавский язык с лингвокультурологической и сравнительно-исторической точек зрения. Предлагается рассмотреть вопрос ценности кириллицы и самого словосочетания «молдавский язык» многопланово, опираясь на высказывания официальных лиц Республики Молдова, Российской Федерации, Приднестровской Молдавской республики. В таком прочтении подход к проблемам сохранения молдавского языка получается разноаспектным и полным.

Ключевые слова: молдавский язык, кириллица, латинская графика, румынский язык, искусственный язык, государственный язык

Krivoshapova Natalia Viktorovna

Pridnestrovian State University «T. G. Shevchenko», Department of Russian Language and Intercultural Communication, Candidate of Philological Sciences, Docent

THE VALUE OF THE CYRILLIC ALPHABET FOR THE SALVATION AND PRESERVATION OF THE MOLDOVAN LANGUAGE

Annotation. The article deals with the understanding of the Cyrillic graphics' value for the development of the Moldovan language, preserved only in Pridnestrovie. It is shown that this author is not limited to the epistemological reading of the stages of development of the Moldovan language, which is traditional for classical philology, but understands the Moldovan language from a linguoculturological and comparative-historical point of view. The author proposes to consider the question of the value of the Cyrillic alphabet and the phrase «Moldovan language» in many ways, based on the statements of officials of the Republic of Moldova, the Russian Federation, the Pridnestrovian Moldavian Republic. In this reading, the researcher's view on the problems of preserving the Moldovan language turned out to be diverse and complete.

Keywords: Moldovan language, Cyrillic alphabet, Latin graphics, Romanian language, artificial language, state language

Министр иностранных дел Румынии Богдан Ауреску заявил, что молдавского языка никогда не существовало, он якобы был искусственно создан во времена СССР: «Этого так называемого молдавского языка не существует, это искусственная конструкция, которая была создана Советским Союзом». Господина Богдана Ауреску тоже никогда не было, но ведь он был создан. Разве можно его теперь называть «искусственной конструкцией»? – ответила М. В. Захарова [2]. В отличие от румынского министра, молдавский язык представляет собой важное явление в мировой истории. Пресс-служба МИД Румынии сообщает, что закон парламента Молдавии о переименовании госязыка республики в румынский «восстановил научную истину», что поможет укрепить отношения между Кишинёвом и Бухарестом.

В исторической лингвистике давно установился консенсус относительно молдавского и румынского языков. Они действительно схожи, но это разные наречия. Молдавский – древний язык молдаван, упоминается ещё в произведениях XVII в. В 1628 г. вышла книга немецкого учёного И. Альштеда «Сокровища Хронологии», где в таблице языков и диалектов Земли упомянут и молдавский – lingua moldavorum. Есть и более древние упоминания молдавского языка, вплоть до XVI в. А вот румынского тогда не было, был старорумынский, который правильнее называть, как считает большинство исследователей, валашским. Сам румынский язык оформился только в самом конце XVIII в., после создания румынским богословом Самуилом Мику-Клейном свода правил и грамматики.

Теперь молдавский язык официально сохранился только в Приднестровье. В Приднестровье официально три государственных языка: молдавский, украинский и русский. На административных зданиях вместе с государственным флагом установлены флаги Российской Федерации.

Более того, молдавский как язык современной государственности, органичным образом является символом самоидентификации жителей Молдавии, сформированной в современных границах в 1940 г. Отказываясь от молдавского языка, нынешний режим в Кишинёве поднимает во-

прос: чья теперь Бессарабия (которая до 1940 г. была оккупирована Румынией) и кому принадлежат земли по Днестру (которые до 1940 г. входили в состав Украины)?

Если хотят переписывать название языка, то пусть уж придерживаются исторической логики и называют румынский молдавским, а не наоборот [5].

А вот что говорит Санду о переименовании молдавского языка в румынский: «Я рада, что это случилось. Безусловно, я промульгирую этот закон. Это произошло поздно – надо было ещё 30 лет назад, но хорошо, что произошло. Язык румынский, и что бы ни происходило на улице, это никак не повлияет на эту правду» [1; 4].

В Молдове приняли закон об изменении синтагмы «молдавский язык» на «румынский язык» в официальных документах. Словосочетание «молдавский язык» будет заменено на «румынский язык» в текстах всех законов молдавских и нормативных актов, в том числе в Конституции Молдовы.

Соответствующий закон «О выполнении некоторых постановлений Конституционного суда» принят во втором, окончательном чтении парламентом Молдавии. Парламент Молдовы одобрил переименование государственного языка с молдавского в румынский– читаем во всех тематических СМИ в середине марта 2023 г. Согласно поправке, слова «молдавский язык» во всех законодательных актах заменяются словами «румынский язык». Это также касается слов «государственный», «официальный» и «родной» язык.

За законопроект проголосовали 58 депутатов, главным образом из правящей партии «PAS» [1]. В силу принятый закон вступит после его официальной публикации. Затем в течение 30 дней соответствующие изменения должны быть внесены во все нормативные акты, включая Конституцию Республики Молдавии. В качестве обоснования разработчики законопроекта ссылаются на решение Конституционного суда Молдовы.

Напомним, что в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. отрицание существования молдавского народа и молдавского языка было частью политики пришедших к власти в Кишиневе националистов, направленной на присоединение бывшей Молдавской ССР к Румынии. Именно эта политика стала причиной молдово-приднестровского конфликта.

Румынским с того периода стали называть молдавский язык на латинской графике. В образовательных учреждениях Молдавии требовали обучать молдавскому на латинице. Кириллический молдавский перестали называть языком и перевели в статус «сельского» молдавского диалекта. С лингвистической точки зрения подобное отношение к кириллице и кириллическому языку недопустимо и носит политический характер.

Кроме графических различий, у этих близкородственных романских языков есть фонетические, семантические и понятийные различия. Но

главной приметой, конечно же, является молдавская кириллица, на которой писали еще с древности (об этом свидетельствуют найденные ведомости и исторические факты).

Председатель Партии коммунистов (ПКРМ), бывший президент В. Н. Воронин настаивает, что в Молдове государственный язык должен назваться «молдавский», а не «румынский». В эфире передачи «Новая неделя» на TV8 Воронин заявил, что Штефан чел Маре, Михай Еминеску, Григоре Виеру и Дмитрий Кантемир говорили и писали на кириллическом молдавском. В. Н. Воронин раскритиковал решение парламента Молдовы заменить название государственного языка в Конституции и во всех других законах с «молдавского» на «румынский». «Молдова родилась как независимое государство на 440 лет раньше Румынии, а мы сидим и обсуждаем. Я спрашивал в парламентских комиссиях: «На каком языке говорил Штефан чел Маре?» На молдавском. На каком языке писал стихи Михай Еминеску? На молдавском, он отсюда, из Молдовы. Дмитрий Кантемир писал на молдавском», –сказал Воронин. Воронин выступил 6 марта 2023 г. на протесте перед Конституционным судом, организованном социалистами против решения парламента одобрить законопроект об изменении в законах названия «молдавский язык» на «румынский» [3]. Бывший президент, председатель Партии коммунистов (ПКРМ) Владимир Воронин считает, что необходимо провести общенациональный референдум об изменении названия «молдавский язык» на «румынский», чтобы каждый житель Молдовы смог высказаться, как называть язык [3].

Как уже упоминалось выше, 16 марта 2023 г. парламент Молдовы одобрил во втором чтении законопроект, предложенный фракцией партии «Действие и солидарность» (PAS), согласно которому название государственного языка в Конституции и всех других законах изменят с «молдавского» на «румынский». По проекту, словосочетания «молдавский язык», «государственный язык», «официальный язык» и «родной язык» в любой грамматической форме необходимо будет заменить словосочетанием «румынский язык» в соответствующей грамматической форме.

Для осуществления такого рода перемены в PAS нашли уникальный, но неоднозначный способ. Правящая партия собирается привести законодательство в соответствие с решением Конституционного суда 2013 г., который постановил, что Декларация о независимости Молдовы (там упоминается румынский язык) превалирует над текстом Конституции, в том числе в части наименования госязыка.

Примечательно, что внести, как выражаются в PAS, технические правки в Конституцию и законодательство партия власти собирается, приняв закон простым большинством в 51 голос. Тогда как изменения в Конституцию должны утверждаться ⅔ голосов депутатов. Более того, Конституцию нельзя изменять во время чрезвычайного положения.

Законопроект состоит из нескольких статей. Первая говорит о необходимости заменить во всех законах (надо понимать и в Конституции) «молдавский» или «государственный» языки на «румынский язык».

Вторая статья предлагает признать устаревшей синтагму статьи 13 Конституции «функционирующий на основе латинской графики». Также документ предлагает заменить название праздника «Limba noastră» на «Limba română».

Вопрос названия государственного языка в Молдове всегда вызывал много политических дискуссий. Эти противоречия нашли отражение и в законодательстве страны с самого ее основания. Например, в самых первых документах времен обретения независимости – законах от 31 августа 1989 г. «О возврате молдавскому языку латинской графики» и «О государственном языке МССР» – используется название «молдавский язык». Так же язык называется в принятом на следующий день законе «О функционировании языков на территории Молдавской ССР».

Спустя еще два года первый молдавский парламент принял Декларацию о независимости Республики Молдова, в которой упоминаются законы от 31 августа 1989 г., но говорится уже «о провозглашении румынского языка государственным и о возврате ему латинского алфавита».

Спустя еще три года, после первых в истории независимой Молдовы выборов в парламент, была принята современная молдавская Конституция.

Ее статья 13 гласит: «Государственным языком Республики Молдова является молдавский язык, функционирующий на основе латинской графики». Конституция 1994 г., несмотря на несколько попыток пересмотреть статью 13, сохранила сложившийся правовой статус-кво почти на два десятилетия.

В отличие от нормативных актов и текста Конституции, в системе образования Молдовы всегда использовали название «румынский язык». Не признает существование «молдавского языка» и Академия наук.

Бывший президент Молдавии И. Н. Додон связал смену языка на сайте главы государства с тем, что новый президент Майя Санду – гражданка Румынии. Именно это было сказано политиком в интервью российскому телеканалу Россия 24 во время визита в Москву. «Впервые в истории независимой Молдовы президентом стала женщина. А также гражданка Молдовы и Румынии. Поэтому одно из первых решений – поменять язык на сайте администрации президента. Хотя, по моему мнению, есть более важные проблемы – пандемия, ситуация с правительством», – заявил Додон [6].

Как уже говорилось выше, в день инаугурации президента Майи Санду 24 декабря на официальном сайте президента название государственного языка изменили с молдавского на румынский.

Итак, пишется новая история, в которой молдавского народа нет, а есть только Румыния с ее историей и культурой. Давайте уже тогда уберем памятник Штефану чел Маре и поставим памятник румынскому воеводе или переименуем памятник. Так как именно господарь Молдавии Стефан III Великий боролся и отстаивал, защищал именно молдавский язык и

молдавский народ с его историей и культурой. Куда же все это ушло? Выходит, господарь зря боролся и посвятил этому всю свою жизнь?

Перемены не прошли незамеченными не только в молдавских, но и зарубежных СМИ – российские и румынские. «Прежний президент Молдавии Игорь Додон неоднократно настаивал на том, что в республике государственным языком является молдавский. Его преемница Санду с этим не согласна, поэтому в день ее инаугурации на сайте президента страны «молдавская» версия была переименована в «румынскую» без изменения содержания публикаций. Английская и русская версия сайта не изменились», – написали РИА Новости.

А румынское издание Adevarul.ro, напомнило, что И. Н. Додон, вступив в должность президента в 2016 г., изменил название языка на сайте с румынского на молдавский, заявив, что в Конституции Молдовы именно он указан как государственный.

В Приднестровской Молдавской республике все три официальных языка: русский, молдавский, украинский – на кириллической графике. Определение «молдавский» сохраняется в названии нашего государства, как и молдавский язык, который продолжает изучаться вместе с молдавской литературой в образовательных учреждениях разной ступени обучения вместе с еще одним официальным языком – украинским. Украинские рушники, молдавская глиняная посуда, русская прялка XIX в., болгарская одежда и предметы быта и много других национальных предметов убранства хранятся в музеях детсадов и школ. В этой фолк-атмосфере дети впитывают разнообразие культур и традиций Приднестровья.

Приднестровье является многонациональным государством. Наибольшей численностью обладают три этнические группы: русские – 160 тыс. человек, молдаване – 155,3 тыс. человек и украинцы 125,7 тыс. человек. Также в ПМР проживают и представители других национальностей – болгары, евреи, немцы, поляки, белорусы, гагаузы и др.

Русский язык – язык межнационального общения, своим примером помогает и стимулирует развитие всех языков в Приднестровье.

Союз писателей Приднестровья включает мощный сектор молдавских писателей, а образовательные учреждения обеспечены учебниками, рабочими тетрадями, хрестоматиями на молдавском языке. Есть телепередачи на молдавском языке, периодические издания, дома народных традиций и ремесел на территории Приднестровской Молдавской республики. Именно кириллица сохранила молдавский язык, литературу и культуру.

Список литературы

1. В Молдавии официально переименовали молдавский язык в румынский. – URL: https://www.interfax.ru/world/891436.
2. Мария Захарова. – URL: https://t.me/MariaVladimirovnaZakharova.
3. Парламентская оппозиция протестует у КС: «Мы – молдаване, наш язык – молдавский». – URL: https://eadaily. com/ru/news/2023/03/06/parlamentskaya-oppoziciya-protestuet-u-ks-my-moldavane-nash-yazyk-moldavskiy.

4. После инаугурации Санду на сайте президента Молдавии поменяли язык. – URL: https://lenta.ru/news/2020/12/24/moldavia_11/.
5. Суляк С. Г. Молдавия и Русский мир: возможно ли возвращение? // Русин. – 2012. – № 3 (29).–С. 5–32.
6. Додон прокомментировал переименование молдавского языка в румынский на сайте президента. – URL: https://aif.md/dodon-prokommentiroval-pereimenovanie-moldavskogo-jazyka-v-rumynskij-na-sajte-prezidenta-video/. – Дата публикации: 25.12.2020.

УДК 81.351.033.23

Будейко Валерий Эдуардович
Челябинскій государственный университетъ,
каѳедра теоретическаго и прикладного языкознанія,
кандидатъ филологическихъ наукъ, доцентъ

О ЕДИНСТВѢ НАШЕГО ЯЗЫКА И О ЕГО ПРЕПОДАВАНІИ

Аннотація. В статье рассматривается необходимость защиты церковнославянскаго языка отъ нападокъ современныхъ реформаторовъ, не понимающихъ значеніе и сущность богослужебнаго языка, пытающихся замѣнить его на вавилонскую смѣсительную эманацію мірского языка.

Ключевыя слова: Церковнославянскій (богослужебный) языкъ, древній язык, телеологія языка, преподаваніе родного языка, статусъ языка въ современной культурѣ

Boudeyko Valery Eduardovich
Chelyabinsk State University, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Candidate of philological sciences, Docent

ABOUT UNITY OF OUR LANGUAGE, AND ABOUT TEACHING OF IT

Annotation. The article deals with to the protection of the Church Slavonic language, the defense against modern reformers (especially materialists), who do not understand the importance and the essence of the divine servicing language, who attempt to substitute it with Babylonian mixed emanation of mondial, secular language.

Keywords: Church (divine servicing) language, ancient language, teleology of language, teaching of native language, status of language in modern culture

Первая апологія (защита) церковнославянскаго языка была изложена въ нашемъ учебномъ пособіи по церковнославянскому языку [7, с. 22–29], а также подобныя апологетическія статьи содержатся въ московскихъ сборникахъ прошлыхъ лѣтъ [2; 21], въ нихъ представлены основные доводы и факты, связанные съ обусловленностью статуса и исторіей становленія русскаго языка, зависящаго отъ состоянія преподаванія, изученія и функционированія церковнославянскаго языка, а также о благотворномъ вліяніи церковнославянскаго языка на тѣлесное и духовное состояніе молящагося и читающаго человѣка. Вторая апологія посвящена огромной и сложной темѣ пониманія и некоторымъ его сопутствующимъ аспектамъ примѣнительно къ языковому пониманію, чистотѣ языковой формы и ея сохраненіи святымъ Преданіемъ [3; 4]. Третья апологія выражаетъ идею пониманія сущности языка богослуженія и его неприкосновенности со стороны внѣшнихъ, мірскихъ силъ современнаго общества, а

также опредѣленія внутренней формы языка, какъ его духовнаго содержанія, являющагося *плодотворящей сутью* языка богослуженія и молитвеннаго опыта, въ апологіи немало фактовъ, доказанныхъ исторіей, и доводовъ, объясняющихъ возможныя губительныя послѣдствія отъ реформированія языка, которыя могутъ привести къ измѣненію содержательной духовной основы *русскаго православнаго* христіанства [5]. Четвёртая апологія касается философской составляющей и ея духовной основы, являющейся общей идеей языка богослуженія и молитвеннаго опыта, а также закономѣрнымъ послѣдствіямъ, связаннымъ съ измѣненіемъ формы и ноэмы церковнославянскаго слова [6].

Нынѣ же представленная статья посвящена опредѣленію единства нашего языка (какъ языка русскаго народа) и пониманію необходимости его преподаванія въ совокупной исторической цѣлостности и системности современной духовной дѣятельности. Пояснимъ, что имѣется въ виду подъ терминомъ «единство нашего языка». Мы подразумѣваемъ, употребляя эти слова, всю языковую дѣятельность, направленную на духовное усовершенствованіе человѣческой личности и общества въ цѣломъ, направленную на созданіе идеальнаго языка, служащаго и уврачёвывающаго повреждённую человѣческую душу каждой личности и народа въ цѣломъ. Изъ чего слѣдуетъ, что это должна быть система со всеми вытекающими изъ нея свойствами: структурностью, іерархичностью, взаимозависимостью, цѣлостностью, а поскольку языковая система – это система открытая, то она требуетъ и нуждается въ непрерывной рѣчемыслительной дѣятельности (общеніе – передача языкового опыта – изобрѣтеніе новаго). Направленность языковой дѣятельности оформляется въ стиляхъ національнаго языка: низшемъ (или подломъ), среднемъ и высокомъ. Соотвѣтственно на низшемъ уровнѣ отстаиваются и собираются діалекты, жаргоны, сленгъ, арго, профессіолекты, на среднемъ уровнѣ – русскій литературный языкъ и его функціональные стили: разговорно-бытовой, офиціально-дѣловой, технологическій (по Б. Н. Головину), публицистическій, научный, церковно-религіозный, литературный стили [12, с. 255–292; 19]. На самомъ высокомъ уровнѣ (на пикѣ – видъ сбоку въ модели стилей, или въ ядрѣ – видъ сверху) находится богослужебный церковнославянскій языкъ, въ коемъ пребываетъ духовная языковая дѣятельность и молитвенный опытъ, не подверженные десакрализаціи со стороны современнаго русскаго литературнаго языка со времёнъ А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого.

Такъ, россійскій филологъ О. И. Валентинова небезосновательно утверждаетъ в своём сравнительно-историческомъ обзорѣ: «Въ творчествѣ основателя “современнаго русскаго литературнаго языка” (т. е. А. С. Пушкина) окончательно умрётъ средневѣковое слово. Разрушеніе средневѣковаго принципа соотношенія формы и содержанія приведётъ къ тому, что знакъ станетъ условнымъ. Носитель такого языка будетъ непро-

извольнымъ носителемъ свѣтскаго сознанія» [10, с. 30]. И далѣе: «Обмірщеніе сознанія въ такой ситуаціи не могло не сопровождаться десакрализаціей семантической структуры высокаго слова» [10, с. 32]. Подытоживая своё изслѣдованіе, О. И. Валентинова пишетъ: «Отчуждённая отъ исходной функціи (функціи формированія символическихъ значеній) форма равно свидѣтельствуетъ какъ о поврежденіи средневѣковаго богословскаго міросозерцанія, такъ и объ инерціонной вѣрности его внѣшнимъ выраженіямъ. Векторомъ функціональнаго измѣненія конструктивнаго пріёма тоже станетъ десакрализація: отвлеченіе высокаго знака отъ высокаго смысла. Однако десакрализацію какъ векторъ историческаго измѣненія семантической структуры русскаго слова и семантической структуры русскаго литературнаго языка необходимо признать явленіемъ не универсальнымъ, а типологическимъ, обусловленнымъ типологически особенной языковой ситуаціей, въ которой происходило зарожденіе и формированіе русскаго литературнаго языка» [10, с. 39]. На лексическомъ уровнѣ, напримѣръ, десакрализація выразилась въ добавленіи новыхъ, пошлыхъ и подлыхъ значеній въ нѣкоторыхъ словахъ, находящихся въ Библіи и богослужебныхъ книгахъ: крещеніе, мудити, образованіе, попъ, причаститися, проповѣдовати, просвѣщеніе, троица и т. д. На стилистическомъ уровнѣ: при выборѣ языковыхъ средствъ – шло отрицаніе высокаго стиля какъ непріемлемаго и неумѣстнаго паѳоса. Само слово «паѳосъ» пріобрѣло въ XX в. дополнительное негативное значеніе.

Модель единства языка русскаго народа [3; 5]

Высокій (*торжественный*) стиль	Церковнославянскій языкъ
Средній (*посредственный*) стиль	Русскій литературный языкъ
Низкій (*бытовой, подлый*) стиль	Говоры (просторѣчіе, арго, слегъ)

Современная свѣтская (нехристіанская) наука искусственно и методически раздѣляла за послѣднія 200 лѣтъ великое единство, два языка или стиля, хотя это было и есть большая натяжка, какъ идеологическая тенденція, ведущая къ раздѣленію единаго культурно-историческаго тѣла и духа народнаго, т. е. русскаго народнаго (національнаго) языка или языка русскаго народа, въ коемъ единствѣ церковнословянскій со-существуетъ неразрывно, какъ высшій уровень или ядро (корень) русскаго національнаго языка. Если убирается, изымается церковнославянскій высокій стиль русскаго національнаго языка, то послѣдній, слѣдующій за нимъ утрачиваетъ высоту, идеалъ, и тогда то, что было низовымъ, подвальнымъ, мелкимъ и низкимъ (а это и сквернословіе въ разныхъ его проявленіяхъ, и матерьная лаія) становится первымъ этажомъ, виднымъ и узаконеннымъ строеніемъ русскаго національнаго языка и сознанія. Духовныя устремленія безъ духовнаго языка утрачиваются, ибо духъ выражается въ языковой формѣ, тогда и эстетика (идеалы прекраснаго) будутъ разрушаться, наступитъ упадокъ и разложеніе нравственной устремлённости языка и русскоговорящаго народа. Оттого и писалъ нашъ великій фи-

лологъ М. В. Ломоносовъ: «Россійскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку не подверженъ утвердится, коль долго Церковь Россійская славословіемъ Божіимъ на словенскомъ языкѣ украшаться будетъ» [16, с. 591].

Укажемъ на нѣкоторыя историческія отклоненія, сдѣланныя нашими предшественниками, отклоненія, способствующія этому злотворному раздѣленію и утратѣ единства бытія и пониманія нашего языка.

1. Дабы это представить нужны отступленія въ область сравнительной исторіи. И прежде всего возможны нѣкоторыя сравненія съ исторіей изученія и преподаванія священнаго языка въ Европѣ и у насъ. Здѣсь умѣстнымъ может быть сравненіе изученія классическихъ языковъ (латинскаго и древнегреческаго) въ Европѣ и церковнославянскаго въ Россіи.

Такъ въ предисловіи Михаэля фонъ Альбрехта къ русскому изданію «Исторіи римской литературы» есть замѣчательная и неслучайная мысль: «Во всѣхъ странахъ молодёжь сознаётъ, почему самыя различныя правительства желѣзнаго двадцатаго вѣка съ рѣдкимъ единодушіемъ преслѣдовли классическое образованіе: вѣдь оно способствуетъ развитію независимаго мышленія. Авторъ отъ души привѣтствуетъ возрожденіе классическаго образованія въ Россіи и увѣренъ въ томъ, что латынь и греческій, именно потому что они не поддаются моднымъ теченіямъ, никогда и нигдѣ не выйдутъ изъ моды» [1, с. 14]. Въ западноевропейскомъ случаѣ латинскій языкъ можетъ быть воспринятъ какъ идеальный языкъ для европейскихъ языковъ, способствующій возрожденію мотивовъ идеальнаго развитія нѣкоторыхъ сторонъ современнаго языка и общественнаго сознанія. Подобное можетъ быть выведено и для нашей послѣдовательной связи: церковнославянскій → русскій.

Продолжая эту сравнительность, не является ли натяжкой для авторовъ «Учебника латинскаго языка» С. П. Кондратьева и А. И. Васнецова, пишущихъ въ своёмъ предисловіи и цитирующихъ Ф. Энгельса «“матерія и форма родного языка” становятся понятными лишь тогда, когда прослѣживается его возникновеніе и постепенное развитіе, а это невозможно, если оставлять безъ вниманія, во-первыхъ, его собственныя омертвѣвшія формы и, во-вторыхъ, родственные живые и мёртвые языки» [20; 15, с. 2]. Всё бы хорошо, но Ф. Энгельсъ имѣлъ въ виду свою европейскую парную языковую связь: латинскій → нѣмецкій. И это точное соотвѣтствіе должно было бы соблюдаться примѣнительно къ изученію древнихъ родныхъ языковъ, однако любители классическихъ языковъ о точности логическаго соотвѣтствія забываютъ, возможно, болѣе радѣя о пониманіи западноевропейскихъ языковъ.

Въ другомъ болѣе современномъ учебникѣ латинскаго языка вскрывается аналогія процесса, выводящаго нѣкоторую типовую цѣпочку, помогающую увидѣть чрезъ подобныя историческія явленія въ языкахъ европейскихъ и нашемъ родномъ причинно-слѣдственную связь и типологиче-

ское сходство. «Грамматическая структура латинскаго языка въ періодъ между I в. до н. э. и началомъ VII в. оставалась въ цѣломъ неизмѣнной, несмотря на отдѣльные процессы развитія. Такая стабильность обезпечивалась прежде всего римской системой образованія. Уничтоженіе римской образовательной системы привело къ тому, что къ VII в. н. э. грамматическая структура латинскаго языка стала стремительно разрушаться, въ результатѣ чего образовался разрывъ между рѣчью большинства, съ одной стороны, и языкомъ письменныхъ памятниковъ и рѣчью немногочисленныхъ грамотныхъ людей, съ другой стороны. Съ этого момента принято говорить о средневѣковой латыни. <…> Для латинскаго языка этого періода рѣшающее значеніе имѣло то, что ещё со II в. на латинскій языкъ перешла церковь въ западной части Имперіи» [18, с. 18–19].

Паденіе уровня образованія, идеально заданнаго святыми Меѳодіемъ и Кѵрілломъ, для единаго церковнославянскаго языка IX – XIII вв., стало появленіе національныхъ изводовъ или редакцій богослужебныхъ языковъ славянскаго міра (Slavia Orthodoxia). Эта причина должна быть указана и исправлена. Однако въ настоящее время паденіе уровня преподаванія церковнославянскаго языка является уже слѣдствіемъ тѣхъ запретовъ на этотъ языкъ послѣ 1918 года, а также извѣстныхъ событій совѣтскаго прошлаго, что явилось постепенной или частичной, или частной измѣнённости богослуженія на этомъ языкѣ, или же послѣдовалъ полный переходъ богослуженія на національный языкъ (напримѣръ, обстоятельства съ украинскимъ, сербскимъ, болгарскимъ, македонскимъ языками). Лучшіе примѣры XX вѣка съ возстановленіемъ статуса латинскаго языка и его преподаванія въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ насъ не вдохновляютъ на собственное совершенствованіе. Но почему?

2. Проведём сравнительно-историческіе параллели, указывающія на недостаточность изученія и преподаванія нашего языка для подрастающаго поколѣнія.

А. Запретъ изученія церковнославянскаго языка въ общеобразовательной и высшей школахъ, начиная съ 1918 года. Но почему?

Въ настоящее время наблюдается, какъ обученіе славянскому (церковнославянскому или древнерусскому, или старославянскому) языку въ школахъ продолжаетъ быть подъ негласнымъ запретомъ. Болѣе того, не каждая церковная община и воскресная школа въ славномъ городѣ Челябинскѣ или иныхъ градахъ и весяхъ имѣютъ уроки церковнословянскаго языка (по даннымъ 2017–2023 годовъ: менѣе 200 учащихся приходится ежегодно на 3 418 000 жителей Челябинской области). Современные церковнослужители нетвёрдо знаютъ даже грамматику этого языка. Большинство изъ нихъ получило и получаетъ заочное образованіе въ отдалённыхъ семинаріяхъ, гдѣ церковнославянскому удѣлено, какъ извѣстно, весьма мало времени, возможно, въ надеждѣ, что заочникъ потомъ будетъ изучать этотъ языкъ самостоятельно, что, какъ правило, и не осуществля-

ется по нерадивости и лѣности человѣческой. Читаютъ такіе заочники тексты, какъ правило, напечатанные совѣтской гражданицею, такъ называемой, гражданской буквою (гражданицей или хрущёвицей), поэтому и общая языковая культура въ церковной средѣ продолжаетъ примѣтно падать. Нѣтъ въ большинствѣ своемъ преподавателей, дѣтскихъ учителей, нѣтъ и плодоносныхъ учениковъ, нѣтъ культурной благопріятной школы и благонравной культурной общей среды, въ которыхъ это языковое образованіе могло бы укореняться и развиваться. Высокій стиль русскаго національнаго языка оказывается на обочинѣ русскаго языкового сознанія и духовнаго процесса. Во многомъ это и наша бѣда и общая вина. Какъ говорится: кто скудно сѣетъ, тотъ скудно пожинаетъ.

Церковнославянское Евангеліе предупреждаетъ: «Вни́дите оу҆́зкими вратѝ: ꙗ҆́кѡ простра̑ннаѧ вратà и҆ широ́кїй пꙋ́ть вводѧ́й въ па́гꙋбꙋ, и҆ мно́зи сꙋ́ть входѧ́щїи и҆́мъ: что̀ оу҆́зкаѧ вратà, и҆ тѣ́сный пꙋ́ть вводѧ́й въ живо́тъ, и҆ ма́лѡ и҆́хъ є҆́сть, и҆̀же ѡ҆брѣта́ютъ є҆гѡ̀. Внемли́те же ѿ лжи́выхъ проро́къ, и҆̀же прихо́дѧтъ къ ва́мъ во ѡ҆де́ждахъ ѻ҆́вчихъ, внꙋ́трь же сꙋ́ть во́лцы хи̑щницы: ѿ плѡ́дъ и҆́хъ позна́ете и҆̀хъ. Є҆да̀ ѡ҆бе́млютъ ѿ тѐрнїѧ гро́зды, и҆лѝ ѿ ре́пїѧ смѡ́квы; Та́кѡ всѧ́ко дре́во до́брое плодѝ дѡбрѝ творѝтъ, а҆ ѕло́е дре́во плодѝ ѕлы̑ творѝтъ:» [Мѳ. 7: 13–17; 17, с. 12]. Конечно, ученье церковнославянское – это время трудовъ и постоянной умственной и духовной работы, направленные на измѣненіе личностнаго образа жизни, въ томъ числѣ и образа личнаго письма. А продолженіе совѣтскаго кривописанія – это и слѣдованіе широкому пути, путёмъ духовныя пагубы и непониманія значенія, значимости нашей древнерусской и современной церковной письменности, которой болѣе тысячи лѣтъ (съ X по XXI в.) и которая создавалась трудами святыхъ отецъ спасенія нашего ради, и о которыхъ забываютъ и знать ничего не желаютъ о ея побѣдахъ и пріобрѣтеніяхъ наши современники и современницы.

Б. Ложный теоретическій миѳъ, что «церковнославянскій – мёртвый языкъ».

Этотъ манипулятивный миѳъ делали тѣ, кто были изначально врагами нашей церковности, дабы разрушить наше Святое Преданіе и Святое Писаніе. Подмѣняя Святое Писаніе вторичными переводами и толкованіями, они обратились къ искаженію Святого Преданія. И въ этомъ дѣлѣ достигли своихъ злонамѣренныхъ результатовъ. Уже въ XX в. чрезъ коммунистическое марксистско-ленинское языковѣдѣніе проводился тезисъ, что всѣ древніе языки любого религіознаго преданія являются мёртвыми, а мёртвыми языками могутъ заниматься только спеціалисты, обычные люди мёртвыми формами и содержаніемъ не занимаются, поэтому изучать ихъ въ школѣ нецѣлесообразно. «Мёртвые языки – языки, вышедшіе изъ употребленія и извѣстные на основаніи письменныхъ памятниковъ или записей, дошедшихъ до того времени, когда они были живыми» [13, с. 293]. Противорѣча собственному общему опредѣленію, Вяч. Вс. Ивановъ далѣе пишетъ: «Мёртвые

языки часто сохраняются въ живомъ употребленіи въ качествѣ языка культа на протяженіи тысячелѣтій послѣ ихъ вытѣсненія изъ другихъ сферъ общенія (коптскій языкъ какъ языкъ богослуженія у христіанъ-египтянъ, латинскій языкъ въ католической церкви…» [13, с. 294]. Внеся всѣ древніе языки въ одно множество, академикъ Вяч. Вс. Ивановъ ничтоже сумняшеся находился въ плѣну метафорическаго соблазна: «мёртвые языки – только для узкихъ спеціалистовъ и тёмныхъ церковниковъ». Однако же не всѣ древніе языки являются мёртвыми, а только вышедшіе изъ употребленія, это ясно изъ фактовъ. Употребляющіеся въ религіозной сферѣ, понятно, не могутъ быть мёртвыми, потому что используются въ живомъ молитвенномъ общеніи съ духовными силами, съ самимъ Богомъ. Въ такой академической ретроспекціи совсемъ нелѣпо прочитывается его же замѣчаніе: «Въ исключительныхъ соціальныхъ условіяхъ возможно превращеніе мёртваго языка культа въ разговорный, какъ это произошло съ древнееврейскимъ въ Израилѣ» [13, с. 294]. Особо не вдаваясь въ реальность существованія иныхъ сферъ использованія языка и его древняго состоянія, языковѣды-матеріалисты продолжали и продолжаютъ примѣнять затасканный миѳъ о мёртвыхъ культовыхъ языкахъ, какъ продолженіе партійной атеистической пропаганды.

В. Антицерковный настрой части интеллигенціи въ Россіи относительно этого языка, какъ атрибута церкви.

Хотя надобно признать, что церковнославянскій языкъ и его изученіе включено въ общую научную категорію «Русскій языкъ» съ конца XX в., и теперь учёные Россіи могутъ заниматься изученіемъ этого языка и защитой диссертацій по разрѣшённому направленію. Число такихъ изслѣдованій не велико, и защиты проходятъ въ сложныхъ и весьма трудныхъ условіяхъ непріятія и непониманія матеріалистами положеній по богослужебному языку Русской Православной церкви.

Добрымъ примѣромъ преодолѣнія этого недобраго настроя былъ и есть случай, описанный Н. В. Гоголемъ.

Итакъ, въ 1849 г. Николай Васильевичъ Гоголь примѣчательно писалъ Аннѣ Михайловнѣ Віельгорской, мечтавшей *сдѣлаться русской не только душою, но и языкомъ и познаньемъ Россіи:* «Въ послѣднее время стали безпрестанно открываться рукописи… Эти книги больше всего знакомятъ съ тѣмъ, что есть лучшаго въ русскомъ человѣкѣ… Но для васъ эти книги покуда недоступны: во-первыхъ, изъ нихъ напечатано немногое; во-вторыхъ, оно не переведено на нынѣшній русскій языкъ. Вы древняго языка нашего не знаете. Вотъ почему я медлилъ вамъ совѣтовать, какія книги прежде читать. Всё, что больше всего можетъ васъ познакомить съ Россіей, остаётся на древнемъ языкѣ. Остаётся одно средство: *вамъ* нужно непремѣнно выучиться по-славянски. Легчайшій путь къ этому слѣдующій: читайте Евангеліе не на французскомъ и не на русскомъ языкѣ, но на славянскомъ… Если вы прочтёте Евангеліе, Посланіе и прибавите къ этому пять книгъ Моисеевыхъ, вы будете знать по-славянски,

при этомъ дѣлѣ и душа выиграетъ немало… Вы его полюбите. Этотъ языкъ простъ, выразителенъ и прекрасенъ» [11, с. 334–335].

Г. Общая языковая политика академическихъ институтовъ, которые не включаютъ съ времёнъ СССР этотъ языкъ въ качествѣ фактора, стимула, показателя развитія русскаго языка [8]. Эту тему мы перенесёмъ на слѣдующій годъ, ежели позволятъ на то обстоятельства.

Теперь отмѣтимъ въ самымъ общихъ чертахъ свойство системнаго изученія языка и его словесности, описаннаго Ѳ. И. Буслаевымъ въ его трудѣ «Преподаваніе отечественнаго языка» 1844 года, который требуетъ нашего развитія [9].

А. Изученіе языка должно быть съ разныхъ сторонъ, не только съ тѣхъ, что понятны и пріятны для насъ, но и съ разныхъ сторонъ нейропсихолингвистическаго свойства. Позже В. В. Колесовъ это опредѣлилъ какъ номинализмъ (матеріализмъ изслѣдовательскій), реализмъ (идеализмъ) и концептуализмъ [14]. Прибѣгая къ такому разностороннему изслѣдованію, слѣдуетъ использовать и разные методы изученія языка.

Б. Цѣль преподаванія – это не только сообщеніе полезныхъ свѣдѣній, но и образованіе духа.

В. Теперь психологи утверждаютъ, что многозадачность и многопредметность притупляютъ способности учениковъ, ведутъ ихъ къ легкомысленному и поверхностному изученію предмета, поэтому надобно выбирать не всё, но самое важное изъ духовныхъ предметовъ, нежели вещественныхъ. Предметъ изученія долженъ имѣть классическую форму, а кромѣ древности, нѣтъ ничего классическаго. Родной языкъ должно изучать вмѣстѣ съ роднымъ древнимъ.

Г. Грамматическое обученіе хорошо понимается въ сравненіи съ древнимъ роднымъ языкомъ (древнецерковнославянскимъ, современнымъ церковнославянскимъ, а потомъ уже древнегреческимъ и латинскимъ).

Д. Въ преподаваніи риторики (обученіе писать сочиненія и выступать съ рѣчью) слѣдуетъ ограничиться весьма немногими, но самыми лучшими писателями. На способность говорить обращаемъ мы въ ученикѣ строгое вниманіе, именно на способность выражаться легко, благозвучно, ясно, опредѣлённо, съ толкомъ и со смысломъ. И прочіе учебные предметы должны быть направлены къ образованію этой способности.

Е. Должно давай преимущество въ преподаваніи знанію историческому, положительному и въ грамматикѣ, и въ литературѣ.

Ё. Воспитаніе и преподаваніе языка соединяются и не могутъ идти порознь. Каждый преподаватель вкладываетъ свою частицу въ общее воспитаніе ученика и за неё только отвѣчаетъ.

Ж. Чрезвычайно одностороннѣ во главѣ многихъ грамматикъ стоящее опредѣленіе языка, будто онъ есть средство къ выраженію и сообщенію представленій или мыслей. Скорѣе наоборотъ: такъ какъ мы

наслѣдуемъ отъ другихъ мысли и знанія съ помощію языка, то языкъ есть средство, которымъ пріобрѣтаемъ мысли.

3. Пониманіе и рѣчепорожденіе должно быть единымъ процессомъ въ преподаваніи родного языка [9].

Список литературы

1. Альбрехтъ, Михаэль фонъ. Исторія римской литературы / пер. А. И. Любжина. – М.: Греко-латинскій кабинетъ Ю. А. Шичалина, 2002. – Т.1. – 703 с.

2. Богослужебный языкъ Русской Церкви. Исторія. Попытки реформаціи. – М.: Изд. Срѣтенскаго монастыря, 1999. – 411 с.

3. Будейко В. Э. Діалектическая аксіоматика въ онтологіи языка // Вѣстникъ Челябинскаго гос. университета. Серія. Филологическія науки. Вып. 118. – 2019. – № 10 (432). – С. 44–49.

4. Будейко, В. Э. О значеніи церковнославянскаго языка въ современной жизни. Вторая апологія. // Восемнадцатый Славянскій научный соборъ «Уралъ. Православіе. Культура». Міръ славянской письменности и культуры въ православіи, соціогуманитарномъ познаніи. – Челябинскъ: ЧГИК, 2020. – С. 126–134.

5. Будейко, В. Э. О значеніи церковнославянскаго языка въ современной жизни. Третья апологія // Девятнадцатый Славянскій научный соборъ «Уралъ. Православіе. Культура». Міръ славянской письменности и культуры въ православіи, соціогуманитарномъ познаніи. – Челябинск: ЧГИК, 2021. – С. 285–291.

6. Будейко, В. Э. О любомудріи церковнославянскаго языка въ современной жизни // Двадцатый Славянскій научный соборъ «Уралъ. Православіе. Культура». Русскій языкъ и литература въ культурѣ Россіи: отъ наслѣдія свв. равноапостольныхъ Кѵрілла и Меѳодія къ современности. – Челябинскъ: ЧГИК, 2022. – С. 46–50.

7. Будейко, В. Э. Церковнославянскій языкъ: начальный курсъ. Часть I. Исторія. Письмо: азбука, графика. Элементы фонетики и орѳоэпіи. – Челябинскъ: Авторское изданіе, 2019. – 149 с.

8. Будейко В. Э., Шелестюкъ Е. В. Языковое развитіе: философско-лингвистическій подходъ // Вѣстникъ Челябинскаго гос. университета. Серія. Филологическія науки. Вып. 115. – 2019. – № 1 (423). – С. 159–171.

9. Буслаевъ, Ѳ. И. О преподаваніи отечественнаго языка: учеб. пособіе / Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ (1818–1897). – М.: Просвѣщеніе, 1992. – 512 с.

10. Валентинова, О. И. Культурно-историческія основанія десакрализаціи какъ основного вектора развитія семантической структуры русскаго литературнаго языка // Славянскія чтенія (Кишинёвъ). – 2016. – № 8 (14). – С. 22–39.

11. Гоголь, Н. В. Собраніе сочиненій. Въ 7 т. Письма. – М.: Худож. лит., 1986. – Т. 7. – 431 с.

12. Головинъ, Б. Н. Основы культуры рѣчи: учеб. пособіе / Борисъ Николаевичъ Головинъ (1916–1984). – М.: Высшая школа, 1980. – 335 с.

13. Ивановъ, Вяч. Вс. Мёртвые языки // Лингвистическій энциклопедическій словарь. – М.: Совет. энциклопедія, 1990. – С. 293–294.

14. Колесовъ, В. В. Реализмъ и номинализмъ въ русской философіи языка. – СПб.: Logos, 2007. – 383 с.

15. Кондратьевъ С. П., Васнецовъ А. И. Учебникъ латинскаго языка. – М.: Госучпедгиз МП РСФСР, 1950. – 319 с.

16. Ломоносовъ, М. В. Изъ предисловія о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ // Полн. собр. соч. – Т. 7; Труды по филологіи. 1739–1758 гг. – М.; Л., 1960. – С. 591–599.

17. Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Хріста: на церковнославянскомъ языкѣ. – Минскъ: Изд-во Бѣлорусскаго Экзархата, 2006. – 335 с.

18. Солоповъ А. И., Антонецъ Е. В. Латинскій языкъ: учеб. пособіе / Алексѣй Ивановичъ Солоповъ, Екатерина Владиміровна Антонецъ. – М.: Высшее образованіе: Юрайт-Издат, 2009. – 430 с.

19. Стилистическій энциклопедическій словарь русскаго языка / подъ ред. М. Н. Кожиной. Члены редколлегіи: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородниковъ. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.
20. Энгельс, Ф. Анти-Дюрингъ / пер. съ нѣм. – М., 1949. – С. 303–334; https://esperanto.mv.ru/Marksismo/Antiduering/antid-3–05.html. – (Дата обращенія 15.03.2023).
21. Церковнославянскій языкъ въ богослуженіи Русской Православной Церкви: сборникъ / сост. Н. Каверинъ. – М.: Русскій Хронографъ, 2012. – 288 с.

УДК 94(47)

Тейкинъ Михаилъ Спартаковичъ
акціонерное общество «Сусуманзолото», г. Магадан,
начальникъ отдѣла договорной работы и имущественныхъ
правоотношеній, кандидатъ филологическихъ наукъ

ИЗЪ ИСТОРІИ БОРЬБЫ КИРИЛЛИЦЫ ВЪ РУССКО-ПОЛЬСКОМЪ ПОГРАНИЧЬѢ XIX – XX ВѢКОВЪ

Аннотація. Въ статьѣ разсматривается преимущество кириллической графики для славянскихъ языковъ передъ латинской графикой. Авторъ раскрываетъ вопросъ культурной экспансіи въ пограничныхъ регіонахъ, на примѣрѣ бѣлорусскаго языка показываетъ важность кириллицы и ея стойкость передъ иографическимъ вліяніемъ въ различные политическіе періоды.

Ключевыя слова: кириллица, русскій языкъ, бѣлорусскій языкъ, письменность

Teikin Mikhail Spartakovich
Joint-stock company “Susumanzoloto”, Magadan, head of the Department of contract work and property relations, Candidate of Philological Sciences

ON THE HISTORY OF THE CYRILLIC’S STRUGGLE IN RUSSO-POLISH FRONTIER AT THE 19TH AND 20TH CENTURIES

Annotation. The article deals with the advantage of Cyrillic script for Slavic languages in comparison with the Latin script. The author unfolds the issue of cultural expansion in the regions of frontier, on the example of Belorussian language shows the importance of Cyrillic and its durability in face of influence of the other graphics in different political periods.

Keywords: Cyrillic, Russian language, Belorussian language, writing system

Кириллица – система письма, созданная для старославянскаго языка на основѣ греческой азбуки, включающая въ себя оригинальные графическіе знаки, необходимые для точной передачи звуковъ языка X вѣка.

Большинство носителей славянскихъ языковъ используетъ именно кириллицу въ качествѣ системы письменности. Это обусловлено широкимъ распространеніемъ русскаго, перваго по числу говорящихъ на нёмъ во всей языковой группѣ. Кириллица используется въ письменностяхъ всѣхъ восточнославянскихъ и части южнославянскихъ языковъ.

Однако кириллица не является единственной системой письменности славянъ. Западные славяне, принявшіе католичество на рубежѣ перваго и второго тысячелѣтій нашей эры и попавшіе въ орбиту романо-германской культуры, используютъ латинскую письменность. То же касается южныхъ славянъ – католиковъ: хорватовъ и словенцевъ.

Как отмечает отмѣчаетъ А. С. Зуевъ, славянскіе языки – «…одни изъ самыхъ трудныхъ для передачи латиницей. На фонѣ польской или чешской латиницы кириллица выглядитъ достойно: минимумъ модифицирующихъ буквы знаковъ (въ русскомъ Ё, Й), диграфовъ нѣтъ [въ устной бесѣдѣ Зуевъ разъяснилъ, что онъ имѣетъ въ виду русскій языкъ, гдѣ сочетанія **дж** и **дз** встрѣчаются почти исключительно въ заимствованныхъ словахъ], для каждаго звука – своя буква [3, с. 184]. Дѣйствительно, основнымъ неудобствомъ латинской письменности для славянскихъ языковъ является или значительное количество диграфовъ и триграфовъ, какъ въ польскомъ, или значительное количество буквъ съ діакритическими знаками, какъ въ чешскомъ; впрочемъ, въ польскомъ алфавитѣ также присутствуютъ буквы съ діакритикой. Всё это свидѣтельствуетъ о приспособленіи латинскаго алфавита подъ славянскую фонологію, его неудобствѣ для славянскихъ языковъ.

Языки, использующіе кириллицу, имѣютъ незначительное число буквъ съ діакритикой:

– **ё**, **й** въ русскомъ;

– **ё**, **й**, **ў** въ бѣлорусскомъ;

– **ї**, **й** въ украинскомъ (букву **ґ**, какъ и букву **щ**, авторъ не считаетъ видоизмѣненіями соотвѣтственно **г** и **ш** съ діакритическими знаками);

– **ё**, **ї**, **й** въ русинскомъ;

– **й** въ болгарскомъ;

– **ѓ**, **ќ** въ македонскомъ (аналоги сербскихъ **ђ**, **ћ**);

– въ сербскомъ алфавитѣ буквы съ діакритикой отсутствуютъ.

Диграфами въ русскомъ, бѣлорусскомъ, украинскомъ, русинскомъ и болгарскомъ можно считать **дж** и **дз** (въ словахъ типа *джинсы, джиннъ, дзинькать, ниндзя*, но не *поджарить, подземный*, гдѣ **д** относится къ приставкѣ, а **ж** и **з** – къ корню). Данные диграфы имѣютъ соотвѣтствія въ македонскомъ въ видѣ буквъ **џ** и **ѕ**, первая изъ которыхъ присутствуетъ также въ сербскомъ (собственно, при созданіи и утвержденіи македонскаго алфавита въ 1940-е годы буква **џ** была позаимствована изъ сербскаго алфавита, а буква **ѕ** взята изъ старославянскаго алфавита въ исходномъ звуковомъ значеніи, но безъ палатализаціи). Въ бѣлорусскомъ также используется диграфъ **шч** вмѣсто буквы **щ**. Можно считать триграфомъ **ждж** – звонкій аналогъ буквы **щ** при передачѣ ею двухъ звуковъ [шч]; онъ используется преимущественно въ украинскомъ и бѣлорусскомъ: *приїжджати, дріжджі; прыяжджаць, дрожджы, дождж* (мн. ч. *дажджы*) – ср. укр. *дощ*, мн. ч. *дощі*, въ ед. ч. одинаковое произношеніе [дошч] въ обоихъ языкахъ.

Совсѣмъ иную картину представляетъ латиница, используемая для славянскихъ языковъ. Въ польскомъ алфавитѣ нѣтъ буквъ Q, V, X (но онѣ имѣются въ словахъ иностраннаго происхожденія) и добавлены Ą, Ć, Ę, Ł, Ń, Ó, Ś, Ź, Ż. Используются диграфы CH, CZ, DZ, DŹ, DŻ, RZ, SZ, ŚĆ, триграфы ŹDŹ, ŻDŻ, тетраграфъ SZCZ. – Итого 23 буквы латиницы + 20

добавочныхъ буквъ, включая комбинированныя. Въ чешскомъ письмѣ Q и W используютъ только въ иностранныхъ словахъ, диграфъ всего одинъ: CH, зато много буквъ съ діакритикой: Á, Č, Ď, É, Ě, Í, Ň, Ó, Ř, Š, Ť, Ú, Ů, Ý, Ž. – Итого 24 + 16 добавочныхъ [3, с. 184].

Л. П. Якубинскій отмѣчалъ важное преимущество кириллическаго письма: «Константинъ составилъ спеціальный славянскій алфавитъ. Этотъ алфавитъ, *по единодушному мнѣнію нашей и европейской науки,* представляетъ собой непревзойдённый образецъ въ исторіи новыхъ европейскихъ алфавитовъ и является результатомъ необычайно тонкаго пониманія составителемъ фонетической системы того языка, для котораго онъ былъ составленъ. Онъ далеко оставляетъ за собой добропорядочный готскій алфавитъ, составленный епископомъ Вульфиллой, и *не идётъ ни въ какое сравненіе съ латинообразными европейскими алфавитами, въ которыхъ латинскія буквы неуклюже приспособлялись для передачи звуковъ различныхъ европейскихъ языковъ*» [6, с. 87].

Въ цѣломъ, латинизированные алфавиты западныхъ славянъ, хорватовъ и словенцевъ успѣшно служатъ языкамъ своихъ народовъ, но совершенно нельзя сказать, что такіе алфавиты выигрываютъ въ сравненіи со славянскими кириллическими алфавитами. Можно говорить о противоположномъ явленіи.

Во-первыхъ, наличіе диграфовъ и особенно діакритики уменьшаетъ удобство текста, поскольку графическіе знаки, обозначающіе различные звуки, внѣшне похожи. Такъ, въ хорватскомъ алфавитѣ буквы одной основы **c**, **č**, **ć** обозначаютъ три разныхъ звука: [ц], твёрдый [ч], мягкій [ч’]; въ сербскомъ алфавитѣ тѣ же звуки обозначаютъ графически различающіяся между собой буквы **ц**, **ч**, **ћ**. Не случайно въ романо-германскихъ языкахъ отдаётся предпочтеніе диграфамъ, триграфамъ и тетраграфамъ (напр., ***tsch*** для записи звука [ч] въ нѣмецкомъ языкѣ) передъ буквами съ діакритикой.

Во-вторыхъ, въ латинизированныхъ алфавитахъ, приспособленныхъ для славянъ, нарушена традиціонная послѣдовательность буквъ, принятая въ кириллицѣ, гдѣ эта послѣдовательность основывается въ томъ числѣ на частотѣ употребленія согласныхъ въ славянскихъ языкахъ. Въ латиницѣ всё наоборотъ: *ф, ц, ч* (**f**, **c**, **č**) вынесены вперёдъ, а *в, ж, з* (**v**, **ž**, **z**) убраны въ конецъ алфавита.

*Существовали историческіе моменты, когда тексты языка, имѣющаго кириллическую письменность, записывали латинскимъ алфавитомъ. Это отмѣчаетъ И. Я. Франко: «*Зазначене тут явище вживаня латинських букв для переданя церковно-славянської мови мусїло тим більше й тим частїйше стрічати ся при переписуваню памяток руської народньої мови людьми належними до польської або инших західнославянських народностий, які иноді не знали навіть про істнованє славянської азбуки та славянського письменства. Такі приклади стрічають ся нам досить давно. Ще коло р. 1550 чеський учений Ян Благослав запи-

сав німецькими буквами угро-руську народню пісню про Стефана воєводу. В р. 1619 львівський латинський священник Якуб Ґаватович, друкуючи свою польську траґедію про смерть Івана Хрестителя, вставив до неї дві інтермедії зложені українсько-руською мовою, розумієть ся, латинськими буквами. В р. 1625 краківський міщанин Дзвоновский видав у своїй польській книжечці *Sejm walny domowy* руську пісню про козака й Кулину латинськими буквами*» [5, с. 92–93]. Однако это было спорадическое употребленіе, вставки въ текстъ на языкѣ, использующемъ латинскую графику, фрагмента изъ языка кириллической графической системы безъ сохраненія подлинной письменности по тѣмъ или инымъ причинамъ – въ первую очередь ввиду незнанія кириллицы авторомъ либо читателями, во вторую очередь ввиду отсутствія кириллическихъ литеръ въ типографіи.*

*На пограничныхъ земляхъ, гдѣ сталкиваются славянскіе народы, использующіе различныя письменности, не разъ возникалъ вопросъ объ унификаціи графики. И. Я. Франко отмѣчаетъ, что данный вопросъ поднимали западные славяне: «*У многих Славян західно-европейського культурного круга, особливо таких, що займали ся ширшими питанями славянського письменства, не раз виникала думка, що для славянських народів було би ліпше приняти одну азбуку, а власне латинську, яка ввела би їх безпосередно в круг европейських культурних народів і влекшила би тим народам знайомити ся з письменствами всїх славянських племен» [5, с. 95].

Разумѣется, единая графическая система никакъ не можетъ облегчить ни изученіе иного языка, ни тѣмъ болѣе ввести въ кругъ «культурныхъ» народовъ. Носителю любого романскаго или германскаго языка во всякомъ случаѣ придётся учить славянскій языкъ, сходство или различіе въ алфавитахъ здѣсь никакъ не помогутъ, поскольку письменность сама по себѣ не связана ни съ лексикой, ни съ грамматикой и не можетъ облегчать овладѣніе ими носителю какого-либо языка лишь потому, что его родной языкъ используетъ ту же письменность. Разговоры о необходимости ввести одинъ алфавитъ для языковъ разныхъ группъ, имѣющихъ свою многовѣковую письменную традицію, носитъ ненаучный характеръ. Скорѣе можно говорить, что утрата существующей письменности отрѣжетъ послѣдующія поколѣнія отъ текстовъ прошлаго, поскольку иную графику будутъ знать лишь спеціалисты, но не всё населеніе. Въ этомъ смыслѣ удобно ввести новую письменность, дабы пресѣчь возможность широкимъ массамъ читать книги прошлаго. Если, напримѣръ, носитель русскаго языка можетъ прочесть текстъ на русскомъ же языкѣ пятисотлѣтней давности и въ достаточной степени понять его, не имѣя никакой лингвистической подготовки, поскольку письмо не измѣнилось, то носителю узбекскаго языка прочесть узбекскій текстъ того же возраста невозможно, если онъ не знаетъ арабской графики.

Въ пограничныхъ регіонахъ попытки замѣнить графику славянскихъ языковъ имѣли мѣсто въ прошломъ, причёмъ рѣчь идётъ объ экспансіи латин-

скаго алфавита въ кириллическое поле. Такъ, въ *періодъ упадка западнорусской письменной традиціи мѣсто западнорусскаго языка занялъ польскій. Какъ отмѣчается въ книгѣ о современномъ бѣлорусскомъ литературномъ языкѣ, съ конца* XVII в. кириллическій шрифтъ въ Бѣлоруси использовался ограниченно въ связи съ активной полонизаціей и распространеніемъ католицизма [4, с. 66]. Въ конечномъ итогѣ это привело къ тому, что для бѣлорусскаго языка стали использовать двѣ графики – кириллическую и латинскую, причёмъ такое использованіе обусловливалось предпочтеніями самого автора и его оріентаціей на польскую либо на русскую (въ широкомъ пониманіи, т. е. восточнославянскую) культуру и традицію.

Авторы коллективной монографіи, посвящённой бѣлорусскому языку XIX вѣка, указываютъ: «Пачатак суіснавання двух тыпаў шрыфта [кириллицы и латиницы] ў практыцы беларускага кнігавыдання прыпадае на першыя гады XIX ст., калі пасля працяглага перапынку беларуская мова зноў пачала ўваходзіць у пісьмовы ўжытак. Да гэтага часу тыповай беларускай графікай была кірыліца – як у рукапіснай традыцыі, так і ў друкаваных тэкстах, пачынаючы ад скарынаўскіх выданняў XVI ст. па XVIII ст. Выключэнне складаюць толькі аформленыя лацінскім шрыфтом тэксты беларускамоўных інтэрмедый да драматычных твораў канца XVII – XVIII стст., напісаных на польскай або лацінскай мовах» [1, с. 50].

Ситуація начала исправляться во второй половинѣ XIX вѣка. По мѣрѣ расширенія книгоизданія и распространенія русской культуры уменьшается число бѣлорусскихъ книгъ, напечатанныхъ латинскимъ шрифтомъ. Въ цѣломъ число книгъ, изданныхъ на бѣлорусскомъ въ XIX вѣкѣ, ничтожно по сравненію съ числомъ таковыхъ, изданныхъ за XX вѣкъ.

Современные изслѣдователи справедливо отмѣчаютъ, что сосуществованіе двухъ графическихъ системъ отрицательно вліяло на развитіе бѣлорусскаго литературнаго языка и выработку его нормъ, создавало трудности въ издательскомъ дѣлѣ. По итогамъ дискуссіи въ газетѣ «Наша ніва», начатой въ 1911 году и продолжавшейся до конца 1912 года, газета стала выходить исключительно кириллическимъ шрифтомъ, а вслѣдъ за нею и другія бѣлорусскія издательства [1, с. 66].

Въ ранній совѣтскій періодъ начали переводить на латинскую графику многіе языки народовъ Совѣтскаго Союза. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить: данный переходъ не коснулся языковъ, имѣвшихъ длительную письменную традицію и не использовавшихъ арабскій алфавитъ. Не было попытокъ перевести на латинскую графику грузинскій, армянскій языки, идишъ, не перевели на неё, въ частности, удмуртскій, мордовскій и марійскій языки, использующіе кириллицу.

Не затронула латинизація и бѣлорусскую письменность. Какъ отмѣчаютъ современные изслѣдователи, «у станаўленні і нармалізацыі беларускай графічнай сістэмы вялікую ролю адыграла Акадэмічная канферэнцыя па реформе беларускага правапісу і азбукі (1926 г.).

Удзельнікі канферэнцыі адзначылі, што кірыліца з'яўляецца гістарычным здабыткам беларусаў і выкарыстоўваецца часцей, чым лацінская графічная сістэма, таму па выніках канферэнцыі было прінята рашэнне пакінуць кірыліцу ў якасці графічнай асновы беларускага пісьма» [4, с. 67]. Дѣйствительно, въ «Трудахъ Академической конференціи по реформѣ бѣлорусскаго правописанія и азбуки» однозначно указывается: «У сувязі з рэформай беларускай азбукі было закранута пытаньне і аб лацінскай азбуцы. Гэтае пытаньне паднялося яшчэ і ў сувязі з тым, што цюрскія народы СССР адмаўляюцца яд сваіх старых азбук і ўводзяць лацінку. Але дзякуючы таму, што значная большасьць прамоўцаў (Некрашэвіч, Лёсік, Растаргуеў, Фасмэр, Блесэ, Ластоўскі і інш.), на аснове навуковых даных, высказаліся проці ўвядзеньня лацінкі, а таксама таму, што ўвядзеньне лацінкі на ўсім абшары СССР не зьяўляецца актуальным, пытаньне аб лацінцы было адхілена» [3, с. VIII].

Для восточнославянскихъ языковъ исконной графикой является кириллица. Однако на территоріяхъ, длительное время бывшихъ въ составѣ иного государства съ господствующимъ польскимъ языкомъ, мало-помалу традиціонная кириллическая графика оказалась подъ ударомъ. Наиболѣе «пострадавшимъ» отъ латинской графической экспансіи изъ трёхъ языковъ (безъ учёта кодифицированнаго позже русинскаго языка) оказался бѣлорусскій. Послѣ упадка западнорусской книжности и господства польскаго языка въ краю была почти утрачена русская письменная традиція. Авторы XIX вѣка, воспитанные въ польскомъ духѣ, но пишущіе по-бѣлорусски, предпочитали использовать привычную имъ польскую графику и для бѣлорусскаго языка; они зачастую видѣли бѣлорусовъ частью польскаго культурнаго пространства. Какъ показали дальнѣйшія событія, это явилось лишь небольшимъ уклоненіемъ въ сторону отъ основного вектора развитія бѣлорусской письменности. На XIX вѣкъ пришёлся періодъ русско-польскаго культурнаго соперничества на территоріи Бѣлоруси, закончившійся въ пользу русскости. Чѣмъ дальше развивалась бѣлорусская печать, тѣмъ острѣе становился вопросъ единой графики. Ещё до революціи былъ сдѣланъ выборъ въ пользу кириллицы. Въ ранній совѣтскій періодъ данный выборъ былъ лишь закрѣплёнъ, несмотря на проводившуюся тогда латинизацію тюркскихъ и иныхъ языковъ народовъ Совѣтскаго Союза. Въ дальнѣйшемъ, съ широкимъ развитіемъ печати на бѣлорусскомъ языкѣ, вопросъ о возможности использованія некириллической графики для бѣлорусскаго языка отошёлъ въ исторію.

Можно сдѣлать выводъ, что кириллическая графика въ восточнославянскихъ языкахъ имѣетъ глубокіе корни, позволившіе пережить непростое время культурной экспансіи языка, имѣющаго иную графическую традицію.

Список литературы

1. Беларуская мова і мовазнаўства: XIX стагоддзе / пад агул. рэд. М. Р. Прыгодзіча. – Мн., 2013. –147 с.

2. Зуевъ А. С. Краткая исторія русской письменности // Труды по русскому правописанію. Вып. 3. Магаданъ, 2019. – С. 177–239.
3. Працы Акадэмічнае конфэрэнцыі па рэформе беларускага правапісу і азбукі (14–21 лістапада 1926 г.). – Мн., 1927. – XXVIII, 434 с.
4. Сучасная беларуская літаратурная мова. – Мн., 2020. –588 с.
5. Франко І. Я. Азбучна війна в Галичині в 1859 р. // Записки Наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка. –Т. CXIV. – Львів, 1913. – С. 81–116.
6. Якубинскій Л. П. Исторія древнерусскаго языка. – М.: Учпедгиз, 1953. –370 с.

УДК 214

Макарчук Иван Юрьевич
Сибирский федеральный университет, кафедра философии,
кандидат юридических наук

ЭПОПЕЯ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «КРАСНОЕ КОЛЕСО» КАК ХРИСТИАНОЦЕНТРИЧНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Аннотация. В статье рассматривается возможность идентификации эпопеи А. И. Солженицына «Красное Колесо» в качестве христианоцентричного произведения. В ходе повествования автором «Красного Колеса» высказано существенное количество идей, связанных с религиозной тематикой, поиском Бога, ролью православия не только в индивидуальных судьбах персонажей, но и судьбе России, дистанцировании от православного самосознания как причине свершившейся революции.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, «Красное Колесо», религия, православие, Бог, Россия

Makarchuk Ivan Yurievich
Siberian Federal University, Department of Philosophy, Candidate of Legal Sciences

A. I. SOLZHENITSYN'S EPIC «THE RED WHEEL» AS A CHRISTIAN-CENTERED WORK

Annotation. The article deals with the possibility of identifying A. I. Solzhenitsyn's epic «The Red Wheel» as a Christian-centric work. In the course of the narration, the author of the «Red Wheel» expressed a significant number of ideas related to religious themes, the search for God, the role of Orthodoxy not only in the individual destinies of the characters, but also the fate of Russia, distancing from Orthodox self-consciousness as the cause of the accomplished revolution.

Keywords: A. I. Solzhenitsyn, «Red Wheel», religion, Orthodoxy, God, Russia

О значимости для А. И. Солженицына православного мировоззрения свидетельствуют его слова из послесловия к первому изданию «Августа Четырнадцатого»: «Эта книга сейчас не может быть напечатана на нашей родине, иначе как в Самиздате – по цензурным возражениям, не доступным нормальному человеческому рассудку, да даже из-за того одного, что потребовалось бы писать слово Бог непременно с маленькой буквы. На это унижение я уже не могу пригнуться. Директива писать Бога с маленькой есть дешёвая атеистическая мелочность, мелкость. ...Для понятия, обозначающего высшую творческую силу Вселенной, можно бы отпустить одну большую букву. Не говорю уже, что в устах и представлениях людей 1914 года "бог" с маленькой резало бы исторической фальшью» [13, с. 572]. Для А. И. Солженицына русский культурный тип, его духовные и

нравственные начала изначально проросли на почве православного мировоззрения. Православная вера, являясь частью русской души, транслируемая в обычаях и деяниях многие века, фундировала национальный духовный смысл. Писателем развивается мысль о всеобщем покаянии, о возвращении к исконно нравственным ценностям [16, с. 123].

В произведении значимое место занимает описание духовно-религиозной жизни человека, так как через веру писатель нередко раскрывает характеры и судьбы героев. Согласно А. И. Солженицыну, вера одухотворяет человека, способствует приближению к Богу, наставляет на следование таким христианским добродетелям как смирение и раскаяние [6, с. 548]. Посредством смирения герои «Красного Колеса» осознают истинное значение духовных ценностей, освобождаются от корыстных побуждений, соблазнов и материальных страстей. Через раскаяние также проходят многие герои: как представители простого народа, так и значимые исторические фигуры [8, с. 13–14]. Смирение незаменимо другими теологическими добродетелями; на смирение и раскаяние способны самодостаточные личности, через эти добродетели раскрывается духовные основания человека.

По мнению Ю. М. Кублановского, более всего писатель ценит в героях «Красного Колеса» такое христианское качество как способность быть самодостаточной личностью добровольно умеющей ограничить себя во имя Высшего [9, с. 283]. И многим действующим лицам удается кенотическим образом отречься от бренного мира и мирской суеты, обретя высокую духовную чистоту [7, с. 163].

При этом Герасимова Л. Е. расценивает взаимоотношения писателя и персонажей не как «морализаторство, нажим, идеологическое давление», но как проявление традиций «святоотеческой аскетической литературы» когда законы духовного бытия «обыгрываются» в динамике психологических ситуаций [3, с. 137–138]. Указанный подход предполагает демонстрацию героя в реалистичных тонах и характеристиках, человек изображается таким, каков он есть, что делает возможным всемерное его представление.

В. В. Гуськов в качестве слагаемых христианско-православного мировосприятия писателя называет: непрерывное нравственное возвышение (оно и есть смысл жизни), свобода как средство достижения целей, а также христианско-рыцарский идеал личности [5, с. 226]. Как отмечают исследователи, указанное нравственное развитие «требует от человека много усилий и много жертв» [11, с. 16–17]. Соответственно неудивительно, что любимые персонажи А. И. Солженицына – «люди поступка и мысли» на примере которых он демонстрирует «самостроительство личности» [12, с. 103].

Автор «Красного Колеса» убежден, что история – результат взаимодействия потаённой Божьей воли (Замысел, Провидение) и свободных человеческих усилий (Случай). М. М. Голубков и Е. В. Жуйкова заключают, что согласно взглядам писателя все события, кардинально поменявшие русскую жизнь, случились не без Божьего промысла. Мастер слова должен

разгадать «Божий замысел о мире, глубинный символический смысл событий и явлений, свидетелями которых мы оказываемся, но истолковать которые далеко не всегда можем» [4, с. 64]. Поддерживаемый авторами подход позволяет наглядно продемонстрировать не только исторический процесс в динамике, но и момент запуска любого исторически значимого события – момент пересечения человеческой и божественной воли. Как нами было показано выше, писатель в произведении отводит личности активную, преобразующую роль. Но и воля Бога объективно действует, причем она не носит неизбежного, неотвратимого характера, что даёт человеку возможность быть делателем истории. Спираль истории закручивается именно при соединении человеческого и Божественного начал, взаимодействие последних определяет ход исторического времени.

Причины революции кроются в отдалении человека от Бога, отрицании роли предначертания Божественного промысла [2, с. 14], предании забвению Божьего имени и оставлении страны в омуте революции [17, с. 9], отказе от признания над собой высшей силы, утверждение человека в качестве конечной цели существования Вселенной [8, с. 6], игнорировании факта конечности земного пути и необходимости соизмерения своих поступков с Божественным началом [14, с. 35–36].

С. В. Шешунова подчеркивает, что анализ «Красного Колеса» позволяет прийти к выводу о том, что революция стала следствием слабой, а нередко и отсутствующей духовной и бытовой воли «самых разных людей – генералов и парламентариев, министров и рабочих». Духовное бездействие позволило им пойти «на сделку со своей совестью» [15, с. 3]. Поэтому с развитием сюжета проявления сакраментальности исчезают, «добро и лепота идут на убыль», лишь считанные индивиды «без колебания следуют импульсу долга, жертвуют собой и тем продолжают создавать хрупкую цепочку добра» [10, с. 132].

Благодаря опоре в произведении на черты русской православной религиозности, писатель даёт понять, что даже в ситуации трагических периодов истории, когда богооставленность души достигает максимума, любовь к Богу обретается через любовь к ближнему, что ведёт к благодатному очищению. Обратная дорога к Богу, формирование нового постреволюционного человека будут полны «очистительных страданий и возрождения на грани смерти» [1, с. 14].

Таким образом, рассматривая различные социокультурные проблемы писатель демонстрирует преходящность идеологических и пропагандистских ориентаций перед вечностью и онтологической основательностью божественного промысла, а также последствий тотального богоборчества, которое вынужден будет пронести народ в течение многих десятков лет, что дает основания охарактеризовать рассмотренное произведение как христианоцентричное.

Список литературы

1. Аксючиц В. В. Мой Солженицын // Тетради по консерватизму. – 2019. – № 1. – С. 13–26.

2. Архангельский А. Н. Поэзия и правда // Солженицын А. И. [Избранное]. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 350 с.

3. Герасимова Л. Е. Пневматология как свойство реализма А. И. Солженицына в «Красном Колесе» // Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу»: материалы Международной научной конференции, Москва, 7–9 декабря 2011 года. – М.: Русский путь, 2013. – С. 132–140.
4. Голубков М. М., Жуйкова Е. В. Мистика vs рацио: первая мировая война как объект исследования в эпопее А. И. Солженицына «Красное Колесо» // Литературоведческий журнал. – 2018. – № 43. – С. 50–67.
5. Гуськов В. В. Кто раскрутил Красное Колесо? Система персонажей исторической эпопеи А. И. Солженицына «Красное Колесо». – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. – 228 с.
6. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. – 1056 с.
7. Клеофастова Т. В. Метаистория России в романе-эпопее А. Солженицына «Красное колесо» // Россия и современный мир. – 2001. – № 1. – С. 157–164.
8. Кошкин С. А. Художественная концепция личности в эпопее А. И. Солженицына «Красное Колесо» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 22 с.
9. Кублановский Ю. М. Стиль и историософия «Красного Колеса» А. И. Солженицына // Стрелец. – 1989. – № 1. – С. 58–69.
10. Нива Ж. От одной «глыбы» к другой // Вестник русского христианского движения. – 1988. – № 3. – С. 131–136.
11. Родзянко Т. А. Духовные основы творчества Солженицына. – М. : Посев. – 1974. – 180 с.
12. Синенко В. С. Этическое сознание Александра Солженицына и диалог культур // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог : сборник памяти профессора Н. Н. Киселева. – Томск : ТГУ, 1999. – С. 103–118.
13. Солженицын А. И. Август четырнадцатого: (10–21 августа ст. ст.). Узел I. – Paris : YMCA-press, 1971. – 573 с.
14. Шешунова С. В. Национальный образ мира в русской литературе: П. И. Мельников-Печерский, И. С. Шмелев, А. И. Солженицын : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Дубна, 2006. – 42 с.
15. Шешунова С. В. Колесо и крест // Посев. – 2003. – № 12. – С. 3–6.
16. Щедрина Н. М. «Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века. – М.: Памятники ист. мысли, 2010. – 336 с.
17. Щедрина Н. М. А. Солженицын и В. Астафьев – «Солдаты литературы» // Юбилейные Астафьевские чтения "Писатель и его эпоха", Красноярск, 28–30 апреля 2009 года. – Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2009. – С. 4–15.

УДК 791.43.01

Сагатчук Светлана Петровна
Центр культуры и творчества «Родники», г. Волоколамск,
кандидат философских наук, доцент

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ГЕРОЯ-ПОБЕДИТЕЛЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. М. ШУКШИНА: СОВРЕМЕННОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ПОНИМАНИЕ

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотрения феномена творческой триады «литература – режиссура – актёрское мастерство» выдающегося советского мастера В. М. Шукшина. Особое внимание автор акцентирует на актёрских особенностях Шукшина в фильме С. Ф. Бондарчука «Они сражались за Родину», где он исполнил роль советского бойца Петра Лопахина. Лопахину в исполнении Шукшина свойствен-

ны характерные черты русского человека: мужество, фронтовая смекалка, готовность помочь другу, отвага и злость к врагу.

Ключевые слова: советский кинематограф, эстетика кино, творческое наследие, нравственность, художественная правда в искусстве, образ героя

Sagatchuk Svetlana Petrovna

The Center of culture and creativity «Springs» Volokolamsk, Candidate of Philosophical Sciences, Docent

AESTHETIC FEATURES OF THE IMAGE OF THE VICTORIOUS HERO IN THE WORKS OF V. M. SHUKSHIN: MODERN PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING

Annotation. The article deals with the considering of the phenomenon of the creative triad «literature – directing – acting» by the outstanding Soviet master V. M. Shukshin. The author underlines on the acting features of Shukshin in the film by S. F. Bondarchuk «They fought for the Motherland», where he played the role of the Soviet fighter Pyotr Lopakhin. Lopakhin, performed by Shukshin, is characterized by the characteristic features of a Russian person: courage, front-line savvy, willingness to help a friend, courage and anger towards the enemy.

Keywords: Soviet cinema, aesthetics of cinema, creative heritage, morality, artistic truth in art, the image of the hero

Но а я вспоминаю на чужой стороне,
В угол свой, забиваясь, тихо плачу во сне.
И крылом журавлиным встрепенётся душа.
Вновь мне снится калина, красная Шукшина

Я ушёл, я уехал от родных, милых мест.
От погоста, где вехой покосившийся крест
Где несжатой полоской тихо стелется грусть
Вот и край мой родимый, ах ты матушка Русь.

М. Евдокимов

Сегодня Шукшин известен как писатель, который при жизни опубликовал пять сборников рассказов и два романа, актёр, сыгравший более 20 ролей. режиссёр, снявший шесть авторских фильмов, включая дипломную работу – фильм «Из Лебяжьего сообщают…» (которую он снимал в подмосковном Волоколамске).

В сущности, ни в литературе, ни в кино В. М. Шукшина не с кем сравнивать. Чтобы не делал Василий Макарович, он всегда оставался самим собой. Ему было 25 лет, когда он поступил во Всесоюзный государственный институт кинематографии, в 30 – его закончил (мастерская М. И. Ромма), а уже в 45 лет Василия Шукшина не стало…

Но как много он успел сделать за этот короткий срок, отведённый ему судьбой. Любовь народа к Шукшину – это ответ на его любовь к Родине, большой и «малой», людям... Как же надо было любить Россию, чтобы знать её знанием Василия Шукшина...

В 1974 году руководство страны поставило перед кинематографистами задачу – снять к тридцатилетию Победы масштабный фильм о Великой Отечественной войне. Вопрос о режиссёре, которому можно доверить такой ответственный проект, был решён сразу – лучшим баталистом был Сергей Бондарчук. Его пригласили в Министерство обороны

и посоветовали снять фильм по книге маршала Андрея Гречко «Битва за Кавказ», но режиссёр решил по-своему и взялся за экранизацию незаконченного романа Михаила Шолохова «Они сражались за Родину».

Бондарчук уже работал с прозой Шолохова – экранизировал его рассказ «Судьба человека». Разрешение на съёмки нового фильма писатель дал сразу, но с условием, что снимать будут в местах, которые описаны в книге. Бондарчук поехал в Волгоградскую область – искать подходящую натуру. Местом съёмок выбрали окрестности станицы Клетской и хутора Мелологовского, у жителей которого выкупили дома и помогли с переездом – хутор должен был сгореть. Для фильма выстроили ещё три бутафорские деревни, переправу через Дон и дамбу, а местные пейзажи с сохранившимися со времен войны окопами и воронками от снарядов, каменистой землёй, меловыми холмами и пылью усиливали реалистичность происходящего…

Перед началом работы территорию исследовали сапёры и обезвредили несколько неразорвавшихся мин.

Для фронтовика Сергея Бондарчука было очень важно, чтобы главные роли играли актёры, которые сами прошли или хотя бы хорошо помнили войну.

Поэтому появились сразу же и были утверждены без проб фронтовики Юрий Никулин, Иннокентий Смоктуновский, Алексей Ванин, затем были утверждены и Василий Шукшин, Вячеслав Тихонов, Георгий Бурков, Иван Лапиков… [3, с. 79].

В фильме было занято огромное количество актёров: только значимых ролей было более 50-ти, а ещё 80 второплановых героев и около двух тысяч массовки. Массовку составляли местные жители и сводный полк солдат, которые не только снимались, но и помогали киногруппе с декорациями и пиротехникой.

Режиссёр С. Бондарчук актёров не жалел – для лучшего вживания в роли они вместе с солдатами рыли окопы, целыми днями ходили в солдатских гимнастёрках и даже в опасных сценах снимались без дублёров.

Дебютанта Андрея Ростоцкого режиссёр в буквальном смысле «бросил под танк» (по сценарию) без страховки, а Вячеслав Тихонов чуть не оглох на съёмках сцены с контузией его героя. Режиссёр хотел добиться от актёра еле заметной нервной дрожи, и попросил танкистов стрелять в сторону актёра из холостых орудий. Самого же Тихонова окружили жаровнями с раскалёнными углями. От жара плавился воздух, от выстрелов содрогалась земля, и эту сцену потом называли «второе небо Аустерлица».

К слову сказать, о доподлинности: в съёмках фильма участвовали несколько десятков танков Т-44 и полтора десятка реактивных самолетов L-29. Они были созданы уже после описанных в фильме событий, но такое количество настоящих танков и немецких самолётов «на ходу» найти не удалось. Огромной была съёмочная площадка – управлявшие техникой

военные и члены съёмочной группы общались по рации, и всё равно не обходилось без форс-мажоров.

Стоит отметить тот факт, что Василий Шукшин в фильме «Они сражались за Родину» сниматься не хотел. Он собирался запускать свой фильм о Степане Разине (сценарий «Я пришёл дать вам волю»), но в Госкино актёру пообещали дать разрешение на съёмки только после главной роли в фильме Бондарчука. К сожалению, роль Петра Лопахина стала последней (и даже незавершённой) актёрской работой Василия Шукшина. Он умер 2 октября 1974 г., ночью, после тяжёлых дневных съёмок… Работу прервали раньше срока, а неснятые сцены с участием Шукшина потом доснимали в павильонах с дублёром – однокурсником Шукшина по ВГИКу актёром Юрием Соловьёвым. Озвучил его героя актёр Игорь Ефимов. Из-за смерти мужа не смогла озвучить свою героиню и Лидия Федосеева-Шукшина. Её Глаша говорит голосом актрисы Натальи Гундаревой [1, с. 65].

Шукшин был, конечно, – по нравственному отношению к вещам – настоящим, прирожденным философом. Но не в западной учёной традиции, когда философ непременно профессионал, который создаёт учение, даёт своей системе рациональный строй. Шукшин был философ в русской традиции, когда система воззрений выявляется в «окраске» самого жизненного пути, когда она растворена в творчестве и изнутри насыщает, пропитывает его, не кристаллизуясь в «профессорскую» систему.

Все крупные русские писатели были философами, не строя систем. Можно даже сказать, что они до той поры и были настоящими философами, пока не строили систем. И уж точно: без глубокого философского переживания подлинное писательство и творчество вообще в России, в сущности своей, было невозможно – оно просто не оставляло заметных следов.

Будучи художником какой-то удивительной, первозданной духовной потенции, Шукшин-актёр всегда гораздо больше доверял сердцу, внутреннему состоянию, чем гриму. О нём, как о художнике, можно и нужно сказать, что он, как и его искусство, всегда были без грима и в прямом и в переносном смысле слова.

Шукшин верит, что если не кривить душой, то всё, что касается эстетики и профессиональности, сделается как бы само собой. Эта последовательно отстаиваемая позиция приводит Шукшина к формуле, в которой решающие для него понятия замыкаются сами на себе в простом и самодостаточном тождестве: «Нравственность есть Правда».

Спорить с этой формулой невозможно – она бесспорна, потому что во многом отвлечённа. Можно поменять понятия местами, и опять получится бесспорно. «Минующая эстетику» система воззрений вряд ли может сработать за пределами творческой практики самого Шукшина: он эту систему вырабатывал, исходя из своих возможностей. Так ведь нужно обладать врожденным чувством формы, нужно, подобно Шукшину, быть природным художником, нужно «от Бога» иметь интуицию мастера, чтобы позволить себе не заботиться

обо всем этом и сразу же ориентироваться на такое высокое светило, как Правда! Но если убрать из этой формулы шукшинский нерв, – получим расслабленные исповеди «лирических героев», которые как раз в ту пору – в конце 60-х гг. – разговорились в нашей прозе: в этих разводьях было полно слов и о Нравственности, и о Правде, и было даже искреннейшее желание постичь и то, и другое, но не было духовного сюжета, не было драматизма судьбы, не было проблемной резкости. Это и есть **Шукшин** [4, с. 17].

Шукшин всегда показывает такую человеческую простоту, за которой вставала огромная сложность, непростота бытия и самого человека, и всего того, что его окружает, что сделало его таким, какой он есть.

Думается, что полное осуществление и раскрытие артистических данных Шукшина проявилось в ***сложно-простом*** воплощении им образа шолоховского Лопахина. Это – вершина!.. Именно здесь его герой, излюбленный тип Шукшина, «повзрослел» исторически и нравственно. От актёра Шукшина Лопахин вобрал – не поверхностно, а изнутри самой души его неистощимую творческую суть. В этом – секрет обаяния последнего у Шукшина истинно ***героического героя.***

Весёлая злость Лопахина, непринуждённость и внутренняя его свобода в постижении совсем новых жизненных задач, – да ведь это и есть та «изюминка» героического характера, который обнаруживали Шукшин и Бондарчук в образе вчерашнего донецкого шахтёра, нынешнего солдата-бронебойщика. Воля и раскрепощёность, товарищество, свобода души, злость на врага – вот черты, определяющие живой характер героя Шукшина, в котором возникло то сложное переплетение трагедийности, самой неистовой накалённой злобы и в то же время юмора, доброты, искренней душевной распахнутости, человечности, всегдашней готовности к радости, дружбе и любви... И, скорее всего, этот солдатский характер и есть истинно народный русский характер во всех его проявлениях.

Веками этот характер проходил суровую проверку, неизменно выдерживая её; вот и теперь снова предстоит ему самое, быть может, тяжелейшее испытание на выдержку. На духовную прочность и самоотверженность, необходимые каждому солдату в войне против фашизма.

И, возможно, не было ещё в нашем послевоенном кинематографе, кроме разве Андрея Соколова, сыгранного Бондарчуком (фильм «Судьба человека»), образа советского солдата, проникнутого такой непоказной естественной духовной силой, как теперешний Лопахин Шукшина. Бондарчук знал заранее, каким Лопахин выйдет на экран и таким он был ему нужен... [5, с. 91].

Последние фильмы, снятые Шукшиным, Сергей Федорович справедливо считал шедеврами, ещё далеко не оценёнными, а может быть, даже и не понятыми до конца... [7, с. 139].

Вернёмся к фильму. Вот, например, эпизод, когда Лопахин приходит в окоп к своему другу, солдату Акиму Борзых. Тут, в окопе, у них происходит вроде бы самый обычный, немногословный солдатский разговор. Покурили,

помолчали, опять маленько поговорили. Со всех сторон обсудили замечание лейтенанта, который сказал Лопахину, что, мол, глядеть надо в оба, стоять до последнего... На этом самом последнем друзья и разошлись... Кажется, совсем «скупой» эпизод. Но какое же здесь скрыто богатство чувств, богатство подтекста!.. Бондарчук с какой-то прямо даже ненасытностью добивался выявления мощного, а в то же время не подчёркнутого впрямую, второго плана, окрашивающего всю беседу друзей особым настроением.

Ведь тут оба – и Лопахин, и Борзых полны самых мрачных предчувствий, хотя весьма старательно их скрывают друг от друга. Солдаты, по сути дела, здесь прощаются, ничуть не надеясь на новую встречу. Но одновременно оба стараются поддержать, ободрить один другого. Им хочется и скрыть, и как-то по-своему всё же выразить то, чем переполнены их сердца… Здесь каждая фраза должна была получить творческую реализацию, найти свой, ей необходимый, образный смысл. Такую реализацию и получал этот текст. Отсюда возникали и усталые лица, и говорящие глаза людей, и их одежда, сливающаяся с цветом земли так плотно, так тесно, что воочию; уже без слов, виделось родство, скрытые взаимосвязи… Действительно: сама земля взрастила людей, которые теперь за неё умирают…Таков был идейный смысл чисто цветовых решений фильма. И снова видишь горящий воодушевлением, дерзкий шукшинский взгляд, широкую и светлую улыбку, всю фигуру солдата Лопахина – собранную, энергичную, мускулистую. Вот такие-то солдаты и побеждали, и победили! Именно они сражались за Родину, останавливая накопленным уже умением и невероятной силой воли своего русского характера превосходящие силы врага.

Образ Лопахина наполняется жизнью не только в чисто солдатских, боевых эпизодах. У Шукшина он по-шолоховски многосторонен: Лопахин и казачка Наталья Степановна, Лопахин и сердитая Старуха, Лопахин – донжуан.

И везде, в каждом эпизоде Лопахин зрителю мил и небезразличен. Мы радуемся ему даже там, где он не прочь схитрить. Да что там говорить, – он совсем не прост, палец в рот ему не клади!.. И при всём том он сущий клад для своих товарищей-солдат. Золотой мужик, простой русский трудовой человек, блистательно освоивший злую науку войны и потому именно эту войну выигравший.

В записках Ф. М. Достоевского находим такую глубокую, и по-библейски, мудрую мысль: **«Не люби ты меня, а полюби ты *моё*»** – вот что вам скажет народ, если захочет увериться в искренности вашей любви к нему». Нужны ли комментарии к этим словам, когда другой русский гений М. А. Шолохов говорит так о Шукшине: «Не пропустил он момент, когда народу захотелось сокровенного. И он рассказал о простом, негероическом, близком каждому так же просто, негромким голосом, очень доверительно. Отсюда взлёт и тот широкий отклик, какой нашло творчество Шукшина в сердцах многих тысяч людей…» [3, с. 115].

У Шукшина прежде всего и во всем – доверие реальности, с годами крепнущее убеждение, что только полнотой правды, как бы горька ни была она порой, можно звать вперёд, оптимизм, вырастающий из пережитого, обостренного чувства глубокого понимания и положительных, и негативных явлений национальной психологии и быта. Чувства, владевшие Шукшиным, были незащищёнными, но трезвыми, сознающими сложность многих современных ситуаций.

Вечное и современное, земное и духовное, социальное и нравственное опираются одно на другое, переплетаются неразрывно – таков проблемный мир шукшинских произведений.

В 1975 году кинодрама «Они сражались за Родину» участвовала в программе Каннского кинофестиваля, хотя французские киночиновники просили прислать на конкурс фильм Андрея Тарковского «Зеркало». Получить главный приз картине не удалось, зато в советском прокате у фильма был огромный успех – его посмотрели более 40 миллионов зрителей! Режиссёр и оператор получили Государственную премию СССР, а Василий Шукшин стал лучшим актёром года по результатам опроса журнала «Советский экран».

В 2016 г. в Москве возле здания Министерства обороны России была установлена скульптурная композиция картины «Они сражались за Родину», запечатлевшая героев Василия Шукшина, Сергея Бондарчука, Вячеслава Тихонова, Георгия Буркова и Юрия Никулина.

Список литературы

1. Коробов В. И. Василий Шукшин. Творчество. Личность. – М.: Совет. Россия, 1977. – 192 с.

2. О Шукшине: Экран и жизнь / сост. Л. Федосеева-Шукшина и Р. Черненко; Предисл. С. Герасимова. – М.: Искусство, 1979. – 335 с.

3. Сагатчук С. П. Феномен художественной правды в советском киноискуссстве второй половины XX века (на примере творчества В. М. Шукшина): дис. … канд. филос. наук. М., 2009. – 179 с.

4. Сагатчук С. П. В. М. Шукшин: культурфилософский феномен творчества // Культурология: Дайджест / РАН. ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отд. культурологии. – М.: ИНИОН / Сост. и гл. ред. вып. И. Л. Галинская. – 2007. – № 2. – С. 10–18.

5. Толченова Н. Т. Слово о Шукшине. – М.: Современник,1982. – 160 с.

6. Фомин В. И. Пересечение параллельных. – М.: Искусство, 1976. – 375 с., ил.

7. Тюрин Ю. Кинематограф Василия Шукшина. – М.: Совет. Россия, 1986. – 317 с.

8. Заболоцкий А. Шукшин в жизни и на экране // Роман-газета. – 1999. – № 10. – С. 3–48.

УДК 821.0(571)

Калабина Вероника Михайловна
МАУК «Объединённый музей писателей Урала», музей
«Литературная жизнь Урала XIX века», научный сотрудник

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УРАЛЬСКИХ РАБОЧИХ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ОЧЕРКА Е. С. ГАДМЕР «ОКОЛО ЖЕЛЕЗА И ЗОЛОТА»)

Аннотация. В статье рассматривается понятие «региональная идентичность». Статья посвящена особенностям системы ценностей рабочих Урала рубежа XIX – XX веков, которая находится в основании поведения литературных героев очерка Е. С. Гадмер «Около железа и золота», в контексте региональной специфики Среднего Урала.

Ключевые слова: региональная идентичность, Урал, рабочие, ценности, Е. С. Гадмер

Kalabina Veronika Mikhailovna
Municipal Autonomous Cultural Institution «United Museum of Writers of the Urals» Museum «Literary life of the Urals of the XIX century», researcher

REGIONAL IDENTITY OF URAL WORKERS THROUGH THE PRISM OF VALUES ON THE EXAMPLE OF E. S. GADMER'S ESSAY «NEAR IRON AND GOLD»

Annotation. The article deals with the concept of «regional identity», the peculiarities of the workers' value system in the Urals at the turn of the 19th – 20th centuries, which underlies the behavior of the literary heroes of the essay «Near Iron and Gold» by E. S. Gadmer. The regional specificity of the Middle Urals is noted.

Keywords: regional identity, Urals, workers, values, E. S. Gadmer

В 2023 г. исполняется 160 лет со дня рождения уральской писательницы Е. С. Гадмер. В конце 2022 г. в екатеринбургском музее «Литературная жизнь Урала XIX века» открылась выставка «Некисейные барышни: женский будуар второй половины XIX века», посвящённая известным женщинам того времени, чьи биографии были связаны с Уралом. Одной из героинь выставки стала Е. С. Гадмер, поэтесса и прозаик конца XIX – начала XX в., которая долгое время жила в Екатеринбурге [3]. Юбилей со дня рождения писательницы дал новый импульс для исследования её литературного творчества.

Среди произведений Е. С. Гадмер наш интерес привлёк очерк «Около железа и золота: очерк из жизни уральских рабочих» (1904 г.), так как он описывает особенности жизни рабочих Урала рубежа XIX – XX столетий, а региональная тема – одна из главных в выставочной и научной работе музея «Литературная жизнь Урала XIX века».

Очерк иллюстрирует особенности региональной идентичности рабочих железных рудников. В статье мы рассмотрим региональную идентичность рабочих Урала сквозь призму системы ценностей, лежащей в основе поведения литературных героев очерка.

По мнению исследовательницы Е. В. Ереминой, региональная идентичность – «…прежде всего, переживаемые и осознаваемые людьми ценности определенной системы локальной общности, которые, в свою очередь, формируют чувство территориальной принадлежности индивида и группы» [4, с. 5].

Согласно концепции «горнозаводской цивилизации» культуролога А. В. Иванова, региональная идентичность – это в первую очередь система ценностей, которая выстроена иерархически. В качестве главной ценности горнозаводских рабочих Урала исследователь называет труд [5, с. 10].

Мы выделили основные элементы системы ценностей уральских рабочих, описанных в очерке: труд (особое отношение к труду и работе), юмор, упорство в достижении цели.

Вышеперечисленные элементы системы ценностей можно отнести и к ценностно-поведенческому комплексу, характерному для русской идентичности в целом. В целом разделяя концепцию А. В. Иванова, полагаем, что особое отношение к труду на Урале лежит в основе региональной идентичности рабочих.

Действие очерка происходит недалеко от Шигирского прииска, в 70 километрах к северо-западу от Екатеринбурга. Главный герой очерка – двенадцатилетний мальчик Гриша, который остался единственным кормильцем в большой семье. Мать Гриши просит его дядю Герасима устроить сына на работу в рудник, где он начинает работать гонщиком (возчиком руды). Через некоторое время работы на руднике останавливаются, и Гриша с помощью своего деда Силыча пытается устроиться на прииски. Так главный герой узнаёт, как устроена работа рудника и золотого прииска, знакомится с разными типами рабочих и спецификой их деятельности.

В очерке подробно описаны производственные процессы на железном руднике, золотоносном прииске, особенности работы частных старателей. Региональная идентичность, в первую очередь, базируется и на экономическом потенциале региона [4, с. 2].

С первых страниц очерка становится ясно, что одна из главных ценностей уральского рабочего – упоминавшийся выше труд. Главного героя пугает тяжёлая работа на руднике, ведь он никогда не был наёмным рабочим и ни разу в жизни не видел рудники. Герасим возражает ему: «Благодари Бога, что работа нашлась, а легкая ли, тяжелая ли она, про это забудь» [2, с. 6]. Автор описывает Герасима как слабого, нездорового человека, который надорвался на непосильной работе. Однако тяжёлая работа не сломила героя, не изменив его особого, почтительного отношения к труду [2, с. 4].

Рабочий по прозвищу Гусиное-Горло взял Гришу гонщиком на рудник и строго наказал: «Смотри, парень, не ленись… лениться будешь, в шею прогоню. Много вашего брата, – хоть пруд пруди...» [2, с. 16]. Таким образом, лень в системе ценностей рабочих рудника выступает как антиценность. Условия высокой конкуренции среди рабочих способствуют тому, что труд в их иерархии ценностей занимает высокую позицию.

Работая гонщиком, главный герой часто совершает ошибки, однако, благодаря времени и своему старанию, приобретает опыт и нужные навыки. Став рабочим, Гриша изменил своё отношение к труду на руднике. Он «втянулся» в работу, социализировался в обществе сверстников-товарищей. Ему

понравилось соперничать с другими гонщиками в ловкости. Грише было приятно получать заработок, заслуженный собственным трудом. Он стал смотреть на себя иначе, словно вырос в собственных глазах. Изменился его статус в семье: теперь для своих сестёр, братьев, и, главное, для матери он был «большак», «кормилец», дорогой гость, который приходил домой на побывку. Его встречали ласковым словом, оберегали от всех неприятных работ по домашнему хозяйству.

Труд рабочего стал для главного героя основной ценностью, так как он стал получать удовлетворение от успешно выполненной работы, приобрел позитивный опыт социализации, материальное вознаграждение, повысилась его самооценка и статус в семье.

В среде рабочих часто шутили, разыгрывали друг друга. Это служило эмоциональной разрядкой в тяжёлых условиях труда. В первый же день на руднике Гриша наблюдал за выходками рабочего Кузи – шустрого, бесшабашного парня по прозвищу Ёрш [2, с. 10]. Он подшучивал над прозвищами товарищей, пародировал их, пел песни и, порой, занимался довольно «опасными» шалостями. Но большинство рабочих на него нисколько не обижались и охотно смеялись над всеми его шутками. Таким образом, можно сказать, что в обществе рабочих рудника Кузя играл роль шута. Шуты и дураки относятся к смеховым формам и проявления, включенных в содержание народно-смеховой культуры [7, с. 120].

На главного героя шутки Кузи произвели позитивное впечатление, что Гриша «…не меньше других смеялся над выходками Ерша и, благодаря им, на время забыл свой страх, который овладел им, когда дядя исчез куда-то и оставил его одного» [2, с. 15]. Как известно, согласно философско-культурологической концепции смеха М. М. Бахтина, смеховые эмоции выполняют социально-психологическую функцию преодоления страхов и фобий [7, с. 118].

Когда Гриша лишился работы на руднике, то с помощью своего деда Силыча он попытался устроиться на золотые прииски. Сначала дед хотел устроить внука на Шигирский прииск, но узнав у друга, что там работников много, и что Гришу, скорее всего, не возьмут, решил идти на другой. Дед и внук обошли ещё два прииска, но работники и там были не нужны.

Гриша сильно переживал: он представлял себе, как расстроится его мать, как он вновь станет для семьи обузой. Но вдруг Гриша воспротивился этому: «…упрямо подумал он про себя: “хоть в батраки, да куда-нибудь наймусь”» [2, с. 59]. Затем Силыч сообразил, что Грише можно устроиться к старателям. Главный герой был рад любой работе и никакой работы уже не боялся: «По мне хоть куда, только бы взяли!» [2, с. 60]. И старатели охотно наняли Гришу.

Благодаря упорным попыткам Силыча и Гриши найти последнему работу, результат не заставил себя ждать. Если бы на первом же прииске Силыч и Гриша сдались и впали в уныние, то ничего бы не вышло – и участь мальчика и всей его семьи была бы не завидна. Во время поиска

подходящего места работы проявился сильный характер и сообразительный ум деда, а также сильный и смелый характер внука. Главный герой не испугался незнакомой работы с новыми людьми, он проявил упорство и решительность в поиске заработка и был вознаграждён за это.

Действие очерка происходит на Среднем Урале, крае, где природа и экономическая специфика региона требует от человека наличия определённых качеств характера, которые бы позволяли жить на данной территории. Климат региона – резко континентальный, зима длится около пяти месяцев с ноября до апреля [1]. Территорию Среднего Урала традиционно относят к «зоне рискованного земледелия», где вероятность получения хорошего урожая не слишком велика, а риски потерь урожая напротив [6, с. 220].

Для этой местности характерен сложный сопочный и увалистый рельеф с многочисленными озёрами и болотами; преобладают хвойные и берёзово-осиновые леса [1]. Средний Урал рубежа XIX – XX вв. – это промышленный регион с большой сетью горных заводов, рудников и копей, работа на которых была физически и морально тяжёлым трудом [5].

Жить на этой территории, не обладая такими качествами как выносливость, упорство, решимость и смелость, было невозможно.

Если в начале повествования главный герой предстаёт перед нами напуганным неизвестным будущим, тяжёлой работой и желающим избавиться от неё, то под конец очерка он привыкает к работе на руднике, приобретает необходимые профессиональные навыки, социализируется, начинает переживать и разделять вместе с другими рабочими их ценности.

Такие ценности как труд, юмор, упорство являются важными составляющими региональной идентичности уральских рабочих рубежа XIX – XX вв. Описанные элементы системы ценностей являются культурно-исторически выработанными, закрепленными поколениями людей в условиях специфической среды: суровый климат, индустриальная специфика региона, высокая степень социальной мобильности и т. д.

Список литературы

1. Большая российская энциклопедия // Большая российская энциклопедия, 2004–2017. – URL: https://old.bigenc.ru/geography/text/4161604 (дата обращения: 1.02.2023).

2. Гадмер, Е. Около железа и золота: очерк из жизни уральских рабочих. – Санкт-Петербург: Т-во О. Н. Поповой, 1913. – 64 с.

3. Елизавета Гадмер: материалы к биографии. Сборник документов к 60-летию Объединенного музея писателей Урала / сост. Э. А. Калистратова. – Екатеринбург: Экспресс-Дизайн, 2006. –112 с.

4. Еремина, Е. В. Понятие региональной идентичности и специфика ее формирования в современной России // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 5. – С. 276–287.

5. Иванов, А. В. Горнозаводская цивилизация. – М.: АСТ, 2014. – 283 с.

6. Мамяченков В. Н. Растениеводство Среднего Урала в 1913 – 1991 гг.: зона рискованного земледелия // Научный диалог. – 2016. – № 4 (52). – С. 212–228.

7. Сокровищук, А. А. Народная смеховая культура в философии М. М. Бахтина // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2021. – № 3. – С. 118–129.

УДК82–312.2

Филитова Ольга Николаевна
Дальневосточный государственный аграрный университет,
кафедра гуманитарных дисциплин,
старший преподаватель

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕТСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА СОВРЕМЕННОГО АМУРСКОГО ПИСАТЕЛЯ А. Л. КУРАКО)

Аннотация. В статье рассматриваются православные произведения для детей, написанные современным амурским писателем А. Л. Курако. Цель работы – раскрыть их педагогический потенциал, направленный на патриотическое и духовно-нравственное воспитание юного поколения. Актуальность статьи обусловлена острой необходимостью поддержания и распространения традиционных ценностей русской культуры.

Ключевые слова:детская литература, православная литература, амурская литература, А. Л. Курако, православие, воспитание.

Filitova Olga Nikolaevna
HE Far Eastern State Agrarian University, Department of Humantaries, Senior Lecturer

EDUCATIONAL POTENTIAL OF CHILDREN'S ORTHODOX LITERATURE (ON THE EXAMPLE OF THE WORK OF THE MODERN AMUR WRITER A. L. KURAKO)

Annotation. The article deals with the Orthodox works for children written by the modern Amur writer A. L. Kurako. The purpose of the work is to reveal their pedagogical potential aimed at patriotic and spiritual and moral education of the young generation. The relevance of the article is due to the urgent need to maintain and spread the traditional values of Russian culture.

Keywords:children's literature, Orthodox literature, Amur literature, A. L. Kurakov, Orthodoxy, education

Прежде чем говорить о специфике произведений современного амурского писателя Александра Леонидовича Курако и их воспитательном влиянии на юного читателя, необходимо уточнить понятия *православная литература* и *детская православная литература*.

Православной литературой мы, вслед за Л. В. Баёвой, называем произведения, основывающиеся на христианском (православном) мировоззрениии пропагандирующиеевангельские ценностии добродетели. При таком подходе под определение *православная литература* подпадают не только религиозные первоисточники (Библия), богослужебныеи богословскиекниги (молитвословы, акафисты, жития), но и художественные стихи и проза, ориентированные на православное мировоззрение [1, с. 28].

Следовательно, *детская православная литература* – это специально предназначенная для детей литература, которая, опираясь на православное вероучение, повествует о самых разнообразных событиях и персонажах. При этом, как заметил К. И. Чуковский в одной из ранних статей, знакомство ребёнка с Богом не должно быть скучным или пугающим, произведения о Боге должны ориентироваться на восприятие и интересы детей [7, с. 563–564].

Важно понимать, что православная литература, провозглашающая традиционные ценности, бережно относящаяся к истории, способствует патриотическому воспитанию детей и подростков. Об этом, в частности, говорил Председатель Амурской областной писательской организации П. А. Савинкин: «У нас <в Амурской области>выходит много книг, которые посвящены православию, а значит – посвящены патриотизму» [2].

Одним из самых ярких православных писателей Приамурья можно назвать нашего современника А. Л. Курако. Обращение писателя к христианской тематике неслучайно: уже много лет он занимается строительствомиреставрацией православных храмов в Амурской области.

Православие является доминантой литературного творчества А. Л. Курако, причём это справедливо как в отношении книг для детей, так и в отношении произведений для взрослых. Благовещенский журналист А. Ярошенкообъясняет эту особенность биографическими причинами: «Во времена церковной стройки у Александра Курако вызрел давний писательский дар. Он неожиданно для себя стал писать стихи и прозу» [8].

Художественные произведенияА. Л. Куракоотмечены наградами, подтверждающими их эстетическую и воспитательную ценность: в 2021 г. авторстал финалистом литературной премии имени Леонида Завальнюка (за фантастическую повесть «Окно времени»), а в 2022 г. писатель былудостоен премии Губернатора Амурской области (за фантастическую повесть для детей «Окно времени-2: Операция «Чужестранец»). Кроме того, экспертный совет при Уполномоченном по правам ребёнка в Амурской области в 2017 г. присвоил знак «Чистый информационный продукт» книге А. Л. Курако, включающей поэмы «Реконкиста» и «Русь Святая» [5, с. 2].

В рамках данной статьи, жестко ограниченной объёмом, рассмотрим лишь повести «Окно времени» и «Окно времени 2», так как эти произведения автора являются наиболее известными. Именно в них православное мировидение А. Л. Курако отразилось наиболее ярко.

Повесть «Окно времени»сообщает о путешествии девочки Даши в прошлое нашего региона: героиня побывает в Албазинской крепости (в 1685 г.) ив Благовещенске в самом начале XX в. (в 1908 г.). Как отмечает сам автор, в книге рассказывается«про события в Албазинском остроге, а они тесно связаны со становлением христианства в области» [6]. Из повести читатели узнают не только о событиях далёкого прошлого, но и о связующих нитях между поколениями – о православной вере, о любви к родине, о главной святыне Приамурья – чудотворной иконе Богородицы «Слово плоть бысть», которую сейчас можно увидеть в кафедральном соборе Благовещенска. В «Окне времени» рассказывается и о церквях, которые украшали город в начале XX в., и о судьбе некоторых из них в советские годы.

Важно отметить, что А. Л. Курако, создавая краеведческую книгу, не отделяет историю Амурской области от истории всей страны. При этом «вписывание» региональной истории в государственную строится совер-

шенно естественным и ненавязчивым образом, например: «Никифор стал на колени и, склонив голову, сложил руки для благословения. Старец подошёл и, подобно Сергию Радонежскому, когда тот напутствовал князя Дмитрия Донского на Куликовскую битву, осенил казака крестом» [3, с. 63]. В увлекательной форме (в виде задачки на логику) писатель сообщает читателю и о реформе календаря Петром I.

«Окно времени» помогает расширить кругозор читателя, а также познакомить его с исконными русскими праздниками, что особенно актуально в настоящее время, когда общество испытывает сильнейшее влияние западной культуры с её праздниками – Хэллоуином, Днём св. Валентина и т. д. В повести А. Л. Курако упоминаются следующие праздники русского православного календаря: сырная седмица, Троица и Духов день. На наш взгляд, автором выбран очень удачный путь рассказа об этих праздниках юным читателям: наша современница Даша не сильна в традиционных христианских праздниках, поэтому ей приходится спрашивать о них окружающих:

«– Коля, а Духов день будет завтра или послезавтра? – спросила она.

– Почему послезавтра? <…> Завтра и будет. Сегодня – Троица, а завтра – Духов день» [3, с. 38].

Даша – несомненно положительная героиня, при этом автор наделяет её правом чего-то не знать, что не делает её глупой или плохой. Вероятно, и ребёнок, не разбирающийся в православных традициях, читая книгу, не будет чувствовать себя некомфортно, так как даже Даша не знает этого.

Во второй части повести упоминается не только о православной вере, исповедуемой русскими, но и о буддизме, характерном для китайцев. Отметим, что о представителе другой религии – тибетском монахе – писатель говорит с уважением, что бесспорно не скроется от глаз читателя и положительно повлияет на его взгляды.

Финальная часть повести «Окно времени 2» связан схрамом в честь православной святой блаженной Ксении Петербургской, находящимся в Благовещенске. При этом пространство храма выступает как абсолютно безопасное, о чём Даше и Коле прямо говорит «какая-то женщина»: «Так вы не бойтесь, здесь вас никто не тронет!» [4, с. 105], так как «Здесь со мной и Господь наш, и Матерь Божия, и святые угодники» [4, с. 106].

Символично, что победить коварного и мстительного чужестранца детям помогает колокольный звон; женщина, приютившая их в храме, оказывается самой Ксенией Петербургской, а все драматичные события происходят в канун престольного праздника. Такой финал повести основывается на важных положения христианской веры: человек не одинок, Бог всегда поддержит человека в горести и спасёт от любой опасности, то есть спасение в Боге, в вере. Прочитав повесть, юный читатель сможет по-новому взглянуть на свою жизнь и свои проблемы.

В своих фантастических повестях А. Л. Курако поднимает важные вопросы: исторической преемственности, сохранения традиций и веры

предков, защиты родины, верности долгу и слову, честности, уважительному отношению к другим людям. Всё это показано с точки зрения глубоко верующего человека, любящего Бога и людей. Говоря о религии, автору, удаётся не переступить ту грань, которая превращает увлекательное художественное произведение в нудную проповедь, учебник по богословию, удаётсяпривлечь внимание читателя к истории и культуре родной страны, неразрывно связанным с православием.

Список литературы:

1. Баёва Л. В. Анализ и определение понятий «православная книга» и «духовная книга». Вестник Вятского государственного университета. 2013. – № 2–2. – С. 25–29.
2. Духовные и нравственные ценности превыше всего – писатели и духовенство Дальнего Востока. – URL: https://priamurmedia.ru/news/1268048/.
3. Курако А. Л. Окно Времени / Фантастическая повесть – Благовещенск: Царское Слово, 2019. – 168 с.
4. Курако А. Л. Окно Времени-2: Операция «Чужестранец». – Благовещенск: Царское Слово, 2021. – 128 с.
5. Курако А. Л. Реконкиста. Русь Святая. Поэмы – Благовещенск: Изд-во «Царское Слово», 2017. – 80 с.
6. Фэнтези о Приамурье: необычным способом заинтересовывает детей историей края благовещенец. –URL: https://priamurmedia.ru/news/1288062/
7. Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 2: От двух до пяти; Литература и школа: Статья; Серебряный герб: Повесть; Приложение / сост., коммент. Е. Чуковской. – 2-е изд., электронное, испр. – М.: Агентство ФТМ, ЛТД, 2012. – 640 с.
8. Ярошенко А. Сашины сказы. – URL: https://ampravda.ru/2020/05/12/095961.html.

УДК 811.161.1

Кухта Светлана Владимировна
Белорусский государственный экономический университет,
кафедра белорусского и русского языков,
старший преподаватель

Божкова Марина Ивановна
Белорусский государственный экономический университет,
кафедра белорусского и русского языков,
старший преподаватель

ЧТЕНИЕ ТЕКСТОВ – ГЛАВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Аннотация. В статье рассматривается проблема изучения русского языка иностранными студентами через текст, поскольку работа с ним очень актуальна. Текст – один из самых главных аспектов, содействующих иностранным студентам не только изучать лексику, грамматику русского языка, но и получать знания по определенной специальности. Понимание актуальности работы с текстом – одна из составляющих успешного овладения русской речью.

Ключевые слова: текст, предтекстовые и послетекстовые задания, специальность, поставленная задача, коммуникация

Kukhta Svetlana Vladimirovna
Belarussian State Economic University, Department of Russian and Belarussian languages, senior lecturer

Bogkova Marina Ivanovna
Belarussian State Economic University, Department of Russian and Belarussian languages, senior lecturer

READING TEXTS IS THE MAIN COMPONENT IN STUDYING RUSSIAN AS THE FOREIGN LANGUAGE

Annotation. The article deals with the problem of the learning of the Russian language by foreign students through the text, since working with it is as very actual. The text is one of the most important aspects helping foreign students not only study vocabulary, grammar of the Russian language, but also gain knowledge in their specialty. Awareness of the actuality of working with text is one of the components of successful mastery of Russian speech.

Keywords: text, pre-text and post-text tasks, specialty, task, communication

На протяжении многих лет представители разных стран, с разными целями, приезжают в Республику Беларусь (в том числе – овладеть русским языком, стать студентами определенного вуза, получить качественное образование, возвратиться на Родину с дипломом квалифицированного специалиста). В последние годы в вузах Беларуси больше всего учится студентов-иностранцев из Китая, которые понимают, что хорошее знание русского языка – хорошая перспектива для них, поскольку развивается политическое, торгово-экономическое, культурное сотрудничество Республики Беларусь с их страной.

Учебный процесс для студентов-иностранцев построен таким образом, чтобы они максимально быстро овладели русским языком и вместе с белорусскими студентами изучали дисциплины по специальности. Практика требует свободного использования русского языка, потому что этот язык для них – средство выражения мыслей и средство общения.

Важным фактором, содействующим профессиональной подготовке студентов-иностранцев, является изучение русского языка не только в аудитории, но и самостоятельно, используя различные методы и способы получения знаний.

Важны ли тексты, и насколько, при обучении русскому языку как иностранному? Долгие годы методисты изучали эту проблему, и сегодня текст получил признание как один из самых главных аспектов, который содействует быстрому изучению студентами-иностранцами русского языка и как инструмента выражения мысли, и как средства получения знаний по определенной специальности, и как средство адаптации. «Достижение целей адаптации через текст предполагает установление места лингводидактического текста, содержательное наполнение лингводидактической информацией, разработка определенной системы подготовки студентов к работе с текстом» [1, с. 131]. Цель изучения русского языка студентами из разных стран в вузах Республики Беларусь – овладение различными видами как письменной, так и речевой деятельности. Все это необходимо для быстрого получения определенной специальности. «В условиях обучения в Беларуси иностранные студенты усваивают социокультурные единицы живого русского языка, который функционирует на территории нашей страны, в сочетании с белорусским социо-

культурным компонентом, что усложняет задачу преподавателя по формированию культурологической компетенции обучаемых. Поэтому одной из актуальных методических задач является отбор и использование в процессе обучения РКИ текстов, содержащих культурно значимую для белорусского народа информацию – фоновые знания» [3, с. 278].

Необходимо при выборе текста видеть его ценность: проблематику, информативность, познавательность. На наш взгляд, почти каждый текст по экономике несет страноведческую информацию, потому что в последнее время в экономическую науку вносятся определенные дополнения, а значит, такому тексту отводится важное значение.

На роль текста при изучении русского языка как иностранного обращает внимание И. И. Новосельцева: «Неадаптированный текст используется не только как источник новой лексики и актуальной информации, но и как учебный материал для развития коммуникативных навыков студентов через раскрытие специфики коммуникативного потенциала слова и его прагматической составляющей в разнообразных речевых ситуациях» [4, с. 262].

В научном тексте используются все типы речи, но избирательность их определяется характером контекста. По своей тематике, по направленности, по цели информации одни тексты передают определенное сообщение или являются официальной информацией, деловыми документами, учебной, научной, справочной литературой, другие тексты передают информацию не прямо, предполагая знания определенных исторических фактов, событий, культурных знаний или являются публицистическими сообщениями, художественной литературой. Понимание таких текстов предполагает дополнительных знаний, комментариев, что иногда для иностранных студентов составляет определенные трудности.

Восприятие учащимися любого текста обеспечивается их, студентов, общей образованностью. Знание достижений в науке, в культуре, общее положение в мире и т. д. позволяют понять до конца смысл текста, его актуальность или неактуальность. В связи с этим особого внимания заслуживает точка зрения о том, что правильность восприятия текста обеспечивается не только языковыми и графическими единицами, но и общим фондом знаний, т. е. связана с пресуппозицией, с предварительными знаниями, дающими возможность адекватно воспринять текст.

Излишне говорить о том, что разные виды текстов значимы при изучении русского языка как иностранного, потому что они способствуют разнообразию речи, выражают личное мнение, помогают понять воспринимаемое преподавание русского язык как иностранного, отражают компетенцию студента.

Работа с любым текстом способствует пополнению словарного запаса студента-иностранца. Например, тексты художественного стиля речи включают в себя большое количество активной лексики, которая направлена на формирование словарного запаса, который обучаемые могут использовать в любой коммуникации, а вот чтение по специальности (работа

с текстом по специальности) содействует пополнению терминологической базы учебно-профессионального общения и проверяет определенный уровень сформировавшейся предметной компетенции.

Решение изучать русский для студентов-иностранцев, которые хотят получит определенную специальность в Беларуси, является неизбежным, потому что одна из главных целей обучения – овладение рабочим языком, языком специальности. Понимание использования языка текста специальности – главная составляющая продуктивного овладения русским языком. «Тексты, используемые на занятиях, могут быть не только научными, но и научно-популярными. Характер научной речи связан и с тенденцией к стандартизации. Она прослеживается не только в структуре всего текста, но и в использовании в нем языковых средств. Научные тексты создаются как отдельные законченные произведения, структура которых построена по законам жанра» [2, с. 257].

Студента-иностранца на уроках учат искать в тексте необходимую информацию, вычленять её, переосмысливать, делать выводы из прочитанного, а затем переносить ее в область собственного сознания, иными словами, студент должен уметь разумно перерабатывать текстовую информацию, эффективно и продуктивно использовать её в практических целях.

На занятиях преподаватель нередко к основному тексту в учебнике еще использует дополнительный из разных информационных источников. Дополнительные тексты должны содержать не только определенные, например, лексические или грамматические темы, но и, на наш взгляд, быть основой для развития навыков речи. Текст должен быть сюжетным, чтобы его несложно можно было пересказать. Если студент-иностранец только начинает работать с дополнительным текстом, то надо найти в нем новую лексику, прочитать текст, провести беседу по составленным вопросам, составить план, лучше тезисный, попробовать пересказать. Если текст сложный, то студент запоминает его частями, анализирует, соединяет, проговаривает. Это позволяет ему чувствовать определенную уверенность в том, что он уже в достаточной мере овладел русским языком.

Понимание и переосмысление прочитанного текста – главный компонент обучения, который отвечает на очень важный вопрос : насколько полезен и актуален именно этот текст. Не надо забывать и о том, что восприятие текста на прямую связано с процессом и просмотрового, и ознакомительного, и изучающего, и поискового, и усваивающего чтения.

Текст по специальности – это источник новой терминологии, пассивной лексики, нужной информации, материал для развития навыков устной и письменной речи.

На наш взгляд, далеко не последнюю роль в развитии устной и письменной речи студентов играют страноведческие тексты с учетом страны обучения: в Беларуси иностранные студенты усваивают социокультурные единицы живого русского языка, который используется в Беларуси, в сочетании

с белорусским социокультурным компонентом, поэтому на занятиях по русскому языку как иностранному обязательно используются тексты, содержащие культурно значимую для белорусского и русского народов информацию.

В Белорусском государственном экономическом университете, где изучению экономической терминологии уделяется большое внимание, начиная с первого курса, одной из составляющих целей обучения русскому языку как иностранному является наличие у студентов коммуникативной компетенции. Изучение языка специальности осуществляется студентами иностранцами в основном не на уроках русского языка как иностранного, а на занятиях по специальным предметом, так как на таких занятиях есть возможность хорошо овладеть специальной лексикой. Чаще всего тексты читаются по наиболее важным темам экономического профиля. Эти тексты характеризуют основные экономические взаимоотношения между домашними хозяйствами, государством, предпринимателями на микроуровне и на макроуровне, поэтому они подбираются так, чтобы занятия были предельно эффективны и всё внимание студентов-иностранцев концентрировалось на освоении профильной лексики и речевых конструкций. В тоже время тексты не должны быть перенасыщены сложными предложениями, архаизмами, деепричастными и причастными оборотами речи и т. д., они должны способствовать развитию речи.

Овладение микроэкономикой осуществляется на первом курсе во втором семестре, и этот предмет является составляющей высшего экономического образования страны. Цель курса – изучение развития экономического мышления студентов, формирование микроэкономической компетенции, понимание процессов в современной рыночной экономики и т. д.

До изучения микроэкономики студенты иностранцы уже в определенной степени владеют основами экономической теории и математического анализа, поэтому любые экономические тексты – это определенное смысловое сообщение с помощью знаков, но надо помнить еще и о том, что перед чтением таких текстов ведется большая работа.

Все тексты имеют широкий диапазон и базируются как на форме, так и на функции имеющихся заданий. Часто преподаватель, для которого русский язык не является родным зыком, проводит урок опираясь на какой-либо избранный учебник, соответствующий начальному этапу обучения и конкретным целям занятий в данной определенной группе. Иными словами, преподаватель пользуется готовыми текстами и может не знать требований, которые предъявляются к обработке текстового материала, но на уроке преподаватель много говорит сам, читает разные тексты, в том числе и из Интернета, вводит дополнительные тексты по теме урока и не редко использует тексты о Родине студента-иностранца. Этот текстовый материал к основному учебнику обычно правильно адаптирован и обработан. только в такой ситуации он способствует успешному изучению русского языка как иностранного.

Тексты на начальном этапе обучения весьма различны как по характеру, так и по структуре: это могу быть и диалоги, 5–7 предложений, и моноло-

ги, тексты-описания или тексты-повествования, и тексты-рассказы, в которых рассказ ведется от первого или от третьего лица. Часто используются в учебных пособиях смешанные тексты с элементами монолога и диалога. Объемы таких текстов, на наш взгляд, не должны превышать одной страницы. В большинстве случаев, это так называемые, составленные тексты, которые создаются преподавателем или же самими студентами. Такие тексты часто используются как в аудитории, так и во время самостоятельной работы.

Важным принципом при выборе текста (с точки зрения его содержания) является требование типичности изложенных фактов, так как студент-иностранец далеко не всегда владеет всеми достоверными фактами и событиями, которые происходят в Республике Беларусь, поэтому он может принять нечастое событие за обычное, содержание текста должно быть не только достоверным, но и отражать типичные черты жизни белорусского и русского народов.

Тематические тексты могут быть взяты из материалов учебников и учебных пособий, которые используются по программе экономических специальностей и минимально адаптированы. Они создаются с определенной дидактической целью на базе многих научных работ. Конечно, они отличаются от многих жанров научной мысли. Эти тексты более доступны и поняты для студента. Понимая строение текста, студенту-иностранцу не так сложно работать с новой информацией, таким образом, все внимание будет сконцентрировано на освоении профильной лексики и речевых конструкций.

Систематическая работа с текстом специальности формирует базовый словарный запас студента, уже на первом-втором курсе появляются навыки анализа текста, навыки умения вести диалог культур, а для адекватной межкультурной коммуникации с носителями языка достаточно иметь необходимый социальный фон, в контексте которого функционирует изучаемый язык.

Полноценное владение русским языком – знания не только орфографических, грамматических, пунктуационных норм, но еще и хорошие знания в области речи, которые достигаются с помощью различных методов обучения, в том числе и на текстовом материале.

Список литературы

1. Кухта, С. В. Роль адаптации при изучении русского языка студентами-иностранцами / Русский язык и литература в культуре России: от наследия свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия к современности. – Челябинск: Челяб. гос. ин-т культуры, 2022. – С. 130– 136.

2. Кухта, С. В. Текст как важнейший источник при изучении русского языка как иностранного // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. – Омск: Ом. автобронетанк. инженер. ин-т, 2020. – С. 256– 259.

3. Новосельцева, И. И. Страноведческие тексты о Беларуси в обучении русскому языку как иностранному / И. И. Новосельцева // Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития. – Минск: Белорус. гос. мед. ун-т, 2017. – С. 277–282.

4. Новосельцева, И. И. Развитие коммуникативной компетенции в профессионально ориентированном обучении / Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. – Омск: Военная академия материально-технического обеспечения имени А. В. Хрулева, 2019. – С. 261–265.

УДК 82.01

Мысовских Лев Олегович
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
кафедра русской и зарубежной литературы, аспирант

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ АВТОРА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Аннотация. В статье развивается идея о том, что поэтическое творчество Ф. И. Тютчева является отражением его духовного мира. Автор статьи обращается к теориям основателя религиозного экзистенциализма – датского мыслителя С. Кьеркегора, отмечая наличие экзистенциальных концептов в стихах Тютчева. Выводом из проведенного анализа философии Кьеркегора и поэзии Тютчева становится утверждение, что в поэтическом языке русского классика репрезентированы духовные ценности и уникальная экзистенциальная парадигма его мировоззрения, где абстрактные поэтические рассуждения приводят поэта к оригинальной идее, что хаос позволяет человеку осознать необъятность бездны, которая находится между ним и вселенским Абсолютом.

Ключевые слова: русская литература, духовные ценности, философия, экзистенциализм, религия, Тютчев, Кьеркегор

Mysovskikh Lev Olegovich
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Department of Russian and Foreign Literature, Graduate student

REPRESENTATION OF THE AUTHOR'S SPIRITUAL VALUES IN THE EXISTENTIAL POETRY OF F. I. TYUTCHEV

Annotation. The article deals with the idea that the poetic creativity of F. Tyutchev is a reflection of his spiritual world. The author of the article refers to the theories of the founder of religious existentialism – the Danish thinker S. Kierkegaard – and notes the presence of existential concepts in Tyutchev's poems. The conclusion from the analysis of Kierkegaard's philosophy and Tyutchev's poetry is the statement that the poetic language of the Russian classic represents spiritual values and a unique existential paradigm of his worldview, where abstract poetic reasoning leads the poet to the original idea that chaos allows a person to realize the immensity of the abyss that lies between him and the universal Absolute.

Keywords: Russian literature, spiritual values, philosophy, existentialism, religion, Tyutchev, Kierkegaard

В произведениях художественного творчества прочитвыаются духовные ценности их авторов. Следовательно, продукт творческой деятельности является воплощением духовного (идеального) мира творца. На наш взгляд, художественная литература, и поэзия в особенности, способна выступать прекрасным проводником между миром идеальным и миром реальным. Показать это можно на примере изучения экзистенциальной мысли, выраженной при помощи художественных текстов. Исследование экзистенциальных концептов в художественной литературе вполне мотивировано. Один из наиболее известных представителей экзистенциальной философии, Жан Поль Сартр (1905–1980 гг.), полагал, что произведения художественной литературы наилучшим образом служат для «передачи идей и идеалов человека» [5, с. 32]. В публикациях исследователей XXI в. также

представлены выводы о том, что Ф. И. Тютчева (1803–1873 гг.) можно рассматривать как «предвестника “существования” Жана Поля Сартра» [8, с. 87]. Впрочем, в поэзии Тютчева можно найти гораздо больше концептов, созвучных с теориями основателя религиозного экзистенциализма С. Кьеркегора (1813–1855 гг.).

Поэзия Тютчева является в значительной мере средством репрезентации экзистенциального мировоззрения автора. Слова в его стихах выступают в качестве элементов грандиозной структуры. Эти слова нельзя воспринять в отдельности, так как их смысл весьма глубоко философичен. Все, что происходит вокруг, для Тютчева подкрепляется прочной философской и экзистенциально-религиозной основой. Именно здесь можно найти параллели между Ф. И. Тютчевым и основателем религиозного экзистенциализма, датским философом, теологом и писателем, С. Кьеркегором. Сравнивая русского поэта и датского мыслителя, В. С. Баевский писал: «В России на десять лет раньше Кьеркегора родился поэт мистических откровений, для которого его глубоко личные трагедии были отзвуками мирового неустройства, подобно Кьеркегору – создатель эзотерических текстов. Да, речь о Тютчеве» [1, с. 2].

Кьеркегора обычно считают отцом экзистенциализма и первым человеком, который четко изложил форму христианского экзистенциализма. В истории христианства и более ранние мыслители, – например, Августин, также имеют отношение к экзистенциалистской теологии. Сочинения Кьеркегора являются основой школы мысли, которую мы знаем как христианский экзистенциализм. Кьеркегор был первым, кто использовал страх в качестве концепта в своем творчестве. В трудах Кьеркегора нашли отражение страх, трепет, тревога – не совсем то, о чем пишет довольный человек. В своих произведениях Кьеркегор представляет несчастный мир, пронизанный тревогой и страхом: «Нет никого, в ком глубоко внутри не пребывало бы беспокойство, тревога, дисгармония, страх перед чем-то неизвестным» [2, с. 39]. Тем не менее он также показывает читателю Бога, который воплощает любовь, и призывает вернуться к христианским ценностям: благодати, смирению и любви. «Единственное, что поистине способно обезоружить софистику страха, – это вера» [3, с. 143].

Важно отметить, что Кьеркегор ставит сомнение в центр христианской веры. Он утверждает, что христианство основано не на объективной определенности, а на субъективных отношениях с Богом. Эти субъективные отношения зависят от совершения «скачка веры», искренней веры в Бога, независимо от любых доказательств обратного. Ставя сомнение в качестве первого, решающего шага к вере, Кьеркегор обращается ко всем читателям, кто испытывает беспокойство или скептицизм. Кьеркегор также приводит примеры людей, которые совершили этот скачок веры и, таким образом, стали «рыцарями веры». Эти рыцари веры продолжают верить, несмотря ни на что, даже на абсурдность своей веры. Так, Авраам «сохраняет полную уверенность в

обретении Исаака “силой абсурда” в этой жизни. Авраам как “рыцарь веры” абсолютно убежден, что не только он сам стоит в бесконечном отношении к Богу, но и Бог в свою очередь проявляет абсолютный интерес и заботу по отношению к его конечной жизни и конечной любви» [4, с. 102]. Кьеркегор предполагает, что только Авраам и Мария являются истинными рыцарями веры, но, тем не менее, мы должны стремиться быть похожими на них. Однако смысл послания Кьеркегора не в том, что всем нам нужно быть совершенными, а в том, что мы должны иметь веру.

В современных исследованиях, основанных на анализе экзистенциальных концептов в поэзии Тютчева, представлен вывод о том, что онтологически воплощенное русским классиком в поэтические строки отчаяние «означает потерю собственной личности» [6, с. 54]. Данная установка вполне вписывается в экзистенциально-религиозные теории Кьеркегора, считавшего отчаяние «болезнью к смерти». Под смертью Кьеркегор в данном определении отчаяния понимал не разрушение бренного тела, а уничтожение уникальной экзистенции человека, гибель его души, вместе с которой неизбежно гибнет и личность человека. Таким образом, потеря личности означает и утрату для человека надежды на спасение в вечности.

Действительность, обретающая онтологическое воплощение в поэзии Тютчева, обычно не имеет определенных указаний на период и пространство, где происходят описываемые события, что в принципе свойственно философской лирике, обладающей всеобщей направленностью. Например, ночь у Тютчева монументальна, возвышенна и трагична. Ночь погружает людей в пучины экзистенциального одиночества, где человек может соприкоснуться с ужасными загадками бытия:

И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами –
Вот отчего нам ночь страшна! [7, с. 158]

В исследованиях XXI в. находим обоснования того, что поэзию Тютчева можно считать экзистенциальной, так как автор «пытается решить экзистенциальные проблемы бытия не метафизическими рассуждениями, а с помощью натурфилософской поэзии» [9, с. 104]. В экзистенциальной поэзии Тютчева, в отличие от философских трактатов, предлагаются не строгие теории, подкрепленные классической аргументацией в рамках аристотелевской логики, а обозначение мыслей, провозглашение идей, представленных посредством стихов, иными словами, корпус смыслов представляется в опыте, в чувственных поэтических картинах. Существование раскрывается напрямую с помощью образов. Следовательно, в процессе творчества происходит репрезентация уникального экзистенциального мировоззрения художника через произведение его творчества. Иными словами, идеальная духовная субстанция онтологически материализуется в реальный объект, сохраняющий в себе идеальную составляющую и способный передавать ее адресатам художественного творчества.

Истинный смысл хаоса в творчестве Тютчева – это угроза разрушения, бездна, которую нужно преодолеть, чтобы достичь полной гармонии с Вселенной. Тоска, поглощающая человека, столкнувшегося с таинственным хаосом, – это зарождающееся отчаяние, в основании которого лежит ужас перед гибелью и разрушением, что грозит исчезновением экзистенции, однако человек, совладавший с этим состоянием, обретает блаженство. Абстрактные поэтические рассуждения Тютчева приходят к оригинальной идее, что хаос дает возможность человеку, соприкоснувшемуся с ним, осознать грандиозные размеры бездны, отделяющей от него истинное универсальное существо. Поэт выражает мнение, что зло и добро не нужно рассматривать как антагонистические категории, так как они являются этапами в поисках истины. Оппозицию хаоса и идеального (по аналогии с платоновскими идеями), лежащего в основании сотворения сущего, Тютчев видит не в противопоставлении дня и ночи, как это может показаться на первый взгляд, а в тишине и спокойствии, которые противостоят хаосу. Жар, бунт и их битва с тишиной, спокойствием – это конфликт зовущего и жестокого великолепия бытия с тихой привлекательностью смерти, ведущей к противоположности, то есть к небытию. Из этого можно сделать вывод, что хаос является олицетворением победы над конечным, т. е. бренным. Такое умозаключение означает, что в стихах Федора Ивановича, открывается первозданное великолепие Божественного творения, охватывающее все существующее – неодушевленную материю и живых существ, хаос и симметрию, бесконечное сражение которых и есть основа бытия:

Ущерб, изнеможенье – и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья [7, с. 121].

Ум человека, стремящийся к знаниям, становится «героем» многих стихотворений Тютчева. Например, в качестве сюжета знаменитого стихотворения «Фонтан» (1836 г.) представлено мятущееся беспокойство ума, жаждущего немедленного озарения, но ощущающего скромность собственного потенциала:

О смертной мысли водомет,
О водомет неистощимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремит, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты [7, с. 148].

Порой Тютчеву кажется, что он истощен от своего напряженного внимания к таинственным знаниям. В стихотворении «Нет, моего к тебе пристрастья» (1836 г.) поэт сбрасывает бремя размышлений о духовных абстракциях и обращает свои мысли к обычным человеческим наслаждениям:

Бродить без дела и без цели
И ненароком, на лету,
Набресть на свежий дух синели
Или на светлую мечту... [7, с. 137]

Поэт понимает, что выражение философских концептов средствами поэзии необычайно затруднительно, так как происходит процесс трансформации интеллектуальной реальности, в которой разум отныне следует не строгим законам логики, но становится подвластным художественным образам и рифмам. Тютчев указывает на данную проблему в стихотворении «Silentium!» (1830 г.):

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь [7, с. 126].

Данное произведение отражает мысль об изолированности людей, об отсутствии средств в полной мере объясниться даже с родственными по духу людьми, а следовательно, это стихотворение также утверждает экзистенциальное одиночество человека. Таким образом, философская лирика Ф. И. Тютчева содержит уникальное экзистенциальное послание, увлекая читателей чувствами и мыслями великого автора, передавая потомкам глубокую мудрость его стихов, представляющих собой своеобразный код удивительного экзистенциального мировоззрения русского поэта.

Список литературы

1. Баевский В. С. Тютчев: поэзия экзистенциальных переживаний / В. С. Баевский // Известия Российской академии наук. – Серия литературы и языка. – 2003. – Т. 62. – № 6. – С. 1–10.
2. Кьеркегор С. Болезнь к смерти. Москва: Академический проект, 2014. – 160 с.
3. Кьеркегор С. Понятие страха. Москва: Академический проект, 2014. – 224 с.
4. Кьеркегор С. Страх и трепет. – Москва: Республика, 1993. – 112 с.
5. Мысовских Л. О. Писатель и экзистенциализм: художественная литература как средство выражения экзистенциальных идей // Филология: научные исследования. – 2022. – № 4. – С. 29–41.
6. Мысовских Л. О. Экзистенциальные концепты поэзии Ф. И. Тютчева в контексте взаимоотношений человека и природы // Культура и образование. – 2021. – № 4 (43). – С. 45–54.
7. Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. Ленинград: Советский писатель, 1957. 430 с.
8. Mysovskikh L. O. Existential type of artistic consciousness: genesis and ways of development in the literature of the XIX century. –Litera. –2022. –no. 4. – pp. 83–92.
9. Mysovskikh L. O. Existential and Religious Concepts of Fyodor Tyutchev's Poetry as Proof of the Existence of God. Litera. –2022. –no. 7. –pp. 102–110.

УДК 882-3

Коршунова Виктория Максимовна
Курский государственный университет,
факультет теологии и религиоведения,
студент

О ФОРМИРОВАНИИ ПОНИМАНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. В статье рассматривается формирование понимания духовно-нравственных ценностей у учеников младшей школы при изучении произведений литературы.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, воспитание, литература, писатели, Родина

VictoriaMaksimovnaKorshunova
Kursk State University, Faculty of Theology and Religious Studies, student

ON THE DEVELOPING OF THE UNDERSTANDING OF YOUNGER STUDENTS' SPIRITUAL AND MORAL VALUES THROUGH THEIR STUDYING OF LITERATURE

Annotation. The article deals with how the understanding of spiritual and moral values is formed in the junior high school students when studying works of literature.

Keywords: spiritual and moral values, education, literature, writers, Motherland

Духовно-нравственное воспитание школьников –актуальная проблема. Длительное время данному вопросу не уделялось существенного внимания. Одним из способов решения проблемы острого духовного кризиса у подрастающего поколения стало введение в школьную программу комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики». Этот курс, с 2010 г. в экспериментальном режиме, а после положительной апробации в 2012 г., стал преподаваться на постоянной основе в начальной школе. Логичным продолжением курса стало введение предметной области «Основы духовно-нравственной культуры народов России» на ступени основной школы. Обучающиеся знакомятся с духовно-нравственными ценностями народов нашей страны, изучают основы религиозных культур, у них воспитываются навыки общения с представителями других народов и конфессий.

В особенности, в связи с указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», инициатива укрепления и совершенствования духовно-нравственного воспитания школьников получила огромную поддержку на государственном уровне.

В 24 пункте указа говорится: «Реализация стратегического национального приоритета "Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти" предполагает решение следующих задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей:

а) укрепление гражданского единства, общероссийской гражданской идентичности и российской самобытности, межнационального и межрелигиозного согласия на основе объединяющей роли традиционных ценностей;

з) формирование государственного заказа на проведение научных исследований, создание информационных и методических материалов (в том числе кинолетописи и других аудиовизуальных материалов), произведений литературы и искусства, оказание услуг, направленных на сохранение и популяризацию традиционных ценностей, а также обеспечение контроля качества выполнения этого государственного заказа» [4].

При этом необходимо отметить, что реализация данного указа возможна благодаря содержательному преподаванию курсов ОРКСЭ и ОДНКНР. Это дает возможность углубить знание и понимание о религиозных культурах, расширить подходы и усовершенствовать воспитательный процесс в школе, направленный на развитие духовно-нравственных ценностей, формирующих мировоззрение личности. В более ранние периоды духовно-нравственное развитие и воспитание школьников осуществлялось в основном на уроках истории и литературы.

Детская литература имеет долгую историю и развивалась постепенно, например, до определенного периода детская литература никак не отделялась от взрослой. Об этом писал французский историк Филлип Арьес в своём труде «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке», утверждая, что до XVIII в. не существовало «оформленной» детской литературы [1].

Детская литература – одна из важнейших составляющих основы воспитания детей, ведь именно она оказывает воспитательное действие на ребенка, так как помогает активно развивать языковую картину мира, формировать понятийный аппарат и систему традиционных ценностей.

Обращаясь к содержанию учебников по предмету «Литературное чтение» и спискам рекомендованной литературы для начальной школы, мы видим в нем разные произведения, с помощью которых ученики постигают основные духовно-нравственные ценности, среди которых любовь к Родине, семье, природе, милосердие, сострадание, доброта, ответственность за себя и тех, кто рядом.

Русская классическая литература – бесценная сокровищница добра и верный помощник учителя в воспитании подрастающего поколения, поскольку главной своей задачей русские писатели и поэты ставили пробудить душу читателя, научить не только видеть добро в жизни, но и самому творить его. Например, в рассказе Д. Н. Пришвина «Приёмыш» [3] дети видят пример доброты и заботы о природе. Ребенок учится осознавать себя неотъемлемой ее частью и ответственно относиться к ней.

Такие поэтические произведения, как «Школьник» [2] Н. А. Некрасова и «Русь» [3] И. С. Никитина, показывают ученикам начальной школы красоту и величие родной страны, силу духа и силу веры ее народа, учат любить Родину, трудиться на благо ее процветания.

Любовь к Родине начинается всегда с малого, с любви к родному дому, к семье, почитанию родителей и заботе о них. Именно этому учит рассказ А. П. Чехова «Мальчики» [2]. События рассказа происходят перед Рождеством, юный Володя возвращается домой из гимназии со своим другом Чечевицыным. Мальчики задумали бежать в Америку.

Володя очень переживает о родных и уже не хочет убегать, он говорит: «Господи, прости меня грешного! Господи, сохрани мою бедную, несчастную маму!» [2, 130]. Перед читателем предстают два образа: Володя– семейный мальчик, который воспитан в православной вере, а его друг выступает перед нами в образе искусителя, который всеми способами подталкивает Володю к дурному поступку. А. П. Чехов умышленно не дает второму мальчику даже имени.

Чтение такого рассказа очень важно для детей этой возрастной категории, поскольку учит правильным христианским ценностям и показывает: совершать ошибки не страшно – страшно не признавать их.

Учебники по литературному чтению предлагают обучающимся изучить произведение шведской писательницы Сельмы Лагерлёф «Святая ночь» [3]. В нем бабушка рассказывает историю о рождении Иисуса Христа, по ходу повествования герой задает бабушке множество различных вопросов, на которые всегда получает разумный и обстоятельный ответ. Этот рассказ поможет юным читателям найти ответы на волнующие их вопросы духовной жизни.

Помимо светской литературы, школьники знакомятся и с произведениями духовного характера. Так, например, «Житие Сергия Радонежского» расскажет ученикам о духовном подвиге одного из самых почитаемых русских святых [2].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что предмет «Литературное чтение» охватывает широкий круг духовно-нравственных вопросов. С раннего возраста детям важно прививать правильные ориентиры в жизни, в этом помогает изучение таких предметов, как «Литературное чтение», «Окружающий мир», «Русский язык», «Музыка», курсы ОРКСЭ И ОДНКНР.

Список литературы

1. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с фр. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. –416 с.

2. Литературное чтение. 4 класс: учеб. для общеобразоват. организаций в комплекте с аудиоприл. на электрон. носителе. В 2 ч. Ч. 1 / [Л. Ф. Климанова, В. Г. Горецкий, М. В. Голованова и др.] –М.: Просвещение, 2013. – 223 с.

3. Литературное чтение. 4 класс: учеб. для общеобразоват. организаций в комплекте с аудиоприл. на электрон. носителе. В 2 ч. Ч. 2 / [Л. Ф. Климанова, В. Г. Горецкий, М. В. Голованова и др.]– М.: Просвещение, 2013. – 223 с.

4. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

УДК 80

Никольская Вероника Валерьевна
Российский государственный университет
им. А. Н. Косыгина, г. Москва,
студентка

ФОНЕТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ КАК КЛЮЧЕВОЙ АСПЕКТ ОБРАЗА ГЕРОЯ-ИНОСТРАНЦА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. В статье представлен разбор фонетического аспекта речевого портрета Ольги Дубковой (Olga Dubkov), героини романа Т. Уайлдера «День восьмой» («The Eighth Day»). Ольга Сергеевна Дубкова – русская княжна, эмигрантка, чей отец был декабристом. Несмотря на длительность и тесноту взаимодействия с чужой культурой, Ольга Дубкова остается носителем русского культурного кода, который проявляется как в вербальном, так и в невербальном и паравербальном аспектах ее речи. В настоящей работе особое внимание уделяется последнему аспекту, рассматриваются средства, с помощью которых автор создает портрет героя представителя другой культуры, и их влияние на формирование образа национального русского характера в тексте и сознании читателя.

Ключевые слова: фонетический портрет личности, речевой портрет личности, речевое поведение, иностранный акцент, культурный код, герой-иностранец

Nikolskaya Veronika Valerievna
Russian State University A. N. Kosygin, Moscow, student

PHONETIC PORTRAIT OF A PERSONALITY AS THE MAIN ASPECT OF THE FOREIGN CHARACTER'S IMAGE IN THE LITERARY TEXT

Annotation. This article deals with the analysis of the phonetic aspect of the speech portrait of Olga Dubkov, the character of T. Wilder's novel «The Eighth Day». Olga Sergeevna Dubkov is a Russian princess, emigre, whose father was a revolutionary. Despite the duration and closeness of interaction with a foreign culture, Olga Dubkov remains a carrier of the Russian cultural code, which manifests itself in verbal, nonverbal and paraverbal aspects of her speech. This work pays special attention to the last aspect: it explores the means which author uses to create a portrait of a character-representer of another culture, and their influence on the formation of the image of the national Russian temper in the text and the reader's mind.

Keywords: phonetic portrait of a personality, speech portrait of a personality, speech behavior, foreign accent, cultural code, foreign character

В парадигме научного знания конца прошлого века наметилась тенденция к более полному и комплексному изучению человека, что, в свою очередь, дало толчок к развитию различных новых направлений в антропологии, психологии, лингвистики, социологии, других гуманитарных наук. В связи с углублением знаний о самом человеке, возрос интерес и к его художественной репрезентации в тексте, начался поиск новых подходов и к созданию портрета литературного персонажа. Основоположником понятий речевого и фонетического портрета личности стал М. В. Панов, описавший произношение ряда политических деятелей, ученых и писателей прошлого. А М. М. Бахтин в работе «Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук» продемонстрировал, как «целое», отраженное в портрете героя, существует в трех формах: пространственной, временной и

смысловой. Там же он указал, что «некоторая неполнота чисто живописного портрета восполняется целым рядом моментов, непосредственно примыкающих к наружности», таких как манеры, походка, тембр голоса, меняющееся выражение лица и всей наружности в те или иные исторические моменты жизни человека [9, с. 61].

В лингвистическом словаре О. С. Ахмановой понятие «речевой портрет» определяется, как речевая характеристика персонажей (или речевой портрет), «…особый подбор слов, выражений, оборотов речи и т. д. как средство художественного изображения действующих лиц литературного произведения» [7]. Примечательно также определение, составленное О. Г. Алюниной [6]. Согласно ее видению, под целостным речевым портретом языковой личности понимается иерархически организованная структура, включающая нижеперечисленные элементы:

- социопсихолингвистический портрет, то есть социальные, психологические, биологические особенности личности, ее интересы и увлечения;
- особенности речевого портрета на системно-языковых уровнях;
- особенности речевой культуры – особенности коммуникативного поведения, учет фактора адресата, лексическое своеобразие;

При создании портрета героя-иностранца перед автором встает задача не только реалистично изобразить его характер и поведение, но и передать столкновение лингвокультурных особенностей персонажа с чужой культурной средой. В данном случае ключевым средством создания образа иностранного героя может стать формирование его фонетического портрета, так как произношение и другие фонетические характеристики речи позволяют отличить иностранца от носителя языка даже с условием высокого уровня владения им иноязычной лексикой. А. Визенталь утверждает, что «Акцент – это сегментное и суперсегментное явление, определяемое как специфическое положение или ударение, выделяющее определенный слог или слово в потоке речи» [3, с. 93]. В свою очередь, Э. Корриган выделила три основных компонента, из которых состоит акцент: звуки (согласные и гласные), ритм (ударные и безударные слоги) и интонацию (повышение и понижение высоты тона). В качестве основных маркеров русского акцента в английской речи преподавателем были отмечены неточности в сохранении длины звука при произнесении кратких и долгих гласных, а также проблемы с артикуляцией гласных звуков [2].

Я. В. Голованова выявила принципы и основные средства выражения фонетических особенностей говорящего в художественном тексте. Согласно ее заключению, «…автор следует принципу удобства графической репрезентации, т. е. выбирает такие отклонения от нормы, для изображения которых есть удобные средства в определенном языке. Играет роль и принцип узнаваемости слова: слишком измененный графический облик слова может помешать его пониманию». В исследовании филолог приводит такие средства:

1) Замена звука, не представленного в фонетической системе языка-источника акцента, на другой, чаще всего сходный, звук

2) Нарушение признака, релевантного для английского или русского языков, но нерелевантного для языка-источника акцента;

3) Произношение звуков под влиянием особенностей их дистрибуции в языке-источнике акцента. В данном случае речь идет в основном об оглушении/озвончении;

4) Интерференция произношения слов языка-источника акцента в сходные по смыслу и звучанию слова русского или английского языков (мэскарад, эспианаж, хироуиня, мэдам, клаб);

5) Изменение графического облика слова, подразумевающее нарушение его произношения, не объяснимое реальными языковыми особенностями языка-источника акцента (коверкание слова) [10, с. 136–137].

Помимо акцента (как манеры произношения слов) фонетический портрет включает в себя и иные паравербальные характеристики речи. Более подробно его составляющие изучила Е. А. Бабушкина. По ее словам, «…голос человека, являясь составной частью его имиджа, служит созданию целостного впечатления о личности, которое складывается под воздействием индивидуальных характеристик качества и диапазона голоса, его громкости и мелодичности, а также эмоционального состояния говорящего, нормативности речи, возможных дефектов, влияющих на артикуляцию, и ряда других факторов» [8, с. 8].

Для рассмотрения средств формирования фонетического портрета иностранного героя в тексте был взят материал повести Т. Уайлдера «День восьмой». Ольга Дубкова – одна из второстепенных персонажей произведения – по сюжету является русской княжной, чья семья из-за революционной деятельности отца была вынуждена эмигрировать в США. Автор описывает героиню так: «Как иностранке, ей прощались многие чудачества, которые город осудил бы и не потерпел ни в ком из своих. Она курила сигареты с длинным желтоватым мундштуком. Она была идолопоклонницей – один угол в ее комнате был увешан иконами, перед которыми горели светильники, и, входя или выходя, она крестилась на них». Как было указано выше, Ольга второстепенный персонаж, однако описанию ее поведения, бытовых привычек, проявлений характера уделяется достаточно большое внимание, что обусловлено сюжетом: один из ключевых персонажей произведения Джордж Лансинг проникается любовью «мисс Дубковой» к русской культуре и в конце концов уезжает в Россию. Потому для автора было крайне важной задачей создать «русский» характер, сделав его отражением иностранной культуры.

Для более общего понимания исследуемого характера стоит рассмотреть еще один авторский комментарий: «She was extremely outspoken and her "latest" was repeated from house to house in shocked undertones» [Она была чрезвычайно откровенной, и ее «последние изречения» передавались от дома к дому шокированными шепотками; пер. В. В. Никольской]. Эпи-

тет «overspoken» является характеристикой не только речевого поведения, но и персонажа в целом. В рассматриваемом предложении автор также демонстрирует реакцию общества на откровенность героини: ее поведение шокирующе для других жителей городка и, следовательно, является индивидуальным качеством Ольги. «She once rebuked him [*Mr. Lansing*] in his own house for a contemptuous remark he had made about his son George. <…> Miss Doubkov predicted with alarming conviction that one day Lily would be a great singer with the world at her feet» [Она однажды упрекнула мистера Лансинга в его собственном доме за презрительное замечание, которое он сделал о своем сыне Джордже <…> Мисс Дубкова предсказала с тревожной убежденностью, что однажды Лили будет великой певицей, и мир будет у ее ног; перевод и курсив Никольской В. В.] В представленных двух примерах фонетические особенности речи Ольги Дубковой выражаются посредством эмоционально окрашенной лексики автора. Согласно данным Интернет-словаря Cambridge Dictionary, «to rebuke – to speak angrily to someone because you disapprove of what they have said or done» [«говорить с кем-то сердито, потому что вы не одобряете сказанное или сделанное им»; перевод Никольской В. В.], «alarming – causing worry or fear» [«вызывающий тревогу или страх»; пер. Никольской В. В.]. Так, даже не приводя прямых цитат героини, Т. Уайлдер придает образу Ольги экспрессии и выразительности через описание тона ее высказываний.

Повествование в «Дне восьмом» преимущественно составлено речью автора, однако в отдельных моментах Т. Уайлдер приводит и «собственную» речь героев. «Miss Dubkov admired Mrs. Lansing ("Girls," she would say at a sewing session among bridesmaids, "the most important thing for a woman is charm – watch Mrs. Lansing well!") [«Мисс Дубкова восхищалась миссис Лансинг. ("Девушки, – говаривала она во время сеансов шитья подружкам невесты, – самое важное в женщине – это шарм. Наблюдайте за мисс Лансинг"»); пер. Никольской В. В.] Бóльшая часть фраз Ольги Дубковой имеет восклицательную интонацию, что подчеркивается соответствующими знаками препинания. Эта деталь подкрепляет импульсивный образ героини, намеченный ранее авторскими комментариями.

Речь Ольги Дубковой можно рассмотреть также с точки зрения ее оформления в диалогах. Особо показательной является беседа героини с представителем агентства по поиску беглых преступников. «Wa-all? – Miss Doubkov? – Yass» [«Да-а? – Мисс Дубкова? – Да; пер. Никольской В. В.] – можно предположить, что за время проживания в США Ольга могла избавиться от русского акцента, однако оказавшись в стрессовой ситуации, потеряла контроль над артикуляцией краткого звука «е», произнеся его слишком открыто; автор изобразил это с помощью замены данной буквы на «а», соответствующей произнесенному Дубковой звуку.

Даже исходя из краткого анализа элементов фонетического портрета Ольги Дубковой, можно заметить, насколько обширным является данный

аспект языковой личности рассматриваемого персонажа. Для создания образа иностранной героини Т. Уайлдер использует не только описание быта, внешности и особенностей поведения Ольги, он также «показывает» в тексте ее эмоциональные интонации, тембр голоса, даже изменение акцента, таким образом формируя в восприятии читателя целостный образ героини. Ключевыми средствами создания фонетического портрета иностранки в данному случае становятся: собственные комментарии автора с применением эмоционально окрашенной лексики, определенная расстановка знаков препинания в собственных репликах героини как дополнение к портрету, формальные показатели речевых особенностей в тексте, к примеру, замена букв соответственно обозначаемым ими звукам для демонстрации различий в фонологических системах «родного» и «чужого» герою языков.

Список литературы

1. Advanced Learner's Dictionary. – 1995–2023. – URL: https://dictionary. cambridge.org.
2. Corrigan E. The Key to Pronunciation and Accent Reduction. – 2005. – URL: http://www. prweb. com/releases/.../prweb288646.htm.
3. Vizental A. Phonetics and Phonology: An Introduction. Arad: Editura Universităţii «Aurel Vlaicu», 2008. – 189 p.
4. Wilder T. The Eighth day. 1967. URL: https://www. bookfrom. net/thornton-wilder/page,9,42607-the_eighth_day. html.
5. Zulfikar A., Darma A., Nurani S. The phonological analysis of russian accentin «The way back» movie by Peter Weir // Journal of English education. –2021. –Vol.1, № 2. – pp. 39–55.
6. Алюнина О. Г. Понятие речевого портрета в современных лингвистических исследованиях. 2013. URL http://www. google. ru/ url?sa=t&rct=j&q=1.
7. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М: «Советская энциклопедия», 1966. – 598 с.
8. Бабушкина Е. А. Речевой портрет личности: фонетические характеристики // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. – Вып. 11: Романо-германская филология. – С. 7–11.
9. Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. – 332 с.
10. Голованова Я. В. Средства изображения иностранных акцентов в оригинале и переводе: (на материале английского и русского языков) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Филология, востоковедение, журналистика. – 2010. – Сер. 9, вып. 1. – С. 135–140.
11. Панов М. В. История русского литературного произношения VIII – IX вв. – М.: Наука, 1990. – 453 с.

III. ВОСПИТАНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ, ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ И РИСКОВ

УДК 355.233.231.1

Лукманов Айрат Хусаинович
Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», кафедра истории и культурологии, доктор исторических наук, доцент

ИДЕЯ ПАТРИОТИЗМА И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Аннотация. В статье осуществлена попытка анализа характера интеграции идеи патриотизма и патриотического воспитания в систему образования молодого поколения граждан Российской Федерации и конкретно в рамках преподавания исторических дисциплин. Сделан вывод о том, что на примерах исторического прошлого народа: героических, трагических, с вовлечением учащегося в проектную работу (исследовательскую), направленную на приобщение взаимодействия с историческими первоисточниками (документами), предоставление возможности разнообразных социокультурных активностей достигается результат глубинного вовлечения молодого человека в поле понимания, сопереживания и деятельного преображения прошлого, настоящего и будущего своей родины.

Ключевые слова. Патриотизм, патриотическое воспитание, образование, миссия, история

Lukmanov Airat Khusainovich
National Research University Moscow Power Engineering Institute, Department of History and Cultural Studies, Doctor of Historical Sciences, Docent

THE IDEA OF PATRIOTISM AND PATRIOTIC EDUCATION IN THE TEACHING OF HISTORICAL DISCIPLINES

Annotation. The article deals with the attempt analyzing of the nature of the idea of patriotism and patriotic education's integration into the education system of the younger generation of citizens of the Russian Federation and specifically in conducting of the historical disciplines. The conclusion as made that on the examples of the historical past of the people: heroic, tragic, involving the student in project work (research) aimed at introducing interaction with historical primary sources (documents), providing opportunities for various socio-cultural activities, the result of a deep involvement of a young person in the field of understanding, empathy and active transformation of the past, present and the future of his homeland.

Keywords. Patriotism, patriotic education, education, mission, history

В последние десятилетия российской новейшей истории целый ряд значительных событий оказал значительное влияние на преобразования системы образования в России. В образовательной системе нашей страны произошли важнейшие изменений и реформ, связанных с институциональными и организационными перестройками структуры (как процесса обра-

зования в целом, так и методик и алгоритмов преподавания конкретных дисциплин, например, таких как история).

Остался неизменным стратегический курс на повышение качественности образования. Создание необходимых условий формировании образованных, творчески состоятельных, с активной гражданской позицией, личностей, готовых идти путем созидания, продолжает оставаться ключевой задачей.

В развитии личности обучающегося особое внимание отводится патриотической составляющей образования. Это относится и к ориентирам в социально-культурной и воспитательной работе, волонтерской активности молодых людей.

Само по себе образование является основой и основным критерием прогресса каждого отдельного сообщества, аккумулируя систему знаний, умений и практических навыков человечества для целенаправленного процесса развития когнитивных способностей поколений, формирования научного отношения к миру, связывания знаний с практической и профессиональной деятельностью.

Образование включает в себя все средства, инструменты и методы, которые ориентированы на изменение поведения людей, либо путем расширения знаний, либо через трансформацию отношения к ним. Высокий уровень знаний положительно влияет на производительность, инновации, демократизацию и социальную сплоченность, а также определяет качество жизни.

Система образовательных учреждений государства осуществляет единство интеллектуальных, социальных и образовательных функций. Солидаризируются с этой позицией и современные представители педагогического сообщества, отмечая, что у общества всегда есть запрос на социальные институты, способные «…обеспечить единство таких факторов, как преемственность в культуре…», успешную ориентацию человека «…в текущей жизни, его готовность приблизить будущее – прийти в завтра. Это возможно благодаря единству трех социальных систем: образования, культуры и науки» [10].

Гуманизация в целом является прерогативой образования, при котором происходит не только накопление знаний, но и развитие высокоинтеллектуальной и духовной составляющих личности учащегося. Переход от гуманистической к доминированию компетентностной парадигмы образования акцентировал аксиологический приоритет Человека, подчеркнув деятельностный характер его бытия. Человек, даже в эпоху всеобщей технологизации, по-прежнему остается мерой всего.

Соответственно, последнее позволит реализовать на практике принципы гуманистической этики, вовлечь молодого человека в культуротворчество, разнообразные деятельностно-насыщенные процессы самореализации (созидание гуманитарной культуры личности) [2, с. 14]. Гуманитаризация образования связана с универсализмом образования, этическим развитием личности, воспитанием аристократизма ума.

Процесс развития современного социально-гуманитарного образования, безусловно, происходит и благодаря внедрению интеграционных про-

цессов в процесс обучения, усилению междисциплинарных связей (в том числе и за счет оптимизации и повышения наполненности лекций, коллоквиумов, других форм обучения информационными массивами содержательного характера), в тесном взаимодействии с культурой.

Гуманитарные науки для образования выступают в известной степени моделью знания в целом [5, с. 12]. Преподавание гуманитарных дисциплин (прежде всего, «Истории» как ведущей в гуманитарном цикле), при посредничестве с учреждениями культуры (музеем, театром) обогащает практический опыт, теоретическое осмысление проблем общества и культуры в социальной работе с разными категориями населениями (в том числе, с лицами с делинквентным поведением, ОВЗ).

Историческая наука и исторические дисциплины, преподаваемые на всех уровнях образовательной системы России, призваны способствовать внедрению и постоянному расширению в применении таких направлений в формировании личности, как духовно-нравственное, ценностно ориентированное.

Применение такого комплексного подхода может спасти новые поколения от культурного варварства, где бы оно ни проявлялось: в политической сфере, экономическом пространстве, экологической культуре, культуре, международных отношениях. Именно на основе изучения истории закладываются и формируются общекультурные компетенции, которые и образуют основу универсальных ценностей человека и общества, формируя «иммунитет», адекватное понимание происходящего.

Патриотическое идея, по нашему мнению, – это не ограниченное и узконаправленное чувство причастности к государственному или этническому образованию, а глобальное и деятельностно-окрашенное чувство сопричастности к прошлому, настоящему и будущему большой и малой родины, уважение к исторической памяти поколений, бережное отношение к ее сохранению и трансляции последующим поколениям. Безусловно, патриотическое воспитание и образование – это процесс институционально обусловленный, находящий выражение в четкости и последовательности реализуемых идей и мероприятий.

История и ее предметные модификации (вспомогательные исторические дисциплины, отрасли исторического знания) в образовательном процессе выступают самой естественной средой для реализации патриотического образования и воспитания. Преподаватели-методисты в настоящее время осмысливают эту интеграцию, предлагают целые программы гражданско-патриотического воспитания на базе осуществления преподавания гуманитарных дисциплин, в первую очередь истории [1, 3, 8].

На уровне решений государства действует в рамках нацпроекта «Образование» федеральный проект «Патриотическое воспитание» [7], который, в свою очередь, предлагает спектр возможностей для преподавателя и учащегося максимально включиться в поток мероприятий, проектов гражданско-патриотической направленности.

Собственно, на занятиях по истории важна работа с историческими источниками, что, в свою очередь, позволяет развить аналитические навыки, навыки сравнительного анализа в сопоставлении документальных текстов, и в целом, содействует углублению и систематизации знания студентов по истории, «прочувствованию» истории-сопереживанию, эмпатии историческим персонажам, например. Применение цифровых технологий, баз данных разнообразных источников делают доступными для обучающихся больший объем исторических фактов, предоставляя инструменты работы с ними [4, с. 353].

Более того, преподаватели могут разрабатывать мероприятия, которые позволят учащимся использовать достоверные исторические ресурсы в сети Интернет. В российском сегменте Интернет особый интерес представляет проект Воронежского института высоких технологий, оригинальный и последовательный в реализации поставленных задач. На специализированной интернет-платформе создателями проекта представлен обучающий курс для школьников, включающий специально записанные и прошедшие отбор интервью с бывшими остабайтерами, методические рекомендации для учителей, тестовый материал [6].

Материалы, размещенные на сайте, предназначены для изучения учащимися СОШ, реализуют задачи просветительского, воспитательного и обучающего характера. Просмотр и анализ рассказов людей, переживших трагедию плена, принудительного труда имеет глубокий нравственно-созидающий смысл, поскольку нацелен на понимание молодежью ценности жизненного опыта каждого человека, как микрочастицы глобального исторического процесса.

Таким образом, если история является дисциплиной, которая стремится подготовить к тому, чтобы стать активными гражданами, то замалчивание спорных, сложных и неоднозначных вопросов, по которым нет единого мнения, а также «нейтрально-активная» позиция преподавателя являются достаточно уязвимыми позициями [9].

Реконструкция исторического прошлого через события, объекты и места – важнейший аспект в формировании национальной идентичности человека (включая идентификацию с местом, что дает мотивацию позиционировать это место в любых инстанциях во исполнение каких-то важных идей, связанных с местом рождения и жительства) [11]. Мы поддерживаем позицию историков-исследователей, которые дают подтверждения тому, что активизация интереса к истории конкретного места выступает одним из источников воспитания привязанности к месту рождения, способным в дальнейшем побуждать к оказыванию поддержки и меценатства своей малой родине.

Список литературы

1. Вырщиков А. Н., Кусмарцев М. Б. Патриотическое воспитание молодёжи в современном российском обществе. – Волгоград: Авторское перо, 2006. – 172 с.

2. Гуманитарная культура личности – основа и цель современного образования. – СПб.: Союз, 2008. – 208 с.

3. Коровин В. В., Леонова Е. Л., Манжосов А. Н., Остриков С. П. Патриотическое воспитание граждан: конституционно-правовое регулирование, теоретические аспекты и практика организации. Юго-Зап. гос. ун-т. Курск: Университетская книга, 2017. –154 с.

4. Кошокова С. Я. Особенности преподавания истории на негуманитарных факультетах вузов //Практико-ориентированное обучение: опыт и современные тенденции. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 2017. – С. 353–357.

5. Методологические проблемы дисциплинарных и междисциплинарных исследований в социально-гуманитарных науках. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2010. –140 с.

6. Обучение на основе интервью. Принудительный труд 1939–1945 гг. Воспоминания и история. – URL: https://obuchenie-na-osnove-intervyu.org.

7. Патриотическое воспитание. – URL: edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/ (дата обращения 18.03.2023).

8. Циулина М. В. Патриотическое воспитание школьников возможностями социобразовательной среды. – Челябинск: Цицеро, 2012. – 203 с.

9. Iglesias R., Aceituno D., Toledo M. I. Student teachers' understandings and practices for teaching «controversial issues» in the high school History curriculum // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2017. – № 237. –pp. 452–457.

10. Kust T. S. University Discourse in Computer-mediated Communication: Philosophical, Sociological and Cultural Grounds for Linguistic Description // Procedia – Social and Behavioral Sciences. –2015. – № 166. – Pp. 409 – 414.

11. Stefaniak A., Bilewicz M., Lewicka M. The merits of teaching local history: Increased place attachment enhances civic engagement and social trust // Journal of Environmental Psychology. –2017. –№ 51. – 223p.

УДК 159.9

Ульянова Людмила Владимировна
Воронежский государственный медицинский университет
им. Н. Н. Бурденко,
кафедра факультетской и паллиативной педиатрии,
доктор медицинских наук, доцент, профессор кафедры
Васильева Людмила Валентиновна
Воронежский государственный медицинский университет
им. Н. Н. Бурденко,
кафедра пропедевтики внутренних болезней,
доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой
Талыкова Марина Ильинична
Воронежский государственный медицинский университет
им. Н. Н. Бурденко,
кафедра пропедевтики внутренних болезней,
кандидат медицинских наук, ассистент

ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ – БЕЖЕНЦАМ ИЗ ЗОН ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. В статье рассматриваются принципы подготовки студентов медицинского вуза по решению психологических и социальных проблем детей-беженцев. Показано, что длительные психотравмирующие обстоятельства, в которых находятся беженцы, могут привести к нервно-психическим срывам у детей, вызванным тревогой за близких, растерянностью перед большим количеством реальных проблем. Это приводит к сложным ситуациям обеспечения детей-беженцев комплексной психологической помощью и вызывает необходимость решения неотложных вопросов их социальной адаптации. В связи с событиями на Украине сейчас во многих регионах в школах и детских садах обучаются и вос-

питываются дети-беженцы. Несмотря на существование специализированных центров психологической помощи детям-беженцам, многие из переселенцев остаются один на один со своими проблемами. Предложена программа формирования компетенций и навыков у студентов медицинского вуза по оказанию эффективной помощи детям беженцев.

Ключевые слова: дети-беженцы, психологические и социальные проблемы, эффективная помощь, высшее медицинское образование

Ulyanova Ludmila Vladimirovna

N. N. Burdenko Voronezh State Medical University, Department of Faculty and Palliative Pediatrics Doctor of Medical Sciences, Docent, Professor of the Department

Vasilyeva Ludmila Valentinovna

N. N. Burdenko Voronezh State Medical University, Department of propaedeutics of internal diseases Doctor of Medical Sciences, Professor, Head of Department

Talykova Marina Ilyinichna

N. N. Burdenko Voronezh State Medical University, Department of Propaedeutics of Internal Diseases, Candidate of Medical Sciences, Assistant

PRINCIPLES OF TEACHING MEDICAL STUDENTS TO PROVIDE PSYCHOLOGICAL CARE TO REFUGEE CHILDREN FROM ARMED CONFLICT ZONES

Annotation. The article deals with the principles of training medical students to address the psychological and social problems of refugee children. It is shown that prolonged psychotraumatic circumstances in which refugees find themselves can lead to nervous and mental breakdowns in children, caused by anxiety for loved ones, confusion in front of a large number of real problems. This leads to difficult situations of providing refugee children with comprehensive psychological aid and causes the need to resolve urgent issues of their social adaptation. In connection with the events in Ukraine, refugee children are now being taught and raised in schools and kindergartens in many regions. Despite the existence of specialized centers for psychological assistance to refugee children, many of the displaced remain alone with their problems. The article proposes a program to develop competencies and skills among medical students in providing effective assistance to refugee children.

Keywords: refugee children, psychological and social problems, effective assistance, higher medical education

Миграция беженцев из зон вооруженных конфликтов на территорию Российской Федерации, приводит к сложным ситуациям обеспечения детей-беженцев в комплексной психологической помощи и решению неотложных вопросов их социальной адаптации [1, с. 43]. Новые аспекты сложных социальных проблем в современных условиях вызывает необходимость формирования компетенций у студентов медицинских вузов, позволяющих в практической работе обеспечить успешную адаптацию, предупреждение отклонений в развитии детей, сохранения и укрепления здоровья детей, в безопасном образовательном пространстве равных возможностей. С 2005 г. и по настоящее время приток граждан в РФ только из стран СНГ составил более 8 млн человек [2, с. 10]. Вынужденная миграция является сложным и многогранным процессом, в этом контексте важно в первую очередь уяснить, что предполагают термины «беженцы» и «вынужденные переселенцы». Под термином «беженец» понимается лицо, которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания,

языка, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой [4]. Всем известны причины появления большого числа украинских беженцев на территории России. Страна, которая принимает у себя беженцев, обязана предоставить им определенные условия безопасности и адаптации и возникает вопрос о необходимости оказания своевременной социально-психологической помощи таким людям. Дети лишаются прежних друзей, порой очень близких людей, режима дня, жизнь разделяется на детство до случившейся беды и после нее. В состоянии стресса дети замыкаются в себе, не идут на контакт с новыми детьми и учителями, с течением времени стрессовая ситуация провоцирует появление соматических заболеваний. Все беженцы, в особенности дети-беженцы, независимо от их возраста, национальности, вероисповедания испытывают сильное психологическое потрясение, и организация эффективной помощи им важнейшая задача будущих выпускников медицинских вузов [3, с. 240].

Цель и задачи работы. Изучить психологические проблемы детей-беженцев, разработать структуру компетенций для студентов медицинского вуза при изучении темы «безопасность жизнедеятельности детей временно перемещенных лиц».

Задачи:

1. Исследовать психологические особенности детей-беженцев из зоны вооруженного конфликта.

2. Определить тактику обучения студентов по проблемам психосоциальной адаптации детей-беженцев.

Материал и методы исследования. Сведения о социальных и психологических проблемах детей-беженцев мы получали из доступных учетных и отчетных документов органов управления Минздрава России, Всероссийской службы медицины катастроф, Государственной санитарно-эпидемиологическойслужбы. В работе нами использован комплекс методов исследований: аналитический, эпидемиологический, литературно-аналитический.

Результаты и их обсуждение. В г. Воронеж в феврале 2022 г. прибыло три поезда с беженцами из Донецкой и Луганской народных республик в количестве около 2500 человек, среди которых 261 ребенок, включая детей из детских домов ДНР и ЛНР. Причины вынужденного переселения были различными, но чаще всего это экстремальные условия: вооруженный конфликт, военные действия, национальные гонения. Любая из перечисленных ситуаций является травматичной, а если добавить к ней еще и фактор разлуки с близкими и родными, то получим комплекс из психоэмоционального напряжения, социальной дезадаптации и сильного стресса. Анализ сведений, полученных при осмотре детей командой врачей-специалистов, педиатров, терапевтов, психологов, педагогов, социальных работников позволил сделать выводы по состоянию психологического

здоровья детей беженцев. Предшествующие переезду события оставляли в психике ребенка глубокий след, который долго сохраняется в его памяти. Реакция на травматическую ситуацию, формы поведения, в которых дети проявляли себя обычно во время стрессовых состояний, зависели от возраста, стадии развития детей. Дети младшего школьного возраста резко меняются, пережив стрессовые ситуации, становятся раздражительными, у них появляются жалобы на плохое самочувствие. Подростки в подобных случаях теряли чувство самообладания, пессимистически смотрели на свое будущее. Процесс социализации ребенка существенно изменяется.

Студентам, обучающимся в медицинских университетах, следует знать корни и причины этого феномена, уметь прослеживать все процессы, связанные с размещением беженцев, их адаптацией, необходимо сформировать компетенции, направленные на готовность к работе с беженцами и детьми. В рабочие программы кафедр были включены лекции и практические занятия, в которых рассматривались все эти проблемы. В связи с этим у обучающихся формировали позитивное восприятие детей и подростков беженцев вне зависимости от их этнокультурного происхождения. В лекциях и практических занятиях предусмотрены разделы, изучающие адаптациюдетей-беженцев, в работу студентов включали их участие в благотворительных акциях, в волонтерском движении.

Степень сформированности необходимых для работы с данными категориями детей компетенций проверяли в ходе прохождения соответствующих практик, участия студентов в благотворительной деятельности, работе в образовательных организациях, реабилитационных центрах, в местах временного размещения эвакуированных. У студентовформировали особое отношение в работе с детьми-беженцами с учетом того, что процесс адаптации детей должен рассматриваться с учетом возрастных и индивидуальных особенностей в каждом конкретном случае. Студенты овладевали навыками формирования у ребенка уверенного поведения, адекватной самооценки, принятия собственных навыков, умений и способностей, снятие тревожности, формирование адекватного образа «я», что обеспечивало социальную и психологическую безопасность и здоровье ребенка.

Выводы. Образовательный процесс в высшей медицинской школе, в связи с насущными требованиями сегодняшнего дня должен включать новые, сложные, но крайне необходимые разделы по изучению проблем детей перемещенных лиц и организации эффективной помощи командой врачей-специалистов. Новые реалии современного мира вызывают необходимость изменений в образовательной среде: формирование компетенций у студентов медицинских вузов, позволяющих в практической работе обеспечить успешную адаптацию детей-беженцев, их социальную безопасность и здоровье.

Список литературы

1. Осипова М. Н. Международно-правовая защита детей-беженцев / М. Н. Осипова // Евразийский юридический журнал. –2018. – № 6 (121). –С. 43–45.

2. Рогачева Т. В. Психология экстремальных ситуаций и состояний / Т. В. Рогачева. – 2015, Томск. – 276 с.
3. Суздалева Т. Р. Миграционные процессы в контексте геополитики / Т. Р. Суздалева // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2016. – № 3 (35). – С. 237–244.
4. Федеральный Закон «О Гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 № 62-ФЗ, действующая редакция от 31.12.2014.

УДК 009

Диская Наталья Ивановна
Челябинская областная универсальная научная библиотека,
директор, кандидат культурологии

КНИГА, ЧТЕНИЕ И БИБЛИОТЕКА В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. Рассматривается опыт работы областной библиотеки по продвижению православной книги и сотрудничества с Челябинской епархией: проведение книжных ярмарок-форумов, конференций, встречи со священнослужителями, организация фотовыставок и книжных раритетов, проведение дней православной книги и вечеров духовной музыки.

Ключевые слова: православная книга, духовно-нравственные ценности, библиотека, чтение, книжные памятники, конференция

Diskaya Natalya Ivanovna
Chelyabinsk regional universal Scientific library, director, PhD in Cultural Studies

BOOK, READING AND LIBRARY IN THE COORDINATE SYSTEM OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES

Annotation. The article deals with the experience of the regional library in promoting Orthodox books and cooperation with the Chelyabinsk Diocese: holding book fairs, forums, conferences, meetings with clergy, organizing photo exhibitions and book rarities, holding Orthodox book days and evenings of sacred music.

Keywords: Orthodox book, spiritual and moral values, library, reading, book monuments, conference

Чтение, являясь уникальным навыком, занимает в универсуме человеческой деятельности особое место, так как ему принадлежит одна из ключевых ролей в становлении и развитии личности. Характер и активность чтения, включенность его в систему ценностных ориентаций, расстановка жизненных приоритетов являются показателями уровня культурного, социального, образовательного и экономического развития не только индивидуума, но и всего общества, страны в целом.

Как отмечают ведущие ученые-библиотековеды, всё, что делается в библиотеке, подчиняется главной цели – созданию возможности для чтения. Действительно, продвижение книги и чтения, стимулирование читательской активности являются базовой функцией библиотеки, решающей государственные задачи информационного, просветительского или куль-

турно-досугового характера через многомерные взаимоотношения библиотеки, писателя и читателя.

Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению российских духовно-нравственных ценностей», вышедший в ноябре прошлого года, к традиционным ценностям относит такие понятия как жизнь, достоинство, права и свободы человека; патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу; высокие нравственные идеалы, крепкую семью; созидательный труд, приоритет духовного над материальным; гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение; историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Развитие и укрепление перечисленных базовых духовно-нравственных ценностей невозможно без книги и чтения, которые всегда рассматривались как важнейшие средства воспитания души.

Не будет преувеличением сказать, что становление русской культуры связано с книгой: еще во времена Ярослава Мудрого при киевском Софийском соборе начали собирать книги, а в одном только Новгороде одновременно обучалось чтению и письму до трехсот человек. Отметим, что на Руси XVI века три четверти монашествующих и половина землевладельцев владели грамотой. Эти факты свидетельствуют, что население нашей страны ценило образование и любило духовную литературу.

Недаром в упомянутых «Основах….» акцентируется внимание на важности традиционных религий, ставших неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия. «Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию», – подчеркивается в тексте документа.

Православие (по-гречески ορθοδοξία) в буквальном переводе означает «правильное учение», т. е. исповедующее христианские основы добра и миротворчества. Православная книга, приоритетами которой являются духовные блага и ценности, обращается к нравственному миру человека.

Многие десятилетия православная литература в государственных библиотеках была закрыта для читателей: она находилась в спецхранах либо просто отсутствовала в фондах. С установлением советской власти ее чтение и изучение было разрешено только узкому кругу исследователей. В настоящее время ситуация резко изменилась: православная книга стала доступной всем категориям пользователей. Перед современниками раскрылись широкие горизонты духовности – веры, добра, любви и прощения, милосердия и заботы о ближнем.

Работа с православным текстом в нашей библиотеке начинается прежде всего с уникального фонда отдела редких книг. Здесь хранятся жемчужины фонда: рукописные книги XVI – XX вв., первопечатные и раннепечатные произведения XVI – XVII вв., кириллические издания старообрядческих типографий, произведения отечественной гражданской пе-

чати XVIII в. и иностранные издания XVII – XIX вв. Свыше 14 тыс. экземпляров редких книг распределены в тематические коллекции.

Самое раннее издание, имеющееся в фонде библиотеки, – Библия, изданная в Остроге в 1581 г. Иваном Федоровым. Книга приобретена у жителя г. Сатки Челябинской области в 1985 г. Это первая полная восточнославянская Библия – издательский подвиг первопечатника.

Репертуар рукописных книг составляют псалтыри, каноники, певческие сборники, а также книги, ставшие частью молитвенных принадлежностей. Из рукописных книг значительный интерес представляют «Псалтирь» XVI в. и «Житие Василия Нового» XVII в.

Благодаря цифровым технологиям сегодня со многими из них можно познакомиться не выходя из дома. Они доступны в Уральской электронной библиотеке на нашем портале, в разделе «Книжные памятники». В настоящее время он содержит 727 названий полнотекстовых документов рукописных и старопечатных книг. Работа по оцифровке книжных памятников началась в 2019 г. и продолжается по сей день. Она осуществляется в рамках национального проекта «Культура», подпрограммы «Цифровая среда». Планируется продолжение создания цифровых образов разных жанров православной литературы.

Полагаем, что обязательным условием развития и совершенствования деятельности библиотеки становится установление партнерских отношений. В Челябинской области сложилась устойчивая практика социального взаимодействия с разными социальными институтами, в их числе Челябинская митрополия Русской православной церкви.

Сотрудничество осуществляется на основании подписанного соглашения, в котором указаны основные принципы взаимодействия: взаимные интересы, паритетность и взаимопомощь. Оно развивается по двум основным направлениям:

– возрождение православных традиций, сохранение культурного наследия;

– организация и проведение культурно-просветительских мероприятий (концертных программ, фестивалей, конкурсов, конференций, выставок, круглых столов), направленных на укрепление, поддержку и развитие духовно-нравственных традиций и ценностей православной веры.

Одной из современных форм работы библиотеки стала экспозиционная деятельность, которая с каждым годом приобретает все более широкий масштаб. Традиционные библиотечные выставки дополняются культурно-выставочными комплексами, включающими коллекции художественных произведений, музейных экспонатов, фотографий и других предметов искусства.

Несколько лет назад мы организовали фотовыставку члена Союза фотохудожников России Олега Астахова «Русская монахиня. Возрождение обители». Она была посвящена матушке Феодосии, которая в 2013 г. по

благословению тогдашнего митрополита Челябинского и Златоустовского Феофана уехала в село Булзи Каслинского района восстанавливать Свято-Покровский храм в Булзях и женский монастырь на заимке Свобода. Художник попытался привлечь внимание посетителей к проблеме воссоздания храмов и православных приходов, показать процесс возрождения духовной жизни на Урале. В свою очередь, матушка Феодосия произнесла напутственные слова, наполненные заботой и добротой: «Каким бы ни был жизненный путь, православная вера может стать для страждущих спасительным мостиком. Сегодня необходимо сохранить веру в собственной душе, создать тот самый мостик между земным и высшим, который и будет основой для всей дальнейшей жизни». У многих посетителей эта выставка и встреча с матушкой Феодосией оставили неизгладимый след.

Ежегодно, с 2015 г., в библиотеке проводятся международные и региональные конференции Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура» и «Православие в книжной культуре Южного Урала». В конце 2022 г. состоялась широкомасштабная Православная книжная ярмарка-форум «Радость слова», получившая положительные отзывы челябинцев.

Участие библиотечных специалистов в работе этих просветительских площадок предоставляет возможность выступить с сообщениями, поделиться опытом и познакомиться с современными формами продвижения православной книги в других библиотеках.

Так, например, в рамках Славянского собора – 2022 проходили Духовные чтения «По примеру святых», посвященные 200-летию со дня рождения выдающегося церковного историка Леонида Кавелина (1822–1891), на которых выступила главный библиограф информационно-библиографического отдела ЧОУНБ Н. Г. Андреева. Её выступление касалось библиографической деятельности архимандрита Леонида, составившего уникальные указатели «Описания славянских рукописей Лаврской библиотеки» и «Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Троице-Сергиевой Лавры в библиотеку Троицкой духовной академии в 1747 г.» (в 2 вып., М., 1887). Эти источники стали важными справочными документами для научных исследований известных историков И. Н. Костомарова, И. И. Срезневского, В. О. Ключевского и др. Существенное дополнение о составительской работе священнослужителя, сделанное Н. Андреевой, позволило восстановить неизвестные страницы биографии выдающегося деятеля православия.

Круглый стол «Сохранение русского языка – основы культуры России: значение библиотеки» продолжил ряд научных мероприятий Славянского собора. С актуальной темой «Книжные памятники Челябинской области: история, сохранность и доступность» выступила заведующая отделом редких книг С. А. Мальцева. Она затронула важнейшую проблему – как библиотекам с помощью современных технических средств обеспечить доступность редчайших книжных изданий XVI – XIX вв. Отметим, что взаимообогащение

мыслями, идеями, профессиональным опытом на Славянском соборе стало традицией и характерной чертой многолетних встреч сотрудников общедоступных и специальных библиотек Челябинской области.

Совместная с митрополией просветительская деятельность поддерживается различными формами работы: встречами со священнослужителями, организацией выставок фотографий и книжных раритетов, проведением недели православной книги, вечеров духовной музыки.

Кроме этого, благодаря взаимодействию и обоюдному пониманию общих задач по продвижению православной книги, в «Календаре знаменательных и памятных дат» за последние два года увеличилось число статей, посвященных вкладу священнослужителей в развитие Челябинской области и истории местных, прежде всего сельских, православных храмов. Фонд отдела редких книг пополнился редкими уникальными периодическими изданиями, подаренными кандидатом исторических наук, секретарем Челябинской епархии протоиереем Игорем Шестаковым: журналами «Вестник Европы» (1908 г.) и приложениями к «Вестнику знания» (1910–1911 гг.). Расширился круг читателей православной литературы за счет предоставления свободного доступа к цифровым копиям книг.

Таким образом, только совместные усилия библиотек и православной церкви позволят достигнуть обозначенной цели – сохранить духовные традиции народа, уделяя прицельное внимание вопросам нравственно-патриотического воспитания, стать просветителями в подлинном смысле этого слова.

УДК 355.233.231.1:021.4

Гушул Юлия Владимировна
Челябинский государственный институт культуры,
кафедра библиотечно-информационнойдеятельности,
кандидат педагогических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА: ПОЗИЦИЯ БИБЛИОТЕКИ

Аннотация. Отмечено, что сегодня идеи патриотизма находятся в точке бифуркации, когда коренным образом пересматриваются и постулаты, и действия, и сама среда проявления патриотических чувств. Подчеркнута важность формирования патриотизма и продвижения его идей всеми государственными институтами, особенно, библиотеками, имеющими в своем распоряжении многие уникальные инструменты воздействия на пользователя. Предложен сценарий и методические материалы по проведению в библиотеке библиографической поисковой игры, которая поможет участникам самим находить информацию по теме патриотизма в библиотечном фонде, сопоставлять разные ресурсы, читать по теме и делать собственные выводы, проникаясь идеями патриотизма.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, формирование патриотизма, библиотека, библиотечные мероприятия, библиотечные инструменты формирования патриотизма

Gushul Iuliia Vladimirovna
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Department of Librarian and Information Activity, Docent

CURRENT DIRECTIONS FORMATION OF PATRIOTISM: THE POSITION OF THE LIBRARY

Annotation. The article deals with that today the ideas of patriotism are at a bifurcation point, when postulates, actions, and the very environment for the manifestation of patriotic feelings are being radically revised. The importance of the formation of patriotism and the promotion of its ideas by all state institutions, especially libraries, which have at their disposal many unique tools to influence the user, is emphasized. A scenario and methodological materials are proposed for conducting a bibliographic search game in the library, which will help participants themselves find information on the topic of patriotism in the library fund, compare different resources, read on the topic and draw their own conclusions, imbued with the ideas of patriotism.

Keywords: patriotism, patriotic education, formation of patriotism, library, library activities, library tools for the formation of patriotism

Формирование и поддержание патриотизма сегодня – одно из актуальных направлений деятельности любого государственного учреждения. Безусловно, включены в него и библиотеки, которые работают разнопланово: от проведения массовых мероприятий в своих стенах до трансляции библиографической информации на сайте и в соцсетях, от выдачи требуемой книги до информирования посредством рассылки на личную почту или смс на номер телефона. Преподаватели, со своей стороны, используют библиотечную территорию для проведения своих расширенных занятий по образовательным и профессиональным дисциплинам, однако на внешнем материале, с использованием библиотечных фондов, пространств, поисковых возможностей, информационных ресурсов и т. п.

Трансляция идей патриотизма в общественное сознание, особенно молодежи, сегодня актуализирована процессами, в которые втянут весь мир, могущий быть приведенным к краху, если человек не остановится. Процветающим «молекулярной агрессии», манипулятивным технологиям, информационным, информационно-психологическим и реальным войнам, деградационному воздействию СМИ, идеологическим диверсиям, «черным лебедям» и проч. важно противопоставить ресурсы, технологии, методы работы по формированию гуманистического сознания в современном информационном обществе, предполагающего взращивание в молодом человеке чувств патриотизма, гражданственности, милосердия, понимания происходящего и готовности к его анализу и т. п. Это становится еще более актуальным в условиях ширящейся сегодня политики преднамеренного воздействия на сознание, все более задействующей противоправные инструменты «мягкой силы». Ученые, исследующие этот феномен, бьют тревогу, апеллируя к тому (и нам как информационному специалисту крайне важно), что «Ресурс “мягкой силы” формируется, в первую очередь, в сфере идеального, в системе ценностей, идей и установок общества. <…> Современная виртуализация политического пространства приводит к вытеснению традиционных форм междуна-

родных связей в символические сферы их реализации, где и в чем, собственно, и проявляется феномен “мягкой силы” как властной претензии на захват смысловой сферы отношений. Достижение политических целей в таком случае обеспечивается путем манипуляции общими смыслами – ключевым ресурсом конструирования социальной реальности и достижения “желаемого будущего”» [3, с. 48]. Усиливают нестабильность и неоднозначность современности и будущего и дискриминационные меры в отношении экономики Российской Федерации, и ширящаяся глобальная экономическая агрессия, в которых приходится существовать России и другим государствам. В этой ситуации «…под воздействием внутренних и внешних сил, условий и обстоятельств государству, обществу и их составляющим, в том числе и индивидам, приходится решать, что из уже существующего следует сохранять и воспроизводить в неизменном виде, что необходимо видоизменить, от чего надо отказаться и чем придется пожертвовать ради дальнейшего существования и развития» [2, с. 152]. Поэтому наличие в стране сильной идеологии, разделяемой большинством населения, специалисты называют одним из главных условий сопротивляемости глобальным экономическим угрозам, достижению безопасного существования России в мире, сохранения ее интеллектуального потенциала, противодействия обеднению человеческих ресурсов.

Понятно, что современный кризис, экстремальные факторы сегодняшнего развития всех сфер жизнедеятельности общества (особенно идеологии и культуры) сильнее всего воздействует на молодежь. Набирают силу и расширяются молодежные протесты, новые молодежные субкультуры (ряд из которых находятся между творческой экстремальностью и экстремизмом) как проявление несогласия с происходящим, исход молодых из страны, демонстративный выход за пределы реального мира в мир виртуальной реальности, отрицание традиций и проч. «В данном историческом контексте весьма удачным для дальнейшего развития России представляется принцип, выдвинутый В. Аверьяновым в работе “Природа русской экспансии”, которая определяется как “динамический консерватизм”» [4, с. 140]. В работе [4] В. Н. Томалинцев обосновывает и важность принципов: «стабилизирующей эволюции» И. Шмальгаузена, и «сохранения народа» А. И. Солженицина, а отдельный параграф (как и многие другие исследователи) посвящает осмыслению патриотизма как неотъемлемой составляющей целостного самоосуществления личности в современном мире. Важность обращения к идеям патриотизма, его переосмысления сегодня, необходимость поиска новых форм диалога о нем, его постижения и формирования, говорят не только монографические исследования последних лет и главы в них (подобно уже названной), но и размах аспектов проводимых конференций с самой широкой географией («Патриотизм в российском обществе», «Воспитание гражданина и патриота современной России», «Создание условий для развития патриотизма у детей: дань моде или историческая необходимость?» (Санкт-Петербург), «Феномен патрио-

тизма в трансструктурном коммуникационном поле» (Нижний Новгород), «Патриотизм в новой реальности: конфликт смыслов и различие форм» (Новосибирск), «Помним. Гордимся. Чтим» (Владивосток) и др.), научных обсуждений (в том числе диссертационных исследований: «Воспитание патриотизма у студентов музыкантов вузов культуры на традициях песенного фольклора» (М. С. Новашиной), «Педагогическое сопровождение подготовки педагогов к патриотическому воспитанию подростков» (М. Г. Домбровской) и др.), проектов федерального («Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» национального проекта «Образование») и местного статуса («Памяти павших будьте достойны» (Крым), «Оружие Победы» (Анапа) и др.), программ разных уровней («Я – гражданин и патриот России» (с. Троицкое), «Патриоты России» (п. Сойга) и др.). Утверждается, что «…патриотизм – это некая духовная способность, подобная нравственному, художественному, эстетическому чувству, без которой не может возникнуть и состояться человеческая личность» [4, с. 142].

Но вот что интересно – в большинстве материалов тематических конференций (с говорящими названиями, подразумевающими формы включенности в работу самых разных организаций и учреждений, в том числе библиотек) нет представления библиотечных практик (но присутствуют музеи, архивы, туристическая, экскурсионная сферы деятельности и др.), хотя мероприятия, безусловно, проводятся («Молодежь и патриотизм: грани библиотечного взаимодействия» (Черногорск) и др.). Библиотекарей не приглашают на отраслевые конференции? Не видят в библиотекарях коллег, союзников, партнеров в области патриотического воспитания? В чем причина такой ситуации? И обратной – в материалах библиотечных конференций только фиксация опыта библиотек – для кого? для самих себя? Или библиотекари уверены, что о них и так все знают и их ресурсами и услугами активно пользуются? Почему учреждения, работающие в одном направлении, так разрознены?

Важным направлением деятельности библиотеки является информационное сопровождение (информационная поддержка) образовательной и воспитательной работы школы, вуза. В этом направлении та подготавливает как свои собственные мероприятия для обучающихся, так и методические рекомендации, сценарные разработки, списки литературы, виртуальные (и традиционные) выставки, презентации и проч. для использования их педагогами, разрабатывают проекты и программы, в том числе и патриотической направленности: «Помним! Славим! Гордимся!» (МБУК «МЦБС Светлинского района»), «Сохраняя память о войне» (И. А. Труханёнок, библиотекарь Толочинской ЦРБ), «Под салютом Великой Победы» (Тогучинская ЦБС), «Патриот. Гражданин. Читатель» (пользование ресурсами Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина, С. В. Маковецкая, библиотекарь ЦРБ пгт. Излучинска) и др.

Такое разнообразие событий опосредовано тем, что патриотизм и инструменты его формирования рассматриваются сегодня с самых разных точек

зрения, представителями самых разных наук, что явствует и из контекста даваемых определений в сферах искусства, эстетики, культурологии, педагогики, психологии, философии и проч. Позволим привести здесь достаточно объемную цитату из статьи доктора философских наук Б. П. Борисова (г. Краснодар), рассматривающего сущность патриотизма с позиции междисциплинарности: «Более реалистической является точка зрения, видящая в сущности патриотизма диалектически противоречивое единство оснований инстинктивной живой природы и социализации (при активном положении социального начала, но первичности основания жизни). Патриотизм здесь есть естественное чувство, рождающееся на стороне личности, переживающей и осмысляющей среду своего социоприродного существования как родной ландшафт, достойный защиты от врагов. Глубинным основанием социализаторского истолкования содержания понятия "патриотизм" является исторически возникшее отчуждение от человеческого индивидуума, вольности его стихийно-природного самоопределения с одновременным присвоением роли социального функционера. Патриотизм социального функционера, пришедший на смену инстинктивной заботе о защите родного ландшафта, лишь по видимости ориентирован на охрану родных просторов, по сути же реализует системную необходимость самосохранения родового социального субъекта» [1, с. 145]. И солидаризируясь с позицией Б. П. Борисова, приведем конкретный пример библиотечно-библиографического занятия, ориентированного одновременно и на отработку профессиональных компетенций поиска и анализа тематической информации, и на формирование навыка поиска документа – источника информации – в документном массиве. Занятие (февраль, 2023 г.) «Патриотизм: экспликация понятия сквозь века и идеологии, от художественного текста к научному» было разработано нами в рамках Мультилектория, проводимого Челябинской областной универсальной научной библиотекой и поддержанного Губернатором Челябинской области. В названии авторского мероприятия прочитываются ключевые зоны, по которым подбирался материал, разрабатывались задания, подводящие к собственным (не назидательным) осознанным выводам участников: «сквозь века», «идеологии», «художественный текст», «научный текст» – смысл которых в самостоятельном поиске информации по источникам из фонда библиотеки (традиционного и электронного), осмыслении материала, формулировании выводного знания по новым для себя аспектам казалось бы, такого знакомого и постоянно слышимого и транслируемого информационного поля патриотизма. Перечисленные ключевые зоны представлялись участникам не обособленно одна от другой, но перекрестно, ведь понятно, что на протяжении веков менялись художественное отражение темы патриотизма в художественных текстах, художественные средства, стили, жанры и формы произведений, на подачу материала, выбор героев и событий для подражания и назидательства зависели от господствующей идеологии, в определенный момент главенствующей стала научная рефлексия и научный анализ чувств и проявлений патриотизма.

Первая ключевая зона – «сквозь века». Для работы можно предложить поиск вышеперечисленного в тестах мировой литературы (как общеизвестных, так и менее – по выбору организатора) патриотических смыслов; вопросы для диалога с участниками могут варьироваться от «перечислите художественные средства изображения героя» и др. до «какими красками, эпитетами, метафорами автор характеризует какое патриотическое/антипатриотическое действие» и др., от «как художественного автор сформулировал причины проявления патриотизма» до «готовность к героическому на фоне патриотических настроений». Кстати, современная молодежь дает довольно-таки интересные ответы (или вообще теряется в текстах, не видя в них смыслов) – это собираемая эмпирическая база для дальнейших осмысления и обобщения о качестве чтения и характере понимания читаемого поколением Z. Приведем фрагменты лишь двух предложенных аудитории текстов Гомера (Илиада) и Г. Сенкевича (Крестоносцы):

***

Грозный Арес же фаланги троян возбудить устремился,
Образ приняв Акаманта, вождя удалого фракийцев.
Крикнул он детям владыки Приама, питомцам Зевеса:
«Дети владыки Приама, вскормленные Зевсом великим!
Долго ль народ избивать вы позволите гордым ахейцам?
Может быть, ждете, чтоб к самым воротам они подступили?
Воин повержен, у нас почитавшийся так же, как Гектор, –
Великосердным Анхизом рожденный Эней знаменитый!
В бой же, вперед! И спасем благородного друга из свалки!».
Так говоря, возбуждал он и силу, и мужество в каждом.

***

Однако пан из Кропивницы не думал, что война начнется так скоро. Народ толкует о войне; но он собственными ушами слыхал, как князь однажды говорил Миколаю из Длуголяса, что крестоносцы спрятали когти и что если король настоит, так они из страха перед его могуществом освободят и захваченную ими землю добжинскую, и, уж во всяком случае, будут оттягивать войну, пока как следует не подготовятся.

– Да и князь, – прибавил он, – недавно ездил в Мальборк. Магистра не было, так князя великий маршал принимал и ристалища в честь его устроил, а сейчас у князя комтуры гостят, да вот еще новые гости едут…

Ендрек на минуту задумался и прибавил:

– Толкуют, будто неспроста гостят крестоносцы у нас и в Полоцке у князя Земовита. Сдается, хотят они, чтобы в случае войны наши князья выступили на помощь не польскому королю, а ордену, ну а если не удастся склонить их к этому, так чтобы в стороне остались, – но не выйдет по-ихнему…

– Даст Бог, не выйдет. Да разве вы усидите дома? Ведь ваши князья подвластны польскому королю. Думаю, не усидеть вам.

– Не усидеть, – подтвердил Ендрек из Кропивницы.

Весьма интересным оказалось предложение распределить произведения в хронологии их создания, на что ушла б*о*льшая часть времени; причем на выявление того, как меняется восприятие и трансляция образа, времени почти не осталось (но краткие ответы в диалоге с

организатором участниками были даны). Однако то, что молодежь с удовольствием работала с источниками, чтобы выполнить первую часть задания (собственные знания мировой литературы, героев и событий не помогли, нам пришлось дать подсказку: поиск ответов – по справочной литературе), уже было положительным эффектом задания. Приведем примеры только некоторых (объем статьи) произведений: Левандовский А. Жанна д´Арк (ЖЗЛ), Шиллер Ф. Орлеанская дева, Ануй Ж. Жаворонок, Вольтер Орлеанская девственница, Шоу Б. Святая Иоанна, Твен М. Жанна д´Арк, Мережковский Дм. Жанна д´Арк и др.

Научное осмысление проблемы приводит к фиксации достигнутого и сформированного знания в научных и справочных текстах. В справочном фонде библиотеки зафиксированное знание в изданиях XIX – XXI вв. позволяет найти ответы на поставленные вопросы: «Патриотизм XIX века… Какие слова и словосочетания, связанные с «патриотизмом», были актуальны в то время?», «С чьими именами связан «патриотизм» в XIX веке?», «С чьими именами связан «патриотизм» в XX веке?», «С чьими именами связан «патриотизм» в XXI веке?», «Что считали “истинной идеей” патриотизма в XIX веке?», «В чем виделись проявления патриотизма в XIX веке?», «Через какие понятия, явления рассматривали патриотизм в XIX веке?», «В чем видится сущность патриотизма в разные века, от рабовладельческого до информационного общества?» и др. Их уникальность в том, что организатор мероприятия сам лично формулировал каждый и просто в Интернете ответы не найти, даже не выделить в одном справочном тексте, но нужно сопоставить несколько, по нескольким разным источникам, либо вычленять отдельные фрагменты в разных частях одного текста и потом сравнивать их, формулировать ответ своими словами. Но прежде, вникнув в вопрос, определить, в каких изданиях может содержаться ответ (не всегда был выбираем верный путь поиска и много времени тратилось на поиск ответа в источнике (энциклопедии, справочнике и проч.), в котором конкретная проблемно-ориентированная информация даже не могла быть – это тоже информация для размышления руководителям чтения и формирования образовательных программ), что, кстати, тоже вызывало затруднения (в том числе в поиске в самом издании, а не только его самого). На все эти вопросы, действительно, есть ответы в справочных изданиях, издаваемых в разные годы и имеющихся в фондах библиотек.

Чтобы познакомить участников занятия с особыми – тематическими, жанровыми и др. – словарями и энциклопедиями, были сформулированы иные очень интересные вопросы: «Приведите примеры пословиц, поговорок патриотической и околопатриотической тематики», «Приведите примеры самых удивительных наград XIX – XXI веков за патриотизм. Кому и за что они давались?», «За какие заслуги патриоту могли дать Четыре Георгиевские звезды? Были ли в истории России такие патриоты?», «За какие заслуги патриотам Отечества возводил памятники благодарный народ в разные века?». Тут нужно было не только найти издание-источник информации, но и проникнуть в суть

вопроса, чтобы прочитать не о первых попавшихся на глаза наградах (действительно интересных, т. к. молодой человек о них никогда не слышал и не читал), но об именно удивительных; тут может разгореться (и разгорелся) спор – что значит «удивительное», т. к. при замечании – прав или не прав – каждый начинает отстаивать свой ответ. Но – при качественных аргументах можно принять иную точку зрения, и тому и другому следует учиться.

Достаточно традиционное предложение – объясните слова, почему автор сказал именно так, как его творчество подтверждает его позицию, что злободневного сегодня слышится/прочитывается в словах столетней и более давности: «Патриотизм – это не значит только одна любовь к своей Родине. Это гораздо больше... Это – сознание своей неотъемлемости от родины и неотъемлемое переживание вместе с ней ее счастливых и несчастных дней» (А. Толстой), «Я – русский человек и все свои знания, весь свой труд, все свои достижения имею право отдавать только моей Родине. Если не современники, то, может быть потомки наши поймут, сколь велика моя преданность нашей Родине и как счастлив я, что не за рубежом, а в России открыто новое средство связи» (А. Попов), «Патриотизм не должен ослеплять нас; любовь к отечеству есть действие ясного рассудка, а не слепая страсть» (Н. Карамзин) и др. И слова – как будто специально для информационного века: «Нужно быть патриотом, но стараться смотреть на мир объективно. Любить свою страну, но не идеализировать. Нужно иметь много источников информации, сопоставлять информацию, составлять из нее собственную картину мира» (А. Запесоцкий).

Как видим, разработанные вопросы (и им подобные) нетривиально подводят к осознанию исследуемого понятия, работе с текстами для формирования собственного мнения, анализу выделяемой информации в рамках получения выводного знания. В этом случае достигается множественный результат: формируется знание источников информации, отрабатываются умения поиска данных в информационном массиве, экстрагирования и формулирования выводного знаний. Происходит показ форм самостоятельной разработки вопросов и образовательных, просветительских мероприятий. Достигается видение широты применимости вариантов и размышлений о профессионализме, среди множества ипостасей которого важны все: и любовь к Родине, и способность защиты достоинства, и профессиональный патриотизм, причем о каждом из них знание хранит фонд библиотеки.

Список литературы

1. Борисов, Б. П. Борисов Борис Петрович Патриотизм – понятие культурологии / Б. П. Борисов // Культурная жизнь Юга России. – 2017. – № 2 (65). – С. 144–148.

2. Казанцев, С. В. Антироссийские санкции: оценка ущерба: монография / С. В. Казанцев. – Москва: Инфра-М, 2023. – 201 с.

3. Медведев, Д. А. Реализация ресурса «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии России / Д. А. Медведев // Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ. – Москва: Флинта, 2020. – С. 47–52.

4. Томалинцев, В. Н. Молодежная среда – образ будущего: монография / В. Н. Томалинцев. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. – 180 с.

УДК 02(092)

Яхнина Юлия Семеновна
Детская библиотека № 3 имения Василия Кузнецова,
г. Челябинск, заведующая сектором

ПРОГРАММНО-ПРОЕКТНАЯ И КРУЖКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ № 3 ИМЕНИ ВАСИЛИЯ КУЗНЕЦОВА)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы организации программно-проектной и кружковой деятельности читателей школьного возраста как важный фактор духовно-нравственного развития читательской активности школьников. Анализируется опыт литературных, театральных, творческих и игровых практик в условиях детской библиотеки. Подробно описаны методологические особенности проведения кружков «Волшебный песочек», театрального кружка «АртМомент-студия „Ушки на макушке“» и «Мастерилка ЧТЗ» (Читай. Твори. Знай.). Обозначены приоритеты и специфика историко-этнографической программы «Крошка-этнограф» и литературно-краеведческой программы «Кузнечики».

Ключевые слова: программно-проектная деятельность детской библиотеки, кружковая работа, детская библиотека, читательская активность школьников, духовно-нравственное развитие детей

Yakhnina Yulia Semyonovna
Children's Library No. 3 of the estate of Vasily Kuznetsov, Chelyabinsk, head of the sector

PROGRAM-PROJECT AND CIRCLE ACTIVITY AS A FACTOR OF SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT OF STUDENTS' READING ACTIVITY (ON THE EXAMPLE OF THE CHILDREN'S LIBRARY NO. 3 NAMED AFTER VASILY KUZNETSOV)

Annotation. The article deals with the organization of program-project and circle activities of school-age readers as an important factor in the spiritual and moral development of the reading activity of schoolchildren. The experience of literary, theatrical, creative and gaming practices in the conditions of a children's library is analyzed. The methodological features of the circles "Magic Sand", the theatrical circle «ArtMoment studio "Ears on top"" and "Masterilka CHTZ" (Read. Create. Know.). The priorities and specifics of the historical and ethnographic program «Baby Ethnographer» and the literary and local history program «Grasshoppers» are outlined.

Keywords: program and project activity of the children's library, group work, children's library, reading activity of schoolchildren, spiritual and moral development of children

Детская библиотека № 3 имени Василия Кузнецова открыта в 1954 г. В 2013 г. ей присвоено имя первого детского поэта Южного Урала В. Н. Кузнецова (1893–1953). Фонд библиотеки составляет 39554 тысяч экземпляров (книги и 13 периодических изданий). Услугами библиотеки ежегодно пользуются более 4 тысяч детей и их родителей. Ведется группа библиотеки в социальной сети «ВКонтакте» (650 подписчиков, ежегодно отмечается более 5 тысяч посещений группы).

Одним из перспективных направлений в работе библиотеки является программно-проектная и кружковая деятельность. Именно эти составляющие работы библиотеки являются существенным фактором духовно-нравственного развития читательской активности читателей [1, с. 75].

Согласно «Концепции библиотечного обслуживания детей в России», миссия библиотек, обслуживающих детей состоит в том, чтобы, используя все имеющиеся ресурсы, создать среду развития ребенка через чтение, книгу и нетрадиционные виды носителей информации, отвечающую его половозрастным, социокультурным и индивидуальным особенностям [1, с. 19]. Миссия библиотеки – продвижение книги и чтения, воспитание гармонически развитой личности [2, с. 3].

Деятельность детской библиотеки № 3 имени Василия Кузнецова направлена на создание современной модели библиотеки как центра детского чтения. Ключевые направления этой работы – формирование читательской и информационной культуры детей и подростков. В библиотеке созданы все условия для комфортного, мобильного, удобного в использовании информационного пространства, способствующего выполнению миссии.

Библиотечные проекты осуществляются без привлечения дополнительных финансовых средств, все услуги и мероприятия оказываются и проводятся библиотекой бесплатно.

Хорошо зарекомендовали себя, получают положительные отзывы пользователей библиотеки и профессионального библиотечного сообщества собственные проекты (программы) библиотеки: историко-этнографическая программа «Крошка-этнограф» и литературно-краеведческая программа «Кузнечики».

Цель программы «Крошка-этнограф»: привлечь детей 6–14 лет и их родителей к библиотеке, книгам и чтению посредством популяризации народного искусства и нематериального культурного наследия Российской Федерации и Южного Урала.

Задачи программы «Крошка-этнограф»:

– знакомство с традициями, обычаями и праздниками России и Южного Урала;

– формирование культуры чтения;

– способствовать развитию интереса детей к истории малой родины и страны;

– систематизировать первоначальные знания детей об этнографии России и Южного Урала;

– развитие любознательности и креативного мышления;

– укрепление и расширение круга партнеров библиотеки.

Программа «Крошка-этнограф» соответствует целям и задачам популяризации народного искусства и нематериального культурного наследия России и создана в соответствии с календарно-тематическим планированием дошкольных и учебных учреждений.

Детям в игровой и познавательно-просветительской форме рассказывается о традициях и быте России и Южного Урала, о главных событиях народного календаря, обычаях, праздниках, сказочных героях, устном народном творчестве России и Южного Урала.

Мероприятия проводятся в доступной форме, в соответствии с возрастом детей. Используются разнообразные методы проведения занятий (игровые приемы, творческие задания и т. д.); Обязательно чтение вслух отрывков художественных и научно-популярных произведений. Для закрепления полученных знаний проводятся игровые занятия, физкультминутки, конкурсы.

Самыми востребованными темами мероприятий стали познавательно-игровые занятия по основным направлениям: «Наша Родина: история и культура», «Традиции и обычаи народов Южного Урала и России», «Устное народное творчество Южного Урала и России», «Игрушки в которые играют дети», «События и праздники народного календаря», «В гостях у сказки».

Юным читателям, родителям и педагогам запомнилась литературная игра «Шлем для сказочного богатыря», в ходе которой дети узнали о том, какими были русские богатыри, их вооружении и славных подвигах. Нарисовали красками и цветными карандашами сказочных богатырей, «примерили шлем», послушали фрагменты из «Богатырской симфонии» А. П. Бородина, вспомнили любимых героев.

А самое главное – вновь открыли чарующий мир русских былин и полюбовались на замечательные иллюстрации отечественных художников детской книги.

Не менее интересно и познавательно проводятся историко-литературные и театрализованные игры, посвященные персонажам народных сказок – Бабе Яге, Кощею Бессмертному, Кикиморе, Водяному и др. В ходе таких мероприятий ребята не только глубже постигают истоки народной культуры, но и реализуют свои творческие потребности: например, на мастер-классе «Я – водяной!» они создали оригинальную копию картины Ивана Билибина «Водяной». Посвятив творения повелителю воды, нарисовали портрет чайными пакетиками и гелевыми ручками.

Литературно-краеведческая программа «Кузнечики» направлена на реализацию таких задач:

– показать значимость творчества и масштаб личности В. Н. Кузнецова как первого детского поэта Южного Урала;

– популяризация творчества В. Н. Кузнецова (выставочная, экспозиционная работа; разработка и создание цикла видеоэкскурсий «Наш В. Н. Кузнецов: годовой цикл времён года поэтической строкой», проведение мероприятий по плану);

– способствовать развитию интереса детей к творчеству В. Н. Кузнецова;

– проведение архивно-библиографических и книговедческих изысканий по неизвестным и малоизвестным страницам жизни и творчества В. Н. Кузнецова (архив, местная печать; государственные библиографические пособия; родственники поэта и др.);

– реализация проекта «Арт-Базар: театр одной книги» с участниками кружка «АртМомент-студия „Ушки на макушке“» (написание сценария,

репетиция и постановка спектакля «Книгопортация с котом Федотом и кошкой Матрёшкой».

Мероприятия проводятся в доступной форме, в соответствии с возрастом детей. Используются разнообразные методы проведения занятий (игровые приемы, творческие задания и т. д.).

Обязательно чтение вслух отрывков произведений В. Н. Кузнецова и создание авторских сувениров по мотивам творчества поэта (книжных закладок, школьных органайзеров, рукописных миниатюрных книг с авторскими рисунками юных читателей и др.).

С учетом возраста юных читателей разработаны темы занятий:

– «Наш В. Н. Кузнецов годовой цикл времён года поэтической строкой»»;

– «Базар: история одной книги»;

– «В. Н. Кузнецов – наставник и друг юных южноуральцев»;

– «Иллюстраторы книг В. Н. Кузнецова»;

– «Книга как артефакт эпохи: в чём значимость книг с автографами»;

– «В. Н. Кузнецов – наставник молодых челябинских писателей»;

– «История одной фотографии: имя в судьбе России»;

– «Наш В. Н. Кузнецов: годовой цикл времён года поэтической строкой»;

– «История одной книги»

– «Иллюстраторы книг В. Н. Кузнецова»

– «Юбилеи книг В. Н. Кузнецова (75 лет книге «В Добрый час!»; 65 лет сборнику «Весёлый ручеёк»; 60 лет сборнику «Всезнайка»);

– «Арт-Базар: театр одной книги»: участники кружка «АртМомент-студия „Ушки на макушке“» (написание сценария, репетиция и постановка спектакля «Книгопортация с котом Федотом и кошкой Матрёшкой».

– Эрудит-шоу для учащихся 5–6 классов «Книгопортация с котом Федотом и кошкой Матрёшкой».

План работы и занятий по темам составляется дополнительно и перекликается с проектами «Крошка-этнограф» и «Книжные истории города Челябинска – детям». Работа ведется планомерно по специальному плану.

В мае 2022 г. в библиотеке открылся новый кружок «Волшебный песочек», занятия для детей проходят еженедельно.

С помощью кварцевого песка, светового планшета для рисования песком «Студийный», и жидкокристаллического телевизора на мобильной стойке на колесиках с опорой на современные формы и методы популяризации и продвижения детских произведений мы развиваем творческие способности детей и их наглядно-образное мышление, мелкую моторику, и способствуем снятию эмоционального напряжения и прививаем интерес к чтению.

Большой популярностью среди читателей пользуется кружок «Волшебный песочек». Ребят привлекает возможность не только научиться рисовать песком, но и познакомиться с интересными детскими книгами, узнать традиции и обычаи России, посмотреть фрагменты мультфильмов по темам занятий и участие в конкурсах и викторинах.

Так ребята узнали о народных обычаях и полезных свойствах трав, образе Матери – сырой земли в русских былинах и нарисовали песком «Травушку-муравушку». Теме бережного отношения к родной природе посвящены занятия «Летний дождик», «Наш дом – вода!». Мальчики и девочки почитали стихи В. Берестова, И. Токмаковой, узнали русские народные заклички про дождик.

Ко дню самовара в России ребята узнали историю этого предмета русского быта, чайные традиции, отгадывали загадки, читали вслух стихи и сказки, рисовали песком сказочные самовары.

Ежегодно специалисты библиотеки разрабатывают оригинальные сценарии мероприятий, направленных на духовно-нравственное развитие юных читателей.

«От наскальной живописи до нарисованных песком букв» таким был в 2022 г. девиз Дня славянской письменности и культуры в библиотеке. Учащиеся 5 и 6 классов проявили эрудицию, поучаствовав в игровой программе «От наскальных рисунков до письма».

Ученики 5 и 6 классов частной школы «Эстет-центр М» приняли участие в интерактивной игре-викторине «Человек придумал слово». Ребята познакомились с историей мировой и отечественной письменности, с книгами о первопечатнике И. Фёдорове, увидели самое большое издание, бережно хранимое библиотекарями и самодельный переплетный станок.

Поиграли в лингвистические игры «Шифровальщик», «Угадай слово». Научились писать тайные послания и расшифровывать их, угадывали ребусы и кроссворды. На кружке «Мастерилка Ч. Т. З.» читали стихи об алфавите, смастерили поделку «Цветик-семицветик».

Юные участники кружка «Волшебный песочек» узнали, как появилась славянская азбука, читали стихи, рассматривали книги с изысканными буквами. Научились создавать на песке оригинальные инициалы и буквицы и украшать их. Как полезно знать и продолжать традиции Кирилла и Мефодия и рисовать песком инициалы.

В Пушкинский день на занятии «У Лукоморья» школьники в игровой форме знакомились с творчеством А. С. Пушкина. Подростки отряда «Оазис» школы № 62 участвуют в арт-викторине «Кто есть кто». Ребята вспоминали героев пушкинских сказок, чудесные превращения и хитросплетения пушкинских сюжетов, рассматривали иллюстрации известных художников – Т. Мавриной, В. Конашевича, В. Бруни. На планшете для рисования песком изобразили землянку сварливой старухи, царский дворец Дадона, шатёр Шамаханской царицы. Выполнили коллективную работу – песочный дворец Гвидона. Рисование песком жилищ и интерьеров по мотивам сказок А. С. Пушкина побудило еще раз перечитать произведения поэта.

На занятиях кружка «Мастерилка Ч. Т. З.» ребята учатся делать аппликации, поделки из природных материалов, ниток, пластилина, освоили техники нетрадиционного рисования: рисования оттиском. Мастерили веер

для принцессы, сказочный ларец, делали аппликации «Весёлый пират», флаг России.

Мальчишки и девчонки познакомились с бытом русской избы XIX в. и историей полезных вещей, узнали родословную сундука и ларца. Отгадывали пословицы, поиграли в парад скороговорок, послушали песни о сундуке и посмотрели видеопрезентацию «Сундуки и ларчики из мультфильмов». Ребята прочитали отрывок из басни И. А. Крылова «Ларчик», вспомнили домовёнка Кузьку и других хозяйственных и работящих персонажей любимых книг, которые не могли обходиться без сундучка.

Мальчикам интересно знать историю меча-кладенца – легендарного сказочного оружия, которое помогало многим славным русским богатырям и героям сказок. Ребята поучаствовали в волшебной викторине «Из какой сказки этот меч?». Вооружившись новыми знаниями, ребята изготовили из картона и декоративной бумаги поделку «Меч-кладенец в ножнах». Этот сказочный амулет стал необычной закладкой в любимых книгах наших юных читателей.

АртМомент–студия «Ушки на макушке» (театральный кружок, открыт летом 2022 г.) представляет ребятам лучшие книгам, знакомит с азами театрального искусства, театральными играми на развитие памяти, внимания, постановку дыхания. Ребята с удовольствием играют в игры «Снежный ком», «Хамелеон», «Мой цвет настроения» и др.

Юные активисты кружка не только познакомились с книгами, узнали имена художников-иллюстраторов, создателей детских спектаклей, но и научились в свободной, дружелюбной и раскрепощенной атмосфере проявлять свои таланты танцоров, декламаторов, актеров. Ребятам понравилось создавать сказки-переделки на новый лад: «Репка», «Теремок», «Красная Шапочка», «Маша и Медведь». Задорными и весёлыми получились мини-спектакли: «Как тигренок полоски потерял» (по мотивам сказки Д. Биссета); пантомима-экспромт «В замке у Кощея» и «Шалости домовёнка Кузьки» (по мотивам книг Т. Александровой).

Итоги летней работы кружка подведены на творческой защите читательского дневника «Любимая книга этого лета», где ребята учились выступать с небольшими докладами, сочинять синквейн на тему «Книга». На многие занятия дети приходят вместе с мамами и бабушками, а это сплачивает семьи.

Программно-проектная и кружковая работа библиотеки ориентирована на духовно-нравственное развитие читательской активности пользователей детской библиотеки.

Все библиотечные мероприятия рассматривают детскую книгу как важный смыслообразующий фундамент духовно-нравственного воспитания. Это позволяет лучше узнавать интересы детей и их родителей, а также способствует ценностному раскрытию и продвижению библиотечного фонда, формированию и закреплению положительного имиджа библиотеки, привлечению новых партнеров и читателей.

Список литературы
1. Иванова, Г. А. Библиотечная педагогика / Г. А. Иванова. – Москва: РШБА, 2017. – 248 с.
2. Руководство ИФЛА по библиотечному обслуживанию детей в возрасте 0–18 /под ред. Кэролинн Рэнкин. – URL: http:ifla. org/files/assets/libraries-for-children-and-ya/publications/ifla-guidelines-for-library-services-to-children_aged-o-18-ry. pdf.
3. Шамсутдинова, Д. В. Социально-культурная интеграция личности в сфере досуга / Д. В. Шамсутдинова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 254 с.

УДК 355.233.231.1

Шалимов Игорь Валерьевич
Курская академия государственной и муниципальной службы, кафедра экономической теории, регионалистики и правового регулирования экономики, старший преподаватель
Бондарева Галина Александровна
Курская академия государственной и муниципальной службы, кафедра экономической теории, регионалистики и правового регулирования экономики, кандидат исторических наук, доцент

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ

Аннотация. В статье раскрываются особенности патриотического воспитания как одной из наиболее важных и проблем современной теории воспитания, дается толкование понятия «патриот», освещена его гуманистическая направленность, цель и факторы, влияющие на его возникновение и формирование. Особое внимание в статье отведено проблемам и вызовам, которые неизбежно сопутствуют формированию и воспитанию патриотизма современного человека.

Ключевые слова: патриотизм, патриот, любовь к Отчизне, Родина, современное образование, переписывание истории

Shalimov Igor Valerievich
Kursk Academy of State and Municipal Service, Department of Economic Theory, Regionalism and Legal Regulation of the Economy, senior lecturer
Bondareva Galina Alexandrovna
Kursk Academy of State and Municipal Service, Department of Economic Theory, Regionalism and Legal Regulation of Economics, candidate of historical sciences, Docent

PATRIOTIC EDUCATION OF A MODERN PERSON: FEATURES OF FORMATION, PROBLEMS AND CHALLENGES

Annotation. The article deals with the features of patriotic education as one of the most important problems of the modern theory of education, gives an interpretation of the concept of «patriot», highlights its humanistic orientation, purpose and factors influencing its emergence and formation. Special attention in the article is devoted to the problems and challenges that inevitably accompany the formation and upbringing of patriotism of a modern person.

Keywords: patriotism, patriot, love for the Motherland, Motherland, modern education, rewriting history

Воспитание будущего патриота, человека, который беззаветно предан общественному делу, отмечается беззаветной любовью к Отчизне, является одной из наиболее острый и актуальных проблем современности.

Рамки процесса воспитания патриотизма человека достаточно обширны – они не ограничиваются полом, вероисповеданием, расой, культурой, особенностями духовно-нравственного развития и возраста. Однако самой важной возрастной категорией, чья гражданская идентичность, гражданская позиция, чувство морали ежедневно подвергаются отрицательному воздействию извне, является молодежь.

Известный лексикограф, этнограф и военный врач В. И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» определяет «патриота» как «любителя отечества, ревнителя о благе его, отчизнолюба, отечественника или отчизника» [1, с. 24].

Другой известный филолог и лексикограф С. И. Ожегов в «Толковом словаре русского языка» дает следующее определение понятия «патриот»: «Человек, преданный своему народу, любящий свое отечество, готовый на жертвы и совершающий подвиги во имя интересов своей родины» [2, с. 496].

Мнения и толкования данного понятия известными филологами основываются на том, что патриот – человек, который заботится о благе Отчизны и беззаветно предан служению ей.

Понятие «патриот» неразрывно связано с понятием «патриотизм». История Отечества содержит десятки (если не сотни) случаев, когда патриотизм играл ключевую роль в крупномасштабных событиях. Особенно ярко патриотизм проявлялся тогда, когда Отечеству грозила внешняя опасность, создавалась угроза самому существованию всего русского народа и государственности.

Особенности гражданско-патриотического воспитания молодежи является одним из ключевых направлений Стратегии национальной безопасности и Государственной программы по патриотическому воспитанию. Это обусловлено тем фактом, что данный процесс позволяет обеспечить и укрепить национальную безопасность России и безопасность каждого индивида [3, с. 12].

Следовательно, формирование чувства любви к Родине, знание ее прошлого и настоящего является одним из наиболее важных вопросов современного патриотического воспитания. Ведь чувство патриотизма является компонентом не только культуры и науки, но и национальной идеи, национального самосознания и менталитета всего русского народа.

Белинский В. Г., Чернышевский Н. Г., Ипполитов Н. В., Добролюбов Н. Г., многие другие русские мыслители занимались изучением вопросов, связанных с воспитанием патриотизма в среде молодежи [4].

Одним из направлений решения задач, связанных с образованием и воспитанием, является повышение роли образовательных организаций в воспитании молодежи как граждан России. Это воспитание должно базироваться на национальной системе культурно-исторических и духовно-нравственных

ценностей. Воспитание социальной ответственности среди молодежи обеспечивает не только формирование социальной ответственности у индивида, создание взаимосвязанных компонентов этико-правового характера в их практической деятельности, но и обеспечивает безопасность человека.

Чувство патриотизма изначально не заложено в генах человека. Оно является приобретенным социальным качеством, которое должно формироваться постепенно, с самого рождения человека.

Настоящий (природный) патриотизм носит ярко выраженный гуманистический характер. Он побуждает человека к уважению культуры и традиций других народов. Культура межнациональных отношений и патриотизм – два взаимосвязанных понятия, которые обоюдно влияют друг на друга.

Патриотизм включает в себя следующие духовно-нравственные компоненты:

– ответственность за судьбу страны;

– сохранение национального культурно-исторического наследия;

– уважение к культурному и историческому прошлому своего народа, знание и сохранение любви к историческому прошлому Отчизны;

– забота и долг перед большой и малой Родиной;

– чувство гуманизма и милосердия.

Все указанные выше качества формируют истинный патриотизм как комплекс позитивных качеств, которые были сформированы педагогами, социумом, родными и близкими в подрастающем поколении.

Основная цель патриотического воспитания состоит в привитии любви к Отчизне, гордости за свою страну, формирование у молодежи желания и готовности встать на защиту Родины, стремиться к ее почитанию и процветанию.

Первые «кирпичики» патриотизма прививаются в раннем детстве, то есть тогда, когда у ребенка начинает формироваться индивидуальное мышление и самосознание, которое еще подвержено влиянию извне.

Одной из важнейших задач современного образования является воспитание патриота. Данная задача может быть успешно выполнена благодаря включения обучающегося в созидательный труд на благо Родины, привитию любви к истории, традициям и культуре страны.

Формирование у молодого поколения уважительного отношения к прошлому и настоящему своей страны, усиление связи человека с местом, где он родился, с его малой родиной – это факторы, которые непосредственно влияют на успешное решение проблемы патриотического воспитания среди молодежи [5, с. 242].

Формами патриотического воспитания являются:

– расширение видов и форм краеведческой деятельности;

– проявление интереса среди молодежи к историческому прошлому своего города, области, края;

– открытие выставок, музеев я ярмарок с культурно-исторической и духовно-нравственной целью;

– поисковые и туристические работы, героико-патриотические акции и движения и т. д.

Проведение подобных мероприятий не может оставить равнодушной молодежь к тем испытаниям, которые выпали на долю их Родины.

В настоящее время наша страна столкнулась с многочисленными серьезными вызовами – принижением роли в мировой истории, попытками переписывания исторического прошлого страны, глубокой сменой самой парадигмы традиционный ценностей. Лишь осознанное отношение к Родине, ее прошлому, настоящему и будущему позволить укрепить национальное самосознание подрастающего поколения, углубить и расширить знания об истории и культуре родного края, о подвигах предков, которые ценой собственной жизни защищали Отчизну от захватчиков, обеспечив последующим поколениям беззаботное будущее и спокойную жизнь.

Сегодня патриотизм выступает как особая форма мобилизационного ресурса. На фоне проведения специальной военной операции мы видим небывалый рост патриотизма, который выражается в национальном объединении ради достижения мира и спокойствия на земле, ради сохранения государственности и ради уничтожения того, за что боролись наши деды и прадеды – уничтожения всех проявлений нацизма и нетерпения к другим народам.

Иными видами патриотического воспитания являются:

1. Противодействие международному религиозному экстремизму и терроризму.

2. Включение обучающихся в активную созидательную деятельность.

3. Пропаганда спорта и здорового образа жизни.

4. Профилактика криминогенных проявлений среди молодежи, наркомании, курения, алкоголизма.

Таким образом, патриотическое воспитание среди молодежи благодаря современным систем подходам поможет по-новому взглянуть на свою страну, почувствовать сопричастность к прошлому и настоящему своей Родины, сознать свою роль в развитии Отчества.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3: П – Диамант. – СПб.: Диамант, 2002. – 560 с.

2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1990. – 921 с.

3. Патрушева, Е. А. Формирование гражданско-патриотических ценностей у подростков историко-краеведческой деятельности школы: автореф. дис. … канд. пед. наук. – Челябинск, 2009. – 24 с.

4. Проблемы патриотического воспитания современной молодежи // Научно-издательский центр «Социосфера». – URL: http://sociosphera.com/publication/conference/2017/135/problemy_patrioticheskogo_vospitaniya_sovremennoj_molodezhi/ (дата обращения: 19.03.2023).

5. Шульженко, М. Э. Патриотическое воспитание современной молодежи / М. Э. Шульженко // Молодой ученый. – 2017. – № 47 (181). – С. 240–243. – URL: https://moluch.ru/archive/181/46664/ (дата обращения: 19.03.2023).

УДК 008, 261.6, 304.444

Заридзе Геннадий Владимирович
Межрегиональная просветительская общественная организация «Объединение православных ученых», председатель, доктор теологии, протоиерей

О ДЕГРАДАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОСТИ: ТЕНДЕНЦИИ, ПОИСКИ, ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Анализируются проблемы и причины деградации духовной культуры в современных условиях. Делается вывод, что главной причиной является нарушение заповедей Божиих, отступление от православной веры, целенаправленная политика по искоренению в обществе традиционных духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: духовная культура, традиционные ценности, православие, глобализация

Zaridze Gennady Vladimirovic
Interregional Public Educational Organization «Association of Orthodox Christian Scholars, Chairman Doctor of Theology Archpriest

DEGRADATION OF TRADITIONAL SPIRITUAL CULTURE IN THE MODERN WORLD

Annotation. The article deals with the problems and reasons of degradation of spiritual culture in the modern world. The conclusion is reached the main reason is disobedience of ten commandments of God, apostasy from the Orthodox Christian faith, targeted policy on eradication of traditional spiritual and moral values in the society.

Keywords: spiritual culture, traditional values, Orthodox Christianity, globalization

До революционного переворота 1917 г. в России традиционные ценности воспринимались неразрывно с христианским мировоззрением. Либеральные революционные идеи, начиная с XVIII в., расшатали духовные устои, в первую очередь, дворянского сословия и проникли в другие слои общества. Результатом стало охлаждение веры, подмена духовно-нравственных принципов, что привело к смене правления страны и формированию нового режима, видевшего в Православной Церкви угрозу своего существования. В новой политике (в особенности, в первые десятилетия революции) отрицание традиционных нравственных принципов, моральных норм становится приоритетом.

В дальнейшем в советский период в обществе происходит частичный возврат к традиционным ценностям России, что приводит к определенным результатам. Соблюдение морально-нравственных норм стало отслеживаться и контролироваться государством. Возвращается понятие чести офицера, осуждение разводов, поддерживается политика, направленная на создание крепкой, трудолюбивой семьи, одобрение взаимовыручки, дружбы, помощи, как основы взаимоотношений людей. По сути, утверждалась традиционная для России морально-нравственная платформа общества (к сожалению, не имеющая под собой Божиего основания).

Насильственное распространение атеизма в советский период приводило к двоякому результату: с одной стороны, приветствовались морально-нравственное принципы, с другой – приоритет духовности был не в почете. Духовная составляющая была подменена Кодексом строителя коммунизма,

отчасти имеющим сходство с Заповедями Божиими, кроме самой главной – почитания Бога. Как известно, с 1917 г. шел процесс разрушения основ Православного вероисповедания: разрушали и изымали, зачастую и под хозяйственные нужды, храмы, верующие преследовались за свои убеждения.

Однако, вопреки репрессиям, духовные корни нашего народа, заложенные предыдущими поколениями, позволили одержать победу в Великой Отечественной войне, страшных испытаниях, когда конгломерат сатанистских сил пытался уничтожить оплот Православия – нашу Родину. В этом объединении врагов нашей страны уже просматривались элементы нынешней структуры глобального мира, которая стремилась укорениться в человеческом сознании и мире.

Таким образом, элементы нравственного сознания сохранялись, а основы духовно-нравственных ценностей уничтожались. В связи с последним, с началом перестройки, в российском обществе и культуре возникли ценностные лакуны, люди оказались не готовы к защите традиционных ценностей своего народа. Многие из россиян поддались агрессивному воздействию Запада по продвижению либеральных ценностей, не соответствующих традиционной культуре России. Под идеологическим прицелом враждебной идеологии оказалась молодежь.

Искажение сознания людей, попрание морально-нравственных принципов, развращенность наглядна в духовной деградации общества стран Запада, где искажено представление о традиционных ценностях, во имя идей нового глобального миропорядка. Последствия последнего чудовищны, поскольку затрагивают не только тело, но прежде всего душу человека [2].

Одна из основных задач глобалистов – разрушение традиционных семейных ценностей. Отношение к семейным традиционным ценностям (любовь, терпение, послушание, смирение, жертвенность) было заложено к духовной культуре нашего народа на основе библейских заповедей. Рождение детей в браке воспринималось как благословение Божие этого союза, ребенок воспитывался в христианских традициях и вере. Однако современная субкультура направлена на разрушение традиций, на разрыв ценностных представлений между поколениями, атомизацию общества и стимулирование проявления эгоизма. В итоге современные дети протестуют против традиционных ценностей, которые, по их мнению, лишают их свободы, теряется связь поколений; источник мудрости и способность к развитию личности у молодежи. Без преемственности традиций своего народа молодые люди теряют чувство принадлежности к определенному этносу, соответственно, чувства патриотизма и любви к Родине обесцениваются, и главным условием существования является комфортная среда и финансирование материальных и физиологических потребностей. «Без памяти исторической – нет традиций, без традиций – нет культуры, без культуры – нет воспитания, без воспитания – нет духовности, без духовности – нет личности, без личности – нет народа как исторической личности», – делает вывод академик Г. Н. Волков [5, с. 256].

Многие люди до сих сохраняют в своём сознании иллюзию того, что выбор, как одеваться, что слушать, смотреть, в какие игрушки играть их детям, совершают они сами. В то же время колоссальное влияние на умы и мировосприятие миллионов людей оказывают шоу-бизнес, соцсети, индустрия моды и красоты – неотъемлемая часть мира практически любого современного человека. Западная культура навязывает всему миру свое понимание смысла и предназначение человеческой жизни, где нет места Богу, духовности, нравственности, морали, любви, семейным ценностям. Приоритетом является удовлетворение материальных и физиологических потребностей, которые, как любая страсть, требуют безграничного служения себе. Идет разрушающая души людей идеологическая война по уничтожению в человеке человека, превращению его в послушного исполнителя, который будет служить тому, кто предоставит ему максимум удовольствий.

Мы видим, какими «культурными» продуктами кормят зрителя европейские театры: один из оперных театров поставил оперу Штрауса «Саломея», где дама в мужском костюме – юная Саломея, а обнаженный мужчина – Иоканаан.

Постановки некоторых современных российских режиссеров продолжают европейские «новые традиции»: например, постановка режиссера К. С. Серебренникова «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, где все роли, включая женские, в спектакле исполнили мужчины, действие происходит в деревянном гробу, зрелище начинается с распития водки, которую закусывают кусками покрышек; спектакль «24+» в «ТЕАТРЕ DOC», где однообразные монологи скрашены откровенными сценами с раздеваниями. В Калининградском областном драматическом театре режиссёр Е. Ж. Марчелли сделал фактически порноверсию пьесы «Дачники» М. Горького и «забыл» предупредить в афишах о скандальном содержании спектакля. Многие зрители пришли с детьми разных возрастов и с первой же минуты были шокированы происходящими на сцене откровенными действиями, выходящими за рамки всякого приличия. Ранее подобный же скандал случился в г. Твери, где в Театре юного зрителя была показана эротическая трактовка повести Гоголя «Вий», названная режиссёром «Панночка» [8]. Самое главное и существенное в данных ситуациях, что творческий поиск заведомо подстраивается в угоду времени (идеологии постмодернизма, скандала во имя скандала).

Таким образом, было исковеркано и опошлено отношение к личности человека, которое в русской национальной культуре всегда было одухотворенным, ценность человека, его душевное состояние ставилось выше всех земных благ. Детский психолог, директор Института демографической безопасности И. Я. Медведева приводит следующее условие восстановления нормальной психики ребенка: «Если в семье нарушаются фундаментальные нормы русской культуры, то психика ребенка от этого страдает. И напротив, когда мы просим родителей вернуться в воспитании ребен-

ка к нашей культурной традиции, уже от одного этого возвращения к корням его психика может гармонизироваться» [7].

Уничтожению семейных ценностей служит и агрессивное насаждение ЛГБТ идеологии, проводником которой служат международные структуры, выпускающие свои рекомендации по проведению мероприятий «секспросвета», начиная с учеников младших классов [6]. Во многих европейских странах узаконены однополые браки, Канада является лидером по социальной рекламе, показывающей «преимущества» эвтаназии, в Германии обсуждают необходимость введения программ по ознакомлению детей с таким понятием как «инцест», якобы для возможной защиты от этого явления, в Испании на уровне закона декриминализовали зоофилию.

Понятие гендерной идентичности, по определению ВОЗ, отличается от понятия биологического пола, т. е. того образа, который дал нам Создатель. «Гендерная идентичность относится к внутреннему и индивидуальному опыту человека в отношении пола, который может соответствовать или не соответствовать его полу при рождении» [3]. Таким образом, речь идет не только о деградации духовной культуры, а о потери человеком образа и подобия Божия, о навязывании понятий и стереотипов поведения, противоречащих человеческим нравственным идеалам и нормам.

В то же время в традиции русской культуры всегда было важно удерживание духовной вертикали культуры. «Смысл консерватизма, – писал известный русский философ Н. А. Бердяев, – не в том, что он препятствует движению вперёд и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к состоянию, предшествующему образованию государств и культур. Смысл консерватизма – в препятствиях, которые он ставит проявлениям зверино-хаотической стихии в человеческих обществах. Эта стихия всегда шевелится в человеке, и связана она с грехом» [1, с. 47].

Разрушает передачу духовных ценностей между поколениями и ювенальная юстиция, которая подрывает иерархию отношений родителей и детей и право на их воспитания на основе мировоззрения родителей, что разрушает возможность преемственности поколений и сохранение национального сознания в соответствии с традициями и верой предыдущих поколений.

Цель глобалистов – сделать народы различных стран духовно обескровленными, чтобы они стали людьми, которые, совершив тяжелые грехи, деградировали и не были приемлемы Богом. Деградация усиливается с каждым годом. Принятие Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» позволяет, хотя бы приостановить этот процесс в нашей стране, поскольку процесс утраты духовно-нравственных ценностей зашел очень глубоко, и многие люди оказались под влиянием этой глобалистской идеи.

Отношения между людьми становятся в большей мере разнузданными, наглыми, аморальными. Деградация проявляется в поведении детей,

взаимоотношениях юношей и девушек, отношении детей к родителям. Нравственная деградация характеризуется полным пренебрежением к чувствам окружающих. Такие традиционные духовные ценности, как милосердие, сострадание, дружелюбие, взаимопомощь, уважение личности и интересов другого человека, почитание старших, в значительной мере теряют свою значимость для современного человека.

Возрождение традиционной духовной культуры страны возможно лишь при условии возвращения нашего народа к своим истокам. Необходимо, чтобы мы захотели остановить деградационный процесс, которой касается не только нас, живущих сейчас, но и будущих поколений. Если деградация не будет остановлена, то мы получим плоды этого процесса – общество и государственность будут разрушены. Именно последнего добиваются страны запада на протяжении многих веков.

В свое время русский философ И. А. Ильин писал о том, что европейцам нужна «…дурная Россия: варварская, чтобы «цивилизовать» ее по-своему; угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленить, завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее; реакционная, религиозно-разлагающая, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать на ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии» [4, с. 94].

Люди, которые сохраняют духовно-нравственные, моральные принципы остались, однако необходимо, чтобы их захотели услышать. Духовная ценность традиций народов должна быть показана и осознана как основа для исцеления всего общества.

В современном мире изменились позиции в отношении ценностей, которые раньше считались незыблемыми для человечества. Люди зачастую превращаются в подобие скота, который не может иметь осмысленное существование, остается подвержен только животным инстинктам. В обществе в значительной мере отсутствуют морально-нравственные основы, духовные основы. В результате этих изменений люди будут представлять из себя «биомассу», движение которой возможно лишь к погибели. И такая погибель ожидает все человечество, если мы не остановим этот процесс и не захотим, чтобы у наших потомков было позитивное духовное светлое будущее. Остались люди, которые сохраняют духовно-нравственные, моральные принципы, однако необходимо, чтобы их захотели услышать. Духовная ценность традиций народов должна быть показана и осознана как основа для исцеления всего общества.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Философия неравенства / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 624 с.

2. Выступление Директора Службы внешней разведки Российской Федерации С. Е. Нарышкина на 10-й международной встрече высоких представителей, курирующих вопросы безопасности, на тему «Об обеспечении национальной безопасности и устойчивого социально-экономического развития государств в условиях роста «гиб-

ридных» угроз», Уфа, 18 июня 2019 г. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/regprla/-/asset_publisher/YCxLFJnKuD1W/content/id/3704728.
3. Гендерный евро. ВОЗ. – URL: https://www.who.int/europe/health-topics/gender#tab=tab_1.
4. Ильин И. А. Наши задачи. – Париж : Изд. Русского Общевоинского Союза, 1956. – 191 с.
5. Калмыцкая биография академика Г. Н. Волкова. – Элиста: КГУ, 2007. – 270 с.
6. Обращение: Защитите научный суверенитет и демографическую безопасность России. История исключения гомосексуализма из списка психиатрических расстройств // Наука за правду. – URL: https://pro-lgbt.ru/6590/.
7. Психолог Ирина Медведева: почему вокруг так много психов (Ч. 1 – начало). – Медиапортал ТВ Спас. – URL: https://tvspas.ucoz.ru/publ/8/psikholog_irina_medvedeva_pochemu_vokrug_tak_mnogo_psikhov_ch_1_nachalo/10–1-0–2156?ysclid=lf3spcbeyo569199137.
8. Ческис М. Сыграть ящик. – «Наша Версия». – 13.12.2010. – URL: https://versia.ru/v-klassicheskie-spektakli-modno-dobavlyat-seks-groby-i-vurdalakov (дата обращения: 12.01.2023).

УДК 94 (470)

Розина Ольга Владимировна
Государственный университет просвещения, кафедра истории России средних веков и нового времени, г. Москва, кандидат исторических наук, доцент

ВЫБОР ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ВОСПИТАНИИ КАК АКТУАЛЬНАЯ ЗАДАЧА СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается аксиологический подход к организации воспитательного процесса, анализируются два его искажения – валеология, как «наука о здоровье» и «педагогика успеха», как одна из гуманистических воспитательных систем. Автор приходит к выводу, что эти инверсии не только не соответствуют принципам отечественной национальной системы образования, но и являются опасными для духовного здоровья личности. Выход из ситуации полагается в возврате к традиционным ценностям российского образования, что является актуальной задачей современности.

Ключевые слова: антропологический кризис, валеология, «педагогика успеха», традиционные ценности, православная цивилизация

Rozina Olga Vladimirovna
State University of Education, Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Moscow, Candidate of Historical Sciences, Docent

THE CHOICE OF TRADITIONAL VALUES IN EDUCATION AS AN URGENT TASK NOWADAYS

Annotation. The article deals with the axiological approach to the organization of the educational process and analyzes its two distortions – the valeology as «health sciences» and «pedagogy of success» as one of the humanistic educational systems. The author comes to the conclusion that these inversions not only do not comply with the principles of the national national education system, but are also dangerous for the spiritual health of the individual. The way out of the situation is seen in a return to the traditional values of Russian education, which is an urgent task of our time.

Keywords: anthropological crisis, valeology, «pedagogy of success», traditional values, Orthodox civilization

В современном обществе с утратой ценностно-смысловых ориентиров происходит кризис гуманитарности (человечности) в самом человеке. В научный оборот введено понятие об антропологическом кризисе, поиском выхода из которого занимаются специалисты различных отраслей знаний, опираясь на аксиологический (ценностный) подход к личности. Происходит актуализация смыслообразующих вопросов жизни и мировоззренческих аспектов общественного и индивидуального сознания, при этом «изменение ценностных установок, взглядов и самосознания граждан влечет за собой трансформацию социума» [2, с. 187].

Вместе с тем острая фаза цивилизационного противостояния и его гибридный характер привели к тому, что на различных «этажах» современного российского социума активизировался поиск российской идентичности и базовой «культурной матрицы», которая «цементирует» ценности социума.

9 ноября 2022 г. Президент РФ В. В. Путин подписал указ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором подчеркивается связь традиционных ценностей и национальной безопасности страны [5].

Организация процесса духовно-нравственного воспитания должна базироваться на аксиологическом (ценностном) подходе, при котором происходит субъективация объективных ценностей человеческого сообщества, то есть их превращение в личностные смыслы. Именно ценности, которые приняты личностью, лежат в основе жизненных целей, убеждений и действий, они составляют основу нравственных принципов и являются важнейшими компонентами человеческой культуры наряду с нормами и идеалами.

Ценности могут быть различными в разные исторические периоды, что влияет и на личностный аксиологический выбор. Но опасность современного постиндустриального общества заключается в плюрализме мнений, что в условиях господствующего релятивизма приводит к отрицанию абсолютных ценностей и провозглашает принцип равнозначности множества ценностных установок, выбор которых зависит от самого человека. При этом вместо абсолютных предлагается набор неких «универсальных ценностей», к которым относят сохранение здоровья, приобретение финансовой стабильности, достижение карьерного успеха или власти и т. п. – всё, к чему стремятся «все», а иерархия в достижении этих целей выстраивается самостоятельно.

В педагогическом преломлении это привело к ряду трансформаций ценностей, традиционных для национальной системы образования. Рассмотрим лишь две инверсии – появление валеологии, как «науки о здоровье, и «педагогики успеха», как одной из гуманистических воспитательных систем.

Претендуя на исследование внутренних резервов организма с целью сохранения здоровья, валеология все свои разработки и рекомендации в области педагогики связывает с формированием у учащихся здорового образа жизни. При этом затрагивается и сфера их духовного здоровья, но иг-

норируются принципы духовной безопасности, так как в целом ряде положений происходит обращение к вероучительным практикам современных нетрадиционных религиозных культов, что обосновывается «самыми последними научными достижениями». Фактически речь идет о «культе тела» и пропаганда искажений духовной природы личности, что объяснимо материалистическим взглядом на человека, как продукт эволюционного развития, в котором душа – лишь свойство высокоорганизованной материи, а не отдельная и вечно живущая сущность. Методические приемы преподавания валеологии, по мнению профессора М. П. Стурова, «нацелены на разрушение ментальности русского народа, на лишение духовности, а тем самым и будущего России» [7, с. 59].

Валеология стала проникать в российскую школу почти четверть века назад: именно тогда впервые прозвучал ее лукавый тезис: «Здоровье через образование». Но «первая волна» не дала значимых результатов: этот предмет не стал школьной дисциплиной и не вошёл во ФГОС. Однако сторонники валеологии до сего дня пытаются «протащить» ее основные принципы через различные предметы. Так, Т. В. Черноусова-Никонорова и Д. В. Шинкарюк, сотрудники Автономной некоммерческой организации «Новосибирская Академия педагогики, практической психологии и социальной работы» отмечают, что «в настоящее время учение набирает популярность несмотря на то, что преподавание в качестве учебной дисциплины остается до сих пор только на факультативной основе и лишь в некоторых учебных заведениях нашей страны» [6, с. 6]. Авторы выдвигают идею создания «валеологической службы (онлайн), которая будет работать как со взрослыми, так и с детьми» [6, с. 6]. Это в проекте, а в реальности в ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» для магистрантов в рамках направления «Педагогическое образование» ведутся занятия по «Основам валеологии» с использованием разработанного преподавателями вуза учебного пособия [4]. Авторы не только рассматривают теоретические вопросы, но предлагают собственную концепцию непрерывного эколого-валеологического образования и рекомендуют проведение практикума по предмету на основе воздействия неживой природы на здоровье человека. Конечно, не обошлось без оккультизма. Приведем лишь один пример. Так, авторы утверждают, что «Минералы в качестве талисманов и оберегов использовались еще в древние времена, было замечено, что они укрепляют волю человека, решительность, веру в свои силы. Психологи утверждают, что человек, верящий в талисман или оберег, лучше сопротивляется невзгодам жизни и легко достигает поставленной цели» [4, с. 106]. Далее идут практические рекомендации по выбору талисманов и оберегов из разных минералов. Осталось только выяснить – как подготовка будущих магистров-педагогов на основе валеологического образования соотносится с традиционными ценностями, которые определены в Указе Президента. Это «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отече-

ству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [5].

Так под видом сохранения здоровья делается попытка изменить ментальные установки будущих поколений. Вместе с тем в Указе Президента РФ № 809 четко определено, что «сбережению и приумножению народа России» будет способствовать именно «реализация государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей» [5].

Другая подмена наблюдается в разработке и реализации «педагогики успеха». Её основополагающая установка – вера в человека и опора на его внутренние силы – исходит из идей эпохи просвещения о самодостаточности человека в саморазвитии, для чего необходимо лишь создание внешних благоприятных условий и мотивации на успех. Задача учителя сводится к выявлению интереса у учащегося к чему-либо и создание условий для его развития. Для обоснования теоретических основ разработчики «педагогики успеха» ссылаются на труды К. Д. Ушинского об успехе, как стимуле к учебе, а также разработки психологов Л. С. Выготского и С. Л. Рубинштейна о зонах ближнего развития и активности воспитуемого, как субъекта самоопределения. Однако такой подход к их трудам наверняка удивил бы их создателей.

В концепции «педагогики успеха» отрицаются традиционные для отечественной педагогики цели образования, связанные с преображением личности, а также отношения между учителем и учеником, как между наставником и воспитанником. Учитель заменяется компьютером, а содержанием образования является не сам предмет, а процесс получения знаний с помощью педагогических технологий. В образовательно-воспитательном процессе происходит замена принципа наставничества на принцип сотрудничества и создание ситуации успеха, что способствует выработке определенных качеств успешной личности, мотивированной не на преображение и нравственное совершенствование, а на выявление и исполнение собственных желаний. Целью жизни становится самоутверждение, самосовершенствование и самореализация личности (достижения ею «акме» – наиболее высоких показателей в деятельности и творчестве). Жизненный успех измеряется в официальном признании, званиях, премиях, наградах, материальных благах.

Но в релятивистской и постмодернистской парадигме образования скрыто его разрушительное для личности основание. Ведь согласно релятивизму, добро и зло относительны, они определяются самим человеком в зависимости от его ценностного выбора. Более того, ближний является препятствием в достижении успеха, поэтому отношения с ним строятся не на принципах любви и взаимопомощи, а на законах конкурентной борьбы за награды, деньги, власть, которых, как известно, никогда не бывает много. Проявлением этого в массовой школе становится явление буллинга

(bullying от анг. bully – хулиган, задира, драчун) определяемое как притеснение, дискриминация, травля. Это длительное психическое или физическое насилие со стороны индивида или группы в отношении индивида, не способного защитить себя в данной ситуации. Агрессивное поведение всегда направлено на причинение вреда другим с целью получения желаемого «здесь и сейчас», то есть немедленно. Буллинг вызывает серьезную обеспокоенность среди педагогов, разрабатываются методики для школьных психологов по преодолению этого явления и его последствий.

Мы рассмотрели лишь две попытки подмены традиционных ценностей так называемыми «универсальными». Вместе с тем, как известно, «у каждого народа есть своя веками выработанная педагогическая система со своей совокупностью целей, ценностей, норм и образовательных подходов… Отечественная национальная система образования и ее практическая часть – традиционная педагогика всегда имели в своем основании цивилизационные доминанты культурообразующей и государствообразующей православной религии» [3, с. 400].

Именно на этих доминантах и базируются традиционные ценности российской цивилизации вообще и педагогики, в частности.

В проекте «Национальной доктрины образования Российской Федерации», разработанной научным коллективом под руководством В. И. Слободчикова, предлагается концепция национально ориентированного образования, и намечаются его направления, «необходимые для обеспечения суверенного развития России, ее многонационального и многоконфессионального народа» [1, с. 3]. Стратегической сверхзадачей является формирование через систему образования образа будущего России, как страны-цивилизации. Уникальный исторический опыт нашей страны «выражается в мессианстве, вере, верности духовным и культурно-историческим традициям» [1, с. 8]. Образование рассматривается как форма общественной практики, которая проявляется в «консолидации российского общества» и созидании «единого уклада его жизни, основанного на базовых российских национальных ценностях» [1, с. 14]. Это и практика культурно-исторического наследования, и практика становления человеческого в человеке. Создание системы национально ориентированного образования, опирающегося на традиционные ценности, предполагает несомненный отказ, в том числе, и от «антивоспитательной тактики конкуренции, самореализации и индивидуализма» [1, с. 30], а также «от идеала индивидуума, добивающегося успеха и лидерства» [1, с. 31], то есть принципов «педагогики успеха».

В заключение следует отметить, что нет общего для всех народов исторического пути, универсальной «общечеловеческой» культуры и «универсальных ценностей», а существенным фактором при определении типа цивилизации является религия и духовные ценности этноса. В отечественной педагогической традиции образование рассматривалось как «восстановление образа» высшего идеала христианской культуры в жизни человека, а воспи-

тание – «питание души» истинными Евангельскими ценностями. Целью педагогического процесса было самосовершенствование личности, но не для достижения «акме», а для преображения, поэтому и педагогические методики были направлены на помощь в приобретении утраченного Богоподобия. Ценности православной цивилизации останутся «этнографическим материалом», не меняющим ничего в жизни современного человека, если они не будут приняты на личностном уровне, а останутся лишь образом красивого прошлого. В условия обострения цивилизационного противостояния возврат к традиционным ценностям российской цивилизации и российского образования является актуальной задачей современности.

Список литературы

1. Национальная доктрина образования Российской Федерации. Проект / под ред. чл.-корр. РАО В. И. Слободчикова. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: [б. и.], 2022. – 34 с.

2. Розина В. А. Влияние институтов гражданского общества на формирование политического консьюмеризма // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. – 2017. – Том 17. – № 6. – С. 183–187.

3. Розина О. В. Национальная система образования: историческая память и традиционные ценности // Педагогические и социологические аспекты образования. Материалы Международной научно-практической конференции. – Чебоксары: ИД Среда, 2018. – С. 399–401.

4. Тюмасева З. И., Орехова И. Л. Основы валеологии. – Челябинск: Южно-Уральский научный центр РАО, 2020. – 239 с.

5. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=lf8oumskut967319387 (дата обращения 11.11.2022)

6. Черноусова-Никонорова Т. В., Шинкарюк Д. В. Валеологическое образование в школе XXI века // Universum: психология и образование. – 2021. – № 10 (88). – С. 4–6.

7. Что скрывается под маской валеологии? Вып. 20. – М.: Жизнь, 1990. – 55с.

УДК 37.01+316.6

Черных Ольга Николаевна
Воронежский государственный педагогический университет,
студентка магистратуры
Маркова Ирина Ивановна
Воронежский государственный педагогический университет,
кафедра практической психологии, канд. психол. наук, доцент
Терских Анастасия Петровна
Воронежский государственный медицинский университет
им Н. Н. Бурденко, кафедра фармацевтической химии и
фармацевтической технологии, канд. фарм. наук, доцент

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ И ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Аннотация. В статье говорится о необходимости начать воспитывать личность с самого раннего возраста. Приводится обзор определений термина, данных разными учеными. Наиболее точным, на наш взгляд, является определение А. В. Маклакова, обращающего внимание на значение нравственных поступков личности, содержание кото-

рых всегда определяет духовное составляющее целого народа. К сожалению, в 90-е гг. прошлого столетия в России произошли крупные социально-политические перемены, оказавшие негативное влияние на общественную нравственность, что проявилось в смене системы ценностей– сознание общества сталоразвиваться по западнымшаблонам, отдающим приоритетное значение достижениям материальных благ, тем самым потеряв свои национальные православные духовно-нравственные ориентиры. В настоящее время необходимо возродить систему духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития России.

Ключевые слова: личность, развитие, воспитание, духовно-нравственные ценности

Chernykh Olga Nikolaevna

Voronezh State Pedagogical University, master's student

Markova Irina Ivanovna

Voronezh State Pedagogical University, Department of Practical Psychology, Candidate of Psychological Sciences, Docent

Terskikh Anastasia Petrovna

N. N. Burdenko Voronezh State Medical University, Department of Pharmaceutical Chemistry and Pharmceutical Technology, Candidate of Pharmaceutical Sciences, Docent

SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT AND EDUCATION OF THE INDIVIDUAL

Annotation. The article deals with the need to start educating a person from an early age. And what is a «personality»? An overview of several definitions of this term given by different scientists is given. The most accurate, in our opinion, is the definition of A. V. Maklakov, who pays attention to the significance of moral actions of a person, the content of which always determines the spiritual component of the whole people. Unfortunately, in the 90s of the last century, major socio-political changes took place in Russia, which had a negative impact on public morality. In the future, the consciousness of society was aimed at the development of Western values that give priority to the material, thereby losing their national Orthodox spiritual and moral guidelines. Currently, it is necessary to revive the system of spiritual and moral values that have developed in the process of cultural development of Russia.

Keywords: personality, development, upbringing, spiritual and moral values

В психологии термин «личность» относится к ключевым понятиям. Однако понятие «личность» не является сугубо психологическим, изучается всеми общественными науками. Вопрос становления личности всегда интересовал философов, социологов, психологов и педагогов. Не случайно есть даже крылатое выражение, что личностью человек не рождается, личностью человек становится.

Обратимся к терминологии. В своем пособии Р. С. Немов пишет, что термин «личность» связан с понятием «персона» [8]. В английском языке то, что по-русски звучит как «личность», обозначается словом «personality». Примерно так оно пишется на многих других европейских языках. Само же слово «персона», как показывает история культуры, когда-то обозначало маску, надеваемую на лицо актером во время спектакля, а также самого актера и исполняемую им роль. В связи с этим можно предположить, что слово «личность» каким-то образом соотносится с понятием «лицо». У древних римлян это слово употреблялось, кроме того, вместе с характеристикой индивидуальных психологических особенностей

того или иного человека, например, «персона властителя», «персона отца», «персона обвинителя» и т. д.

Существуют и другие мнения относительно происхождения термина «личность». Известный исследователь личности, американский ученый Г. Оллпорт указывал на то, что это слово, примерно одинаково пишущееся и произносящееся на английском, французском и немецком языках, близко по звучанию к слову «personality», используемому еще в средневековой латыни, где с его помощью обозначался отдельно взятый человек в совокупности присущих ему индивидуальных, прежде всего, душевных (психологических) особенностей. Следовательно, личность, как понятие, известно давно, и в разных языках имеет не только примерно одинаковое содержание, но также и общие лингвистические особенности. В русском языке слово «личность», по-видимому, происходит от заимствованного иностранного слова «личина», которое в старые времена обозначало как маску актера, так и особенности характера человека.

Обратимся к попыткам дать более строгое научное определение личности в психологии. Одним из близких к современности ученых это сделал американский психолог У. Джемс. Согласно Джемсу, личность – это сложное психологическое образование, основные составляющие (элементы) которого могут быть разделены на три части: физическую личность, социальную личность и духовную личность.

Физическая личность представляет собой части тела человека, которые он воспринимает как принадлежащие ему. Это также одежда и все остальное, что связано с данным человеком или украшает его. Социальная личность – это то, чем данный человек представляется для других людей, кем он выступает во взаимодействии с людьми. В этой связи У. Джемс писал о том, что практически каждый человек имеет столько разных социальных личностей, сколько существует различных групп людей, у которых сложилось определенное мнение о нем. Духовная личность включает в себя «объединение отдельных состояний сознания, конкретно взятых духовных способностей и свойств».

В своей работе А. В. Маклаков дает такое определение личности: «Личность – это конкретный человек, взятый в системе его устойчивых социально обусловленных психологических характеристик, которые проявляются в общественных связях и отношениях, определяют его нравственные поступки и имеют существенное значение для него самого и окружающих» [7]. Данное определение как раз раскрывает нам смысл всем известного выражения, что личностью человек не рождается, личностью человек становится. Человек становится он личностью в процессе воспитания и овладения социо-культурными нормами. Уместно упомянуть культурно-исторический подходе к изучению личности Л. С. Выготского как продукту освоения индивидом ценностей культуры. Согласно Л. С. Выготскому, психическое развитие человека должно рассматриваться в культур-

но-историческом контексте его жизнедеятельности. Одна из фундаментальных идей Л. С. Выготского заключается в том, что в развитии поведения ребенка надо различать две сплетенные линии: первая – естественное «созревание»; вторая – культурное совершенствование, овладение культурными способами поведения и мышления [1].

Как известно, пережитое и усвоенное в детстве отличается большой психологической устойчивостью. При этом особое значение имеют следующие друг за другом возрастные переходы от детства к подростковому возрасту, а затем к юности. «Перестройка потребностей и побуждений, переоценка ценностей, – утверждал Л. С. Выготский, – есть основной момент при переходе от возраста к возрасту» [6].

В своей работе Л. С. Выготский пишет, что культурное развитие заключается в овладении такими вспомогательными средствами поведения, которые человечество создало в процессе своего исторического развития и какими являются язык, письмо, система счисления и др. Культура видоизменяет природу, сообразно целям человека: изменяется способ действия, структура приема, весь строй психологических операций наподобие того, как включение орудия перестраивает весь строй трудовой операции [2]. Когда же целесообразно начинать формирование личности? Оказывается, что с самых малых лет!

Именно детский возраст является самым сенситивным периодом для формирования нравственных ценностей. Именно в этом возрасте необходимо формировать у детей доброжелательные взаимоотношения со сверстниками и взрослыми, прививать любовь и гордость к Родине, преданность Отечеству, уважение к истории и культуре своего Государства [3]. Но если оглянуться на несколько веков назад и проследить культурные и нравственные ценности своего Отечества, то можно увидеть, что Россия испокон веков была страной с православным вероисповеданием, где воспитание зиждилось на традиционных семейных ценностях, на духовно-нравственных ориентирах.

Есть в нашей истории и темные пятна, о которых пишет А. Я. Данилюк: «Современный период в российской истории и образовании – время смены ценностных ориентиров. В 90-е г г. прошлого столетия в России произошли как важные, позитивные перемены, так и негативные явления, неизбежные в период крупных социально-политических изменений. Эти явления оказали негативное влияние на общественную нравственность, гражданское самосознание, на отношения людей к обществу, государству, закону и труду, на отношения человека к человеку. В период смены ценностных ориентиров нарушается духовное единство общества, размываются жизненные ориентиры молодежи, происходит девальвация ценностей старшего поколения, а также деформация традиционных для страны моральных норм и нравственных установок» [5].

В России указанный период был обусловлен сменой идеологии, поспешным копированием западного образа жизни с его ценностями и традициями, которые, увы, противоречили духовной сущности русского человека. У российских граждан в то время не сложилась ясно выраженная система ценностных и нравственных ориентиров, объединяющих россиян в единую историко-культурную и социальную общность. В обществе стал ощущаться недостаток принципов и правил жизни, примеров так называемого социально приемлемого поведения, отсутствие созидательного смысла жизни. Но, как всегда, история повторяется и все то, что было немодно, все то, от чего наше общество хотело отмахнуться как от пережитка прошлого, вновь становится ценным, бережно хранимым и актуальным для наших детей с самого рождения.

Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, подписанной Председателем Правительства РФ Д. Медведевым, говорится, что «стратегия опирается на систему духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития России». Какие же это ценности? [4]. А это человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро, стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством. Именно так, опираясь на свою историю, на свое культурное наследие, на духовно нравственные ценности можно воспитать человека с большой буквы, или как бы мы сказали сейчас в контексте нашей статьи, ВОСПИТАТЬ ЛИЧНОСТЬ!

Список литературы

1. Выготский Л. С. Психология / Л. С. Выготский. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2000. – 1008 с.

2. Выготский Л. С. Собрание сочинений / Л. С. Выготский; под ред. Д. Б. Эльконина. – Т. 4. Детская психология. – Москва : Педагогика, 1984. – 432 с.

3. Головко А. Ф. Формирование нравственных ценностей у дошкольников средствами художественной литературы / А. Ф. Головко // Несторовские чтения. Психолого-педагогические аспекты духовно-нравственного развития современной молодежи. – Луганск : Центр Нестора Летописца, 2016. – С. 146–152.

4. Головко О. В России утвержден список духовно-нравственных ценностей. – URL: https://www. pravmir. ru/v-rossii-utverzhden-spisok-duhovno-nravstvennyih-tsennostey/ свободный (дата обращения: 02.03.2023).

5. Данилюк А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. – Москва: Просвещение, 2009. – 29 с.

6. Культурно-исторический и деятельностный подход в образовании : [учеб. пособие] / З. У. Колокольникова [и др.]; Сибирский федеральный университет. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2016. – 230 с.

7. Маклаков А. Г. Общая психология / А. Г. Маклаков. – СПб.: Питер, 2001. – 592 с.

8. Немов Р. С. Общая психология : учебник для педагогических вузов / Р. С. Немов, Е. С. Романова. – Часть 2. – Москва : Владос, 2021. – 560 с.

УДК 392

Фирстова Елена Владимировна
Воронежский государственный педагогический университет,
кафедра общей педагогики,
кандидат педагогических наук, доцент

ОПЫТ ЗНАКОМСТВА СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ С ТРАДИЦИОННЫМИ ДУХОВНЫМИ, КУЛЬТУРНЫМИ И СЕМЕЙНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ РУССКОГО НАРОДА В РАМКАХ УЧЕБНОГО КУРСА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

Аннотация. Современное образование молодого поколения непременно должно предусматривать знакомство с родной национальной культурой. В данной статье рассмотрены возможности раздела «Этнопедагогика» учебной дисциплины «Теория этнокультурного образования» в знакомстве современной молодёжи с традиционными духовными, культурными и семейными ценностями русского народа.

Ключевые слова: этнопедагогика, народная педагогика, русская народная культура, традиционные ценности, воспитание

Firstova ElenaVladimirovna
Voronezh State Pedagogical University, Department of hole pedagogic, Candidate of Pedagogics, Docent

THE EXPERIENCE OF ACQUAINTANCE OF MODERN STUDENTS WITH THE TRADITIONAL SPIRITUAL, CULTURAL AND FAMILY VALUES OF THE RUSSIAN PEOPLE IN THE FRAMEWORK OF THE EDUCATIONAL COURSE OF A PEDAGOGICAL UNIVERSITY

Annotation. Modern education of the younger generation should certainly provides for familiarity with the native national culture. This article deals with the possibilities of the section «Ethnopedagogy» of the discipline «Theory of ethnocultural education» in introducing for modern youth to the traditional spiritual, cultural and family values of the Russian people.

Keywords: ethnopedagogics, national pedagogics, Russian national cultural, traditional values, upbrining

> …Воспитание в духе традиционных ценностей как ключевой элемент государственной культурно-образовательной политики…
>
> *Основыгосударственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей*

История показывает, что причина многих человеческих падений заключается в разрыве связей между поколениями, в отказе от традиций, от опыта и заветов предков. Перед педагогами, искренне разделяющими такое видение рассматриваемой проблемы, нередко встаёт вопрос: как найти или создать подходящее образовательное пространство, в условиях которого можно знакомить современных молодых людей с традиционными духовно-нравственными ценностями? – что, учитывая состояние современной молодёжи, несомненно, очень и очень актуально, поскольку от того, *каковы* сегодняшние юноши и девушки, как они строят свою жизнь, на основе каких ценностей, напрямую зависит будущее государства, которое все они составляют и будут впоследствии представлять не только сами, но

и в своих детях (и внуках). Реальную возможность трансляции традиционных ценностей русского народа, духовно-нравственных принципов построения жизни представляет *«Этнопедагогика»*, *предметом* которой является *народная педагогика*, основанная, прежде всего на *семейной педагогике*, так как на протяжении многих веков передача накопленного опыта, знаний и умений от взрослых к детям осуществлялась преимущественно в семьях – поэтому совокупность педагогических представлений и воспитательного опыта, традиций взаимоотношений и взаимодействия между всеми членами семьи являются значимой составляющей народной педагогики. Однако понятие «народная педагогика», конечно, шире, чем понятие «семейная педагогика», так как среди народных факторов воспитания есть также общественное мнение – суд общины (мира), в которую входила каждая семья, религия, обряды, традиционные народные праздники и др., выходящее за пределы семьи. Народная педагогика является элементом нашей отечественной история и культуры, представляя собой кладезь мудрого педагогического опыта, источник нравственного здоровья, созидательную духовную силу в жизни нации, аккумулируя традиционные духовно-нравственные ценности. А поскольку с 988 г. русская культура буквально пронизана православием, нельзя, раскрывая уклад народной жизни, оставлять без внимания его идеологическую основу – православную веру. Народная педагогика связана, с одной стороны, со средой обитания ребенка: природные условия, быт, трудовая деятельность, характерная для данной среды и т. п., а с другой – с механизмами воздействия взрослых на ребенка с целью передачи ему какого-то знания (через фольклор, игру, обычаи, религию и т. д.). Целью народной педагогики является формирование разносторонне развитой высоконравственной личности, умеющей жить в ладу и гармонии с Богом, природой, близкими и окружающими людьми. Кроме того, народная педагогика – педагогика этнического самосознания и основанного на нём патриотизма, высокоразвитого чувства национальной принадлежности и гордости, при которой, вместе с тем, её носителю чужд национализм и свойственно стремление к добрососедским отношениям. Поэтому в изучении народной педагогики мы идём, прежде всего, от *народного идеала человека*, отраженного в произведениях устного народного творчества (былинах, сказках, притчах, пословицах, поговорках, а для православного русского народа в высшем смысле – в Евангелии и житиях святых), отмечая, что неизменными качествами совершенного человека (идеала) всегда были честность, разумность, трудолюбие, совестливость, патриотизм и другие нравственные качества личности), и что идеальный образ, отражающий неизменный по своей моральной сути социально-личностный ориентир, сопутствует человеку на протяжении всей его жизни; рассматриваем взаимодействие ценностей общества и воспитательных ценностей, а также пути «приближения к идеалу» – средства и методы воспитания, характерные для народной педагогики, первым из которых

была любовь к ребёнку, не предполагавшая, однако, излишней, чрезмерной опеки: народная педагогика не мыслит воспитание совершенного человека без его сознательной и самостоятельной деятельности, для которой взрослые создавали условия ребёнку с очень раннего детства. Ведущим методом воспитания в народной педагогике следует назвать метод личного примера, так как ребёнок, именно наблюдая за поведением взрослых, учился тому, как следует общаться с людьми, трудиться, строить семью и т. д.

Рассматривая ценности народной педагогики, мы раскрываем *ценностное отношение народа к материнству*, показывая огромное значение матери в воспитании человека (начиная с самого первого дня своего существования ещё в её утробе, ведь уже от отношения женщины к формирующемуся в ней ребёнку зависит многое в его психическом развитии – что многократно доказано современными психологическими исследованиями). Как источник формирования новообразующейся личности, материнство определяет перспективы развития общества и является индикатором его здоровья: *каково в обществе отношение к материнству и осознание его значимости – таково у этого общества будущее*. Для русской культуры всегда было характерно отношение к матери и материнству как к святыне. Девальвация такого отношения к материнству в наше время, отказ от проверенных веками форм воспитания девочек как будущих заботливых матерей, хранительниц семейного очага, привело к демографическому кризису, к кризису семьи, к детофобии, ко множественным случаям отказа женщин от рождения зачатых детей, от своих новорождённых младенцев, к резкому росту статистики преступлений матерей против своих детей, к росту детской беспризорности, социального сиротства и другим страшным социальным последствиям. Этот процесс стимулируется и некоторыми «новациями» (например, вместо формирования у современных юношей и девушек ценностей целомудрия и семейной жизни, им пытаются уже в школе навязать западные формы сексуального просвещения, которые ничего, кроме растления юных душ привнести не могут). Поэтому обращение к проверенному веками народному опыту отношения к матери и материнству имеет особое значение для современной молодёжи.

Первые впечатления ребёнка от жизни имеют огромное значение для его последующего развития и жизнеустройства, а они, в большинстве своём, исходят именно от матери, именно мать закладывает основы нравственного воспитания ребёнка, сеет семена духовности, знакомя его со спасительными истинами; материнская поэзия колыбельных песен, пестушек, потешек, постоянное пребывание малыша с матерью, её первые в жизни ребёнка уроки нравственности – тот фундамент, на котором начинается «строение» личности[1]. Огромное значение для детей имеет также благословение матери и ре-

[1] В контексте этой темы вниманию студентов предлагается фильм Г. Матвеевой «Кто качает колыбель», в котором поднимаются вопросы значения девственности будущей матери, её отношения к растущему в ней ребёнку, участия отца в его жизни до и сразу после рождения и другие важные вопросы.

бёнок с раннего возраста воспитывался в послушании родителям, так как лишиться родительского благословения было очень страшно: по словам Священного писания «благословение отца утверждает домы детей, а клятва матери разрушает до основания» [1, Сир. 3:9]. В народе же говорили: «Отцовская клятва сушит, а материнская – с корнем вырывает».

Важнейшая роль в воспитании ребёнка испокон веку отводится доброй внутрисемейной обстановке, так как любовь и забота мужа о жене – один из главных факторов формирования у малыша ощущения счастья, которое передаётся через уверенность и спокойствие матери. Православные понятия мужчины о чистоте и нерасторжимости брака, о его ответственности перед Богом дают женщине чувство надёжности, уверенности в будущем. Отцовство является особым мужским предназначением, и смысл его не ограничивается продолжением рода – это «позиция» не только по отношению к детям, но и к жене: глава семьи покровительствует более слабым её членам, обязан оберегать их от любых тревог и волнений, защищать от возможных опасностей, обеспечивать семье покой во всех отношениях (в частности, чтобы её члены не испытывали ни в чём нужду) и отвечать перед Богом за тех, кого Он вверил ему. *Главенство* мужчины в семье выражается в первенствующем положении в семейной иерархии, представительстве от семьи в обществе и в ответе перед Богом Очень важно, когда отец – пример детям для подражания во всём, когда он даёт детям возможность гордиться за него: его *жизнь должна быть достойной* – честной, целомудренной, трудовой, чтобы жена и дети не стеснялись его биографии, поступков, поведения, его друзей. Ценностями мужа являются Бог, супруга, дети. В этом контексте интересно обратить внимание студентов на текст «Домостроя» – тщательно разработанного свода правил общественного и семейно-бытового поведения, отмечая, что представленный в «Домострое» свод правил обращён именно *к главе семьи*. Причём, судя по её первой главе [3, с. 9], можно сделать вывод, что передавалась она как благословение и наказ отцом *сыну*, ставшему главой семьи. Среди глав книги есть, также и такие: «Как детей своих воспитать в поучениях разных и в страхе Божием», «Как дочерей воспитать и с приданным замуж выдать», «Как детей учить и страхом спасать», «Как детям отца и мать любить и беречь, и повиноваться им, и покоить их во всём», «Наказ мужу и жене, и детям, и слугам о том, как следует им жить», а также, «О праведном житии», «О неправедном житии» и «Если *муж* сам не учит добру, то накажет его Бог, если же и сам творит добро, и жену, и домочадцев тому учит, милость от Бога примет» [3, с. 36]. Студенты с интересом знакомятся с назиданиями «Домостроя» и сами делают вывод, что многие из них не устарели со вре-

---

Фильм не оставляет равнодушными ни девушек, ни юношей. Бывает так, что, если позволяет время (большая перемена или окончание всех занятий в этот день), студенты просят ещё раз посмотреть хотя бы часть этого фильма. Ну, а если отведённое на изучение предмета «этнопедагогика» время не позволяет провести его совместный просмотр с последующим обменом мнениями – студентам предлагается посмотреть его дома самостоятельно, найдя в интернете.

мени его написания – XVI в. (и поскольку современное издание этого памятника средневековой литературы [3] богато иллюстрировано сюжетами русского быта – картинами отечественных художников – просмотр книги способствует погружению в атмосферу жизни наших предков).

Ценностное отношение к родительству определяется идеалами, сформированными в родительской семье. Семейный пример, часто без слов и насилия, учит человека истинным жизненным ценностям – любви, заботе о ближних, смирению, послушанию, ответственности, страху огорчить того, кого любишь и кто любит тебя. Поэтому, раскрывая в учебном курсе «Этнопедагогика» тему *ценностного отношения народа к семье*, мы, прежде всего, говорим о бытовавшем в народе понятии о святости семьи, показываем влияние её традиционного уклада и взаимоотношений её членов на формирование личности растущего в ней ребёнка, стереотипов его поведения, распределение ролей в воспитании детей, показывая, что отец с достоинством участвовал в нём, особенно – в воспитании сыновей, и, прежде всего – примером своей жизни, выполняя определённые обязанности по отношению к домочадцам. Учитывая современную ситуацию, важно так же в этом контексте пояснить молодым людям, что при отсутствии отцовского воспитания дети усваивают только одну модель поведения – материнскую, что сказывается впоследствии при создании ими собственной семьи (представление о которой у них лишь умозрительно): юноши не понимают, каким должно быть поведение мужа и отца, чтобы жене и детям было уютно рядом с ними; а девушки, усвоив с детства только роль мамы, часто становятся в своих семьях своевольницами и, родив детей – по их представлению реализовав своё женское предназначение – больше не видят смысла жить с мужем, который становится для них лишним [7, с. 35].

В народной педагогике, как уже говорилось, ведущим методом воспитания следует назвать метод личного примера, так как, наблюдая за поведением взрослых, ребенок с детства учился тому, как на семейном совете решаются вопросы совместного быта, учился быть почтительным к старшим (а потому впоследствии старики и уже немощные, больные родители чаще всего оказывались окруженными заботой и доживали свой век в доброй обстановке),[1] перенимал привычку к повседневному труду, как неотъемлемой части достойной жизни и т. д. В семье также воспитывалось доброе отношение ребёнка к своим братьям и сёстрам, что напрямую связано с развитием умения делиться имеющимся, уступать,

[1] Яркой иллюстрацией иного отношения к престарелым родителям и последствий такого отношения служит известная притча о том, как мужик, взяв с собой сына, понёс престарелого отца, чтобы, спустив его в корзине в ущелье, оставить его там умирать. Сын же попросил отца после окончания дела забрать корзину, чтобы, когда отец состарится, было в чём также спустить в овраг и его… А просмотр в контексте рассматриваемого вопроса художественного фильма «Бабуся» режиссёра Л. Бобровой (в качестве домашнего задания), на наш взгляд, также позволяет задуматься над важностью этого вопроса и сформировать правильное отношение молодых людей к пожилым родственникам.

отказываясь от чего-то, вопреки своего желания (что всегда способствует укреплению воли – важнейшего качества личности), взаимопомощи и т. д. Тема о ценностном отношении к семье и о её укладе очень актуальна, так как к настоящему моменту, к сожалению, утрачены многие из складывавшихся веками традиций семейного воспитания, следствием чего является кризис мировоззренческих представлений о ценности семейных отношений, который выражается, в частности, в размывании и постепенной утрате воспитательного потенциала института семьи, в свою очередь приводящем к тому, что молодые люди, покидая родительский дом даже с самыми благими намерениями иметь собственные семьи, оказываются некомпетентными в этой области, и, прежде всего, в вопросе духовных основ организации жизнедеятельности семьи. А из-за неподготовленности супругов к браку происходит огромное количество разводов, которые наносят психологическую травму не только взрослым людям, мечтавшим о счастливой семейной жизни, но – что трагичнее – их детям, которые всегда очень болезненно переживают разлад между родителями и тем более исчезновение из своей повседневной жизни одного из них. Поэтому в деле оздоровления семейных отношений ключевым фактором является именно ценностный компонент: *от того, насколько верно понимают муж и жена сущность своих ролей, зависит и успех их общего дела – семейной жизни*, которая в представлении каждого должна быть счастливой. В возможности рассмотреть с современной молодёжью ценности семьи, материнства, отцовства и роли каждого из супругов в ней – особое значение курса «этнопедагогика».

Далее из него студенты узнают, что каждая семья была зависима от своего *рода* (который составлял общину), и каждый член семьи воспитывался в уважении к нему. Поэтому у всех семей, кроме своих интересов, был общий интерес – родовой, *чувство родовой чести*: весь род отвечал за свою честь, охранять её было долгом каждого члена. Раскрывая в связи с этим тему непорочности девушки – как одной из родовых, семейных народных ценностей (в 21 главе «Домостроя» читаем: «Если дочь у тебя, направь на неё свою строгость, тем сохранишь её в телесной чистоте, не посрамишь лица своего… ибо если отдашь дочь свою беспорочной – великое дело совершишь, в любом собрании похвалишься и при кончине не будешь скорбеть за неё») [3, с. 48], студентам предлагается ответить на вопрос: почему это считалось ценностью и так резко осуждалось отступление от неё, а также глубоко переживалось близкими самой «испорченной»? Ответы обычно приблизительно такие по содержанию: «так было установлено религиозными нормами», «так считали в обществе, а общественное мнение было значимым» и т. п. В этом контексте присутствующим раскрывается истинный смысл целомудрия как условия сохранения *качества* рода, что для многих из них становится настоящим открытием, не оставляя практически никого равнодушными и порождая ряд вопросов, развивающих и углубляющих данную тему, вместе с тем способствуя

расширению знания о духовно-нравственных законах, и, очень надеемся, формированию верных установок по данному вопросу на их последующую жизнь. Сохранение чистоты рода было одним из главных родовых интересов. Тот же, кто не хотел, подчинятся, извергался из его среды, становился «без рода и племени», что было страшным наказанием, так как уважение человеку оказывали, в частности, по его роду. Таким образом, семьёй руководил общественный родовой идеал, отступать от которого нельзя было безнаказанно; семья была крепка этими идеалами и сурово относилась к каждому непокорному, что в совокупности также являлось значимым и действенным средством народного воспитания. В контексте рассмотрения этой темы студенты получают задание к зачёту составить свою родословную (генеалогическое древо), и надо отметить, что ни один, даже из числа нерадивых и ленивых студентов не остаётся равнодушным, выполняя это задание, что имеет большое значение не только в познавательном плане, но и в воспитательном, так как, анализируя образцы человеческих проявлений, принадлежащих представителям его рода, молодой человек задумывается о том, чем он войдёт в его историю, впоследствии стремясь прожить свою жизнь с осознанием того, что останется и передастся от него его потомкам. Кроме того, доктором медицинских наук, психотерапевтом М. Е. Бурно давно обосновано психотерапевтическое значение выполнения такого задания: погружение в далёкое прошлое помогает восстановить связь с прошлыми поколениями, человечеством, в котором как бы «растворяешься», но от этого только отчётливее чувствуешь свою индивидуальность[1]. Задача построения своей родословной иногда наталкивается на сопротивление со стороны студентов аргументом: «я не смогу это сделать – у нас никто не знает дальних родственников, все живут в разных уголках страны (или даже мира) и отношений мы не поддерживаем» (нередко это говорится и про родителей, чаще всего – отцов…). Поэтому, прежде чем давать задание по составлению родословной, необходимо тщательно продумать возможные варианты того, как оно может «отозваться» у студентов, а также предварить выполнение ими задания напоминанием принципа «не суди…»[2]

[1] По выражению М. Е. Бурно – человек становится «целебно яснее себе» [2, с. 170], ощущая, что он не одинок, и люди ему не такие уж чужие, что и до него люди рождались, взрослели, проживали свою жизнь, болели и переходили в «мир иной». Ясное осознание причастности к вечности, своей индивидуальности в ней позволяет крепче чувствовать себя в сложной жизни, восстанавливает силы для работы и действия, освобождает от чувства одиночества. «Одним из целебных способов духовного, общественно полезного «привязывания» себя к жизни через проникновенно-творческое погружение в прошлое» [2, с. 177]. Кроме того, выполнение задания по составлению родословной – повод для общения с родственниками, представителями разных поколений, что в современной суетной жизни очень важно как для молодёжи, так и для представителей старших поколений.

[2] Конечно, задание по построению своей родословной нужно давать, хорошо зная аудиторию, которой оно даётся: если среди студентов есть сироты, то для них это задание может быть действительно невыполнимо или очень болезненно и даже вредно (социальные сироты – сироты при живых родителях – чаще всего смутно, но знают своих предков, к сожалению, построивших свою жизнь не лучшим образом, следствием чего оказалась трагедия жизни продолжателя (или даже нескольких продолжателей) их рода). Хотя, надо сказать, был не один случай, когда, несмотря на мрачную историю своих предков, молодые люди из категории сирот прилагали усилия для того, чтобы отыскать информацию о своих родственниках и эти усилия поддерживались тем, что принято называть «кровным интересом».

Общинный уклад жизни предполагал добрые отношения между всеми её членами (прежде всего соседями), неотъемлемым элементом которых являются взаимопомощь и взаимовыручка. Студенты узнают, что форма оказания помощи односельчанам, оказавшимся в трудном положении (погорельцам, сиротам, вдовам, одиноким старикам, семьям рекрутов и т. п.) в народе называлась *помочью*: в ней участвовали все, кто мог оказать содействие человеку в решении трудного для него вопроса: постройке дома, заготовке припасов на зиму, посеве, уборке урожая и т. д. Такое понимание данного вопроса способствовало формированию в людях сострадания и милосердия[1] – важных человеческих качеств, их понятия о ценности бескорыстного труда и трудолюбия – одного из нравственных качеств личности. В курсе этнопедагогики мы также показываем, что *ценностное отношение к труду* является естественным и характерным в народе, раскрываем роль семьи в воспитании у детей трудолюбия, принятое в народе раннее вовлечение их в трудовую деятельность других членов семьи (сначала – на основе игры – ведущей деятельности маленьких детей, если выражаться современным научно-психологическим языком), особенности трудового воспитания девочек и мальчиков (исходя из понятий народа об идеале человека, где, как уже не раз отмечалось, мужчина – труженик, кормилец семьи и защитник, а женщина – мать и хозяйка в доме),[2] мудрые принципы трудового воспитания (например, то, что трудом никогда не наказывали, а, напротив, – награждали, выражая веру, что ребёнок уже может справиться с трудовым поручением, непременно подкрепляя похвалой достойный результат – эти и другие принципы способствовали закреплению в ребёнке чувства радости труда, формировали понятие о необходимом присутствии его в повседневной жизни и ответственность за результат дела).

От понятий «семья», «род», «община» мы переходим к понятию «малая родина» и «Родина», что связано с *ценностным отношением народа к Отечеству* и одним из нравственных качеств (чувств) личности, неизменно воспитывавшимся в детях испокон веку – патриотизмом, которому чужд национализм и свойственно стремление к добрососедским отношениям (о чем уже упоминалось выше). Как отмечает академик Д. С. Лихачёв в своих «Заметках о русском», осознанная, основанная на знании национальных особенностей любовь к своему народу не соединима с ненавистью к другим, порождает уважение к другому нравственно особенному, интернациональные переживания [5].

---

[1] Иллюстрацией к этому служит короткометражный фильм «Чем люди живы» режиссёра А. Кушнира по повести Л. Толстого, который (если позволяет время) мы смотрим вместе со студентами или им предлагается посмотреть его дома самостоятельно – найдя в интернете.

[2] Иллюстрацией этому может служить короткометражный мультфильм «Галинка-белоручка» из цикла «Доброе слово» телеканала «Союз», созданный по народной сказке и показывающий значение трудолюбия в жизни женщины.

Далее по программе курса мы переходим к рассмотрению *факторов народного воспитания*: *родного слова* (колыбельных песен, пестушек и потешек, пословиц и поговорок, приговорок и дразнилок, скороговорок, закличек, народной песенной поэзии и т. д.; отмечаем, что с появлением первых произведений устного народного творчества получила зарождение педагогическая мысль, были закреплены идеалы, соответствующие требованиям и образу жизни славян), *родной природы* (как средства эмоционального, эстетического, патриотического и нравственного воспитания личности), *произведений народного творчества,* в том числе – *народных игр и игрушек* – средств эстетического, физического, умственного, нравственного и творческого воспитания детей, *традиционных обрядов и народных праздников* – ярких форм практического воплощения в жизнь понятий, закреплявшихся воспитанием в сознании ребёнка и одно из средств приобщения ребёнка к культуре своего народа, а также – *религии* (для Руси – с 988 года – православной, которой пронизана вся русская культура и потому являлась действенным фактором воспитания крепкой, здоровой в духовно-нравственном и физическом плане личности русского человека).

Хотелось бы отметить, что важно, чтобы преподаватель, транслирующий студентам перечисленные истины, *сам являлся их носителем*, так как если педагог будет рассказывать об этом лишь формально, без искреннего чувства, молодые люди, скорее всего, воспримут получаемую информацию только как учебный материал, который следует записать, выучить к моментам оценки их знаний, а потом можно и забыть, как пережиток давно минувших дней... Если же преподаватель искренне признаёт мудрость традиций предков и считает важным передавать их от поколения к поколению для сохранения как культуры народа в целом, так и, в частности, его духовно-нравственных ценностей – тогда и студенты с интересом воспринимают то, что слышат на учебных занятиях и начинают размышлять, как полученные знания использовать в собственной жизни, чтобы она оказалась такой же ладно организованной как у наших предков. И нельзя не отметить то, что студенты разных возрастов (только окончившие школу – очной формы обучения – и более старшего возраста, зачастую уже имеющие собственные семьи – на заочном отделении) никогда не остаются равнодушными к услышанному на занятиях по данной дисциплине, делая, например, такие ремарки: «И почему же сейчас так люди не живут?», «Что же Вы нам раньше этого не рассказывали?» – этот вопрос выражает сожаление молодых людей, в частности, о том, что, зачастую, строя свои отношения с людьми и, в частности, с противоположным полом, на принципах, бытующих в настоящее время в современном обществе (но с благими намерениями создать счастливую семью), они приходят к не лучшему результату, получая психологическую травму – с одной стороны и, зачастую, повреждая себя духовно. Правда, узнавая о том, что есть возможность несколько исправить ситуацию посредством покаяния на исповеди, с последующим

изменением своей жизни, молодые люди вновь обретают надежду на лучшее будущее и желание в дальнейшем строить свою жизнь, познавая и соблюдая духовные законы, что помогало испокон веку нашим предкам создавать крепкие семьи и воспитывать здоровых, крепких духом и нравственными устоями детей, пополнявших впоследствии ряды героев отечества и сонм русских святых или – что тоже очень важно – по примеру своих родителей создававших крепкие, благополучные семьи, из которых также выходили хорошие люди – опора и гордость Отечества. И если это действительно окажется так – в том, наверное, самый лучший и самый важный результат изучения рассматриваемой дисциплины, ведь известен простой по своей логике закон: «Наше благополучие напрямую зависит от нашего благочестия», а из личного благополучия каждого гражданина складывается благополучие государства (державы), которое его граждане и составляют. Поэтому не случайно в сложных условиях современной ситуации в нашем Отечестве и мире на рубеже 2021–2022 гг. был создан и представлен на обсуждение проект «межотраслевого документа стратегического планирования в сфере *национальной безопасности* РФ – указа президента России В. В. Путина «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором среди задач государственной политики в этом направлении указано, в частности:

– «сбережение исторического опыта формирования традиционных ценностей и их проявления в истории России…

– усиление роли традиционных ценностей в массовом сознании….

– воспитание в духе традиционных ценностей как ключевой элемент государственной культурно-образовательной политики…

– создание информационных материалов…направленных на сохранение и популяризацию традиционных ценностей, а также контроль качества выполнения этого государственного заказа…» [7].

Список литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета.

2. Бурно М. Е. Терапия творческим самовыражением. – 3е изд., – М.: Академический Проект, 2006. – 432 с.

3. Домострой: как устроить свой быт богоугодно, а жизнь свято / [пер. на совр. русск., ред. Т. Н. Терещенко]. – 8е изд. – М.: ДАРЪ, 2014. – 160 с.

4. Зорин К. В. И будут два одной плотью… – М.: Русский Хронограф, 2004. – 288 с.

5. Лихачёв Д. С. Заметки о русском. – URL: https://likhachev_zametki_o_russkom_1984_ocr.pdf.

6. Николаев Сергий, прот. Отцовство / Как стать образцовым мужем. О мужском призвании, чести и предназначении. – М.:Ковчег, 2013. – 48 с.

7. Указ Президента Российской Федерации об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. – URL: https://strategy24.ru/rf/culture/projects/osnovy-gosudarstvennoy-politiki-po-sokhraneniyu-i-ukrepleniyu-traditsionnykh-rossiyskikh-dukhovnonravstvennykh-tsennostey.

УДК 159.923:378.014

Карпенко Ольга Анатольевна
Самарагорэнергосбыт, г. Самара
кандидат экономических наук,
ведущий специалист

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ КАК ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье гражданская идентичность и интеллектуально-духовное развитие рассматриваются как важнейшие факторы повышения возможностей самореализации современной молодежи. Уточняется понятие интеллектуально-творческого потенциала молодежи. Приводятся основные нормативно-правовые акты РФ в сфере молодежной политики. Рассматриваются цели, задачи и механизм реализации государственной молодежной политики. Приводятся примеры реализации молодежной политики на территории Самарской области, в том числе с указанием современных молодежных государственных организаций. Рассматриваются основные проблемы в исследуемой сфере и даются рекомендации дальнейшей проработки проблемных вопросов.

Ключевые слова: интеллектуально-духовный потенциал, молодежь, правительство, парламент, уровни власти, форум, национальные программы, патриотическое воспитание

Karpenko Olga Anatolievna
Samara Power Sales, Samara, Candidate of Economic Sciences, Leading Specialist

THE PROBLEM OF CIVIC IDENTITY AND INTELLECTUAL AND SPIRITUAL DEVELOPMENT AS FACTORS OF INCREASING OPPORTUNITIES FOR SELF-REALIZATION OF MODERN YOUTH

Annotation. The paper deals with the civic identity and intellectual and spiritual development as the most important factors in increasing the opportunities for self-realization of modern youth. The concept of intellectual and creative potential and youth is being clarified. The main normative legal acts of the Russian Federation in the field of youth policy are given. The goals, objectives and mechanism of implementation of the state youth policy are considered. Examples of the implementation of youth policy in the Samara region are given, including with the indication of modern youth state organizations. The main problems in the studied area are considered and recommendations for further elaboration of problematic issues are given.

Keywords: intellectual and spiritual potential, youth, government, parliament, levels of government, forum, national programs, patriotic education

В настоящее время растущий поток информации, быстрое развитие технологий, процессы глобализации, изменения в социально-экономическом укладе многих стран, современные политические тенденции вынуждают общество сталкиваться с новыми вызовами во всех сферах жизнедеятельности. По мнению лидеров многих стран, дальнейшее развитие любого государства, его место в мировой иерархии будут определяться именно отношением государства и общества к главному своему ресурсу – интеллектуально-творческому потенциалу [5, с. 98].

Интеллектуально-творческий потенциал человека представляет собой совокупность способностей, возможностей целенаправленной преоб-

разовательной деятельности (например, к познанию, пониманию и разрешению проблем). Отечественные психологи считают, что в творческий потенциал человека входят все свойства личности (мышление, воля, память, знания, убеждения и т. д.) [13, с. 18]. Данные качества влияют на творческие возможности человека, на их проявление и развитие.

Современные общественная и экономическая реальности характеризуются повышением роста потребности в креативных и интеллектуально-развитых личностях. По мнению многих исследователей, молодежь (в особенности, студенческая), как наиболее активная и созидательная группа населения страны, олицетворяет потенциал развития общества. [4, с. 59] От способностей молодежи, ее интеллектуально-творческого потенциала зависит будущая способность общества в адаптации к быстро меняющимся современным условиям, способность справляться с новыми вызовами в разных сферах жизнедеятельности, к поиску новых способов и путей решения социально-экономических и культурных проблем. [10, с. 156]

В современной социально-экономической ситуации необходимым условием модернизации и цифровизации всех сфер общественной жизни, подчеркнем, является достаточный интеллектуальный потенциал населения и, как уже говорилось выше, особенно наиболее активной его части – студенческой молодёжи. Развитие интеллектуального и творческого потенциала молодежи, в свою очередь, является фактором повышения возможностей для ее самореализации [9, с. 38].

Молодежь – это специфическая социально-возрастная группа людей, в международной классификации, в возрасте от 15 до 24 лет (по некоторым другим – до 30 или даже до 35 лет). Отдельные государства по-разному подходят к определению нижней и верхней возрастной границы молодежи, что приводит к формированию различных подходов в работе с молодежью, самой активной и динамичной частью социума [6, с. 68].

Молодежь, с одной стороны, наследует уже достигнутый уровень развития и опыт, с другой, – легче воспринимает перемены, быстро адаптируясь к новым условиям. Данная социальная группа наименее консервативна, обостренно реагирует на проблемы развития государства. В молодежной среде легко зарождаются социальные протесты. В современном мире молодежь представляет собой не только объект молодежной политики государства, но и ее полноправный субъект. Молодежная политика может быть результативной лишь тогда, когда она воспринимается и поддерживается большей частью молодых людей, а программы и мероприятия органов власти формулируются с учетом законных интересов молодежи, обеспечения возможностей для ее успешной социализации и эффективной самореализации.

В Российской Федерации вопросы государственной молодежной политики закреплены в Федеральном конституционном законе «О Правительстве РФ» [1], федеральных законах «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» [2], других федераль-

ных законах и подзаконных нормативно-правовых актах и международных соглашениях, ратифицированных Российской Федерацией.

В 2014 г. Правительством РФ утверждены «Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года» [3]. В соответствии с этим документом, целями государственной молодежной политики являются совершенствование правовых, социально-экономических и организационных условий для успешной самореализации молодежи, направленные на раскрытие ее потенциала для дальнейшего развития РФ, содействие успешной интеграции молодежи в общество и повышению ее роли в жизни страны.

Реализация государственной молодежной политики представляет собой многоуровневый процесс, предусматривающий объединение усилий органов власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях и отдельных структур гражданского общества. Реализация молодежной политики в РФ отнесена к совместному ведению РФ и ее субъектов. Координацию деятельности по реализации государственной молодежной политики в РФ на федеральном уровне осуществляют Министерство образования и науки РФ и Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь). Минобрнауки России выполняет функции по выработке и реализации государственной молодежной политики и нормативно-правовому регулированию, а Росмолодежь – по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сфере государственной молодежной политики, реализации во взаимодействии с общественными организациями и движениями, представляющими интересы молодежи, мероприятий, направленных на обеспечение здорового образа жизни молодежи, нравственного и патриотического воспитания, на реализацию молодежью своих профессиональных возможностей и создание достижений [9, с. 120].

В проведении молодежной политики участвуют и другие федеральные министерства и ведомства. Они обеспечивают исполнение соответствующих законов РФ по вопросам реализации государственной молодежной политики, в пределах своей компетенции разрабатывают нормативные правовые акты и целевые программы, представляют их в установленном порядке Президенту РФ и в Правительство РФ.

Цели национальной молодежной политики состоят в том, чтобы улучшить правовые, организационные и социально-экономические условия для успешной самореализации молодёжи, сосредоточить внимание на определении их потенциала и дальнейшего развития, тем самым способствуя вовлечению молодежи в общественную жизнь и повышению значимости ее роли в жизни страны. Для достижения целей, поставленных при реализации основ государственной политики РФ, планируется решение следующих задач:

1. Вовлечение молодых людей в социальную практику и расширение их возможностей развития и образования, оказание научной поддержки, а

также содействие реализации творческой и предпринимательской активности. Ее решение достигается несколькими путями:

– путем развития социальных информационных каналов и программ в области социальной жизни молодежи (здоровье, спорт, образование, жизнь, досуг, работа, карьера, социальная жизнь, семья, международные отношения, жизнь молодежи в других странах);

– через совершенствование материально-технической базы учреждений для коммуникации и работы с молодежью, расширение их сети, совершенствование системы обучения персонала и кадровой подготовки по работе с молодёжью;

– предоставление информации и помощи молодым людям, а также создание проектов, которые снижают к минимуму ограничения по возможностям трудоустройства молодых людей, проживающих в сельских и отдаленных районах, организация доступа молодых людей к информации о созданных для них условиях и предлагаемых возможностях; внедрение эффективных методов и методов привлечения молодежи к работе, в том числе к деятельности различных профсоюзных объединений, студенческих групп и других форм трудоустройства путем преобразования и улучшения законодательной базы для снятия рамок привлечения молодежи к трудовой деятельности, гарантирования законных прав и соблюдения интересов;

– содействие межрегиональному и международному сотрудничеству молодежи (тематические встречи, лагеря и фестивали, научно-практические и бизнес-события, дискуссионные клубы, молодежные обмены), участие в международных молодежных информационных проектах, направленных на сохранение ценностей национальной и общемировой культуры;

– реализация программ поддержки молодежного предпринимательства, в инновационных сферах экономической политики.

2. Создание единой системы поддержки молодых граждан с яркими лидерскими качествами, инициативой и талантами, включающей в себя:

– обеспечение увеличения числа молодых людей, участвующих в соревнованиях и конкурсных мероприятиях (профессиональные и творческие, спортивные, научные соревнования), расширение перечня занятий и модернизация методов отбора;

– развитие и совершенствование системы «социальных лифтов» (помощь и поддержка) талантливых молодых людей из малых городов и сельской местности, государственная поддержка учреждений, общественных объединений и педагогов, которые их обучали, расширение практики предоставления грантов и субсидий;

– разработка структуры интернатов для одаренных молодых людей, внедрение сезонных научных программ, исследовательских экспедиций с использованием ресурсов лучших учебных заведений и научных организаций;

– продвижение и распространение достижений молодых талантов в России и мире, организация стажировок в успешных отечественных и зарубежных университетах, образовательных и научных центрах;

– вовлечение молодежи в деятельность органов местного самоуправления, распространение позитивного опыта участия молодежи в управлении общественной жизнью;

– популяризация участия в международных проектах, различных молодёжных объединениях, проектах, организациях.

3. Патриотическое воспитание молодежи, помощь в формировании законодательных, культурных и нравственных ценностей среди молодежи.

Эту задачу можно реализовать при помощи следующих мероприятий:

– осуществления добровольной деятельности молодежи, создания и поддержки благоприятных условий для работы общественных молодежных объединений и некоммерческих организаций; расширение всех форм молодежного самоуправления в коллективах студентов и рабочих;

– раскрытия информации посредством использования программ общественных объединений и социальной рекламы общественных ценностей, таких как здоровье, работа, семья, терпимость, права человека, патриотизм, служба родине, ответственность, активный образ жизни и гражданская позиция;

– содействия в формировании национальных программ государственной идентичности, развитие толерантности молодежи к представителям различных этнических групп;

– развития внутреннего туризма, стимулирование участия молодежи в реализации проектов экологических организаций и архитектуры с целью повышения интереса молодежи к историческому и культурному наследию России, а также сохранению окружающей среды.

В настоящее время в Российской Федерации активно развивается множество направлений реализации молодежной политики, созданы и успешно функционируют рычаги и механизмы поддержки развития молодежи (молодежный парламент и молодежное правительство), претворяются в жизнь различные молодежные программы и проекты (например, iВолга – молодёжный образовательный форум, Всероссийский фестиваль «Российская студенческая весна», «СамариУМ» – старейший ежегодный фестиваль интеллектуальных игр в Поволжье и др.), активно развито волонтерское и добровольческое движение (фестиваль «Том Сойер Фест», победитель конкурса Фонда президентских грантов участники которого занимаются сохранением материального исторического наследия, восстановлением домов, имеющих историческую ценность и др.).

В Самарской области молодежь принимает активное участие и в политической жизни. Работает Молодежное правительство Самарской области– совещательный орган при Губернаторе Самарской области и Правительстве Самарской области, образованный в целях реализации государственной мо-

лодежной политики в Самарской области, формирования кадрового резерва для управленческих структур области.

При Самарской Губернской Думе третьего созыва создан и молодежный парламент. Его основная задача состоит не только в изучении проблем молодежи, но и в привлечении молодежных объединений к законотворческому процессу и разработке рекомендаций по законодательному решению проблем молодежной политики. С 2011 г. роль молодежного парламента в областном законотворческом процессе существенно возросла: его наделили правом законодательной инициативы.

Наряду с этим, в настоящее время в области работы с молодежью, включая ее образовательный, культурный и социальный аспекты, существует и ряд проблем; отметим наиболее значимые из них.

Имеется недостаточно высокая внешняя мотивация современных студентов к интеллектуально-творческой деятельности, которая тормозит реализацию интеллектуального потенциала студентов в период модернизации общества [13, с. 252]. В данном случае, социальным институтам, работающим с молодежью, необходимо направить усилия в данном направлении, показывая востребованность интеллектуального труда [12, с. 145]. В современном обществе имеется довольно высокая внутренняя мотивация студентов, которую общество, очевидно, должно поддерживать, не оставляя без внимания, поощряя интеллектуальные достижения студентов [10, с. 212].

1. Необходимо воспитание социумом у молодых членов общества определенных личностных качеств, способствующих реализации интеллектуального потенциала: самостоятельность, инициативность, смелость, стремление к новому опыту, умение общаться, готовность к осмысленному риску, настойчивость, веру в себя, гибкость в мышлении и поведении, критическое мышление.

2. Необходима социальная и материальная поддержка студентов, особенно в период экономических спадов, направление их на создание проектных и предпринимательских инициатив, а также уделение внимания их физическому здоровью как предпосылке полноценного развития их интеллектуального потенциала.

Наряду с этим, в современных условиях изоляции России от недружественных стран и проведения СВО, особенно актуальным становится вопрос определения своей гражданской идентичности к России и гражданам России и четкого следования ей. Гражданская идентичность – это индивидуальное чувство принадлежности к общности граждан конкретного государства, позволяющее гражданской общности действовать в качестве коллективного субъекта.

Российская гражданская идентичность основывается прежде всего на духовных принципах и основах и общечеловеческих ценностях: принципах добра и справедливости, оказания помощи и поддержки ближнему, защите слабых, миротворчества, благотворительности, и затем уже включает в себя

качества принадлежности к своему государству: патриотизм, любовь к Родине и Отечеству, служение своему народу и выполнение гражданского и профессионального долга. Эти качества очень развиты у россиян и должны развиться у всех, причисляющих себя к гражданам России.

Таким образом, постоянное внимание общества к правильной гражданской идентичности и развитию интеллектуального потенциала студентов и молодежи, внесение необходимых корректив в его формирование и наращивание, создание условий для его полноценной реализации позволит превратить интеллектуальный потенциал молодежи в действенный ресурс модернизации общества.

Список литературы

1. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» – Доступ из информационно-справочной системы Консультант Плюс.

2. Федеральный закон от 28.06.1995 № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» – Доступ из информационно-справочной системы КонсультантПлюс

3. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» – Доступ из информационно-справочной системы КонсультантПлюс

4. Бабиева, Н. А. Информационно-образовательная среда вуза в формировании интеллектуального потенциала будущего /Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования. – Сборники конференций НИЦ Социосфера. –2015.–№24. –С. 56–59.

5. Волынкина Н. В. Интеллектуально-творческий потенциал человека как стабилизирующий фактор развития современной России // Профессиональное образование в современном мире. – 2019. –№ 3. –С. 96–102.

6. Голубев, И. А. Образовательный потенциал современной студенческой молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2015. –№ 5. –С. 68–73.

7. Карпенко О. А., Левченко Л. В. Влияние образовательного пространства в современную информационную эпоху на формирование интеллектуального потенциала и интеллектуального капитала будущего // Образовательное пространство в информационную эпоху.– Москва : Институт стратегии развития образования Российской академии образования, 2022. – С. 37–45.

8. Карпенко О. А., Левченко Л. В. Основные направления в развитии и воспитании современных детей и молодежи: духовные, интеллектуальные, культурные и иные начала // Актуальные проблемы модернизации высшей школы. Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2022. –С. 155–162.

9. Кибанов, А. Я., Ловчева М. В. Реализация молодёжной политики в Российской Федерации. М.:НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 150 с.

10. Константиновский, Д. Л. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи. 50 лет исследования. – М.: ЦСП и М, 2015. –232 с.

11. Левченко, Л. В., Карпенко О. А. Использование научного потенциала общества как процесс формирования и применения интеллектуального потенциала // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2019. – № 2–2. – С. 17–22.

12. Резник, С. Д. Организационная культура российского студенчества в условиях изменений социально-экономической среды. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015. –176 с.

13. Руденко, А. Н. Проблемы развития интеллектуального потенциала современной российской студенческой молодежи // Современные тенденции социального, экономического и правового развития стран Евразии. –М: Московский университет им. С. Ю. Витте, 2016. –С. 246 –253.

УДК 392

Головина Раиса Фёдоровна
Детский сад общеразвивающего вида № 44 г. Воронежа,
воспитатель-методист
Фирстова Елена Владимировна
Воронежский государственный педагогический университет,
кафедра общей педагогики,
доцент, кандидат педагогических наук

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ДОШКОЛЬНИКОВ ПОСРЕДСТВОМ ПРИОБЩЕНИЯ ИХ К РУССКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ В ДЕТСКОМ САДУ

Аннотация. В статье представлен многолетний практический опыт коллектива педагогов детского сада по организации патриотического воспитания современного поколения детей-дошкольников на основе их приобщения к русским традиционным ценностям и культуре.

Ключевые слова: русская народная культура, дошкольники, музей

Golovina Raisa Fedorovna
Voronezh кindergarten of the all-developing look No. 44, Voronezh, tutor-methodologist
Firstova Elena Vladimirovna
Voronezh State Pedagogical University, Department of hole pedagogic, Docent, Candidate of Pedagogics

FORMATION OF CIVIC IDENTITY AND PATRIOTIC EDUCATION OF PRESCHOOLERS BY INTRODUCING THEM TO RUSSIAN FOLK CULTURE IN KINDERGARTEN

Annotation. The article deals with the long-term practical experience of the kindergarten teachers' collective in organizing patriotic education of the modern generation of preschool children based on their familiarization with Russian traditional values and culture.

Keywords: Russian folk culture, preschoolers, museum

> Народ без народности – тело без души, которому остается только подвергнуться закону разложения и уничтожиться в других телах, сохранивших свою самобытность.
>
> *К. Д. Ушинский* [3, с. 306].

Каждому человеку и каждому народу, чтобы жить осмысленно и с достоинством, пользоваться уважением окружающих, надо знать себя, понимать свое место в мире природы, других людей, других народов. Для русского человека такое знание и понимание возможны лишь тогда, когда органически освоена русская культура, когда понятно и осмыслено прошлое Отечества – далекое и близкое, когда можно самостоятельно и с успехом планировать свое будущее, закладывая его фундамент в настоящем. Сегодня с сожалением приходится констатировать, что Россия переживает кризис воспитания подрастающего человека: нарушились традиции, порвались нити, которые связывали старшее и младшее поколения. А, ведь, детство – это время, когда возможно и подлинное, искреннее погружение в истоки национальной культуры – самый благодарный путь возрождения забытых национальных ценностей [1].

Роль дошкольных учреждений в воспитании граждан своего Отечества по качеству, глубине, ценности сравнима только с ролью семьи – передача из поколения к поколению самого основного, сердцевинного, заветного, что позволяет каждому народу сохранять свое лицо, занимать свое собственное, неповторимое место в едином ансамбле общечеловеческого развития. Традиционно применяя в образовательном процессе в Детском саду общеразвивающего вида № 44 г. Воронежа сказки, пословицы, поговорки, загадки, считалочки, педагоги пришли к мысли, что устное народное творчество, коим являются перечисленные его малые формы, воспринимается детьми поверхностно, и система работы в этом направлении требует организации особых условий, создания обстановки, обеспечивающей детям особый комплекс ощущений и эмоциональных переживаний средствами яркой образности и наглядности. Для этого окружающие предметы, впервые пробуждающие душу ребенка, воспитывающие в нем чувство красоты, любознательность, должны быть национальными – это поможет детям с раннего возраста понять, что они часть русского народа. С этой целью было решено попробовать внести в оформление развивающей предметно-пространственной среды ДОУ, в частности, комнат, в которых размещаются детские группы, элементы русского народного быта, включить в интерьер элементы национального декоративно–прикладного искусства: карнизы, панно, ширмы, игрушки из ткани, соломы и глины, самодельные куклы в русских национальных костюмах, различные виды театров. Комнаты групп получили условные названия и были, соответственно этим названиям, оформлены:

1. В «Горнице» стоят семейные деревянные столы со скамьями. Накрывая столы, дети узнают, когда используются столешники, когда скатерти, салфетки, а когда дорожки. По утрам детей ежедневно ждет большой самовар с чаем, и угощает их то бабушка Меланья, то Варвара-краса, то Марья-искусница. Дети знают: гостю – почетное место и лучшее угощение; ему предложат красивое полотенце, а на сувенирном попросят расписаться и потом вышьют автограф. На стенах висят фотографии детей, их прадедов, бабушек, дедушек, пап во время службы в армии, свадебные фотографии родителей – рассказывая о них, дети учатся выражать свои чувства по отношению к близким.

2. В группе «Сказка» по утрам ребят встречают персонажи русских народных сказок: Емеля, Настенька, Василиса Премудрая. Предметы русского быта: люлька, вальки, кухонная утварь используется детьми в различных играх. О лаптях – лыковых, берестовиках – дети знают не понаслышке: могут померить да пройтись в них и никогда не перепутают, почему зайчишка в сказках ходит в лыковых лаптях, а медведь в шептовиках. «…Полное лукошко дам тебе горшка», «…позолоченная прялица» – эти строки знакомы каждому ребенку; а вот когда можно поиграть с реальными предметами, о которых шла речь, образы оживают, становятся понятными и родными, а слова приобретают чувственную эмоциональную окра-

ску. По-иному звучат песенки, потешки из уст детей, выразительнее получаются роли в играх-драматизациях.

3. В группе «Русь» дети могут посидеть с веретеном за прялкой, освоить азы вязания крючком, расписать дымковской, филимоновской или городецкой росписью игрушечных барышню-водоноску, индюка, лошадку или разделочную доску. В процессе труда дети не только знакомятся с секретами прикладного искусства, но и познают радость творчества. Изделия ручного труда, выполненные по мотивам народно-прикладного искусства, впоследствии используются в качестве подарков. В этой группе частенько устраиваются различные детско-родительские творческие конкурсы и выставки: «Вечер бабушкиной песни», «Золотые руки чудеса творят», «Мы лепили, мы катали, в печке русской выпекали» которые демонстрируются с фантазией и находчивостью. Традиционно отмечаются дни рождения с участием родителей. На столах всегда парад самоваров, воздаются почести праздничному караваю. Дети уже знают, как его резать, кому отдавать зачин.

В процессе реализации идеи оформления предметно – пространственной среды в русском народном стиле пришла мысль выделить в детском саду помещение и оборудовать как Комнату-музей русского народного быта. Приступив к реализации этой идеи, на родительских собраниях педагоги обосновывали значение воспитания детей на народных традициях и цель создания Комнаты-музея, приглашая взрослых к её оформлению. За достаточно короткий промежуток времени родителями и детьми были принесены экспонаты для комнаты: несколько старинных чугунных утюгов разного вида: одни цельные, литые, которые нагревались в горячей печке, другие – угольные, которые заполнялись горячим углем, ухват, прялка, самовар, настоящий кованый сундучок, серп, коса; некоторые предлагали вещи, сделанные своими руками в соответствии с русскими народными традициями: деревянные лавки, лоскутное одеяло, вышитые гладью или крестиком скатерть, рушники, наволочки. В полке–разиньке – предметы домашней утвари: кувшины, горшки, миски, чугунки. У печки – ухват, кочерга, веник–голик. Совместные поиски привели к тому, что дети узнавали интересные истории, связанные с их семьями, с их прошлым. Наш музей постоянно пополняется и до сих пор: самыми «новыми» его приобретениями стали старинные деревянные коромысла, примус, керосиновая лампа, настоящий, плетеный из коры короб (раньше в быту в нём носили грибы или наловленную рыбу). В этой Комнате старались воссоздать основные детали и обстановку русской избы: стол, лавки, печь, рукомойник, сундук, люлька. Однако основной задачей было создание не музейной атмосферы, а возможности введения детей в особый самобытный мир, путем его действенного познания. Поэтому, помимо натуральных вещей, в эту комнату были помещены и некоторые предметы, имитирующие реальные (например, макет русской печи). Еще одним отступлением от традиционного убранства русской избы было размещение на одной из на-

весных полок разнообразных образцов декоративно – прикладного искусства, чтобы именно в такой обстановке знакомить детей с народными промыслами России. В размещенных экспозициях: «Русский народный костюм», «Народные инструменты», «Народные игрушки» представлены образцы ткачества, народной вышивки, вязания, резьбы по дереву.

Музей «Комната сказок» (так теперь называется это место), является частью образовательного пространства дошкольного учреждения, здесь дети могут соприкоснуться со старинной утварью, рассмотреть вышитую одежду, познакомиться с предметами русского народного быта, через деятельность с этими вещами, через собственный опыт. Учитывая возрастные особенности детей, в музее проводится работа, в ходе которой образовательная деятельность выступает как сотрудничество воспитателя и ребенка, реализуется принцип деятельностного подхода. Ребенок не является пассивным слушателем, воспринимающим готовую информацию, передаваемую ему педагогом: знания передаются не в готовом виде, а осваиваются детьми в процессе деятельности, что способствует развитию их коммуникативных способностей. Методика построения игровых занятий в музее предусматривает обязательное включение практической части, чтобы можно было не только посмотреть, но и потрогать, поиграть, сделать что-то своими руками. Примеры использования педагогами деятельностного подхода – сбивание масла в старинной ручной маслобойке, получение муки из зёрен пшеницы и ржи посредством перетирания их пестом в ступе, исследование свойств льняного и подсолнечного масла дает детям возможность включиться в самостоятельный поиск новой информации, в результате которого происходит приобретение новых знаний и умений. Или, например, знакомство детей с русским обычаем делать овощные заготовки на зиму (участие в квашении капусты) осуществляется через игровую мотивацию, с использованием поисковых вопросов, схем-таблиц, содействуя развитию социальных навыков детей, умению трудиться в коллективе сверстников и взрослого. Дети, помогая воспитателю-хозяюшке рубить капусту, исследуют свойства овощей, а в процессе труда рассказывают небылицы, скороговорки, загадывают загадки. Также через экспонаты музея русского народного быта дети получают представление о том, как на наших столах появляется хлеб, какой длинный путь он проходит, прежде чем его можно будет съесть. Дети знают, какими орудиями труда пользовались люди в старину во время жатвы (коса, серп), обмолачивали колосья ручным орудием труда (цепом), самостоятельно пробуют размалывать зерна пшеницы и ржи, используя камни с дощечками или ступу с пестом, просеивают через сито и решето и получают муку – пшеничную и ржаную – сравнивают их, анализируют, делают элементарные выводы. Родители воспитанников – активные участники образовательного процесса – познакомили детей с традицией выпекания хлеба для своих семей в настоящее время (только не в старинной русской печке, а в электрической хлебопеч-

ке), готовили вместе с детьми опару для теста по рецепту бабушки, наблюдали, как она поднимается в теплом месте, вместе дружно замешивали тесто. В итоге получился аппетитный душистый хлебушек, который дети отведали с чаем из самовара, собравшись за общим столом.

Кроме некоторых описанных практических занятий, в нашем музее проходят тематические занятия по обучению детей русскому пению, игре на доступных им русских народных инструментах – деревянных ложках, глиняных свистульках, трещотках. При свете керосиновой лампы детям приятно помечтать, послушать интересные сказки или спеть русскую народную песенку, подыгрывая себе на том, что попадется под руку – рубеле, стиральной доске, деревянной коробочке – таким образом, получается веселый оркестр народных инструментов. При отборе фольклорного материала максимально учитываются возрастные возможности детей.

Большое значение в деле воспитания и обучения детей имеют произведения народного творчества, прежде всего – русские народные сказки, которые дети младшего возраста, в силу особенностей развития своего воображения, очень любят; в народных сказках им нравится динамичность действия, повторение одних и тех же оборотов, простота и образность народных выражений. Большое значение в обучении родному языку имеют и другие произведения русского устного народного творчества – пословицы, прибаутки и загадки. Практический опыт работы с детьми показывает, что:

– в младшем дошкольном возрасте более доступными для них являются малые фольклорные формы: короткие сказки, потешки, считалки;

– в среднем возрасте целесоообразно, наряду с усложнением «малых форм», все большее место уделять народной сказке, пословицам, поговоркам, закличкам;

– в работе с детьми старшего дошкольного возраста следует добавлять более сложный фольклорный материал – былины и сказания.

Кроме того, организация занятий предполагает активное участие всех детей, и использование различных фольклорных форм позволяет привлекать к участию обычно и самых пассивных и застенчивых.

Пословицы и поговорки оказывают воздействие не только на разум, но и на чувства человека: поучения, заключенные в них, легко воспринимаются и запоминаются, и мы активно используем их в режимных моментах. Пословицу – в любой ситуации: во время одевания на прогулку напоминаем медлительному: «Семеро одного не ждут», во время прогулок пословицы помогают детям лучше понять различные явления, события. Старшие дошкольники могут самостоятельно организовать конкурс между девочками и мальчиками «Продолжи пословицу» или «Кто больше назовет пословиц на определённую тему». Колыбельные песни широко применяем перед дневным сном (в исполнении воспитателя или с использованием аудиозаписи). А девочки, в свою очередь, укачивая «дочек»-куколок во время ролевых игр, поют им колыбельные песни. В повседневной жизни наших воспитанников широко используют-

ся и русские народные игры: в народных играх много юмора, шуток, задора, что делает их особенно привлекательными для детей. В большинстве народных игр есть водящий – обычно его выбирают по жребию или по уговору, и детям предлагаются разные варианты, но чаще – это считалки – истории, придуманные для детей, способ осуществления объективной справедливости: как бы сама судьба распоряжается распределением ролей. Они не имеют особенного смысла, но, как правило, приучают детей быть справедливыми, настраивают на точное выполнение правил игры.

Важное место в воспитании дошкольников занимают праздники, поскольку они объединяют в себе почти все элементы воспитания: песню, игру, загадку, пословицу, художественную деятельность. Особое место среди них занимают народные праздники. В нашем детском саду дети, а порой и взрослые, впервые узнают, как проводились праздники на Руси, как они назывались. Следуя древним традициям народа России, праздничный круг начинаем с Рождества Христова, который проводим после зимних каникул – в святочную неделю.

Созданная система педагогических условий и использование различных видов народной художественной культуры показала свою высокую практическую значимость:

– дети знают, любят и умеют играть в русские народные игры;

– используют в активной речи русский фольклор;

– умеют соотносить увиденное в природе с народными приметами;

– принимают осмысленное и активное участие в проведении народных праздников;

– знают былинных и сказочных героев, узнают их в произведениях изобразительного искусства;

– знают историю русского костюма, его элементы, умеют объяснить значение украшения костюма;

– умеют различать изделия разных народных промыслов.

Увлечение русской народной культурой не случайность и не дань моде, «но естественное стремление добраться до своих корней…», – как говорил К. Д. Ушинский [2, с. 16], научно обосновавший принцип народности в воспитании. Сотрудники МБДОУ «Детский сад общеразвивающего вида № 44» г. Воронежа искренне поддерживают эту мысль великого педагога, который также пояснял, что «прежде всего и более всего… народное воспитание нуждается в людях, способных к этому великому делу…» [3]. Знакомство с опытом работы педагогов воронежского детсада № 44 подтверждает это: здесь остаются работать на долгие годы лишь искренне увлечённые русской культурой люди, готовые с любовью и творчески – каждый раз в новых формах – знакомить с традициями русского народа своих подопечных от 2 до 7 лет. Их цель – не только подготовить кадровую смену, но и таких специалистов, кто был бы искренне настроен распространять опыт данной образовательной организации в другие, Во-

ронежский государственный педагогический университет, начиная с 2009 года в рамках учебных дисциплин (например, такой, как «Теория и методика этнокультурного образования») и практико-ориентированных курсов знакомит студентов – будущих педагогов – в рамках выездных практических занятий с опытом работы МБДОУ «Детский сад общеразвивающего вида №44» г. Воронежа, и молодые люди всегда с большим воодушевлением воспринимают представленный им опыт работы, по достоинству высоко оценивая труд педагогов детского образовательного учреждения.

Список литературы

1. Батурина, Г. И. Народная педагогика в воспитании дошкольников / Г. И. Батурина, Т. Ф. Кузина. – М.: Педагогика, 1995. – 142 с.

2. Ушинский, К. Д. Педагогические сочинения: в 6 т. / сост. С. Ф. Егоров. – М.: Педагогика,1998. – Т.1. – 414 с.

3. Ушинский, К. Д. О народности в общественном воспитании / Антология гуманной педагогики / под ред. Е. П. Медынского. – М., 1998. – 543 с.

УДК 930

Жуков Илья Сергеевич

Владимирский государственный университет имени А. С. и Н. С. Столетовых, студент

Зимакова Евдокия Степановна

Владимирский государственный университет имени А. С. и Н. С. Столетовых, кафедра «Иностранные языки профессиональной коммуникации», старший преподаватель

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В ИСТОРИИ РОССИИ

Аннотация. В статье анализируется ход развития общественного сознания народов России в направлении патриотической мысли; формирование осознание целостности и независимости идеологических путей, с опорой на свои исторические корни. Вопреки сложной внешней политико-экономической ситуации, в России существует мощный духовно-нравственный потенциал, который был накоплен за всю историю существования страны.

Ключевые слова: христианство, патриотизм, ценность, духовно-нравственный потенциал, православие, общество

Zhukov Ilya Sergeevich

Vladimir State University named after A. S. and N. S. Stoletovs, student

Zimakova Evdokia Stepanovna

Vladimir State University named after A. S. and N. S. Stoletovs, Department of "Foreign languages of professional communication», Senior tutor

FORMATION OF PATRIOTISM IN THE HISTORY OF RUSSIA

Annotation. Despite the difficult political and economic situation, there is still a powerful spiritual and moral potential in the country, which has been accumulated over the entire history of Russia's existence. The article deals with the course of development of the Russian peoples' social consciousness in patriotic thought. Formation of awareness of the integrity and independence of ideological paths, based on their historical roots.

Keywords: Christianity, patriotism, value, spiritual and moral potential, Orthodoxy, society

Патриотизм как явление в России берет начало с государственности и выражается в приверженности gравославной вере. Патриотизм в России всегда был интернациональным. Многочисленные народы нашей Родины вставали на защиту страны от захватчиков, стихийных бедствий, для решения экономических проблем. Русский патриотизм имеет историческую преемственность, государственность. Невозможно оторвать современность от традиций [10, с. 34].

Фундаментом общего единства и ценностей древней Руси являлась христианская вера. Одной из первых задокументированных попыток выразить идеи патриотизма была речь Киевского митрополита Иллариона «Слово о законе и благодати» датированная XI веком. В своем послании он сделал первые шаги к созданию идей патриотизма, огласив целью соединение Руси единой верой, любовью к родной земле и стремлением к укреплению власти как гаранта сохранения народных ценностей и независимости. Вспомним строки из послания, о том, что принявшая христианство Русь не «слабая и безвестная земля», киевские князья «не в плохой стране были... владыками, но в русской, которая ведома и слышима во всех концах земли». Так же наглядным является формирование патриотического воспитания в поучении своим детям Владимира Мономаха, которое помимо правил праведного жития содержит призыв к единению Руси, к любви и согласию между братьями, в котором сам автор выступает в качестве патриота и создателя патриотической концепции [7].

В периоды ордынского ига при раздробленности власти на русских землях, народ, связанный общей культурностью, ощутил слабость существующего правления и увидел истинную силу опасности военной империи в лице татаро-монгольского войска. Как результат Русская государственность уцелела лишь на Северо-востоке. В период распада Киевской Руси не было объекта проецирования патриотических чувств, так как не было центров объединения и консолидации. Границ государства как таковых не существовало, отсутствовала объединяющая народы и их интересы власть. Как результат, возникает некий запрос, и как образ видения решения данной потребности, начинает появляться большое количество летописей и житий. Хотелось бы упомянуть о таких произведениях как «Повесть о разорении Рязани», «О битве на Калке» в этих повестях перед читателем предстают не просто сильные отважные войны, а любящие своих братьев, богатыри способные вести за собой народ. Так же в период татаро-монгол обнаруживается еще одно значимое событие с точки зрения развитие патриотического сознания. В житии святого князя Тверского Михаила Ярославовича XIII в. рассказывается о пожертвовании своей собственной жизнью ради спасения своей вотчины. Значимой вехой того периода становится памятник русской литературы «Задонщина» описывающий славную битву на Куликовом поле, в текстах которого отечестволюбство понимает-

ся как готовность «головы свои положить» не только за «землю Русскую», но также за «веру христианскую». Победа над Мамаем рассматривается не просто как утверждение независимости русских земель, но как торжество «веры православной» над «погаными басурманами» [7].

Русь XIII века переживала постоянные Княжеские переделы власти. Но, несмотря на многочисленные междоусобные конфликты, Русь объединяла православная вера. Позднее в конце XIVв. происходит формирование Московского царства. При правлении Ивана III и Василия Великого прекращаются междоусобные конфликты укрепляется единая власть, формируются территориальные границы. Складываются благоприятные условия к экономическому развитию, пониманию целостности страны как государства объединённого общей властью и культурными нормами, принесенными христианством. Именно в этот период, по мнению Н. А. Бердяева, происходит окончательная интеграция духовно-религиозного и политического аспектов патриотизма, когда «религиозное и национальное в Московском царстве также между собой срослось, как в сознании древнееврейского народа» [7].

Новое развитие патриотических идей положено в Российской Империи великим реформатором Петром I Алексеевичем. При Петре I проводятся многочисленные изменения во внешней и внутренней политике страны, затронувшие глубинные аспекты жизни империи. Активно развивается образование и наука, создаются военные училища. Выделяется новое направление патриотической мысли: военно-патриотическое воспитание. Основным локомотивом продвижения патриотизма становится сам император. Своим личным примером являющий всей стране неутомимое радение за отчизну. Безусловно, такой пример пробуждал в народе гордость и любовь не только к своей родине, но и к императору. Не случайно М. В. Ломоносов в «Оде на день тезоименитства …писал о Петре: «Он бог, он бог твой был, Россия [12]. Несмотря на вышеизложенный тезис, Пётр I изменил устоявшийся образ царя как иконы, показав своей непосредственной деятельностью самоотверженную любовь к родине. Так же крайне необходимо отметить что именно при правлении Петра Алексеевича приходит в русскую речь термин патриотизм, имеющий греческое происхождение πατριώτης –соотечественник, πατρίς–отечество. В своем труде, посвященном Северной войне, барон П. П. Шафиров впервые применил его со значением «сын Отечества» [9]. Император, как никто, понимал важность патриотизма в становлении России как сильного самостоятельного государства. В его правление создается большое количество литературы на темы военно-патриотического воспитания и развития патриотических идей. Например, «Юности честное зерцало» полностью посвящено воспитанию сознания истинного гражданина, «Табель о рангах» гласит о патриотизме и любви к отечеству как о наивысшем достоинстве гражданина. В службе честь – вот наиглавнейший завет Петра, вошедший в плоть и кровь русского офицерства [2].

В эпоху просвещения интенсивно развивается философский дискурс о патриотической идее. Идет обширная полемика в отношении истинных ценностей и направленности патриотизма. К сожалению, сформировавшиеся и устоявшиеся взгляды изменились к концу XVIII в., в результате неоднозначной внутренней политики Павла I.

Постепенно возникает опасность идеологической борьбы западного мира с Россией. Не случайны были попытки запрета обучения молодежи за границей; поскольку в последних усматривалась, в связи с европейском влиянием, опасность восприятия молодежью вольнодумства и космополитизма. Согласно приказу Николая I, дети до 18 лет воспитывались либо в отечественных учебных заведениях, либо в домашних условиях в России [4]. Но, несмотря на внимание к данной проблеме, выбранные методы поддержания патриотизма и идеологических устоев в стране оказались неэффективны.

С приходом коммунистической власти в России усиливается идеалогическая работа, организованная во всех звеньях образования, среди всех слоев населения [11]. Основой социалистического патриотизма является марксизм. Вводится новая идеология интернационализма [11]. Попытка определить патриотизм как новую идеологию, оторванную от истории России просматривается в развернувшейся активной борьбе с религией. Однако в 1930-е гг. идеологическая риторика претерпевает изменения. И. В. Сталин заявил, что русская нация является «основной национальностью мира» [11]. В школах и университетах начали преподавать гражданскую историю вместо истории классовой борьбы. С 1937 года идет работа в сфере возрождения культуры основанной на истории России. Устанавливаются празднования значимых дореволюционных событий. Советский патриотизм, не найдя иной идейной опоры, возвращается к истории России. Впервые в 1939 г. в прессе прозвучал лозунг «За Родину!», являясь заголовком статьи в газете «Правда». В статье высшей доблестью советских граждан провозглашался советский патриотизм [11]. Тотальная идеологическая направленность патриотизма дала свои плоды в войне 1945г. и в скором восстановлении Советского Союза в послевоенные годы.

Распад Советского Союза совпал со свободой гласности, обнажившей многие накопившиеся социальные проблемы. Недостаточность власти и бесконтрольный поток информации деморализовали молодое поколение. После безусловного запрета на все, кроме патриотизма, молодежь опасалась самого этого слова, приравнивая его к диктату советской эпохи. После распада СССР система советского образования в отношении патриотического воспитания, по существу, прекратила свое существование. На восстановление и переоценку патриотического образования потребовалось время. Выросло поколение, далекое от принятия важности патриотических ценностей. Как следствие, в условиях отсутствия единой государственной политики в области патриотического воспитания граждан оживились различные воззрения националистического, шовинистического и даже фашистского толка [5].

Полагаем, что сегодня подрастает новое поколение, которое, благодаря принятым мерам вступит во взрослую жизнь, умея отделять пропаганду и дезинформацию от истинной истории, без страха и сомнений, с чувством любви к своей стране. Начиная с 2001 г. действует государственная программа, направленная на возрождение патриотического воспитания. Каждые 5 лет программа пересматривается, дополняется и корректируется, внесены поправки в конституцию. В частности, ст. 67 п.1 гласит о том, что Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается. Вжано, что существует положение закона о том, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим [6].

Правительство заняло твердую позицию по возрождению патриотизма, располагая для этого высокой поддержкой населения. Большое внимание отводится работе с молодежью. Определенные результаты заметны уже сегодня. Согласно проводимым опросам среди возрастной группы 10–18 лет в 2022 г. 64% опрошенных ответили утвердительно, на вопрос считают ли они себя патриотами России. Так же отмечен значительный рост при ответе школьников на вопрос о желании жить в России (59 % против 73 % в сравнении с 2019 г.). Зафиксирован процентный рост тех, кто хотел бы стать военным.

В настоящее время активна деятельность волонтёрских движений. Многие тысячи людей осуществляют помощь в самых различных направлениях. Согласно данным Росстата среднесписочная численность волонтеров в 2021 г. составила 3 878 470 чел., темп прироста к предыдущему году составил 4,5 % [1]. Интересно, что в 2010-х при опросе более 70 % респондентов ответили, что патриотизм – это любовь к родине. На данный момент число отвечающих, что это деятельность на благо страны увеличилась, составив половину от опрошенных. Традиция обращения к деятельному подходу уходит своими корнями еще в работы А. Н. Радищева, который обращал внимание на то, что истинного сына отечества отражает стремление служить своему народу. О значимости служения как воплощения патриотизма писали В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский [3].

Таким образом, в настоящее время наблюдаются все факторы для динамичного развития патриотизма в России во всех его возможных проявлениях. По данным ВЦИОМ на 2022 г. более 90% россиян считают себя патриотами. Ведь России действительно есть чем гордится, и вчера и сегодня. Патриотизм как поле боя, на котором Российские рубежи надежно укреплены многовековой исторической памятью. Исторические факты свидетельствуют о том, что роль и особое место патриотизм приобретает в периоды важных поворотов в истории страны, когда объективные тенденции

преобразования общества сопровождаются повышением физических и духовных сил граждан, что характерно во время войн, революций и стихийных бедствий. Идея патриотизма является одной из ключевых позиций на протяжении всей истории любого государства.

Список литературы

1. Доклад о развитии добровольчества в Российской Федерации в 2021 году. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/199285d92bc27d71cce39d563f67e5ff/Doklad_dobro_2021.pdf. (дата обращения: 10.03.2023).
2. Иванов Е. С. Формирование понятия воинской чести в российской регулярной армии в XVIII веке // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 11. – С. 21–26.
3. Калинич В. С. Верпатова О. Ю. Волонтерство как средство проявления // Социология. – 2022. – № 6. – С. 66–73.
4. Колпачева О. Ю., Авдеева Л. Н., Ширванян А. Э. Развитие основ патриотического воспитания в России первой половине XIX века // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 5. – С. 234–236.
5. Константинов С. А. Военно-патриотическое воспитание молодежи как комплексная образовательная технология// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – URL: https://cyberleninka. ru/article/n/voenno-patrioticheskoe-vospitanie-molodezhi-kak-kompleksnaya-obrazovatelnaya-tehnologiya. (дата обращения: 06.03.2023).
6. Конституция РФ. – URL: https://legalacts. ru/doc/Konstitucija-RF/razdel-i/glava-3/statja-67.1/ (дата обращения: 05.03.2023).
7. Мациевская Г. А. Формирование патриотических идей в период древнерусского государства // Социодинамика. – 2018. – № 2. – С. 42–51.
8. Милешена Н. А. Традиции дворянского воспитания и формирование толерантности современной молодежи // Вестник Чувашского университета. – 2009. – № 1. – С. 74–80.
9. Орлов И. Б. // Патриотизм в истории России: государственная идеология и ценностный потенциал. – URL: https://politinform.su/9371-patriotizm-v-istorii-rossii-gosudarstvennaya-ideologiya-i-cennostnyy-potencial. html. (дата обращения: 09.03.2023).
10. Пушкина, М. Современные проблемы патриотического воспитания // Московское областное отделение Коммунистической партии Российской Федерации. – [URL: https://mkkprf.ru/20457-sovremennye-problemypatrioticheskogo-vospitaniya.html (дата обращения: 08.03.2023).
11. Родионова И. В. Становление концепции советского патриотизма // Власть. – 2009. – № 4. – С. 152–156.
12. Юрчук Л А. Он бог, он бог твой был, Россия: образ Петра I в одах М. В. Ломоносова // Вестник Ивановского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 62–72.

УДК 378.01

Косташ Людмила Леонтиевна

Приднестровский государственный университет
им. Т. Г. Шевченко, кафедра теории и практики перевода
филологического факультета,
старший преподаватель

КОНЦЕПЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ВУЗЕ

Аннотация. Воспитательный процесс в жизни вуза планируется и организуется наряду с обучением и научной деятельностью. В статье рассматриваются проблемы воспитания молодого поколения в условиях обучения в Приднестровском государственном университете им. Т. Г. Шевченко, формулируются основные задачи и цели воспита-

тельного процесса. Воспитательный процесс в жизни вуза планируется и организуется наряду с обучением и научной деятельностью.

Ключевые слова: проблема воспитания, образование в вузе, цель образования, подготовка специалиста, профессиональное воспитание

Kostash Liudmila Leontievna

Shevchenko Pridnestrovie State University, Theory and Practice of Translation Chair, Philology Department, Senior Lecturer

THE CONCEPT OF EDUCATIONAL WORK IN THE UNIVERSITY

Annotation. The paper deals with the problems of educating younger generation at Shevchenko Pridnestrovie State University, formulates the main goals and objectives of educational process. At a university the educational process is planned and organised along with the training and scientific activities.

Keywords: education, higher school education, purpose of education, training, professional education

Воспитательная система университета реагирует на изменяющиеся задачи образования и социокультурные проблемы общества, что отвечает целям, приоритетам и задачам Стратегии развития Приднестровской Молдавской Республики – на 2019–2026 годы, в которой отмечается главная цель реализации государственной молодёжной политики: улучшение социально-экономического положения приднестровской молодёжи и увеличение степени её вовлечённости во все сферы жизнедеятельности страны.

Основными целями государственной молодёжной политики являются:

а) создание условий для успешной социализации и самореализации молодёжи в обществе;

б) вовлечение подростков и молодых людей в социально-экономическую, общественно-политическую и социокультурную жизнь;

в) создание условий для развития потенциала молодёжи для использования в интересах развития республики.

На сегодняшний день в Приднестровском государственном университете им. Т. Г. Шевченко сформирована социокультурная среда, в которой развиваются общекультурные универсальные компетенции обучающихся, что является требованием каждого образовательного стандарта независимо от направления подготовки.

Основной путь формирования профессионального интереса у обучающихся, развития потребностей в приобретении знаний, выработки умений и навыков – максимальное приближение образовательного процесса к практике. Важно закрепить положительное эмоциональное отношение к выбранному направлению подготовки, пробудить непроизвольное внимание к ней, сформировать в мотивационной сфере профессионально значимые мотивы. Формирование профессионального интереса осуществляется поэтапно, усложняясь от курса к курсу.

Воспитательная работа со студентами является неотъемлемой частью процесса качественной подготовки специалиста. Из стен вуза должен вы-

ходить человек не только обученный, но и воспитанный, иначе его нельзя будет назвать образованным.

Образование – важнейший стратегический ресурс развития любого современного государства. Главной целью образования становится формирование личности профессионально и социально компетентной, способной к творчеству и самоопределению в условиях меняющегося мира, обладающей развитым чувством ответственности и стремлением к созиданию. Важным условием формирования студента как творческой всесторонне развитой личности, является воспитание гражданина, способного осмысливать, ставить и решать проблемы общества с учётом социальных, этических, культурных, экологических аспектов, быть толерантным, нравственно ответственным, легко адаптирующимся в коллективе и готовым трудиться в условиях конкуренции.

Формирование в вузе специалиста как личности базируется на практической реализации концепции воспитательной работы, которая предполагает реализацию единой воспитательной стратегии всеми вузовскими структурами.

Воспитание представляет собой целенаправленный процесс формирования у студентов высоких гражданских, морально-нравственных, психологических и физических качеств, привычек поведения и действий в соответствии с предъявляемыми обществом социальными и педагогическим требованиями.

Концепция воспитательной работы в вузе должна определять долговременные стратегические цели и задачи, конечную модель личности специалиста, основные принципы и направления воспитания с целью практической реализации этой модели.

Основная задача воспитательной деятельности – создание условий для активной жизнедеятельности студентов, гражданского самоопределения и самореализации, максимального удовлетворения потребностей студентов в физическом, интеллектуальном, культурном и нравственном развитии.

Цель воспитательной работы в ПГУ им. Т. Г. Шевченко – создание условий для успешного формирования современного компетентного, конкурентоспособного специалиста, обладающего комплексом профессионально-значимых качеств личности, активной жизненной позицией и системой гражданско-патриотических, социально-культурных, духовно-нравственных и профессиональных ценностей.

Задачи воспитательной работы в ПГУ им. Т. Г. Шевченко:

1) развитие мировоззрения и актуализация системы базовых ценностей личности;

2) приобщение студенчества к общечеловеческим нормам морали, национальным устоям и академическим традициям;

3) воспитание уважения к закону, нормам коллективной жизни, развитие гражданской и социальной ответственности как важнейшей черты личности, проявляющейся в заботе о своей стране, сохранении человеческой цивилизации;

4) воспитание положительного отношения к труду, социально значимой целеустремлённости и ответственности в деловых отношениях; развитие потребности к творческому труду;

5) обеспечение развития личности, её социально-психологическая поддержка, формирование личностных качеств, необходимых для эффективной профессиональной деятельности;

6) выявление и поддержка талантливой молодёжи, формирование организаторских навыков, творческого потенциала, вовлечение обучающихся в процессы саморазвития и самореализации;

7) формирование культуры и этики профессионального общения;

8) воспитание внутренней потребности личности в здоровом образе жизни, ответственного отношения к природной и социокультурной среде;

9) повышение уровня культуры безопасного поведения и безопасной жизнедеятельности в повседневной жизни и профессиональной деятельности;

10) развитие личностных качеств и установок (ответственности, дисциплинированности, профессиональной направленности), социальных навыков (эмоционального интеллекта, навыков самоменеджмента, ориентации в информационном пространстве, адаптивности, стрессоустойчивости, коммуникативности; умения работать в команде) и управленческими способностями (умений принятия решений в условиях неопределённости и изменений в различных областях жизнедеятельности, управления временем, лидерства, критичности мышления).

В области воспитания целью является оказание содействия формированию личности обучающегося на основе присущей обществу Приднестровской Молдавской Республики системы ценностей, развитие у студентов личностных качеств, способствующих их творческой активности, конструктивной межличностной коммуникации, эффективной командной работе, общекультурному росту и социальной мобильности, целеустремлённости, организованности, ответственности, самостоятельности, гражданственности, толерантности.

На основе принятой концепции для каждого факультета и каждой кафедры разрабатывается программа воспитательной работы в вузе, в которой основные концептуальные принципы конкретизируются в программные положения, а далее реализуются в планах воспитательной работы.

В рамках духовно-нравственного направления воспитательной работы ПГУ им. Т. Г. Шевченко университетом на протяжении уже многих лет реализуется благотворительная акция «Твори добро» (студенты-сироты и студенты, оставшиеся без попечения родителей, получают денежные средства и подарки по случаю праздников; также со стороны университета помощь оказывается коррекционным школам-интернатам), студенты ежегодно участвуют в мероприятиях ко дню защитника Отечества (подготовка номеров для праздничного концерта «Мы славим мужчин»; соревнования по стрельбе, теннису, участие в эстафетах).

В рамках гражданско-патриотического и правового воспитания, задачами которого являются формирование активной гражданской позиции личности и патриота, обладающего чувством национальной гордости, гражданского достоинства, любви к Родине, уважения к традициям и символам государства, развитие уважительного отношения к национальной принадлежности человека, университетом ежегодно проводятся такие мероприятия как конкурс «Моё Приднестровье» ко Дню Республики (из года в год формат мероприятия меняется: студенты на викторинах показывают знания в области истории родного края; ребята представляют авторские стихотворения, посвящённые нашей республике на трёх официальных языках: русском, молдавском и украинском; представляют фото родного края, проводят видеоэкскурсии по городам родного Приднестровья; готовят сочинения на исторические темы, посвященные нашей республике; представляют творческие номера в различных жанрах: песенном, танцевальном; художественное прочтение стихотворений приднестровских авторов и т. д.), участие в Общеуниверситетском патриотическом лагере «Приднестровская весна» (участники традиционно возлагают цветы к монументу на Кицканском плацдарме в память о погибших в вооружённом конфликте в Приднестровье, а после отправляются в спортивно-оздоровительный лагерь «Сэнэтатя» (в переводе с молдавского обозначает «здоровье»), где в течение трёх дней студенты соревнуются в различных конкурсах: команды представляют свои визитные карточки, готовят блюда традиционной кухни народов Приднестровья; исполняют песни военных лет; участвуют в квестах, а также спортивных состязаниях: подтягивание, волейбол, армрестлинг, дартс, перетягивание каната, борьба трынта (или трынтэ), стрелковый поединок), участие в акции «Бессмертный полк» к празднованию Дня Победы, а также участие в митинг-концерте, посвящённом Дню России.

С целью культурно-эстетического развития и развития творческого потенциала студентов ребята филологического факультета сами организуют рождественский вечер «Чудеса под Рождество», а также кафедрой отмечаем Международный День переводчика (проводится конкурс на звание «Лучший переводчик филологического факультета» для всех желающих студентов университета; конкурс стенгазет; конкурс «Логотип группы кафедры теории и практики перевода»; проведение викторин, телемостов и т. д.).

Отделом психологического сопровождения и профориентационной работы ПГУ с целью развития представлений о семейных ценностях в современных семьях, задуматься о развитии личностных качеств, способствующих формированию ценности семьи, приобрести понимание о необходимости формирования практических навыков построения взаимоотношений разработан цикл занятий с элементами тренинга в рамках проекта «Любовь, семья, дети». Психологическая служба ПГУ предлагает студентам познакомиться с некоторыми аспектами психологии добрачных отношений и супружеской совместимости.

С целью профилактической работы по противодействию распространения негативных явлений в молодёжной среде на факультете организуется работа с участием студентов в мероприятиях месячника борьбы со СПИДОМ и наркоманией. Проводятся круглые столы и кураторские часы, посвящённые данным темам.

Для психолого-педагогического сопровождения обучающихся первого курса Приднестровского госуниверситета организована традиционная «Школа студенческого актива». Мероприятие ежегодно проходит в оздоровительном лагере «Сэнэтатя». Ребятам помогают реализовать свой творческий потенциал. «Школа студенческого актива» – это образовательный проект, который обучает ребят методам эффективной работы в академических группах, развивает их организаторские способности, навыки управления командой, это уникальная возможность показать все свои умения и завязать массу знакомств как среди первокурсников, так и среди ребят старших курсов. Работа ведётся с уклоном в сторону личностного развития студентов. Мероприятие объединяет старост, профоргов групп, а также самых ярких и энергичных первокурсников. Для них проводятся психологические тренинги и игры на выявление лидерских качеств.

Для содействия успешному профессиональному самоопределению разрабатываются профориентационные материалы (видео, буклеты), которые размещаются на сайте филологического и других факультетов. Также студенты оказывают помощь преподавателям кафедры в организации профориентационной кампании в период «Недели открытых дверей в ПГУ».

В рамках организации работы в студенческих общежитиях и для мобилизации студенческого коллектива общежитий для активной работы по созданию комфортной среды проживания, развития навыков самоуправления и самовоспитания факультетами устраиваются конкурсы, смотры, спортивные соревнования, экскурсии для проживающих в студенческом городке.

Внося весомый вклад в экологическое образование молодого поколения, с целью формирования сознательного восприятия окружающей среды, убеждённости в необходимости бережного отношения к природе и её ресурсам, (при благоприятной эпидемиологической обстановке) факультеты совместно с Ботаническим садом Приднестровского университета привлекают студентов к участию в экологических акциях, организуемых в Приднестровском госуниверситете, а также к участию в республиканских субботниках (студенты помогают подрезать деревья, белить бордюры, высаживать цветы, кустарники, деревья).

Учебный процесс, вся вузовская атмосфера являются важнейшими факторами воспитания, оказывающими на студенческую молодёжь наиболее значимое влияние, поэтому воспитательная среда формируется силами всех сотрудников университета. Результатом развития воспитательной среды является становление всесторонне развитой личности, интеллигента и конкурентоспособного выпускника Приднестровского государственного

университета им. Т. Г. Шевченко. Такая система является действенным механизмом, позволяющим обеспечить качественную подготовку высококвалифицированных специалистов, востребованных рынком труда как в Приднестровской Молдавской Республике, так и за её пределами.

Список литературы

1. Бейлина Н. С. Формирование социальной компетентности будущих бакалавров в деятельности куратора студенческой группы: дис. … канд. пед. наук. – Тольятти.: ТГУ, 2014. – 190 с.

УДК 3.37.374

Синёва Валентина Андреевна

Областной центр дополнительного образования детей,
г. Челябинск, методист

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ВОСПИТАНИИ У ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА «БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА»)

Аннотация. В статье рассматриваются и описываются некоторые примеры современных образовательных практик, которые благотворно влияют на патриотические воспитание школьников и студентов. Подчеркивается, что внедрение в систему образование таких методов как проектная деятельность и кейс-технология, положительно влияет на формирование у подрастающего поколения социального и гражданского сознания. В статье приведены примеры всероссийских проектов, основанных на применении современных образовательных технологий, впоследствии влияющих на гражданственную идентичность детей и молодежи. Особое внимание уделено Всероссийскому конкурсу «Большая перемена».

Ключевые слова: образование, патриотизм, гражданственность, проектная деятельность, кейс-технология, Всероссийский конкурс «Большая перемена»

Sineva Valentina Andreevna

Regional Center additional education for children, Chelyabinsk Methodist

MODERN EDUCATIONAL PRACTICES IN EDUCATION OF CITIZENSHIP AND PATRIOTISM IN CHILDREN AND YOUTH ON THE EXAMPLE OF THE ALL-RUSSIAN COMPETITION «BIG CHANGE»

Annotation. The article deals with the some examples of modern educational practices that have a beneficial effect on the patriotic education of schoolchildren and students. It is emphasized that the introduction into the education system of such methods as project activities and case technology, which have a positive effect on the formation of social and civic consciousness in the younger generation. The article provides examples of all-Russian projects based on the use of modern educational technologies that subsequently affect the civic identity of children and youth. Particular attention is paid to the All-Russian competition «Big Change».

Keywords: education, patriotism, citizenship, project activities, case technology, All-Russian competition «Big Change»

В последние годы в российском обществе происходят положительные изменения в области патриотического воспитания подрастающего по-

коления. Данному фактору способствует активизация ресурсов в формировании действенной молодежной политики, создание таких организаций, как общероссийская общественно-государственная детско-юношеская организация «Российское движение школьников», всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «Юнармия», общероссийское общественно-государственное движение детей и молодежи «Движение Первых», которое впоследствии объединит все существующие детские общественные организации, а также реализация крупнейших проектов, таких как Всероссийский конкурс «Большая перемена», Всероссийский конкурс «Ученик года» и мн. др.

В соответствии с современными представлениями государства о патриотическом воспитании школьников и студентов, системе образования необходимо взращивать в молодёжи представления о коллективном взаимопонимании, выстраивать алгоритмы взаимодействия с общественными и государственными структурами, рассказывать об единстве, общности и коллективном партнерстве. Внедрение в процесс обучения таких инструментов и методик, помогающих детям осознать необходимость развития и становления личности, на данный момент является важнейшей педагогической задачей. Условием такого подхода становится не столько усвоение и овладение информативной и содержательной частью, сколько формирование позитивного отношения каждого учащегося к возможностям общественной деятельности, направленной на благоустройство своей страны.

Как уже было сказано выше, с 2023 г. патриотическому воспитанию в образовательных организациях уделяется пристальное внимание; сформировались конкретные современные образовательные и воспитательные методы, которые, по отзывам действующих педагогов и учителей, при введении в постоянную практику занятий с детьми, смогут поспособствовать повышению качества патриотического воспитания и развить у учащихся социальные чувства гражданина и нравственные эмоции: любовь и преданность к Родине, чувство долга, сострадание и доброжелательность к людям, глубокое уважение к культуре, языку и истории родного государства и др. Развитие гражданственной идентичности у детей укрепляют их личностные морально-нравственные качества, дают убеждение в том, что многие процессы в значительной степени зависят от проявления и поступков каждого человека в частности. Для социально-полезной и продуктивной жизнедеятельности в этом мире необходимо научиться принимать ответственные решения, от которых будет зависеть будущее других людей, а возможно и будущее всего государства.

Плодотворная среда для формирования патриотических чувств у школьников – дополнительное образование, которое в большей степени направленно на самореализацию учащихся, развитие творческих способностей и социальной инициативности. Наряду со многими другими методами, одним из наиболее действенных в области развития духовно-

нравственных и гражданско-патриотических качеств личности становитс проектная деятельность и ее разновидности.

Проектная деятельность – актуальная образовательная технология, которая наилучшим способом позволяет освоить навыки поиска и изучения социальных проблем, постановки цели, разработки путей и планов для ее достижения и т. д. Помимо приобретения фундаментальных знаний определенной тематики, развития креативного мышления, стимулирования к интеллектуальной деятельности, проектирование дает детям инструменты к пониманию глобальных социальных процессов общественно-государственного устройства.

Полноценная разработка проектов уже предполагает наличие у обучающихся некоего практического интеллекта, поэтому для более мягкого погружения в проектную деятельность часто используется кейс-технология, которая позволяет освоить необходимые инструменты для разработки проектов наилучшим образом.

Кейс-технология или «метод конкретных ситуаций» – это интерактивный метод обучения, основанный на включении обучающихся в деятельность по разрешению задач из предложенных реальных или смоделированных проблемных ситуаций. В результате такой работы происходит активизация креативного мышления, нарабатываются и формируются навыки социализации и коллективного взаимодействия с другими участниками команды, но самое главное, кейс-метод прививает детям любовь к саморазвитию, цель которого в будущем будет направлена на улучшение жизни общества, возникновение эмоционального отклика на социально значимые процессы.

Одним из самых масштабных проектов, основанным на кейс-технологии, является Всероссийский конкурс «Большая перемена», который проводится для школьников 5–10-х классов и студентов СПО с 2020 г. Организаторами конкурса выступают Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь), АНО «Россия – страна возможностей», Министерство просвещения России и Российское движение детей и молодежи «Движение первых». Конкурс реализуется в рамках Национального проекта «Образование». Партнерами «Большой перемены» выступают Сбербанк, VK, ГК «Росатом», ГК «Роскосмос», ОАО «Российские железные дороги» и другие.

В рамках дистанционных и очных этапов Конкурса «Большая перемена», участникам предлагается погрузится в решение кейсовой проектной практической задачи по следующим 12-ти вызовам (направлениям):

1. «Создавай будущее!» – наука и технологии;
2. «Твори!» – искусство и творчество;
3. «Расскажи о главном!» – журналистика и новые медиа;
4. «Делай добро!» – волонтерство и добровольчество;
5. «Помни!» – историческая память;
6. «Будь здоров!» – здоровый образ жизни;
7. «Сохраняй природу!» – экология и природопользование;
8. «Меняй мир вокруг!» – урбанистика и современное градостроение;

9. «Познавай Россию!» – путешествия и туризм;

10. «Открывай новое!» – образование и образовательные практики;

11. «Предпринимай!» – финансовая грамотность и молодежное предпринимательство;

12. «Служи Отечеству!» – развитие гражданственности, активной жизненной позиции и патриотизма.

В процессе прохождения дистанционных конкурсных этапов, ребята развивают и приобретают следующие навыки и компетенции:

- интеллектуальное лидерство;
- неординарность и креативность;
- самоорганизация;
- когнитивная гибкость;

а в процессе участия в очных этапах, к ранее приобретенным навыкам и качествам добавляются:

- коммуникабельность;
- целеполагание и ориентация на результат;
- организаторские способности и лидерские качества;
- опыт командного взаимодействия и распределения ролей в группе;
- умение презентовать проект, выразить свою точку зрения с помощью публичного выступления перед экспертами.

Но самое главное, что участники Конкурса приобретают четкое понимание общественного запроса по улучшению качества жизни общества в различных направлениях, что положительно влияет на становление активной социальной и гражданской позиции, формирование которой является важнейшим фактором в воспитании патриотизма у детей и молодежи.

Приведем примеры кейсовых практических задач Всероссийского конкурса «Большая перемена»:

1. Кейс «Помни!»

Название кейса: «История – это важно!»

Задание кейса:

Из-за появления современных технологий молодежь стала забывать героические моменты своей истории. Вы – команда волонтеров. В ваших силах изменить положение юношей и девушек вашего города. Придумайте способ, который сможет решить предложенную проблему.

Цель решения кейса: разработать продукт или систему, которая поможет приобщить подростков к почитанию памяти о великих подвигах русского народа и истории своей страны.

В процессе решения данной задачи, ребята приобщаются к решению проблем, касаемых просветительской деятельности в области истории России, генерируют и предлагают свои идеи для популяризации важнейших исторических подвигов народа своей Родины.

2. Кейс «Делай добро!»

Название кейса: «Автобус помощи».

Задание кейса:

Волонтерство – это популярный тренд среди молодежи не только России, но и мира. Это достаточно важная часть жизни для многих молодых людей. В нашей стране раньше были пионеры, тимуровцы, сестры милосердия – те, кто помогал нуждающимся людям. Сейчас их называют волонтерами – людьми, которые не видят свою жизнь без служения людям. В России наиболее развито социальное волонтерство. Например, ребята помогают старикам в самых разных сферах: от помощи в переходе дороги и закупке продуктов до прогулок с маломобильными людьми и даже восстановления инвалидов. Ты же знаешь, что реальность не всегда радужна и красива. Многие люди лишены доступа к медицинским, юридическим и иным видам услуг, живут на улицах, теряют надежду. Но им тоже нужна помощь.

Цель решения кейса: проанализировать возможности привлечения волонтеров в России и разработать концепцию волонтерского автобуса для помощи людям, попавшим в сложную ситуацию в твоем регионе.

Мы будем ждать название твоего решения, аргументированное описание направлений деятельности и возможные маршруты (локации), режим оказания услуг, источник привлечения волонтеров и финансирования (если предусматривается), возможные риски реализации проекта, визуализацию дизайна автобуса и волонтерской формы.

Такая проектная задача позволяет детям погрузится в область изучения волонтерской деятельности и осознать ее важность в современном обществе, а также обдумать и предложить собственные идеи по решению определенных социальных проблем.

3. Кейс «Служить отечеству!»

Название кейса: «Помоги ветеранам!»

Задача кейса: с каждым годом становится все меньше ветеранов Великой Отечественной войны. Преклонный возраст и количество пережитого, безусловно, сказываются. Несмотря на все нечеловеческие подвиги, которые совершили фронтовики и труженики тыла, чтобы подарить нам жизнь, они остаются обычными людьми со своими проблемами и потребностями.

Развитие современных технологий позволяет вовлекать огромное количество небезучастных людей в различные социальные проекты. А можно ли вернуть долг ветеранам и использовать цифровые достижения, чтобы сделать их жизнь чуть лучше? Над этой задачей тебе предстоит подумать, решая данный кейс.

Цель решения кейса: проанализировать все существующие меры поддержки ветеранов ВОВ и предложить концепцию мобильного приложения, которое сможет вовлечь молодежь и представителей среднего возраста в помощь этим достойным людям.

В твоей концепции мы будем ждать название, описание общей идеи и механики работы приложения, целевой аудитории и каналов продвижения твоего решения. А также его визуальные референсы, структуру и возможный технологический стек для реализации.

В работа над решением данного кейса ребята смогут задуматься над вкладом каждого ветерана в становлении нашей страны и предложить свои решения, которые помогут обеспечить и улучшить жизнь героев.

В 2021 г. участники первого сезона Всероссийского конкурса «Большая перемена» выступили с предложением о создании в каждом регионе команды из неравнодушных детей и подростков, которые бы могли совместно воплощать в жизнь свои идеи и проекты, проводить тематические образовательные встречи, активно участвовать в социально-общественной жизни региона. Данная инициатива была поддержана Министром просвещения Российской Федерации Сергеем Кравцовым и реализована организаторами Конкурса, которые по сей день оказывают таким региональным командам необходимую помощь и поддержку. Конкурс «Большая перемена» поспособствовал созданию крупного детского сообщества, в котором дети могут генерировать и воплощать в жизнь социально-значимые идеи и проекты, и быть уверенными в том, что их услышат.

Таким образом, мы можем утверждать, что современные образовательные практики, которые входят в основу многих актуальных и масштабных проектов, такие как проектная деятельность и кейс-технология, могут стать залогом успеха в воспитании у детей и молодежи нравственности и патриотизма, что, несомненно, поспособствует в будущем формированию сознательного гражданского общества, которое будет разделять те ценности и идеалы, благодаря которым произойдет качественное сохранение русской культуры и идентичности.

Список литературы

1. Байбородова, Л. В. Проектная деятельность школьников в разновозрастных группах / Л. В. Байбородова, Л. Н. Серебренников. – М.: Просвещение, 2013. – 175 с.

2. Котруца Л. Н. Формирование патриотического сознания у старшеклассников в школьной системе воспитания. дисс…. канд. пед. наук. – Майкоп, 2009. –208с.

3. Кравец Е. А., Филонова Я. Ю. Проектная деятельность как один из методов патриотического воспитания // Эксперимент и инновации в школе. –2015. – №. 3. – С. 35–43.

4. Образовательная платформа Всероссийского конкурса «Большая перемена». – URL: https://xn--80aabraa2blkdnn4h9b6b.xn--80asehdb/ (дата обращения: 28.03.2023);

5. Полохов Д., Взгляд Православной Церкви на патриотизм и патриотическое воспитание // Труды Саратовской Православной Духовной семинарии. –2008. – Вып. 2. – С. 188–198.

6. Попов Н. С. Гражданское воспитание в системе внеклассной работы: дис. … канд. пед. наук. – Москва, 2004. –151с.

УДК 327

Кипреев Сергей Николаевич
Краснодарский университет МВД России,
кафедра социально–гуманитарных дисциплин, адъюнкт

О ЧУВСТВЕ ПАТРИОТИЗМА: АСПЕКТЫ ГЕОПОЛИТИКИ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности проявления чувства патриотизма в геополитическом аспекте. Проанализированы особенности данного процесса, обозначены актуальные задачи процесса формирования чувства патриотизма в условиях милитаризированной внешнеполитической обстановки. Автор статьи предлагает активизировать работу системы отечественного образования по претворению в жизнь идей Русского мира в условиях обострившейся борьбы идеологий. Указывается на важное место СМИ в борьбе за существование традиционных ценностей российского общества. Описывается роль и место педагогики в условиях современного цивилизационного выбора русского народа.

Ключевые слова: традиционные ценности, педагогика, геополитика, чувство патриотизма, борьба идеологий, языковые интервенции, цивилизационный выбор, борьба за существование, Русский мир, богоизбранность русского народа

Kipreev Sergey Nikolaevich
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Adjunct

ON THE SENSE OF PATRIOTISM: ASPECTS OF GEPOLICY

Annotation. The article deals with the peculiarities of the sense of patriotism's manifestation as a geopolitical aspect. The features of this process are analyzed, the actual tasks of the sense of patriotism's process of forming into a militarized foreign policy environment are outlined. The author of the article suggests activating of the national education system's work for implementing of the Russian world's ideas into conditions of the ideologies' impending struggle. The importance of the media into the struggle for the existence of traditional values in Russian society is pointed out. The role and place of pedagogy into conditions of the Russian people's modern civilization choice as described.

Keywords: traditional values, pedagogy, geopolitics, sense of patriotism, struggle of ideologies, language interventions, civilizational choice, struggle for existence, the Russian world, God-chosen Russian people

В настоящий момент каждому российскому гражданину, в особенности,– молодому поколению наших граждан, пора осознать, что Россия, русский народ, русские национальные интересы и наше жизненное пространство нуждается в особой защите.

Конечной целью Великой Отечественной войны было не освобождение своей территории от оккупантов, а полный разгром врага на его территории, в Берлине. Это было апогеем патриотических стремлений всего поколения.

Так и теперь главной целью борьбы Русского мира за свое существование является не победа над Украиной, которая является передовым отрядом Запада в борьбе против нас, а разгром всего врага – НАТО, центром которого является Вашингтон. Сегодня наша страна является оплотом тра-

диционализма, так как на Западе «…идёт активный процесс по дискредитации семьи и семейных ценностей. Традиционная семья считается пережитком прошлого» [2, с. 3].

В современности более, чем когда либо, наша борьба – это борьба не просто за существование будущих поколений. Нам необходимо меньшими силами разгромить более мощного противника. Для этого нужно задействовать все имеющиеся у государства ресурсы, нужно мобилизовать все общество уже в настоящий момент.

Однако в информационном пространстве не видно радикальных изменений. По прежнему вещает MTV, по телевидению транслируются богомерзкие ток-шоу, предатели родины и «отрицатели» справедливости проводимой нами специальной военной операции не просто живыми ходят по русской земле, но прекрасно себя чувствуют и свободно высказывают свои взгляды.

Отечественная культура и образование не приняли на себя патриотических обязательств: «наблюдается отчуждение от отечественной культуры, а в обществе продолжает ощущаться эйфория вседозволенности с явным ослаблением нравственных норм поведения. Нарушена идеологическая и моральная преемственность между поколениями, между ценностями прошлого и настоящего» [1, с. 19].

В наиболее тяжёлые периоды существования нашего Отечества народ проявлял подлинный, глубокий патриотизм. Та «крупица русского чувства», которая живёт в каждом из нас, прорастала и давала богатые всходы. Появлялось место подвигу и рождалось поколение героев. Теперь, как и семьдесят лет назад, участие в войне – дело каждого:«нам необходимо в очередной раз по-настоящему мобилизоваться всем народом, призвать собственный имперский опыт, опереться на историческую память и кровью оплаченное дедами и прадедами великое прошлое» [6, с. 161]. Без этого нам не выиграть. Но впервые враг нанес удар по самому главному: по единству русской нации.

Идеологи нашего противника решили под корень уничтожить саму идею российской империи. В течение нескольких поколений вбивался кол в триединый народ, и вот теперь пришло время уничтожить любое разделение русского народа: государственное, религиозное, территориальное, языковое. «Русский язык пережил в последние 20–25 лет как минимум пять мощнейших и сокрушительных интервенций. Первая из них – это интервенция криминального сленга. Вторая травмирующая язык интервенция – это интервенция англицизмов. Третья интервенция – интернет-сленг буквально взорвавший русский язык упрощениями, коверканиями и сокращениями (как в письменной, так и в устной речи). Четвертая интервенция связана с повсеместной аббревиацией всего и вся. Пятая интервенция связана с трансформацией самой литературы и опирающегося на нее кинематографа» [10, с. 4–5]. Государству в целом и каждому гражданину для себя

лично нужно вести работу по искоренению влияния иностранных слов, иноземных традиций, враждебных отечественным обычаям и взглядам. Иначе – великому будущему нашей Родины не быть.

Огромное значение здесь имеют духовно-нравственне ценности. Русский мир является, как уже говорилось, последним оплотом традиционализма человечества. Сложность заключается в том, что на этот раз нам необходимо идти до конца.

Исторически так сложилось, что главным врагом российской цивилизации во все времена нашей истории являлся британский мир. Но пришел черёд развала Западного мира. Гегемония Европы в мире закончилась. Многополярный мир– это будущее человечества.

Идеологи американского империализма (З. Бжезинский и Г. Киссинджер) уже давно говорили о необходимости расчленения и развала нашей Родины. В основе системы национальной безопасности России «…должна быть новая российская идея, представляющая собой исторически сложившуюся совокупность духовно-нравственных ценностей» [4, с. 3–4].

«Синергетический результат народной силы духа (патриотизм) должен привести к единственной цели – сильной и процветающей Великой России (России-Евразии) в семье многополярного мира» [5, с. 84].

Юноши и девушки должны иметь правильно сформированные духовно-нравственные личностные приоритеты, осознавать ответственность перед государством и обществом за тот вклад, который они вносят в успешность развития Отечества. Национальное самоопределение должно развиться у каждого русского человека. Оно должно идти в лоне идей Ф. М. Достоевского о богоизбранности русского народа, его особой цивилизационной миссии в истории человечества.

В современный исторический период развития нашего Отечества, когда ведется борьба за существование России и Русского мира, в условиях гибели наших соотечественников, каждый гражданин нашей страны должен заботиться о будущем своего государства. После победы в войне за объединение и восстановления былого могущества нашей Родины ей понадобятся крепкие семьи, чтобы восстановить разрушенные города и населить их.

Сегодня в приоритете должно быть строительство крепкой, многодетной семьи, и каждый гражданин должен жить так, чтобы все его временные ресурсы рациональным образом тратились на образование, обеспечение материального достатка, духовное возрастание.

Современная образовательная система на всех уровнях должна духовно-нравственный, патриотический, энергетический потенциал молодежи «…эффективно использовать в процессах создания современной социальной реальности» [9, с. 45].

Только активная деятельность по возрождению в сердцах людей истинной веры может обеспечить духовную безопасность современному об-

ществу, позволит вывести нас из духовного кризиса, обеспечит направленность на созидательный труд во благо Родины.

Необходимо, чтобы в народном просвещении, как в прежние времена, «…верность великодержавному патриотизму стала основной целью воспитания юношества, зафиксированной в официальном документе Российского государства» [8, с. 3–4]. Каждый должен осознать свою личную роль в процессах государственного строительства, выбрать для себя цели жизни, должен научиться формулировать ближайшие и стратегические задачи личностного развития. Приоритет должен отдаваться патриотической позиции. Молодому поколению необходимо осознать, что нужно руководствоваться принципом «где родился, там и пригодился», что не нужно уезжать из мест, где он живет, а нужно развивать имеющиеся у него материальные обстоятельства, строить благосостояние и взращивать богатство родной земли, отчего региона. В этом и заключается территориальный тип чувства патриотизма.

Список литературы

1. Блягоз Н. Ш. Аспекты патриотического воспитания современной молодежи: состояние проблемы// Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2019. – № 3(243). – С. 19– 24.

2. Бурлакова И. И. Семейное воспитание в современном мире / Православная русская школа: традиции, опыт, возможности, перспективы. – Свято-Алексиевская Пустынь: Литера, 2018. – С. 111–118.

3. Вашингтон должен быть разрушен. – URL: https://realtiger.livejournal.com/203277.html (дата обращения: 15.11.2022).

4. Иванова Н. А. Патриотические и морально-нравственные установки студентов как основа национальной безопасности // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 4. – С. 333– 338.

5. Карпиленя Н. В. Об одном из подходов для обеспечения национальной безопасности России на фундаменте духовно-нравственных ценностей народа // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2021. – № 1(26). – С. 78– 87.

6. Марченя П. П. Об имперской природе советского союза и современной России //Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР). в 2 ч.– Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 156– 162.

7. Новая Африка. Как в США едва не появилась республика африканского коммунизма. – URL: https://life.ru/p/992090 (дата обращения: 15.11.2022).

8. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1864. – Т. I, ст. 706–707.

9. Трансформация ценностных ориентаций в современном обществе. – Орел: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Орловский филиал, 2015. – 284 с.

10. Хагуров Т. А., Остапенко Т. А. Языковые интервенции как угроза национальной безопасности // Педагогическое образование и наука. – 2017. – № 5. – С. 89–93.

УДК 304.2

Анисина Злата Дмитриевна
Детско-юношеский центр г. Челябинска,
педагог дополнительного образования

АКТУАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕРЕЗ ИГРОВЫЕ ПРАКТИКИ: ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Аннотация. В статье анализируется воспитательный потенциал игровых практик, содержание которых выстроено на культурном компоненте. Одной из технологических особенностей игровой практики является то, что в нее могут быть органически встроены различные виды игр. Особое место среди дидактических игр принадлежит настольно-печатным познавательным играм. В данном случае последние и рассматриваются как основа игровой практики. В условиях настольно-печатной познавательной игры формируются представления о материальном и нематериальном культурном наследии, участник имеет возможность высказаться, осмыслить, «прожить» определенное событие, личностно воспринять связанные с ним предметы. Эмоции, возникающие в процессе игры, порождают чувства, которые закрепляются в познавательной деятельности, а затем и в мировоззрении человека, его характере и поступках.

Ключевые слова: культурное наследие, актуализация культурного наследия, игровая практика, игры, настольно-печатные познавательные игры, воспитательный потенциал.

Anisina Zlata Dmitrievna
Children and Youth Center of Chelyabinsk, teacher of additional education

Annotation. The article deals with the educational potential of gaming practices, the content of which is built on a cultural component. One of the technological features of gaming practice is that various types of games can be organically integrated into it. A special place among didactic games belongs to board-printed educational games. We will consider them as the basis of game practice. In the conditions of a board-printed cognitive game, ideas about the material and intangible cultural heritage are formed, the participant has the opportunity to speak out, comprehend, live. Emotions that arise during the game generate feelings that are fixed in cognitive activity, and then in a person's worldview, his character and actions.

Keywords: cultural heritage, actualization of cultural heritage, game practice, games, printed educational games, educational potential

В самых разнообразных сферах действительности (от специализированных государственных и общественных институций – до частно-повседневных семейных практик) в настоящее время наблюдается возросший интерес к феномену культурного наследия и проблемам его актуализации – «осовременивания», поиска креативных форматов продвижения среди аудитории XXI в.

Таким образом определяемые задачи и усилия по их реализации вполне оправданы: актуализация культурного наследия – важный фактор в воспитании детей и молодежи, в жизни всего общества в целом. Так, одной из задач государственной политикив области культурного наследия народов Россиисогласно Указу Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» является «утверждение в общественном сознании ценности накопленного прошлыми поколениями исторического и культурного опыта как необходимого условия для индивидуального и общего развития» [4].

О роли культурного наследия в воспитании как неотъемлемой составляющей образовательного процесса говорится в контексте содержания понятия «воспитание», данного в ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», воспитание – «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе… бережного отношения к культурному наследию…» [5]. О приобщении детей к культурному наследию говорится и в Распоряжении Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [2].

Высказываясь о значимости культурного наследия мы выделяем «разноформатную деятельность, нацеленную на сохранение традиций и ценностей посредством включения их в современную социокультурную среду» [1, с. 105]. Культура в данном случае выступает своеобразным «ценностным арбитром»: своим влиянием формирует в человеке способность понять, где значимое и незначительное, ценное и второстепенное, наполненное смыслом и бессмысленное.

Богатство предметов и объектов культуры прошлого и настоящего позволяет использовать различные средства его актуализации для современного человека (фестивали, выставки, музеи, форумы, экскурсии, игровые практики др.) и обладает широким спектром потенциалов: сохранение культурно-исторической памяти; идеологический; познавательный и информационный; воспитательный и др.

Основным предметом нашего рассмотрения выступает воспитательный потенциал игровых практик, в содержание которых разработчиками закладывается культурный компонент.

Воспитательный потенциал представляет собой «обусловленную общественными отношениями и социальной средой степень развития ее возможностей в формировании личности, реализующихся через все стороны ее деятельности, функции, в том числе и собственно воспитательную» [3, с. 117]. Воспитательный потенциал игровых практик заключается в том, что участник игры может проявить себя в каких-либо нестандартных игровых ситуациях, высказать свою точку зрения, предположить, проанализировать, обобщить, установить причинно-следственные связи, соотнести свои мысли и свои действия, подумать о своем личном опыте. Благодаря этому он учится самостоятельно принимать решения и взаимодействовать, формировать интересы, выражать свое мнение, проявлять коммуникативные способности.

Одной из технологических особенностей игровой практики является ее универсализация: то, что в нее могут быть органически встроены различные виды игр. Так, исследователями (культурологами, педагогами) выделяются: сюжетно-ролевые игры; конструктивные игры; театрализованные игры (режиссерские игры, игры-драматизации); дидактические игры

(игры с предметами или игрушками, словесные игры, настольно-печатные игры); народные игры и др.

Дидактические игры являются разновидностью игр с правилами, которые специально создаются в образовательных целях. В них проявляется обучающее, воспитательное и развивающее влияние игровой деятельности. Особое место среди дидактических игр принадлежит настольно-печатным познавательным играм. Их мы и будем рассматривать как основу игровой практики. Настольно-печатные игры разнообразны по своим видам (А. К. Бондаренко, Д. В. Менджерицкая): игры-пособия; картинки (парные или разрезные); пазлы; лото; домино; тематические игры и др.

Условия настольно-печатной познавательной игры, на наш взгляд, выступают эффективной основой для актуализации культурного наследия, органично вмещающей следующие компоненты:

1. Информационный компонент: включение в содержание настольно-печатной игры различной информации, исторического или описательного характера о материальном и нематериальном культурном наследии; произведений литературы или их фрагментов, фольклора и т. д.

2. Визуальный компонент:

– визуально-статичный: произведения изобразительного искусства; дизайна; художественная фотография; фотографии объектов архитектуры, изделий народных художественных промыслов и ремесел, исторических и культурных ландшафтов, археологических памятников, монументов, скульптурных памятников, мемориальных сооружений и других объектов и т. д.;

– визуально-интерактивный: виртуальный музей; компьютерные интерактивные дидактические материалы и т. д.

3. Звуковой компонент: музыкальные произведения (классические, народные и т. д.).

4. Визуально-звуковой – произведения (или их фрагменты) киноискусства, театрального, балетного, оперного, циркового искусства и других видов искусства.

Вставить в настольно-печатную игрувизуально-интерактивный, звуковой или визуально-звуковой компоненты можно при помощи современного средства – QR-кода. Информационный и визуально-статичный компоненты могут быть включены в содержание игры непосредственно, либо так же при помощи QR-кода.

Играя в настольно-печатные познавательные игры между участниками возникают доверительные отношения, выстраивается диалог. В данных условиях можно понять идеи, ценности и смыслы, заложенные в той или иной культурной ценности.

Таким образом, познание мира через культурное наследие – процесс вхождения в ценностное бытие культуры, постижение ее смыслов, понимание, осмысление окружающего мира, своей жизни и жизни общества.

Через обращение к культурным ценностям человек открывает для себя новое, формируется его ценностное сознание, превращение знаний в убеждения, личные убеждения и даже приобретение ими личностного смысла. В условиях настольно-печатной познавательной игры формируются представления о материальном и нематериальном культурном наследии, участник имеет возможность высказаться, осмыслить, прожить. Эмоции, возникающие в процессе игры, порождают чувства, которые закрепляются в познавательной деятельности, а затем и в мировоззрении человека, его характере и поступках.

Список литературы

1. Пустовойт, Ю. В. Экскурсия как способ актуализации культурного наследия России / Ю. В. Пустовойт // Культурное наследие России. –2021. –С. 105–112.

2. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/400951e1bec44b76d470a1deda8b17e988c587d6/ (дата обращения: 15.03.2023).

3. Тесленко, А. Н. Воспитательный потенциал как социально-философская категория / А. Н. Тесленко, Е. А. Дмитриенко // Философия образования. – 2014. – № 2 (53). – С. 114–125.

4. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» – URL: https://base.garant.ru/70828330/ (дата обращения: 15.03.2023).

5. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 15.03.2023).

IV. РУССКАЯ КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО: ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ, СОВРЕМЕННОСТЬ

КУЛЬТУРА

УДК 21

Соловьев Владимир Михайлович
Социологический институт РАН, г. Москва,
доктор исторических наук, профессор,
аффилированный сотрудник

Д. С. ЛИХАЧЕВ И Ю. М. ЛОТМАН: ПОНЯТИЙНЫЕ ТОЧКИ СБЛИЖЕНИЯ

Аннотация. Обращение к наследию Д. С. Лихачева и Ю. М. Лотмана, как показывает автор статьи, сегодня скорее ритуальная дань признанным авторитетам, чем актуальная и насущная необходимость. Гуманитарные науки все больше утрачивают свое гуманитарное естество, формализуются и со всеми пагубными последствиями отклоняются в сторону наукообразия. Процесс технократизации – распространения, внедрения, использования и приумножения технических средств и приспособлений, призванных облегчить или упростить деятельность человека, в значительной мере деформирует и высушивает сущностную составляющую гуманитарных наук – гуманизм. При очевидном превалировании ценностей экономической эффективности, управляемости, приоритета технических достижений над общечеловеческими гуманистическими ценностями это приводит и не может не приводить к сокрушительному сужению кругозора молодого, входящего в жизнь поколения, упрощению представлений людей о мире, культуре и человеке. В таком контексте упование на так называемый искусственный интеллект как панацею при решении локальных и глобальных проблем современности представляется по меньшей мере очередной утопией.

Ключевые слова: русская культура, философия культуры, механизмы культуры, гуманизм, искусственный интеллект, эмоциональный интеллект, гений места, семиозис, апофения, рефлексия, экология культуры, дегуманизация, диспаритет образовательных возможностей, система образования

Solovyov Vladimir Mikhailovich
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, doctor of historical sciences, professor, affiliated employee

D. S. LIKHACHEV AND J. M. LOTMAN: CONCEPTUAL POINTS OF CONVERGENCE

Annotation. Appeal to the heritage of D. S. Likhachev and J. M. Lotman, as the author of the article shows, today is more of a ritual tribute to recognized authorities than an actual and urgent need. The humanities are increasingly losing their humanitarian nature, being formalized and, with all the detrimental consequences, are being deviated towards science. The process of technocratization – the dissemination, introduction, use and multiplication of technical means and devices designed to facilitate or simplify human activity, significantly deforms and dries out the essential component of the humanities – humanism. The obvious prevalence of the values of economic efficiency, manageability, the priority of technical achievements over

universal humanistic values, lead and cannot but lead to a crushing narrowing of the horizons of the young, entering generation, simplifying people's ideas about the world, culture and man. In this context, the hope for the so-called artificial intelligence as a panacea in solving local and global problems of our time seems to be yet another utopia.

Keywords: Russian culture, philosophy of culture, mechanisms of culture, humanism, genius of place, semiosis, apophenia, reflection, ecology of culture, dehumanization, technocratic element, disparity of educational opportunities, education system

Лихачев и Лотман – мыслители-гуманисты. Они жили русской культурой и не мыслили себя вне ее. Каждый из них независимо от другого пришел примерно к одному и тому же пониманию культуры.

Сближающих этих мэтров гуманитарной науки точек на самом деле гораздо больше, чем те, которые намечены и обозначены ниже, потому что, помимо концептуальных пересечений, общих научных идей, понятийного и категориального аппарата, философских суждений, логических конструкций, нравственных оценок, подходов к горячим проблемам, их объединяет близкая культура мышления, при которой объяснение связи сознания и действия, научная абстракция природы вещей, многих реальных предметов, фактов, событий приобретает сходные очертания.

Сближали их и высочайшая профессиональная требовательность к людям науки и к себе в первую очередь, непоколебимая нравственно-этическая опрятность, маниакально брезгливое, доходящее до идиосинкразии, отношение к халтуре, небрежной, недобросовестной, неквалифицированной работе, неприятие демагогии, лозунговости, резонерства. И еще они вместе, фигурально выражаясь, нажимали тревожную кнопку, сигнализируя, что пора спасать культуру, и синхронно поднимали голос в защиту памятников старины, заявляя, что их уничтожение – преступное глумление над историей.

Лихачев рассматривал культуру как историческую память, как творческую подготовку культуры будущего на основе прошлого и настоящего [10, с. 110].

У Лотмана среди прочих определений культуры, как ключевое, выделяется следующее: «негенетическая» память коллектива. Культура есть память. Поэтому она всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни, общества и человечества. И потому, когда мы говорим о культуре нашей, современной, мы, может быть, сами того не подозревая, говорим и об огромном пути, который эта культура прошла. Путь этот насчитывает тысячелетия, перешагивает границы исторических эпох, национальных культур и погружает нас в одну культуру – культуру человечества» [13, с. 10].

Сближало Лихачева и Лотмана и то, что оба родились в Петербурге, и гений места придал каждому из них тот отпечаток особого эстетического интеллекта, которым так славен город на Неве. Старшинство Лихачева (он был старше на 16 лет), конечно, не отгораживало их друг от друга той сте-

ной непонимания, как это бывает порой между представителями разных поколений. То, что Лихачев физически испытал на себе смену культурных эпох, не означает безоговорочного приятия Лотманом грубого упрощенчества в разных его видах и следования его материалистическим законам, убивающим нравственность. Они в одинаковой мере сходились в том, что удушение полифонии интеллигентской демократии было равносильно смертной казни для культуры и для людей культуры [8, с. 146].

Обобщенно говоря, Лихачев и Лотман – это прежде всего глубокие мыслители, авторы трудов, насыщенных философской мудростью.

Философы – не химики. Свою правоту они доказывают и поверяют не соответствующими реагентами и индикаторами, а ясностью мысли, логикой рассуждений и убедительностью доводов. У обоих с этим все в порядке и даже в избытке.

Автор телепроекта «Намедни» Леонид Парфенов справедливо отнес Лихачева и Лотмана в круг избранных, которых метко обозначил как великие несоветские ученые. Туда входят также Л. Н. Гумилев, А. Ф. Лосев и С. С. Аверинцев.

Д. С. Лихачев попал в начале 1930-х годов на Соловки, усомнившись в сделанном им обстоятельном докладе в целесообразности советской реформы русской орфографии. Поводом для ареста послужило обнаружение среди его книг запрещенной литературы, но истинной причиной была апологетика дореволюционного порядка написания слов.

Ю. М. Лотман оказался объектом развязанной при позднем сталинизме идеологической кампании борьбы с космополитизмом. Как с фронтовиком с ним обошлись сравнительно мягко: разрешили из Ленинграда перебраться в эстонский Тарту, где ученого приняли на работу в старинный университет. Этот тот случай, когда согласно поговорке не было бы счастья, да несчастье помогло. В стороне, но и не так уж далеко от столиц Лотман, живя в своеобразной полуэмиграции, получил возможность заниматься любимым делом: исследовать русскую культуру [4].

Главная точка сближения Лихачева и Лотмана – гуманизм. Они до мозга костей гуманисты по жизни и по убеждениям. Гуманизм – их мировоззрение, кредо, религия. Излишне проводить мониторинг, чтобы вычислить и вымерить, кто из них больший, и кто меньший гуманист. Обоих в равной мере объединяют любовь к людям, высочайший пиетет к человеку и всему подлинно человеческому. В этом смысле отмеченный в литературе гуманизм на грани неистовства Лотмана ничуть и ни в чем не уступает «количеству» и «качеству» гуманизма Лихачева. Излишне играть в слова и зачем-то доказывать, что применительно к этим ученым сейчас больше подходит термин неогуманизм [21; 22].

Лихачев в своих сочинениях и воспоминаниях откровенно пишет, что значит для него человеческая свобода и как он ею дорожит: «…Человек должен быть полностью интеллектуально и граждански сво-

бодным. Свободным от давления государства, партии, идеологии, карьерных соображений, различного рода внешних обстоятельств. И подчиняться целиком и без компромиссов только своей внутренней власти – власти совести. Быть подданным совести, и только совести…» [5, с. 48; 8, с. 128].

Точно так же и Лотман ратовал за право располагать собой и быть ответственным не только за свое поведение, но и за свою суть – за всё злое или доброе, что в тебе заключено. Глубокий исследователь и мыслитель, он в не меньшей степени был просветителем и педагогом. Именно таковым он предстает не только в своих научных трудах [13; 15; 16; 17; 18; 20], но и публицистических выступлениях, автобиографических текстах, телевизионных лекциях [14; 19].

Как представители духовно-интеллектуальной элиты России они не мирились тем, что массовая культура унижает и опускает человека, превращает его в объект манипуляций, навязывает ложные ценности. Они не могли принять дегуманизацию, культ денег, героизацию так называемой крутизны, а по сути, тупой, грубой силы, приравнивание интеллигентности к мягкотелости и трусливой беспомощности, бесстыдную подмену белого черным и многое другое – мерзкое, отвратительное, что не только цинично преподносится, но и пафосно воспевается как норма.

Контрдоводы Лихачева и Лотмана отчасти концептуальны, но в большей мере облечены в публицистическую или эссеистскую форму. Это вызвано стремлением быть услышанными и прочитанными как можно большим числом людей, охватить максимально обширный контингент от студенческой аудитории до производственного коллектива.

Люди широко мыслящие, обладающие не только завидным интеллектуальным кругозором, но и огромным жизненным опытом, что Лихачев что Лотман, конечно, ничего не имели против научно-технической революции и в ретроградстве замечены не были. Но они слишком хорошо знали и понимали, что сама по себе НТР – это одно, а вот то, кто и как ею воспользуется, куда ее повернут, совсем другое. В стране, где уже общим местом стала шутка «Завтра будет хуже, чем вчера», у людей не беспочвенно сформировалась боязнь любых новшеств и перемен. Растущий по экспоненте философский скепсис мудрецов оправдан реальной практикой политической и социальной инженерии, когда человеческий ресурс властно и жестко подчиняли послушанию и смирению. Свободная мысль была в загоне, потому что на всех уровнях нужны были покорные исполнители. Поощрялись и прикармливались узко специализированные ученые-технари, инженеры и конструкторы, а все прочие получали возможность для профессиональной деятельности строго в рамках официальной идеологии, как, впрочем, и писатели и мастера искусств. Высоко котировались те, кто успешно вносил свою лепту в оболванивание масс и обработку мозгов народа в заданном направлении.

Информационные технологии – средство прорыва в третье тысячелетие и новую постиндустриальную реальность XXI в., но они же безотказ-

ный инструмент манипуляции общественным мнением, навязывания простейших рецептов счастья и благоденствия. Оба великих гуманиста трезво оценивали степень восприимчивости и податливости человеческого материала такому воздействию и хорошо осознавали, сколь она велика. Сложнейшие средства регулирования информационных потоков и трансляции запредельного объема данных, как показывает сегодняшняя ситуация, оказались гораздо эффективнее, чем простейшие способы удерживать людей в узде страхом террора и репрессий. Выключение человека из активной жизни прекрасно достигается с помощью вбросов в сеть всякой занимательно-развлекательной мелочевки и выдаваемой за аналитические справки пустячной мути, и вот он уже зависает в густой, липкой и часто расставленной паутине и вроде как при деле: день за днем проходят, говоря словами классика, «в кипении в действии пустом».

Мало было хищно расправившей крылья чуть ли не на всей планете дегуманизации, т. е. оспаривания или прямого отрицания принадлежности индивидуума к человеческому роду с параллельным лишением человеческих прав, как эта практика еще и получила теоретическое закрепление в процессе разгуманитаризации. Последняя стала сопровождением и приложением технократизации, которая под благовидными лозунгами максимально облегчить житье-бытье человека, упрощает и вульгаризирует гуманитарные науки, вытравляя из них основополагающее начало – гуманизм. Некогда история, литература, искусствоведение и др. уже были грубо идеологизированы, социологизированы и «опущены» до голой схемы. По-видимому, имеет место новый виток насильственного вымывания из текстов культуры присущих им значений, смыслов, ценностей, знаков и символов.

Утрата личностного культурного ядра губительна тем, что перечеркивает сам акт творения человеком своего бытия в процессе жизнедеятельности, что сущностно антигуманно. Участие в соцсетях далеко не тождественно возможности привносить в мир частичку своего я, социально делиться индивидуальным духовным содержанием. Создается лишь иллюзия подобной социальной активности, но на самом деле происходит подмена самовыражение репродуцированием чужого взгляда на вещи, пассивным присоединением к массовидному, «стадному» мнению. Присоединиться к нему, поставить лайк – это значит лишить себя элементарной самостоятельности мысли, предпочесть критичному отношению к предмету послушное и бездумное приятие услужливо предоставленной готовой точки зрения. Побочные эффекты следуют не тотчас, могут отодвинуться на потом, но их отложенность не смягчает неумолимую необратимость.

Невозможно представить себе Лихачева и Лотмана без свойственной им тончайшей рефлексии, немедленного интеллектуально-эмоционального отклика, реагирования их внутреннего я на что бы то ни было. Сугубо рефлекторна и характерная для обоих апофения – немотивированное видение взаимосвязей, сопровождающееся переживанием, заключающимся в

способности выстраивать структуру из случайных, разрозненных, противоречиво распадающихся или бессмысленных данных и находить между ними диалектическую связь.

Апофенично в основе своей и сведение воедино фактов, свидетельствующих об очередном разгуле бюрократического варварства, призванного застолбить за государством российский сегмент мирового интернета. Некогда власть предержащие гнобили и запрещали кибернетику, заклеймив ее как продажную девку империализма. Но вот политические декорации поменялись, и объявленная чуть ли не лично товарищем Сталиным реакционной лженаукой сегодня она в России процветает и, похоже, новых кремлевских руководителей не только ничуть не смущает, а целиком и полностью устраивает как раз то, что ей инкриминировали советские лидеры: бесчеловечность, стремление превратить трудящихся в придаток машины, в орудие производства, пластичный материал для универсального использования.

Живые свидетели того, к каким роковым последствиям порой приводят у нас в стране благие намерения верхов и как это больно отражается на низах, Лихачев и Лотман, конечно, не имели ничего общего с участниками известного движения луддитов – противниками машинизации. Их осторожно-настороженное отношение к директивно спущенной компьютеризации обусловлено единственной причиной: знанием того, чем на практике оборачиваются и как реализуются и выполняются генеральные инициативы и установки на местах. И сегодня оба ученых-гуманиста наверняка выступили бы с обоснованными претензиями и рекламациями к властям по поводу формальности, неподготовленности и недифференцированности запущенного процесса повальной цифровизации.

Рожденный в Серебряном веке Лихачев застал его вершинные явления, прожил долгую жизнь и стал свидетелем рождения культуры постиндустриального общества.

Значимость Серебряного века Лихачев видел в том, что это было время воссоединения двух составляющих: народной, крестьянской в основе своей, и дворянско-интеллигентской культуры [12, с. 8–9]. После прерывистого, судорогообразного развития траектория русской культуры начала эволюционно выравниваться, но исторический шанс был упущен. Октябрьский переворот перепахал страну, и последующая экстремистская как по форме, так и по содержанию модернизация, противоречиво сочетала в себе цивилизационное обновление и культурную деформацию, откат и застой, блокировавшие пробившиеся было ростки революционных преобразований.

Лихачев не упрощал сложность мира. Как медиевист, он прекрасно знал, что новое, подчас выступая в революционной форме, на самом деле таит реакционный запал во сто крат больше, чем что-то отжившее и косное, а в старом может быть заключена перспективная стартовая идея, нацеленная далеко в будущее. Ученый словно предвидел, как под вывеской ультрасовременного научно-технического прогресса в полную силу разгуляется чуждая

гуманизму технократическая стихия. Реставрация средневековых институций, культивируемый интерес к мистике, эзотерике – удобное подспорье и благоприятная питательная среда для вытеснения и заглушения человекообразующих ценностей. Вот-вот появится новый Игнатий Лойола и распишет по дням и разложит по полочкам необходимые действия, пасы и медитации для окончательного расчеловечивания человечества.

Праздный образ жизни, конечно, внешне привлекателен. Однако Лихачев вряд ли одобрил бы наметившуюся тенденцию превращения жизни в компьютерную игру и выведения человеческого фактора как бы за скобки.

Лихачев принадлежал к плеяде мыслителей, которые находили удовлетворение в своем интеллектуальном творческом труде, в решении сложных и ответственных задач. Пожалуй, в настоящее время, выступи он против эскалации внедрения автоматов и роботов вместо людей и массированной передачи этим умным помощникам функции за функцией, его бы объявили рутинером и противником прогресса.

На самом же деле он не был сторонником того, чтобы люди сами себя духовно обедняли, сужали пространство мысли, переставали, как он сам, осознавать, что мы, всё живое, обладающее сознанием, воспринимаем мир как вечность, где «всё прошлое до мельчайших подробностей в многомиллионном существовании еще существует, а будущее в таком же размахе до его апокалиптического конца уже существует» [8, с. 125].

Зависимость от гаджетов приобретает планетарный размах и ставит человека в положение не ведущего, а ведомого. Он на глазах перестает осознавать себя креативной личностью, способной к самостоятельной самореализации, теряет навыки критических оценок собственных и вообще чьих бы то ни было действий.

Предположение, что паразитарная прослойка, дистанцирующаяся от труда и всего, что требует умственного напряжения или физических усилий, будет неуклонно расти, не лишено оснований, как и прогнозирование острого конфликта и столкновения между противниками и сторонниками перекладывания всего и вся, что делает человек, за исключением удовольствий и развлечений на полностью автономные системы универсального сервиса. По всей вероятности, верх одержит «ленивое», но воинствующее большинство, которое в подобных случаях всегда готово упорствовать и агрессивно отстаивать свои интересы, будет всячески приветствовать и лоббировать любые формы освобождения от труда, провозгласив таким образом благородной целью элементарное ничегонеделанье. Всплывает образ лежебоки Емели на печи, желания которого исполняются по его хотению и по щучьему велению. Но ключами к желанному внутреннему раю вполне может быть и «волшебный» пульт, который предоставляет в услужение многообразные киберустройства, избавляющие от необходимости, вставать с удобного дивана, предпринимать какие-то телодвижения и вообще заморачиваться.

Экология культуры, по разумению ученого, антидот, эффективное противоядие против токсичного вмешательства человека в природную среду. Амбициозно и чванливо ставя себя над природой, люди наносят ей непоправимый вред, нарушая не по их воле сложившийся оптимальный баланс между всеми стихиями и живыми существами на планете и вне ее. Присвоив себе статус демиурга вселенной, человек фактически расписался в собственной несостоятельности, ибо своей некомпетентностью, во-первых, подтвердил ограниченность ресурса познания, которым располагает, во-вторых, продемонстрировал слабое понимание всей сложности и взаимообусловленности составляющих мироздания. В этом смысле обыкновенные бобры, строящие запруды и устраивающие свои подводные хатки, дают полезный показательный урок, тогда как человек наносит окружающей среде столь колоссальный урон, что он чреват настоящей экокатастрофой [6, с. 71, 74; 10, с. 109].

Лихачев несколько романтически мечтал о том, как в третьем тысячелетии и XXI столетии будут компенсированы чудовищные потери, которые понес наш народ в злополучном (это его эпитет) XX в. «Я мыслю себе XXI в., – не скрывал он, – как век развития гуманитарной культуры, культуры доброй и воспитывающей, закладывающей свободу выбора профессии и применения творческих сил», как «возрождение чувства собственного достоинства, не позволяющего талантам уходить в преступность, возрождение репутации человека как чего-то высшего, которой должно дорожить каждому, возрождение совестливости и понятие чести – вот что в общих чертах то, что нам нужно в XXI веке», – считал Лихачев. И, разумеется, доведись ему и Лотману видеть, что всё сейчас происходит совсем не так, а с точностью до наоборот, они бы расценили это как настоящую трагедию, дополненную признаками умирания культуры: «небрежением собственным культурным достоянием… и «ущемленным патриотизмом» (выражение Достоевского), проявляющим себя в крайних, зачастую бескультурных формах национализма (также сейчас чрезвычайно у нас развившихся)» [5, с. 104; 11, с. 266].

Лотман твердо стоял на том, что вечное «всегда носит одежду времени, и одежда эта так срастается с людьми, что порой под историческим мы не узнаем сегодняшнего, нашего, то есть в каком-то смысле мы не узнаем и не понимаем самих себя» [13, с. 11].

Рассматривая семиозис как основной культурообразующий процесс, Лотман прекрасно осознавал, что с возрастанием роли визуализации картинки становятся доминирующим способом обозначения мира, превосходя текст как изобразительный знак, подкупающей простотой передачи понятий и вещей и фиксацией сходства с изображаемым объектом.

Необъятные резервы компьютерной графики неожиданно открыли перспективы цифровой живописи, пиксельных художеств, т. е., по существу, высвободили для занятия искусством массу людей, не наделенных врожденным талантом. Компьютерная грамотность и владение соответст-

вующими программами позволяет создавать если не шедевры, то внешне вполне приемлемые и даже приятные глазу изображения.

Наряду с этой утилитарно-прикладной реальностью на стыке целого комплекса наук (математика, биология, психология, кибернетика и др.) создаются встроенные в роботизированную технику аналитические системы, оспаривающие такую базовую прерогативу человека, как разумное мышление и выполнение творческих функций. Легко догадаться, что речь идет не о чем ином, как о модном и востребованном сегодня искусственном интеллекте (ИИ).

В начале 1990-х эта сфера знаний казалась скорее фантастической, чем научной, и тем не менее уже тогда она стала епархией Лотмана (он умер в 1993), и он успел здесь многое осмыслить, потому что был одержим гуманистической идеей приватизировать разум в пользу человека и не допустить, образно говоря, чтобы «контрольный пакет» акций человеческого интеллекта был передан роботам-помощникам. Лотман указывал, что человек пока еще очень далек даже от того, чтобы толком разобраться в своем собственном интеллектуальном хозяйстве и потому не должен сам себя обкрадывать и ставить под угрозу. Лотман полагал, что нельзя спешить с передачей «умным» киборгам тех принципиально важных участков деятельности, в которых человек сам еще слабо ориентируется или откровенно путается. Это прежде всего касается вопросов обработки и хранения информации. Понимая, что дает повод счесть себя консерватором, Лотман находит нужным уточнить и пояснить свою позицию. «Общепринятого удовлетворительного определения понятий «интеллект» и «интеллектуальное поведение» не существует, пишет он. – Не может быть принято отождествление понятий «интеллектуальный» (разумный) и «человекоподобный», с одной стороны, и «интеллектуальный» и «логический», с другой».

Для усиления своей мотивации он приводит эпизод, рассказанный Андреем Белым. Отец писателя, известный математик, декан физико-математического факультета Московского университета Н. В. Бугаев однажды председательствовал на заседании, где читался доклад об интеллекте животных. На правах председателя он прервал референта вопросом, знает ли он, что такое интеллект. Тот не знал. Профессор опросил еще несколько человек. Никто не знал. Тогда Бугаев объявил: «Ввиду того, что никто не знает, что есть интеллект, не может быть речи об интеллекте животных. Объявляю заседание закрытым».[1]

По мнению Лотмана, неопределенность, «которая царит до сих пор в этом вопросе, в значительной мере связана с тем, что единственным реально данным нам интеллектуальным объектом до сих пор предполагался механизм индивидуального сознания человека. Поскольку объект этот не включается ни в какой ряд, оставаясь уникальным, изучение его чрезвычайно затруднялось: что в нем принадлежит сознанию как таковому, а что следует отнести

[1] Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 94.

за счет случайной и частной его формы – человеческого сознания – оказывалось практически невыяснимым. Неясность исходного понятия – “интеллект” – влечет за собой ряд последствий. В частности, открытым остается вопрос о том, в какой мере, моделируя отдельные элементарные звенья мыслительного процесса или формализуя отдельные аспекты логического сознания, мы действительно приближаемся к построению искусственного автономного интеллекта. Накапливая и складывая отдельные кирпичики (что, конечно, само по себе, безо всякого сомнения, имеет научную ценность), получим ли мы в конечном итоге “мыслящее устройство”, или же перед нами окажется лишь усовершенствованный придаток к интеллекту человека?» [18, с. 16].

Трудно сказать, кто в большей мере – Лихачев или Лотман был озабочен общим падением культуры научной работы, разительным снижением академической планки, понятийной путаницей, вымыванием профессиональной взыскательности и т. п. Лихачев сокрушался, что в гуманитарных науках ключевые позиции захватил главный враг всякой науки – наукообразие, под которым он имел в виду широкую практику использования в паранаучных системах внешних атрибутов исследования и научной терминологии, но реально наукообразное ремесло – в лучшем случае, всего лишь компиляция, прибегая к которой, претендент на ученость пробавляется чужими открытиями и идеями, впустую тратя время на выстраивание никому не нужных словесных пирамид, повторяя общие места и не создавая ничего принципиально нового, не продвигая науку [9].

По разумению солидарного с Лихачевым Лотмана, наукообразие – подлог, причиняющий несомненный вред, так как с водой словоблудия и ложного знания существует риск выплеснуть ребенка, т. е. живую, креативную мысль. Забюрократизировать гуманитарные науки – примерно то же самое, что замуровать их заживо в глухую стену. Вот почему, рассуждая об альтернативе человеку, Лотман прямо указывал, как велика вероятность получить не искомый объект, а лишь псевдозаменитель, который может оказаться миной замедленного действия. Имитация, как и пародия, уместны на эстраде, но наука не шоу, и наукообразный фейк ничего, кроме вреда, не несет, ибо дискредитирует, обессмысливает, обесценивает, сводит на нет результаты серьезных исследований, подменяя их постановочной фальшивкой.

Лихачев и Лотман принадлежали к тем нетерпимым критикам фиктивных диссертаций и прочих научных трудов, которые сейчас группируются вокруг «Диссернета» – сообщества экспертов, периодически обнародующих антирейтинг обладателей незаслуженных ученых степеней и званий. Тех, кто сейчас в интересах снижения рисков национальной экономики и безопасности бесстрашно противодействует коррупции в области науки и образования, с полным снованием можно назвать верными последователями Лихачева и Лотмана, ибо ни тот, ни другой не жалели усилий, чтобы пресечь порочную практику очиновнивания академического и вузовского контингента. Ученых становится все меньше, а тех, кто изобра-

жает из себя ученых, все больше. Еще при жизни Лихачева и Лотмана в науку вползла, и с удобствами там обосновалась бюрократия. Эта серая, но цепкая, как борщевик или чертополох, братия, мгновенно укрепила свои позиции и оттеснила и заменила вымирающий и слабеющий корпус ученых, навязала свои правила замера вклада в науку, что привело к обесцениванию эвристического сегмента и продвижению блеклых, бесплодных, ничем не примечательных вариаций избитых истин, худо-бедно закамуфлированного плагита или же фальсификаций, выдаваемых за инновационный научный продукт. Отработаны надежные ухищрения и приемы скрадывания бездарности под толстым слоем косметического прикрытия из интенсивного словесного макияжа и декора в виде пустопорожних, не относящихся к делу графиков, схем, таблиц, диаграмм. Однако во что бы ни рядилось наукообразие, оно неминуемо выдает себя унылой инфертильностью и полнейшей неспособностью к креативности. Увы, это отнюдь не помеха вольготно себя чувствующему полчищу приспособленцев-мутантов свободно и безнаказанно браконьерстовать в заповеднике науки.

Лотман с сожалением констатировал, что невежество или полузнание – удел большинства наших современников [13, с. 19]. Доживи он до времени, когда выросли поколения россиян, которым остались неведомы сокровища русской культуры, он, наверно, воспринял бы это как нечто фатальное и как личную трагедию. Он зорко разглядел стремительно прогрессирующую тенденцию делать ставку, как на некую панацею, на искусственный интеллект – якобы неограниченный в возможностях использования и безотказный заменитель человеческого разума. Ученый предостерегал от абсолютизации искусственного интеллекта, считая его своего рода ящиком Пандоры, источником ведомых и неведомых бед и напастей, которые человечество может выпустить на свою погибель. Вызовы и риски НТР, предупреждал Лотман, могут намного превышать пределы обороны и ресурс спасения от этих новых, лабораторным путем созданных интервенций, чрезвычайных ситуаций и аварий техногенного характера.

К тому же лишенный эмоционального интеллекта цифровой клон человека может стать не проводником и катализатором, а заслоном и ингибитором духовности и душевности, вопиющий дефицит которых и без того настоящая мировая проблема.

Отмеченная Лотманом подвижность внешней границы культуры [20; 15] создает обманчивое впечатление и одновременно вызывает искушение как бы уложить картину мира в некую упрощенную схему, как это уже было, когда науку свели к «двум – трем несложным принципам – это «невеселая наука», делающая окружающую нас Вселенную скучной и серой. Таково учение марксизма, принижающее окружающее общество, подчиняющее его грубым материалистическим законам, убивающим нравственность, – попросту делающим нравственность ненужной» [8, с. 144].

Завернутая в эффектные фантики новейших придумок ИТ-индустрии схоластика не станет прорывом мысли и, как ее ни преподноси, ни расцвечивай, ни покрывай глянцем, все равно схоластикой и останется.

Технологические новшества, при всех их преимуществах и достоинствах бессильны приостановить имущественное расслоение и статусное неравенство и обеспечить повышение уровня жизни населения [2].

Компьютеризация усиливает диспаритет образовательных возможностей, закрепляет традиционные стереотипы поведения мужчин и женщин, вытесняет живое человеческое общение, подменяет истинную духовную культуру узкопрофессиональными знаниями, изменяет мышление людей, которое все заметнее сдвигается к рамочному и инструментальному и все больше утрачивает качества творческого.

Несовершенство образовательных систем и образовательных процессов и проблемы их взаимодействия с обществом вопреки идеализации того и другого, по Лотману, достигли в советское время серьезной остроты. «Мы хотим понимать историю прошлого и произведения художественной литературы предшествующих эпох, – писал он, – но при этом наивно полагаем, что достаточно взять в руки интересующую нас книгу, положить рядом с собой словарь того или иного иностранного, древнерусского или даже современного русского языка – и понимание будет гарантировано. Но каждое сообщение состоит в действительности как бы из двух частей: того, о чем говорится, и того, о чем не говорится, потому что оно и так известно. Эта вторая часть сообщения опускается. Читатель-современник с легкостью восстанавливает ее сам, по своему жизненному опыту... Перед читатем, находящейся внутри этой культуры, вопрос не встает» [13, с. 583].

Однако развернувшаяся индустриально-культурная революция [23] обусловила совершенно иную ситуацию, когда целые генерации оказались не в курсе, что и как там когда-то было в России, и подобно иностранцу нуждаются в специальных объяснениях, потому что сами не в силах восполнить те или иные информационные лакуны воображением и опытом, а отсутствие компетентного корпуса преподавателей лишает возможности не оставить эти пропуски и пустоты незаполненными, что превращает молодых соотечественников в иностранцев или даже инопланетян [13, с. 584].

По сути, Лотман акцентировал внимание на назревшей необходимости стимулировать создание широкого междисциплинарного комплекса интегрированного научного знания о человеке и обществе в контексте образования, оформившегося в эдукологию – науку об общих закономерностях организации, функционирования и развития сферы обучения на всех ступенях [25; 3].

Подсаживание на иглу информационных технологий произошло своим чередом, как естественное следствие эпохи кардинальных перемен и вовсе не как результат мирового заговора и воплощение чьего-то злого умысла. Бессмысленно искать здесь автора. Беспокойство таких умов, как

Лихачев и Лотман вызвала не мнимая конспирологическая подоплека, а легкость, с которой отпал и без того тонкий защитный слой культуры, противостоящий массовизации этого явления. Перенос сознания человека в искусственно созданное тело может оказаться тупиковым путем, негодной попыткой переложить ответственность на кибернетического дублера, т. е. свалить личную вину с больной и дурной головы на запрограммированное человекоподобно мыслить устройство, новоизобретенный гомункулус.

Исторически не так уж давно от новосформированного советского человека ожидали примерно тех же чудес, что сейчас ожидают от проектов, пропущенных через горнило информационных технологий. Не дождались. Как остроумно заметил уже цитировавшийся тележурналист Л. Г. Парфенов, в конечном счете оказалось, что «нет никакого нового советского человека. Те же обыватели – только еще хуже, чем дореволюционные, в худших условиях обывательских и прочее» [26].

Выключение человека из активной жизни прекрасно достигается с помощью вбросов в сеть едва сведенной в нечто членораздельное информационной пыли, которая найдет применение разве что в бездонных карманах телевсезнайки Вассермана и тех, кто готов потягаться ним в эрудиции. Обескураживает легкость, с которой отпал и без того тонкий защитный слой культуры, но еще большую тревогу внушает то, что он атрофировался не сам по себе, а был без колебаний отброшен как нечто ненужное, лишнее, морально устаревшее, т. е. невостребованное, выпадающее из современности.

Лотман твердо стоял на том, что вечное «…всегда носит одежду времени, и одежда эта так срастается с людьми, что порой под историческим мы не узнаем сегодняшнего, нашего, то есть в каком-то смысле мы не узнаем и не понимаем самих себя» [13, с. 11].

Лотман с сожалением констатировал, что невежество или полузнание – удел большинства наших современников [13, с. 19]. Доживи он до времени, когда выросли поколения россиян, которым остались неведомы сокровища русской культуры, он, наверно, воспринял бы это как нечто фатальное и как личную трагедию.

Нарушение заведенного порядка и уклада жизни беспокоило еще Уильяма Шекспира, и слова Гамлета «Распалась связь времён» – отклик классика на негативно сказывающиеся на обществе явления.

Возможно, есть столь же афористичный эквивалент, фиксирующий, что порвалась нить, связующая культуру, но что-то сходу ничего подходящего не пришло в голову. Однако сам феномен отцепления и отсечение каких-то составляющих и блоков внутри культуры безусловно, существует, и, мало того, это объективная реальность нынешней России. Сегодняшнее состояние русской культуры характеризуется фактическим отстранением молодежи от не попадающего, как она по неведению уверилась, в современность культурного прошлого. Всё понятийно устаревшее и неподъемное попросту схлопывается. Задвинутыми на дальние антресоли, где они

пополнили прежние залежи «культурного неликвида», оказалось многое из того, что притягивало и волновало не одно поколение, предшестующее новой генерации, условно названной с легкой руки В. Пелевина поколением Пи, поскольку это «племя младое, незнакомое» – величина неизвестная, пределы его возможностей не исследованы, а иррациональность мышления не поддается даже постмодернистскому структурированию.

Для Лихачева и Лотмана культура онтологически не могла быть дискретна, потому что они гармонично воспринимали ее с общим мироощущением той самой «слиянности начал и концов, единства истории и современности, неразрывности личного и всемирного, правды вечного круговорота вещей, более древней правды, чем скудная идея прогресса…», которое так точно сформулировал знаменитый писатель и искусствовед Серябряного века П. П. Муратов [24, с. 428].

К сожалению, вызывает сомнение, что сейчас в России да и во всем мире любая авторитетная фигура в состоянии повлиять на умы, направить общественное мнение в нужную сторону. Никакой новый Эразм Роттердамский не преуспеет, взявшись предостеречь человечество от ферментации глупости и стремления, желая легкой жизни, передоверить машинам разные сферы трудовой деятельности и ведение хозяйства.

Как светочи гуманитарной мысли и философы культуры Лихачев и Лотман отчетливо это понимали, осознавали, что будут услышаны лишь ничтожным меньшинством, и все же как могли делали то, что считали своим долгом: пытались воспрепятствовать отлучению молодежи от истинных ценностей и спешной замене их суррогатными. ри этом они задавались вопросом, сколь необратимы и допустимы неизбежные потери и издержки по определению болезненного переходного периода. Ученым было что с чем сравнивать и, стало быть, тем более очевидно, что в условиях структурных и системных пертурбаций и кризисных явлений сегодняшние деструктивные тренды и симптомы девальвации национальной культуры при всей серьезности не исключают оптимистические прогнозы и сценарии. Однако необходимое условие их осуществления – «посильно поддерживать равномерное существование всей нашей культуры как единого целого» [7, с. 104].

Возможно, виртуальный океан, в водах которого глубоко или мелко плавает сегодня всякая любознательная рыбешка, это свободная стихия и самая благоприятная среда, в которой у культуры вот-вот откроется «второе дыхание». Но, увы, пока просмотр полилога конкурса сетевых эрудитов откровенно удручает. Создается впечатление, что открытые для широкого доступа биты информации не пользуются спросом, и молодые всезнайки, охотно обмениваясь мнениями о тех же Лихачеве с Лотманом, явно не дали себе труда предметно вникнуть, а кто они собственно такие. Но для реплик и высказываний это ничуть не помеха. Так, некто alik-manov, по случаю заглянувший на сетевой огонек, приходит к следующему умозаключению: «Не скажу про Лихачева, а вот Лотман, по моему очень

скромному мнению, кажется величиной преувеличенной. Не глубина, а иллюзия глубины, псевдо-теория, алхимия» [1].

Комментарии в ответ не обнадеживают. Кто-то путает Лихачева с партийным функционером Е. К. Лигачевым, а кто-то уважительно, на полном серьезе констатирует, что Лихачев Лотману не чета, в подтверждение чего приводится «резонный» аргумент: «Опять же – целый автозавод в столице в честь него назвали. Знамо дело, большой человек был. Грузовик – полезнейшая вещь». Наверно, Дмитрий Сергеевич улыбается в гробу, узнав что оказывается знаменитый московский ЗИЛ носил его имя. Подобное невежество должно бы обескураживать. Однако в данном случае оно впрямую свидетельствует о сетевой вольнице.

Можно много и долго говорить, как важно и нужно нам сегодня и завтра наследие Лихачева и Лотмана, но толк от завещанного ими будет лишь тогда, когда что старый, что малый подсознательно и осознанно станут дорожить их наследием не на словах, а на деле. Как минимум, это значит не допустить превращения культуры в своего рода барахолку, блошиный рынок, в завалах которого роются все кому не лень, барахтаясь в аксиологической неразберихе и тщетно пытаясь разобраться в мешанине ценностей.

Сколько дурёх с их туповатыми дружками «вакцинируются» концертами Бузовой, при желании можно подсчитать, как и прикинуть количество детей, которые появятся у них с уже привитым иммунитетом от культуры. И даже на вскидку понятно, что горе от ума и шевеление мозгов по поводу смысла жизни или вопросов, что такое справедливость, красота и т. п. их чадам, как и им самим, не угрожает. Это ли не предпосылка стабильности и благополучия государства с темным и послушным народом?

Невольно приходит на память свежий анекдот. Молодой человек приглашает девушку на открывшуюся выставку популярного художника:

– Девушки, хотите пойти со мной в музей?

– Вы что, слово «ресторан» не выговариваете?

Времена меняются, но в философии культуры бесспорным и актуальным по-прежнему является единственный критерий: «Культура – это то, что… оправдывает перед Богом существование народа и нации» [7, с. 94]. Вопрос «выдержит ли поколение 2000-х гг.» строгий экзамен на соответствие этому апробированному критерию, открыт. При дефиците штучных людей культуры ожидания не слишком оптимистичные, но все же ситуация пока не бесперспективна.

Дай Бог, чтобы благополучно миновавшие фильтры ЕГЭ и прочие стандарты знаний, умений, навыков, компетенций и получившие подобно кумиру молодежной массы Ольге Бузовой красные дипломы юноши и девушки, на выходе были лучше, а не хуже, чем их советские мамы с папами и бабушки с дедушками, пока еще путающие киллеров с дилерами и рокеров с брокерами.

Давно с нами нет Лихачева, Лотмана, Мамардашвили, Аверинцева. И при вопиющей невостребованности людей, умеющих гуманитарно мыслить, и повсеместном замещении их не только не эквивалентным, но фактически противолежащим объектом – бюрократическо-демагогическим антиподом, дальнейшее сползание в варварство всерьез и надолго обеспечено.

Обнадеживает резонансное интервью с профессором МФТИ А. В. Савватеевым [28]. Оно привлекает правдивостью, смелостью и знакомыми, по-граждански ответственными интонациями, которые так характерны для Лихачева, Лотмана и иже с ними. Это значит, что их боевой дух жив и передан по назначению. И, следовательно, есть просвет в темном тоннеле, в который загнано нынешнее образование.

Вместо лучшей школы в мире, констатирует Савватеев, теперь полный кошмар: несчастные, задерганные учителя, которые нигде себя больше не нашли. Они с головой увязли в бесконечных и насквозь формальных курсах повышения квалификации, отчетных бумажках, справках о «компетенционных навыках», отодвинувших в сторону как нечто второстепенное главную суть преподаваемых предметов. Не лучше положение директоров школы. Их уже почти нет, потому что они повсеместно заменены администраторами, менеджерами. «... Нормальный директор школы не уживается в сегодняшней системе. Его начинают нагибать, потому что он не дает показатели, не подделывает выборы у себя, не вводит локдаун по отмашке и так далее. Нормальный директор сегодня – белая ворона» [28].

Родители положением дел в сегодняшней массовой школе не слишком смущены, потому что демотивированы собственным культурным и образовательным цензом. Как считает Савватеев, «...родитель уверен, что дети сюда пришли развлекаться. Что ребенку должно быть хорошо, а если двойки ставят и ребенок плачет, то это вина учителя. Наверное, он плохо учит. С появлением на сцене родителей-недоучек проблема многократно усиливается» [28].

Отрадно, что есть такие люди, как А. В. Савватеев. Они готовы рассеять мрак ключевых заблуждений в среде властей предержащих и их клевретов. Ученый бесстрашно называет вещи своими именами и показывает, во что выливаются лжереформы, в результате которых «оптимизированные потребители без всякой идентификации, без родины, без креста будут просто наполнять землю. Они будут мультикультурны, разнообразны и будут уметь брать кредит. Это и нужно корпорациям» [28]. Достойно цитирования и другое место из интервью: «Россия должна быть тупой, быдляцкой, потому что так легче управлять. Мы будем управлять быдляцкой Россией, а 10% будут получать прекрасное образование в элитном сегменте...» (Это способ мышления технократов)» [28].

Возможно, кому-то сказанное Савватевым покажется беспомощным всплеском утопических надежд, ожиданий, предложений. Однако автор этих строк видит в этом выступлении целую программу действий, у которой есть хорошие перспективы и которую, без сомнения, всячески под-

держали бы Лихачев и Лотман. Ведь А. В. Савватеев – их продолжатель. Они бы никогда не смирились с разгромом системы национального образования и превращения просвещения в мракобесие.

Публицистический плач политолога В. Б. Пастухова по поводу истощения в России элит и дистрофии культурного слоя [27] – малопонятный глас вопиющего в пустыне, ибо в сегодняшнем социуме лишь ничего не решающие, давно отжатые на обочину жизни и потому абсолютно неинтересные абсолютному большинству единицы способны распознать, где кончается «мыслящий тростник» и начинается «думающий муравейник». В отличие от Пастухова Савватеев не предается теоретической скорби над вечной культурной мерзлотой России, а предлагает хоть что-то практически предпринять, чтобы ее растопить, и обозначенный им механизм самовоспроизводства элит представляется действенным и результативным. Савватеев прагматичен, рационален, трезво и взвешенно ставит реальные, конкретные задачи и воздерживается от выдвижения несбыточных сверхзадач и мега-проектов. Если ему суждено стать лидером, который возглавит не только восстановление разрушенного, но и создание не нарушающей базовые принципы и традиции и отвечающей запросам современной эпохи школы знаний, то он –подходящая фигура, а в данный момент никого и ничего другого и не требуется.

Список литературы

1. Феномен Д. С. Лихачева. – URL: alik-manov.livejournal.com›86863.html.
2. Бергер С., Дертоузос М., Лестнер Р., Солоу Р., Тёроу Л. К К новой индустриальной Америке // В мире науки. –1989. –№ 8. – С. 6 – 17.
3. Бордовский Г. А., Извозчиков В. И. Эдукология как наука об образовании // Вестник высшей школы. – 1991. –№3. – С. 24–32.
4. Великие несоветские ученые. Аверинцев, Гумилев... – URL: NamedniBook.ru›velikie-nesovetskie-uchenye.html.
5. Лихачев Д. С. Демократия и свобода // Д. С. Лихачев. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. – М.: Российский Фонд Культуры, 2006. – 336 с.
6. Лихачев Д. С. Краеведение и экология культуры // Д. С. Лихачев. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. – М.: Российский Фонд Культуры, 2006. – 336 с.
7. Лихачев Д. С. Культура и ее роль в жизни человека // Д. С. Лихачев. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. – М.: Российский Фонд Культуры, 2006. – 336 с.
8. Лихачев Д. С. Мысли о жизни: воспоминания. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус. – М.: Российский Фонд Культуры, 2006. – 336 с.
9. Лихачев Д. С. Мысли о науке / Прошлое – будущему: Статьи и очерки. Л.: Наука, 1985. – 575 с.
10. Лихачев Д. С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. – М.: Российский Фонд Культуры, 2006. – 336 с.
11. Лихачев Д. С. Мысли о жизни: воспоминания. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус. М.: Российский Фонд Культуры, 2006. – 336 с.
12. Лихачев Д. С. Русский национальный характер / Д. С. Лихачев. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. – М.: Российский фонд культуры, 2006. – С. 263–275.
13. Лихачев Д. С. Русское искусство от древности до авангарда. – М.: Искусство. 1992– 408 с.
14. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и радиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 608 с.
15. Лотман Ю. М. Воспитание души. – СПб.: Искусство, 2005. – 624 с.

16. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992. – 272 с.
17. Лотман Ю. М. Мозг – текст – культура – искусственный интеллект / Статьи по семиотике и топологии культуры / Избранные статьи в трех томах. Т. I. Таллинн: Александра, 1992. – С. 25 – 33.
18. Лотман Ю. М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн: TLU Press, 2010. – 232 с.
19. Лотман Ю. М. Феномен культуры; Мозг – текст – культура – искусственный интеллект //Статьи по семиотике и топологии культуры /Избранные статьи в трех томах. Т. I. Таллинн: Александра, 1992. – С. 34 – 45.
20. Лотман Ю. М. Чему же учатся люди? // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – С. 459 – 462.
21. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1977. – Вып. 414 (Труды по русской и славянской филологии. Т. 28). – С. 3–36.
22. Мартынов В. А. Метод и время. Казус Лотмана // Вестник Омского ун-та. – 2019. –Т. 24. –№ 3. – С. 106 – 109.
23. Мартынов В. А. Метод и время: казус Лотмана. Статья 2-я. // Вестник Омского ун-та. –2020. –Т. 25. –№ 1. –С. 43 – 51.
24. Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. – М.: Наука, 1987. – 302 с.
25. Муратов П. П. Образы Италии. В 3 т. Т. 3. – СПб.: Азбука-классика, 2009. – 448 с.
26. Оливер К. Э. К теории сравнительной педагогики // Перспективы. Вопросы образования. –1989. –№ 2. – С. 15 – 30.
27. Парфенов Л. Г. Никому уже не «заходят» Ильф и Петров и Зощенко. – URL: https://zen.yandex.ru/media/parfenov/nikomu-uje-ne-zahodiat-ilf-i-petrov-i-zoscenko-615c30d1eb373e235108d6f6?&utm_campaign=dbr&. – Дата публикации: 05.10.2021.
28. Пастухов В. Б. Герои толпы или толпа героев? – URL: https://novayagazeta.ru/articles/2022/01/07/geroi-tolpy-ili-tolpa-geroev.
29. Савватеев Алексей. Почему умерло российское образование и что с этим делать. – URL: za-dergavy.livejournal.com›325131.html.

УДК 130.2

Сулимов Станислав Игоревич
Воронежский государственный университет, кафедра истории философии и культуры, доктор философских наук, доцент
Черных Владимир Дмитриевич
Воронежский государственный университет инженерных технологий, кафедра философии и истории, кандидат исторических наук, доцент

О СПЕЦИФИКЕ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА И ПЕРИФЕРИИ НА ПРИМЕРЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности эволюции взаимоотношений русской монархии с донским казачеством. Возникнув, как независимые от какого-либо государства воинская община, казачество долины Дона прошло исторический путь от ситуативного стратегического союзника России до привилегированного сословия имперского общества. Анализируя инкорпорацию казачества в российский социум, авторы сравнивают данный процесс с формированием британских колоний на Атлантическом побережье Северной Америки и их последующим отпадением от метрополии.

Ключевые слова: цивилизация, империя, колонизация, казачество

Sulimov Stanislav Igorevich
Voronezh state university department of history of philosophy and culture, Doctor of Philosophy, Docent
Chernykh Vladimir Dmitrievich
Voronezh state university of engineering technologies, department of philosophy and history, Candidate of history sciences, Docent

ON THE SPECIFICITY OF COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN CENTER AND THE PERIPHERY ON THE EXAMPLE OF THE DON COSSACKS

Annotation. The work deals with the peculiarities of the evolution of the relationship between the Russian monarchy and the Don Cossacks. The Cossacks of the Don Valley, having emerged as a military community independent of any state, have passed the historical path from a situational strategic ally of Russia to a privileged estate of imperial society. Analyzing the incorporation of the Cossacks into Russian society, the authors compare this process with the formation of British colonies on the Atlantic coast of North America and their subsequent separation from the metropolis.

Keywords: civilization, empire, colonization, Cossacks

Для каждого цивилизованного общества характерна экспансия за пределы своего изначального географического ареала. Чаще всего такая экспансия осуществляется в первую очередь политически, когда на базе той или иной цивилизации возникают государства-империи. Но в дальнейшем, когда цивилизация по мере своей зрелости начинает терять порыв непосредственного расширения за пределы, ей приходится каким-то образом выстраивать отношения со своей периферией, сформировавшейся в период прямой экспансии и поэтому сохраняющей иные нравы, нежели метрополия. Проще говоря, для каждой цивилизации, избравший для себя путь политической экспансии, однажды становится актуальным вопрос о типе отношений между центром и периферией, долгое время игравшей роль фронтира. В данной работе мы эскизно рассмотрим русскую специфику данной проблемы, выразившуюся в таком социально-политическом и духовном феномене как казачество, взяв в качестве образца Донское казачье войско; сравним русский опыт с практикой британцев в Северной Америке, которая привела к противоположным результатам.

Прежде всего, необходимо сделать важное уточнение. Как известно, казачество в своём историческом и культурном развитии претерпело немало изменений, в силу чего донские казаки XVII в. мало похожи на своих потомков эпохи Первой мировой войны. Эта эволюция представляет собой оригинальный процесс культурогенеза, который привлёк наше внимание в данной статье.

Долина Дона на нижнем течении реки, в которой после гибели татарских ханств Поволжья образовался политический вакуум, стала пристанищем для беглецов из Центральной России в XVI–XVII вв. Этому исходу физически крепких и храбрых мужчин из родных деревень способствовало усиление зависимости крестьян от помещиков и вотчинников, окончательно оформившееся в 1649 г. легализацией крепостного права. Зато южнее Белгородской засечной черты государственная власть Москвы не распро-

странялась, и в Диком Поле беглецы обустраивали свой быт по законам военной демократии. Возникает вопрос: почему вчерашние земледельцы переходили не становились мирными колонистами? Проблема заключалась в опасном соседстве переселенцев с кочевниками-степняками, которые не имели сил, чтобы покончить с казаками, но и терпеть их не желали. Крымский хан и турецкая администрация Азова тоже не приветствовали русских в степном регионе. Поэтому стычки, грабительские набеги и карательные экспедиции в долине нижнего Дона на рубеже XVI – XVII вв. были повседневной реальностью. Каждый казак примыкал к какому-то отряду, именуемому «станица». Иногда станицы подолгу жили на одном месте близ рыбных заводей Дона, Айдара и Медведицы, а порой в полном составе отправлялись в набег или для участия в военной кампании на стороне русской короны в качестве наёмников. Фактически станица представляла собой конный отряд, управлявшийся выборным атаманом, а Донское войско было федерацией станиц, которая на войсковом Круге выбирала единого для всего казачества атамана. Поэтому казачество самим своим существованием поддерживало иллюзию «республики равных», которой были очарованы крепостные крестьяне Центральной России. Столкновения с крымскими татарами и набеги на турецкие фактории Северного Причерноморья изрядно сокращали численность населения станиц, но постоянный приток беглецов из России был таким, что в короткое время покрывал любые потери. В частности, в начале XVII в. многие станицы становятся оседлыми и даже возникает подобие городов –укрепленные посёлки как Черкасск, Кагальник и др. Жизнь на Дону становится настолько безопасной, что многие казаки даже обзаводятся семьями, то есть не опасаются внезапного нападения и не собираются в обозримом будущем никуда переезжать. За южной границей Московского царства, таким образом, формируется военизированное полугосударственное образование.

Как же строила отношения с новоявленными соседями русская корона? Ведь почти каждый казак являлся беглецом от крепостного права. Следовательно, существование Донского войска оказывалось результатом просчёта русских полицейской и пограничной служб. Донские атаманы также не считали себя поданными московского царя. Поэтому русским царям предстояло устанавливать контакты с Доном, что называется, с чистого листа. И, следует признать, Иван IV Грозный проявил немалую гибкость, в 1570 г. пригласив казаков к совместным операциям против татар. С этого момента начались союзнические отношения между Донским войском и Московским царством, которые выражались во взаимной поддержке: казаки участвовали в войнах на стороне России, а из царских хранилищ им ежегодно высылали оружие, амуницию, боеприпасы и даже хлеб. При этом Донской Круг в остальных вопросах проводил самостоятельную внешнюю политику. Любые попытки поставить их в юридическую зависимость от Москвы казаки решительно отвергали. Так, в 1630 г. на заседании Круга был убит боярин Иван Карамышев, прибывший

из Москвы, чтобы привести казаков к государственной присяге [5, с. 256–257]. Однако союз с Россией, делавшей жизнь на Дону относительно безопасной и даже открывший возможность для торговли и земледелия, привёл к расслоению казачества. Донские старожилы открыли для себя сельское хозяйство, жили оседло и даже разводили лошадей, не боясь степных конокрадов, а постоянно прибывающие беглецы из России, так называемые «голутвенные», постоянно ждали новых походов и набегов, чтобы обогатиться [1, с. 115]. Именно избыток новичков стал социальной пружиной, толкнувший атамана Ермака на завоевания Сибири, а атамана Разина – в Персидский поход. В то время как зажиточное, обзаведшееся хозяйством казачество чётко осознавало, что источник его благополучия находится в Москве, пришлые удальцы оставались постоянным источником политической нестабильности.

Необходимо отметить и гибкость военной администрации в крепостях Белгородской черты. Ведь воеводы и починенные им разъезды должны были задерживать беглых крепостных, но они смотрели на пересечение границы беглецами сквозь пальцы. Такие смельчаки, пожив год-другой среди казаков, автоматически получали казачий статус и нередко возвращались в пограничные крепости в качестве донских наёмников [2, с. 30]. От такой политики выигрывали все: и беглецы, получавшие неотчуждаемую свободу, и атаманы, численность станиц которых не убывала даже после разгромных поражений, и царские воеводы, благодаря своей сговорчивости получавшие поддержку новоявленных казаков.

К сожалению, духовное единство донских казаков и жителей Центральной России в XVII в. не было прочным. На Дону нашли убежище многие старообрядцы, а во время восстания под руководством Степана Разина подстрекаемые раскольниками казаки расправились с Астраханским архиепископом Иосифом и некоторыми другими представителями духовенства [1 с. 137–138]. Проблема заключалась в том, что ближайшая к Донскому войску приграничная епархия усилиями святителя Митрофана Воронежского образовалась только в конце столетия, и поэтому в станицах долгое время не было священников вообще. Впрочем, благодаря постоянным требованиям царя и проповеди воронежских епископов донские атаманы всё-таки удаляли раскольников из своих поселений, направляя их в казачьи области Терека и Урала, где старообрядчество пустило глубокие корни. Однако к началу XVIII в. Дон оставался лишь союзником или, в лучшем случае, вассалом России, проводил самостоятельную внешнюю политику, а редкое станичное духовенство не имело постоянной связи с воронежским епископом. Во время Северной войны (1700–1721 гг.) это особенно давало о себе знать, потому что войсковой атаман Дона поддерживал собственные, никак не связанные с интересами русской короны отношения с Запорожьем и даже получал письма от шведского короля.

Поэтому в XVIII в. петербургское правительство взяло курс на постепенную интеграцию казачества в состав империи, уничтожая те его привиле-

гии, с которыми нельзя было смириться, и сохраняя те особенности казачьего уклада, которые нельзя было уничтожить. Так, начиная с петровских реформ донское казачество потеряло право выбирать войскового атамана и получало таковых из Петербурга, а в правление Екатерины II был упразднён войсковой Круг. Вместе с тем волнения среди яицких казаков, переросшие в Пугачёвщину, заставили корону отказаться от идеи налогообложения казачьих земель. Правительству удалось пресечь исход крепостных в казачьи области, но сами казаки были признаны неотчуждаемо свободными. Влияние Петербурга выразилось также и в распространении на Дону имперской системы образования, благодаря которой уже в первой половине XIX в. казачество получило собственный офицерский корпус. Пожизненная воинская служба казаков делала их собственниками станичной земли, что затрудняло проникновение на Дон иногороднего финансового капитала. Так, природные богатства Донского войска разрабатывали пришлые предприниматели, имевшие всего лишь статус арендаторов. Они не могли повлиять не только на войсковую администрацию, но даже на самого незначительного станичного атамана [3, с. 203–204]. Опыт взаимодействия короны с донским казачеством оказался настолько удачным, что был распространён на другие казачьи области, а те казачьи общины, которые искусственно создавались правительством на Дальнем Востоке и в Средней Азии, изначально проектировались по образцу Донского войска. Можно сказать, что в канун первой мировой войны казачество представляло собой не автономную этнокультурную общность в составе Российской империи, а одно из русских привилегированных сословий, имевшее свои особенности, но бывшее частью именно русского общества и никакого другого.

Говоря об инкорпорировании в состав Российской империи донского казачества, мы можем заметить любопытный парадокс. Казачьи поселения Дона возникли без какой-либо помощи Москвы, и лишь постепенное политическое сближение с Русским царством превратило казаков сначала в союзников короны, а затем и в её подданных. Духовное единство также формировалось поэтапно: начав как конгломерат представителей всех христианских конфессий, казачество в течение нескольких столетий полностью перешло в православие. Также необходимо отметить, что во взаимоотношениях с казаками русское правительство придерживалось важнейшего имперского принципа, который удачно сформулировал отечественный исследователь А. Мотыль: «Отношения доминирования, связывающие элиту ядра и периферийные элиты, можно уподобить колесу без обода: иначе говоря, политические и экономические контакты различных участков периферии между собой осуществляются только через центр» [4, с. 21]. В Российской империи атаманом всех казачьих войск считался наследник престола, а фактическое управление казачьими общинами осуществляло Главное управление казачьих войск, находившееся в Санкт-Петербурге. Возможно, именно поэтому даже в годы Гражданской войны казачьи ата-

маны не смогли создать между собой эффективного антибольшевистского союза, хотя и предпринимали такие попытки.

Возникает вопрос: могло ли казачество остаться независимым? Или его вхождение в состав России было предрешено с момента возникновения первых станиц? Ответ на этот вопрос нам предоставляет история британских колоний в Северной Америке. В отличие от казачьих поселений, они создавались лондонскими коммерсантами и религиозными диссидентами целенаправленно, путём формирования акционерных компаний, заранее планировавших переезд колонистов и строительство поселений. Однако политическая и религиозная нестабильность, охватившая Англию в первой половине XVII в., привела к тому, что связь между колониями и метрополией ослабла. Так, английская колония Нью-Плимут была основана на Атлантическом побережье Северной Америки в 1620 г., а в 1627 г. финансировавшая колонистов «Компания Массачусетского залива» перенесла свой офис в Новый Свет, выкупив акции у британских дольщиков [6, с. 176]. Основавший в 1630 г. Бостон протестантский проповедник и политический деятель Джон Уинтроп изначально настоял на введении в городе собственного законодательства и запретил колонистам обращаться в метрополию за третейским судом. Более того, во многих колониях, основанных пуританами (протестантами-диссидентами), англиканам, адептам государственной религии королевства, запрещалось проживать в законодательном порядке. Дошло до того, что в 1635 г. королевский Совет приступил к планированию военной экспедиции в североамериканские колонии, чтобы призвать их жителей к покорности. Однако финансовый кризис, вызванный непоследовательным правлением короля Карла I Стюарта, и последовавшая вскоре революция сделали подобную авантюру невозможной. Североамериканские колонии оказались предоставлены сами себе. Это не значит, что метрополия им не помогала. Во время Войны короля Филиппа (1675–1676 гг.) британские войска пересекли океан и защитили Нью-Плимут от атаковавших его индейских племён. Однако мало-помалу между колониями сформировались горизонтальные связи, выражавшиеся в формировании в случае нужды единого ополчения и прочных торговых договорах. Англичане, стремившиеся контролировать местный бизнес и занимать руководящие посты в колониальных администрациях, быстро оказались за океаном лишними. Именно поэтому стали возможными провозглашение Декларации независимости одновременно тринадцати колоний (1776 г.) и формирование единой Континентальной армии, создание единого американского правительства и выступления колониальных сепаратистов против войск метрополии единым фронтом. Можно предположить, что если русское правительство постепенно проникало во все сферы жизни казачьих общин и аккуратно подчиняло их себе, то британское правительство в силу случайности бросило колонии на произвол судьбы, а когда спохватилось, то оказалось не сувереном, а союзником пока ещё не провозглашенного заокеанского государства. В колониях успело сформироваться единое политическое,

экономическое и духовное пространство, в котором представители метрополии считались чужеземными гостями. Этот потенциал усивался год от года, пока не реализовался в провозглашении независимости полтора века спустя.

Подводя итоги нашего краткого обзора, необходимо в первую очередь отметить, что исторические пути русского донского казачества и британских колоний в Северной Америке оказались диаметрально противоположными: казаки в ходе своей исторической эволюции сближались с метрополией, а колонисты, наоборот, отдалялись от неё. Поэтому и финал собственной истории колонистов и казаков оказался противоположным: колонисты обрели независимость от метрополии, а казаки вошли в российское общество, получив статус одного из его сословий. Возможно, причина такой несхожести исторических судеб содержится в принципиальном для империй типе отношений между центром и периферией, запрещающем прямые контакты между фрагментами периферии. Россия смогла придерживаться этого принципа в отношениях с казаками, а Англия допустила отклонение от этого принципа в отношениях с колонистами. В итоге, результаты государственного строительства Российской и Британской империй оказались не похожими друг на друга.

Список литературы

1. Валишевский К. Исторические романы в IV т. / К. Валишевский. – Воронеж : ФАКТ, 1993. – Том III : Первые Романовы. – 432 с.
2. Загоровский В. П. Белгородская черта / В. П. Загоровский. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1969. – 304 с.
3. Крессон У. Казаки. История «вольных людей» от Запорожской Сечи до коммунистической России / У. Крессон. – М. : Центрполиграф, 2015. – 223 с.
4. Мотыль А. Путь империй. Упадок, крах и возрождение имперских государств / А. Мотыль. – М.: Московская школа политических исследований, 2004. – 248 с.
5. Савельев Е. П. Древняя история казачества / Е. П. Савельев. – М. : Вече, 2004. – 472 с.
6. Черчилль У. С. Британия в Новое время (XVI–XVII вв.) / У. С. Черчилль. – Смоленск : Русич, 2006. – 416 с.

УДК 930.1

Симашенков Павел Дмитриевич
Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»,
кафедра государственного и муниципального управления,
кандидат исторических наук, доцент
Севостьянова Анастасия Евгеньевна
Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка», студентка

НАРОД И СОБОРНАЯ ЛИЧНОСТЬ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. В статье раскрывается содержание понятий «исторический народ» и «соборная Личность» как идеологических концептов и нравственного камертона истории. Актуальность проблемы определена важностью переосмысления отечественного историософского наследия, способного обеспечить развитие науки в самобытном русле: по

мнению авторов, только такой метод обеспечит движение вперед, не прерывая связь времен и тем самым обеспечивая историческую ответственность.

Ключевые слова: народ, соборность, концептуальная история, славянофилы, патриотизм

Simashenkov Pavel Dmitrievich

Samara University of Public Administration «International Market Institute», Department of Public Administration, Candidate of Historical Sciences, docent

Sevostyanova Anastasia Evgenievna

Samara University of Public Administration «International Market Institute», student

THE PEOPLE AND THE COLLECTIVE PERSONALITY IN RUSSIAN CULTURE

Annotation. The article deals with the content of the concepts of «historical people» and «Collective Personality» as ideological concepts and moral tuning fork of history. The relevance of the problem is determined by the importance of rethinking domestic historiosophic heritage, able to ensure the development of science in a distinctive way: according to the authors, only this method will ensure progress without interrupting the relationship of time and thereby ensuring historical responsibility.

Keywords: people, synodality, conceptual history, Slavophiles, patriotism

Актуальность проблемы обусловлена необходимостью уяснения термина «народ» в социально-политическом и гуманитарном аспектах. Объект исследования – народ как идеологический концепт, предмет – историософское его осмысление.

История, как правило, преподносит уроки – да и то лишь способным ее постичь. Она подобна картине, висящей на стене музея в ожидании человека, способного вдохновиться ей. И потому так важно сызмальства поддерживать в людях способность воодушевляться и восхищаться, т. е. буквально – быть сопричастным духу Творца и способным сочувствовать отображенному в творении. Думаем, в этом таланте сопереживания и заключено «зерно патриотизма» [8, с. 48], когда человек чувствует духовное родство с живущими и ушедшими соотечественниками, воспринимая себя как частицу народа, а его историю и культуру – неотъемлемой частью и основой своей жизни: вот «с чего начинается Родина».

Легендарность русской истории во многом характеризуется феноменом соборной Личности. Легендарные эпизоды (поступки) подчеркивают типичное в народе: его мечты и чаяния, его представление о способе преодоления типового, т. е. обывательщины. А вот финал сказаний скорее типовой: или трагическая случайность или предательство как её неизбежность. Там, где по разным причинам принято не выделяться, мыслят собирательными образами, в этом и состоит парадокс конкретики типичного. Типичный герой в русской литературе не значит «типовой». Русский феномен "непростого простого человека" (дореволюционных «маленьких и лишних людей», героев «производственных романов» в СССР) – в причастности соборной Личности, благодаря чему образ становится квинтэссенцией общественного, но не массового. Сказанное в полной мере относится и к народу в целом; в нем, по утверждению М. Е. Салтыкова-Щедрина,

«…надо различать два понятия: народ исторический и народ, представляющий собой известную идею... второму я всегда сочувствовал» [6, с. 227]. Великий писатель как всегда прав – вопрос о народе есть в первую очередь вопрос о должном и сущем. Сравним с известным изречением П. Я. Чаадаева: «Настоящая история народа начнется лишь с того дня, когда он проникнется идеей» [11, с. 29].

Важно подчеркнуть: народ есть высшая, над-историческая реальность, посему исследователю едва ли доступно объективно ее охарактеризовать. Будучи современником, он растворен в народе, а если брать временну́ю дистанцию – «для истории нет возможности иметь дело с народными массами» [9, с. 370]. Это сродни пресбиопии, возрастной дальнозоркости, когда зрение подводит в обоих случаях: вблизи – слаборазличимая конкретика, вдали – абстрактная совокупность. Индивидуализирует всегда неправильность, асимметричность, «шершавость характера». С точки зрения эстетики, эта асимметрия, характерность обостряет в историках портретное чувство, желание за непохожим угадать, почувствовать, отыскать гармонию – то, что эта непохожесть декорирует.

Массовый (типовой) персонаж обыкновенно малопривлекателен. Наоборот, типичный образ облагорожено обобщён: «сочетание в одном рассеянных черт русских» [1, с. 452], как об этом писал Б. К. Зайцев о св. Сергии Радонежском. Здесь все дело в соборности, сплетающейся из множества общественных и (главное) культурных связей. Прелесть и неповторимость человека в цельности образа, сформированного множеством культурных компонентов. А значимость – в неслиянности и нераздельности каждого индивида и соборной Личности. Он ей не равен, но способен впитать ее опыт; а она не проявится без конкретного человека, зачахнет без воплощения. Благодаря соборной Личности мы и творим историю и сотворены ею. Социальные взаимодействия образуют сложнейший орнамент. Если это нация, орнамент уникален, имеет свой ритм и собственную частоту повторений ключевых элементов – значит, и собственную структуру. На наш взгляд, ключевым моментом, упорядочивающим хаос переплетений и тем самым определяющим красоту орнамента, является интеллигенция – деятели и носители культуры. Чем больше людей связаны с ними (читатели, почитатели, приверженцы, верующие), тем сплоченнее и своеобразнее народ.

Политики и ученые принадлежат истории, но сама она создается художниками и поэтами. Интеллигенция (как образ и подобие человечества на грешной земле) и есть те, кто претворяет идеологию. Невозможно присочинить населению некую «национальную идею» – она должна быть неотъемлема от самого народного духа. Вспомним опыт XIX в.: «народоверие» во многом выродилось в земские практики из-за того, что предполагало в известном смысле механическую смычку интеллигенции с массами. Но если притяжение противоположностей еще возможно, то едва ли – смешение. Народ как высшая реальность нуждается в земном воплощении, а не в корректировке, и

ему потребен «не бог, не царь и не герой», но символ – воплощение соборной Личности. В этом, по нашему мнению, причина неудачи народников: они предпочли миссионерство мессианству, о чем достаточно определенно высказался Е. Н. Трубецкой: «…предметом народнической веры служит жалкий страждущий бог – народ, который не спасает своих почитателей и не освобождает их, потому что сам ждет от них спасения» [10, с. 284]. От себя добавим: причислять к народу лишь страждущих – это очень по-русски. Социальное происхождение непринципиально: в разное время заступниками и печальниками почитали и Лжедмитрия I, и Козьму Минина, и государя Петра Феодоровича, и Степана Разина, и опального патриарха Никона. Принцип прост, наивен и оттого особенно убедителен: за народ и с народом тот, у кого душа болит за ближнего. А вот быть с народом, пребывая в благостном настроении от царских щедрот – невозможно.

Народ – субстанция, которую нагляднее и удобнее исследовать в контексте конфронтации и антагонизма: антинародная власть, народ и верхи, народ и реформы. Вряд ли народ против власти как таковой, но он – против безначалия, чаще всего проявляемого беспринципностью власть предержащих. В этом, вероятно, и причина окончания многих бунтов после высочайших заверений в показательной расправе над одиозными вельможами. Режим хочет видеть в народе политическую базу и опору, власть же немыслима без объединяющего идеала добра и справедливости.

Русские – нация, ближе и органичнее многих восприявшая красоту христианской догматики: не умозрительные трансценденции, но и не конкретные обывательские добродетели навроде умеренности и аккуратности. По М. М. Пришвину, мы как народ «…спасены от гибели не национальным эгоизмом и самомнением, а национальным самоотречением» [5, с. 86]. Осмелимся предположить, что стержень русской идеи – в уповании, сплаве веры в любовь и надежды на мудрость. Само слово «уповать» едва ли можно адекватно перевести на иностранные языки, в нем – простодушная доверчивость, наивность, жажда духовного прозрения и сверхъестественного разрешения проблем. Это сродни беззаветной родительской вере в способности и предназначение своих чад. И уверенности детей в том, что родные, Бог и Русь-матушка их не оставят. Разумеется, веру невозможно ни просчитать, ни подтвердить, ни опровергнуть. Но в ней те скрытые источники (а не ресурсы), что позволяли России возрождаться преображенной.

Генезис нашего народа в данном аспекте весьма специфичен. Исстари сами обстоятельства (ход вещей) были против русских и тем способствовали их сплочению, формированию национального самосознания. Переменными компонентами были супостаты, а константой – вроде и своя, но оттого не менее агрессивно-ненасытная бюрократия. Значит, и народной власть становится, вдохновляя на борьбу: неважно, против внутренних или внешних врагов. С этой точки зрения царизм времен 1812 г. народен (отсюда и известная уваровская триада, концепт народности). В России не было оформленных соци-

альных классов – и не только от размытости института собственности, а от общей веры, превалировавшей над частными и групповыми интересами. Потому-то «дубина народной войны» отстояла Русь (а не самодержавие) и в Смутное время, и в годину наполеоновского нашествия.

Другое дело, когда противник – не какая-то страна или страта. Опыт СССР доказывает: народ противостоял не только интервентам и «контре», но успешно боролся с разрухой, неграмотностью и технической отсталостью – за светлое будущее. Превосходство советской модели развития было оправдано тем, что именно наши люди управляли временем, торопя и опережая его. Западный мир способен лишь следовать трендам, отвечать на вызовы. Партия и правительство СССР возглавили борьбу народов *против* фашизма, империализма и колониализма. А борьбу *за* мир вела мировая система социализма, фундаментом которой был русский мир. Массы чувствуют себя народом, воодушевляемые протестом и сопротивлением (общая беда, общая проблема). Когда же все «за» – это в большей степени «міръ» в истинно славянофильском понимании. А. С. Хомяков полагал, что «силы духовные принадлежат народу и церкви. Правительству же предоставлено пробуждать или убивать их деятельность каким-нибудь насилием, более или менее суровым» [4, с. 120]. Как видим, краеугольным камнем является не «Gegenkampf», а вопрос достижения идеала, т. е. идеология.

Единодушие вовсе не усредненность, тем более – не единообразие. Каждый сам за себя – тактика выживания, но не стратегия победы. Любая множественность побеждается единством, единение же – дело не сложения, а концентрации. Русские люди, ощущая культурно-нравственное единство, в мире эмпирической, пошлой действительности консолидируются не столько «за, сколько против того, что посягает на идеалы соборной Личности. П. Н. Милюков исчерпывающе описал то, что ныне модно именовать «негативным народом»: «чувства негодования против оскорбителей святыни есть лучшая гарантия и доказательство нашей общественной солидарности» [3, с. 22]. «То, что народ считает святым, есть его скрытое "я", затаенная сущность духа», – подчеркивал М. О. Меньшиков [2, с. 355]. До революции такое называли народностью или национальностью, а в XIX в. практически отождествляли историческое с народным.

Общественное потому выше личного, что оно – личностное. «Дело» есть миссия соборного духа, в котором личность творит, включенная в цепь поколений. Человек единственный именно оттого, что не одинок. Вся масса пристрастий, воспоминаний и приверженностей – в его «соборном теле» – уникальна и удерживает от провала в вакуум небытия: так работает своеобразный «закон духовного притяжения», общности со своим Отечеством.

Может быть, человечество и есть сознающая себя мысль. Распространяясь, она способствует установлению равенства в самом идеальном смысле этого слова. Именно лучшее в людях допускает возможность гуманизма, суть которого – в трагической борьбе с мещанской установкой «на

всех не хватит». Согласно высказыванию Ю. Самарина, история «…движется вперед свободным совпадением народностей с высшими требованиями человечества. Чем свободнее, глубже и шире это совпадение, тем выше стоит народ» [7, с. 88]. Таким образом, отличия заключены не в бытовых моментах, а в идеалах, народом исповедуемых. Своеобразие стремления к идеалу и его реализации и есть главный критерий, определяющий историческое бытие народа.

Список литературы

1. Зайцев Б. К. Сочинения. –Т.1. –М., 1999. – 606с.
2. Меньшиков М. О. Письма к ближним: полное собрание сочинений. В 16 т. Т. 2. – М., 2021. – 831с.
3. Милюков П. Н. Из истории русской интеллигенции – сборник статей и этюдов. СПб., 1902. –308с.
4. Полное собрание сочинений А. С. Хомякова. –3-е изд., доп. –В 8 т. Москва : Унив. тип., 1886–1900. : Т. 1. –408 с.
5. Пришвин М. М. Дневники. –1918–1919. – М.: Московский рабочий, 1994. –384 с.
6. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в 10 т. Т. 9. – М., 1988. – 508с.
7. Самарин Ю. Ф. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 3. –М., 2017. – 396с.
8. Симашенков П. Д., Рогалева А. А. Историческая память и русская культурная идентичность/Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. –Иркутск, 2023. –С. 46–52
9. Соловьев С. М. Собрание сочинений. – Т. 11. М., 1989. – 406с.
10. Трубецкой Е. Н. Трубецкой Е. Н. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. – Томск: Водолей, 2000. –452с.
11. Чаадаев П. Я. Философические письма. – СПб, 2021. –101с.

УДК 37.017.93

Лазарева Татьяна Вячеславовна

Орловский музей изобразительных искусств,
старший научный сотрудник;
Орловский государственный институт культуры,
доцент, кандидат искусствоведения

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ДУХОВНАЯ ТРАДИЦИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И МУЗЕЙНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. В статье рассматривается народная духовная традиция русского народа. Ставится проблема смешения понятий православной и языческой духовности, необходимости их разделения в образовательном процессе (наряду с необходимостью обеспечения соотвествующей компетентности преподавателей учебных заведений). Затрагивается вопрос воспитательного потенциала произведений церковного искусства в рамках экскурсионной и просветительской деятельности художественного музея. Положения статьи основываются на личном многолетнем опыте православного искусствоведа-педагога, сочетающего преподавательскую и музеологическую деятельность.

Ключевые слова: духовность, православие, язычество, обрядовость, оберег, праздник, икона, образование

Lazareva Tatyana Vyacheslavovna

Orel Museum of Fine Arts, Senior Researcher; Orel State Institute of Culture, cultural heritage, Docent, Candidate of Art History

RUSSIAN FOLK SPIRITUAL TRADITION IN EDUCATIONAL AND MUSEUM PRACTICE

Annotation. The article deals with the issue of folk spiritual tradition of the Russian people. The problem of mixing the concepts of Orthodox and pagan spirituality and the need to separate them in the educational process, along with the need to ensure the proper competence of teachers in educational institutions, is posed. The question of the educational potential of works of church art in the framework of the excursion and educational activities of the art museum is touched upon. The provisions of the article are based on the personal long-term experience of an Orthodox art critic-teacher, who combines teaching and museological activities.

Keywords: spirituality, orthodoxy, paganism, ritualism, amulet, holiday, icon, education

Признаком современной российской культуры стал нарастающий интерес к традиционным вероисповеданиям. Преобладание *номинальных православных* в многоконфессиональной России делает художественную культуру восточнохристианской церкви объектом непреходящего значения, а не только культурологического и искусствоведческого характера. Церковное искусство является фактором, способствующим глубокому личному познанию исповедуемой веры для большей части населения страны. В то же время, наложение в сознании русского человека традиционных языческих взглядов и обрядовых традиций – религиозная двойственность – препятствуют уяснению чистоты веры и ее художественного воплощения.

Модным сегодня стало увлечение дохристианскими *верованиями предков*, реконструкция обрядов и атрибутики, развитие идей русских вед, следование заветам «Велесовой книги» и т. п., стилизация, синтез язычества и эзотерики. Не следует, однако забывать, что вероисповеднический выбор нашего народа был сделан однозначно и исторический путь страны давно определен. Возвращение же к истокам *русскости* (часто олицетворяемой с православной картиной мира), к осознанию основ национального единства, государственности, места и роли нашего народа в мировой истории, – немыслимо без обращения к искусству православной церкви.

Необходимо, на наш взгляд, четко разграничивать понятия *народной* культуры и традиционной *православной* культуры. За последние годы можно отметить публикации С. В. Веретенниковой, В. В. Коваленко, Г. Л. Круль, К. А. Колкуновой, Т. В. Малевич, Т. А. Полетаевой, Л. Л. Шевченко, –в том или ином аспекте рассматривающих тему христианского мировосприятия в сфере культуры и искусства, а также транслирующих православное самосознание в образовательную среду.

Учение христианской Церкви о *духовности* и соборное суждение о ней приводит, к примеру, митрополит Иерофей (Влахос): «Духовным является тот человек, который имеет в себе действие Святого Духа, тогда как душевным человеком является тот, у кого есть душа и тело, но кто не стяжал Святого Духа, дающего жизнь душе. Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может (1Кор.2, 14–15)» [8].

Например, в учебном пособии А. В. Юдина «Русская народная духовная культура» [10] духовность рассматривается, преимущественно, в дохристианском аспекте, языческая *духовность*, с ее развитой оккультной традицией ритуальных практик: использованием оберегов, магией, общением с духами, – явлениями, прямо противоположными духовности христианства. И закономерно, что отраженное в пособии Юдина *двоеверие*, сложившееся в народе с момента крещения Руси, наложение языческой обрядовой традиции на христианскую, православную, зачастую приводит к путанице не только в сознании студентов, но порой и самих преподавателей.

Пренебрежение к чтению Священного Писания и невежество в теоретических и практических вопросах православия в семьях и учебных заведениях приводит к устойчивости в сознании людей суеверий и «бабьих басен», от которых призывал уклоняться апостол. Так, например, приходится слышать совершенно недопустимые высказывания, о том, что крест выполнял у крестьян функцию оберега, а Троица – это «праздник березовых веточек»... Печальные плоды упорного невежества приходится видеть на брендовом в Орловской области фестивале Троицкие хороводы, когда после престольного в Орловском Полесье праздника и церковной службы или для фотоотчета по полученному гранту «Этно-лета» дипломированные деятели народной культуры лихо выходят в народ с ужасающим суррогатом, выдаваемым за элемент традиционной народной культуры (в костюме, музыке, песнях).

В учебно-методической литературе наблюдается острый дефицит материалов о христианской духовной и художественной культуре, поданных в форме, адаптированной для преподавания в светском вузе (как, например, историко-литургическое описание тех же церковных праздников, сопутствующих им символов и атрибутов). Зачастую оказывается, что студенты и выпускники института, работники культуры за внешней, обычно яркой и броской формой народного праздника совершенно не осознают исходного смысла сакрального события. Современная ситуация, требующая незамедлительного восполнения вакуума в духовно-патриотическом воспитании нации и, прежде всего, молодежи, ставит этот вопрос как остро насущный.

Повсеместное восстановление храмов и возрождение святых обителей требует от заказчиков и исполнителей работ серьезной компетентности в канонических, стилистических и технологических вопросах церковного искусства. Художественное наследие православной культуры является, наконец, важным объектом краеведения, педагогической практики и духовно-нравственного воспитания российской молодежи и общества в целом.

В рамках образовательной программы, в частности, Орловского государственного института культуры, знакомство с церковным искусством региона возможно в процессе изучения таких дисциплин, как «История искусств», «История материальной культуры», «Художественная культура народов России», «Атрибуция и использование в выставочной деятельности произведений изобразительного искусства». В целом уровень подготовки

студентов гуманитарных вузов к началу знакомства с православным художественным наследием края (наличие личного опыта и знаниевый ресурс) позволяют вести достаточно предметный разговор, но, как показывает практика, лишь на уровне бытового, обывательского восприятия объектов и понятий религиозной жизни. На грани корректности оказывается, например, применение термина *обряд* в отношении церковной службы или таинств и вовсе недопустима трактовка крестов, ладанок, именных медальонов как *оберегов*. Знания исторического и краеведческого характера не компенсируют отсутствия понимания сакральной значимости предметов церковного быта, вне духовного аспекта, осмысления явлений и принципов православной веры. Сложности возникают, например, при описании и анализе элементов скульптурного и архитектурного декора церквей, царских врат, плащаниц, потиров, кадильниц, иконных окладов, венчиков, цат и т. п.

Как правило, студенты имеют представление о языческой предметно-обрядовой среде орловского региона, христианизация которого проходила довольно поздно. Эпоха традиционных, дохристианских верований достаточно изучена и освещена в литературе советского периода, тогда как изучение наследия православной Орловщины активизировалось лишь в постсоветское время, и многие материалы и результаты исследования только вводятся в научный оборот.

Актуальность изучения художественной культуры орловского региона обусловлена и географическим расположением обширных некогда губернии и епархии в центральной части России, отражением в орловских памятниках стилистического влияния обеих российских столиц и Малороссии, при сохранении специфического местного колорита.

Краеведение Орловской земли отличает ее литературная специфика и связь региона с выдающимися деятелями культуры, искусства и государственной истории. Храмы, связанные с историческими личностями, описаны в художественной и краеведческой литературе; как архитектурные памятники эпохи, они позволяют образнее, конкретнее охарактеризовать среду, окружавшую того или иного деятеля (святителя Феофана Затворника, генерала А. П. Ермолова, П. А. Столыпина, писателей-орловцев). Материал о памятниках церковной архитектуры и живописи встречается в произведениях самих писателей, содержится в публикациях дореволюционного периода, исторических и архивных описаниях. Характер авторского описания раскрывает и многие вопросы мировоззренческого плана, позволяющие глубже понять историческую личность или художественные произведения литератора.

Студентам и молодым специалистам исследования в данной области дают понимание о ценностях, представленных в православии. Принцип краеведения особенно важен в этом случае, поскольку социализация будущих деятелей культуры проходит в родной для них среде, с ее ритмом, самобытностью, эстетическими нормами, художественным наследием, верой отцов...

Вопрос же изучения православного искусства на Орловщине непрост, по причине того, что большинство церквей было уничтожено при советской власти, а их имущество рассеяно. Наглядным материалом для изучения являются редкие чертежи и рисунки алтарных преград и элементов храмового убранства, фототипии рубежа XIX – XX вв., а также сохранившиеся аналоги в других областях страны. Имеющийся материал позволяет вести исследования на предмет стилистической принадлежности и иконографического состава храмовых алтарных преград, анализировать характер, качество и даже стоимость имущества городских и сельских церквей, узнавать имена заказчиков и исполнителей работ, выводить типологию монастырских, приходских, кладбищенских, соборных, городских, сельских и усадебных храмов, составлять схемы-реконструкции церковных интерьеров, систематизировать данные о местных приемах декорировки внешнего и внутреннего убранства храмов и иконных киотов, о церковном шитье, народных, купеческих и дворянских *вкусах* и т. п. Ценнейший опыт, особенно в техногенной, «цифровой» современности дает работа с архивными рукописными текстами, позволяющая буквально прикоснуться к традиции.

Экспозиция и фонды Орловского областного музея изобразительных искусств также открывает возможности изучения христианских памятников (с большой долей старообрядческих) и более глубокого понимания современных произведений церковного искусства, и в целом музейная коллекция выполняет функцию связи времен. В рамках сотрудничества музея с образовательными учреждениями в ОМИИ разработан тематический лекторий, посвященный в целом христианскому искусству, «Святой образ», в котором задействуются как произведения постоянной экспозиции, так и музейного фонда. На их примере, с привлечением исторического, богословского, краеведческого материала рассматриваются основы иконографии, проводится сравнительный анализ произведений на один сюжет православных и *западных* писем. Интерактивная форма лекций предполагает диалоговый вариант общения со зрителями-слушателями, а применение методов музейной педагогики позволяет значительно расширять возрастные рамки аудитории.

Своеобразным ключом к пониманию специфики христианской веры и искусства является церковный *праздник*, разительно отличающийся по своему значению от традиционного народного праздника. Так, например, иконописные образы святых праздников лишены бурной динамики, веселья и чего-либо не благочестивого. А трагическая тема, например, отмечаемого строгим постом Усекновения честной главы Иоанна Предтечи напоминает о том, что и «Распятие Христово», как и другие иконы «страстей», также входит в праздничный ряд иконостаса. Это обстоятельство значительно расширяет тему православного *торжества*, упраздняющего мирскую суету, когда священное событие совершается в вечности.

В небольшом зале русской иконописи Орловского музея изобразительных искусств великие и двунадесятые церковные праздники представлены на

высоком художественном уровне. Несколько образов конца XVII в. демонстрируют, по сути, высшие достижения локальной художественной школы, переживавшей в этот период свой расцвет. Несколько икон были переданы ОМИИ Ярославским художественным музеем в 1959 г. Расположенные на центральной стене четыре больших образа некогда входили в праздничный ряд (чин) иконостаса неустановленной ярославской церкви. Здесь же можно видеть «Усекновенную главу Иоанна Крестителя» из болховского храма, написанную в 1780-х гг. мастером Никитой Горбуновым. Старообрядческая мастерская ветковско-стародубского круга представлена в зале рядом икон, включая великий праздник Покрова Пресвятой Богородицы, от которого идут несколько исторических и богословских линий…

Изучение православных праздничных икон позволяет значительно расширить кругозор учащихся в вопросах традиционной художественной и обрядовой культуры и быта, а главное – глубокой духовной основы русского самосознания и картины мира.

Осознание связи поколений и традиций, *усвоение* религиозных принципов православия формируют личностную систему ценностей и нравственных качеств (органично связанных с национальным менталитетом), которые позволяют человеку адаптироваться в любом обществе и этнической среде. Православная эстетика, законы формообразования и стилевое многообразие, основанные на высоких образцах, поступательно формируют художественный вкус и аналитические навыки мышления. Изучение художественной культуры Православия имеет, безусловно, прогрессивное значение в деле становления нового поколения россиян, способных ценить святое и вечное.

Список литературы

1. Веретенникова С. В. Основы духовной культуры: учебное пособие для студентов багалавриата, обучающихся по направлению 44.03.01 «Педагогическое образование», профиль «Начальное образование». – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2019. – 268 с.

2. Духовно-нравственная культура. Основы православной культуры: учебное пособие для студентов ВУЗов / авт.-сост.: Л. Л. Шевченко. – М.: Центр поддержки культурно-ист. традиций Отечества, 2014. – 399 с.

3. Коваленко В. В., Круль Г. Л. Основы православной культуры. Часть первая: Основные понятия. – 2 е изд., испр. – Севастополь, 2005. – 164 с.

4. Колкунова К. А., Малевич Т. В. Понятие «духовность» в современной российской литературе // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. 2014. – Вып. 6 (56). – С. 72–88

5. Логунова Е. П. Православные ценности и художественная культура // Молодой ученый. – 2016. – № 26 (130). – С. 763 – 766.

6. Основы православной культуры: учебное пособие / сост. М. В. Махортова. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015 – 352 с.

7. Полетаева, Т. А. Православная культура. История и традиции. В 2 ч. Часть 1: учебник для вузов / Т. А. Полетаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 290 с.

8. Православная духовность / митрополит Иерофей (Влахос). – М.: Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. – 136 с.

9. Флоринский Н. Влияние русской православной церкви на культуру // Русин. – 2006. – № 2. – С. 12–24.
10. Юдин А. В. Русская народная духовная культура: учеб. пособие для студентов вузов / А. В. Юдин. – М.: Высшая школа, 1999. – 330 с.

УДК 130.2

Даренская Вера Николаевна
Луганский государственный педагогический университет, кафедра социальной работы, кандидат философских наук, доцент

ХРИСТИАНСКИЙ «КОД» РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье рассмотрены основные аспекты христианизации сознания и социальной жизни в русской традиционной культуре. Сделан вывод о высокой степени христианизации жизни русского народа в рамках его традиционной культуры. Эта жизнь была в первую очередь аскезой, направленной на спасение души и воспитание новых поколений в рамках христианской нравственности.

Ключевые слова: христианизация, социальной практика, русская традиционная культура, классика

Darenskaya Vera Nikolaevna
Luhansk State Pedagogical University, Department of Social Menagement, Candidate of Philosophical Sciences, Docent

THE CHRISTIAN «CODE» OF RUSSIAN CULTURE

Annotation. The article deals with the Christianization of consciousness and social practice of the Russian traditional culture. It can be concluded that the life of the Russian people is highly Christianized within the framework of its traditional culture. This life was, first of all, an ascesis aimed at saving the soul and educating new generations within the framework of Christian morality.

Keywords: Christianization, social practice, Russian traditional culture, classics

А. С. Пушкин писал о Православии как об основе русского национального характера: «греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер» [1, с. 91]. Христианизация русской традиционной культуры была одним из важных факторов русской истории на протяжении тысячи лет – от крещения Руси до 1917 г. В наше время элементы традиционной христианской культуры являются главным фактором, от которого зависит возрождение и выживание России в современном мире. Без учета этого фактора невозможно понять, как из маленького Московского княжества XIV в. уже в XVII в. возникло огромное континентальное государство. Это было бы невозможно без особых черт национального характера – именно православное воспитание народа давало ему нравственную силу для великих исторических свершений и подвигов.

В русской культурологии особое значение для данной темы имеют новейшие работы М. М. Громыко (1927–2020), в частности, книги «Мир русской деревни» (1991 г.), «Обращение к старцам в духовной жизни рус-

ских XX в. (Период гонений на веру и Церковь)» (2015 г.). Итогом этой работы стала книга энциклопедического масштаба М. М. Громыко и А. В. Буганова «О воззрениях русского народа» (2000 г.) [2], в которой было показано воплощение религиозного мировоззрения народа в самом образе жизни. Ранее пример энциклопедического исследования народного мировоззрения, однако почти без учета его церковной составляющей дал известный писатель В. И. Белов в книге «Лад. Очерки народной эстетики» (1981 г.). Как уже отмечено, первыми начали исследовать эту тему ученые и философы Серебряного века. В частности, Н. О. Лосский в своей книге «Характер русского народа» (1957 г.) на основании анализа большого количества исторических источников делал вывод: «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра» [3, с. 6].

А. С. Пушкин записал свой разговор с англичанином о русских крестьянах, в котором услышал от англичанина совершенно непривычные для себя суждения (пушкинисты выяснили, что звали этого человека Calvil Frankland, который жил в России в 1830–1831 гг.). Они очень важны для нашей темы как суждения «со стороны», из уст представителя самой передовой в то время страны Европы, который сравнивал русских крестьян с английскими простолюдинами (в самой Англии крестьян давно уже не было после эпохи «огораживаний» в XVI в. – остались только сельские батраки. Общий вывод англичанина, очень удививший А. С. Пушкина, состоял в том, что русские крестьяне живут лучше и свободнее английских сельских простолюдинов, не говоря уже о городских рабочих в Англии. Англичанин подвел итог своим доказательствам этого факта просто указанием на сам внешний вид русского крестьянина, который настолько удивил англичанина, что он дал ему такую оценку: «Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения с вами? Есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи?» [4, с. 127]. Чем объясняется всё то, что отметил англичанин в России?

В допетровскую эпоху крестьяне и дворяне были одинаково хорошо защищены законом, поэтому насилие в отношении крестьян жестко каралось. Например, в 1669 году князя Тимофея Оболенского отправили в тюрьму за то, что он заставлял крестьян работать в воскресенье. Петр I ввел более жесткие европейские крепостные порядки, однако и после этого крестьяне имели вполне реальную правовую защиту. Так, например, княгиню Надежду Трубецкую за издевательства над крепостными в 1853 г. сослали в Сибирь. С 1834 по 1845 гг. царское правительство привлекло к суду почти 3000 дворян и осудило 630 из них [5]. В школьные учебники с советского времени вошло упоминание «Салтычихи» дворянки Дарьи Салтыковой, которая отличалась садизмом по отношению к своим крепостным. Этот единичный пример психически больной женщины был почти единичным исключением среди дворян, поскольку обычно между помещиками и крестьянами были отношения взаимной любви и привязанности до такой степени, что отмена крепо-

стного права в 1861 г. для многих крестьян стала личной трагедией, он чувствовали себя брошенными. Об этом есть множество свидетельств в мемуарной и этнографической литературе того времени, а также этот факт отразился в известной строке Н. А. Некрасова: «Распалась цепь великая, распалась и ударила, – одним концом по барину, другим – по мужику» («Кому на Руси жить хорошо»). Однако для того чтобы выдать редкое исключение за якобы «правило», в учебниках обычно совсем не упоминается о том, что решением Сената и императрицы Екатерины Второй в 1768 г. Дарья Салтыкова была лишена достоинства столбовой дворянки и приговорена к смертной казни, но позже мера наказания была изменена на пожизненное заключение в монастырской тюрьме, где осуждённая и умерла.

Одним из весьма показательных мемуарных свидетельств отношений между крестьянами и помещиками и вообще о крестьянском мировоззрении и оценке крестьянами своей жизни являются воспоминания известного писателя XIX века П. Д. Боборыкина. «Мужик, писал он, – совсем не представлялся нам как забитое, жалкое существо, ниже и несчастнее которого нет ничего. Напротив! Все рассказы дворовых – и прямо деревенских, и родившихся в дворне – вертелись всегда на том, как привольно живется крестьянам, какие они бывают богатые и сколько разных приятностей и забав доставляет деревенская жизнь. Мужицкой нищеты мы не видали» [6, с. 53]. Кроме того, здесь П. Д. Боборыкин пишет также и о том, что во многом он – дворянин – сам был воспитан своими крестьянами: «кроме старших из своего сословия и круга, учителей и гувернеров, развивали нас и дворовые. Это вовсе не парадокс и не выдумка <…> я говорю о дворовых, моих друзьях, от которых я многому научился, и вовсе не в дурном смысле» [6, с. 52].

Особую ценность для понимания сознания и социальной практики народа имеют историософские труды архимандрита Константина (Зайцева) (1886–1975), подвизавшегося в Зарубежье. Этот автор, опираясь на исторические свидетельства современников, показывает глубокую воцерковленность народного быта в эпоху Московской Руси. Фактически, пишет он, образцом жизни для народа был монастырь, а мирская жизнь отличалась от монастырской только меньшей степенью аскетичности, но была построена на тех же самых принципах стремления к праведности, послушания и нестяжательства: «Святая Русь! Случайно разве то, что вся она от царских палат до крестьянской избы была подобием монастыря!.. Можно быть уверенным, что если бы мы обладали документацией, столь же обстоятельно раскрывающей нам жизнь простых людей тех же веков, сводка их дала бы нам подобную же картину жизни, устремленную духовным взором к идеалу монастырского устава» [7, с. 84].

Другой известный писатель и церковный ученый XX в., ныне уже прославленный в лике святых, Серафим (Соболев) в труде «Русская идеология» на основе свидетельства «внешних наблюдателей» дает такую характеристику воцерковленности жизни народа Московской Руси: «Иностранцы поражались церковностью Святой Руси и особенно ее благочести-

ем. Внешний вид русского города и селения показывал, что религия – господствующая сила в стране. Иностранцы видели в городах множество богатых церквей и монастырей. Палаты князей и богатых людей украшались внутри на церковный лад <…> на всех улицах стояли часовни, иконы в окладах, с зажженными свечами. Прохожие крестились перед каждою церковью и часовней, иные клали земные поклоны <…> Многие посещали церковь каждый день <…> Царь Алексей Михайлович в Великий пост выстаивал службу церковную по четыре часа, полагал по 1500 поклонов и этим удивлял иностранцев <…> Каждый русский православный человек ежедневно вычитывал или выслушивал Псалтирь, весьма многие из них клали ежедневно до 1200 поклонов с молитвою Иисусовой. Молитву Господню, Богородицу и Символ веры читали по нескольку раз в день. Кроме того, они читали молитвы во всякое время за делом, чтобы не развлекаться суетными делами и помыслами» [8, с. 16–19].

Один из иностранцев, чьи труды не были известны святителю Серафиму (Соболеву), иезуит Альберт Пигий в своем трактате «Новая Московия» (1523 г.) в главе «О нравах и религии московитов» писал так: «они живут согласно Евангелию Христову лучше, чем мы. Ибо среди них великим и гнусным преступлением считается лгать и обманывать друг друга. О прелюбодеянии, разврате, распутстве слышно у них редко. Противоестественные пороки не известны вовсе. Ложные клятвы и богохульства для них неслыханное дело, но к Богу и святым они питают столько почтения, что перед знаком распятия, где бы им не довелось его встретить, они благоговейно падают наземь <…> я частенько слышал, как родитель мой и многие другие почтенные люди, жившие бок о бок с московитами довольно долго, немало превозносили их праведность по сравнению с нашей» [9, с. 140].

Вместе с тем, начиная с XIX века, среди интеллигенции в России распространился миф о том, что православная вера народа является «темной», бессознательной и основана на непонимании того, во что они верят. В действительности этот миф в первую очередь свидетельствовал о невежестве и «темноте» самой интеллигенции, которая совершенно не знала народа, среди которого она живет. Однако в тех случаях, когда им его удавалось узнать, приходилось делать совсем иные выводы. Например, декабрист А. П. Беляев (1803–1887), во время своей сибирской ссылки впервые хорошо узнавший и изучивший простой народ, написал в своих воспоминаниях: «Православие глубоко проникло во весь наш народный организм <…> Наши реформаторы обыкновенно говорят, что русский крестьянин, как дикий, поклоняется иконам, как идолам, что ставят в упрек ему и даже православию. Но наши мыслители-реформаторы, не имеющие понятия о своей Церкви и своем народе, основывают свои мнения всегда на каком-нибудь непременно извращенном факте. Сколько я видел <…> и убедился, что народ наш поклоняется иконе не как доске или холсту, вмещающему в себя силу, а поклоняется изображенным на них Спасителю, Богородице и тем прославленным Самим Богом

святым, в которых Он обитал при жизни их во времени, как обитает в вечности» [10, с. 123]. М. М. Громыко также подтверждает этот вывод на основе анализа многочисленных и разнообразных источников: «при выявлении степени проникновения всей полноты религии в массовое сознание и в образ поведения данного народа обнаруживается глубокое единство церковной и народной православной жизни» [11, с. 23].

В этом контексте требует пересмотра и смысл понятия «народное Православие», которое многие исследователи до сих пор продолжают неверно трактовать как якобы «обрядоверие», не имеющее серьезного внутреннего содержания. На самом же деле, исполнение обряда в быту является тяжелым трудом, который возможен только на основе глубокой сердечной веры, и никак иначе. Это не что иное, как «бытовое исповедничество» – то есть глубокое проникновение Православия в жизнь народа. Архим. Константин (Зайцев) писал, о том, что Россия «жила в полном согласии с заветами Церкви, не словом только, не отдельными делами отдельных людей, а всей жизнедеятельностью, всем существом, всеми отправлениями народного и государственного организма – будь то домашний обиход, будь то воинское дело, будь то государственная служба или земская работа. И так – применительно ко всем, будь то царь или просто селянин» [7, с. 401]. Каковы были исторические предпосылки столь глубокой христианизации национального характера у русских? Многие русские исследователи указывали на тот факт, что сам русский народный характер – это то, что было сформировано за тысячу лет православной верой как главным фактором нравственного воспитания народа. Кроме того, имел значение и более ранний славянский характер. О. Павел Флоренский писал, что «русский народ <…> проникся некоторыми сторонами нравственного христианского идеала, точнее сказать, на которые наталкивались в народах культурно окрепших и по характеру более жестких. Черты христианского идеала действительно слились тут отчасти с природной организацией» [12, с. 546].

Вхождение веры в быт выражалось не только в общем строе жизни, но в языковой практике, непосредственно формировавшей сознание людей. Поэтому «одним из основных действий в народной религиозности было постоянное обращение к святому миру за получением благословение буквально на все, что делал или собирался делать человек. Полученное свыше благословение освящало и самого человека и все его деяния. Выходя утром из дома, говорили: “Господи, Иисусе Христе, помилуй меня, Господи!”» [13, с. 326]. В ту эпоху, когда большинство народа еще не умело читать, Слово Божие воспринималось в первую очередь устно – во время богослужений в храме, а также в благочестивых разговорах со священником и грамотными людьми, которые читали Библию и церковную литературу. Однако, кроме этого, существовал также и устный православный фольклор в виде разных пересказов Священного Писания и духовных стихов. Исследователи XIX–XX веков обнаружили и записали огромное коли-

чество фольклорных религиозных текстов, бытовавших в народе и фактически создававших религиозную культуру народа.

Архим. Константин (Зайцев) сформулировал главный принцип социальной и государственной жизни русского народа, который также формировал его характер на протяжении многих веков. Суть этого принципа состоит в общем для всех служении Богу и общему благу государства – то есть в выполнении своего нравственно-религиозного долга: «Все, и властвующие, и подвластные, разнствуют лишь формами зависимости – будь то “служба” властвующих, или “тягло” подвластных <…> Московская Русь вынуждена была сплавиться в монолит обязательной службы» [7, с. 172–173].

Современный исследователь А. Л. Юрганов хорошо разъяснил смысл основных политических понятий того времени: «каждый православный человек – раб Божий и холоп государев; но в отношении к самому себе он – владыка, господин. Иначе говоря, человек – “владыка себе”, потому что он – раб Божий, Его творение <…> В слове “холоп” для русского средневекового человека не было ничего оскорбительного. В нем звучала даже благочестивая нота: все мы рабы Божьи, а значит, и холопы государя, власть которого от Бога! В том не было унижения достоинства» [14, с. 216]. Тем самым, очевидно, что политические понятия традиционной России были производны от понятий религиозных, и поэтому главным было в них понимание человека как «раба Божьего» – в *позитивном* смысле: как человека, трудящегося для Бога и творящего благо. Это означает высшее развитие христианской свободы – как преодоления собственного эгоизма. Западные путешественники удивлялись особому почитанию царя русскими людьми и усматривали в этом «рабство». Такая оценка говорит о том, что у западных людей к этому времени политические понятия уже были не христианскими, и их место занял неоязыческий эгоизм, который они наивно и считали «свободой». Тем самым, здесь мы видим более высокое нравственное развитие русского народа по сравнению уже с тогдашними европейцами как следствие более глубокой христианизации русского национального характера.

Только благодаря особым нравственным качествам русского народа, воспитанным Православием, Россия смогла создать многонациональное государство-цивилизацию – Русский мир. Об этих качества писали иностранцы, которые могли судить объективно, часто даже не в свою пользу сравнивая их с качествами своих собственных народов. Например, лорд Дж. Керзон, вице-король Индии, сравнивая русских с европейцами, в вое время писал: «Русский братается в полном смысле слова <…> Он не уклоняется от социального и семейного общения с чуждыми расами <…> к чему англичане никогда не были способны» [Цит. по: 15, с. 15]. Такая особенность национального характера русского народа обусловлена как объективными, «земными», так и духовными причинами. Объективные причины хорошо известны – это изначально многонациональных характер русского государства. Но не менее, а возможно, ещё более важна и духов-

ная причина – это христианское воспитание народа именно в Православии, а не в протестантизме, как у англичан. Англиканство и все другие западные конфессии, образовались в результате их отпадения от Православной церкви, поэтому в дальнейшем воспитывали свои народы на основе чувства своей непогрешимости и исключительности. Православие, хотя и давало людям знание о том, что это истинная Церковь, чувство превосходства над другими не воспитывало, но наоборот, воспитывало чувство смирения. Затем это религиозное воспитание очень четко отразилось и в национальном характере. Так, Н. А. Бердяев справедливо отмечал, что «Россия – самая не шовинистическая страна в мире. Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины <…> Русский не выдвигается, на выставляется, не презирает других» [16, с. 8].

Социально-экономической основой внутренней свободы развития и распространения русского народа на огромных территориях был общинный образ жизни. Известный этнограф XIX века С. В. Максимов высказал об этом очень радикальную, но вполне объективную мысль: «Русский народ – особый народ. И живет он таким строем жизни, который общего не имеет с Западом. Живет он укладом, который имеет много общего с древним Израилем. Он не знает частной собственности, как не знал её Израиль <…> И наше отечество не знало частной собственности абсолютной, а все владели землею временно и условно. Убеждение, что *так и должно быть*, по наблюдениям Максимова, живет в сознании русского народа глубоко и прочно» [Цит. по: 17, с. 13]. По русскому народному православному воззрению, земля – Божия, а не человеческая, и люди владеют ею только как даром Божиим. Община распределяла землю по справедливости – в зависимости от количества «ртов» и трудолюбия в разных семьях. Это не что иное, как *библейское отношение к земле и к собственности*, которое сохранялось в Росси на уровне массового сознания крестьян и других сословий вплоть до революции 1917 года.

В реальности жизнь русского народа в его традиционной культуре до 1917 года в первую очередь определялась не экономическими, а нравственно-религиозными факторами и была основана на исполнении евангельских заповедей – в той мере, насколько это было возможно в рамках условий жизни. Социальная жизнь русского народа до 1917 года во всех её измерениях (семейной, экономической и государственной) фактически была частью религиозной жизни и поэтому должна оцениваться в первую очередь с этой точки зрения. И с этой точки зрения, благодаря приведенным наблюдениям и обобщениям классиков русской литературы, можно сделать вывод о высокой степени христианизации жизни русского народа в рамках его традиционной культуры. Эта жизнь была в первую очередь аскезой, направленной на спасение души и воспитание новых поколений в рамках христианской нравственности. В этом отношении русская традици-

онная культура достигла большой высоты и была примером для других христианских народов.

Список литературы

1. Пушкин А. С. Заметки по русской истории XVIII в. // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. – Т. 8. – Л.: Наука, 1978. –С. 89–93.
2. Лосский Н. О. Характер русского народа. – М.: ДАРЪ, 2005. –336 с.
3. Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. – М.: Паломник, 2000. – 541 с.
4. Пушкин А. С. Мысли на дороге // Соч. в 10 т. – Т. VI. Критика и публицистика. – М.: Худож. лит., 1960. – С. 392–396.
5. Когулько Ж. Права крепостных в Российской Империи. – URL: https://www.rusday. com/articles_new/2017–11–05/7637/
6. Боборыкин П. Д. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. – За полвека (главы I–VIII). – М.: Худож. лит., 1965. – 672 с.
7. Архимандрит Константин (Зайцев). Чудо русской истории. – М.: Форум, 2000. –864 с.
8. Архиепископ Серафим (Соболев). Русская идеология. – М.: Лествица, 2000. –430 с.
9. Альберт Пигий. Новая Московия // Русский Сборник: Исследования по истории России: архивные находки и источниковедение. – Т. XXX. – М.: Модест Колеров, 2021. – С. 7–149.
10. Воспоминания декабриста Александра Петровича Беляева // Своей судьбой гордились мы: Декабристы в Сибири / Сост. М. Сергеев. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. – С. 111–142.
11. Громыко М. М. О единстве Православия и Церкви в народной жизни русских // Традиции и современность. –2002. –№ 1. – С. 3–31.
12. Флоренский П. А., свящ. Записка о Православии // Соч.: в 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – С. 544–551.
13. Листова Т. А. Мир святости в религиозном народном понимании // Святыни и святость в жизни русского народа: этнографическое исследование / Сост. О. В. Кириченко. – М.: Наука, 2010. – С. 285–337.
14. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. – М.: МИРОС, 1998. – 448 с.
15. Кожинов В. В. Россия как уникальная цивилизация и культура // Кожинов В. В. Победы и беды России. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 11–27.
16. Бердяев Н. А. Судьба России. – М.: Изд. МГУ, 1990. 240 с.
17. Фомин С. Джорданвилльский отшельник // Архимандрит Константин (Зайцев). Чудо русской истории. – М.: Форум, 2000. – С. 3–28.

УДК 930.85

Немчинов Виктор Михайлович

Отдел сравнительного культуроведения,
Институт востоковедения РАН, г. Москва,
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник

НОВАЯ ЭКРАНОЦЕНТРИЧНАЯ КУЛЬТУРА И ВОСПРИЯТИЕ НЕЗАПАДА В РОССИЙСКОМ ВОСТОКОВЕДЕНИИ

Аннотация. В статье анализируется радикальное изменение когнитивного восприятия мультикультурализма, произошедшее за последнее десятилетие благодаря беспрецедентному распространению персональных устройств связи, используемых для мгновенной цифровой передачи информации. Данное обстоятельство, наряду с появлением ранее не-

виданного мира киберкультуры, устраняет доминирующую роль западной цивилизации в контроле над технологиями производства и распределения знаний. В отечественном востоковедении Незапад рассматривается как мегарегион, имеющий собственную цивилизационную субъектность. Он начинает обладать потенциалом, способным заменить действующую модель глобализации на иную, более гуманную планетарную парадигму, действующуюво благо всего человечества, включая мир биосферы и неживой природы.

Ключевые слова: российское востоковедение, мультикультурализм, мегарегион, Незапад, планетарный переход, экраноцентричная цивилизация, киберкультура и киберпространство

Victor M. Nemchinov Ph. D (econ.)

Institute of Oriental studies, Moscow, Candidate of Economic Sciences, Senior research fellow

NEW PERCEPTION OF NON-WEST IN RUSSIAN ORIENTAL STUDIES

Annotation. The paper deals with the radical change into cognitive perception of multiculturalism that has occurred during the past decade due to unprecedented spread of personal gadgets used for instantaneous information exchange. This eliminates Western predominant role in the control of knowledge producing technologies. Russian Oriental studies consider Nonwest as a mega-region having its own civilizational potential, capable of replacing the current model of globalization for the new planetary paradigm that would operate for the benefit of all mankind, including the domains of biosphere and inanimate nature.

Keywords: Russian Oriental studies, multiculturalism, mega-region, Nonwest, planetary transition, screencentric civilization, cyberculture and cyberspace

За последнее десятилетие во всем мире произошли информационно-технологические изменения, распространяющиеся по экспоненте. Они коренным образом расширяют горизонты познания и понимания человеком своего места в мире. С середины прошлого века эту миссию выполняла устоявшаяся супер-цивилизация XX века, которая активно претендовала на роль всеобщего магистрального пути развития. Ее очевидные плоды часто служили оправданием навязывания западной глобализации всем автохтонным культурам. На смену односторонне социально-политизированной эпохе четвертой промышленной революции, с ее ставшими привычными форматами глобализации, общества всеобщего потребления, массового воспроизводства, интенсивного международного обмена, уравнительных неравновесных стандартов и постоянного внедрения ресурсоемких инноваций, приходит новая реальность, благодаря которой сегодня становятся очевиднымисоциальные и экологические издержки сразу нескольких последних технологических укладов. Постепенно меняется оптика, через которую мы видим общую картину мира, начинают явственнее просматриваться многогранные незападные возможности развития. Что же влияет напоявление этих, часто ускользающих от обыденного восприятия, сразу нескольких новых линий-подвижного когнитивного горизонта, повсеместно открывающего каждомумногосторонние культурные ценности?

Это, прежде всего, широчайший объем, предельно высокая скорость и неограниченная доступность любых сведений, круглосуточно получаемых огромным числом людей в разных странах, регионах и даже в самых удаленных

и труднодоступных точках нашей планеты. Постоянно доступная людям аудио и видеосвязь делает прозрачными возрастные, кастовые, сословные и этнонациональные границы, «разводняет» извечную монополию на управляющую информацию, сжимает пространство и время, разделявшее разные расы и народы мира. Успехи развития искусственного интеллекта и распространение синхронного машинного перевода на десятки языков мира как бы заново выстраивают верхние этажи разрушенной библейской Вавилонской башни.

Разумеется, устоявшиеся привычки самоопределения и стереотипы мировосприятия, как минимум взрослых поколений, не меняются в одночасье. Пока новые технологии опережают сознание отдельных лиц и различных групп интересов, в киберпространстве сохраняется возможность умышленно вводить неподготовленных пользователей в заблуждение. Сетевая анонимность и экстерриториальная удаленность допускают различные злоупотребления. Появилось негативное явление киберпреступности. Отсюда возникает понятная необходимость в строгой сетевой самодисциплине, собранности, персональной осведомленности и обязанности личности оберегать собственный образ мира и свое внутреннее культурное пространство. В этом проявляется особая специфика проблемы верификации цифровой информации.

С незапамятных антропологических времен, когда людская солидарность и способность к творчеству выделила нас из Первого мира природы и наделила человечество Вторым миром – миром культуры, существовала осязаемая живая связь между физической реальностью и психофизическими просторами воображения. Механизм этих связей опосредуется накопленным культурным наследием, логоцентричностью человеческой души, авраамической конфессиональностью и живыми родниками нашей памяти. Цифровизация совсем недавно породила Третий мир – особый экранный мир киберпространства. Реализуемый сейчас переход к электронной культуре и экраноцентричной цивилизации образует лишь часть киберпространства. Проблема, с которой будет сталкиваться человечество, состоит в том, что киберпространство в его автоматизированных ипостасях может быть полностью автономно и оторвано и от планетарного мира окружающей нас природы и от множества человеческих культурных миров. Как это ни парадоксально, но современной гуманитарной науке теперь приходится все ближе приближаться к сфере научной фантастики.

И тем не менее нужно отметить то важное обстоятельство, что в мире нашей культуры появились ранее невиданные, неограниченные возможности для каждого пользователя свободно становиться автором любого, приходящего в голову, содержания, чатов, блогов, клипов, лайфхаков и пр. По мгновению пальца, вся эта мультимедийность делается доступной неограниченной по своим масштабам аудитории. Это принципиально новая коммуникативная ситуация. Добавьте к этому быструю, рекурсивную обратную связь в режиме реального времени, и вы увидите лишь некоторые контуры современной сетевой коммуникации. Конечно, столь необходимое человеку

взаимодействие с другими людьми и желание получить их широкое одобрение, пусть в виде крошечного идеографического значка-лайка, вполне понятно. На этой естественной потребности строится совершенно новая растущая экономика генерирования человеческого внимания (и его маркетинговой монетизации). Приходится признать, что электронное общение подобного типа можно уподобить красивым разводам нефтяного пятна на поверхности воды. Такая радужная пленка мгновенно растекается максимально вширь, но при этом ее собственная глубина остается предельно плоской, не превышающей толщины одной молекулы бензина.

Одним из наиболее важных факторов глубокого научного понимания сложности и многоцветности миров человеческой культуры является отечественное востоковедение, недавно отметившее свое двухсотлетие. В отличие от разнообразного спектра экспедиционных страноведческих исследований западной ориенталистики, которая изначально породила односторонне направленный гносеологический конструкт Востока, положение этой гуманитарной науки в нашей стране имеет свои характерные особенности, неоспоримые достижения и общекультурные преимущества. Находясь между Западом и Востоком, мы обладаем многовековой непосредственной включенностью и прямым познанием огромного Евразийского пространства, Средней Азии, Кавказа, Дальнего Востока и Крайнего Севера. В этом плане мы владеем тройственным герменевтическим вектором видения мировых проблем. Нашим ученым в большом сообществе востоковедческих научных и высших учебных заведений, активно работающих по всей стране, внятны как собственное место России в мире, равно как и отношение к нам Запада, так и коренная роль всех стран Востока, Юга, АТР, Африки и Латинской Америки, которые нам правильно будет называть собирательным термином Незапад. В эпоху биполярного мирового порядка, данный мегарегион имел обобщенноеобществоведческое название «Третий мир».

Говоря непосредственно об Институте востоковедения Российской академии наук, необходимо отметить его уникальную научно-исследовательскую преемственность. В течение двадцати лет под руководством академика Б. Б. Гафурова наибольшее внимание тысячи научных сотрудников Института уделялось фундаментальным исследования по тридцати гуманитарным направлениям. Востоковедение при академике Е. М. Примакове использовало этот ценнейший научный потенциал для всестороннего анализа актуальных проблем современности. Именно в это время был разработан и успешно воплощен коллективом Института под руководством В. А. Яшкина блестяще оправдавшийся Прогноз социально-экономического развития стран Востока на 1980–2005 годы. Концептуально значимыми по сей день остаются продвинутые разработки конструктов Азиатского способа производства, раздаточной экономики, теории многоукладности. В настоящее время в арсенале исследователей интересное место занимает междисциплинарное коллективное исследование нового

мультикультурализма в России и на Востоке в разрезе проблем глобализма, регионализма и идентичности в первой трети XXI в. Многоуровневая разработка этой тематики строится с позиций сопоставительного культуроведения, поскольку западная теория и многолетняя практика политического мультикультурализма в Западной Европе и, в частности, в Германии, по признанию руководства этой страны, закончилась провалом.

Мультикультурализм как гуманитарный конструкт расширения интеллектуального и творчески разнообразного человеческого потенциала будет, по нашему мнению, знаменовать освоение нового общепланетарного подхода к решению задач восьми миллиардов жителей Земли, а не особо выделяющего себя «золотого миллиарда». Ряд ключевых стран Востока и Незапада уже сегодня находится на технологически достаточно передовых рубежах развития совокупного нового информационного общества (НИО.2). В последние пять лет это предполагает ускоренную активную адаптацию человеческого капитала к характеру работы и жизни в условиях повседневного непосредственного контакта миллионов молодых людей с киберпространством. Подготовка перехода подобных масштабов потребует массового изменения принципов, методов и практики предоставления государственного среднего, высшего и специального профессионального образования в странах Незапада. Сложность эффективного решения подобной насущной задачи состоит не только в том, что ее невозможно воплощать на путях стратегий догоняющего социально-экономического развития, но также и в том, что хозяйственная структура этих стран сохраняет основные черты стойкой многоукладности. При этом Интернет вещей, искусственный интеллект и киберпространство уже охватывают все социально-общественное пространство планеты без скидок на различия и особенности существования локальных сегментов традиционных культур и этнических сообществ.

УДК 141.41

Лойко Лариса Егоровна
Академия МВД Республики Беларусь,
кафедра философии и идеологической работы,
кандидат философских наук, доцент

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И РИСКИ НИГИЛИЗМА

Аннотация. В статье представлена динамика русской культуры с позиции свойственных ей рисков нигилизма. Обнаружено, что явное доминирование духовных факторов в культуре не означает отсутствия предпосылок для нигилизма. Этот парадокс наблюдали Н. Бердяев и Н. Лосский. Одной из причин этого парадокса является стремление России соответствовать общемировым цивилизационным стандартам индустриальной культуры.

Ключевые слова: русская культура, духовность, нигилизм, социальная динамика

Loiko Larisa Egorovna
Academy of the Ministry of Internal Affairsof the Republic of Belarus, Department of Philosophy and Ideological Work, Candidate of Philosophy, Docent

RUSSIAN SPIRITUAL CULTURE AND THE RISKS OF NIHILISM

Annotation. The article deals with the dynamics of Russian culture from the standpoint of its inherent risks of nihilism. It was found that the clear dominance of spiritual factors in culture does not mean the absence of prerequisites for nihilism. This paradox was observed by N. Berdyaev and N. Lossky. One of the reasons for this paradox is Russia's desire to meet the global civilizational standards of industrial culture.

Keywords: Russian culture, spirituality, nihilism, social dynamics

История России настолько динамична, что эта динамика постоянно обусловливает вопросы о сущности ее духовной культуры. Чисто рациональный логический подход к вопросу не дал ответа. Стали обращаться к потенциалу когнитивистики. Используется понятийный аппарат, представленный концептами «ментальности», «политического ритуала», «политического мифа», «традиционалистской реакции», «социальной идентификации», «политической культуры».

Особенностью русского менталитета считается мифологизированное восприятие государственной власти. Однако парадоксальность этого утверждения заключается в том, что это мифологизированное представление всегда должно поддерживаться фактором духовной и светской личности [1]. Так было в период Древней Руси, когда Кирилл Туровский переживал за последствия государственных решений Андрея Боголюбского [2]. Так было с Александром Невским, и так было в 1380 г. когда Сергий Радонежский благословил Дмитрия Донского на ратный подвиг и защиту Отечества.

Петру I хватило его государственной личности на великие преобразования, но это было исключение [3]. Когда светская государственная личность Николая II оказалась слабой, мифологизированное восприятие государственной власти не обеспечило сохранность Российской империи в 1917 г. О подобных сценариях в первой половине XX столетия стали думать Н. Бердяев и Н. Лосский [4]. Они понимали, что за разрушением традиционных институтов российского общества последует прямая угроза существованию русской культуры.

Н. Бердяев полагал, что существует общая тенденция индустриализации, в которой все большую роль будет играть не культура, а цивилизация, представленная техникой и инструментальной рациональностью. Он пытался прояснить судьбу и душу России в новых форматах цивилизации [5]. Поскольку марксизм стал государственной идеологией в России с 1917 г., то человеку было трудно сохранить индивидуальную свободу, когда общество требовало от него активного участия в социальных проектах. Спасением мог стать только персонализм, который сохраняет индивидуальную связь индивида с Богом и в рамках этого отношения берет на себя определенные обязательства следовать христианским заповедям традиционной культуры.

Н. Лосский, понимая, что рационализм стал инструментальным механистическим, обращается к интуитивизму. В его предметном поле он находит сопряжение ценностей Истины, Добра и Красоты. Для него является важным сохранить целостность традиционной культуры. В ней ценности актуальны как духовная платформа, на которой осуществляется построение и функционирование мировоззренческой семантики конкретной исторической эпохи.

Н. Бердяеву и Н. Лосскому пришлось покинуть пределы России, поскольку сторонники марксизма до конца XX столетия использовали Россию и ее ресурсы для реализации глобального проекта построения коммунистического мироустройства. В этих условиях основным носителем русской православной духовности оставались простые люди, которые сохраняли иконы и поддерживали духовную деятельность священников. Наличие духовной основы всегда было важным для России, в особенности когда в недрах российского общества сосуществовали полярные тенденции, связанные с традиционализмом и западническим представлением о демократии и народе.

С институциональной точки зрения в российском обществе всегда соседствовали профессиональные и идеологические группы интересов. Первые тяготели к министерствам, которые включали представителей различных сфер деятельности и объединялись с целью выработки программ. Несколько таких обществ было уже в XVIII в., например, «Вольное экономическое общество».

Политические институты и социальная структура России всегда имели специфический характер. Для второй половины XIX в. правомерно выделение таких группировок, как: экономисты, инженеры. Обе сохраняли устойчивый интерес к строительству железных дорог в России, но совместной программы действий не имели. Военных объединяла идея технических новшеств в армии и военного образования.

Реформы создавали новые институты, выявляли групповые интересы, обеспечивали развитие нового, более сложно организованного общества. Одной из наиболее успешных реформ была судебная реформа 1864 г. Она изначально затрагивала лишь институциональную и процессуальную структуры судопроизводства, а не само право. Были творчески адаптированы достижения судебной практики Франции и Великобритании. Это независимые суды, профессиональная подготовка юристов, институт присяжных заседателей, гласность.

С методологической точки зрения, по данному вопросу можно сделать вывод, что любые концепции и исследовательские модели многоукладности, революционной ситуации, альтернативности развития, выбора пути, модернизации должны применяться как инструмент анализа. В противном случае возникает опасность перекоса в сотворении исторического прошлого страны.

Перед исторической методологией стоят важные задачи развития исследований на границах экономической, социальной, ментальной истории; учета взаимосвязи длительных и кратковременных экономических, социальных и политических процессов; социальных структур, конъюнктур и

событий; глубокого изучения социальных представлений людей, темпов и динамики изменений в психологических состояниях; разработка понятий, способных отразить своеобразие российской духовной культуры.

Список литературы

1. Лойко, Л. Е. Народное единство в категориях динамического равновесия и динамического разнообразия / Л. Е. Лойко // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Выпуск 17.– М.: РАН ИНИОН, 2022. – Ч.1. – С. 176–179.

2. Лойко, Л. Е. Национальная безопасность и историческая память / Л. Е. Лойко //Актуальные проблемы исторической памяти в современном социуме: историзация, семиотика.– Пенза: Пензенский государственный университет, 2022 – С. 20–22.

3. Лойко, А. И. Северная война как отражение успешности военной реформы российской армии / А. И. Лойко, Л. Е. Лойко // Петр Великий и его эпоха: взгляд из XXI века (к 350-летию со дня рождения Петра I).– СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022 – С. 93–95.

4. Лосский, Н. От мессианства до нигилизма. Чем жив русский народ. // Н. Лосский, Н. Бердяев. – М.: Алгоритм, 2017. – 256 с.

5. Бердяев, Н. Судьба России / Н. Бердяев. – М.: Эксмо, 2008 – 640 с.

УДК 821.161.1

Ларина Полина Владимировна

Государственный ордена Почета музей А. М. Горького,
г. Нижний Новгород, научный сотрудник

«Я НАСАДИЛ МОЙ СВЕТЛЫЙ РАЙ...» – СЕМЬЯ КАК МОДЕЛЬ МИРА. ПО СТРАНИЦАМ ТВОРЧЕСКИХ БИОГРАФИЙ М. ГОРЬКОГО И А. БЛОКА (на материале выставки «Писатели – детям: о детстве и о себе»)

Аннотация. Целью статьи стало выявление специфики интерпретации отечественной литературой Серебряного века (при сопоставлении отдельных произведений и этапов биографий А. М. Горького и А. Блока) понятия «семья» как основополагающего при воплощении писателями темы детства. В ходе исследования были выявлены особенности художественного воплощения воспоминаний писателями о их детстве. Если в поэзии А. Блока, наследника предшествующей литературной традиции, понятие семьи трактуется, как «семья – рай», то в автобиографической прозе А. М. Горького оно трансформируется и заменяется мотивом пути, духовных исканий, поиска утраченного рая. В работе также упомянуты способы визуализации в пространстве музея темы детства, реализованной писателями на страницах их произведений.

Ключевые слова: семья, детство, литература XX века, рай, утраченный рай

Larina Polina Vladimirovna

State Order of Honor Museum of A. M. Gorky, researcher

«I PLANTED MY BRIGHT PARADISE...» – FAMILY AS A MODEL OF THE WORLD. ACCORDING TO THE PAGES OF THE CREATIVE BIOGRAPHIES OF M. GORKY AND A. BLOK (BASED ON THE MATERIAL OF THE EXHIBITION «WRITERS FOR CHILDREN: ABOUT CHILDHOOD AND ABOUT MYSELF»)

Annotation. The article deals with identifying of the specifics of the interpretation of the Russian literature of the Silver Age (when comparing individual works and stages of the biographies of A. M. Gorky and A. Blok) of the concept of «family» as fundamental in the embodiment of the theme of childhood by writers. In the course of the study, the features of the

artistic embodiment of the writers' memories of their childhood were revealed. If in the poetry of A. Blok, the heir of the previous literary tradition, the concept of family is interpreted as "family – paradise", then in the autobiographical prose of A. M. Gorky it is transformed and replaced by the motive of the path, spiritual quest, search for the lost paradise. The paper also mentions ways of visualizing the theme of childhood in the museum space, implemented by writers on the pages of their works.

Keywords: family, childhood, literature of the twentieth century, paradise, lost paradise

В истории литературы, философии и культурологии понятие «семья» является одним из основополагающих, интерпретируется как некое миромоделирующее ядро. Семья олицетворяет собой внутреннее пространство, противостоящее враждебному внешнему миру, некий космос, где человеку уютно и спокойно, в отличие от хаоса, царящего за стенами дома, средоточие основных жизненных ценностей, счастья, достатка, единства человека (члена семьи) и рода.

Семья формирует нравственные основы, прививает моральные качества, что во многом определяет поступки человека. От того, какие ценности будут заложены в душу ребенка в детстве, зависит его дальнейшая жизнь.

Тема семьи занимает центральное место в творчестве многих русских писателей. О семейных ценностях писали Л. Н. Толстой, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов и многие другие.

В мемориальном – музейном – пространстве Музея детства А. М. Горького «Домик Каширина» представления о семье как о понятии реализуются одновременно в нескольких планах. Это и дом – место, где каждый член семьи проявляет себя тем или иным образом, но всегда – искренне. Пространство дома как бы заставляет сбросить маску, не позволяет играть роль. Здесь каждый таков, каков он есть на самом деле. Дом – место обитания семьи – это и место проявления внутреннего «я» человека.

Музей детства А. М. Горького «Домик Каширина», являющийся одним из филиалов Государственного ордена Почета музея А. М. Горького, расположен в городской усадьбе начала XIX в. В 70-е гг. XIX в. она принадлежала нижегородскому мещанину – ремесленнику, старшине городского красильного цеха, – Василию Васильевичу Каширину (деду писателя по материнской линии). История семьи Кашириных, прожившей в доме около 30 лет, иллюстрируется предметами быта эпохи. Часть экспонатов – вещи, некогда принадлежавшие семье. Кроме того, дом деда писателя – это и место действия автобиографической повести «Детство», написанной Горьким по его воспоминаниям о детстве, о жизни в семье деда. Музейное пространство также дает возможность расширения и углубления представлений о семье, как о философско-культурологическом концепте. Эта задача выполняется благодаря возможностям выставки «Писатели – детям: о детстве и о себе», иллюстрирующей отдельные страницы творческих биографий ряда писателей XIX – XX вв., в том числе Горького и Блока.

Образ семьи – концептуально важное понятие для писателей начала XX в. А. М. Горький, творчество которого впитало в себя многовековое наследие отечественной литературы, остается, в целом, в русле сложившейся в ней традиции и в ряде произведений транслирует именно такое, – традиционное, – представление о семье, как о круге близких, любящих друг друга людей, создающих и оберегающих атмосферу взаимопонимания, участия и взаимопомощи.

К сожалению, можно уверенно говорить о том, что к моменту начала событий повести «Детство», что в биографии писателя соответствует его возрасту трех с половиной лет, пристанище души Алексея Пешкова – семья его родителей – Максима Савватьевича и Варвары Васильевны Пешковых, – уже утрачено ребенком. Смерть от холеры отца писателя знаменует собой крах семьи Пешковых и начало полусиротского, полного тягот, жизненного пути самого Алексея Пешкова. Через годы пронесет он воспоминания о семье своих родителей, контрастные впечатлениям от жизни в доме деда, Василия Каширина. «Все было странно и волновало. Я не знал другой жизни, но смутно помнил, что отец и мать жили не так: были у них другие речи, другое веселье, ходили и сидели они всегда рядом, близко. Они часто и подолгу смеялись вечерами, сидя у окна, пели громко; на улице собирались люди, глядя на них…».[4, с. 23]

Рай родительской семьи оказывается утраченным. После смерти отца для Алексея Пешкова (в будущем – писателя А. М. Горького) семья – это, прежде всего, – бабушка, Акулина Ивановна, а дом – то место, где бабушка. Именно бабушка оказала колоссальное влияние на формирование личности внука, во многом определила восприятие им действительности и ценностную парадигму. Ее безграничная любовь к миру, чуткость к чужой боли, жалость к людям стали частью и Алешиного жизненного опыта, еще в детстве научили его искать и находить в каждом человеке даже самые малые крупицы добра. Точную характеристику дает Акулине Ивановне мастер Григорий, – один из персонажей повести «Детство»: «... она неправду не любит, не понимает. Она вроде святой, хоть и вино пьет, табак нюхает. Блаженная, как бы. Ты держись за нее крепко...» [4, с. 31].

Комната бабушки Акулины Ивановны в повести «Детство» вызывает у Алеши Пешкова, главного героя произведения, иные эмоции, нежели чем дом деда, в целом. Если в «полутемных комнатах» дома, под его «низкой нахлобученной» крышей происходят многочисленные ссоры домочадцев друг с другом, а жизнь семьи отравлена бесконечной враждой «всех со всеми», то в «маленькой уютной» комнатке – особый, безопасный, теплый, почти сказочный мир бабушки [4, с. 12–38].

Роль бабушки сам писатель точно определил на страницах повести «Детство»: «До неё как будто спал я, спрятанный в темноте, но явилась она, разбудила, вывела на свет, связала всё вокруг меня в непрерывную нить, сплела всё в разноцветное кружево и сразу стала на всю жизнь

другом, самым близким сердцу моему, самым понятным и дорогим человеком, – это её бескорыстная любовь к миру обогатила меня, насытив крепкой силой для трудной жизни» [4, с. 18].

Именно с фигурой бабушки связан в текстах автобиографических повестей («Детство» и «В людях») мотив возвращения Алеши в рай его детства. «Уходим всё дальше в лес, в синеватую мглу, изрезанную золотыми лучами солнца. В тепле и уюте леса тихонько дышит какой-то особенный шум, мечтательный и возбуждающий мечты... Между стволов сосен являются прозрачные, воздушные фигуры огромных людей и исчезают в зелёной густоте; сквозь неё просвечивает голубое, в серебре, небо. Под ногами пышным ковром лежит мох, расшитый брусничником и сухими нитями клюквы, костяника сверкает в траве..., грибы дразнят крепким запахом.

– Пресвятая Богородица, ясный свет земной, – вздыхая, молится бабушка.

Она в лесу – точно хозяйка и родная всему вокруг, – она ходит медведицей, всё видит, всё хвалит и благодарит. От неё – точно тепло течёт по лесу, и когда мох, примятый её ногой, расправляется и встаёт – мне особенно приятно это видеть» [4, с. 162–163].

В экспозиции музея «Домик Каширина» комната бабушки, бесспорно, самая уютная из всех комнат дома. Здесь, прислонившись к теплому боку изразцовой печи, слушал Алеша бабушкины сказки о разбойниках и праведниках, о былинных богатырях и домовых... Здесь засыпал он, убаюканный долгой ежевечерней бабушкиной молитвой.

В родном городе А. М. Горького о детстве будущего писателя рассказывают и другие нижегородские адреса. Дед с бабушкой неоднократно переезжали. Вместе с ними менял адреса и Алеша. Светлые воспоминания остались у него от купленного дедом Кашириным дома на улице Канатной (совр. улица Короленко). Здесь будущий писатель ребенком прожил почти четыре года, переехав вместе с бабушкой и дедом после совершившегося в семье Кашириных раздела имущества. Выход из семьи дядьев, братьев матери писателя, прекращение многочисленных семейных ссор, тишина и умиротворенность, постоянное присутствие бабушки и единение с природой делают жизнь Алеши Пешкова в этом доме по-настоящему счастливой. «Деднеожиданнопродалдомкабатчику, купивдругой, по Канатнойулице<…> Новый дом был нарядней, милей прежнего <…> На дворе и в саду было множество уютных закоулков, как будто нарочно для игры в прятки <…>Это было самое тихое и созерцательное время за всю мою жизнь, именно этим летом во мне сложилось и окрепло чувство уверенности в своих силах» [4, с. 96].

Семья Алексея Пешкова в его детские годы – это бабушка и дед, к которому, в силу сложности его характера, отношение ребенка не однозначно. На образ жизни семьи Кашириных – Пешковых накладывают отпечаток внешние факторы: современные ей исторические события, модели

поведения и система ценностей, присущие мещанскому сословию, яркими представителями которого являются Каширины, подчиненность изнурительному каждодневному труду, без которого невозможно выжить. Все это усложняет атмосферу в семье, делает ее напряженной, тревожной [5].

В отличие от А. М. Горького, родившегося и выросшего в мещанской семье, А. А. Блок родился в старой дворянской культурной семье, жил в обстановке, избавлявшей его от материальных лишений. Саша был единственным ребенком, на котором, естественно, сосредоточилось внимание всей семьи Бекетовых (семья матери поэта), куда вернулась его мать после разрыва с А. Л. Блоком – отцом поэта. «С первых дней своего рождения, – вспоминает, его тетка М. А. Бекетова, – Саша стал средоточием жизни всей семьи... Его обожали все, начиная с прабабушки и кончая старой няней... О матери нечего и говорить...» [1, с. 89–91]

Детство Блока шло тихо и безмятежно, в атмосфере любви, обожания, обеспеченности. Почти все детство прожил он в подмосковном Шахматове, в усадьбе, купленной дедом поэта. Старинный дом в глубине тенистого сада, вековые деревья, тенистые аллеи, множество цветников – вот персональный рай, в котором, в окружении любящих людей, прошло детство поэта. Этот рай имеет границы и отделен от всего остального мира, недоступен ему. «Наш сад окружен был забором, тонувшим в зелени, и канавой, заросшей бурьяном» [1, с. 43–44].

С большой любовью описал он шахматовскую усадьбу в поэме «Возмездие»:

Огромный тополь серебристый
Склонял над домом свой шатер,
Стеной шиповника душистой
Встречал въезжающего двор.
Он был амбаром с острой крышей
От ветров северных укрыт,
И можно было ясно слышать,
Как тишина цветет и спит... [2, с. 13]

Собственно, раем называет А. Блок усадьбу, купленную дедом:«За грош купили угол рая/Неподалеку от Москвы» [2, с. 11].

Колоссальное влияние оказала на сына Мария Андреевна Бекетова, мать поэта, причем, не только в детстве. Трепетные, близкие, искренние отношения связывали мать и сына на протяжении всей жизни. Сохранились и опубликованы письма Александра Блока родным, прежде всего матери. А в них он любящий сын, заботливый и ласковый.

В письмах к маме Александр Блок обращается к ней, не иначе как: «драгоценная капельная мамочка», «дорогая кроша», «милая Маминька».

«Милая крошечка мама! <…> В Шахматове все время чудная погода. Шиповники отцветают, а серебрянка в полном цвету. <…> Везде такая прелесть!» [7, с. 116]. Сама книга «Письма Александра Блока родным», изданная в 1927 г., с предисловием тети поэта, М. А. Бекетовой, – сестры его

матери, представлена на выставке «Писатели – детям: о детстве и о себе». Ее материалы, в сочетании с семейными фотографиями способствуют более полному освещению отдельных фактов биографии Блока, «приближают» поэта к посетителям выставки, помогают создать рельефный портрет Блока – человека.

Начинателем рода, воплощением семейственности, создателем того прекрасного, что окружало поэта в детстве и юности, воспринимался А. Блоком его дед, А. Н. Бекетов. «Мои собственные воспоминания о деде – очень хорошие; мы часами бродили с ним по лугам, болотам и дебрям; выкапывали с корнями травы и злаки для ботанической коллекции; при этом он называл растения и, определяя их, учил меня начаткам ботаники, так что я помню и теперь много ботанических названий. Помню, как мы радовались, когда нашли мельчайший низкорослый папоротник; этот папоротник я до сих пор каждый год ищу на той самой горе, но так и не нахожу...» [1, с. 196]. Для любимца внука – будущего поэта – дед сочинял сказки и рисовал занятные картинки. В «Автобиографии» Блок называет Андрея Николаевича «дворянином-шестидесятником», «идеалистом чистой воды».

Семья – рай в произведениях Блока и рай утраченный – в автобиографических повестях Горького.

Оба автора связывают понятие семьи с духовностью, причем с духовностью, которая имеет оттенок некоторой неполноты, трагичности, а иногда потери, разрушения. Утрата семьи для героя А. М. Горького означает для него начало сложного пути «духовного странничества», (термин введен Ю. С. Степановым). Удел Алексея Пешкова – бесконечный поиск некоего подобия семьи– людей неравнодушных, близких по духу.

Творчеству А. Блока свойственно классическое понимание семьи. Атмосфера, дружелюбная по отношению к ребенку, наполненная старыми сказками, легендами и тайнами, овеяна преданиями нескольких поколений семьи. Романтизируя образ семьи, поэт делает его неотъемлемой частью картины детства, в целом, – «золотого», идеального детства, проведенного на лоне природы, в родовом поместье, в окружении любящих людей.

В творчестве же А. М. Горького отношение ребенка к семье трансформируется под действием жизненных обстоятельств. После смерти отца семья перестает быть для персонажа надежной и понятной. Она оказывается проницаемой для любых влияний извне и, утратив свойство неизменности, читается, как тревожная, непредсказуемая, часто – враждебная, чужая ребенку среда. И он ощущает себя незащищенным, чужим в такой семье. «... И взрослые и дети – все не понравились мне, я чувствовал себя чужим среди них, даже и бабушка как-то померкла, отдалилась» [4, с. 8].

События внешнего мира, реалии «взрослой» жизни накладывают отпечаток и на мир ребенка, втягивая его в водоворот событий не понятной ему жизни. Ничем не огражденный и не защищенный от внешнего мира, он пытается найти опору в людях.

Являясь сложным социальным образованием, в котором интересы каждого члена семьи тесно переплетены с интересами семьи, в целом, и даже – с интересами общества, семья задает ценностые ориентиры и оказывает на ребенка гораздо более сильное воздействие, нежели чем общество. Зачастую влияние семьи, в которой вырос, человек ощущает в течение всей жизни. Периоды детства А. М. Горького и А. А. Блока, нашедшие отражение в их произведениях, являются примерами проекции множества факторов, некогда сложившие «портреты» их семей (сословная принадлежность и положение в обществе, уровень культурных, интеллектуальных, эстетических притязаний, финансовое положение, семейные традиции и устои предыдущих поколений).

Список литературы

1. Бекетова М. А. Шахматово. Семейная хроника. – М.: Правда, 1990. – URL: https://arheve.org/read/beketova-ma/shahmatovo-semeynaya-hronika-beketova-m-a.
2. Блок А. А. Возмездие // Блок А. А. Избранное. – М.: Московский рабочий, 1973. – 479 с.
3. Блок А. А. Моей матери /Александр Блок. Избранное, – М.: Правда. 1978. –480 с.
4. Горький М. Детство. В людях. Мои университеты // М. Горький. Собрание сочинений: в 30 т. Том 13. – М.: Гослитиздат, 1949.
5. Горький М. Повести. Рассказы. Дневники. – М.: Художественная литература, 2013. – 800 с. – (Библиотека всемирной литературы).
6. Литературные портреты. – М.: Мол. Гвардия, 1967. – 469 с.
7. Письма Александра Блока к родным. – Ленинград: Academia, 1927–1932. – 2 т.

УДК 008 (091)

Соковиков Сергей Степанович
Челябинский государственный институт культуры,
кандидат педагогических наук, доцент

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МОНСТРОВ НА ПУТИ ОТ ДРЕВНЕЙ РУСИ К РОССИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ И ДУХОВНЫЕ ИМПУЛЬСЫ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты эволюции монструозных образов в пространстве русской культуры. Показана трансформация этих образов под влиянием различных социокультурных контекстов, включающих общецивилизационные и специфично национальные аспекты. В качестве основных условий изменения выделяются фольклорно-мифологический, религиозный, социально-политический, художественно-эстетический и секуляризационный контексты.

Ключевые слова: русская культура, монструозность, эволюция, образность, социокультурный контекст, трансформация

Sokovikov Sergey Stepanovich
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent

MONSTER ADVENTURES ON THE WAY FROM ANCIENT RUS' TO RUSSIA: SOCIO-CULTURAL CONTEXTS AND SPIRITUAL IMPULSES

Annotation. The article deals with the some aspects of the evolution of monstrous images in the space of Russian culture. The transformation of these images under the influence of vari-

ous sociocultural contexts, including general civilizational and specifically national aspects, is shown. Folklore-mythological, religious, socio-political, artistic-aesthetic and secularization contexts are singled out as the main conditions for change.

Keywords: russian culture, monstrosity, evolution, figurativeness, sociocultural context, transformation

Само слово «монстр» появилось в русской культуре в начале XVIII в. в ходе петровских преобразований. Однако представления о монструозных образах не только издревле бытуют в отечественном культурном пространстве, но и динамично трансформируются под воздействием актуальных социокультурных контекстов, открывая особые стороны интенсивной духовной жизни общества.

Под монстром понимается существо устрашающего вида, который образуется либо через гибридизацию разнородных черт, либо в ходе мутационных трансформаций гротескного характера. Как и в любой культуре, русское образное пространство было «населено» разного рода монструозными персонажами. Достаточно вспомнить идущие от древнеславянской мифологии образы чудищ, которые затем перекочевали в поверья и сказочный фольклор. К таким, например, относились упыри (вурдалаки) – неупокоившиеся покойники, помимо пития крови обладавшие способностями оборачиваться кошками, свиньями, собаками, волками, прочей живностью, а то и стогами сена и пр. Лихо Одноглазое, олицетворявшее плохую участь, предстает в виде скелетообразной старухи-великанши, насылавшей на людей невзгоды, хворобу, нищету и прочие напасти. К тому же Лихо могло похищать детей и заниматься людоедством. Огненный змей являлся женщинам и девушкам, недавно потерявшим любимого человека, принимал его облик и вступал с ними в близкие отношения. От этого женщины начинали чахнуть, а дети, рожденные от такого союза, имели монструозный вид (черная кожа, копыта и пр.) и вскоре умирали. О таких знаковых образах, как Кощей Бессмертный и Баба Яга нет необходимости говорить подробнее.

Примечательно, что некоторые монструозные персонажи традиционной русской культуры функционально вполне амбивалентны. Так, задобренный домовой обихаживал домашний скот, поддерживал огонь в очаге, прибирал в доме, занимался другими хозяйственными хлопотами, иной раз предупреждал людей о грозящих неприятностях и мог даже изгнать из дома упыря или чёрта. Однако он же был способен на обратное: мог замытарить до смерти домашних животных, озоровать с женщинами, прятать вещи и запутывать пряжу, а то и вовсе задушить человека. Под стать ему и другое существо – Кикимора. Она иногда занималась благими делами: помогала готовить снедь, баюкала малолетних, мыла посуду, ухаживала за домашней скотиной и т. д. Хотя чаще Кикимора проявляла себя вредоносной: рушила мебель и посуду, путала вещи, наводила жуть дикими воплями и стонами и т. п.

Впрочем, отношение к этим и иным фольклорно-мифическим монстрам было достаточно прагматичным, как к существам понятным и в определенном смысле близким. Для обережения от них достаточно было использовать несложные магические приемы: символические подношения, ритуалы «отгораживания», обереги, заклинания и др. В качестве охранительных средств применялась также обсценная (нецензурная) лексика, к тому же нечисть тех времен можно было просто ввести в заблуждение и тем самым отвести напасть от себя. В любом случае, монструозные существа представлялись привычными фигурами, вписанными в повседневное пространство.

Ситуация изменилась с приходом на Русь христианства как новой культурной системы. Христианство принесло новые монструозные образы во главе с сатаной и антихристом, более опасные, роковые, с одной стороны – отдаленные от людей, слабо доступные прямому охранительному воздействию, с другой – более сильные, способные мгновенно погубить. Прежняя нечисть не исчезла, перейдя в основном в сферы фольклора и бытовых суеверий, хотя и взаимодействуя вместе с тем с христианской образностью. Контекстуальное влияние новой социокультурной ситуации сказалось здесь в различных вариантах. Изменяются семантические характеристики привычных персонажей. Так, в дохристианские времена Домовой представал в качестве духа дома, попечителя хозяйства, хранителя очага, занимавшего почетное место за печью. С приходом христианской образности значение символического центра перешло к «красному углу» с иконами, а сама печь обрела смысл маргинальной, негативной зоны, через которую в дом способны проникнуть черти, ведьмы и иная нечисть [8, с. 93], чему домовой оказывался неким «пособником».

Взаимодействие «прежней» и «новой» монстрологий отчетливо проявляется в иконографии средневековой Руси. К. С. Шаров обозначает это как генерацию нового культурного кода, возникающего при столкновении языческого и христианского. При этом языческие монстры могут сочетаться в рамках одного сюжета с христианскими персонажами, подвергаясь в то же время существенному переосмыслению в духе христианской доктрины. Так, в иконографии Георгия Победоносца христианское начало олицетворяют фигуры белого коня и воителя-всадника, а монструозный образ дракона (языческого Змия) воплощает побежденные Церковью силы тьмы и греховности [13, с. 157–160]. Примером, необычным для христианства, выступает образ мученика Христофора. В силу некоторых аберраций, возникших в ходе переводов и толкований связанного с ним сюжета, Христофор предстает в облике человека с головой животного, чаще всего – собачьей («песьеголовец»). Причем такая иконографическая традиция существовала на протяжении длительного времени – с XIII по XVIII в. Подобный монструозный образ, разумеется, требовал объяснений, и они возникли. В неоднократно переписанных житиях святого он, например, объявлялся происходящим из мест обитания песьеголовых людей. В другой версии собачья голова появилась у Христофора после

его обращения к Богу, дабы отвадить осаждавших мученика женщин. В России XVIII в. этот образ получил такое распространение, что в 1722 г. появилось решение особого заседания Священного Синода с запретом изображений Христофора в монструозном виде как «противных естеству, истории и самой истине» [13, с. 163]. В результате к середине XIX в. на большинстве икон лик святого был переписан с человеческим лицом, хотя подобная монструозность сохранилась в иконографии Христофора у старообрядцев.

В формировании и трансформациях русской средневековой «монстрологии» можно видеть взаимодействие трех социокультурных контекстов: «книжной» богословской культуры; фольклорно-мифологического, идущего от древнеславянских традиций; состояний культурного сознания массовой аудитории, связанных с актуальными ситуациями. Причем далеко не всегда приоритет остается за книжными «верхами», в этих процессах доминируют скорее второй и третий факторы. Отношения к монстрам, порождаемые этими контекстами, осциллируют между двумя взаимонаправленными тенденциями: с одной стороны – устрашения и изживания, с другой – опривычивания и приручения. Преобладание той или другой тенденции определяется влиянием импульсов, идущих от конкретных социокультурных ситуаций.

В этом смысле показательной выступает событийная атмосфера XVI – XVII вв., когда на фоне острых, нередко трагичных событий опричнины, Смуты, церковного раскола очевиден рост апокалиптических настроений. По мнению Д. И. Антонова, визуально-образный облик публичных казней времён Ивана Грозного был явно соотносим «с эсхатологическими образами посмертных мучений грешников (казни в огне, кипящей воде и растерзание зверьми – мотивы, типичные для распространившейся в это время иконографии Страшного суда)» [2, с. 311]. Закономерно, что в Московской Руси «…период эсхатологических ожиданий привел к визуальной экспансии образов сатаны, бесов, монстров Откровения» [2, с. 314]. О росте значимости монструозных созданий в их устрашающей ипостаси со второй половины XVII в. свидетельствует и визуальное укрупнение их фигур в иконических сюжетах (вплоть до подавления других персонажей, в том числе праведников). Именно в это время монструозные образы не только интенсивно насыщают культурное пространство, но и активно используются как инструменты полемики в жестких социальных коллизиях. Вполне симптоматична в этом смысле история с «потешным Адом» Лжедмитрия I. По его распоряжению была создана конструкция в виде огромной чудовищной головы со змееподобным языком, извергающей дым и огонь, из которой выскакивали ряженые чертями актеры и мазали зазевавшихся зрителей дегтем. Такая театрализованная «адская кромешность», устроенная в православной столице на западный лад, воспринималась не просто как еретическая, но именно в качестве бесовски-монструозного деяния, дополнив этими чертами и без того демонизированную фигуру Лжедмитрия [3].

Казалось бы, поучительно-устрашающая тенденция победила и закрепилась. Однако ситуация вновь меняется. В течение «бунташного» XVII в. Россия постепенно обретает некоторую стабильность, медленно, но неуклонно происходят процессы секуляризации культуры. Это активизирует компенсаторный механизм культуры, противопоставляющий гиперболизации устрашающих черт русского «монструария» новые интонации. В иконографии (в широком смысле) образы монстров начинают обрастать избыточными чертами, часто гротескового характера, сближающими их с карнавальной стихией. Более того, эти персонажи нередко вписываются в повседневный контекст, в чем можно видеть влияние простонародной «монстрологии». В появившемся в конце XVII – начале XVIII вв. новом жанре – демонологической повести, отчетливо видна интенция не столько к устрашению и поучению, сколько к развлекательному началу. В таком контексте монстры теряют ореол фатально губительной силы и оказываются персонажами авантюрного сюжета, наглядно демонстрируя красочный, экзотический «калейдоскоп монструозных форм» [2, с. 350]. При постановке в 1702 г. «Комедии на Рождество Христово» митрополита Дмитрия Ростовского (причисленного полвека спустя к лику святых) была сооружена огромная «пекельная» голова адского пса с разверстой пастью, которая терзала царя Ирода [9, с. 67–68]. Причем подобное сценическое решение монструозного образа использовалось многократно в различных постановках. Однако в отличие от аналогичной конструкции в «потешном Аде» Лжедмитрия, которая была воспринята как знак «нечистого» и неприемлемо инородного, такое решение, возникшее в сугубо русском, православном контексте, представлялось уже не только допустимым, но и привлекательным, в том числе – в силу яркого зрелищного эффекта.

Приключения монстров в России продолжились в XVIII в. В процессах секуляризации монструозные персонажи все более осваиваются светской культурой, и происходит это сложными путями. Возникает коллизия между представлениями таких образов литераторами-«книжниками» и сохраняющейся в ментальности фольклорной дуальностью. Примером может служить образ Бабы Яги. На страницах книг А. А. Лёвшина и М. Д. Чулкова она предстает «символом безобразия и всемирного зла, огромной уродливой старухой, исполнявшей роль Вельзевула русских сказок» [7, с. 43], т. е. однозначно монструозной фигурой. Причем авторы достаточно свободно обращались с русскими фольклорными мотивами, используя при конструировании персонажа элементы западноевропейских и восточных текстов. Книги, предназначенные в первую очередь для простонародной аудитории, имели широчайшее хождение, неоднократно переиздавались и получили огромную популярность.

Вместе с тем такая «демоническая» однозначность образа не удовлетворила вкусы широкой аудитории. В народных лубках того времени Баба Яга нередко возникает в комических или приключенческих ипостасях: пляшет под дуду старика, сражается с чудищем-коркодилом и пр., причем

ее облик уже не несет выраженных устрашающих черт. Исходная монструозность Бабы Яги претерпевает изменения и в контексте «высокой» культуры. В 1786 г. в московском Петровском театре была поставлена опера «Баба Яга» на музыку М. Штабингера, либретто к которой написал князь Д. П. Горчаков. В сюжете оперы, сочетавшем фольклорно-сказочные мотивы с сатирой на самоуправство и мздоимство, Баба Яга оборачивается добродетельным существом: покровительствует положительным героям и наказывает злоумышленников. Впрочем, оттенки «демонического» и здесь не совсем исчезают. Так, подьячий с говорящей фамилией Взяткин по мановению посоха Бабы Яги проваливается сквозь землю в языки адского пламени [5, с. 267]. Об интересе к такой зрелищно-комической трансформации монстуозного образа говорит то, что опера с успехом исполнялась до начала XIX в., не считая особой популярности финальных поучительных куплетов Бабы Яги «После дожжичка в четверг» [7, с. 45]. В целом можно отметить основные векторы изменений отношения к монстрам в этот период: при создании или реинтерпретации их образов используется спектр контекстов, разнообразных по времени и локусу культурного происхождения; возникает тенденция перевода таких образов из устрашающе-регулятивного к зрелищно-развлекательному модусу (пусть с элементами поучительности); при всем развитии секулярных процессов важную роль сохраняет амбивалентность фольклорно-мифологического архетипа (по сути, фольклорное сознание парадоксальным образом оказывается богаче литературно-книжного).

Выше речь шла о фантазийных монструозных персонажах, воплощаемых в искусственно сотворенных образах. Однако не меньший интерес представляет эволюция монстров опредмеченных, т. е. возникающих в качестве реально бытовавших существ. Такие аспекты отчетливо явлены при формировании в России XVIII в. традиций публичного показа монстров как «всамделишных» диковин. Начало целенаправленных практик такого рода связывают с 1728 г., когда коллекции Кунсткамеры, содержащие различных «уродцев», были открыты для посещения широкой публики [12]. Это были уже не нафантазированные образы, а вполне достоверные объекты, демонстрирующие патологические результаты анатомических трансформаций и представлявшие сильно действующее зрелище: анацефалы, гидроцефалы, сиамские близнецы, двухголовые младенцы, люди с «заячьей губой» и «волчьей пастью» и т. п. Основной посыл таких показов был связан с научно-просветительским началом: устроители стремились представить монстров не как следствие кары за грехи или дьявольских происков, а в качестве объективных, хотя и причудливых, природных явлений. Однако зрелищный потенциал подобных демонстраций был быстро уловлен и подхвачен развлекательной культурой, включившей такие акции в репертуар в самых разных вариантах. В этом смысле стоит обратить внимание на некоторую разнонаправленность таких процессов в Западной Ев-

ропе и России. Если на Западе монстры сначала были представлены как «диковинки» в зрелищно-развлекательной сфере и лишь затем стали предметом научного интереса, то в России они прошли обратный путь: от демонстрации в качестве экспонатов научно-просветительского учреждения до «изюминки» в публичных развлекательных ситуациях разного рода.

Особый размах такие зрелища приобрели в XIX в. В это время широкая публика встречается с монстрами не столько в рамках просветительских акций, сколько в публичных садах и парках, на городских праздниках и гуляниях, в балаганах, цирках, зверинцах и даже в частных домах – в качестве экзотичных форм развлечения. Вместе с тем в отношениях к этому явлению взаимодействуют несколько различных контекстов, в связи с чем ситуация усложняется и становится многослойной. Фольклорно-мифологические монструозные образы продолжают действовать в простонародном сознании и в форме суеверий, и в виде персонажей развлекательных зрелищ. В то же время гипертрофированные проявления анатомических патологий остаются в поле внимания исследователей, рассматривающих их с позиций рационального, естественно-научного взгляда. На этих основаниях формируется и распространяется особый этический дискурс, направленный на нормализацию отношений к такого рода монстрам, привитие гуманного отношения к ним, своеобразного «очеловечивания». При всех различиях этих оценочных позиций они в совокупности образуют общий эффект: снятие с монструозных образов ореола загадочной и потенциально опасной неопределенности. Швейцарский исследователь Анник Морар отмечает, что эти по видимости противоположные подходы приводят в целом к исчезновению из культурного пространства монстров как трансгрессивных, пограничных существ, недоступных рационализации, упорядочению и нормализации [12].

Вместе с тем архетипическая укорененность монструозного как неустранимого воплощения извечной дихотомии «Света и Тьмы», «Жизни и Смерти», «Добра и Зла», не позволяет полностью доместицировать («одомашнить») подобные создания. В своих исходных ипостасях, таинственных и небезопасных, они продолжают жить в подпространствах суеверных и паранаучных вариаций. Разумеется, с развитием процессов сциентизации и рационализации культуры в целом значение этих локусов неуклонно снижалось. В свою очередь на рубеже XIX–XX вв. тема монструозности получает разнообразные воплощения в сфере художественной культуры. Это закономерно определялось общей атмосферой времени, в которой творцы искусства брали на себя право выражения сложных противоречивых тенденций, динамично пульсирующих настроений в ситуации слома привычных ценностных и стилевых систем. Вполне понятно, что яркая и экспрессивная тема монстров не могла остаться без внимания. Исследователи подчеркивают, что художественная среда этого времени «оказалась весьма восприимчива к чудищам и монстрам инфернального мира, эстетизируя их в свойственной ей рафинированной манере» [4, с. 37]. В этот пе-

риод академическое искусство соседствовало с самыми авангардными поисками, а приверженность к какому-либо стилевому направлению не препятствовала и даже предполагала активное проявление личностных особенностей автора. Более того, монструозные образы, возникающие в это время в искусстве, несли отпечаток именно личностно-авторского начала, а потому представали в самых различных обличиях.

Тем не менее, даже в личностно выраженных решениях, можно видеть пересечение контекстов, относящихся к объективно значимым социокультурным аспектам. Анализируя образы монстров, создаваемые к театральным постановкам художниками В. А. Серовым, А. Я. Головиным, М. В. Добужинским, А. Н. Бенуа, Л. С. Бакстом, исследователи указывают на причудливое переплетение разнородных контекстуальных импульсов: ориентальных мотивов (например, в стилистике «Шахерезады»); идущей от Средневековья скелетоподобной образности Смерти; элементов версальской моды эпохи Людовика XIV; орнаментальности стиля Модерн; аллюзий на чудища древних времен (например, античных) и т. д. При всей относительной стилистической определенности здесь в ходу гротесковость, коллажность и гибридность. И потому пестрый «монструарий» этого времени составляют самые разнообразные типы: смешливые и печальные, туповатые и сообразительные, злобные и приветливые, отвратительные и обаятельные [4, с. 42]. В этом, как представляется, можно в определенной мере видеть своеобразный возврат к фольклорно-мифологическому контексту с его амбивалентным восприятием фигуры монстра, что опять-таки соответствует присущему культуре этого периода интересу к архаике. Вместе с тем свойственная архаическим временам функциональная досягаемость монстров, их пусть небольшая, но «опривыченность», преобразуется в Серебряном веке в некоторую ироничность, игровое начало, синтезирующие в том числе «научность» и «развлекательность» непосредственно предшествующих этому времени веков.

Впрочем, такая игра способна поглотить художника всерьез, и тогда демоническое начало в монстрах становится доминирующим. Об этом красноречиво говорит история с фигурой Демона в творчестве М. А. Врубеля. Как известно, такой персонаж оказался настолько созвучным чрезвычайно подвижной эмоциональности художника и драматическим событиям в его судьбе, что Врубель был почти буквально одержим этим образом. Причем настолько, что художник не раз становился пациентом психиатрических лечебниц. Но покидая их стены, Врубель вновь и вновь возвращается к Демону. Как отмечает И. Е. Лихтенштейн, «между ними создается нерасторжимая связь» [11, с. 27]. В работах Врубеля Демон – уже не персонаж традиционной иконографии или игриво-затейливый тип карнавальной эстетики Модерна. Трагическая фигура врубелевского Демона причудливо соединяет элементы фольклорных мотивов, литературных сюжетов, философских (в том числе – ницшеанских) интенций, зооморфных и

андрогинных пластических акцентов, анатомических деформаций. Подобная «разноликость» парадоксальным образом складывается воедино под влиянием спонтанных вспышек творческих импульсов, идущих от индивидуальности творца.

Однако в полном соответствии с калейдоскопической пестротой атмосферы того времени, образ врубелевского Демона не может состояться в качестве завершенного артефакта. Подмеченное Д. И. Антоновым важнейшее свойство демонов – изменчивость, трансформативность и многоликость [2, с. 51], воплощается у Врубеля буквальным образом. На выставке «Мир искусства» 1902 г. было представлено его полотно «Демон поверженный». Художник, в том числе на глазах у публики, многократно переделывал изображение, в ходе чего перед зрителями возникал целый калейдоскоп монструозных ипостасей: от отвратительного, но соблазнительного сатанинского змия до трагичного падшего ангела [11, с. 27]. Особо сильное впечатление производил не только удивительный процесс создания живописного артефакта прямо перед зрителем, но и то, что каждый вариант, обладая, казалось бы, полной завершенностью, с непостижимой быстротой сменялся другим, еще более эмоционально действенным, возникающим как бы сразу и целостно, магическим образом превращая живопись в анимацию [1, с. 410]. Эффект такой трансформации еще более усиливался разнородностью элементов, составляющих образ Демона: он казался скроенным, сшитым из фрагментов разных фигур и деталей других композиций. Е. Алексеев и А. Мережников видят в этом традицию, идущую от античных образов кентавров или грифонов [1, с. 405], однако в отличие от присущей таким созданиям стабильности Демон Врубеля предстает в процессе постоянной изменчивости, в синкретичной динамике смыслов и форм.

Особым образом мотив «скроенности», искусственного конструирования монструозного создания проявляется в творчестве Павла Филонова. В его работах находит причудливое воплощение «евгенический» проект создания нового, совершенного человека пролетарской эры. Поскольку социокультурная ситуация начала XX в. отличалась крайней нестабильностью социально-политических, нравственных, правовых, эстетических установок, не закрепленных в сколь-нибудь устойчивых конструктах, образ «монстуозного коммунара» (выражение А. А. Курбановского [10, с. 106]) возникал на пересечении и взаимоналожении самых разнообразных факторов. В рамках данного текста нет возможности для анализа конкретных работ П. Филонова, однако совокупность результатов использования иконологических приемов и социокультурных интерпретаций позволяет хотя бы предельно кратко очертить спектр контекстов, наложивших отпечаток на монструозные образы художника. В них переплетаются будоражащие воображение ницшеанские сентенции о сверхчеловеке, смелые естественнонаучные гипотезы рубежа XIX–XX вв. и «прогрессивные» утопии кардинального переустройства личности. В обликах монструозных созданий

Филонова «просвечивают» анатомические пособия Академии художеств, пластика языческих каменных изваяний, аллюзии на образы визуального фольклора и готического искусства. Особо следует выделить влияние городской массовой культуры того времени, включавшей, как было отмечено, демонстрацию монстров как один из ярких аспектов. Американский исследователь Дж. Боулт, подчеркивая интерес художника к сумеречному миру уродов, калек и монстров, скрупулезно перечисляет и описывает места Петербурга-Петрограда начала XX в., где Филонов, воспринимая зрелища трансформированных тел-монстров, получает своеобразный культурный опыт монструозного [6, с. 63–64].

Пример монструозных созданий П. Филонова симптоматично представляет возникающую на рубеже XIX – XX вв. тенденцию: свободную игру различных ассоциаций, идущих от пересечения смысловых и стилистических мотивов разного рода, в ходе чего возникающие образы конструируются ситуативно, подчиняясь условиям актуальных социокультурных контекстов и выражая вместе с тем личностно инструментованные интенции. При этом доминировавшие исторически раньше типы отношений к монструозному (мифологический, магический, фольклорный, мистический, иронически-игровой, естественно-научный и др.) не уходят из культурного пространства, продолжая существовать в качестве элементов, входящих в новые вариации на эту бессмертную тему и обеспечивающих удивительное разнообразие ее воплощений.

Таким образом, русский «монструарий» прошел долгий путь эволюции от «наивных» фольклорно-мифологических существ, составлявших органическую часть древнего образа мира, через сциентизацию представлений о монстрах и включение их в зрелищно-развлекательную культуру, к причудливым образам Нового и Новейшего времени, воплощающим эти мотивы в прихотливой игре, гибридно и синтезийно соединяющей актуальные социальные, научные и эстетические концепты с работой воображения и фантазии, идущих от личности автора.

Список литературы

1. Алексеев, Е. «Бог данного мгновения». Демоны Врубеля: импульс и конструкция / Е. Алексеев, А. Мережников // / Quaestio Rossica. – 2019. – Т. 7, № 2. – С. 395–412.

2. Антонов, Д. И. Демонология в визуальной культуре Московской Руси : дис. … докт. истор. наук. – Москва, 2019. – 497 с.

3. Антонов, Д. И. «Демонология самозванства»: потешный Ад Лжедмитрия I / Д. И. Антонов // Труды исторического факультете Санкт-Петербургского университета. – 2012. – № 10. – С. 9–12.

4. Байгузина, Е. Н. Изобразительный бестиарий Belle Époque, или Прекрасные монстры в театральных эскизах Бакста / Е. Н. Байгузина // Вестник академии русского балета им. А. Я. Вагановой. – 2016. – № 5 (46). – С. 37–43.

5. Берков, П. Н. История русской комедии XVIII в. / П. Н. Берков. – Ленинград : Наука, 1977. – 390 с.

6. Боулт Дж. Анатомия фантазии / Дж. Боулт / Пер. И. Левина // Павел Филонов и его школа : Каталог выставки / сост.: Е. Петрова и Ю. Хартен. – Köln : DuMont, cop. 1990. – С. 50–69.

7. Кошелев, В. А. Акклиматизация Бабы Яги в русской литературе / В. А. Кошелев // Русская литература. – 2019. – № 2. – С. 41–51.
8. Кривуля, Н. Г. Проблемы представления и типологии демонических и монструозных персонажей в анимации / Н. Г. Кривуля // Вестник ВГИК. – 2014. – № 2 (20). – С. 90–108.
9. Кузнецова, О. А. Пасть ада во рту Цербера: на Руси конца XVII – начала XVIII в. / О. А. Кузнецова // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2021. – № 4. – С. 65–75.
10. Курбановский, А. А. Русское поле экспериментов. Фантастические тексты; «биосоциальный проект»; картины П. Н. Филонова / А. А. Курбановский // Искусствознание. – 2019. – № 1. – С. 80–121.
11. Лихтенштейн, И. Е. Демоны Врубеля / И. Е. Лихтенштейн // Новости медицины и фармации. – 2013. – № 9 (460). – С. 26–29.
12. Морар, А. Показ монстров в России / А. Морар // НЛО. – 2017. – №1. – URL: https://magazines. gorky. media/nlo/2017/1/odomashnit-inogo. html.
13. Шаров, К. С. Создание пограничного культурного кода в иконографии святых Георгия и Христофора как особый тип металингвистической христианской проповеди / К. С. Шаров // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 63. – С. 155–165.

УДК 304.2

Анисина Злата Дмитриевна
Детско-юношеский центр г. Челябинска,
педагог дополнительного образования

АКТУАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕРЕЗ ИГРОВЫЕ ПРАКТИКИ: ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Аннотация. В статье анализируется воспитательный потенциал игровых практик, содержание которых выстроено на культурном компоненте. Одной из технологических особенностей игровой практики является то, что в нее могут быть органически встроены различные виды игр. Особое место среди дидактических игр принадлежит настольно-печатным познавательным играм. В данном случае последние и рассматриваются как основа игровой практики. В условиях настольно-печатной познавательной игры формируются представления о материальном и нематериальном культурном наследии, участник имеет возможность высказаться, осмыслить, «прожить» определенное событие, личностно воспринять связанные с ним предметы. Эмоции, возникающие в процессе игры, порождают чувства, которые закрепляются в познавательной деятельности, а затем и в мировоззрении человека, его характере и поступках.

Ключевые слова: культурное наследие, актуализация культурного наследия, игровая практика, игры, настольно-печатные познавательные игры, воспитательный потенциал

Anisina Zlata Dmitrievna
Children and Youth Center of Chelyabinsk, teacher of additional education

Annotation. The article deals with the educational potential of gaming practices, the content of which is built on a cultural component. One of the technological features of gaming practice is that various types of games can be organically integrated into it. A special place among didactic games belongs to board-printed educational games. We will consider them as the basis of game practice. In the conditions of a board-printed cognitive game, ideas about the material and intangible cultural heritage are formed, the participant has the opportunity to speak out, comprehend, live. Emotions that arise during

the game generate feelings that are fixed in cognitive activity, and then in a person's worldview, his character and actions.

Keywords: cultural heritage, actualization of cultural heritage, game practice, games, printed educational games, educational potential

В самых разнообразных сферах действительности (от специализированных государственных и общественных институций – до частно-повседневных семейных практик) в настоящее время наблюдается возросший интерес к феномену культурного наследия и проблемам его актуализации – «осовременивания», поиска креативных форматов продвижения среди аудитории XXI в.

Таким образом определяемые задачи и усилия по их реализации вполне оправданы: актуализация культурного наследия – важный фактор в воспитании детей и молодежи, в жизни всего общества в целом. Так, одной из задач государственной политикив области культурного наследия народов Россиисогласно Указу Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» является «утверждение в общественном сознании ценности накопленного прошлыми поколениями исторического и культурного опыта как необходимого условия для индивидуального и общего развития» [4].

О роли культурного наследия в воспитании как неотъемлемой составляющей образовательного процесса говорится в контексте содержания понятия «воспитание», данного в ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», воспитание – «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе… бережного отношения к культурному наследию…» [5]. О приобщении детей к культурному наследию говорится и в Распоряжении Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [2].

Высказываясь о значимости культурного наследия мы выделяем «разноформатную деятельность, нацеленную на сохранение традиций и ценностей посредством включения их в современную социокультурную среду» [1, с. 105]. Культура в данном случае выступает своеобразным «ценностным арбитром»: своим влиянием формирует в человеке способность понять, где значимое и незначительное, ценное и второстепенное, наполненное смыслом и бессмысленное.

Богатство предметов и объектов культуры прошлого и настоящего позволяет использовать различные средства его актуализации для современного человека (фестивали, выставки, музеи, форумы, экскурсии, игровые практики др.) и обладает широким спектром потенциалов: сохранение культурно-исторической памяти; идеологический; познавательный и информационный; воспитательный и др.

Основным предметом нашего рассмотрения выступает воспитательный потенциал игровых практик, в содержание которых разработчиками закладывается культурный компонент.

Воспитательный потенциал представляет собой «обусловленную общественными отношениями и социальной средой степень развития ее возможностей в формировании личности, реализующихся через все стороны ее деятельности, функции, в том числе и собственно воспитательную» [3, с. 117]. Воспитательный потенциал игровых практик заключается в том, что участник игры может проявить себя в каких-либо нестандартных игровых ситуациях, высказать свою точку зрения, предположить, проанализировать, обобщить, установить причинно-следственные связи, соотнести свои мысли и свои действия, подумать о своем личном опыте. Благодаря этому он учится самостоятельно принимать решения и взаимодействовать, формировать интересы, выражать свое мнение, проявлять коммуникативные способности.

Одной из технологических особенностей игровой практики является ее универсализация: то, что в нее могут быть органически встроены различные виды игр. Так, исследователями (культурологами, педагогами) выделяются: сюжетно-ролевые игры; конструктивные игры; театрализованные игры (режиссерские игры, игры-драматизации); дидактические игры (игры с предметами или игрушками, словесные игры, настольно-печатные игры); народные игры и др.

Дидактические игры являются разновидностью игр с правилами, которые специально создаются в образовательных целях. В них проявляется обучающее, воспитательное и развивающее влияние игровой деятельности. Особое место среди дидактических игр принадлежит настольно-печатным познавательным играм. Их мы и будем рассматривать как основу игровой практики. Настольно-печатные игры разнообразны по своим видам (А. К. Бондаренко, Д. В. Менджерицкая): игры-пособия; картинки (парные или разрезные); пазлы; лото; домино; тематические игры и др.

Условия настольно-печатной познавательной игры, на наш взгляд, выступают эффективной основой для актуализации культурного наследия, органично вмещающей следующие компоненты:

1. Информационный компонент: включение в содержание настольно-печатной игры различной информации, исторического или описательного характера о материальном и нематериальном культурном наследии; произведений литературы или их фрагментов, фольклора и т. д.

2. Визуальный компонент:

– визуально-статичный: произведения изобразительного искусства; дизайна; художественная фотография; фотографии объектов архитектуры, изделий народных художественных промыслов и ремесел, исторических и культурных ландшафтов, археологических памятников, монументов, скульптурных памятников, мемориальных сооружений и других объектов и т. д.;

– визуально-интерактивный: виртуальный музей; компьютерные интерактивные дидактические материалы и т. д.

3. Звуковой компонент: музыкальные произведения (классические, народные и т. д.).

4. Визуально-звуковой: произведения (или их фрагменты) киноискусства, театрального, балетного, оперного, циркового искусства и других видов искусства.

Вставить в настольно-печатную игрувизуально-интерактивный, звуковой или визуально-звуковой компоненты можно при помощи современного средства – QR-кода. Информационный и визуально-статичный компоненты могут быть включены в содержание игры непосредственно, либо так же при помощи QR-кода.

Играя в настольно-печатные познавательные игры между участниками возникают доверительные отношения, выстраивается диалог. В данных условиях можно понять идеи, ценности и смыслы, заложенные в той или иной культурной ценности.

Таким образом, познание мира через культурное наследие – процесс вхождения в ценностное бытие культуры, постижение ее смыслов, понимание, осмысление окружающего мира, своей жизни и жизни общества. Через обращение к культурным ценностям человек открывает для себя новое, формируется его ценностное сознание, превращение знаний в убеждения, личные убеждения и даже приобретение ими личностного смысла.

В условиях настольно-печатной познавательной игры формируются представления о материальном и нематериальном культурном наследии, участник имеет возможность высказаться, осмыслить, прожить. Эмоции, возникающие в процессе игры, порождают чувства, которые закрепляются в познавательной деятельности, а затем и в мировоззрении человека, его характере и поступках.

Список литературы

1. Пустовойт, Ю. В. Экскурсия как способ актуализации культурного наследия России / Ю. В. Пустовойт // Культурное наследие России. –2021. –С. 105–112.

2. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/400951e1bec44b76d470a1deda8b17e988c587d6/ (дата обращения: 15.03.2023).

3. Тесленко, А. Н. Воспитательный потенциал как социально-философская категория / А. Н. Тесленко, Е. А. Дмитриенко // Философия образования. – 2014. – № 2 (53). – С. 114–125.

4. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» – URL: https://base.garant.ru/70828330/ (дата обращения: 15.03.2023).

5. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 15.03.2023).

УДК 371.4

Елезова Алёна Сергеевна
Архангельская область село Ильинско-Подомское,
учитель школы № 38

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ В РАМКАХ ФГОС

Аннотация. В статье обсуждается актуальная на сегодняшний день проблема духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. Судьба будущего нации всегда определяется значимостью интеллигенции, оказывающей влияние на развитие образования, науки и культуры. Именно учителя могут способствовать расцвету нации, обогащая духовно-нравственное воспитание школьников. Обосновывается, что федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) второго поколения должен ускорять эти процессы.

Ключевые слова: духовность, нравственность, воспитание, нравственное воспитание, нравственность школьника, учебно-воспитательный процесс

Elezova Alena Sergeevna
Arkhangelsk region, the village of Ilyinsko-Podomskoye, a teacher at school No. 38

SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF SCHOOLCHILDREN WITHIN THE FRAMEWORK OF GEF

Annotation. The article deals with the current problem of spiritual and moral education of the younger generation. The fate of the future of a nation is as always determined by the importance of the intelligentsia, which holds in its hands the development of education, science and culture. Teachers could contributing of the nation' s flourishing and enriching of the schoolchildren's spiritual and moral education. The federal state educational standard of the second generation should accelerate these processes.

Keywords: spirituality, morality, upbringing, moral education, schoolchildren's morality, educational process

В основе духовно-нравственного развития, воспитания и социализации личности лежат базовые национальные ценности. Эти ценности сохраняются в семейных традициях, культуре, передаются от поколения к поколению. С опорой на эти ценности, в каждой современной школе должна быть разработана программа воспитания обучающихся. В работе над созданием подобной программы рекомендуется пользоваться Концепцией духовно-нравственного воспитания российских школьников. Содержание этого документа согласуется Законом РФ «Об образовании».

Программа воспитания обучающихся реализуется через внеклассную и внеурочную деятельность по шести направлениям. Одно из них– духовно-нравственное. По данному направлению разрабатывается модуль, содержащий цель, задачи, соответствующие системе базовых ценностей, особенностей организации содержания. В модуле расписываются виды деятельности и формы занятий с обучающимися, определяются условия совместной деятельности школы с семьями обучающихся, с общественными учреждениями, обозначаются планируемые результаты, представляются схемы, отражающие пути реализации данного модуля.

Обеспечение духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России является ключевой задачей современной государственной политики Российской Федерации. Законопослушность, правопорядок, доверие, развитие экономики и социальной сферы, качество труда и общественных отношений – все это непосредственно зависит от принятия гражданином России общенациональных и общечеловеческих ценностей, следования им в личной и общественной жизни. Законом Российской Федерации «Об образовании» (ст. 9, п. 1) установлено, что «основные общеобразовательные программы начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования обеспечивают реализацию федерального государственного образовательного 18 стандарта с учетом типа и вида образовательного учреждения, образовательных потребностей и запросов обучающихся, воспитанников и включают в себя учебный план, рабочие программы учебных курсов, предметов, дисциплин (модулей) и другие материалы, обеспечивающие духовно-нравственное развитие, воспитание и качество подготовки обучающихся». Таким образом, духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся является первостепенной задачей современной образовательной системы и представляет собой важный компонент социального заказа для образования [2, с. 18].

Наши традиционные источники нравственности: многонациональный народ и гражданское общество, семья, труд, искусство, наука, религия, природа, человечество. В связи с этим определяются базовые национальные ценности:

– патриотизм – любовь к своей малой Родине, своему народу, к России, служение Отечеству;

– гражданственность – закон и порядок, свобода совести и вероисповедания, правовое государство;

–социальная солидарность – свобода личная и национальная, доверие к людям, институтам государства и гражданского общества, справедливость, милосердие, честь, достоинство;

– человечество – мир во всем мире, многообразие культур и народов, прогресс человечества, международное сотрудничество,

– наука – ценность знания, стремление к истине, научная картина мира;

– семья – любовь и верность, здоровье, достаток, уважение к родителям, забота о старших и младших, забота о продолжении рода;

– труд и творчество – уважение к труду, творчество и созидание, целеустремленность и настойчивость;

–традиционные российские религии – представление о вере, духовности, религиозной жизни человека, толерантности, формируемые на основе диалога;

– искусство и литература – красота, гармония, духовный мир человека, нравственный выбор, смысл жизни, эстетическое развитие, этическое развитие;

– природа – эволюция, родная земля, заповедная природа, планета Земля, экологическое сознание [2, с. 21].

Данные ценности должны лежать в основе уклада школьной жизни, а внеклассная работа предполагать разнообразные формы внеурочной деятельности. Этические беседы, творческие мастерские, экскурсии в музеи, театры, онлайн экскурсии, фольклорные и поэтические встречи, театрализованные представления, проектная и исследовательская деятельность, фотовыставки, классные часы, конкурсы творческой деятельности, спортивные состязания и другое. Внешкольную деятельность невозможно осуществить без сетевого образовательного пространства. Сюда следует отнести сотрудничество с учреждениями дополнительного образования, культуры, общественными организациями. Библиотека может и должна стать центральным местом воспитания, прежде всего нравственной, творческой личности. Каждый вид занятия имеет свою задачу в деле формирования духовно - нравственной культуры школьников.

Создание программы духовно-нравственного воспитания школьников в рамках ФГОС содействует обеспечению планомерности, структурированности всего процесса. Традиционно, в этом документе нужно конкретизировать такие основные моменты, как:

- цели и ценностные установки;
- задачи;
- содержание;
- условия реализации;
- формы воспитания и социализации детей;
- способы взаимодействия с семьями учеников, учреждениями дополнительного образования, религиозными и общественными организациями;
- развитие ученического самоуправления;
- участие детей в работе творческих и спортивных клубов, детско-юношеских объединений и движений;
- планируемые результаты.

Один из разделов программы должен включать теоретические положения и методические рекомендации по созданию уклада школьной жизни, который подразумевает формирование целостного образовательного пространства и целостной среды духовно-нравственного развития школьников. Для осуществления комплексного подхода к воспитательному процессу рекомендуется содержательную часть программы представить в виде подпрограмм, направленных на формирование базовых национальных ценностей (патриотизм, труд и творчество и т.д.). При этом можно сделать акцент на каком-либо одном или нескольких направлениях духовно-нравственного воспитания, не забывая о формировании на базовом уровне всех остальных ценностей. Еще один раздел должен быть посвящен оцени-

ванию личностных результатов ребенка в процессе духовно-нравственного развития. Это можно осуществлять путем анкетирования или проведения диагностических исследований. Также хорошей формой демонстрации достижений ученика в овладении определенными духовными ценностями является использование технологии портфолио. Это позволяет сделать воспитательный процесс наглядным, открытым и объективным, дает возможность быстро выявлять недостатки и вносить необходимые корректировки и педагогами, и родителями. Важность воспитательной работы направленной на духовно-нравственное воспитание школьников в рамках ФГОС трудно переоценить. Если школа не будет справляться с возложенными на нее в этой области задачами, то ребенок окажется под влиянием семьи с ее ограниченным воспитательным потенциалом, неформальных молодежных групп и открытого информационного пространства. Такой подход влечет за собой формирование «путаной» идентичности и моральной несостоятельности. ФГОС и Концепция духовно-нравственного воспитания российских школьников придают вопросу формирования гражданина и патриота первостепенную важность.

Духовно-нравственное и патриотическое воспитание является одним из основных компонентов образовательного процесса в школе, что помогает вырастить честных, добрых, трудолюбивых людей, способствует обретению своего места в жизни, использованию полученные знания и умения на благо Родины.

Список литературы

1. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201212300007 (дата обращения: 23.02.2023).

2. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования от 17 мая 2012 г. № 413. – URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/ (дата обращения: 23.02.2023).

3. Данилюк А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект// А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. Рос. акад. образования. – М.: Просвещение, 2009. – С. 18–22.

УДК 398.838

Кульманова Нонна Галымовна
Челябинский государственный институт культуры,
кафедра педагогики и этнокультурного образования,
студент магистратуры

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ПЕСЕННОЙ ТРАДИЦИИ ГОРНОЗАВОДСКИХ КРЕСТЬЯН (на примере п. Нижний Уфалей Верхнеуфалейского городского округа Челябинской области)

Аннотация. В статье представлены материалы фольклорно-этнографической экспедиции в п. Нижний Уфалей Верхнеуфалейского городского округа Челябинской области, организованной в 2020 г. кафедрой педагогики и этнокультурного образования Челябинского государственного института культуры. Анализируются тексты песен, приводится сравнение с их вариантами из сборников песен Челябинской области и других регионов России.

Ключевые слова: русская песенная традиция, региональная песенная культура, этно-социальные особенности заселения, горнозаводские крестьяне

Kulmanova Nonna Galymovna
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Department of Pedagogy and Ethnocultural Education, first-year master student

TO THE QUESTION OF PRESERVING THE SINGING TRADITION OF THE MINING PEASANTS (BY THE EXAMPLE OF THE VILLAGE OF NIZHNY UFALEY OF THE VERKHNEUFALEY URBAN DISTRICT OF THE CHELYABINSK REGION)

Annotation. The article deals with the materials of the folklore and ethnographic expedition to the village of Nizhny Ufaley, Verkhneufaley urban district of the Chelyabinsk region, organized in 2020 by the Department of Pedagogy and Ethnocultural Education of the Chelyabinsk State Institute of Culture. The texts of the songs are analyzed, a comparison is made with their variants from the collections of songs of the Chelyabinsk region.

Keywords: Russian song tradition, regional song culture, ethno-social features of settlement, mining peasants

Традиционно горнозаводским населением принято называть крестьян, работавших на уральских горных заводах. Этих крестьян называли «заводскими» [1]. Причиной формирования такой группы является становление уральской промышленности, которое значительно повлияло на этнокультурные процессы. Исследуемую территорию заселяли переселенцами из Пермской, Калужской, Костромской и других губерний. Они и сформировали свои традиции, которые разнились и варьировались от села к селу. Нижнеуфалейские традиции начали формироваться три столетия назад, когда на этой территории появились первые поселения.

Первые чугуноплавильные и железоделательные заводы возникли на Урале в конце XVIII в. К их числу относится и Верхнеуфалейский металлургический завод. Он построен в 1761 г. тульским купцом Мосоловым на земле, купленной у кочевых башкирских племён. В двух километрах от него на речке Суховяз братьями Мосоловыми был построен второй завод – Суховязский,

являющийся вспомогательным. Труд на заводах был вольнонаёмным, что представляло собой исключительное явление на Урале [8].

В 1792 г. заводы были проданы вместе с землёй московскому заводчику Михаилу Павловичу Губину. Новый владелец переселил сюда крепостных крестьян из Ветлужского уезда Костромской губернии. Царское правительство ссылало на эти же заводы политически неблагонадёжных и других неугодных власти лиц [1].

В дальнейшем М. П. Губин основал и посёлок Нижний Уфалей, в 1813 г. (по другим данным, в 1818 г.) во время строительства Нижнеуфалейского чугуноплавильного и железоделательного завода. Первопоселенцами были кричные мастера (люди, работавшие у горна-печи) из Верхнеуфалейского завода, крестьяне, привезенные М. П. Губиным из Ветлужского уезда Костромской губернии и жители селения Пристань [8]. Селение Пристань – первое поселение на этой территории, состоявшее из 12 домов. Основано в 1761–1766 гг. Жители этого поселения рубили лес, делали железо и другие поделки, подвозили их к пристани на конях. Часть завозили на свои же заводы, а часть готовых изделий везли на ярмарки в город Нижний, на Волге. Здесь жили и беглые крестьяне, заводчик их охотно принимал [7].

Освоение данной территории поспособствовало появлению и разрастанию вокруг производства новой, особой культурной среды, а также формированию уникальных традиций [3]. Переселенцы, адаптируясь к новым природно-климатическим и социально-экономическим условиям, формировали свои местные традиции, которые выражались прежде всего в своеобразном диалекте, в сюжетных и жанровых особенностях.

В основе нижнеуфалейской песенной традиции лежат её исторические истоки. Сюда привозили крестьян из Ветлужского уезда Костромской губернии, а также Арзамасского уезда Нижегородской губернии. Некогда Ветлужский уезд входил в состав Костромской губернии. Сейчас это территория Нижегородской области. Отголоски переселенческой культуры выражаются, прежде всего, в диалекте. Анализ текстов песен и общение с местными жителями позволило установить распространение «ыканья» («мамынька», «несчастныя», «туды»), использование удвоенного звука «ш» вместо «щ» («большушший», «дошш полошшет»), сокращение окончаний «ает» («трескат», «покупат»).

Традиции посёлка Нижний Уфалей формировались не только под влиянием своих костромских истоков, но и под влиянием близлежащего города Верхний Уфалей. Необходимо отметить малую степень изученности исследуемого заводского поселка на объект устного народного творчества. Материалы фольклорно-этнографической экспедиции на выявление песенных образцов данной территории оказались крайне скудными.

В результате полевых исследований удалось выявить несколько песенных образцов. В основном это лирические песни позднего формирования, а также «улошные» припевки, имеющие широкую степень бытования

на Урале и частушки. В процессе урбанизации ушли в прошлое такие жанры, как календарные (заклички, колядки и др.).

Песни, зафиксированные в п. Нижней Уфалей являются вариантами общеизвестных песен, бытующих в Челябинской области. Нижнеуфалейский вариант песни «Не за ровню, мамынька…» широко представлен в песенных сборниках Челябинской области: А. И. Лазарев «Родные напевы» [6, с. 45]; А. В. Глинкин, А. И. Лазарев «Любовь – песня: Народные песни Южного Урала» [2, с. 119] и др.

Данная песня широко бытовала во многих регионах России и в большинстве песенных традиций известна как «Рано ты, калинушка…», либо «Калина-малина». В центре сюжета – символический образ горькой обездоленной пташки-соловья, за которым кроются жалобы молодой жены о своей нелёгкой судьбе. Сравнение вариантов показало, что в нижнеуфалейской песне часть текста была со временем утрачена. В ней отсутствует вступление, описывающее образ калины. Песня сразу начинается с бытовой проблемы и женских переживаний. А также данный вариант утратил и завершающую мелодическую строфу, где и происходит разгадка образа прилетевшей пташки. В записанном нами варианте песня заканчивается тем, что мать задается вопросом, что за пташка её разбудила, не догадываясь, что это её дочь:

Что за соловеюшка в нашем, во саду?
Что за канареечка, да жалобно поёт? [7].

Аналогичная по сюжету песня «Что ты, пташка, приуныла…», повествующая о птице, которая тоскует по свободе, сидя в золотой клетке. Этот сюжет широко распространен на территории России. В разных регионах птицу называют по-разному: соловьём, кукушкой, пташкой, отличны и ее характеристики: в нижнефалейском варианте пташка «приуныла» [7]; в Верхнеуральском районе Челябинской области пташка «скучает» [9, с. 160], в Восточной Сибири пташка «невесёла» [5, с. 145] и т. д. Аналогично с сюжетом песни «Не за ровню, мамынька…» в песне «Что ты, пташка, приуныла…» в иносказательной форме в образе пташки выступает молодая женщина, которая повествует о своей нелёгкой замужней доле. Жизнь девушки до брака весела и свободна, а после свадьбы все её мысли, и время заняты домашними делами и заботами. Замужество ассоциируется с неволей, «золотой клеткой», а сама девушка – с беспомощной пташкой.

Также в данном населенном пункте были зафиксированы песни литературного происхождения, одна из которых «На серебряной реке…». Она представляет собой фольклорную интерпретацию стихотворения «Завеянные следы» русского поэта Фёдора Николаевича Глинки, которое было впервые напечатано в «Невском альманахе на 1827 год» [4]. По тематике стихотворение достаточно близко произведениям устного народного творчества. Разлука и горе по причине того, что любимая девушка выходит замуж за другого – вполне типичный сюжет народных любовных песен [4]. Сопоставляя сюжеты оригинального текста и народной интерпретации, можно отметить смену по-

вествования: в народе историю рассказывают от третьего лица. Одним из возможных объяснений является то, что песню исполняли женщины, и повествование от первого лица в мужском роде не было бы корректным. Также в фольклорном тексте более трагичный финал, в котором расставание с любимой девушкой заканчивается ее смертью:

Не моя ли там милая с камнем в воду пала?
С камнем воду пала, да в речке утонула [7].

Лирические песни позднего происхождения, бытующие на Урале, зачастую имели печальный исход героини сюжета. Не исключением является и следующая песня – «Течет речка по песку» [7]. Во многих сборниках данный сюжет представлен цельно, в отличие от нижнеуфалейского. К примеру, в восточносибирском варианте, где молодая безрассудная девушка, не послушав совета матери, убегает из дома с матросом. В завершении, отвергнутая и матросом, и матерью, девушка остается одна с ребёнком на руках. Не найдя иного выхода, принимает решение топиться в море вместе с сыном [5, с. 140]. Нижнефалейский вариант во многом схож с сибирским вариантом. Он представляет собой двухголосную лирическую песню. Сюжет его аналогичен, однако со временем происходит утрата определенных частей основного сюжета: совет с матерью и намерение девушки покончить жизнь самоубийством.

Широко бытующие лирические песни со столь трагичными сюжетами не могли не повлиять на основной лирический тон некогда популярных в исследуемом заводском поселке припевок. Однако сами исполнители не называют их припевками, для них это песня лирического характера. Можно предположить, что это связано с общим невесёлым их содержанием. В современном представлении припевки – это нечто принципиально позитивное, веселое, сопровождающееся пляской. Однако в фольклорной традиции имели место быть и припевки иного характера.

На Урале их называют «улошные», они не сопровождаются пляской, а исполняются во время прохода по деревенской улице. Именно такое описание дали нижнеуфалейские исполнители, а потому данная композиция относится к жанру «улошных припевок».

Не кукушечка только кукует,
Не соловушка только поёт.
Родна мамынька моя горюет,
Её дочка во людях живёт [7].

Изучение локальной песенной традиции, её сопоставление с вариантами других регионов, позволяет сделать определённые выводы, восстановить утраченные тексты и голоса, расширить представление о конкретной традиции.

Лирические песни посёлка Нижний Уфалей являются вариантами общераспространенных сюжетов и представляют собой поздний образец местной локальной песенной традиции. Сопоставление вариантов показало утрату многих частей основного некогда цельного сюжета в записанных вариантах исследуемого поселка.

Позднее, многие из записанных вариантов, по рассказам самих носителей, были адаптированы к исполнению в самодеятельных коллективах на сцене. Однако в памяти носителей они всё ещё известны как «песни наших родителей», в их сознании существует принципиальное разделение на «наши старинные песни» и «современные народные песни».

В дальнейшем предполагается продолжить исследование песенной традиции Верхнеуфалейского округа Челябинской области, ведь привлечение экспедиционных материалов соседних населенных пунктов раскроет новые характерные особенности и жанровую специфику местного фольклора.

Список литературы

1. Администрация Верхнеуфалейского городского округа : официальный сайт. – Верхний Уфалей. – URL: http://ufaleyadmin. ru/ (дата обращения: 20.11.2020).

2. Глинкин, А. В. Любовь – песня: Народные песни Южного Урала : сборник / А. В. Глинкин, А. И. Лазарев ; Челябинский государственный университет. – Челябинск : ЧелГУ, 1999. –119с.

3. Голикова, С. В. Русская культурная традиция на горнозаводском Урале / С. В. Голикова // Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. – URL: http://www.ihist.uran.ru/files/Golikova_obshchestvennoe1.pdf (дата обращения: 20.11.2020).

4. Грибушин, И. И. «Завеянные следы» Федора Глинки в уральском песенном фольклоре / И. И. Грибушин // Фольклор Урала. – Свердловск : Уральский государственный университет, 1977. –Вып. 3 – с. 53–61. // Электронный научный архив УрФУ : [Электронный ресурс]. – URL: https://elar. urfu. ru/bitstream/10995/19308/1/fu3–1977–06. pdf (дата обращения: 26.12.2020).

5. Зиновьев, В. П. Русские песни Восточной Сибири : сборник / В. П. Зиновьев. // Иркутский областной дом народного творчества. – URL: http://iodnt. ru/images/pdf/Russkie_pesni_VSibiri. pdf (дата обращения: 30.12.2020).

6. Лазарев, А. И. Родные напевы: старинные и современные русские народные песни Урала : сборник / А. И. Лазарев, В. Л. Хоменко. – Челябинск: Южно-уральское книжное издательство, 1969. – 45 с.

7. Материалы фольклорно-этнографических экспедиций кафедры этнокультурного образования ЧГИК.

8. Никольский, М. Страницы истории/ Уфалейский рабочий. – 1967. – Т. 22, Вып. 3.

9. Хоменко, В. Л. В Урале Русь отражена: песни конкурсные, о городах и народные. – Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1971. – 160 с.

УДК 8.82-84

Воскресенская Полина Анатольевна

Курский государственный университет, факультет теологии и религиоведения, студентка магистратуры

ЦЕРКОВЬ И СВЯЩЕНСТВО В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Аннотация. В статье рассматривается проводится анализ отношения русского человека к Церкви, представителям духовенства, к монашеству, на основе проявлений, которые содержатся в произведениях устного народного творчества. Автор стремится установить и осмыслить возможные объяснения встречающихся негативных характеристик в последних. Выводы, представленные в статье, позволяют сделать вывод об определен-

ных современных коннотациях с отношением к Церкви и священству, отраженным в пословицах и поговорках.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, священство, Церковь, русский народ

Voskresenskaya Polina Anatolievna

Kursk State University, Faculty of Theology and Religious Studies, master's student

CHURCH AND PRIESTHOOD IN RUSSIAN PROVERBS AND SAYINGS

Annotation. The article deals with the identification and analysis of the attitude of Russian people to the Church, to the representatives of the clergy, to monasticism, which are contained in the works of oral folklore. The author seeks to establish and comprehend the reasons for the negative attitude of people to the priesthood and Church life in general. The conclusions presented in the article allow us to understand that the same negative attitude towards the Church and priesthood, reflected in proverbs and proverbs, persists in modern life in some matters.

Keywords: proverbs, sayings, priesthood, Church, Russian people

В настоящее время одним из предметов теологических, религиоведческих, философских исследований, являются вопросы, связанные с изучением религиозного опыта, сформировавшегося в русле православной традиции, элементы которого инкорпорированы в обыденное мировоззрение. Это является одной из самых сложных задач уже в силу того, что данный культурный пласт, состоящий из разнообразных феноменов и религиозных представлений является подвижным, быстро изменяющимся, а потому и составляющим одну из фундаментальных проблем, предполагающей междисциплинарный подход к ее исследованию. Поэтому, когда мы обращаемся к исследованию представлений о Православной церкви, ее роли в современном обществе, ее влиянии на социальные институты, отношению к духовенству, которые отражены во взглядах православных верующих, то чаще всего мы прибегаем к анализу социокультурных явлений, в которых они отражены, социологическим опросам, контент-анализу документов.

Однако подобные представления всегда были и сохранились в произведениях устного народного творчества, поскольку фольклор является неотъемлемой частью культуры русского народа. В нем собраны не только опыт, традиции, миропонимание и мировоззрение многих поколений, но и религиозные представления, отношения к вере, церкви, священству, которые нашли отражение в разнообразных жанрах фольклора.

Именно поэтому проблемой нашего исследования стала попытка выявить и проанализировать то, какие вероучительные идеи, религиозные истины содержатся в произведениях устного народного творчества, осмыслить, как русский человек разных поколений относился к вере, церкви, представителям духовенства, что как мы считаем, поможет нам приблизиться к пониманию того, как стали возможны страшные события, которые произошли в нашей стране в 1917 г. Ведь именно после них люди были оторваны от возможности участвовать в церковной жизни, приобщаться к той части православной культуры,

которая многие века была неотъемлемой частью нашей повседневной действительности, определившей уклад и представления русского человека.

Народное творчество обширно и многогранно: это и песни, и сказки, и предания, и, конечно же, пословицы и поговорки. В. И. Даль считал, что пословица – это «свод народной премудрости и суемудрия, это стоны и вздохи, плач и рыдание, радость и веселье, горе и утешение в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый» [2, с. 334–335].

Многие сейчас считают, что пословицы и поговорки – это пережитки прошлого, однако старшие поколения до сих пор умело используют их в своей речи, научая младших. Родились пословицы и поговорки в глубокой древности, в языческом мире, и отражают все стороны жизни людей: «Иглой да бороной деревня стоит», «Всякой матери свое дитя мило», «Не бери приданое, бери милу девицу», «Давай дружить: то я к тебе, то ты меня к себе» [5].

Не будет преувеличением сказать, что в пословицах и поговорках сохранились языческие представления древних славян, которые после Крещения Руси трансформировались, а иногда получили новое наполнение и содержание. Анализируя многие пословицы и поговорки, можно отметить как раз-таки черты, свойственные той атмосфере двоеверия, которая долгие века существовала на Руси.

Так, после принятия христианства многие пережитки прошлой веры («Солнце, как родная матушка, никогда не обидит», «Солнце – князь земли, луна – княжна», «Храбер, силен, а все с лешим не справишься») соединились с новой религией: «Тихон попу ручку целует, а сам Солнцу молится» [3].

Христианская религия не сразу была принята русским народом, однако со временем, найдя в Христовой вере опору жизни, люд русский в пословицах и поговорках отразил свое отношение и к этой стороне бытия.

Первое, что обращает на себя внимание – во всех пословицах священство называют «попами», но в момент слагания пословиц и поговорок это слово не имело отрицательной окраски, так как слово «поп» происходит от греческого «παπας», что означает «отец». До реформы патриарха Никона попами и протопопами называли все духовенство.

После Никоновской реформы белое духовенство, женатых священников, не монахов называли на греческий манер иереями и протоиереями. Слово «поп» тоже использовалось широко без всякого негативного наполнения.

Можно предположить, что отрицательную окраску именованию «поп» привнесли большевики, благодаря антирелигиозной пропаганде. Однако, анализируя пословицы и поговорки о священстве, мы может отметить, что практически нет ни одной, где о духовенстве было бы сказано хоть что-то положительное. Народ, основываясь на единичных случаях отступления к греховным поступкам, порой весьма нелестно отзывается о служителях церкви.

В поговорках священнослужителей упрекают практически во всех грехах: здесь и блуд («Поп в церковь идёт – о девках думает, поп в трапезу

ковыляет – о рюмочке помышляет»), и чревоугодие («Поповского пуза не набьешь, не наполнишь»), и пьянство («Поп не кот, молока не пьёт, а от рюмочки не прочь»), и, в первую очередь, алчность. Например, «Поп по карману молебен служит», «Поп да дьяк в ручку глядят», «Поп мошной тряхнет, с любого подати возьмет», «Поп ещё молитву не начинал, а деньги уж забрал» и тому подобное. В некоторых пословицах священство и вовсе приравнивают к ворам: «Попу да вору отведи хоть золотую гору – все мало», а также сравнивают с лукавым: ««Кто идёт?» – «Чёрт». «Ладно, лишь бы не поп!»», «Чем чёрт попа хуже? Одному ведь служат», «Попы да черти одной шерсти», «И чёрт под старость в попы пошёл» [4].

Анализ данных примеров позволяет сделать вывод о том, что в сознании народа священник должен был обладать всем спектром качеств, отличающим его от мирян, быть идеалом, образцом нравственного поведения для прихожан. В этой связи нельзя не отметить, что многие современные православные верующие думают также, а потом перестают посещать храм именно по этой же причине, осуждая духовенство. Данное обстоятельство свидетельствует о полном непонимании многих людей как в прошлом, так и в настоящем смысла и цели христианской жизни – борьбе с собственной греховностью и недопущением осуждения ближнего (Не судите, да не судимы будете (Матф.7:1), то есть фундаментальных для христианства этических принципов. Так, Иисус Христос ясно и четко говорит народу: «не здоровые имеют нужду во враче, но больные. Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9:12). Как увещевает народ святитель Иоанн Златоуст: «Грешник не приходит в отчаяние и безнадежность, видя, что другой пал и однако же мог опять восстать; а добродетельный будет ревностнее и благонадежнее» [1, 6].

Из-за таких представлений о «попах» у народа формировалось негативное и пренебрежительное отношение к обрядам («Пост не мост, можно и объехать»), к молитвам («Аминем квашни не замесишь», «Молебен пет, а пользы нет»), к иконам («Будто Тарас, да нос не как у нас» об изображениях «святых» на иконах, «Из одного дерева икона и лопата») и к самой Церкви («И без кропила и кадила Земля добро нам уродила», «Близко церковь, да далеко от бога») [4]. Объектом народной критики были не только представители белого духовенства, но монахи [5].

Особенно актуализировались тематика критики и нелестных оценок Церкви и духовенства в период антирелигиозной политики Советского Союза. Власть, отделившая Церковь от государства и преследовавшая за веру, использовала против Церкви и верующих их же оружие – пословицы и поговорки, порочащие имя Церкви и священнослужителей.

Суммируя вышеизложенное, мы можем утверждать, что пословицы и поговорки были всегда одной из форм народной педагогики, благодаря которой отчасти каждое поколение наследовало религиозные представления, отношения к вере, церкви, священству. Анализ произведений русского устного

народного творчества, в которых отражено отношение к духовенству позволяют утверждать, что многие из них содержат отражение народных представлений, содержащих присущие язычеству взгляды. Именно пословицы и поговорки показывают сколь длительно продолжался период существования двоеверия на Руси. В произведения устного народного творчества нашли отражение социально-экономические явления, существовавшие в жизни нашего государства, ставшие причиной негативного отношения народа к представителям духовенства. Одним из серьезных факторов, которые повлекли за собой народное недоверие к духовенству, было непонимание и неумение четко разграничивать понятия Церкви как социального института и Церкви как дома Божия. То есть многие поколения людей выросли, посещали церковь, совершенно не понимания этико-аксиоматическую сторону христианского вероучения, те фундаментальные принципы, без которых невозможно быть христианином. Что свидетельствует о существовании и в дореволюционной России проблемы отсутствия должной проповеди среди мирян, поскольку люди совершенно не понимали базовых основ христианства, результатом чего и стало ярко негативное отношение к церкви, священству среди простого народа, выразившееся в пословицах и поговорках.

Однако сколько бы народ не возводил хулу на священство и Церковь, вера в Церковь Христову была и будет основой жизни русского народа, поскольку и человек всегда нуждается в истине, ценностях, которые не могут стать частью прошлого.

Список литературы

1. Библия. Учебное издание. – Российское Библейское общество, 2017. – 2640 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3. – М.: Терра, 1995. – 556 с.
3. Пословицы русского народа. В 2 томах / В. И. Даль. – М.: Академический проект, 2018. – 1228 с.
4. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. Аникина; Предисл. В. Аникина; Сост. Ф. Селиванов; Б. Кирдан; В. Аникин. –М.: Худож. лит.,1988. – 431 с.
5. Русский фольклор / сост. и примеч. В. Аникина. – М.: Худож. лит., 1986. – 367 с.
6. Святитель Иоанн Златоуст. Беседы о покаянии // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. В 12 т. – Санкт-Петербург: С.-Петерб. духов. акад., 1895–1906. – Т. 2, 1896. – 979 с. / Беседы о покаянии. – 305–386 с.

УДК 796

Скорик Диана Александровна
Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема кафедра физической культуры и туризма студентка

РУССКАЯ ЛАПТА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье рассматривается, какое влияние народная русская игра лапта оказала на современную физическую культуру. Описываются понятие «лапта», её содержание, история становления.

Ключевые слова:русская лапта, игра, история, физическая культура, воспитание, соревнования

Skorik Diana Alexandrovna

Amur State University named after Sholom Aleichem, Department physical culture and tourism, student

RUSSIAN LAPTA AS A HISTORICAL ASPECT OF PHYSICAL CULTURE

Annotation. The article deals with the influence of the Russian folk game lapta had on modern physical culture. The concept of «lapta, its content, the history of its formation are described.

Keywords: Russian lapta, game, history, physical culture, education, competitions

Русская лапта – древняя спортивная командная игра с мячом и битой, имеющая многовековую историю. Каждый праздник на Руси сопровождался этой игрой. Частые упоминания игры «лапта» можно встретить в произведениях русских писателей. Так, Александр Куприн сказал: «Эта народная игра – одна из самых интересных и полезных игр. В лапте нужны находчивость, глубокое дыхание, верность своей команде, внимательность, изворотливость, быстрый бег, меткий глаз, твердость удара рук и вечная уверенность в том, что тебя не победят. Трусам и лентяям в этой игре нет места. Я усердно рекомендую эту народную русскую игру не только как механические упражнения, но и как безобидную забаву, в которой вырабатывается товарищеская спайка «своего выручай»[1]. Из этого высказывания мы видим, что лапта не просто народная забава, а игра, сохраняющая народные традиции и воспитывающая в молодежи такие качества, как характер, сила воли, командность, интерес к народному творчеству. Упоминание русской лапты можно встретить и у таких известных писателей, как Л. Н. Толстой в рассказах «Казаки» и «Воскресенье», в повести «Жизнь Матвея Кожемякина» М. Горького, у И. С. Тургенева в произведении «Яков Пасынков». На примерах из истории русской литературы мы видим, что лапта существовала, как популярный вид спорта, которым увлекались все без исключения.

Истоки этой игры уходят в глубокую старину; встречаются упоминания об игре в лапту в ревних летописях. В XIV в. в Великом Новгороде в ходе раскопок были найдены деревянные биты и войлочные мячи – принадлежности для игры в лапту. Во все времена игра в лапту считалась средством активного досуга и физического воспитания населения. Встречаются также утверждения, что лапта воспитывает патриотизм, верность, боевую стойкость и силу духа. Известно, что во времена правления Петра I лапта спользовалась, как тренировка солдат Преображенского и Семеновского полков для отработки согласованных тактических действий в обороне и нападении. Намного позже лапта была внедрена в подготовку красноармейцев. Н. И. Подвойский считал, что во время этой игры вырабатываются необходимые солдату качества, а именно смелость, чувство общности, зоркость, быстрота реакции, ловкость и т. д. [1].

[1] Куприн А. Лапта // Викитека. URL: https://ru. wikisource. org/wiki/Лапта_(Куприн).

В СССР впервые официальные соревнования по лапте состоялись в 1957 г. в Краснодарском крае, а в 1958 году эта игра была включена в программу Всероссийской спартакиады сельских спортсменов. В 1959 г. лапту включили в программу II летней Спартакиады народов РСФСР. С 1960 г. в соревнованиях по игре в лапту стали принимать участие и женские команды. Это время считается периодом бурного развития лапты, как национального вида спорта. К сожалению, лапту быстро вытеснили другие виды спорта и её возрождение произошло только в 1987 г. с указом СССР «О развитии бейсбола, софтбола и русской лапты». С 1990 г. стали вновь проводиться официальные чемпионаты России по лапте. С 1994 же года русскую лапту включили в Единую Всероссийскую спортивную классификацию. В 2007 году даже прошел Международный турнир по русской лапте.

На сегодня можно выделить несколько крупных соревнований по русской лапте. Это чемпионаты первой и второй лиги среди мужчин и чемпионаты России для женщин. В сельских местностях проводятся турниры «Золотая нива» и «Золотая бита». Можно сказать, что сейчас лапта продолжает свое развитие, как национальный вид спорта и переживает период возрождения [2].

Как известно, в современной культуре физическии нагрузкам и занятиям спортом отводится недостаточно времени. Дети со школьной скамьи, к сожалению, предпочитают активному занятию сидячий образ жизни. В этом смсле лапта остается хорошим средством, чтобы в игровой форме преподавать детям физическую культуру. По своему содержанию и структуре лапта вписывается в программу основных учебных занятий. В качестве подвижной игры, лапат служит хорошим средством для подготовки к некоторым нормативам по физкультуре, способствуя совершенствованию целого ряда координационных способностей. Русскую лапту, за счет разностороннего воздействия на занимающихся этой игрой и за её естественную основу, можно назвать основанием многих видов спорта. Лапта является действенным методом физического воспитания [3].

Феномен русской лапты привлекает внимание современных исследователей русской физической культуры, представителей педагогического сообщества. Так, в публикации А. Ю. Костарева и И. В. Сенова русская лапта рассматривается в качестве основы нравственного воспитания [4]. А. Якобчук обращает внимание на значение русской лапты в направлении возрождения народных традиций [5]. В. С. Берин представляет лапту, как средство для воспитания национальных ценностей [6]. Л. И. Безрядин обсуждает возможности русской лапты как учебной дисциплины в рамках ФГОС [7]. Е. В. Шевко в истории становления русской лапты выделяет значимость последней в качестве средства всестороннего развития личности занимающегося [1]. Д. М. Курбанова рассматривает проблему уменьшения двигательной активности среди молодежи, предлагая лапту, как средство развития физического воспитания [8]. Положительные стороны русской лапты описываются в

работе И. В. Машошиной. В последней подчеркиваются возможности лапты в рекреативном физическом воспитании [9].

Таким образом, можно сделать вывод, что русская лапта представляет собой замечательное средство физического воспитания молодежи. Оказывая положительное влияние, как на здоровье, так и на личность занимающегося, лапта играет важную роль в становлении человека. Несмотря на то, что поначалу лапта была лишь формой проведения активного досуга, она стала неотъемлемым элементом в физическом образовании человека. Нельзя не отметить и тот факт, что игра в лапту, популярная в прошлом, возвращается в современную культуру. В данном процесе важно создание общественных и спортивных объединений поклонников лапты, что способствовало бы в дальнейшем популяризации русской лапты как вида спорта.

Список литературы

1. Шевко Е. В. Русская лапта-историческое наследие отечественной физической культуры и спорта //Теоретические и практические проблемы физической культуры и спорта. – 2016. – С. 78–83.

2. Шарыгина И. Т., Зубков Д. А. Баландина Е. Н. Русская лапта: от истории к реальности // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2020. – № 2. – С. 125–129.

3. Алтунина О. Е., Кириллина Н. И. Применение русской лапты на уроках физиеской культуры в МБОУ СОШ № 45 г. Орла // Наука-2020. – 2017. – № 3 (14). – С. 116–120.

4. Костарев А. Ю., Сенов И. В. Русская лапта-основа нравственного воспитания школьников //Физическая культура в школе. – 2008. – №. 8. – С. 60–63.

5. Якобчук А. Проект «русская лапта» как средство возрождения народных традиций //Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация. – 2013. – №. 1. – С. 178–180.

6. Берин В. С. Русская лапта как средство воспитания национальных ценностей // Перспективы развития науки и образования. – 2015. – С. 72–73.

7. Безрядин Л. И. Русская лапта в рамках ФГОС // Медико-биологические и педагогические основы адаптации, спортивной деятельности и здорового образа жизни. – 2016. – С. 143–145.

8. Курбанова Д. М. Русская лапта как средство физического воспитания учащихся //Актуальные проблемы оздоровительной и адаптивной физической культуры. – 2016. – С. 43–45.

9. Машошина И. В. Народная игра лапта как средство рекреативного физического воспитания школьников // Культура физическая и здоровье. – 2010. – №. 2. – С. 12–15.

УДК 1.78

Клюев Александр Сергеевич
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, кафедра музыкального воспитания и образования, доктор философских наук, профессор

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ МУЗЫКИ: СОПРОТИВЛЕНИЕ НЕБЫТИЮ

Аннотация. В статье рассматривается феномен русской философии музыки. Показывается своеобразие этого феномена в рамках русской философии. Выделяются основные этапы развития русской философии музыки, основные представители русской философии музыки на каждом этапе её развития. Акцентируется борьба русской философии музыки за истинное, незыблемое – сопротивление небытию.

Ключевые слова: русская философия музыки, русская философия, сопротивление небытию

Klyuev Alexander Sergeevich
Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen, Department of Musical Education and Education, Doctor of Philosophy, Professor

RUSSIAN PHILOSOPHY OF MUSIC: RESISTANCE TO NON-EXISTENCE

Annotation. The paper deals with the phenomenon of the Russian music's philosophy. The peculiarity of the phenomenon within the framework of Russian philosophy as emphasized. Russian philosophy of music's the main stages of development as considered and the main representatives of the Russian philosophy of music at each stage of its development as well. The struggle for the true, unshakable as the resistance to non-existence in of the Russian philosophy of music as emphasized.

Keywords: Russian philosophy of music, Russian philosophy, resistance to non-existence

Русская философия музыки – уникальное явление в рамках русской философии [см. о русской философии 3: 9]. Уникальность этого явления выражается в поразительной синтетичности учения, воплощённого в виде самостоятельных авторских концепций, принадлежащих различным философам (начиная примерно с XVIII века и завершая современностью).

В истории русской философии музыки выделяются следующие этапы:

1. XVIII век.
2. XIX век.
3. 1-я половина XX века.
4. 2-я половина XX века – настоящее время.

Обратимся к этим этапам.

В XVIII веке философские проблемы музыки поднимает оригинальный философ, «первый философ на Руси в точном смысле слова» (В. В. Зеньковский), Григорий Саввич Сковорода.

Сковорода много говорит о музыке. И это неслучайно, поскольку к музыке он имел непосредственное отношение: Сковорода сочинял духовные концерты и песни; играл на многочисленных музыкальных инструментах: скрипке, флейтравере, бандуре, гуслях; великолепно пел.

В представлениях о музыке Сковорода исходил из пифагорейской идеи существования Небесной музыки – Гармонии сфер.

Гармония сфер, по Сковороде, – воплощение Космического Согласия, которое он называл *Симфония.* Слово «симфония» происходит от греческого слова «синфония» – созвучие, а слово «синфония» напрямую связано с понятием «синергия».

Как полагал Сковорода, Небесная музыка (Гармония сфер) есть Бог. В размышлениях Сковороды встречаем высказывания: «Не Бог ли всё содержит?.. Он в дереве – истинное дерево, в траве – трава, в музыке – музыка» [6, с. 134].

Наиболее отчётливо, считал Сковорода, Небесная музыка проявляется в музыке, созданной человеком, – инструментальной и пении.

Связь Небесной музыки с музыкой, созданной человеком, в понимании Сковороды, поэтично предстаёт в описании его ученика и близкого друга Михаила Ковалинского: «Не довольствуясь беседою.., приглашал он друга своего (М. Ковалинского. – *А. К.*) в летнее время прогуливаться поздно вечером за город и нечувствительно доводил его до кладбища городского. Тут, ходя в полночь между могил и видимых на песчаном месте от ветра разрытых гробов, разговаривал о безрассудной страшливости людской, возбуждаемой в воображении их от усопших тел. Иногда пел там что-либо приличное благодушеству; иногда же, удалясь в близлежащую рощу, играл на флейтравере, оставя друга молодого между гробов одного, якобы для того, чтоб издали ему приятнее было слушать музыку» [7, с. 393].

XIX век – утверждение русской философии музыки. Большой вклад в этот процесс внёс В. Ф. Одоевский. Свои идеи о музыке Одоевский активно развивает в трактате «Опыт теории изящных искусств с особенным применением оной к музыке» (в этот трактат, по-видимому, изначально входили два раздела – «Сущее, или Существующее» и «Гномы XIX столетия», позже от него отделившиеся).

В приведенном выше трактате Одоевский высказывает мысль о том, что музыка есть звуковое воплощение гармонии природы, – гармонии *живящего* и *мертвящего* начал. Живящее и мертвящее начала «в музыке являются под видами… *созвучия* и *противозвучия* (consonantia – dissonantia)» [4, с. 157– 158]. По мнению Одоевского, музыка, представляя гармонию природы, передаёт гармонию души человека.

Ярко и увлекательно высказывается о музыке Одоевский в своих литературных произведениях, в особенности, в двух рассказах: «Последний квартет Бетховена» и «Себастиян Бах», позже вошедших в его роман «Русские ночи». Приведём выразительный фрагмент из рассказа «Себастиян

Бах»: «Есть ещё высшая степень души человека, которой он не разделяет с природою, которая ускользает из-под резца ваятеля, которую не доскажут пламенные строки стихотворца, – та степень, где душа, гордая своею победой над природою, во всём блеске славы, смиряется пред вышнею силою, с горьким страданием жаждет перенести себя к подножию её престола и, как странник среди роскошных наслаждений чуждой земли, вздыхает по отчизне; чувство, возбуждающееся на этой степени, люди назвали *невыразимым*; единственный язык сего чувства – *музыка*» [5, с. 121].

В первой половине XX века русские философы проявляют огромный интерес к музыке, связанный с уяснением её необыкновенных возможностей. Причём эти возможности каждый из философов видел по-своему.

Так, у А. Ф. Лосева музыка – исключительное средство восхождения к Богу, род молитвы; у П. А. Флоренского – живительная сила Литургического действа, основанного на ритме и осуществляемого в соответствии с типиконом (церковным уставом); Н. О. Лосский писал о том, что звук выражает собой единение видимого и невидимого. И. И. Лапшин подчёркивал слиянность музыки и философии – особенно в творчестве Скрябина…. Но, пожалуй, наиболее обобщённо в это время специфика истолкования музыки русскими философами раскрывается в работах Е. Н. Трубецкого.

Трубецкой полагал, что музыка – мощнейшее средство воссоединения человека с Богом. К такому выводу он пришёл после прослушивания на концерте 9-й Симфонии Бетховена. Вот как он описывает восприятие им этой Симфонии: «Трудно передать то состояние восторга, которое я испытал тогда (на. – *А. К.*) концерте. Всего несколькими месяцами раньше перед моим юношеским сознанием стала навеянная Шопенгауэром и Достоевским дилемма. Или есть Бог, и в нём полнота жизни *над миром*, или не стоит жить вовсе. И вдруг я увидел эту самую дилемму глубоко, ярко выраженною в гениальных музыкальных образах. Тут есть и нечто бесконечно большее, чем постановка дилеммы, – есть *жизненный опыт* потустороннего, – *реальное ощущение* (*вечного*. – *А. К.*) *покоя*. Мысль ваша… воспринимает всю мировую драму с той высоты вечности, где всё смятение и ужас чудесно претворяются в радость и *покой*. И вы чувствуете, что (этот. – *А. К.*) вечный покой, который нисходит сверху на вселенную, – не отрицание жизни, а полнота жизни. Никто из великих художников и философов мира не ощутил и не раскрыл этого так, как это удалось Бетховену» [8, с. 157].

Во 2-й половине XX века, в связи с крушением русской философии как самобытного духовного явления происходит и крах русской философии музыки. И всё же во 2-й половине XX столетия, скорее уже на рубеже XX – XXI вв., наблюдается возврат к русской философской мысли о музыке. Появляются работы соответствующей направленности. Эти работы принадлежат М. С. Уварову. Уваров рассматривает музыку как средство звукового исповедания, выражения сокровенных мыслей и чувств.

В современный период нами предложена модель философии музыки, которую, как мы полагаем, сегодня можно рассматривать в качестве итога развития суждений о музыке русских философов (начиная с XVIII в. и кончая сегодняшним днём). Модель представлена в нашей книге «Сумма музыки». Модель имеет название: «Новая синергетическая философия музыки». В ней две части: «Теория» и «Практика».

В теоретическом плане музыка понимается как совершеннейшее воплощение единения энергий Бога и энергий человека – *единения человека с Богом «в миру».* Это единение осуществляется вследствие отклика человека на призыв Бога, воспринимаемый человеком «как одновременно тревожащий и пьянящий зов музыки» [2, с. 211]. «Такой зов музыки был обнаружен давно. Ещё в XVIII веке французский писатель Б. Фонтенель по поводу него произнёс знаменитое: «Соната, чего ты хочешь от меня?» [Там же].

В практике мы исходим из того, что музыка – великая сила, способная избавить человека от тягот земного существования: обеспечить ему то, что именуется «спасение», или – «целение», т. е. – *обретение целостности.* «*Именно обеспечивая целостность человека, музыка и открывает ему Бога*» [2, с. 214; о данной модели философии музыки см., в частности, в работах: 1; 10, а также – в статье мюнхенского профессора Вольфганга Мастнака: 11].

На основании краткого экскурса в историю русской философии музыки можно сделать вывод о том, что русская философская рефлексия о музыке – органичное образование, основанное на сочетании различных подходов. Не вызывает сомнения, что вследствие своих ценностных ориентиров, русская философская мысль о музыке есть утверждение истинного, незыблемого, а значит, – сопротивление небытию.

Список литературы

1. Клюев А. С. Принципы Новой синергетической философии музыки // Философия творчества. Ежегодник / РАН. ИФ. Сектор философских проблем творчества. Вып. 7. 2021: Философско-методологический анализ когнитивных оснований творчества. – М.: Голос, 2021. – С. 174–205.

2. Клюев А. С. Сумма музыки. – 2-е изд., испр. и перераб. – М.: Прогресс–Традиция, 2021. – 520 с.

3. Клюев А. С. Что такое русская философия? // Двадцатый Славянский научный Собор «Урал. Православие. Культура». Русский язык и литература в культуре России: от наследия свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия к современности. – Челябинск: Изд-во ЧГИК, 2022. – С. 170–174.

4. Одоевский В. Ф. Опыт теории изящных искусств с особенным применением оной к музыке // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: в 2 т. – М.: Искусство, 1974. –Т. 2. –С. 156–168.

5. Одоевский В. Ф. Себастиян Бах // Одоевский В. Ф. Русские ночи. – Л.: Наука, 1975. – 319 с.

6. Сковорода Г. С. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1973. Т. 1. – 511 с.

7. Сковорода Г. С. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1973. Т. 2. – 486 с.

8. Трубецкой Е. Н. Воспоминания // Трубецкой Е. Н. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. – Томск: Водолей, 2000. –С. 89–226.

9. Klujev A. Che cos'è la filosofia russa? – URL: www.ideeazione.com.

10. Klujev A. Synergetische Musiktherapie auf der Basis russischer Philosophie und orthodoxer Tradition // Musik-, Tanz- & Kunsttherapie. Zeitschrift für künstlerische Therapien im Bildungs-, Sozial- und Gesundheitswesen. – 31. Jahrgang. 2021. Heft 2. – Pp. 179–192.
11. Mastnak W. Aleksandr Klujevs Synergetische Musiktherapie aus interdisziplinärer Perspektive // Musik-, Tanz- & Kunsttherapie. Zeitschrift für künstlerische Therapien im Bildungs-, Sozial- und Gesundheitswesen. – 31. Jahrgang. – 2021. – Heft 2. – pp. 193–196.

УДК 783

Ширяева Ольга Федоровна
Челябинский государственный институт культуры,
кафедра теории и истории музыки,
зав. кафедрой, кандидат искусствоведения, доцент

ОБРАЗЫ ПРАВОСЛАВИЯ В МУЗЫКАЛЬНЫХ КАРТИНАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОМПОЗИТОРОВ (К ВОПРОСУ О СИНТЕЗЕ ИСКУССТВ)

Аннотация. В статье рассматриваются музыкальные произведения отечественных композиторов XIX– начала XXI в., в которых отображены образы православной культуры – архитектурные сооружения, церковные песнопения, звучание колокольного звона. Данное явление анализируется на примере произведений светской традиции. В жанровую палитру включены разные жанры – от фортепианных миниатюр до крупных оперных шедевров. Автор отмечает связь видов искусств, повлиявшую на формирование жанров музыкальной фрески, иконы в звуках.

Ключевые слова: жанр, икона, фреска, симфоническая картина, сюита, знаменный распев, звукоизобразительность, звукопись, программность

Shiryaeva Olga Fedorovna
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Department of Theory and History of Music, Head of the Department, Candidate of Art History, Docent

IMAGES OF ORTHODOXY IN MUSICAL PICTURES DOMESTIC COMPOSERS (TO THE QUESTION OF THE SYNTHESIS OF ARTS)

Annotation. The article deals with the musical works of Russian composers of the 19th-early 21st centuries, which depict images of Orthodox culture – architectural structures, church chants, the sound of bell ringing. This phenomenon is analyzed on the example of works of secular tradition. The genre palette includes different genres – from piano miniatures to major operatic masterpieces. The author notes the connection between the types of arts, which influenced the formation of the genres of musical fresco, icons in sounds.

Keywords: genre, icon, fresco, symphonic picture, suite, znamenny chant, sound representation, sound writing, programming

Формирование отечественного музыкального искусства немыслимо без традиций православной культуры. Передаваемые из века в век, от поколения к поколению, эти традиции продолжают развиваться по сей день не только в творчестве композиторов, посвятивших свою жизнь церковной музыке. Данный феномен представлен русскими композиторами-классиками XIX в., в светских произведениях, в которых мы встречаем массу примеров обращения к картинам церковной жизни. В них мы видим наши великие храмы, лики святых, слышим звучание колокольного звона, мелодии знаменных распевов.

Жанровая палитра данных произведений включает в себя как вокальную музыку (оперу, романсы), так и инструментальную (концерты, фортепианные пьесы и т. д.). Приведем далее некоторые, особенно наглядные примеры. Так, особенно выразительны оперные сцены из произведений:

- **Опера «Иван Сусанин» М. И. Глинки** (1836 год создания), где в Эпилоге звучит хор «Славься» на Красной площади в Москве, где, как известно, находятся несколько церковных архитектурных шедевров; торжественное звучание хора непосредственно ассоциируется с величием и духовным богатством этих святынь;
- **Опера «Борис Годунов» М. П. Мусоргского** (1869, 2-я ред. 1872) – в Прологе зритель созерцает двор Новодевичьего монастыря (1 картина), Московский Кремль (2 картина); в 4 действии события происходят на фоне Собора Василия Блаженного (1 картина);
- **Опера «Хованщина» М. П. Мусоргского** (1872): те же объекты показаны вновь – Красная Площадь (1 действие); Собор Василия Блаженного (4 действие, 2 картина).

Подобные картины отображены и в произведениях, не связанных с театральной музыкой, декорациями. Порой слушателю нужно подключить свое воображение, самому представив себе визуальные объекты. Например, **фортепианная пьеса М. П. Мусоргского «Богатырские вороты» из цикла «Картинки с выставки»** (1874, сочинение посвящено другу композитора, художнику и архитектору В. А. Гартману) основана на эскизе к проекту киевских городских ворот, которые В. А. Гартман представил в древнерусском стиле: звонница была изображена в виде богатырского шлема, а украшение над воротами в форме кокошника. Рассмотрим данный пример более подробно, выявляя приемы звукоизобразительности.

Пьеса открывается тремя аккордами, которые ассоциируются с тремя арками, или тремя куполами, чему способствует четкая фактурная вертикаль, широкий охват диапазона от нижнего регистра к верхнему – «от земли до неба» (такты 1–3, Es-dur). В звучании с ритмически запаздывающими звуками (что создается коротким форшлагом) слышится звон колоколов. Этот звукообраз, непосредственно связанный с православными традициями, пронизывает не только творчество М. П. Мусоргского, но и С. В. Рахманинова, и всей русской музыкальной школы XIX – XX вв. (например, увертюра «Светлый праздник» Н. А. Римского-Корсакова, 1888; Второй концерт для фортепиано с оркестром С. В. Рахманинова, 1900 ; хоровая симфония-действо «Перезвоны» В. А. Гаврилина, 1982 и т. д.) Развитие темы приводит к еще более мощному ее проведению с добавлением октавного звука в басу (органного пункта с 22 такта). Фактура многослойная, словно все колокола взялись звонить разом.

Вторая важная тема данной пьесы также связана с церковной музыкой. Тихо, сосредоточено, в as-moll, звучит песнопение (с 30 такта) в среднем регистре, в скромном четырехголосном архаичном изложении. Развитие происхо-

дит с тенденцией к повышению тесситуры и переходом в набатный звон (такт 81). (Вспоминаются тревожные страницы истории Руси.) Фактура многоярусная. В этих пестрых полиритмических рисунках мы представляем себе сочетание колоколов разного размера. М. П. Мусоргский по праву считается мастером колокольной звукописи. (Возникает ассоциация с фрагментом оперы «Борис Годунов», Пролог, 2 картина.) Данная пьеса демонстрирует разные варианты колокольного звучания. Как и сочинение его коллеги, друга, участника кружка «Могучая кучка» – А. П. Бородина. В его «Маленькой сюите» для фортепиано есть короткая зарисовка – «В монастыре» (1885). Как благовест, звучат нисходящие аккорды, «падающие» из верхнего регистра в нижний. Многослойная фактура ассоциируется с многокрасочным обертоновым «свечением». Вторая тема, близкая знаменному распеву, проводится в тональности cis-moll, словно отсылая к оркестровому вступлению оперы М. П. Мусоргского «Борис Годунов». Постепенно обрастая подголосками, крепнет «хоровое звучание». Развитие материала приводит к контрапункту с колокольной темой, кульминации в самом центре музыкальной композиции. Звучание подчеркнуто максимальным охватом баса и «верха». Достигнув высшей эмоциональной точки с напряженной и трагичной окраской уменьшенного вводного септаккорда, развитие материала возвращается к своему первоначалу. Один за другим «выключаются» голоса, затихает динамика. Нисходящяя колокольная тема завершает эту практически симметричную композицию.

Среди оркестровых примеров отображения образов православия в музыке XIX в. выделяется симфоническая картина «Кремль» А. К. Глазунова (соч. 30, 1890 г.). Произведение посвящено памяти М. П. Мусоргского. Указывая на это, музыковед М. А. Ганина, одна из исследователей творческого наследия А. К. Глазунова, приводит отрывок из его письма к Н. А. Римскому-Корсакову, написанного за восемь лет до появления произведения – от 7 июля 1882 г: «Как я наслаждаюсь «Борисом». Когда я был в Москве, то при виде Кремля я часто вспоминал Мусоргского. Какое приятное впечатление произвела на меня Москва, в особенности Кремль и церковь Василия Блаженного!» [1].

Проанализируем данный пример с точки зрения выразительных возможностей звукописи. В картине три части. Первая часть носит название *«Народное празднество»* и представляет собой чередование нескольких контрастных тем, словно раскрывая широкую панораму: мы «видим» пеструю разноголосую толпу, фигуры людей, движущихся по площади. Создавая каждую тему, композитор использует разные тембры, ритмические рисунки, направление движения мелодии, так, как это делал бы художник, накладывая на холст краску за краской, линию за линией, очерчивая силуэт за силуэтом.

Вторая часть – *«У монастыря»* стоит в центре всего циклического произведения, триптиха, сосредотачивая, таким образом, главную идею произведения на образе православной культуры. Эта часть картины начинается с сумрачного аккордового звучания струнной группы, напоминаю-

щего пение хора (d-moll). Можно представить себе раннее утро, фигуры монахов, сосредоточенных на службе.

Выделяется тема у кларнета, басового кларнета и фагота в унисон (цифра А – далее Ц. А, В, С) по своему интонационному рисунку близкая знаменному распеву, а по тембровой окраске – мужским голосам в хоре.

Вот зазвучал голос колокола (8 тактов до Ц. D) – глухой, размеренный (А. К. Глазунов ввел в партитуру произведения колокола). Ему отвечает «золотой ход валторны» деревянной духовой группы (далее эта интонационная формула становится фоном). Постепенно учащается ритмический пульс (Ц. D), вводится новая мелодико-ритмическая формула у флейт и треугольника.

Возвращается тема знаменного распева (Ц. Е), выводя контуры сонатной формы (главная партия – тема распева, побочная тема – тема колокола). Композитор любуется распевом, поручая его сольно звучащему фаготу (7 тактов до Ц. F). А затем минор сменяется мажором, подключаются голоса струнных инструментов. Очертания монастыря, вначале еле различимые в тумане, постепенно осветляются первыми утренними лучами солнца (вводится нисходящая фигура у флейт, пронизывающая фактуру – Ц. G).

Новая тема (Ц. Н) также близка знаменному распеву, она звучит скупо, архаично у тромбона, затем у тубы. А далее (Ц. I) возвращается главная тема в «хоровом изложении» у медной группы на трепещуще-тревожном фоне струнных. Можно воспринять этот момент как истовое прочитывание молитвы! Следующее за этим яркое tutti знаменует генеральную кульминацию всей части!

…И вот колокол завершает службу. Мы словно видим монахов, которые выходят из храма. Звонят колокола (Ц. М). Завешается часть сольным звучанием кларнета, затем просветленным и умиротворенным ансамблем деревянной духовой и струнной групп. В последних тактах тему подхватывает группа медных в басах, окутывая монастырь сизой дымкой тумана.

Третья часть – *«Встреча и въезд князя»* вновь выстроена как пестрая мозаика разнохарактерных тем, разделов, которые соотносятся друг с другом по принципу контраста – тонального, динамического, тембрового, обрамляя всю композицию симфонической картины. Специально для этой части композитор включил в партитуру звучание медного оркестра. В примечаниях к партитуре значится просьба: «Желательно, чтобы пьеса исполнялась с медным оркестром (banda)… Медный оркестр следует помещать отдельно и в некотором расстоянии от струнного, например, на хорах» [2]. Этот колористический прием использован в кульминации (4 такта после Ц. М); движение всех голосов оркестра направлено ввысь. Интонационный рисунок напоминает переливчатое звучание церковных колоколов (Ц. R), венчающих всю партитуру.

В конце XX в., после длительного периода запрета на сочинение, исполнение, изучение церковных произведений, – начинается возрождение православной музыкальной традиции. Здесь можно выделить несколько векторов развития: создание произведений в рамках строгого церковного

канона (сочинения протоиерея Н. А. Ведерникова, Архимандрита Матфея (Л. В. Мормыля), диакона С. З. Трубачева); обращение к православным истокам в рамках светских произведений (И. С. Вишневский, К. Е. Волков, Е. К. Голубев, В. Б. Довгань, Н. Н. Каретников, А. Л. Ларин, Р. С. Леденева, В. И. Мартынов, А. И. Микита, Е. И. Подгайц, В. В. Пономарева, В. И. Рубин, В. В. Рябов, Н. В. Сайковича, В. В. Сариева Г. В. Свиридов, Н. Н. Сидельников, В. Н. Успенский, Р. К. Щедрин и др.) [3;7].

Эта широкая линия развития отечественного композиторского творчества пересекается с другой важнейшей тенденцией – усиления синтеза искусств, и, в частности, взаимосвязей музыкального искусства с живописью и архитектурой. Так, для характеристики своих произведений композиторы стали использовать внемузыкальные определения. Наряду с музыкальными эскизами, симфоническими картинами, фортепианными акварелями и пр., – появляются музыкальные сочинения, названные «**иконами», «фресками».** Эти определения используются композиторами по-разному: в одних случаях идет проецирование на принципы организации средств музыкальной выразительности, в других – происходит влияние на формообразование и драматургию. Многие сочинения созданы под впечатлением от реального иконописного шедевра или фрески. Список сочинений огромный. Отметим наиболее крупные яркие работы.

«Фреска» Б. С. Гецелева (Нижний Новгород, годы жизни: 1940–2021) относится к раннему периоду творчества композитора. Она написана в 1970 г., и явилась попыткой освоить симфонический жанр. Это масштабное полотно с контрастным строением (медленное вступление соотносится с быстрым разделом). Музыкальная ткань словно выписана «крупными мазками», звучит в мощном тембровом оформлении [8].

Аналогично тому ранним произведением стала в творчестве **А. Ю. Мдивани** (1937–2921, Минск) **симфоническая поэма «Фрески»** (1967). Родившись в Тбилиси, композитор А. Ю. Мдивани стал классиком белорусской композиторской школы. Свои детские впечатления о Грузии музыкант отобразил в поэме «Фрески», написанной на III курсе Белорусской консерватории. В музыке симфонической поэме слышны отголоски грузинских песен, православных песнопений; в сочинении также есть картины кавказского пейзажа. Впоследствии А. Ю. Мдивани был создан целый ряд симфонических картин уже на основе белорусских культурных традиций: «Христова фреска», «Разрушение Полоцка», «Изгнание Рогнеды», «Шествие старцев», «Владимир», 1993 г.

В 1970 году композитором **Ю. М. Буцко** (1938–2015, Москва) была создана симфония-сюита **«Древнерусская живопись»**. Музыка основана на цитировании знаменных распевов, которые композитор «расцвечивает» оркестровыми, гармоническими красками. (Развитие жанра было продолжено Ю. М. Буцко в симфониях-сюитах «Из русской старины» (1982), «Господин Великий Новгород» (1987), «Народная Русь Христа ради» (1992) [5].

Концертная симфония для арфы с оркестром «Фрески Софии Киевской» В. Г. Кикты (1941 г. р., Москва) написана в 1972 г. и состоит из девяти частей – «Орнамент 1», «Зверь нападает на всадника», «Орнамент 2», «Групповой портрет дочерей Ярослава Мудрого», «Михайловский придел», «Борьба ряженых», «Музыкант», «Скоморохи», «Орнамент 3». Произведение создано под впечатлением красоты и величия Софийского собора в Киеве. Этим архитектурным шедевром композитор был восхищен еще в юные годы, таким образом, замысел концертной симфонии зрел не один год. Структурно Концерт содержит в себе черты сюиты, сонатной формы. Но в целом, композиция выстроена так, что создается ощущение созерцания изображений одного за другим, как это и бывает при посещении храма. Части-картины чередуются по принципу контраста, функцию объединяющего начала несет в себе тема «орнамента».

«Фрески Дионисия» Р. К. Щедрина (1932 г. р., Москва) написаны в 1981 г. для девяти инструментов – флейты, кларнета, английского рожка, фагота, валторны, альта, виолончели, челесты, металлических тарелочек. Великий памятник православной культуры – фрески иконописца XV в. Дионисия, – находятся в соборе Рождества Богородицы в Ферапонтовой монастыре в Вологде. Они занесены в список Всемирного культурного наследия Юнеско. (Это единственные в России фрески, сохранившиеся в первозданном виде.) Звучание произведения словно воспроизводит технику Дионисия, отображая неспешность движений, прозрачность красок. Все произведение пронизывает молитвенное состояние [9].

Фреска «Александр Невский» Г. Ю. Толстенко (1959 г. р., Ростов) состоит из трех разделов; она входит в состав симфонического цикла «Иконы». Сочинение написано в 2021 году под впечатлением композитора от образа Александра Невского, воплощенного в древней живописи; по словам автора, музыка содержит «аллюзии о былом победном походе полководца; произведение обрамлено аркой, где в начале происходит молитва, а в конце – вознесение А. Невского в небесные сферы» [6].

Симфония № 2 «Андрей Рублёв» для инструментального ансамбля, синтезатора, тенора и органа (1977 г.) написана композитором, органистом, основателем Ассоциации органистов и органных мастеров России – **О. Г. Янченко** (1939–2002, Москва). По сути – это воссозданный в музыкальных звуках **портрет великого иконописца.** Включение в состав инструментов органа обусловлено творческой позицией автора: из 6 симфоний О. Г. Янченко в четырех звучит орган, придавая звучанию особую краску и мощь [11].

Важно отметить современный стиль, в котором написаны упомянутые произведения. Звучание наполнено терпкими гармониями, кластерами. Необычен состав исполнителей, мелодико-ритмический рисунок причудлив. Словно композиторы пытаются отобразить традиционные духовные ценности сквозь призму мировосприятия нашего времени. Вместе с

тем, в этих сочинениях «проглядывают» и архаичные звукообразы, а также стилистика XIX в.

К сожалению, за рамками статьи остаются много достойных изучения произведений (Г. Дмитриев. «Икона»: медитативная музыка для металлических ударных инструментов и 48-голосного струнного оркестра, 2002; В. В. Рябов. «Рождественская звезда»: симфоническая фреска для большого оркестра, детского хора и чтеца, 1993; В. А. Успенский. Симфонические фрески – в 5 частях, 1978 и т. д.). Перспективным может стать изучение данного феномена на примере творчества **региональных** уральских **композиторов** (В. Д. Биберган – 1937 г. р., Екатеринбург, Санкт-Петербург – «Праздничные звоны» для ансамбля гуслей и оркестра, 2002; В. А. Кобекин – 1947 г. р., Екатеринбург – «Благовест» для двух фортепиано с оркестром, 1985; «Золотые купола»: для большого симфонического оркестра, 2001; А. Р. Кузьмин. Сюита для большого симфонического оркестра и смешанного хора «Святые образы храма на Крови» в пяти частях, 2021), а также Поволжья, Сибири и т. д., – которые органично включены в процесс возрождения и развития духовных православных основ музыкального искусства.

Список литературы

1. Ганина М. А. Александр Константинович Глазунов: жизнь и творчество / М. А. Ганина; Ленинградская гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова. – Ленинград : Музгиз, 1961. – 389 с.

2. Глазунов А. Кремль: Симфоническая картина в 3-х ч. для большого оркестра [Партитура]. – Лейпциг, 1892. – 117 с.

3. Ковалев А. Б. Духовная музыка отечественных композиторов второй половины XIX – начала XXI века: жанровая типология: автореф. дис. … д-ра искусствоведения / А. Б. Ковалев. – Москва, 2018. – 44 с.

4. Ковалева М. Л, Проблемы симфонического и органного творчества Олега Янченко. – автореф. дисс. …канд. искусствоведения. – Москва, 2001. – 24 с.

5. Кузнецов И. Современный образ старой Руси. Полифоническое искусство Юрия Буцко. – Открытый текст. – Электронное периодическое издание. – С. 20–31. – URL: https://opentextnn.ru/music/muzykalnye-jepohi/xx-v/igor-kuznecov-sovremennyj-obraz-staroj-rusi-polifonicheskoe-iskusstvo-jurija-bucko-61–34-kb/

6. Плешаков В. В Волгограде впервые прозвучала симфоническая фреска «Икона» об Александре Невском. – 14.09.2021. – Сетевое издание Волгоградского городского телеканала МТВ. – URL: https://мтв.онлайн/news/kultura/v-volgograde-vpervye-prozvuchala-simfonicheskaya-freska-ikona-ob-aleksandre-nevskom-6966154931.html

7. Попова Е. В. Духовная музыка отечественных композиторов: поэтика «жанровых форм»: конец XX – начало XXI в.: автореф. дис. … канд. искусствоведения. – Москва, 2011. – 27 с.

8. Савенко С. О Борисе Гецелеве, музыканте и человеке // Музыка и революция (1926–1929 гг.). – Электронное периодическое издание «Открытый текст». – С. 106–112. – URL: http://opentextnn.ru/old/music/epoch%20/XX/index.html@id=3747

9. Синельникова О. В. Страницы русской истории сквозь призму жизни и творчества Родиона Щедрина // Вестник Кем ГУКИ. – № 26. – 2014. – С. 134–141.

10. Хватова С. Знаменный роспев и творчество современных композиторов // Хватова Светлана Ивановна Знаменный роспев и творчество современных композиторов // Южно-Российский музыкальный альманах. – 2007. – № 1. – С. 95–100.

11. Шнайдер, В. А. Особенности тембровой драматургии симфонии «Андрей Рублев» Олега Янченко / В. А. Шнайдер // Культура. Наука. Творчество. – Минск: Белорусский государственный университет культуры и искусств, 2016. – [Вып. 10]. – С. 461–464.

УДК 783

Коробейникова Екатерина Анатольевна
Челябинский государственный институт культуры,
кафедра хорового дирижирования и сольного пения,
зав. кафедрой, кандидат исторических наук, доцент
Стрельцова Любовь Николаевна
Челябинский государственный институт культуры,
кафедра хорового дирижирования и сольного пения, доцент

ОТ «ХОРОВЫХ ПРОПОВЕДЕЙ» – К МЕЖДУНАРОДНОМУ ФЕСТИВАЛЮ

Аннотация. Зародившийся в 90-е гг. арт-проект В. В. Михальченко «Хоровые проповеди» стал уникальным художественным явлением в культурной жизни нашего города, и, во многом, предопределил вектор последующей концертно-просветительской деятельности Челябинского Камерного хора. В настоящее время проект обрел новую жизнь, в рамках международного фестиваля духовной музыки на Южном Урале.

Ключевые слова: Православие, церковные песнопения, хор, фестиваль, концерт

Korobeynikova Ekaterina Anatolievna
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, department of choral conducting and solo singing head Department, Candidate of Historical Sciences, Docent
Streltsova Lyubov Nikolaevna
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Department of choral conducting and solo singing, Docent

FROM «CHORAL SERMONS» TO INTERNATIONAL FESTIVAL

Annotation. V. V. Mikhalchenko's art project «Choral Sermons» born in the 90s, became a unique artistic phenomenon in the cultural life of our city, and, in many ways, predetermined the vector of the subsequent concert and educational activities of the Chelyabinsk Chamber Choir. Today, this project has found a new life, within the framework of the international festival of sacred music in the Southern Urals.

Keywords: Orthdoxy, church hymns, choir, festival, concert

Цикл концертов духовной музыки под общим названием «Хоровые проповеди» стал визитной карточкой Челябинского Камерного хора, ныне носящего имя своего основателя – В. В. Михальченко. Именно он вдохнул жизнь в этот уникальный культурно-миссионерский проект в начале 90-х годов.

Напомним, что конец 80-х, и все 90-е гг. были отмечены возрождением Православной церковной жизни, возвращением храмовых зданий, некогда поруганных святынь, развитием духовного образования, налаживанием конструктивных отношений между государством и церковью, а также, открытием огромных пластов некогда забытого культурного наследия: церковно-певческого искусства, иконописи, святоотеческой литературы, богословия, русской религиозной философии и т. д.

Немаловажно отметить огромный интерес к возрождающемуся Православию не только в профессиональной среде, но и в обществе. Люди, как бы изголодавшись по религиозной жизни, массово устремились в храмы, скудно издаваемая в то время церковная литература раскупалась мгновенно, была огромная потребность в принятии Таинства Крещения, заключении церков-

ных браков, начали открываться воскресные школы для детей и взрослых, постепенно стала налаживаться полноценная церковно-приходская жизнь.

В атмосфере необыкновенного духовного подъема, который происходил на фоне социально-экономических катаклизмов 90-х гг., любой арт-проект, связанный с духовно-религиозной тематикой был бы успешным и востребованным. Именно таковыми оказались «Хоровые проповеди» − серия тематических духовных концертов в исполнении Челябинского Камерного хора, ныне носящего имя своего основателя и первого художественного руководителя, – В. В. Михальченко.

В. В. Михальченко, обладая мощной художественной интуицией, тонко почувствовал дух времени, не ограничившись отдельными громкими премьерами духовных сочинений, – смог выстроить самостоятельное и вполне художественно самодостаточное направление: серию концертов духовной музыки с «говорящим» названием «Хоровые проповеди». Этот уникальный проект просуществовал два десятилетия, знакомя южноуральцев с неизвестными страницами русского церковно-певческого искусства. Каждый концерт шел с неизменным аншлагом, воспринимался публикой как откровение. Наряду с шедеврами прошлого, такими как духовно-музыкальные сочинения П. Г. Чеснокова, С. В. Рахманинова, А. А. Архангельского, А. Д. Кастальского, МИ. М. Ипполитова-Иванова и др., Камерный хор открывал и неизвестные произведения (например, «Литургия» К. Варгина). Постепенно, в репертуаре стали появляться духовно-музыкальные премьеры – сочинения современных композиторов: А. Киселева, К. Волкова, Г. Свиридова, Р. Щедрина, Ю. Фалика и др [1, с. 35–37].

В 90-е гг. интерес композиторов, исполнителей и слушателей к духовной музыке был колоссальным. Концертные программы как бы заново открывали слушателю целые пласты отечественного культурного наследия. Яркая художественная практика катализировала активность музыковедов. Православному церковно-певческому искусству посвящались монографии, научные и научно-популярные статьи, проводились глубокие, разносторонние диссертационные исследования, писались вдохновенные рецензии на прошедшие премьеры, возникали острые творческие и научные дискуссии. Очевидно, что в те трудные годы, именно Православие стало фактором консолидации общества, а возрождающееся церковное искусство вдохнуло новую жизнь в хоровое и инструментальное исполнительство, композиторское творчество, музыкознание, дало мощный импульс развитию всех жанровых направлений современного искусства.

Высокий духовный подъем, по мере улучшения социальной ситуации в государстве, постепенно переходил в русло обыденной религиозной и культурной жизни. Открывались, реставрировались и строились храмы, издавалась церковная литература, регулярно проходили концерты, причем силами не только светских, но и церковных хоровых коллективов. Концертные афиши 2000-х гг. по-прежнему изобиловали глубокими, интерес-

ными программами духовных сочинений, но их востребованность в обществе понемногу снижалась.

В последнее десятилетие в области духовно-музыкального искусства начали назревать кризисные явления. Духовная музыка по-прежнему исполнялась, но интерес к подобным концертам стал постепенно ослабевать. Возможно, данный культурный пласт перестал быть экзотикой, появился видеохостинг You Tube с внушительным объемом различного музыкального контента, произошла смена поколений и т. д. В сложившейся ситуации, именно фестиваль, как яркое событие в современном формате, должен был стать фактором поддержания интереса в обществе к отечественному духовно-музыкальному наследию.

Фестиваль духовной музыки на Южном Урале, как проект, возник почти спонтанно: в 2016 году губернатор Челябинской области Б. А. Дубровский, во время рабочей поездки в город Кыштым, обратил внимание на величественный храм Рождества Христова, который в течение длительного времени нуждался в реставрации. Скромные финансовые возможности Прихода (а это был действующий храм), позволили отремонтировать храм на первом этаже (зимний храм), тогда как величественный храм на втором этаже (летний) по-прежнему пребывал в плачевном состоянии. По распоряжению губернатора, был запланирован благотворительный концерт, в том самом летнем храме, средства на ремонт которого предстояло собрать.

Концерт состоялся 13 сентября 2016 г. В нем приняли участие хоры Свято-Симеоновского кафедрального собора (регент Е. А. Коробейникова), Свято-Троицкого храма (регент И. К. Седлецкая), и Челябинский Камерный хор имени В. В. Михальченко (художественный руководитель О. П. Селезнева). Успех концерта был настолько убедительным, что программу решено было повторить на следующий день. К участникам концерта присоединился еще один коллектив – хор храма святого Георгия Победоносца (регент О. В. Кочетова). Так, силами одного филармонического и трех церковных хоровых коллективов, стартовал масштабный культурно-просветительский проект – Фестиваль духовной музыки на Южном Урале.

Уже в 2017 г. фестиваль стал международным, продлившись четыре дня. Его участниками стали 12 хоровых коллективов. Концерты прошли в Кыштыме, Челябинске, Троицке, Магнитогорске, Златоусте, Южноуральске и Сатке. Концертную программу украсил Византийский хор святого Иоанна Дамаскина из Греции. Насыщенность программы фестиваля впечатлила даже самых искушенных слушателей. Именно тогда возникла уверенность, что фестиваль станет ежегодным.

Примечательно, что начиная с 2017 г. к участию в фестивале стали привлекаться не только профессиональные, церковные, но и учебные коллективы, такие как хоровая капелла мальчиков и юношей «Созвучие», «Молодость», студенческий хор Южно-Уральского института искусств и др.

Можно сказать, что последующие фестивали проходили в русле заложенных традиций при участии местных и приглашенных хоровых коллективов. Была разработана гастрольная схема, при которой практически все города области оказались охвачены фестивальным движением, каждый хоровой коллектив успевал дать несколько полноценных концертов в различных городах области и поучаствовать в гала-концерте, который, по сложившейся традиции, проводился в городе Кыштым.

Последний, Шестой международный фестиваль духовной музыки на Южном Урале был по-своему уникален. Его участниками стали мужские хоры со всей России. Это камерные хоры Вологодской и Карельской филармоний, хор Валаамского монастыря, Архиерейский мужской хор Казанско-Богородицкого монастыря (Республика Татарстан, Казань). Также в ярком культурном событии приняли участие челябинские коллективы: мужской состав Камерного хора имени Валерия Михальченко и капелла мальчиков и юношей «Созвучие». Все участники – профессионалы самого высокого уровня, настоящие мастера сцены. Состоялось 14 концертов в десяти городах области. Главными площадками стали зал органной и камерной музыки «Родина» в Челябинске и храм Рождества Христова в Кыштыме.

Помимо концертной программы, в рамках форума состоялись круглые столы с участием руководителей коллективов, куда приглашены хормейстеры и преподаватели вузов и школ искусств Челябинска. В рамках теоретической программы фестиваля впервые прошел мастер-класс Владимира Николенко− художественного руководителя Камерного хора «Таврический благовест» из Симферополя.

Фестиваль духовной музыки на Южном Урале, получив мощный импульс духовного возрождения 90-х, стал масштабным проектом, консолидирующим различные социальные слои общества: студенчество, преподавателей, художественную интеллигенцию, госчиновников, религиозных деятелей, духовенство, прихожан, а также всех, интересующихся отечественной духовно-музыкальной культурой.

Духовно-музыкальный проект «Хоровые проповеди» сегодня приобрел международный масштаб, реализуется в современном формате фестиваля, привлекает лучшие исполнительские коллективы, охватывает значительную аудиторию и продолжает некогда начатое высокое дело: приобщение широкого круга слушателей к сокровищам отечественного духовно-музыкального искусства.

Список литературы

1. Синецкая, Т. М. Дом по имени «Камерный хор». – Челябинск: Авто Граф, 2012. –255 с.

УДК 372.878

Хмелёва Анна Павловна
Челябинский государственный институт культуры,
зав. кафедрой музыкального образования, кандидат
педагогических наук, доцент

ОТ МЕТОДИКИ К ТЕХНОЛОГИИ: ИЗ ИСТОРИИ ИННОВАЦИЙ В ОБЛАСТИ ОБЩЕГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Автор статьи поднимает проблему изучения состояния современного общего музыкального образования на основе анализа истории внедрения педагогических инноваций. Охарактеризованы этапы эволюции отечественного музыкального образования, выделены его константы, базовые идеи, сформировавшие устойчивые тенденции, проявляемые в применении особых типов обучения (проблемного, развивающего и других), разработке семиотического, личностно-ориентированного, полихудожественного подходов, трансформации зарубежного педагогического опыта. Показана ориентированность инноваций современного музыкального образования на внедрение педагогических технологий, отчасти вытесняющих традиционные методические средства. Целесообразность использования такого подхода остается предметом дискуссий.

Ключевые слова: инновация, педагогическая инновация, история инноваций, музыкальное образование, методика, технология, подход

Khmeleva Anna Pavlovna

Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, head of the Department of Music Education, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent

FROM METHODOLOGY TO TECHNOLOGY: FROM THE HISTORY OF INNOVATIONS IN THE FIELD OF GENERAL MUSIC EDUCATION

Annotation. The article deals with the research problem of the state of the modern general music education. It is reason as the analysis of the history of the introduction of pedagogical innovations. The stages of the evolution of domestic music education are characterized, its constants, basic ideas are singled out, which have formed stable trends, manifested in the use of special types of education (problem, developing and others), the development of semiotic, student-oriented, polyartistic approaches, the transformation of foreign pedagogical experience. The focus of innovations in modern music education on the introduction of pedagogical technologies, partly replacing traditional methodological means, is shown. The feasibility of using this approach remains a matter of debate.

Keywords: innovation, pedagogical innovation, history of innovation, music education, methodology, technology, approach

Общее музыкальное образование в России на сегодняшний день обладает уникальными чертами, в сравнении с другими странами. Во многом сложившиеся в этой области установки и нормы определяются спецификой национального менталитета русского народа. В то же время, методики музыкального обучения не развивались изолированно и испытали влияние некоторых зарубежных музыкально-воспитательных систем. В этом смысле отечественное музыкальное образование оказалось достаточно гибким в отношении заимствования и адаптации различных педагогических инноваций. Особенно наглядно это можно наблюдать на примере широкого распространения в обучении, в том числе, музыкальном, технологического подхода в качестве инновационного, реализуемого в контексте деятельностного подхо-

да. И сейчас остро встает вопрос о том, насколько мировые тенденции в области музыкальной педагогики отвечают самобытному пути становления и развития отечественного общего музыкального образования.

Инновация является некоторым открытием, эффективным новшевством, внедряемым в практическую деятельность [2]. Применительно к педагогике такое нововведение должно быть исторически обусловленным, обладать гуманистической направленностью, качественно менять процесс обучения. Без инноватики невозможно представить развитие ни одной системы, включая музыкально-образовательную.

С этой точки зрения, представляет интерес исследование А. Г. Прасловой, в котором эволюция музыкального образования в России рассматривается в контексте «взаимоперехода и взаимообратимости традиций и инноваций», начиная с эпохи средневековья и заканчивая XXI столетием [3].

Согласно выводам автора, первый этап эволюции музыкального образования можно связать с формированием традиций, норм и ценностей отечественного музыкального образования. Именно в этот период закладывается понимание духовного как высшего начала в личности, особого духовно-нравственного назначения богослужебного пения, его очистительной сути, особой роли учителя богослужебного пения как наставника, проводящего «высшие смыслы». Ученичество, имитация и уподобление стали ведущими средствами передачи профессионального опыта. В это время формируется одна из важнейших установок отечественного общего музыкального образования – приоритет духовно-нравственного над музыкально-техническим в обучении и исполнительстве.

Вторая половина XVII столетия в культурном смысле была переломной для России, оказавшейся открытой для трансформации зарубежного опыта, вносимого в качестве инновационного в уже сложившиеся традиции музыкального образования. Это привело к нарастанию в обучении светских норм. Утверждается ценность самой человеческой личности, методика музыкального образования становится самостоятельной областью знания. И, в частности, возрастает роль технического начала обучении музыкальному исполнительству, внедряется принцип природосообразности и индивидуальный подход.

Следующий этап А. Г. Праслова раскрывает как формирование тенденции к интеграции традиций и инноваций, которая впоследствии нарастает вплоть до наших дней [3]. Преемственность традиций отечественного музыкального образования связывается с утверждением идеи его понимания как особой практики развития учащихся, которая не может быть представлена только когнитивными, рационально-аналитическими средствами обучения. Комплексное развитие личности, ее творческой активности, учет и осознание ее психологических особенностей, ориентированность на живое, образное восприятие музыки – важнейшие постулаты отечественного общего музыкального образования, сформулированные еще в прошлом веке.

Так были сформированы константы отечественного музыкального образования, проявляемые в его духовно-нравственной направленности, особом внимании к внутреннему миру человека, признании музыкально-слуховых представлений как базовых для музыкального обучения личности, ориентированности на развитие ее творческого начала, музыкального мышления, эмоционально-чувственной сферы. Не менее устойчивой установкой стала и открытость новому. Данные идеи определили специфику инноваций в общем музыкальном образовании в России, которая на сегодняшний день все более оказывается восприимчивой к разработке и адаптации различных педагогических технологий, которые приходят на смену традиционным методикам.

Итак, к базовым идеям отечественного музыкального образования можно отнести трансформацию зарубежного опыта и соответствие национальным особенностям отечественной музыкальной культуры [3]. Остановимся подробнее на путях реализации второго направления.

Начиная с XX века, массовое музыкальное обучение стало в большей степени реализовываться через приобщение учащихся к различным видам музыкальной деятельности, в первую очередь, слушанию музыки, хоровому пению, музыкальному творчеству. Впоследствии перечень видов деятельности пополнился, а конструирование музыкальных занятий на их основе привело к утверждению в музыкальном образовании деятельностного подхода. При этом дальнейшие педагогические инновации в этой области можно отнести к двум тенденциям:

– внедрение передовых универсальных способов обучения, основанных на поиске специальных более эффективных средств усвоения нового знания, в том числе, учитывающих закономерности развития ребенка (например, проблемное или развивающее обучение);

– поиск методических средств, адекватных природе музыки как виду искусства.

Музыка как вид искусства обладает специфическими характеристиками, которые проявляются в информационной сущности музыкальных звуков, закономерностях музыкального восприятия, а также чертами, универсальными для всех искусств, что позволяет использовать произведения изобразительного искусства, литературы для более глубокого понимания музыкальных образов. Данные аспекты в разное время стали отдельным предметом для исследования в области музыкознания, музыкальной психологии. Достижения этих наук впоследствии были восприняты педагогами-новаторами, которые на созданной теоретической базе стали разрабатывать собственные авторские методики. Это привело к внедрению в практику музыкального обучения семиотического, личностно ориентированного и полихудожественного подходов. В их контексте стали реализовываться требования к уроку музыки как уроку искусства, что потребовало разработки специальных методов музыкального образования.

Если в целом характеризовать педагогические инновации в области музыкального образования, то здесь целесообразно прибегнуть к исследованию И. Н. Немыкиной, которая классифицирует их по признаку новизны: ретроинновация (обновление позабытых методик), аналоговая инновация (фрагментарное заимствование и изменение актуальных музыкально-образовательных концепций), комбинаторная инновация (создание нового образовательного продукта на основе объединения известных идей), сущностная инновация (разработка совершенно новой технологии или методики обучения) [1]. К подобным явлениям можно отнести и многочисленные разработки программ по музыке на основе концепции Д. Б. Кабалевского, адаптацию идей системы музыкального воспитания К. Орфа, апробацию педагогических технологий из различных предметных областей в условиях музыкальных занятий, применение информационных технологий, специфические авторские методики и т. д. И здесь следует отметить, что накопленный инновационный опыт в области музыкального образования еще ждет специального изучения. Однако анализ научных публикаций по данной проблематике как минимум за последнее десятилетие показывает, что в профессиональной среде педагогов-музыкантов понятие «методика» все чаще сменяется понятием «технология».

Технологизированное обучение ставит своей целью получение стандартизированного результата при соблюдении определенного комплекса условий, среди которых можно выделить таксономию целевого блока и алгоритмизацию действий. Подобная инновация начала внедряться в образовательной системе с середины 50-х годов XX века. В определенной степени привлекательность этого подхода как раз и определяется наличием четко прописанных шагов, которые приведут к эффективному достижению гарантированного результата каждым учеником.

Данное обстоятельство породило феномен педагогических технологий вместо методик, которые стали активно внедряться как более прогрессивные, инновационные, в том числе, и для музыкального образования. Несмотря на это, продолжается дискуссия о целесообразности применения подобного опыта в практике музыкального обучения, поскольку идеи технологического подхода вошли в противоречие с константами отечественного музыкального образования. Вместе с тем, многие педагогические технологии были заимствованы из зарубежной практики, что, в свою очередь, в определенной степени согласуется с историей инноваций в области музыкального образования в России. В рамках данной работы отметим некоторые примеры.

Т. А. Стражникова считает, что к основным технологиям, используемым на музыкальных занятиях, относятся мультимедиа-технологии, этнопедагогические технологии и технологии модульного обучения [4].

Превосходство мультимедиа-технологий заключается в их интерактивности, возможности интенсифицировать музыкально-образовательный процесс, реализовать индивидуальный подход, создать полимодальную информа-

ционную среду. Этнопедагогические технологии ориентируют учащихся на освоение ценностей и традиций своей национальной музыкальной культуры, а через них формируют толерантность и к общемировым ценностям. Модульное обучение предполагает систематизацию и структурирование изучаемого материала в отдельные содержательные блоки внутри предмета «Музыка», которые могут осваиваться учащимися самостоятельно под контролем педагога.

Среди других инновационных педагогических технологий, применяемых на музыкальных занятиях, можно также выделить интерактивные технологии, технологию развития критического мышления, проектное обучение и др.

Таким образом, внедрение педагогических инноваций в области музыкального образования имеет достаточно длительную историю, основано на комплексе концептуальных констант, открыто к заимствованию и трансформации зарубежного опыта, оставаясь при этом ментально самобытным. При этом на сегодняшний день ярко выражен вектор смещения педагогических экспериментов в сторону апробации различных инновационных технологий. Причины и перспективы этого явления требуют дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Немыкина, И. Н. Традиции и инновации в современном музыкальном образовании // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1–1. – URL: https://science-education. ru/ru/article/view?id=18760 (дата обращения: 10.11.2022).

2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва, 2010.

3. Праслова, А. Г. Взаимодействие традиций и инноваций в эволюции музыкального образования России (XI – нач. XXI века): автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – Москва, 2007. – 46 с.

4. Стражникова, Т. И. Современные технологии обучения в музыкальном образовании // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2012. – № 84. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tehnologii-obucheniya-v-muzykalnom-obrazovanii (дата обращения: 10.11.2022).

УДК 78

Катричева Татьяна Юрьевна
Челябинский государственный институт культуры,
специалист управления науки и инноваций,
доцент кафедры музыкального образования
Перерва Оксана Юрьевна
Челябинский государственный институт культуры,
кафедра народного хорового пения, доцент

О ЗНАЧЕНИИ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ В ПРОЦЕССЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье рассматривается значение классической музыки в процессе духовно-нравственного воспитания молодежи. Авторы раскрывают процесс влияния современной музыкальной культуры на молодежную среду, влияние классической музыки на духовное самосовершенствование, всестороннее гармоничное развитие студенческой молодежи.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, классическая музыка, творческие ориентиры

Katricheva Tatyana Yurievna

Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Specialist of Science and Innovation Department, Associate Professor of Music Education Department

Pererva Oksana Yurievna

Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Folk Choral Singing Department, Docent

THE SIGNIFICANCE OF CLASSICAL MUSIC IN THE PROCESS OF SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF YOUTH

Annotation. This article deals with the importance of classical music into the process of spiritual and moral education of youth. The authors consider the influence of modern musical culture on the youth environment, the influence of classical music on spiritual self – improvement and the comprehensive harmonious development of student youth.

Keywords: spiritual and moral education, classical music, creative guidelines

В современных социокультурных условиях в жизни общества возрастает роль и значение сформированной культурной личности. Немаловажную роль в этом играет всестороннее и гармоничное образование, основанное не только на основах цифровой грамотности, но и направленности на определенный творческий процесс. В этом случае необходимо отметить важную функцию классической музыки, ее влияние на формирование и развитие молодежи. Различные музыкальные предпочтения подрастающего поколения оказывают воздействие на духовно-нравственный мир личности, ее установки, характер мировоззрения, ценности.

Современная музыкальная культура в молодежной среде само по себе явление достаточно противоречивое. С одной стороны, последнюю можно рассматривать как отдельное самостоятельное направление или культуру, с другой стороны, молодежная музыкальная культура характеризуется определенной поверхностностью. В связи с этим, актуальным подходом к процессу музыкального воспитания молодежи будет целенаправленное развитие способности понимать классическую музыку, научение подрастающего поколения разбираться в ее непростом языке. Ведь именно музыкальная культура рассматривается как выражение духовно-нравственных ценностей личности и общества.

Исследователи отмечают особенности действия музыки на эмоциональное, интеллектуальное, духовное и психическое состояние слушателей. Ещё в древности заметили, что музыка доставляет не только эстетическое наслаждение, но и воздействует на психологию, физиологию, интеллект человека. Музыка обладает способностью как возбуждать, так и подавлять мыслительные и творческие процессы, воздействовать на двигательную активность. Простые наблюдения учёных и философов того времени приводили к выводам о том, что музыка влияет на личность и здоровье, но научного развития не получали. Древнегреческий философ Платон в труде «Законы» рассматривал влияние музыкальных ладов на человека. В XIX в. учёный-фармаколог И. М. Догель описал конкретные эффекты воздействия музыки

(отметив происходящие у человека изменения кровяного давления, частоты сокращений сердечной мышцы, глубины и ритма дыхания). К тем же выводам, констатируя положительный эффект от восприятия музыки, пришёл выдающийся психоневролог В. М. Бехтерев. Академик Б. В. Петровский, знаменитый русский хирург, сопровождал особенно сложные операции мелодиями, заметив гармонизирующее влияние музыки на работу организма. Фактов подобного рода можно привести достаточно много [1].

Подчеркнем, что позитивным влиянием на личность обладает именно классическая музыка. Классическая музыка возвышает человека, вызывает просветленные чувства; затрагивает самые тонкие струны человеческой души, тем самым воздействуя на весь спектр человеческих эмоций.

Современный интерес исследователей к отношению молодежи к классической музыке, как средству духовно-нравственного развития, обусловлен возрастанием роли культуры в становлении информационного общества. Именно духовные идеалы, мировоззрение, ценностные установки становятся базовым основанием, определяющим нравственные основы молодого поколения современного общества. Классическая музыка опирается на заложенные в ней духовно-нравственные ценности, оставаясь необходимым условием сохранения преемственности, духовной целостности культуры. С распространением цифровизации появились новые, порой неуправляемые средства воздействия на сознание человека. Музыка, наряду с интернетом, занимает одно из первых мест в структуре свободного времени молодежи (как основным потребителем массовой музыкальной продукции самых различных стилей и направлений).

Хотелось бы отметить, что студенческая молодежь обладает более высокой культурой восприятия классической музыки, однако и она испытывает трудности в понимании сложного, в данном случае, музыкального языка, что значительно снижает возможности восприятия классики. Таким образом, можно сделать вывод, что в силу недостаточной музыкальной грамотности у молодежи теряется интерес к классической музыке, возникает ее непонимание.

В научной литературе отечественные и зарубежные ученые обращают внимание на необходимость воспитания и формирования ценностных ориентиров музыкальной культуры в рамках школьной программы, с опорой на региональные музыкальные традиции.

Молодежь, которая интересуется классической музыкой, заметно отличается от предпочитающих другие музыкальные стили. Как правило, это люди, которые стремятся к познанию, самосовершенствованию, культурному и духовному развитию. Им присущи такие социальные качества как готовность к переменам, креативность, индивидуальность наряду с коллективизмом и патриотизмом; более высокая адаптивная способность к изменениям в обществе [4].

Одним из важнейших признаков грамотного восприятия музыки является понимание авторского замысла и главной идеи произведения, умение

дать оценку интерпретации, проанализировать средства музыкальной выразительности (мелодии, ритма, тембра, темпа). В целом, это и есть способность к музыкальному восприятию духовно-нравственной сущности классической музыки. Для слушателя, понимающего классическую музыку характерен рациональный тип непосредственного понимания и интерпретации авторского замысла (в трактовке М. Вебера). Он обладает способностью к структурному анализу средств музыкальной выразительности. Для заинтересованного слушателя непосредственное восприятие связано больше с психологическими чувствами и субъективным описанием переживаний и впечатлений (согласно В. Дильтею), знания средств музыкальной выразительности в данном случае весьма поверхностные. Слушатель индифферентный испытывает большие затруднения в понимании сложного языка классической музыки, в то же время проявляя некоторые попытки понять авторский замысел произведения [2].

Представители студенческой молодежи, слушающие классическую музыку, более содержательно используют свое свободное время для духовного самосовершенствования и всестороннего гармоничного развития. Они обращаются к активным культурно-познавательным формам досуга: посещению театров, выставок, музеев, концертных залов, занятиям спортом, чтению и интересу к художественной литературе, произведениям искусства.

Кроме того, у слушателей классической музыки более высокая культура поведения и в области социально-экологических практик. Опираясь на проведенный нами анализ можно сделать вывод, что студенты, предпочитающие классическую музыку, заметно отличаются, по уровню своего духовно-нравственного развития, характеру мировоззрения, ценностным установкам, социальным качествам от студентов, слушающих другие музыкальные направления. Студенты, позитивно воспринимающие классику, в большей мере активны, преимущественно содержательным образом участвуют в социокультурных, социально-экологических проектах. Как обучающиеся, представители данной группы более активны в образовательной деятельности. Им присуще стремление за годы обучения в вузе стать не только высококвалифицированным специалистом, но и культурной, разносторонне развитой личностью. В целом успеваемость этих студентов в учебе значительно лучше. Они проявляют большую компетентность в понимании категории «духовность», осознавая ее как стремление к самосовершенствованию и самопознанию, духовному развитию; демонстрируя ответственность за возникновение социально – экологических проблем в современном мире, и «последствия будущей профессиональной деятельности» [3].

В структуре смысложизненных установок этих студентов преобладают ценности устойчивого развития – стремление к созданию семьи, духовному самосовершенствованию, альтруизму, сохранению природы для будущих поколений. Для слушателей классики более важными являются ценности, связанные с проявлением творческих способностей личности

(например, собственный бизнес, карьера), нежели ценности меркантильного характера (богатство, власть, привилегии, приобретение дорогой машины, элитного жилья, получение наслаждений).

Для студентов, слушающих классическую музыку, характерны такие социальные качества, как коллективизм, взаимопомощь, патриотизм, альтруизм. Наряду с ярко выраженным индивидуализмом эти качества свидетельствуют о стремлении личности к самовыражению через гармоничное взаимодействие с ближним (социальной группой) и дальним социальным окружением (обществом) в качестве субъекта культуры и творчества. Таким образом, духовно-нравственные ценности студентов, слушающих классическую музыку обеспечивают целостное развитие будущего специалиста, позволяют интегрировать духовные и материальные потребности, оказывать позтивное воздействие на развитие общества и культуры.

Список литературы

1. Ладенкова Е. Ю. Сергеев В. В. Человек и музыка. Влияние музыкальных жанров на формирование личности в условиях мегаполиса. – М.: РИЦ ИСПИ РАН. – 2003. – 60 с.

2. Носорев Ю. А. Предпочтения студентов-музыкантов. О возможности формирования музыкального вкуса // Социологические исследования. – 2008. –№ 1. – С. 115–118.

3. Серебрякова А. Н. Роль классической музыки в духовно-нравственном развитии личности студента технического вуза / Материалы круглого стола. Прикладная этика. Проблемы и пути решения. – М. – Московская академия экономики и права. – 2007. – С. 222–227.

4. Серебрякова А. Н. Классическая музыка как фактор развития личности студентов технического вуза / Социальные институты, процессы и практики современной России. – М.: Экслибрис-Пресс. – 2007. – С. 166–172.

УДК 793.3:613.86

Предеина Татьяна Борисовна

Челябинский государственный институт культуры,
кандидат искусствоведения, профессор

О ВЛИЯНИИ ТАНЦА НА ДУХОВНОЕ ЗДОРОВЬЕ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается роль танца в формировании духовно богатой и всесторонне развитой личности. Танец описывается как форма высокого искусства, способная формировать и улучшать духовно-нравственную культуру в обществе. Рассматривается определение балета как феномена русской духовности. В качестве примеров автором представлены спектакли «По ту сторону греха» и «Весна священная».

Ключевые слова: танец, русский балет, эстетическое воспитание, культура, духовное здоровье, хореография

Predeina Tatiana Borisovna

Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Candidate of Art History, professor

THE INFLUENCE OF THE DANCE ON THE SPIRITUAL HEALTH OF PERSONALITY

Annotation. The article deals with the role of the dance into formation of a spiritually rich and comprehensively developed personality. The author describes the dance as a form of high art which can create and improve spiritual and moral culture in the society. The ballet is con-

sidered as the phenomenon of Russian spirituality. The performances «The Rite of Spring» and «On the Other Side of the Sin» are set as examples.

Keywords: dance, Russian ballet, aesthetic education, culture, spiritual health, choreography

Возрождение духовности и духовного здоровья человека – один из самых актуальных вопросов в общем перечне воспитательных и образовательных целей современности. Главный смысл эстетического просвещения заключается в том, чтобы возвести добро в Абсолют, показать подрастающим поколениям, что совокупность всего прекрасного – глаза, душа и сердце благих поступков [3, с. 3].

Эстетическое воспитание и культуросозидание являются одними из ключевых инструментов в развитии человечества, преемственности поколений и эволюции каждой отдельной личности. Данные процессы в особенности сильно затрагивают эстетическое развитие детей, в процессе которого в качестве фундамента выступает последовательная интеграция гуманитарных дисциплин. Всё вышеприведенное позволяет формировать духовно-нравственную культуру, представляя собой неразрывные процессы познавательной деятельности.

В вопросах полноценного развития личности, эстетическая культура – часть общей культуры, определяющая способность человека воспринимать и воплощать реальность опираясь на законы красоты. Обладая чутким представлением о художественном совершенстве, человек мыслит и живет по правилам безупречности и гармонии, обладает выраженным созидательным потенциалом. В основе эстетической культуры – бессмертный культ доброты, порядочности и нравственности. В повседневном обиходе человеком руководит популяризованный «здравый смысл», в то время как чувство прекрасного возвращает личность к истокам человеческого достоинства, позволяя развиваться вдали от чувства собственного превосходства и безжалостного эгоцентризма. Культуросозидание облагораживает личность, гармонизирует все сферы жизни, в том числе умственную, трудовую и физическую.

В этом процессе задействованы многие направления искусства, и одна из самых важных ролей отведена хореографии – как классической, так и современной. Танцевальное искусство никогда не теряло своей актуальности, продолжая оставаться одним из самых результативных способов формирования всесторонне развитой и духовно одаренной личности. Регулярные занятия хореографией развивают созидательную и эмоциональную сферу человека еще в раннем детстве. Опираясь исключительно на изучение научных дисциплин, дети не получают тот важный преобразующий опыт, направленный на исследование богатого спектра глубоких эмоциональных переживаний. Сюда можно отнести представления о грусти и радости, восхищение и вдохновение, способность сопереживать, наслаждаться и делиться прекрасным с другими людьми. Танец учит тонко чувствовать, а впоследствии – создавать красоту собственными усилиями. Танец развивает образное мышление, усиливает мотивацию, формирует художественный вкус у подрастающего поколения. Через искусство танца дети развивают не только координацию, гиб-

кость, пластику, но и учатся определять художественные смыслы, заложенные в содержательной последовательности движений. «Уникальная способность танца – это создание выразительных и многограннных художественных образов, которые доносят главные смыслы до современного зрителя, пробуждая в нем исключительное природное, глубоко интуитивное эмоциональное восприятие, заложенное на уровне генетической памяти» [6, с. 229].

Исторически танец определялся как магический ритуал, тонкая невидимая нить, связующая внешнее и внутреннее содержание индивида. На протяжении эпох, хореография все плотнее вплеталась во все процессы духовной и материальной жизни общества. На фоне других выразительных направлений искусства, танец являлся ничем не ограниченным воплощением национальных, религиозных, нравственных и эстетических ценностей. С его помощью воспитывалось национальное самосознание, уважение к историческим открытиям, событиям и эпохам.

Каждый народ, без исключения, имеет уникальные и характерные только для определенного региона танцы. Их отличия и особенности формировались на протяжении столетий, в них же запечатлены история, обычаи и традиции отдельно рассматриваемой народности. «Определение сущности народного танца и его с одной стороны – отражения, с другой – подчеркивания специфики и уникальности территориального значения начинается с осознания его глубинного содержания, сопряженного с культурной потенциально-социализируемой национальной территориальной единицей» [4, с. 137].

Возможно ли духовное развитие общества без знания этих особенностей? На первый взгляд может показаться, что столь углубленное изучение культурных различий мало влияет на всестороннее воспитание человека и способность к осмысленному культуросозиданию. Мастерство отточенных двигательных навыков во многом связано с характером тех или иных исторических периодов. Следует отметить, что танец – это коллективное искусство, направленное на объединение общества, развитие сплоченности и преображение объективного мира. Зная эти особенности, человек воспитывается с осознанным пониманием характерных различий народов и регионов, пропускает через себя культуру не только чужих, но и родных территорий. Это формирует здоровую культурную среду и эмоциональную сферу, утонченную личность, способную к гибкому и последовательному восприятию национальных художественных идей, посылов, явлений.

Таким образом, искусство танца прививает интерес и уважение к собственным национальным особенностям, историческому достоянию, ставшему основой для существования современного общества. В качестве примера можно привести балет композитора И. Стравинского «Весна священная», в котором наиболее выразительно представлен уникальный исполнительский стиль русского балета [1, с. 103]. Спектакль отражает картины жизни языческой Руси, обычаи древних славян, особенности их повседневного труда и быта. Особая сила данного балета – это неугомонная, могущественная стихия

музыки, восхваляющая силу природы и проникающая в самую суть человеческой души. Автор полностью исполнил свой главный замысел: позволил зрителю заглянуть в самую глубь истории, за пределы народных сказок и знакомых мифов, открывая нам сакраментальную идею, бесценную для всего человечества – идею вечного обновления жизни [5 с. 386]. «Весна священная» – революционное произведение Стравинского, ознаменовавшее собой новый поворот в мировом хореографическом искусстве, что укрепило представление о балете как о визитной карточке русской культуры.

Что делает русский балет феноменом русской духовности? Рассматривая этот вопрос, было бы справедливым обратиться к эволюции русского хореографического искусства, представленной в гибком изменении его форм и стилей. На всех этапах танец сохранял свое устойчивое стремление осмыслить и передать наиболее злободневные темы, символические образы, в которых прочно закрепилось постоянство духовных поисков. Сюда же можно отнести характерные особенности эмоционально-психологических переживаний, философское наполнение и запредельная многогранность культуры, что в традиционном восприятии характеризуется как нечто специфически русское или славянское.

Сегодня принципиально важно не оставаться в стороне от происходящих перемен. И балетный театр XXI века в поиске новых форм хореографического искусства заново переосмысливает, ищет новые прочтения и пластические решения, проявляя новаторство и смелость в выборе драматургического и музыкального материала.

Наблюдая за ходом истории России, мы не перестаем убеждаться в вечной актуальности бессмертных произведений русской литературы. В этом контексте обратимся к творчеству хореографа-философа Б. Эйфмана. Работая в жанре психологического балета, балетмейстер в каждом своем спектакле исследует наиболее сложные сферы бытия духа, обращаясь к незыблемым нравственным основам. Его балет «По ту сторону греха» по роману Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» это эмоционально и интеллектуально насыщенная балетная психодрама о богоборчестве и богоискательстве, безверии и вере, природе человеческой греховности и духовном спасении.

Приблизившись к танцу, и балету в особенности, личность обретает понимание отличий русской духовности и специфических условий, в которых формируется полноценное духовное развитие человека. Все эти процессы интегрируются со средой проживания, в исторически сформированных качествах народа и в уникальной, исполнительской манере одухотворенности. В самом материале: музыке, сюжете и танце заложены многолетние качества профессиональной балетной школы, феноменальные черты русских балетмейстеров и композиторов, узнаваемые, передаваемые из поколения в поколение духовные смыслы русской народности [2, с. 225].

Можно ли игнорировать танец или отводить ему второстепенную роль в вопросах воспитания и культуросозидания? Опыт показывает, что хорео-

графия постепенно возвращает свои позиции, врываясь в повседневную жизнь потоком трансцендентных переживаний, вступая в диалог со зрителем со сцен театров. Танец прочно закодирован в структуре национальной и мировой культуры, и является неотъемлемой, даже природной частью человеческого духа. Как и прежде, через танцевальные движения человек передает интуитивные и подсознательные порывы, обрамляет танцем свое духовное содержание и внутренний эволюционный потенциал. По сути, хореография – это мир скрытых смыслов, которые невозможно описать, заключить в научной диссертации или просчитать математическими формулами. Разгадать секрет взаимодействия мира и танца, как образца человеческой мысли, личностного и культурного роста, можно через осознанное переживание образов и смыслов, заключенных в многообразии танцевальных движений.

При всей универсальности, балет представляет собой национальный образ русской действительности, гармонично оформляет ее духовные особенности, вносит собственный, неповторимый вклад в ее формирование. Здесь постоянные духовные поиски обретают форму утонченной фразировки, одушевленной пластики, которая кажется бесконечной и так же бесконечно стремится вверх, к новым формам осмысления и просвещения. В расширенном представлении балет – это символизм, наиболее живая и многогранная форма духа, выраженная в историческом хаосе и его загадочной неиссякаемости.

Итак, в условиях тотального ценностного кризиса начала XXI в. балетный театр современной России развивается и создает на базе традиций отечественного психологического театра оригинальный репертуар, откровенно говоря со зрителем о самых сложных и волнующих сторонах человеческого бытия. В этом случае феномен русского балета, как постоянная величина духовного развития человека и общества, скрыт в глубинах масштабных исторических процессов, открывающих для человека широкий комплекс нравственных и эмоциональных переживаний, призывающих его на вечный поиск тайн человеческой жизни.

Ключ к воспитанию духовно богатой личности находится в своевременном узнавании культурных перипетий, осмыслению своей идентичности через искусство, и, в особенности, – через танец. На поверхности мы рассматриваем танец как привычную форму движений, используемую для успокоения души и снятия напряженности. В действительности, танец, со времен архаической древности и до триумфа русского балета, является зеркалом человеческой духовности и первоначала личности, которая всегда стремится к просвещению и совершенству.

Список литературы

1. Асафьев, Б. В. – Книга о Стравинском / Б. В. Асафьев. – Ленинград: Музыка, 1977. – 163 с.

2. Бахрушин, Ю. А. – История русского балета / Ю. А. Бахрушин. – Москва: Советская Россия, 1965. – 227 с.

3. Неменский, Б. М. – Педагогика искусства / Б. М. Неменский. – Москва: Просвещение, 2007. – 253 с.

4. Историческое и этническое предопределение формирование уральского танца / Н. Ю. Кособуцкая // Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века. – Челябинск: ЧГИК, 2021. – С. 136–141.
5. Духовное здоровье личности и общества: о влиянии русской хореографической классики / Девятнадцатый Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура». Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании. – Челябинск: ЧГИК, 2021. – С. 384–391.
6. Мифологическое осмысление истории Урала в классическом искусстве / Природное и культурное наследие Урала. – Челябинск: ЧГИК, 2021. – С. 224–230.

УДК 7.01:37.017.4

Титова Владислава Николаевна
Луганская государственная академия культуры и искусств
им. М. Матусовского, кафедра театрального искусства,
кандидат философских наук, доцент

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема художественной культуры новейшего времени, конструируемой на основе ценностной системы жителей Луганской Народной Республики. Гражданственность и патриотизм как проявление героизма новейшего времени в художественной культуре после провозглашения Луганской Народной Республики аргументирован становлением новой государственной идеологии, в которой героико-патриотические концепции являются критериями формирования ценностного самосознания. Определено, что гражданская идентичность как часть современной общественной ментальности становится основополагающим принципом формирования культуры региона.

Ключевые слова: художественная культура, Луганская Народная Республика, Донбасс, героизм, гражданственность, патриотизм

Titova Vladislava Nikolaevna
Lugansk State Academy of Culture and Arts M. Matusovsky, Department of Theater Arts, Candidate of Philosophy, Docent

CIVIL IDENTITY AS THE BASIS OF THE MODERN ARTISTIC CULTURE OF THE LUGANSK PEOPLE'S REPUBLIC

Annotation. The article deals with the problem of the artistic culture of the newest time, constructed on the basis of the value system of the inhabitants of the Lugansk People's Republic. Citizenship and patriotism as a manifestation of the heroism of modern times in artistic culture after the proclamation of the Lugansk People's Republic is argued by the formation of a new state ideology, in which heroic-patriotic concepts are the criteria for the formation of value self-awareness. It is determined that civic identity as part of the modern social mentality becomes the fundamental principle of the formation of the culture of the region.

Keywords: artistic culture, Lugansk People’s Republic, Donbass, heroism, citizenship, patriotism

Художественная культура как форма отражения действительности проявляет активную способность стремительно меняться под воздействием социокультурных процессов, реагировать на острые конфликты в обществе, особенно на военные события. Исследование взаимозависимых динамических процессов в культурной и общественной жизни, сопоставление различ-

ных исторических событий и реакции на них людей позволяют понять механизмы влияния социальной нестабильности, военно-политических ситуаций на содержание культуры.

Социально-исторические трансформации делают культуру сверхчувствительной к такого рода изменениям, меняя систему человеческих ценностей, убеждений, мировоззрения. Выступая в качестве провокативной среды новых смыслов, системы идеалов, социокультурные изменения дают импульс культуротворчеству, которое, в свою очередь, способствует трансформации внутреннего мира человека, возникновению новых точек отсчета опыта.

События, связанные с вооруженным конфликтом на Донбассе, породили понятие «героизм новейшего времени». Истоки внутринационального конфликта имеют более глубокие корни, предваряющие политические события 2014 г. Население Донбасса на протяжении многих лет с момента обретения Украиной независимости считало себя несправедливо поставленным в подчиненное положение. Исторический статус Донбасса как «приграничного края» обусловил самоидентификацию его жителей, с одной стороны, как представителей региона, являющегося мощной промышленной базой, «кормящей» остальные регионы Украины. С другой стороны, население Донбасса является представителями преимущественно русскоязычной культуры: наряду с жителями полуострова Крым население Луганской и Донецкой областей за счет преобладания этнических русских имеет исключительно русскоязычное мировоззрение и мировосприятие. Десятилетиями этот внутренний конфликт неуклонно нарастал. Так, согласно статистике, если в 2001 г. около 38 % населения Донбасса идентифицировало себя как «этнические русские», то в 2012 г. количество таковых возросло до 82 %, и эти показатели, несомненно, были выше, чем в любом другом регионе Украины [3].

Вооруженный конфликт, в состоянии которого находятся Луганская и Донецкая народные республики уже на протяжении практически девяти лет, повлиял на контекст современной культуры региона. Заметим, что практически 90 лет преимущественно русскоязычное население территории Донбасса подвергалось насильственной украинизации, начатой еще в 1923 г. после XII съезда РКП(б), официально взявшего курс на «коренизацию». Политика украинизации Донбасса строилась на позициях украинского национал-большевизма, задачей которого было сформировать ядро этого течения, с привлечением не просто большевиков, но и националистов, участвовавших в событиях 1917–1919 гг. Цель тотальной украинизации заключалась, в первую очередь, во внедрении на законодательном уровне украинского языка (пресса, делопроизводство, образовательный процесс), а вместе с ним и культурных традиций, литературы и идеологии, основанной на образах украинских националистов Бандеры и Шухевича, чуждых жителям региона.

Во время самого национального конфликта, оставшись без украинского наследия и еще не войдя в русское культурное пространство, мы стали искать, в чем заключается собственное культурное пространство Рес-

публики. Жители Луганской Народной Республики, проявив гражданскую активность, стали осмысливать собственные цивилизационные ориентации в духовном и патриотическом ракурсах, что обеспечило понимание социокультурной общности в свете культивирования высших ценностей. Такого рода рефлексия позволила выделить несколько основополагающих принципов, обусловливающих формирование собственного культурного пласта Луганской Народной Республики.

1. Самоидентификация, фокусирующая в себе базовые понятия православной веры; русской культуры, универсальной по своему характеру; русского языка как важнейшего способа коммуникации; общей с русским народом исторической памяти и общих взглядов на общественное развитие.

2. Патриотизм и гражданственность, основанные на нравственном выборе и решимости отстаивать свой выбор до конца, а также подпитываемые чувством «общности судьбы и приобщения к историческому свершению народа» [2, с. 566].

3. Сохранение и популяризация собственной региональной культуры Донбасса как особой сферы и формы деятельности, имеющей свое содержание и свою структуру и воздействующей на остальные сферы бытия.

События нашего времени, имеющие первостепенное значение, проецируются и на произведения искусства: представители культуры и искусства, переживая эти события, не остаются равнодушными к героизации базовой модели не только воинского, но и гражданского подвига (подвига современных луганчан) как новой формы концепта героического.

Таким образом, в период 2014–2022 гг. в Луганской Народной Республике появились произведения художественной культуры, объектом которых стали события вооруженного конфликта и связанная с ними героизация подвига. Союзом писателей ЛНР выпущены сборники, вобравшие в себя литературу народных республик – поэтические, прозаические и драматургические произведения авторов ЛНР, ДНР и России и получившие символические названия: «Год мужества», «Я дрался в Новороссии», «Ожог», «Час мужества», «Время Донбасса», «Выбор Донбасса», «Воля Донбасса» и др. В. Ю. Даренский, называя произведения, опубликованные в этих сборниках, «донбасской военной литературой», отмечает, что они отражают опыт людей не воевавших, но оказавшихся в условиях войны и блокады. Авторов произведений роднит «особое мирообъемлющее переживание противостояния злу, явившемуся в виде украинского неофашизма. Каждый из авторов по-своему выразил свой нравственный выбор, свой опыт внутренней работы души, совершаемой в этой исторической борьбе со злом, не только ранящей, но и преображающей душу человека, открывающей ей новую глубину бытия» [Там же, с. 574].

Одним из первых активных проявлений новой идеологии, мировоззрения современных луганчан стали съемки первого художественного фильма о войне на Донбассе «Ополченочка» (киностудия «Лугафильм»).

Следует отметить, что съемки фильма начались в период активных военных действий в Республике. Это не было политическим заказом, а инициировалось, что характерно, представителями творческой интеллигенции. В период, когда луганские театры еще не могли в полном объеме возобновить свою творческую деятельность, артисты театров нашли новую форму проявления своей гражданской позиции посредством творчества – съемки в киноленте о событиях, которые разворачивались у них на глазах.

В фильме снимались ведущие актеры луганских театров: М. Голубович, Е. Кравцов, Н. Стародубцева, А. Редя, В. Лясников, Н. Ляховец, Д. Иванов и др. В фокусе киноленты не только история о женском танковом экипаже, но и о русском Донбассе, восставшем против порабощения южнорусских земель. Это первое за шесть лет вооруженного конфликта на Донбассе не документальное, а художественное кино, основанное на реальных историях ополченцев и мирных жителей, подвергшихся военной агрессии со стороны Украины.

В 2016 г. Луганская академическая филармония презентовала луганскому зрителю симфонию нашего земляка, композитора Антона Клейна под названием «2014 год». Симфония стала отражением потрясений, пережитых композитором во время активных боевых действий в Луганске 2014 г. Используя всю палитру современных музыкальных средств, он соединяет в произведении классическую музыку с новейшими композиторскими техниками, воплощая через отдельные части симфонии, символизирующие составляющие концепта «война», ощущения жителей Луганска: ожидание приближения неотвратимого; лживость и подлость украинских СМИ и чиновников; страх, боль, страдания людей, подвергшихся обстрелам; мужество и волю к победе [1].

Важнейшим инструментом сохранения памяти о трагических и героических событиях 2014 г. как социокультурного феномена Луганской Народной Республики является мемориализация, сохраняющая и актуализирующая историю. Среди монументов и мемориалов города Луганска, воплощающих героизм новейшего времени, следует выделить: памятник защитникам ЛНР «Они отстояли Родину», памятник «Российским добровольцам», памятник погибшим на Донбассе журналистам, памятный знак жертвам авиаудара в Луганске, памятный знак «Погибшим детям ЛНР», памятник в честь пятилетия вручения боевого знамени МВД ЛНР, памятник «Непокоренный «Беркут», приуроченный 30-летию образования на Луганщине Отряда мобильного особого назначения (ОМОН) «Беркут» и др.

Героические образы, порожденные общественно-политической ситуацией региона и вооруженным конфликтом на Донбассе, репрезентируются современными авторами через призму собственной картины мира.

Таким образом, исторические события и социокультурные явления становятся предметом современной рефлексии в силу своей значимости для самоидентификации жителей Луганской Народной Республики. Проецируя на различные сферы культуры – литературное творчество, музыку,

живопись и скульптуру, театральное творчество – собственное мироощущение, современные авторы транслируют свое отношение к событиям, свою гражданскую позицию. Сознание современного гражданина ЛНР формирует новые формы и модели идеального героя-гражданина, борющегося за свою свободу и право вернуться к своим исконно русским корням.

Список литературы

1. Война в Донбассе нотами – в Луганске презентовали симфонию «2014 год». – URL: https://miaistok.su/vojna-v-donbasse-notami-v-luganske-prezentovali-simfoniyu-2014-god/.

2. Даренский, В. Ю. О современной военной литературе Донбасса / В. Ю. Даренский // Доктрина Русского мира / сост. В. В. Аверьянов. – М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2016. – С. 562–576.

3. Куделя, С. Внутренние источники вооруженного конфликта на Донбассе: мнения / С. Куделя. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/vnutrennie-istochniki-vooruzhennogo-konflikta-na-donbasse/.

УДК 327:792.8

Третьякова Кристина Александровна

Тайчжоу корпорация культурного развития «Софи»,
центр китайской и русской культуры (Китай, г. Тайчжоу),
руководитель центра, заведующая учебной частью

КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СССР И КИТАЯ: РОЛЬ Г. С. УЛАНОВОЙ В РАЗВИТИИ БАЛЕТНОГО ИСКУССТВА

Аннотация. В статье рассматриваются, в оптике современности, события международного сотрудничества времени активного взаимодействия в культурном пространстве СССР и КНР, роли великой балерины Улановой в содружестве Китая и СССР. Приводятся факты и впечатления современников, интервью участника событий с китайской стороны, приводятся впечатления и оценки суждения деятелей культуры о личности легендарной советской балерины Г. С. Улановой в контексте культурного диалога.

Ключевые слова: СССР, КНР, история, диалог культур, культурное сотрудничество, культурное наследие, теория и история русского балета, балетное искусство

Tretyakova Kristina Alexandrovna

Taizhou Corporation for Cultural Development «Sophie», Center for Chinese and Russian Culture (China, Taizhou), Head of the Education Center

G. S. ULANOVA AND HER ROLE IN THE HISTORY OF CULTURAL COOPERATION BETWEEN THE USSR AND CHINA

Annotation. The article deals with the events of international cooperation during the active interaction in the cultural space between the USSR and the PRC, the heyday of the People's Republic of China and the role of the great ballerina Ulanova in the commonwealth of China and the USSR. The article describes the facts and impressions of contemporaries, interviews of a participant in the events from the Chinese side. We are also talking on the assessment of various people about the personality of the legendary Soviet ballerina G. S. Ulanova in the context of cultural dialogue.

Keywords: USSR, China, history, dialogue of cultures, cultural cooperation, cultural heritage, theory and history of Russian ballet, ballet art

Многие, кто знал Г. С. Уланову при жизни, характеризуют её как человека необычайной стойкости и силы, но в то же время, достаточно мягкого и в высшей степени интеллигентного. Про Уланову написано много книг, статей и рецензий. О её личности вспоминали, высказывались многие знаменитые люди. Так, например, Ф. Г. Раневская писала Галине Сергеевне: «Ты, Моцарт, – Бог, и сама того не знаешь. Моя дорогая, прекрасная Галина Сергеевна, мне всегда хочется это Вам говорить. Мне хочется, чтобы Вы знали, что видеть Вас, Ваше искусство – это счастье высшее!» [7]. Улановой было суждено прорубить «балетное окно» в Европу, удостоиться при жизни памятников и благосклонности руководителей государств, искренней любви публики, мировой славы. Путь будущей артистки был предопределен ее рождением в театрально-балетной семье. Вся жизнь Г. С. Улановой прошла в служении искусству, на сценах Мариинского и Большого театров, в репетиционных залах. Она воспитала таких звёзд балета, как Екатерина Максимова, Владимир Васильев, Нина Тимофеева, Людмила Семеняка, Нина Семизорова, многих других. Екатерине Максимовой она даже «передала» свою Джульетту. Галина Сергеевна всегда говорила тихо, не эмоционально, и ученикам приходилось сильно прислушиваться, чтобы разобрать, что она имеет в виду. Но когда Уланова начинала показывать и сама танцевать, все замирали, настолько её танец был энергичным, эмоционально сильным и после завершения её танцевальной карьеры. Проработав почти 30 лет балетмейстером в Большом театре, Галина Сергеевна собиралась рассказать историю своей жизни в книге, которая должна была выйти к её 90-летию. К сожалению, планам не суждено было осуществиться.

Представляет интерес осмысление роли Улановой в пространстве культурного сотрудничества Китая и России, а именно, в сфере балетного искусства. Данная тема, на наш взгляд, недостаточно освещена в изучении теории и истории становления международного сотрудничества в области хореографии между Россией и Китаем.

В изучении жизни Г. С. Улановой по материалам из книг, статей, фотографий, воспоминаниям современников, кто лично был знаком с гениальной балериной, дополнением станосится информация о жизни балерины, открывающаяся из мира предметов из ее персонального музея. На основании документов и предметов, представленных в последнем, можно прийти к однозначному выводу о том, что в жизни Галины Сергеевны профессиональная деятельность была связана с затворничеством, высоким служением искусству, куда суетливым пути нет. Профессиональная деятельность великой балерины была наполнена верой и самоотдачей, обращенностью к обществу. Так, во время второй мировой войны Уланова дарила свой внутренний свет для своих соотечественников; своим искусством служила людям и других стран и народов. Одной из таких стран была молодая Китайская Народная Республика.

В размышлениях о вкладе Г. С. Улановой во взаимоотношения СССР и Китая, личном влиянии, значении великой артистки в сотрудничестве обеих стран, полагаем, важен контекст культурной памяти. Культурная память о китайском народе, в частности, может быть реконструирована на примере постановки балета «Красный мак». В тот период это был новый опыт взаимодействия, интереса к культуре дружественного соседа Советского Союза.

Культурная память может быть представлена в воспоминаниях, очерках, историографических событиях. Именно этот путь рассмотрения проблемы культурной памяти показан у немецкого историка Я. Ассмана. По мнению Ассмана, культурная память фиксирует судьбоносные события человеческого прошлого в определенных «культурных формах» памяти [3, с. 326]. К последним могут быть отнесены, как уже говорилось выше, текст, письмо, традиция, в целом обращение к прошлому. Из этих понятий и данностей опыта возникает то, что «…мы назовем фигурами воспоминания» [3, с. 39].

Особую научную значимость приобретает и проблема культурного наследия, обеспечение преемственности и трансляции. В ретрансляции культурного наследия искусства балета на китайскую почву ведущее значение принадлежит мастерам русского балета. Проблема получала практическое разрешение и воплощение в процессе гастролей, когда величайшие произведения балетного искусства стали феноменом культурного пространства в Китае в 50-х годы прошлого столетия. Балеты «Лебединое озеро», «Жизель», «Дон Кихот», «Ромео и Джульетта», «Каменный цветок», многие другие, были показаны в Китайской народной республике; некоторые из них поставлены специально на китайских артистов. По словам балетмейстера А. М. Полубенцев, исследовавшего проблему классического наследия балета, происходила передача «…"из рук в руки" и "из ног в ноги"… Балеты наследия обладают особой неповторимостью. Их непохожесть заключается не только в сюжете, но, прежде всего, в хореографическом тексте. Именно он – главная образная составляющая балетного спектакля. Это прекрасно понимали такие выдающиеся знатоки классического танца как А. Ваганова, Ф. Лопухов, П. Гусев, К. Сергеев» [13, с. 120]. В частности, работал в Китае с китайскими артистами, ставил балеты, вел классы П. Гусев. С точки зрения мастера балета П. Гусева, именно момент наследия важен в охранении уровня искусства на должной высоте [8, с. 291].

Проблемы культурного наследия и преемственности раскрывались и Г. С. Улановой. Так, в одном из своих интервью балерина обращает внимание на то обстоятельство, что шедевры балетной классики создавались в то время, когда не было технических возможностей записи оригиналов. В этом смысле, замысел балета Петипа в современных условиях, по сути, не является балетом с хореографией Петипа (как запомнили, так и воспроизвели). Таким образом, получается, что с годами постановка видоизменяется, однако на афишах современник вновь видит надпись: «балет в постановке Петипа» [12]. Культурная память и культурное наследие в данном

случае соединены воедино. Опыт прошлого предстает как творческий воспринятый современными мастерами балета.

Проблемы преемственности и сохранности культурного наследия наполнились практическим смыслом и звучанием в творческой биографии Улановой во время поездок балерины в Китай. Г. С. Уланова посещала Китай несколько раз в своей жизни, оставаясь верным другом Китая. Впервые она приехала в Китай в ноябре 1952 г. в составе делегации советских деятелей культуры. Делегация находилась более месяца в Китае, посетив крупные города-мегаполисы (Пекин, Шанхай, Гуанчжоу) [11, с. 155]. В 1959 г. Уланова танцевала вместе с труппой Большого театра в Китае по случаю празднования десятилетия Китайской Народной Республики. В составе труппы Большого театра были все звёзды: Уланова, Лепешинская, Плисецкая, Максимова, Васильев, Семёнова.

Восторженно об этом времени вспоминает непосредственный участник событий, профессор Пекинской академии танца Сяо Сухуа, утверждавший, что становление классического балета в Китае – заслуга русских педагогов. В течение полутора месяцев труппа Большого театра гастролировала по Китаю. К этому времени Сяо Сухуа как раз окончил хореографическое училище. Вместе с тремя китайскими танцовщиками Сяо Сухуа был в составе группы людей, сопровождавших по Китаю труппу советского театра. Период гастролей был временем плодотворного творческого сотрудничества на репетициях, дружеского общения, которое продолжилось в ответных визитах в Россию.

Г. С. Уланова покорила зрителей Китая целомудрием и поэзией своего искусства. Знаменитый китайский артист, легенда китайского оперного театра Мэй Лань-Фан писал о ней: «Умирающий лебедь... Танцует Галина Уланова... на сцене нет никаких декораций, но балерина словно принесла с собой в зал осеннюю прохладу тихого озера, свет холодной луны, в котором отражается тень одинокого лебедя. В её жестах – воспоминания об ушедшей весне, о любви, страдание...» [7]. Мэй Лань-Фан высоко ценил талант и профессионализм Галины Сергеевны, ставя его в пример многим китайским артистам.

Легендарную русскую балерину во всём мире считали богиней. Уланова убеждала верить в то, что искусство балета может учить людей любви, красоте, раскрывать глубину жизни. Г. С. Уланова была награждена почетными званиями, премиями, медалями, орденами от руководства нашей страны (например, народная артистка СССР, дважды герой Социалистического труда, лауреат Ленинской премии и Государственной премии СССР). В 1989 г. балерина получила звание почётного члена Академии танца в КНР. В 1986 г. балерина была удостоена ордена Дружбы народов. Исполнение партии Тао Хоа в балетном спектакле «Красный мак» отмечено Сталинской премией второй степени [7]. Постановка спектакля «Красный мак» (впоследствии его переименовали в «Красный цветок») имеет для Улановой особое значение.

Во время концертной поездки в Китай Уланова встречалась с руководителями китайского правительства и китайской коммунистической партии, с видными деятелями китайского искусства, со студентами, рабочими, крестьянами. Известная балерина знакомилась с работой театров и университетов, фабрик и библиотек, школ и детских садов, с музеями, храмами, историческими зданиями, дворцами, парками, стадионами [4, с. 109]. Личность балерины Улановой высоко оценивалась партийным руководством Китайской Народной Республики. Её ставили в пример, доверяли высокому профессионализму артистки, восхищались и восхищаются в Китае до сих пор. И по сей день Г. С. Уланова по-прежнему остается эталоном классического балета для китайской публики.

Многообразны и содержательны были впечатления советской балерины, полученные в ходе поездки [6, с. 3–4]. Без сомнения, личные впечатления от Китая могли стать основой для работы над ролью Тао Хоа в балете «Красный цветок». В первом современном балете в СССР, «Красном маке», рассказывалась история Китая, современной жизни страны. Балетная повесть о Тао Хоа и Ма Ли-чене – повесть не столько о прямых предшественниках нынешних героических сынов освобожденного Китая, сколько рассказ об их собственном недавнем прошлом [4, с. 109]. Образ героини Тао Хоа показан глубоко современным, несмотря на то, что присутствует историческая дистанция событий между временем жизни героини в повести и тем периодом, когда создавался балет. Современные чувства, идеи и настроения, пронизанные борьбой народно-освободительского движения важны при прочтении замысла балета. Именно таким Уланова увидела смысл балетной повести. Балерина писала об этом так: «Тао гибнет ради будущего, которое она уже представила себе и в которое поверила. И, хотя жизнь Тао приходится на двадцатые годы, хотелось придать ей сегодняшние черты» [4, с. 109–113].

В итоге, в результате поездки Улановой в Китай, интерпретация ее роли Тао Хоа сказалась в новой редакции балета. Балериной были найдены «живые черты», увиденные собственными глазами. Можно предположить, что речь идёт о политической актуальности образа её героини, о молодости и юности, рвавшейся смело в бой за свободу, обо всём том, что Уланова наблюдала своими глазами, находясь в Новом Китае, общаясь с государственными деятелями политики и культуры, со студентами, рабочими, крестьянами. Подчеркивают два момента в хореографическом решении образа, которое даёт Уланова, – демократичность и национальное своеобразие [4, с. 110]. В этом особый профессионализм великой Улановой. Жизненная правдивость её роли наблюдается на всех стадиях развития действия балета: от экспозиции до трагической развязки, выразительности исполнения танца. Это была необычная роль для балерины, требующая поисков и находок в процессе спектаклей.

По словам Г. С. Улановой, создание ценностей в одной области искусства «…невозможно без постоянного ознакомления с ценностями, соз-

данными в других областях искусства» [7]. Вдумчивая и внимательная работа, оригинальное, самобытное, найденное что-то свое – так можно охарактеризовать работу Улановой над ролью китайской девушки. Галина Сергеевна в образе Тао Хоа, передаёт особую грацию движенинй, свойственную китайской культуре. Отточенная мелкая техника Улановой, базируется не на копировании «китайщины» или бытовых китайских танцев, а на глубоком, осознанном изучении и постижении искусства китайских народных умельцев. Это великая способность артистки вбирать в себя различные виды искусства – от мастерства резьбы по дереву или вышивки, до китайской письменности и живописи, искусной пантомимы китайского театра, переводя в дальнейшем природу народных искусств в пластические средства художественной выразительности.

Балет «Красный цветок» – правдивая, хотя и придуманная история, народно-героический балет современности с социальным отражением целой эпохи. Каждый танец Тао Хоа – маленький спектакль с особой праздничной торжественностью, присущей китайскому театру. Стройная фигура Улановой «…в белой сверкающей одежде напоминает вырезанную из слоновой кости фигурку героини китайской древности Му-лань» [11, с. 160]. Настоящая свобода движения «…не рождается сама, так же, как и свобода в действиях, в поступках. Она завоевывается. Вот тезис, ярко утверждаемый Улановой…» [4, с. 112].

В основе балета, как и любого другого вида танца, лежит хореографический текст. Танцевальный текст представляет собой особый язык. В этом факте отражена семиотическая основа культуры, проявляющаяся в балетном искусстве. Известный представитель семиотического подхода, Ю. М. Лотман, как известно, трактовал культуру, как «…текст», всегда существующий в определённом «контексте», и механизм, создающий бесконечное многообразие культурных текстов, и долгосрочная коллективная память, избирательно передающая во времени и пространстве интеллектуальную и эмоциональную информацию» [10, с. 33]. Его исследования на стыке литературы и театра показали, что интерпретация всех явлений культуры происходит за счёт текста.

В творческом взаимодействии и общении выдающихся представителей хореографического искусства СССР и Китая в советский период состоялась творческая встреча текстов разных культур. В Китае осознанно знакомились с русской культурой, изучая язык и искусство Советского Союза, начиная больше понимать нашу страну, произведения советской культуры и искусства. «Советский Союз обогатил своих собратьев опытом, вооружил самыми передовыми достижениями современного искусства – глубоким реализмом…» [2, с. 36, с. 39–40]. В свою очередь, в формировании новой сценической балетной культуры Китая активную роль сыграл советский балет, артисты и деятели балетного искусства. В этом благородном деле «…утверждения мировой славы советского балета и плодотвор-

ного развития международных культурных связей особо значительный вклад принадлежал Галине Улановой» [4, с. 149]. Она, как никто другой, видела необходимость сохранения и приумножения русского культурного наследия, памяти в балетном искусстве, творческого взаимодействия с культурами других дружественных России стран.

Список литературы

1. Анастасьев А. Н. В китайском театре: путевые заметки. – М: Совет. писатель, 1957. – 71 с.

2. Анастасьев А. Н. На 45 языках: Об интерн. природе сов. театра. – Москва : Искусство, 1972. – 113 с.

3. Ассман Ян. Культурная память : письмо, память о прошлом и полит. идентичность в высоких культурах древности. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 363 с.

4. Богданов-Березовский В. М. Галина Сергеевна Уланова. – М.: Искусство, 1961. – 172 с.

5. Буллер А., Линченко А. А. Культурная память как предмет философского осмысления // Диалог со временем. – 2019. –№ 66. –С. 5–18.

6. Советское искусство. – 27 декабря 1952. – № 104– С. 3–4. – URL: https://portal-kultura.ru/archive/year/1952/ (дата обращения: 24.10.2022).

7. Галина Уланова. Фонд. – URL: https://galinaulanova.com/письма-г-с-улановой/. – (дата обращения: 20.10.2022 и 23.10.2022).

8. Гусев П. А. Заметки о хореографии «Спящей красавицы» // Мариус Петипа: Воспоминания. Материалы. Статьи. Л.: Искусство. – 1971. –446с.

9. Культура и жизнь. – 1961. – № 7. – URL: :https://unis.shpl.ru/Pages/Search/BookInfo.aspx?Id=3501288.

10. Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. –Таллинн: Александра, 1992. – 480 с.

11. Львов-Анохин Б. Галина Уланова. –Москва.: Искусство. – 1969. –279с.

12. О Балете. Встреча Г. Улановой со зрителями. – URL: https://youtu.be/QhDBOj6VhJE (дата обращения: 1.12.2022).

13. Полубенцев А. М. Проблема сохранения классического наследия //Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. № 2 (49). – 2017. – С. 120– 124.

14. Ши Я. Неразрывная связь балерины Галины Улановой с Китаем / Янь Ши. – URL: https://iz.ru/920795/shi-ian/nerazryvnaia-sviaz-baleriny-galiny-ulanovoi-s-kitaem (дата обращения: 21.10.2022).

УДК 130.2:792.01:37.036

Гребеник Екатерина Николаевна

Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, кафедра театрального искусства, старший преподаватель

ВЛИЯНИЕ ТЕАТРА НА ВОСПИТАНИЕ ПУБЛИКИ

Аннотация. В статье рассматривается театр как социокультурный институт, с его основными социокультурными функциями. Особое внимание автор статьи уделяет именно аксиологической функции театра, так как именно театр влияет на воспитание и обучение молодежной публики. Также автором делается акцент на «образовательные спектакли», направленные на социокультурное обучение и социокультурное познание публики. Обоснован вывод, что применение театра как творческой образовательной модели позволяет воспользоваться театром, как платформой, затрагивающей эмоциональные, деликатные вопросы, о которых не говорят публично.

Ключевые слова: театр, публика, социокультурный институт, социокультурные функции, «образовательный спектакль»

Grebenik Ekaterina Nikolaevna

Lugansk State Academy culture and arts named after M. Matusovsky, Department of Theater Arts, senior lecturer

THE IMPACT OF THE THEATER ON THE EDUCATION OF THE PUBLIC

Annotation. The article deals with the theater as a socio-cultural institution, with its main socio-cultural functions. The author of the article pays special attention to the axiological function of the theater, since it is he who influences the upbringing and education of the youth audience. The author also studied «educational performances» aimed at sociocultural education and sociocultural knowledge of the public. From this it follows that the use of theater as a creative educational model allows you to use the theater as a platform that raises sensitive, sensitive issues that are not talked about publicly.

Keywords: theatre, public, sociocultural institute, sociocultural functions, «educational performance»

Исторически театр сложился как важнейший социокультурный институт эстетического моделирования способов осознания и разрешения религиозных, политических и нравственных конфликтов общества, важнейших социальных ценностей, а также незаменимым художественным средством воспитания народных масс. Как машина формирования чувственной культуры, театр поднимает философские вопросы, выполняет воспитательную роль, тем самым фиксирует в себе социокультурные трансформации, которые происходят в обществе.

Особую значимость театра как социокультурного института приобретают задачи, направленные на исследование и воспроизведение культурных и социальных ценностей, социализацию индивидов с помощью изучения устойчивых социокультурных моделей поведения, внедрение социума в определенную культуру, осуществление защиты культурных норм и духовных ценностей. Особую роль в возникновении социокультурного института сыграла возникшая культурная и социальная необходимость, формирование этой необходимости и средства ее реализации является важнейшим условием для институционализации. Механизм социокультурного института направлен на организацию и актуализацию поведения индивидов в определенном векторе ценностных и мировоззренческих ориентиров, формирование нравственного и духовного роста. Театр, как социокультурный институт, обладает определенными задачами, функциями для реализации этих задач, владея основными, присущему данной институции социокультурными позициями и мотивациями.

В театре индивидуум постигает систему социальных ролей, приобретает социокультурные стандарты, овладевает общественными ценностями. Театр – это метод социокультурной ориентации, поскольку благодаря эмоционально-чувственному восприятию, публика моделирует воспринятую театральную информацию в жизненных ситуациях. С помощью наглядных примеров индивидуум отождествляет себя с персонажем постановки, вынося для себя определенные уроки, как можно вести себя в тех или иных обстоятель-

ствах. С помощью чувственно-эмоционального наслаждения и самостоятельного решения публика сама оценивает варианты общественного поведения.

Особенность театра заключается в высоком объеме выбора и внимания, отсутствие навязанного восприятия и вынужденного мировоззрения порождают готовность публики к актуализации активного творческого потенциала личности. Об этом говорил К. С. Станиславский «Соединяя в себе и используя возможности нескольких искусств, театр апеллирует ко всему объёму человеческих эмоций, переживаний, аффектов, ко всей совокупности человеческих чувств и способностей. Он требует от «третьего участника спектакля» – зрителя соучастия и высокого уровня развития воображения» [5, с. 355].

Концентрация замысла в драме позволяет публике получать насыщенный социокультурный опыт, в течение одного представления переживать множество человеческих жизней. Одновременно с этим, воссоздавая форму обыденных житейских коллизий, – ведь все что происходит в театре наглядно, однозначно и сиюминутно.

Однако эти коллизии существуют в среде «театральной реальности», они немного преувеличены, отодвинуты от публики, в них нет подробностей повседневной жизни, они гиперболизированы, трансформируют спектакль в форму «социального эксперимента». В результате публика воспринимает то, что не сможет воспринять в повседневной жизни. Из этого следует, что театр моделирует социокультурное поведение публики и является нормативным образцом общения.

Театр – это средство эстетической рефлексии, художественный способ осознания социокультурных форм человеческого бытия, концентрирующий в себе социокультурные изменения, происходящие в социуме.

В современной социокультурной парадигме театр следует рассматривать как социокультурный институт, обладающий набором социокультурных функций (идеологической, гносеологической, игровой, семиотической, коммуникативной, стратифицирующей, аксиологической). Рассмотрим основные из них.

Свое становление театр обретает еще с древних времен, поклонения божествам, когда еще не существовало разделения между исполнителями и публикой. Во время религиозных и шаманских обрядов происходил диалог с различными сверъестественными персонажами. Большинство присутствующих и жрецы вовлекались во всеобщее представление, а первой публикой выступало высшее существо. В связи с этим возникла потребность профессионализации искусства. Как результат, формирование первой социокультурной функции театра – идеологической. Единение жрецов с богами обеспечивало абсолютную власть, которую необходимо было поддерживать, в связи с чем возникает идеологическая доктрина, сформированная соответствующим общественным мнением и настроением.

В дальнейшем одним из ответвлений идеологической функции, которое зарождается в театральном искусстве, становится развлекательно-

коммерческое направление, поскольку социуму необходимо абстрагироваться от повседневных забот. В это время представления начинают приносить очевидный доход. В своей работе «Развлечение sub specia социологии» А. В. Захаров сопоставляет понятие «развлечение» с другими понятиями («досуг», «отдых», «свободное время»). В данном контексте развлечение рассматривается как средство коммуникации, в процессе которого происходит обоюдное общение, удовлетворяющее желания и потребности всех развлекающихся. «Нормы традиционной культуры прямо вменялись в обязанность аристократии вести праздный образ жизни. Высшие классы и сословия были законодателями мод в области развлечений, создателями и хранителями изысканных форм игровой культуры... Т. Веблен термином «подставная праздность» характеризовал функциональное назначение слоя людей, обслуживающих «праздный класс» [2, с. 106–114]. Это доказывает, что развлекательная функция в социокультурной жизни общества, безусловно, необходима.

Одной из ведущих функций для театра является гносеологическая или познавательная функция. Как уже говорилось выше, театр – это метод познания действительности. Чтобы войти в круг определенного социума, индивидууму необходимо овладеть основными нормами и законами, ему следует впитать все чувственные и нравственные навыки поколений, в противном случае круг его мировоззрения изменится, и он не сможет осознанно и рационально действовать. Театр отражает действительность в разнообразии жизненных проявлений, моделируя жизнь в многообразии ее проявлений. Таким образом, театр имманентно способствует накапливанию и формированию мировоззрения человечества во всех его взаимоотношениях. Таким образом, формируется регулятивная функция театра. В среде социокультурных взаимоотношений театр воздействует на поведение и поступки людей, их нравственное и моральное состояние.

Так как театр неразрывно связан с историей государства, национальной культурой и интересами социума, он активно влияет на становление общественного сознания, в связи с чем возникает следующая – социокультурная функция театра. Отстаивание идей гуманизма, глубокое и реалистическое воплощение нравственных коллизий современного общества, способствуя тому, чтобы разобраться в сложных жизненных ситуациях, – все это позволило театральному искусству достичь определенного уровня развития и влияния в обществе. Посредством театральных представлений на сцене происходит художественное отражение действительности, формирование мировоззренческих норм и общекультурных ценностей, в которые погружается публика и актеры, объединенные наличием общественных интересов и проблем. Театр воздействует на формирование нравственного, эстетического и политического состояния и развития социума.

В данном контексте важны идеи высказанные в работе М. М. Бахтина «К философии поступка». В ней известный теоретик искус-

ства уделяет большое значение эстетическому видению личности, полагая, что «ценностным центром событийной архитектоники эстетического видения является человек, не как содержательное себе тождественное нечто, а как любовно утверждаемая конкретная действительность. При этом эстетическое видение отнюдь не отвлекается от возможных точек зрения ценностей, не стирает границу между добром-злом, красотой-безобразием, истиной-ложью…» [1, с. 129–130].; все эти различения осознаются, эстетическое видение достигается внутри созерцаемого мира. Однако различения не выносятся над ним как последние критерии, принцип рассмотрения и оформления видимого, оставаясь «…внутри него как моменты архитектоники и всё равно объемлются всеприемлющим любовным утверждением человека» [см. там же]. Отсюда следует, что театр, в какой бы форме не проявлялся, всегда должен порождать эстетическое наслаждение.

Следующая функция театра – игровая. Сопереживая происходящему на сцене, а периодически – и участникам происходящего, публика перестает вспоминать о накопившихся проблемах, несбыточных желаниях, сценическое действо погружает в мир непосредственности, заставляя переживать все эмоции и чувства, как в детстве. «Игровое удвоение мира предполагает сознательное принятие субъектом второго пласта реальности за условное бытие, которое легко может быть уничтожено простым отказом от него, без каких бы то ни было последствий для его жизненного мира. Иными словами, если «Я» не играет, то игрового мира для него не существует, но, вступая в игру, «Я» не отказывается от своего жизненного мира, постоянно осознавая его наличие»,– писал Л. Т. Ретюнских [4, с. 57.].

Семиотическая функция театра – это существование последнего как особой символической или знаковой системы, позволяющей публике воспринимать спектакль. Если публика не владеет знаниями языка театра, то она не сможет воспринять в полной мере сценическое представление. В театре все строится на мелочах (свете, звуке, музыке, костюмах, игра актеров), и публика должна научится разбираться во всех тонкостях театрального действа.

Задачи коммуникативной функции театра заключаются в обмене информацией, эмоциями, чувствами, которые возникают во время спектакля между публикой и актерами. По мнению Ю. М. Лотмана, спектакль «…с одной стороны, ведёт диалог с пьесой, но с другой – со зрителем. Это два разных диалога, и спектакль раскрывается в них по-разному. Ни одно из искусств не связано так непосредственно с реакцией аудитории, не реагирует на эту реакцию столь немедленно и активно как театр. Сама возможность диалога – одно из важнейших и труднейших завоеваний культуры, и потеря диалога со зрителем – гибель театральной культуры» [3, с. 607]. Коммуникация предполагает не только обмен информацией, но и воздействие, изменение в поведении партнера. Театр является основной платформой коммуникации, поскольку театр воздействует на мировоззрение публики, вступает с ним в некий диалог, где публика тоже выступает в роли некого создателя произве-

дения, своими реакциями расставляя определенные акценты в спектакле. Такая коммуникация основана на взаимной сингулярности публики и произведения, в процессе которой происходит взаимная расшифровка информации.

Главной задачей стратифицирующей функции театра, является посещение театра с раннего возраста, когда личность обретает причастность к социокультурной системе, становясь интеллектуальной, эстетической и духовно-нравственной частью социума.

Следует обратить внимание на самую главную, – аксиологическую или ценностную функцию театра. В процессе становления социума понятия о добре и зле претерпевали изменений, однако «суть» общечеловеческих ценностей оставалась неизменной. В своей работе «Театр, рассматриваемый как нравственное учреждение» Ф. Шиллер писал о том, что театр есть «…общий канал, по которому от мыслящей, лучшей части народа струится свет истины, мягкими лучами она распространяется затем по всему государству. Более верные понятия, более высокие правила поведения, более чистые чувства растекаются отсюда по всем жилам народа; туман варварства и мрачного суеверия рассеивается, мрак уступает победоносному свету» [6, с. 21–22]. Действительно, аксиологическая функция театра заключается в том, чтобы трансформировать мировоззрение и нормы поведения публики.

На современном этапе появляются образовательные театры, которые направлены на социокультурное обучение и социокультурное познание. Во время просмотра «обучающего спектакля», публика также погружается в определенные сценические условия, наблюдая за определенной нравственной моделью поведения, которую на сценической площадке демонстрируют персонажи. Образовательный театр нацелен на формирование здорового образа жизни, поэтому главной публикой такого театра является молодёжь, которая находится в стадии «переходного» периода. С помощью молодого персонажа, который отказывается от аморального образа жизни в пользу нравственного поведения, молодежной аудитории представляется положительный идеал, обоснование, что любой индивид может измениться, контролировать свои поступки, и будущее в целом.

Изучение модели поведения данной аудитории показывает, что молодежь расположена к изменению своего мировоззрения при воспринятой нравственной модели поведения. В связи с этим, обращаясь к драматургии, следует создавать таких персонажей, которые будут отстаивать нравственные и эстетические идеи, способствуя изменению мировоззрения молодежи в позитивную сторону.

Для того, чтобы любая образовательная программа стала результативной, последняя должна учитывать возрастную и культурную характеристику публики. В ином случае спектакль, рассчитанный на юного зрителя не будет восприниматься и воздействовать на подростковую публику. Так, например, учащиеся начальных классов не воспримут драматургиче-

ский материал, рассчитанный на старшеклассников. При взаимодействии с молодежной публикой возможно использование допустимого в обществе и культуре (и, в то же время, соответствующего возрасту) лексикона.

В последние годы увеличилось число публикаций, исследований театра как инструмента социокультурного моделирования (ввиду того, что театр усиливает эмоциональный и психологический компонент коммуникации с публикой). Именно эта особенность театра позволяет поднимать глубокие темы, которые воздействуют на молодежную публику. Созданное шоу с использованием инновационных технологий, и, в то же время, имеющее образовательную направленность, способно менять мировоззрение публики, оказывая воздействие на приоритеты поведения. Использование театра как творческой образовательной модели позволяет рассматривать театр как площадку, позволяющую поднимать, как уже говорилось выше, особенные, деликатные вопросы. Таким образом, театр способен оказать позитивное влияние на изменение поступков, находящихся за гранью добра и зла, на более нравственные и культурно-ценностные (что, в особенности, важно в процессе воспитания молодежи).

Список литературы

1. Бахтин, М. М. К философии поступка/ Философия и социология науки и техники: ежегодник: 1984– 1985. – М.: Наука, 1986. – С. 80–160.
2. Захаров, А. В. Развлечение sub specia социологии // Социол. исслед. – 2008. – № 1. – С. 106–114.
3. Лотман, Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство, 1998. – 704 с.
4. Ретюнских, Л. Т. Игра как она есть, или Онтология игры. – М.: МПГУ, 1997. – 143 с.
5. Станиславский, К. С. Собрание сочинений. Т. 3: Работа актера над собой, Ч. 2: Работа над собой в творческом процессе воплощения. Дневник ученика. / К. С. Станиславский. – М.: Искусство, 1955. – 503 с.
6. Шиллер, Ф. Театр, рассматриваемый как нравственное учреждение / Ф. Шиллер. Собр. соч.: в 7 т., Т. 6. – М.: Политиздат, 1957. – 793 с.

УДК 792.0(470.53)

Лунёв Роман Сергеевич
Академия управления городской средой, градостроительства и печати, Санкт-Петербург,
преподаватель историко-философских дисциплин и права

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ИСКУССТВЕ ТЕАТРА (на примере Российского государственного академического Большого драматического театра имени Г. А. Товстоногова)

Аннотация. В статье рассматривается театральный мир русской классики на примере Российского государственного академического Большого драматического театра имени Г. А. Товстоногова (БДТ). Подчеркивается, что именно это репертуарное русло особенно важно в достигнутых творческих достижений театра. БДТ и был задуман как трибуна классики, получив название «Большой» в соответствии с размахом своей репертуарной программы. Эта традиция живет и в современной деятельности театра. Новые

классические произведения появляются на афише театра, вновь обнаруживая широту диапазона творческого коллектива.

Ключевые слова: Георгий Александрович Товстоногов, русская классика, театр, актерская культура, русская классика

Lunev Roman Sergeevich

Academy of Urban Environment Management, Urban Planning and Printing, St. Petersburg, teacher of historical and philosophical disciplines and law

RUSSIAN CULTURE IN THE ART OF THEATER (ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN STATE ACADEMIC BOLSHOI DRAMA THEATER NAMED AFTER G. A. TOVSTONOGOV)

Annotation. The article deals with the theatrical world of classics on the example of the Russian State Academic Bolshoi Drama Theater named after G. A. Tovstonogov (BDT). Moreover, it is this repertoire channel that is especially important in his work, and many of his achievements are well known. The BDT was conceived as a tribune of classics, and received the name "Big" in accordance with the scope of its repertoire program. This tradition has not died down until now. All new classical works appear on the playbill of the theater, revealing the breadth of its creative range.

Keywords: Russian Russian classics, Georgy Alexandrovich Tovstonogov, theater, acting culture, Russian classics

Вся творческая жизнь Ленинградского академического Большого драматического театра имени Максима Горького неразрывно связана с именем великого режиссёра Г. А. Товстоногова. Начиная с 1956 г. и до конца своей жизни Г. А. Товстоногов был главным режиссером Большого драматического театра имени М. Горького, который любители театра прозвали просто Товстоноговским и который по-преженему теперь носит его имя. Замечательный режиссер поставил немало блестящих спектаклей. Именно под его руководством БДТ стал одним из лучших театров страны! Товстоногов в БДТ– это целая эпоха театрального искусства не только в Санкт-Петербурге, но и в стране. Незабываемые спектакли, на которые почитали за счастье купить билеты за 30 коп. на последний ярус с «нагрузкой» в 2 руб. 30 коп. на спектакль в «Музкомедию» [1; с. 34].

Постановки Товстоногова гениальны: по школьному зачитанное «Горе от ума» зрители смотрели с замиранием сердца; рыдали над «Идиотом»; не забудутся «Три мешка сорной пшеницы», «Холстомер», «Трехгрошовая опера», «Еще раз про любовь».

Великая заслуга Товстоногова –в том, что он донёс до зрителя бесценный дар русской литературной классики в своей товстоноговской интерпретации создавая таким образом театральную классику. На сцене БДТ им. Горького Товстоноговым были поставлены пьесы: «Идиот», «Егор Булычев и другие», «Дачники», «Горе от ума», «Варвары», «Мещане», «Три сестры», «Вишневый сад», «Иркутская история» и другие. БДТ им. Горького стал насущной духовной потребностью для жителя города (и не только). Тысячи ленинградцев осаждали каждый вечер здание на Фонтанке, 65 в поисках лишнего билетика.

Особый восторг и поклонение вызывал «Идиот» Ф. Достоевского в авторской инсценировке Г. А. Товстоногова. Принято думать, что это был, по большому счету, театр одного актера, Иннокентия Михайловича Смоктуновского. Это не так. Тогда, в начале 1960-х годов, в БДТ творил великолепный ансамбль «стариков» – больших артистов БДТ, которые естественно и живо вписались в режиссерский замысел и как бы помогли Смоктуновскому, подали его крупным планом, потому что в полифонии этого грандиозного спектакля играли тему совсем иную, чем главный герой, и были на месте.

Очень представителен и даже в чем-то аристократичен был генерал Епанчин-Софронов, расчетливый, хитрый, человек с двойным дном, ласково-обходительный и черствый одновременно. От него веяло холодом Петербурга. Верилось, что он генерал. Выправка у него была подлинно генеральская. Ольга Казико в роли его жены – совершеннейший шестидесятилетний эгоистичный ребёнок. И, конечно, Лариков в роли Иволгина-старшего. Здесь на мгновение возникал истинный трагизм. Лариков вообще был артист драматического дарования. Большой, видный из себя, он был пронзительно несчастен и вызывал сочувствие. Порывистый, дерзкий Рогожин Е. Лебедева, Н. Ольхина и Н. Василькова – Настасья Филипповна. Это был ещё «додоронинский» вариант...

БДТ им Горького поставил ряд пьес русской классики, среди которых одна из наиболее ярких и выдающихся в отношении режиссерского гения Товстоногова, – «История лошади». На примере постановки этой пьесы прослеживается творческий почерк Г. А. Товстоногова, выразившийся в глубоком понимании талантливых произведений русской классики [3, с. 71].

К числу их, безусловно, можно отнести и притчу Л. Н. Толстого «Холстомер», отличающуюся законченной повествовательностью. Однако контекст современной сцены проникает сквозь прозаическую форму произведения, прочувствовав в сути последнего близкую себе драматическую природу. Поставив «Холстомера» (1975 г.), режиссер Большого драматического театра Товстоногов показал возможность и такого «инобытия» толстовского шедевра. Спектакль привлек внимание ещё и тем, что в истории русской сцены это была первая подобная попытка. Для самого БДТ постановка «Холстомера» знаменательна и в другом смысле, поскольку это был первая в истории этого театра встреча с творчеством Л. Н. Толстого.

Как случалось и ранее, постановщика «Холстомера» Г. А. Товстоногова не остановили барьеры прозы, некоторые особенности первоисточника он доверчиво перенёс на сцену. И «История лошади» (подзаголовок повести стал названием спектакля) в иные моменты просто рассказывается зрителям, это действительно история – ожившая в сценических образах судьба лошади.

Спектакль привлекает профессионализмом режиссуры, свободно владеющей арсеналом современных выразительных средств, высокой ак-

терской культурой. Но, пожалуй, прежде всего – выдающейся своими трагедийными взлетами игрой Е. А. Лебедева в роли Холстомера.

История Холстомера раскрыта актером как страстная, горькая и мудрая исповедь, за которой встает долгая, трудно прожитая жизнь. Лебедев появляется на сцене в обличье старого, больного, внешне отталкивающего существа и нигде в дальнейшем не меняет этого обличья. Ему важно обратить внимание на скрытые от равнодушных глаз достоинства «замечательно хорошей лошади», по красоте хода и быстроте не имевшей равных в России. За этот ход герой и был прозван Холстомером, по родословной же, как подчеркивает Толстой, он носил кличку Мужика-первого, и был сыном Бабы. В притчеобразной повести эти имена многозначительны, ибо история лошади – это история русского крестьянина, основной тягловой силы, народа. Лебедеву удаётся передать его природные черты. Перед нами развертывается судьба в высшей степени естественного существа, бытие которого пронизано светом добра, правды, обостренной справедливости. Сквозь старческую «гадкость» просвечивает величественная, страданиями добытая мудрость, неразрушенная нравственная красота, ясно виден лик «гениальной» лошади, которой, как сказано у автора, нет выше в мире по крови.

Чередой показываются в спектакле взлеты и падения жизни Холстомера – Лебедева. И именно здесь отчетливее всего слышен скорбный толстовский голос. Проникновенная сила чувств актера захватывает и заставляет вместе с исполнителем остро переживать те роковые и вечные вопросы, которые терзали писателя. Торжеством и радостью сияет Холстомер, когда лихо катит хозяина по Кузнецкому или побеждает на скачках. Но быстро пролетели счастливые мгновения. И всё чаще слышен стон души, которую наполняет гнев и ужас. Лошадь, которая никогда никому не причинила зла, которая всегда «ожидала только случая показать свою охоту и любовь к труду», зачастую встречала со стороны людей несправедливость и жестокость. Высоко поднимая образ лошади, Толстой мучительно переживал падение человека, указывал наиболее опасные бездны. Он восставал против небратства мира, против корысти и эгоизма, праздности и бесчеловечного собственнического инстинкта. «Христианства нет» – эта фраза из повести и выражает сокровенную её боль. Боль за падших людей живёт в душе Холстомера – Лебедева. Пристальное всматриваются в зал его страдальческие глаза, а в звенящей, напрягшейся тишине слышны строгие слова Истины – о добре и милосердии, о преданности и благородстве, о вечных законах природы, которым подлежит все живое. Трагедийно звучит монолог об уродующем человеческие отношения праве собственности. Отчаянием искажено лицо исполнителя, слезы текут из усталых, запавших глаз. В тяжких муках добыта его правда, его приговор, выраженный в убеждении, что лошади стоят «в лестнице живых существ выше, чем люди...» [1; с. 101].

Великая проза писателя, поднятая и согретая чувствами артиста, воздействует неотразимо. «Жесток и страшен человек», – поют в одном из

зонгов исполнители ролей табуна, развоплощаясь в «хор артистов». Такими и показаны в спектакле «люди». Это, можно сказать, еще один «табун» – той странной породы животных, как в повести называет Холстомер людей. Опустошенным, холодным и безжалостным циником играет князя Серпуховского О. В. Басилашвили. Актёр ведёт свою роль с блеском, но тонко прорисованный портрет молодого и легкомысленного обольстителя, повесы с чертами самовлюблённости и кокетства, – пресыщенного великосветского бонвивана явно опошлен текстом романсов, которые навязывают ему инсценировщики («Христос простил Иуде, а мы простые люди... Мораль, добро–все бредни! Оставь же их к обедне!», или «А где тройка с места тронется–тут и есть Святая Троица!» и т. п.). Отталкивающий образ Генерала, владельца конюшни, создает П. П. Панков. Его Генерал глуп и кичлив, он явно болен катаром от постоянного обжорства и натужно кряхтит под тяжестью собственного тучного тела [2; с. 28].

Таковы в спектакле люди, окружавшие Холстомера, владевшие им. Театр крупным планом выделил в них все самое низменное. Подобный сценический нажим характерен для Товстоногова. Но гротескные преувеличения, определяющие среду, пугающие беспросветным зверством, даже продиктованные обличительными целями, все же ведут и к некоторым упрощениям. Становятся плоскими и однозначными характеры, исчезает сложность взаимоотношений, ослабляется философский подтекст повести, в которой многие люди совершают зло отнюдь не потому, что они садисты, насильники или закоренели в гнусных пороках. Товстоногову была важна и интересна вся полнота, вся органика бытия, его сложность и противоречия – в мире немало жестокости и суровости, но людям ведомы и законы добра.

Как очевидно из инсценировки и музыкального оформления, которое принадлежит М. Розовскому, предполагалось кардинальное жанровое переосмысление повести. Она должна была предстать в виде мюзикла. Можно ощутить, что Товстоногов осознал чужеродность и странность такого отношения к автору и стремился избежать легкомысленной эксцентрики.

В спектакле есть скорбь о Холстомере. Еще очевиднее – энергия развенчания. Она сильна, эта энергия, но цель и адресат её расплываются под натиском жанровых и сюжетных трансформаций.

С нашей точки зрения, постановка спектакля «История лошади» во многом поучительна, где внимание акцентировано на проблеме сценической интерпретации русской классики. Проблема истолкования – это проблема актуализации, требующей больших усилий, напряженного сценического творчества и в этом, несомненно, большая заслуга самого Товстоногова.

Итак, наши великие драмы – вечные памятники художественного гения народа – продолжают «говорить». Они питают души современников, помогают постигать жизнь и характеры людей разных поколений. Театральные искания 60–70-х гг. XX столетия внесли в классическую традицию ощутимый вклад. В лучших спектаклях вновь открылись нам духовные глубины

произведений великих русских поэтов и писателей Лермонтова и Грибоедова, Островского и Горького, Гончарова, Достоевского, Гоголя.

Требовательность к постановкам классической пьесы заметно возрастала. Утверждая живую связь времён, необходимость актуализации классики и её важную роль в формировании нравственного мира личности, возросший уровень культуры зрителя, его неизмеримо расширившийся кругозор освобождает театр от необходимости музейной реставрации пьесы, которая знакома каждому. От театра требуется большее. Он обязан углубить представления зрителя о данном произведении, мобилизовать его мысль, не повторяясь и не копируя идей своих предшественников.

Русское классическое наследие стало предметом яростных споров уже в начале XX столетия, когда прозвучал клич футуристов сбросить Пушкина, Чехова, Толстого и других классиков с «парохода современности» [5, с. 211].

Полагаем, труднее всего достигается единство взглядов на возможные пределы расхождений с пьесой, с драматургом. В круг обсуждения неизбежно включаются проблемы театральной эстетики – мера жизнеподобия среды и характеров, трактовка быта, уместность стилизации, игровой инструментировки первоисточника, степень конкретности актерского творчества и т. п. Все эти проблемы далеко не новые, однако они не утратили своей остроты. В поисках ответа на вопросы о современном постижении классической пьесы неоценимую помощь оказывает опыт основателей Художественного театра – К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Известно, как много сделал для привлечения классики в репертуар МХАТа В. И. Немирович-Данченко. И именно он нередко противопоставлял «традиционному» подходу к классике необходимость «держаться свободного отношения», постоянно напоминая, что театральные традиции гибнут, если превращаются в простую копию. Классика все прочнее срастается с современностью, и это – важное достижение нашей культуры. Быть может, как раз неотвратимая сила этого сближения и поддерживает драматическую напряженность процесса. Гармония традиций и новаторства обретается подчас ценой издержек.

На наш взгляд, работа над классикой требует обостренного чувства истории, уважения к первоисточнику, понимания и любви к сокровенным ценностям национальной культуры. Спектакли Г. А. Товстоногова обогащали классическую традицию новым опытом. Привлекали, прежде всего, те трактовки, где важнейшим становился мотив бескомпромиссности, твердости человека в столкновении его идеала с действительностью, где энергия сценической мысли, не порывая с традицией, выдвигала в центр напряженные социально-эпические конфликты, трагедийно заостряла борьбу характеров.

Список литературы

1. Беньяш Р. Ленинградский Академический Большой Драматический Театр им. М. Горького. – Л.: Искусство, 1968. –168с.

2. Балакина Т. И. История русской культуры. – М.: Инфора-М, 2006. – 343 с.
3. Любомудров М. Н. Размышления о театре. – М.: Наука,1990. – 289 с.
4. Резникович М. Театр моей юности. – М.: Правда,1996. –540с.
5. Шульгин В. С. Культура России IX–XX вв. – М.: Простор, 2006. – 322 с.

УДК 791.9:376.1

Олейникова Маргарита Викторовна
Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, кафедра театрального искусства, преподаватель

ТЕАТРАЛИЗОВАННАЯ ИГРОВАЯ ПРОГРАММА-КВЕСТ КАК СРЕДСТВО НРАВСТВЕННОГО И ДУХОВНОГО ВОСПИТАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Аннотация. Цель статьи – анализ и определение влияния театрализованной игровой программы-квеста на духовное и нравственное воспитание индивидуума. В статье анализируются основные аспекты влияния театрального искусства на становление личности. Автор приходит к выводу, что театрализованная игровая программа-квест значительным образом влияет на сознание человека, формирование его духовных качеств.

Ключевые слова: театр, воспитание, социум, искусство, нравственность

Oleinikova Margarita Viktorovna
Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky, Department of Theater Arts, Lecturer

THEATERIZED GAME PROGRAM-QUEST AS A MEANS OF THE MORAL AND SPIRITUAL EDUCATION OF THE GROWING GENERATION

Annotation. The article deals with the analysis and the influence of the theatrical game program-quest on the spiritual and moral education of the individual. The article analyzes the main aspects of the influence of theatrical art on the formation of personality. The author comes to the conclusion that the theatrical game program-quest sufficiently influences the consciousness of a person and the formation of his spiritual qualities.

Keywords: theater, education, society, art, morality

Одной из важных проблем современности в условиях современного компьютеризированного мира, который окружает подрастающее поколение, является формирование норм морали, творческих способностей и воспитание духовного воспитания у детей и подростков. Ребенок, который выходит на новый этап развития личности, начинает самостоятельно развивать отношения с окружающим миром и ищет возможности реализовать себя в обществе [1].

В нашей современности растет осознание того, что решение многих социальных проблем вероятно лишь при сохранении нравственного и духовного здоровья общества. Следовательно, становится весьма значительной задача развития и обогащения нравственной культуры человека, в особенности – подрастающего поколения. Это очень важно сегодня, потому что, в современном мире популярна идеология потребления, согласно ко-

торой человек стремится к материальным ценностям, что искажает духовную составляющую личности.

Согласимся с тем, что преимущественное значение в воспитании ценностных ориентаций социума играют искусство и культура. Специфика театрального искусства позволяет обращаться к нему, как к универсальной образовательной и воспитательной модели. Важной особенностью воспитательного воздействия театрального искусства на человека является глубокая эмоциональная, чувственная основа этого процесса. Поскольку театр способен воздействовать на чувства, настроения человека, постольку он способен преобразовывать его нравственный и духовный мир. Культура нравственная, духовная олицетворяется не в материальных благах, её отрасль – нравственность, чувства, гуманизм, духовность. Посредством театра воспитывается отношение к нравственности человека, который направлен не только на материальное, но и на духовное. Театральное искусство, влияя на сознание, духовно-эмоциональный мир человека, помогает формировать его целостный облик; активно содействует духовному росту, воспитывает идейные и нравственные убеждения, стимулирует, социально-преобразующую деятельность, повышает политическую культуру, культуру труда и быта. Нравственные элементы человека способны развивать искусство во многих его видах. Важную роль при этом играет театральное искусство, в особенности такая распространенная форма, как театрализованная игра-квест.

Игра является одним из основных и важных видов деятельности детей. В игре ребенок реализует себя, выражает свои знания, эмоции и чувства. Об этом говорят многие из ученых, изучавших эту проблему: А. В. Запорожец, Л. В. Артемова, Н. П. Донченко, И. Г. Шароев, Э. Г. Чурилова и др.

В психолого-педагогической литературе отсутствует обобщенное определение театрализованной игры. Е. Л. Трусова применяет как синонимы, понятия «театрализованная игра», «театрально-игровая деятельность и творчество» и «игра-драматизация» [12, с. 29]. Большинство исследователей приходят к выводу о том, что театрализованные игры наиболее близки к искусству, часто называя их «творческими» (М. А. Васильева, Д. Б. Эльконин и др.) [3, с. 42].

К сожалению, в настоящее время все чаще приходится осознавать, что современные дети, все меньше способны решать задачи коммуникативного, познавательного, нравственного и социального плана самостоятельно, не имеют творческого мышления, стимула к его развитию. Для этого нужно научиться уметь мыслить, разбираться в определенных обстоятельствах, уметь искать творческий подход к решению поставленных задач [2].

Театрализованная игровая программа-квест помогает формироваться фундаменту полноценного социального общения ребенка, помогает формировать его нравственные ценности.

Театральная деятельность является важнейшим видом развития важных жизненных навыков. В процессе участия в театрализованной игровой программе у ребенка формируется опыт важных социальных навыков поведения путем усваивания данной в мероприятии нравственной направленности [13]. Такие важные черты характера и качества человека как смелость, честность, умение дружить лучше всего развиваются у ребенка на конкретном примере любимых героев, которых ребенок воспринимает как пример для подражания. Именно талант к подражанию оказывает позитивное влияние на детей. Театрализованная игра как одна из разновидностей театральной деятельности, проста и понятна для детей, она помогает решить многие проблемы не только современной режиссуры, но и педагогики:

– художественное образование и воспитание ребенка;
– формирование эстетического вкуса;
– воспитание нравственности и духовности;
– развитие социальных навыков;
– развитие внимания, памяти, воображения, речи;
– созданием положительного эмоционального настроя.

Благодаря синтезу нескольких видов искусства – музыка, живопись, хореография, литература, актерской игра, театрализованная программа обладает большим эффектом воздействия на эмоциональный мир ребенка. Участие в театрализованных мероприятиях не только знакомят подрастающее поколение с миром прекрасного, но и формируют и развивают такие нужные свойства как соучастие, сострадание, дают возможность поставить себя на место другого, веселиться и переживать вместе с другими [2]. Если обычные игры для детей – это повседневный досуг, способ постижения и освоения окружающего мира, то театрализованная игра – это стремление к искусству, начало художественной деятельности, формирование духовных качеств личности.

Театрализованная игра-квест способна стать одним из важнейших направлений в реализации творческой активности подрастающего поколения. Театрализованная игра-квест – это командная игра, в процессе которой игрокам нужно выполнить несколько задач, пройти определенные препятствия. Разумеется, в этом жанре кроме участников присутствуют актеры, которые могут влиять на игровой процесс и помогают окунуться в атмосферу игры, где игроки не только зрители, но и участники, герои театрализованной игровой программы-квеста. Данный жанр квеста называется «квест-перфоманс». Театрализованная игра-квест не только учит ребенка активности, творческому мышлению, способность взаимодействовать с другими детьми, взрослыми, но и учит также духовным ценностям – честности, сочувствию, добру, бережному отношению к природе. Кроме того, данная форма игры позволяет ребенку принять участие в настоящем волшебном путешествии, приближает ребенка к сказке, делает художественную выдумку более правдоподобной, расширяет возможности театрализованной игры. Смена сценических площадок позволяет детям почувство-

вать себя участником настоящего приключения, у ребенка появляется большая мотивация и интерес в преодолении преград, дети учатся творческому подходу решения препятствий, получают позитив от процесса игры-квеста. Дети с большим энтузиазмом и азартом всегда рады поучаствовать в творческом процессе реализации фантазии, отлично раскрывает свой творческий потенциал в театральной игре, что способствует развитию личности ребенка [1].

Театрализованная игра – эффективный метод социализации ребенка, помощь в развитии его духовной культуры. В процессе осмысления ребенком нравственной направленности художественного произведения и участия в коллективной игре, создаются необходимые условия для того, чтобы ребенок научился коллективному взаимодействию, коммуникативности. Посредством театрализованной игры происходит эмоциональное развитие: дети учатся понимать характеры героев, сюжет, добрые и злые поступки персонажей. Театрализованная игровая программа в воспитании подрастающего поколения очень важна и плодотворна, что доказано в исследованиях А. М. Виноградовой, Е. Л. Трусовой [10;35]. Театрализованная игра является средством самовыражения и самореализации ребенка. По утверждению исследователя данной тематики А. Н. Гозенпуда: «Театральное искусство стало могучим союзником педагогики в воспитании школьников» [7, с. 1].

По мнению Д. Б. Эльконина, игра – это деятельность, в которой воссоздаются социальные отношения между людьми вне условий утилитарной деятельности. Это и роднит игру с искусством, которое имеет своим содержанием нормы человеческой жизни и деятельности, их смысл и мотивы. Театрализованные игры стоят на рубеже игры и искусства. Они названы так за близость к театральному представлению. Это игры, в основе которых лежит художественный образ [14].

Театрализованная игровая программа и театрализованная игра-квест, приносят детям радость творчества, настоящее увлечение процессом, радость созидания. Благодаря участию в театрализованной игре, ребенок познает окружающий мир.

Театрализованная игра способствует созданию веселой, позитивной атмосферы в коллективе. Разностороннее воздействие театрализованной игры на личность ребенка позволяет применять игру как действенный, но ненавязчивый педагогический метод, так как так как дети во время участия в игре чувствуют радость, свободу, интерес. Театрализованная игра имеет развивающую функцию, а их тематика практически не имеет ограничений. В игре, через многогранные средства художественной выразительности, ребенок учиться анализировать происходящее, ориентироваться в социуме, развивает умственные, физические, духовные, речевые способности.

Л. С. Выготский подчёркивает, что для создания достаточно прочной основы творческой деятельности необходимо расширять опыт ребёнка. Как умственное, так и нравственное, эстетическое развитие детей без этого опыта невозможно [6].

По мнению великого режиссера К. С. Станиславского, «в игре ребенок получает знания об окружающей жизни, учится воображать, творить и фантазировать. Каждый малыш во время игры чувствует себя свободно, естественно и непринужденно» [9].

Исходя их вышесказанного, мы можем сделать вывод, что театрализованная игровая программа-квест является эффективным средством воспитания, важнейшим способом нравственного, духовного развития ребенка, развития его творческих способностей. Именно театральное действо несет в себе возможность воспитания личности ребёнка, его характера, важных человеческих качеств. Театрализованная игровая программа-квест, как средство воспитания подрастающего поколения, занимает важное место в современной режиссуре театрализованных представлений.

Список литературы

1. Акулова О. А. Театральные игры / О. А. Акулова// Дошкольное воспитание. – 2005. – № 4. –С. 24–32.

2. Артемова Л. В. Театрализованные игры дошкольников / Л. В. Артемова. – М.: Просвещение, 2011. – 125 с.

3. Васильева М. А. Руководство играми детей в дошкольных учреждениях / М. А. Васильева. – М.: Просвещение, 2013. – 78с.

4. Виноградова Н. Ф. Дети, взрослые и мир вокруг / Н. Ф. Виноградова, Т. А. Куликова. – М.: Просвещение, 1993.

5. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте / Л. С. Выготский. – М.: Просвещение, 2011. – 96 с.

6. Выготский Л. С. Игра и ее роль в психологическом развитии ребенка / Выготский Л. С. – Вопросы психологии, №19. – С. 37–42.

7. Гозенпуд А. Н. О педагогической природе ТЮЗа // Искусство и эстетическое воспитание молодежи /АН СССР ВНИИ искусствознания / Гозенпуд А. Н. – М.: Наука, 1981. – 335с.

8. Григорьев В. М. Педагогическое руководство игровой деятельностью подростков. автореф. …дисс. канд. пед. наук, М. –24 с.

9. Панфилов В. Режиссеру праздника – об игре. – М.: ВЦХТ, 2004. –175с.

10. Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. М.: Искусство, 1983. – 424 с.

11. Трусова Е. Л. Сюжетно-ролевая игра «Мастерская волшебная ниточка» / Е. Л. Трусова. – Севастополь, 2013. – 120 с.

12. Шароев И. Режиссура массовых театрализованных представлений / И. Шароев. – М.: Сов. Россия, 1980. –150с.

13. Шубина И. Б. Драматургия и режиссура зрелища: игра, сопровождающая жизнь: учебно-метод. пособие / И. Б. Шубина – Ростов н/Д: Феникс, 2006. –288 с.

14. Эльконин Д. Б. Психология игры. / Эльконин Д. Б – М., 1978. – 282 с.

УДК 130.2:792.01:791.43

Лихолетова Юлия Борисовна

Луганская государственная академия культуры и искусства им. М. Матусовского, кафедра кино-, телеискусства, преподаватель

УНИВЕРСУМ ТЕАТРАЛЬНОСТИ В КИНО

Аннотация. В статье рассматривается взаимоотношение кинематографа и театра. Анализируется период теоретического осмысления кинематографа как вида искусства.

Подчеркивается, что это был непростой этап обретения кинематографом своей специфики, когда первоначально активно использовались театральные наработки, театральная система выразительности (актерская игра, театральные мизансцены, декорации), от чего в дальнейшем постепенно произошел отход.

Ключевые слова: театр, кино, синтез, пространство, смыслы, образы, зрелищность, актер, режиссер

Likholetova Yulia Borisovna

Luhansk State M. Matusovsky Academy of Culture and Art, department of cinema,-TV art, teacher

THE THEATER UNIVERSUM IN THE CINEMA

Annotation. The article deals with the relationship between cinema and theater. The research of the cinema as an art form's from the period of theoretical understanding as the case study. It was a difficult stage when cinema was acquiring its own specifics. Initially, he actively used theatrical developments and the theatrical system of expression (acting, theatrical mi-seen-scene and scenery), but gradually moved away from it.

Keywords: theater, cinema, synthesis, space, meanings, images, entertainment, actor, director

Современное состояние универсума культуры воплощает в себе одновременное существование различных истин, моделей, смыслов, концепций, интерпретаций происходящего. Так, кинематограф стал для театра важным способом обновления сценических средств: с одной стороны, кино ощутимо изменило структуру и образное развитие спектакля, а с другой – спровоцировала театр на отстаивание своих границ, поиска новых форм и методик работы.

Термин «театрализация» вошло в обиход искусствоведения. Это понятие располагается в ряду эстетических категорий, без которых невозможно глубокое понимание процессов, происходящих в современном искусстве.

Исследование принципов театрализации значимо в киноведении, так как кинематограф и театр базируются на общих принципах игровой условности, которые в своих истоках исходят из обрядового ритуала. Данной гипотезы придерживались А. В. Февральский, Вс. Э. Мейерхольд, А. Базен, Е. Бобринская, Луи Деллюк, К. С. Станиславский.

Театр –часть культурного пространства, которое воспроизводит отношение человека к миру в целом и универсуму культуры. Специфика театрального ремесла связана с динамичной природой театральной жизни, постоянным развитием, поиском новых форм, приёмов, выразительных средств.

Широко (и притом органически) внедрял достижения кино в свои театральные постановки Вс. Э. Мейерхольд: это было то, что мастер называл «кинофикацией театра». «Пленка – она чувствительная, подмигнешь глазом, она уже схватила; не надо слез – сам свет, свет в кинематографе, великолепно конденсированный, всегда в кулаке, вывезет. Ничего лишнего, тут самое незначительное, на одном квадратике подмигнувший глазок, капля вазелина, со светом да с музыкой, дадут такой эффект, что незачем надсаживаться, либо пользоваться переживанием, которое опрокинет всю игру» [8, с. 2].

Следовательно, развитие кинематографа можно рассмотреть в контексте теснейшего взаимного влияния и развития многих видов искусств. Кинокритики, кинематографисты, киноведы, теоретики искусства выдви-

гают различные мнения о характере формирования синтеза в кинематографе. Одни утверждают связь кинематографа с живописью как визуального искусства. Французский режиссер и теоретик кино Луи Деллюк, изобретший позднее понятие «фотогении», говорил, что «кино – это живопись в движении» [1, с. 14]. Другие, вслед за Зигфридом Кракауэром, выдвигают гипотезу о фотографической природе кино. Немецкий режиссер Абель Ганс, видит сближение кинематографа с музыкой. Множество теоретических работ посвящены взаимосвязи киноискусства с литературой, особенно данное взаимодействие актуально для жанра экранизации. Советский киновед Варшавский Я. Л. высказывался по этому поводу очень актуально, отмечая, что правила «…хорошего киноведческого тона требуют искать происхождение всех кинематографических ценностей в литературе» [3, с. 22]. Таким образом, сущетвенна **с**вязь кино и литературы, кинематограф по средствам режиссерского решения и образного видения, открывает зрителю таинство в мир авторской литературной задумки.

Возвращаясь к театру, отметим, что зрелищность – еще одна черта сходства театра и кино. Просмотр спектакля в театре и просмотр кинофильма объединяет зрителя единой зрелищной составляющей: актерской игрой, вовлекающей зрителя в происходящее. Декорации, костюмы, грим, освещение – все в целом создает для зрителя естественное присутствие в представляемой в них ситуации времени.

В свою очередь работающий в кадре на телевидении журналист должен обладать актерскими данными, не быть скованным и «зажатым», знать принципы системы К. С. Станиславского. «Как видите, наша главная задача не только в том, чтоб изображать жизнь роли в ее внешнем проявлении, но главным образом в том, чтобы создавать на сцене внутреннюю жизнь изображаемого лица и всей пьесы, приспособляя к этой чужой жизни свои собственные человеческие чувства, отдавая ей все органические элементы собственной души» [6, с. 10].

На сценической площадке и на телевизионном экране общим является и эстетическое взаимодействие, проявляющееся в синтетичности средств, воздействии на чувства и эмоции зрителя: декорации, литературное слово, актерское мастерство –ключевые элементы не только театра, но и кинематографа, телевидения.

Взаимосвязь кино и театра подчеркивал, как уже говорилось выше, Вс. Э. Мейерхольд [см.8]. В свою очередь, известный режиссер театра и кино С. М. Эйзенштейн писал о том, что для кино «…следует играть преувеличенно…», однако «… самоограничение есть то самое главное, чему должен научиться актер при переходе от театра к кино. Искусство самоограничения и намека на экране есть то, что может быть в полноте изучено наблюдением игры неподражаемого Чарли Чаплина».[1] Как видим, эти слова могут служить своего рода подтверждением высказываний Мейерхольда.

[1] Эйзенштейн С. М. Монтаж. 1938. – URL: http://metaphor. nsu. ru/eizenstein_montage1. htm

К. С. Станиславский – основоположник системы, которая представляет собой научно обоснованную теорию сценического искусства, без которой не обходиться театр и кино. Принципы системы строятся на основах самой жизни, чувство правды и веры в предлагаемых обстоятельствах. Знание дает уверенность, уверенность порождает свободу, а она, в свою очередь, находит выражение в физическом поведении человека. Внешняя свобода – результат свободы внутренней. Рассмотрим основные принципы системы Станиславского которые едины для актеров театра и кино

Принципы системы Станиславского заключены в следующем:

Принцип жизненной правды – это основа основ всей системы. Как в жизни так и на сцене, не играть, а жить принципом реалистичного искусства.

Принцип сверхзадачи – то, ради чего. Сверхзадача– это мощная цепь, которая состоит из небольших звеньев этой цепи: сверхзадача автора пьесы, роли артистов, музыкального оформления, декораций. Все это должно подчиняться единой большой главной задаче, то, **ради чего**. Сверхзадача должна как можно крепче входить в душу творящего, в его воображении, мысли и чувства, во все элементы и выполняемые действия.

Принцип активности действия – не изображать, а жить, жить на сценической площадке, жить в образах и страстях. Разбудить естественную человеческую природу актера для органического творчества в соответствии со сверхзадачей.

Принцип органичности (естественности) вытекает из предыдущего принципа. В творчестве не может быть ничего искусственного и механического, все должно подчиняться требованиям органичности.

Принцип перевоплощения – конечный этап творческого процесса – создание сценического образа через органическое творческое перевоплощение. [7, с. 102 – 131].

Система Станиславского включает в себя ряд приемов для сценических постановок. Один из них заключается в том, чтобы актер поставил себя в предлагаемые обстоятельства роли и сам работал над ролью. Другой принцип – «подход типажа». Он широко распространен и в современном театре. Этот принцип пришел из кинематографа и сейчас используется как в кино, так и в рекламе. Его основная задача заключается в том, что роли поручаются актерам, которые используют «материальные» амплуа, актерам, которые могут создать образ и соответствовать персонажу благодаря своим внешним и внутренним качествам. Режиссер в этом случае меньше полагается на мастерство актера, в значительной степени, – на природные данные.

Кинофикация театра и театрализация в кино имеют типологическое сходство, вместе они «создают» жизнь на сцене и в кино, осуществляя поиск режиссерских решений, образов, ставят единую сверхзадачу, пребывая в потоянном поиске новых творческих средств и новаций (безусловно, спектакль живет здесь и сейчас, его нельзя поставить на паузу, как кино). Основатели театрального искусства, создавая свои сочинения в прошлом веке, не предпо-

лагали, что в будущем кино воплотит в себе все принципы К. С. Станиславского, утверждавшего реалистичность в сценическом искусстве (которое Станиславский называл искусством переживания, требующее не имитации, а подлинного переживания в момент творчества на сцене). Исполнитель, выявив самостоятельно или с помощью режиссера основной мотив («зерно») произведения, ставит перед собой идейно-творческую цель, которую Станиславский называл «сверхзадачей». Эффективное достижение сверхзадачи, по Станиславскому, становится перекрестным действием актера и роли. Доктрина сверхзадачи и сквозного действия – основополагающая в системе Станиславского. На первый план выступает мировоззрение художника, устанавливается неразрывная связь между эстетическими и этическими основами в искусстве. Мейерхольд начинал свою работу у Станиславского, впоследствии открыл собственный театр. Его принципы были противоположны принципам Станиславского – никакого психологизма, никакого вхождения в образ, никакого правдоподобия. Сам Мейерхольд назвал свой метод биомеханикой. От актеров он требовал владением телом (считая, что лучшие актеры для его театра – циркачи и воздушные гимнасты).

Режиссерское искусство сегодня не обходится без принципов и методов правды и биофизики основателей современного русского театра. Именно с этим обтсоятельством можно связывать произошедшую кинофикацию театра и театрализация кино. «Младший брат» помогает «старшему» в доработке образов, перемещению в любое географическое и историческое пространство ; в свою очередь, старший передает методику работы над собой в творческом процессе переживания.

Список литературы

1. Базен А. Что такое кино? – М.: Искусство, 1972. – 384 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423с.
3. Бобринская Е. Русский авангард: границы искусств. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 304 с.
4. Выготский Л. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т.1. Драматургия и театр / сост., ред. Собкин. В. С. – М.: Левъ, 2015. – 752 с.
5. Иванов А. П. Жизнь артиста. – М., 1978. – 288 с.
6. Станиславский К. С. Работа актера над собой – М.: АСТ, 2018 – 214 с.
7. Станиславский К. С. Собрание сочинений: в 9 т. – М.: Искусство, 1990. – Т. 3. Работа актера над собой. Ч. 2: Работа над собой в творческом процессе воплощения: Материалы к книге. –508 с.
8. Февральский А. В. Пути к синтезу: Мейерхольд и кино. – М.: Искусство, 1978. – 239 с.

УДК 75.04

Гейль Вера Васильевна
Челябинский государственный институт культуры,
кафедра декоративно-прикладного искусства,
кандидат исторических наук, доцент

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЖАНР В ТВОРЧЕСТВЕ СЕРГЕЯ ЧЕРКАШИНА

Аннотация. В статье рассматривается творчество челябинского художника С. Л. Черкашина. Приведены общие особенности развития искусства второй половины XX века, даны особенности постмодернизма как характерного явления в культуре и искусстве данного периода. В особенности подробно рассмотрены произведения религиозного жанра С. Л. Черкашина, представленные на персональной выставке в Челябинском государственном институте культуры в 2023 г. Даны описания, приведены интерпретации сюжета, анализ деталей картин.

Ключевые слова: постмодернизм, искусство, живопись, религиозный жанр, С. Л. Черкашин, выставка, Челябинский институт культуры

Geil Vera Vasilyevna
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Chelyabinsk, Department of Decorative and Applied Arts, Candidate of Historical Sciences, Docent

RELIGIOUS FINE ART IN CREATIVITY WORK SERGEY CHERKASHIN

Annotation. The article deals with the work of Chelyabinsk artist Sergei Cherkashin. The features of the development of art in the second half of the XX century, the features of postmodernism as a characteristic phenomenon in the culture and art of this period are given. The works of the religious genre by S. Cherkashin presented at a personal exhibition at the Chelyabinsk State Institute of Culture in 2023 are considered in detail. The description, interpretation of the paintings ' details as represented.

Keywords: postmodernism, art, fine art, religious style, S. L. Cherkashin, exhibition, Chelyabinsk Institute of Culture

С. Л. Черкашин – многогранный художник, творец. Одновременно вдумчивый и интересующийся многими темами, жанрами живописец, вкладывающий в свои произведения дополнительные смыслы, скрытые от глаз непосвященного зрителя; великолепный график, схватывающий самую суть сюжета и передающий его через систему художественных образов; иллюстратор; монументалист, мастер проекта. Сегодня его произведения представлены в собрании музея изобразительных искусств Челябинской области, Магнитогорской картиной галерее, в частных собраниях Москвы, Екатеринбурга, Таллина, Челябинска, зарубежных стран (Англии, Израиля) [4].

Творчество Черкашина во многом – явление постмодернизма, феномен культуры, характерный для второй половины XX в., пришедшее на смену модернистским (или авангардистским) течениям. Постмодернисты не создали универсального канона, более того – принципиально отказались от его создания. Для них характерны неограниченная, абсолютная свобода в выборе методов самовыражения; переосмысление традиционных образов, включение их в новый художественный контекст, использование ремейков, интерпретаций, художественных цитат, заимствований, аллюзий; диалог и обращение к

творчеству творцов прошлого; игровая форма подачи, приглашение зрителя включиться в игру со смыслами; ирония, авторская самоирония. Все эти черты присущи и творчеству Сергея Черкашина. Достаточно часто художник будет обращаться к творчеству знаменитых мастеров, популярным сюжетам искусства. В то же время это не повторение или копирование, а именно своеобразный диалог, в который Сергей Леонидович приглашал своих зрителей.

В течение февраля – марта 2023 г. в Челябинском государственном институте культуры проходила персональная выставка «Диалоги. Сергей Черкашин». Произведения были подобраны таким образом, чтобы отразить всю многогранность таланта Сергея Леонидовича, показать различные жанры и техники, в которых он работал. На выставке экспонировались автопортреты художника, портреты родственников и друзей, деятелей культуры, оказавших значительное влияние на развитие искусства в XX веке. Особый раздел был посвящен диалогу с творцами прошлого, в которых Сергей Леонидович обращался к творчеству Рембрандта, Сальвадора Дали, Пабло Пикассо, Рафаэля. Особая тема в творчестве Черкашина, «Пушкиниана», была как живописными, так и графическими работами. Последний раздел нашей выставки посвящен религиозной тематике [1–3].

Открывает его картина под название «Лот» (2007 г. Холст, масло. 40×53). История Лота, начинается с того, что к вратам Содома прибыли два ангела, которые были приветливо встречены единственным во всем городе праведником Лотом и приглашены им переночевать в его доме. Недружелюбно настроенные жители города окружили дом Лота, требуя, чтобы тот выдал им своих гостей. Лот пытался усмирить их и даже предложил взамен своих дочерей, которые содомлян не заинтересовали. Помогло вмешательство Господа, поразившего содомитов слепотой. Ангелы предупредили Лота, что Бог собирается истребить город за грехи его жителей, и что он должен бежать со своей женой и дочерями: «Спасай душу свою; не оглядывайся назад... чтобы тебе не погибнуть». Но жена Лота обернулась и превратилась в соляной столб.

Картина делится диагональю на две части, два мира. В левой мы видим Лота и его дочерей. Отец бережно укрыл головы своих дочерей краем своего плаща. А в правой стороне жена Лота, обернувшаяся назад и превратившаяся соляной столб с человеческой головой. На заднем плане развалины города Содома, на который падают с неба языки пламени и молнии. Красно-оранжево-черный колорит подчеркивает ситуацию драматизма, обреченности. В верхней части картины, в правом углу мы видим руку Ангела, указывающую Лоту направление пути и помогающего Лоту и его семье остаться в живых.

Следующая работа – «Голгофа» (2002. Холст, масло. 50×100). Центральным изображением произведения является крест, который как бы делит картину на четыре части. В каждой из них мы видим предметы, которые несут определенную символику. В верхнем правом углу мы видим красного цвета ткань, на ней игральные кости, палки и выделяется еще

палка, на которуюпривязан веревкой прямоугольного формата предмет. Внизу справа – четыре кованных гвоздя. В левой верхней части художник разместил воткнутую в каменистую почву лопату современного вида и терновый венец. Расположив его прямо у перекладины креста. В нижней левой части мы видим современные орудия – молоток и щипцы. Ракурс изображений дан Черкашиным сверху.

На картине изображены христианские святыни – Орудия Страстей Христа. Традиционно к ним относят Святой Крест, гвозди, терновый венец, колонну бичевания, розги или бич, копьё Лонгина, губку с уксусом, плащаницу и сударь [6, с. 634].

По Преданию, Святой Крест был изготовлен именно из того дерева, которое вырастил Праотец Лот, искупая свою вину за кровосмешение с дочерями. Глубоко раскаиваясь в грехе, праведный Лот спросил Авраама, как ему вымолить у Бога прощение. Авраам дал Лоту три посоха, оставленные ему Святой Троицей, и сказал, чтобы он посадил эти посохи, поливал их водой, и когда появятся листочки, дерево оживет и станет единым целым, то это будет знамением его прощения. Лот усердно каялся в своём грехе, поливал посохи 33 года, нося воду из Иордана. К концу его жизни посохи (кедр, кипарис и сосна) распустились, переплелись и стали единым деревом. Во времена Христа, бревно от дерева Лота плавало в Овечьей купели. Перед казнью Спасителя бревно выловили и изготовили из этого «несуразного» дерева орудие позорной казни для Господа.

Гвозди, которыми прибивали ко кресту тело Спасителя, были выкованы из обыкновенного железа, в форме четырёхгранника, с круглой шляпкой, имели длину около 14 сантиметров. Терновый венец – венок из ветвей растения с шипами (терниями), который, согласно Евангелиям, был возложен на голову Иисуса Христа римскими воинами во время его поругания. С XIII в. находится во Франции. Сегодня хранится в Нотр-Дам де Пари.

Колонну бичевания в картине символизирует вертикально стоящая лопата, воткнутая в каменистую почву. Убежденный в невиновности Иисуса Христа, прокуратор Иудеи Понтий Пилат приказал подвергнуть Спасителя бичеванию ещё до вынесения приговора, чтобы этим разжалобить и удовлетворить толпу и попытаться сохранить жизнь Тому, о ком толпа кричала «Распни, распни его!». Священное Предание говорит нам о том, что во время этой жуткой экзекуции Спаситель был привязан к особому столбу, который сегодня именуют «колонной бичевания».

Во время крестных страданий, Господа Иисуса Христа мучила жажда. Один из воинов оказал Спасителю милость, нацепив на трость губку с напитком и дав ему немного утолить жажду. Вскоре после этого Христос скончался. Воины, распявшие его, поделили одежды Христа на четыре части, а хитон решили разыграть, бросив кости. Часто в картинах на эту тему присутствует цифра четыре – четыре стороны креста, четыре фраг-

мента одежды, четыре гвоздя. В христианской символике она знаменует собой всеобщность, указывая на четыре стороны света.

Одним из любимых мотивов в творчестве С. Л. Черкашина станет тема христианских праздников. В произведениях, где мы видим изображение Рождества, Крещения, Троицы, Богоматери и младенца, как и во многих других работах, художник применяет принцип кодировки информации. Подчас, глядя на картины, мы видим прекрасный пейзаж, натюрморт, изображение матери и ребёнка. Но при внимательном рассмотрении мы видим на полотне не просто мать и младенца, а именно Богоматерь с Иисусом, как, наприме, р в двух работах под одинаковым названием «Мать и дитя» (1988. Холст, масло. 37×35). Обе картины небольшого формата. На них изображена женщина, к лицу которой щекой прикасается ребенок. В дополнительных элементах – полукругах, цветовых решениях – желто-золотистых, угадывается, что изображены не обычные мать и ребенок. Иконография изображения относит нас к изображению Богородицы на русских иконах типа «Умиления».

Произведение «Мать и дитя» было создано в связи с трагическими событиями 7 декабря 1988 года в Армении, когда природная стихия унесла жизни более 25 тыс. человек. В чертах лица женщины мы видим армянские черты. А вокруг нее и ребенка с двух сторон летят вниз камни, обломки домов, что подчеркивает драматизм событий.

Картина «Вербное воскресенье» (2000 г. Холст, масло. 88×61). Перед нами натюрморт: в вазе на столе стоит распускающаяся верба. Но если приглядится, по краям картины нечетко, как бы прочерчены образы Иисуса, апостолов. Сюжет посвящен празднику – входу Иисуса Христа в Иерусалим [6, с. 145–146]. Этот праздник, как мы знаем, отмечается в последнее воскресенье перед Пасхой. Данный сюжет популярен в искусстве. К нему неоднократно обращались многие художники. Среди них –Джотто, Пьетро Лоренцетти, Педро Орренте, Михаил Нестеров, многие другие.

Иконография сюжета Входа Господня в Иерусалим взята из Евангелия, в котором рассказывается о том, как Христос, сидя на молодом осле, в сопровождении учеников, накануне иудейской пасхи, въезжает в город Иерусалим. Изображение Иисуса дано в традиции XIV – начала XV в.: он оборачивается назад, к апостолам. Ранее Спаситель на фресках, иконах изображался сидящим на осле, обращенным, а лицом к городу. Изображение восседающего Иисуса на осле дано не случайно. Оно символизирует пожелание мира.

Толпа жителей Иерусалима приветствует Спасителя у ворот, возглашая хвалу и устилая дорогу срезанными с деревьев пальмовыми ветвями. Традиционно с зелеными ветвями встречали царей, возвращавшихся с торжеством после победы над врагами. В данном случае, пальмовые ветви являются символом того, что жители Иерусалима приняли Иисуса как царя. В нашей стране пальмовая ветвь была заменена на распускающуюся

вербу, которая стала символизировать победу Христа над смертью и напоминать о воскресении каждого христианина.

Произведение «Рождество» (1995 г. Холст, масло. 40×68) создано в традициях житийных икон, когда в центре крупно дано изображение Святого или религиозного события, а по краям, в клеймах, рассказываются важные события из жизни Святого. В данном случае в центре мы видим сюжет, посвященный рождению Иисуса Христа – Иосиф и Мария и маленький их сын, над ними парит Ангел. В отдельных композициях даны сцены из жизни Иисуса [6, с. 483–484].

Еще одно произведение загадочно, наполнено сакральной символикой – «Христос Воскресе» (1996 г. Бумага, акварель. 17×13). В центре мы видим накрытый стол, на котором стоит чаша, лежит рыба, отрезанный кусок хлеба и красное с орнаментом яйцо. Вокруг него на золотом фоне прочерчены контуром фигуры трех ангелов. И снова здесь мы видим не просто произведение на религиозную тему, а диалог Черкашина. В это раз он ведет свой разговор со знаменитым иконописцем Андреем Рублевым. Если сравнить «Христос Воскресе» со знаменитой «Троицей» Рублева, мы увидим, что Черкашин повторил композицию иконы: также в центре стол с чашей, вокруг нее три фигуры, которые повторяют фигуры ангелов. Только Черкашин расширяет и наполняет данное произведение своим смыслом. Картина посвящена христианскому празднику Пасхе.

Чаша символизирует страдания Христа, на которые он пойдет ради искупления грехов человечества. В нее собрана кровь распятого на кресте Иисуса. Изображение рыбы здесь также не случайно. Рыба– ΙΧΘΥΣ («ихтис») – представляет собой аббревиатуру греческой фразы «Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель». Изображение рыбы для христианина было своего рода визуальным воплощением главной богословской идеи христианства. Кроме того, рыба служила напоминанием о чуде умножения хлебов и рыбы, совершенном Иисусом Христом, а также была символом крещения. Символика хлеба в христианстве относит нас к чуду приумножения хлебов и Таинству причастия. Яйцо – символ плодородия и возрождения. В христианстве пасхальное яйцо символизирует Гроб Господень, напоминая по форме камень, которым в древности закрывали вход в гробницу. Однако в то же время яйцо даёт начало новой жизни и поэтому, для христиан это напоминание о воскресении Иисуса, о спасении и вечной жизни. Красный цвет пасхальных яиц– символ возрождения верующих «кровью Христа» [6, с. 637]. Крашеными яйцами обменивались при христосовании, дарили родным и знакомым. Согласно преданию, обычай обмениваться крашеными яйцами в Пасху был установлен Марией Магдалиной, подарившей красное яйцо императору Тиберию со словами: «Христос воскресе!». Красный цвет, в который по традиции окрашивают пасхальные яйца, рассматривается как символ возрождения верующих «кровью Христа». На яйце мы видим орнамент, нанесенный горячим пчелиным воском. Это так называемая писанка. Роспись состоит из узоров,

наносимых на яйцо в определенном, заложенном порядке, которые являются записью древних знаний об устройстве и законах нашего мира.

Произведение «Голубой карьер» (2014–2015. Холст, темпера. 26х29,5) на первый взгляд, посвящено обычному сюжету – рыбалке. Юноша и девушка несут улов, в то время как рыбаки в лодке ловят рыбу. Но если присмотреться на втором плане, мы видим лодку и сидящих в ней людей, вокруг головы, у которых нимбы. Основой для произведения стал библейский сюжет «Чудесный улов» [6, с. 621], который описывает одно из чудес Иисуса. Рыбаки, среди которых был Симон (в последствии апостол Пётр), всю ночь тщетно трудились, им не удалось выловить сколько нибудь стоящего улова. К расстроенным рыбкам подсел в лодку Спаситель. Следуя повелению Господа, они еще раз заплыли на глубину и забросили сети. Свершилось чудо, одна из лодок внезапно наполнилась рыбой, все ловцы с трудом стали тянуть полную сеть из воды. Иисус сидит в лодке с Симоном-рыбаком. Симон, поражённый чудом, просит Иисуса взять его в ученики. Изображение лодки является символом церкви, посредством которой можно спастись; сеть – христианское вероучение, а рыбы – люди, обращенные в христианскую веру.

Произведения С. Л. Черкашина на религиозную тему необычны и интересны, в них всегда присутствует одновременно диалог художника со зрителем, с творцами прошлого, с искусством прежних времен. В своих картинах Сергей Леонидович закладывал понятный всем образ и скрытую, требующую размышления и раздумий, информацию. Это своеобразный код, который мастер предлагает нам отгадать, соприкоснувшись с его творчеством.

Список литературы

1. Здесь Пушкин запросто бывает. – URL. : https://74. ru/text/gorod/2013/01/31/59285931/ (дата обращения: 15 января 2023 г.).

2. Пушкиниана челябинского Мастера Сергея Черкашина. – URL: https://uralpress.ru/news/kultura/pushkiniana-chelyabinskogo-mastera-sergeya-cherkashina (дата обращения: 15.01.2023).

3. Симакова С. Художник Сергей Черкашин – о сносе купеческих особняков и преображении города. – URL. : https://pchela.news/news/detail/1514 (дата обращения: 25.01.2023).

4. Челябинская область. Черкашин Сергей Леонидович. – URL. : http://chel-portal.ru/enc/Cherkashin_Sergey_Leonidovich (дата обращения: 17 января 2023 г.).

5. Художники Челябинска отмечают юбилей Гоголя «Невским проспектом». – URL: https://uralpress.ru/news/kultura/hudozhniki-chelyabinska-otmechayut-yubiley-gogolya-nevskim-prospektom (дата обращения: 27.01.2023).

6. Холл Д. Словарь сюжетов и символов в искусстве. – М.: Крон-Пресс, Москва, 1999. – 656 с.

УДК 738.1

Воропаева Татьяна Александровна
Новгородский государственный
объединенный музей-заповедник,
старший научный сотрудник, хранитель

КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЗАВОДА «ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Аннотация. Продукция завода «Возрождение», уникальное в своем роде явление, сочетающее в себе два главных аспекта – сувенир и высокохудожественное произведение, воплощающее в своих образах культуру средневекового Новгорода. Само название предприятия указывает на основную идею авторов уникальных произведений – возрождение русских культурных традиций в сувенирной продукции. В статье рассмотрены основные этапы развития предприятия, ключевые темы произведений, связанных с русской культурой, творчество отдельных мастеров.

Ключевые слова: завод «Возрождение», традиционная русская керамика, скоморошина, В. В. Смоляр, Т. А. Гаврилова

Voropaeva Tatiana Alexandrovna
Novgorod State United Museum-Reserve Senior Researcher, Curator

CULTURE OF MEDIEVAL NOVGOROD IN THE WORKS OF THE VOZROZHDENIE PLANT

Annotation. The products of the Vozrozhdenie plant are the unique phenomenon of its kind, combining two main aspects – a souvenir and a highly artistic work embodying the culture of medieval Novgorod in its images. The name of the company itself indicates the main idea of the authors of unique works – the revival of Russian cultural traditions in souvenir products. The article discusses the main stages of the company's development, the key themes of works related to Russian culture, the work of individual masters.

Keywords: Vozrozhdenie factory, traditional Russian ceramics, skomoroshina, V. V. Smolyar, T. A. Gavrilova

Завод «Возрождение» возник в 1966 г. в селе Бронница Новгородской области, на базе крупнейшего отечественного завода по выпуску фарфора «Пролетарий». Задача создания предприятия по выпуску местной сувенирной продукции была поставлена местными властями как одно из мероприятий, проводимых для создания комфортной туристической среды. В эти годы Новгород активно развивался как туристический центр: реставрировались и вводились в эксплуатацию новые памятники [5, с. 42], активно работали такие организации, как «Интурист», общества дружбы. Следует отметить, что акцент ставился на восприятие Новгорода как крупнейшего центра древнерусского государства, богатого историей и достопримечательностями. Современное понимание культуры Древней Руси опирается главным образом на памятники архитектуры, литературы, иконописи, а также предметы археологических исследований.

Художники завода «Возрождение» взяли на вооружение все эти составляющие и предприняли попытку реализовать идею воплощения традиционной русской средневековой культуры в сувенирной продукции завода «Возрождение». Необходимо подчеркнуть, что изделия, выпускаемые на

заводе, хотя и являлись сувенирами, но и были высокопрофессиональными авторскими произведениями, которые воплощали яркие художественные образы. Произведения, выпускаемые на «Возрождении» стали «визитной карточкой» города, были популярны не только в России, но и вывозились в качестве сувениров за рубеж.

Первые художники завода Тамара Александровна Гаврилова и Владимир Владимирович Смоляр уже к 1969 г. разработали стилевую концепцию предприятия, а до этого выпускали небольшими тиражами мелкую скульптуру, небольшие сувенирные наборы. Новая концепция заключалась в том, что изделие полностью покрывалось кобальтовой глазурью и расписывалось белыми бликами с золотом. Это яркое сочетание в фарфоре синего с белым, известное со времен эпохи Мин в китайском фарфоре, а также очень популярное у европейских и русских мастеров, соответствовало задачам создания эффектной и выразительной сувенирной продукции [6, с. 7–118], а тематика произведений была связана с историей средневекового Новгорода. Также на заводе выполняли роспись солями металлов и люстровыми покрытиями, кобальтовой росписью по белому фону.

Рассматривая продукцию завода 1966–1970-х годов, можно выделить основные тематические блоки изделий: древняя новгородская архитектура, традиционная русская керамика, новгородская скань, образы древнерусских воинов, образы былинного героя Садко, скоморошина.

Художники завода создавали произведения, перекликающиеся по форме с древней новгородской архитектурой, в основе форм изделий прослеживаются очертания теремов, башенок, куполов церквей, архитектуры храмов. Например, штоф «Господин Великий Новгород» (1969) [1, с. 28–30] Т. А. Гавриловой – в основе формы очертания однокупольного храма или сувенир «Башня» (1970-е) В. В. Ткача – в основе формы угадываются очертания башни Новгородского Кремля, форма подчеркнута тонкой росписью, по центру изделия выполнена надпись «Новгород». Еще один яркий пример сочетания архитектурной формы в посуде – это набор «Кружевной» (1976) Т. А. Гавриловой. Форма выполнена по мотивам древней новгородской архитектуры, крышки кофейника и сахарницы куполообразной формы. Роспись изделий перекликается с мотивами древней новгородской скани, популярной у новгородских серебряников средневековья. Сканный орнамент зачастую применялся в декоре изделий в виде росписей и рельефов.

К традиционной русской керамике относятся такие изделия как глиняные горшки, крынки, кувшины. Все эти формы применялись и в разработке сувенирных изделий на заводе «Возрождение». Например, сервиз «Цветы» (1978 г.) А. С. Круглова и сервиз чайно-кофейный «Жемчужный» (1879 г.) Т. А. Гавриловой – все предметы выполнены по мотивам традиционной русской глиняной посуды.

Изделия, зачастую, украшались древнерусским орнаментом, в научно-технической документации предметов он указывается как «древний новго-

родский орнамент». Сюда относятся мотивы орнаментов, заимствованных из миниатюр рукописей, стенописей церквей, ювелирного искусства, резьбы по дереву, а также бытовых предметов периода с X по XVII в. [4, с. 32–36].

Образы богатырей и древнерусских воинов, еще одна тема, широко воплощенная в сувенирной продукции предприятия. Например, сувенир-сосуд для воды из питьевого набора «Богатырь» (1977 г.) Гавриловой, формой напоминает стилизованную фигуру древнерусского воина-богатыря [2, с. 2–5]; надглазурная роспись вписана в форму древнего щита, орнамент выполнен по мотивам кольчуги.

Мотивы кольчуги прослеживаются в росписи кружки «Новгород» Гавриловой – на щите, украшенном орнаментом, выполнена русской вязью надпись «Новгород».

Популярны образы Александра Невского. Скульптура «Александр Невский» Гавриловой была представлена на персональной выставке произведений художника в 1975 г. Медаль «Александр Невский» В. В. Ткача – на лицевой стороне медали рельефный портрет Александра Невского в шлеме. На другой стороне – всадник, скачущий на коне, правой рукой показывая вперед, увлекая за собой русские дружины.

Скульптуры Садко выпускались практически на всех крупных отечественных предприятиях по выпуску фарфора всего советского периода. Т. А. Гавриловой было создано несколько скульптур Садко.

Тема скоморошества, как неотъемлемая часть средневековой культуры Новгорода, представляла интерес для художников завода «Возрождение». Скоморохи были очень популярны в Новгороде, начиная с XI в., как постоянные участники народных праздников, ярмарок, свадеб.

Тема скоморошества широко представлена в творчестве Т. А. Гавриловой, исполнившей несколько вариантов потешных сценок с участием скомороха. Следует отметить, что Гаврилова изображает одного и того же персонажа – скомороха в разных сюжетах, характерных для скоморошьей профессии.

Образы скоморохов встречаются в ряде произведений автора: наборах штофов, скульптуре, детской посуде. Например, скульптура «Солнышко», сувенир-солонка «Потеха» [3, с. 8–13]. Сидящий скоморох держит перед собой чашечку, которая является емкостью для соли и яйца. Роспись солью и кобальтом. Оба предмета задумывались автором, как предметы для детей. Следует отметить, что Гаврилова изображает одного и того же персонажа – скомороха в разных сюжетах, характерных для скоморошьей профессии.

В композиции «Скоморохи» художница продемонстрировала сущность скоморошьей профессии – скомороший открытый театр. Театральные традиции скоморошества оставили свой след в различных формах и жанрах русской театральной культуры. Так в композиции Гавриловой предпринята попытка создать образ открытого театра скоморохов. Композиция состоит из двух штофов, двух скульптур и декоративной тарелки. В представленных штофах использован характерный элемент Новгородской

архитектуры – арка. А в арках разворачиваются потешные сценки со скоморохами. Штофы дополнены двумя скульптурами: скомороха с куклой, скомороха с дудочкой и тарелкой с рельефным декором в виде композиции, изображающей скомороха, играющего на дудочке с танцующей рядом с девушкой, чем показан момент привлечения зрителей в импровизированное театральное действие скомороха.

Тема скоморошества представлена и у других авторов. Например, скульптура «Скоморох» В. В. Смоляра (1972 г.) или кружка-шутиха «Скоморохи» М. Я. Рачгус (1979 г.).

Кружка сделана по принципу старинных кружек–шутих с отверстиями и декорирована рельефом с изображением танцующих скоморохов, играющих на музыкальных инструментах. Пьющий из сосуда должен найти отверстие, которое нужно закрыть, чтобы напиться и не облиться. Изделие производилось в двух вариантах росписи: солевая с прописью деталей люстром и кобальтовая с люстром. Кружка выпускалась большим тиражом и была очень популярным сувениром.

Так с середины 1970-х гг. коллектив завода «Возрождение» обновляется. Новые художники предприятия: О. Н. Чуракова, М. В. Андреева, А. С. Круглов и другие, продолжили традиции, заложенные Гавриловой и Смоляром, но разнообразнее стала тематика произведений, появляются новые формы, разнообразнее становится цветовая гамма, тема древнерусского города отходит на второй план.

Другой художник-прикладник, О. Н. Чуракова (1958 г. р.), в 1978 г. окончила Абрамцевское художественно-промышленное училище, отделение художественной обработки керамики. С 1978 г. она трудилась на заводе «Возрождение». Чуракова чаще всего работала с подглазурной росписью, обращалась к растительным мотивам. С 1978 г. на предприятии стали широко применять бисквит, новая фактура увлекала художницу. Например, сервиз «Зимний день» (1979 г.) – тонкая роспись с изображением веточек, покрытых инеем и шероховатая поверхность белого бисквита, ассоциирующегося со снегом, создают образ морозного дня, настоящей русской зимы. Форма чайника традиционно для предприятия выполнена в ассоциации с формой куполов новгородских церквей. Богато представлены в творчестве художницы сюжетные темы. Утилитарные формы наборов «Карнавал» (1988 г.), «Отдых сельской молодежи» (1986 г.) дополнены скульптурой, в формах изделий прослеживается форма ладьи, а в формах крышек – скомороший колпак.

В творчестве Чураковой богато представлены предметы для украшения интерьера в виде настенных панно с различными жанровыми сценами, которые очень удачно вписывались в современные интерьеры.

М. В. Андреева (1954 г. р.) – выпускница Ленинградского высшего художественно-промышленное училище им. В. И. Мухиной, на заводе «Возрождение» работала с 1980 г. В своем творчестве обращалась к темам театра, балета и поэзии. Как и Чуракова, дополняла утилитарные формы

скульптурой. Художница уделяла большое внимание пластике, передаче в скульптуре выразительности движения в танце. Каждую композицию Андреевой можно сравнить с театральной сценой, на которой разворачивается представление. Несмотря на невысокое качество сырья, Андреева добивалась тонких градаций в передаче движений, фактур, характера персонажей. Создавая свои скульптуры, сервизы, композиции, наборы штофов, Марина Виссарионовна расписывала их преимущественно в легкой цветовой гамме, зачастую сине-коричневых оттенков, дополненной тонкими золотыми орнаментами, или практически отказывалась от росписи в пользу выразительности скульптурной пластики.

А. С. Круглов (1952 г. р.) в 1976 г. закончил Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухиной (отделение керамики). С 1976 по 1992 г. и с 1994 по 2006 г. он работал художником (главным художником) на заводе. Отчасти в своем творчестве художник продолжил традиции завода, создавая изделия, приближенные к традициям народной русской керамики, но отказался от создания сувенира, основанного на древнерусских традициях в декоре. Популярна у художника тема русской деревни. В росписях его сервизов, наборов и отдельных предметов представлены, словно увиденные глазами ребенка, слегка наивные изображения людей, животных, деревенских пейзажей. Зачастую украшал наборы цветочными композициями. В формах применялись мотивы новгородской архитектуры, традиции народной керамики, в декоре изделий – мотивы новгородской скани, монументальных росписей новгородских храмов, орнаментов древних церковных книг, цветочных орнаментов русского севера.

Все изделия завода являются новгородскими сувенирами, в которых отражена культура русского средневековья. Произведения, выпускаемые на заводе «Возрождение», обладали ярким индивидуальным почерком, служили одним из элементов погружения туристов в атмосферу средневекового города.

Список литературы

1. ГАНО. Фонд Р-4573. Опись 2. Дело 1

2. ГАНО. Фонд Р-4573. Опись 2. Дело 11

3. ГАНО. Фонд Р-4573. Опись 2. Дело 17

4. Писарев, С. И. Древнерусский орнамент с X по XVII век включительно на парчах, набойках и других тканях / С. И. Писарев. – Санкт-Петербург: Типолитогр. В. В. Комарова, 1903. – 2 л., 213 отд. л. цв. ил. в папке.

5. Савельев Н. А. Роль Новгородского музея-заповедника в развитии туристического потенциала в Великом Новгороде в 1960–1970 гг. // Вестник Новгородского государственного университета. – 2015. – № 90. – С. 42–45.

6. Chinesisches Porzellan in Deutschland Seine Rezeptionsgeschichte vom 15. bis ins 18. Jahrhundert Textband Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn vorgelegt von Daniel Suebsman aus Köln Bonn 2019. – Pp.7–118.

УДК 23/28

Гашева Наталья Николаевна
Челябинский государственный институт культуры,
кафедра декоративно-прикладного искусства,
доцент, член Союза художников России

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО!
(Заметки на полях выставки постмодернизма в России)

Аннотация. В статье, на основе впечатлений о выставке «Искусство XX в.» в Новой Третьяковке (Москва, декабрь 2022 г.) представлены выводы о тенденции духовности, действовании механизма «пробуждения памяти» (Д. В. Сарабьянов) в русском изобразительном искусстве.

Ключевые слова: нонконформизм, структурный символизм, андерграунд, духовность, «пробуждение памяти», изобразительное искусство в России

Gasheva Natalya Nikolaevna
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Department of arts and crafts, Docent, Member of the Union of Artists of Russia

IN THE BEGINNING THERE WAS THE WORD! (NOTES ON THE MARGINS OF THE EXHIBITION OF POSTMODERNISM IN RUSSIA)

Annotation. The article deals with on impressions' reflection of the exhibition «Art of the XX century» in the New Tretyakov Gallery (Moscow, December 2022) presents conclusions about the trend of spirituality, the operation of the mechanism of «awakening memory» (D. V. Sarabyanov) in Russian fine art.

Keywords: non-conformism, structural symbolism, underground, spirituality, «awakening of memory», fine arts in Russia

Восприятие произведения искусства персонально, в непосредственной визуальной «близости» – ни с чем не сравнимая привилегия как для его любителя, так и профессионала. Безусловной очевидностью является положение о том, что ни один постер, ни одна иллюстрация не передаст того волшебства, когда ты оказываешься один на один с истинными произведениями искусства – в музее или в мастерской художника. Это непередаваемое чувство восторга, радости, удивления, вовлекающее в мир вселенной художника, когда ты оказываешься в музее. В современной ситуации возникающих дискуссий о некоторых известных столичных музеях России, полагаем, актуальным будет обратиться к экспозиции отечественного искусства, представленную в Новой Третьяковке[1], в разнообразии течений и движений XX в. В экспозиции есть залы, посвященные творчеству известных русских художников, представителей разных художественных направлений; залы коллекционеров.

Начинается экспозиция с работ К. С. Петрова-Водкина и его знаменитой картина «Купание красного коня» (1912 г.). Далее выстраивается своего рода эволюционный маршрут: ярчайшие представители раннего авангарда, Н. С. Гончарова и М. Ф. Ларионов[2], с их примитивистскими

[1] Второе здание Третьяковской галереи (Москва, Крымский Вал, парк «Музеон») построено в 1983 г.
[2] В 1913 г. М. Ф. Ларионов организовал выставку иконописи и лубка

опытами, поисками и экспериментами в лучизме; широкая панорама художественных объединений 1910-х гг. – от «Союза молодежи» до «Бубнового валета»; знаменитые полотна А. В. Лентулова, И. И. Машкова, П. П. Кончаловского, других «валетов»; зал, посвященный собранию выдающегося коллекционера Г. Д. Костаки. Большую часть своего собрания коллекционер передал Третьяковской галерее в 1977 г. Этот дар стал крупнейшим за всю историю музея.

В отдельном зале объединены работы «амазонок авангарда» – А. А. Экстер, О. В. Розановой, Л. С. Поповой и В. Е. Пестель. В монографическом зале Марка Шагала зрителей все также ждет шедевр мастера – «Над городом» (1918), а в зале Владимира Татлина – знаменитые «контррельефы» и подлинный махолет «Летатлин» – безмоторный индивидуальный летательный аппарат, который художник сконструировал в начале 1930-х гг. Реконструкция выставки ОБМОХУ (Общества молодых художников) 1921 г., самобытная школа П. Н. Филонова и его последователей, а также сразу две версии «Черного квадрата» (1915 и 1929 гг.) К. С. Малевича и работы его учеников разных лет. Кубофутуризм Малевича, как известно, стал предвестником нового течения – супрематизма. На выставке представлены работы художника разных периодов.

О работах В. В. Кандинского, с его концепцией абстракционизма, когда линия и цветовое пятно, а не сюжет являются носителями духовного начала, до сих пор продолжаются споры. Его композиции под номерами фактически изменили природу живописи – искусство повествовательное приблизилось к музыке, выражающей состояния. В. В. Кандинский (как и К. С. Малевич), обладая и словесным даром, представил свои размышления о духовной природе искусства [2; см. 3].

Особенное волнение – от увиденных впервые работ П. Н. Филонова, основоположника «аналитического искусства», создавшего новый тип произведений: «картина –формула», предлагающий анализ явлений жизни с привлечением метафизических философских понятий и даже музыки.

Одно из потрясений среди увиденного – работы Г. М. Коржева, одного из последних великих соцреалистов. В своих острых по композиции и сдержанных по колориту картинах с выделенными крупным планом, тщательно моделированными фигурами художник обращалтся к большим общечеловеческим темам, показывая людей в драматических, героических и бытовых ситуациях (триптих «Коммунисты», 1957–1960 гг., серия «Опаленные огнем войны», 1962–1967 гг. и др.). В 1990-е гг. мастер не раз обращался к мотивам Евангелия. В 1993–1994 гг. художником было создано «Распятие».

Однако поистине ключевым смысловым открытием в экспозиции стала картина Д. П. Плавинского (1937–2012) «Слово» (1967). Как это бывает, заочное знакомство с художником состоялось гораздо раньше. Это имя впервые было услышано от Мастера, художницы по текстилю, М. Ле-

витан – Бабенскене из Вильнюса. В 80–90-е гг. прошлого века Мина выполняла заказы по оформлению гобеленами нескольких интерьеров в Москве. Оказавшись в компании московских художников, Мина познакомилась с Д. П. Плавинским, проживавшим в то время с семьей в коммунальной квартире. В своих устных воспоминаниях Мина делилась впечатлениями о состоявшемся общении с художником : «Мы пришли позвонить. В комнате с облезлыми стенами стояли, висели шедевры живописи, графики. Был шок от контраста гениальных работ и обстановки... Он подарил мне несколько своих работ. Когда ко мне в гости из Парижа приехали родственники, они были в полном недоумении: «Мина, это же работы самого дорогого на Западе художника».

Д. П. Плавинский – художник, график, представитель московского нонконформизма второй половины XX в., входил в группу И. Л. Цирлина (М. А. Кулаков, Д. П. Плавинский, А. В. Харитонов, О. С. Прокофьев, В. Н. Немухин, Л. А. Мастеркова), одно из новых художественных течений, осуществлявших свою деятельность независимо от Московского союза художников [1, с. 32]. Художник участвовал в выставках московских художников «авангардистов». Плавинский создал свою символическую философию, сочетая особенности свободной живописи с церковно-православными мотивами. Известность художнику принесли работы, сочетающие в себе черты замысловатого гиперреалистичного сюрреализма с православно –церковными мотивами. Сам Д. П. Плавинский называл свое направление искусстве как «структурный символизм» (когда целостный образ мира расщепляется в последовательность символических образов, погруженных в пласты времён – прошлого, настоящего и будущего).

В представленной на выставке работе «Слово» (1967 г. Коллаж, холст, масло, Государственная Третьяковская галерея.) просматривается увлечение художника античной философией, изучение шрифтов, русской палеографии, Устава, Полуустава, скорописи, потрясение от красоты Евангелия. В произведении Плавинского Слово преображается в звук, а он, в свою очередь, превращается в графическое произведение. «Вначале было слово и слово было Богом» (Ин. 1). Слово определяет сознание.

Формат холста 200×150 см. делится крестом на четыре части, а все четверти делятся на кресты. И на каждом кресте написано: «Слово». Каждый слог выстраивается в отдельный образ сотворения мира, создавая мощные ассоциации. В работе Д. П. Плавинский использовал техническое разнообразие: офорт, акватинта, линолеум.

Современное отечественное искусство, представшее в экспозиции «Новой Третьяковки», отражает, в разнообразии тенденций, направлений, нечто общее. «Видимо, – писал Д. В. Сарабьянов, – единство разных сфер человеческого мышления и чувствования было в высшей мере присуще русской культуре» [4, с. 15]. Русские художники (равно как и философы,

писатели, поэты) вдохновлялись тяготением к бытийности, онтологизмом. При этом, вне зависимости от убеждений, духовным основанием для них оставалось православие. «Один из важнейших компонентов, принимающих участие в сложении общенационального традиционного мировосприятия, – религиозные представления. При всем различии в понимании и сущности того или иного вероисповедания, в исполнении церковных обрядов, в церковном обиходе, которое существовало и существует у разных слоев населения, основные принципы той или иной конфессии остаются той основой, которая скрепляет эти слои и формирует некое национального единство миросозерцания, общее представление о добре и зле, о добродетели и пороке» [4, с. 16]. Так, например, не случайным стало оживление традиций иконописи в живописи начала XX столетия [4, с. 21].

Отечественное изобразительное искусство рубежа XX – XXI вв., в переходный для культуры России период, представляет широкую панораму направлений, тенденций, чутко отзываясь на ситуацию времени. В эпоху переходности очевидна обращенность современных российских художников к фундаментальным метафизическим вопросам бытия человека, к духовному наследию и ценностям Православия, – смыслообразующим в построении отечественной культуры. В отличие от дореволюционного периода, современные художники часто представляют сюжеты Ветхого и Нового Завета в достаточно свободной от церковной традиции форме, что не отменяет заключенного в произведениях духовного посыла, свойственного всему искусству России в целом.

Список литературы

1. Иогансон Б. И. Московский союз художников. Проблемы развития отечественного искусства второй трети XX в.: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – М., 2012. – 42 с.
2. Кандинский В. О духовном в искусстве Хрестоматия / сост.: Загянская Г. А., Иванова М. С., Исаева Е. И. – М.: РАТИ – ГИТИС, 2007. – 247 с. – С. 5–54.
3. Малевич К. С. Черный квадрат. О себе. – М.: Эксмо, 2015. – 448 с.
4. Сарабьянов Д. В. Русская живопись. Пробуждение памяти. – М.: Искусствознание, 1998. – 432 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисина Злата Дмитриевна, педагог дополнительного образования, Детско-юношеский центр г. Челябинска

Архипов Максим Александрович, студент магистратуры, Санкт-Петербургская духовная академия

Божкова Марина Ивановна, старший преподаватель, Белорусский государственный экономический университет

Бондарева Галина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической теории, регионалистики и правового регулирования экономики, Курская академия государственной и муниципальной службы

Будейко Валерий Эдуардович, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет

Василик Владимир Владимирович, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра истории славянских и балканских стран, доктор исторических наук, профессор, протодиакон

Васильева Людмила Валентиновна, доктор медицинских наук, профессор, зав. кафедрой пропедевтики внутренних болезней, Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко

Владов Дмитрий Владиславович, иерей, храм прп. Сергия Радонежского Челябинской епархии Русской Православной Церкви, г. Челябинск

Волобуева Мария Александровна, студентка, Курский государственный университет

Воропаева Татьяна Александровна, старший научный сотрудник, хранитель, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, г. Великий Новгород

Воскресенская Полина Анатольевна, студент магистратуры, факультет теологии и религиоведения, Курский государственный университет

Гашева Наталья Николаевна, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства, Челябинский государственный институт культуры, член Союза художников России

Гейль Вера Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства, Челябинский государственный институт культуры

Глазкова Светлана Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет (Миасский филиал)

Головина Раиса Фёдоровна, воспитатель-методист, детский сад общеразвивающего вида № 44, г. Воронеж

Гребеник Екатерина Николаевна, старший преподаватель кафедры театрального искусства, Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского

Гулеватая Анастасия Николаевна, лаборант Управления научной и инновационной деятельности, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Гушул Юлия Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности, Челябинский государственный институт культуры

Давыдов Остап Михайлович, литературный редактор информационно-издательского отдела, Челябинская епархия Русской Православной Церкви, г. Челябинск

Даренская Вера Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы, Луганский государственный педагогический университет

Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Луганский государственный педагогический университет

Диская Наталья Ивановна, кандидат культурологии, директор Челябинской областной универсальной научной библиотеки

Егорова Юлия Валерьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-экономического образования и философии, Сургутский государственный педагогический университет

Елезова Алёна Сергеевна, учитель школы № 38, село Ильинско-Подомское, Архангельская область

Ермолаев Тихон Маркович, студент магистратуры, Санкт-Петербургская духовная академия

Жуков Илья Сергеевич, студент, Владимирский государственный университет имени А. С. и Н. С. Столетовых

Заридзе Геннадий Владимирович, доктор теологии, протоиерей, председатель Межрегиональной просветительской общественной организации «Объединение православных ученых», доктор теологии, г. Воронеж

Зимакова Евдокия Степановна, старший преподаватель кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации, Владимирский государственный университет имени А. С. и Н. С. Столетовых

Калабина Вероника Михайловна, научный сотрудник музея «Литературная жизнь Урала XIX века», Объединенный музей писателей Урала, г. Екатеринбург

Кальниченко Владислав Николаевич, студент магистратуры, Краснодарский государственный институт культуры

Карпенко Ольга Анатольевна, кандидат экономических наук, ведущий специалист АО «Самарагорэнергосбыт», г. Самара

Катричева Татьяна Юрьевна, доцент кафедры музыкального образования, специалист Управления науки и инноваций, Челябинский государственный институт культуры

Кипреев Сергей Николаевич, адьюнкт кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Краснодарский университет МВД России

Клюев Александр Сергеевич, доктор философских наук, профессор кафедры музыкального воспитания и образования, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург

Колмакова Оксана Анатольевна, доктор филологических наук, доцент кафедры филологии и методики, Иркутский государственный университет

Коробейникова Екатерина Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой хорового дирижирования и сольного пения, Челябинский государственный институт культуры

Коршунова Виктория Максимовна, студентка, Курский государственный университет

Косташ Людмила Леонтиевна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода филологического факультета, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь

Кривошапова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь

Кульманова Нонна Галымовна, студент магистратуры, Челябинский государственный институт культуры

Кухта Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры белорусского и русского языков, Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Лазарева Татьяна Вячеславовна, кандидат искусствоведения, доцент Орловского государственного института культуры; старший научный сотрудник, Орловский музей изобразительных искусств

Ларина Полина Владимировна, научный сотрудник, Государственный ордена Почета музей А. М. Горького, г. Нижний Новгород

Лихолай Павел Викторович, студент магистратуры, Санкт-Петербургская духовная академия

Лихолетова Юлия Борисовна, преподаватель кафедры кино-, телеискусства, Луганская государственная академия культуры и искусства им. М. Матусовского

Логиновский Сергей Сергеевич, доктор философских наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Лойко Александр Иванович, доктор философских наук, профессор кафедры «Философские учения», Белорусский национальный технический университет, г. Минск

Лойко Лариса Егоровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и идеологической работы, Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск

Лукманов Айрат Хусаинович, доктор исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», г. Москва

Лунёв Роман Сергеевич, преподаватель историко-философских дисциплин и права, Академия управления городской средой, градостроительства и печати, г. Санкт-Петербург

Макарчук Иван Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры философии, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Малина Алексей Валентинович, студент магистратуры, Санкт-Петербургская духовная академия

Маркова Ирина Ивановна, кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии, Воронежский государственный педагогический университет

Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, директор Института экономики, истории и права, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

Михин Артем Николаевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории, Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова

Морозова Ирина Николаевна, кандидат культурологии, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства факультета декоративно-прикладного творчества, Челябинский государственный институт культуры, межрегиональная просветительская общественная организация «Объединение православных учёных»

Мысовских Лев Олегович, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Немчинов Виктор Михайлович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела сравнительного культуроведения, Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва

Никольская Вероника Валерьевна, студентка, Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина, г. Москва

Олейникова Маргарита Викторовна, преподаватель кафедры театрального искусства, Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского

Павильч Александр Александрович, доктор культурологии, кафедра философии, Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Перерва Оксана Юрьевна, профессор кафедры народного хорового пения, Челябинский государственный институт культуры

Предеина Татьяна Борисовна, кандидат искусствоведения, профессор кафедры искусства балетмейстера, Челябинский государственный институт культуры

Пчелкина Светлана Юрьевна, кандидат философских наук, доцент, департамент философии и религиоведения, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

Розина Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени, Государственный университет просвещения, г. Москва; межрегиональная просветительская общественная организация «Объединение православных учёных»

Рудавина Татьяна Анатольевна, сотрудник отдела Губкинской епархии по взаимодействию Церкви с обществом и СМИ, г. Белгород

Сагатчук Светлана Петровна, кандидат философских наук, доцент, Центр культуры и творчества «Родники», г. Волоколамск

Севостьянова Анастасия Евгеньевна, студентка, Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка», г. Самара

Симашенков Павел Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка», г. Самара

Синёва Валентина Андреевна, методист, Областной Центр дополнительного образования детей, г. Челябинск

Сироткина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, доцент кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет

Скорик Диана Александровна, студентка, Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, г. Биробиджан

Соковиков Сергей Степанович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии и культурологии, Челябинский государственный институт культуры

Соловьев Владимир Михайлович, доктор исторических наук, профессор, аффилированный сотрудник Социологического института РАН, г. Москва

Стрелкова Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, преподаватель Международного медицинского института, Курский государственный медицинский университет

Стрельцова Любовь Николаевна, доцент кафедры хорового дирижирования и сольного пения, Челябинский государственный институт культуры

Сулимов Станислав Игоревич, доктор философских наук, доцент кафедры истории философии и культуры, Воронежский государственный университет; межрегиональная просветительская общественная организация «Объединение православных учёных»

Суровцева Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Талыкова Марина Ильинична, кандидат медицинских наук, ассистент кафедры пропедевтики внутренних болезней, Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко

Тейкин Михаил Спартакович, кандидат филологических наук, начальник отдела договорной работы и имущественных правоотношений, АО «Сусуманзолото», г. Магадан

Терских Анастасия Петровна, кандидат фармакологических наук, доцент кафедры фармацевтической химии и фармацевтической технологии, Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко

Титова Владислава Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры театрального искусства, Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского

Тихон (Киреев Глеб Денисович), иеромонах, студент магистратуры, Санкт-Петербургская духовная академия

Тищенко Алексей Сергеевич, аспирант, кафедра теории и истории мировой литературы, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет; инженер-исследователь, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону

Ткачук Ирина Борисовна, аспирант, кафедра философии и культурологии, Челябинский государственный институт культуры

Третьякова Кристина Александровна, руководитель центра, заведующая учебной частью, Тайчжоу корпорация культурного развития «Софи», центр китайской и русской культуры (Китай, г. Тайчжоу)

Ульянова Людмила Владимировна, доктор медицинских наук, профессор кафедры факультетской и паллиативной педиатрии, Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко

Унрау Виталий Владимирович, старший преподаватель кафедры зарубежного регионоведения, политологии и восточной философии, Челябинский государственный университет

Усанова Ольга Григорьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры литературы, русского и иностранных языков, Челябинский государственный институт культуры

Ухатюк Юрий Игоревич, студент, Санкт-Петербургский государственный университет

Филитова Ольга Николаевна, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, Дальневосточный государственный аграрный университет

Фирстова Елена Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей педагогики, Воронежский государственный педагогический университет

Хмелёва Анна Павловна, кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой музыкального образования, Челябинский государственный институт культуры

Цепелева Надежда Валерьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Новосибирский государственный медицинский университет

Черных Владимир Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории, Воронежский государственный университет инженерных технологий

Черных Ольга Николаевна, педагог-психолог, кандидат технических наук, детский сад № 125, г. Воронеж

Чумакова Татьяна Витаутасовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения, Санкт-Петербургский государственный университет

Шалимов Игорь Валерьевич, старший преподаватель кафедры экономической теории, регионалистики и правового регулирования экономики, Курская академия государственной и муниципальной службы

Ширяева Ольга Федоровна, кандидат искусствоведения, доцент, зав. кафедрой истории и теории музыки, Челябинский государственный институт культуры, член Союза композиторов России

Шулежкова Светлана Григорьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова

Яхнина Юлия Семеновна, зав. абонементом, Детская библиотека № 3 им. Василия Кузнецова, г. Челябинск

ISBN 978-5-94839-833-4